томская классика

Виктор Колупаев

Виктор Колупаев
томская классика
IX

С ДНЕМ ЗНАНИЙ!
С нашим общим праздником

ТОМСКАЯ
КЛАССИКА

Виктор Колупаев

Избранное

Томск–2014

УДК 821.161.1-32 Автор
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Виктор Колупаев. Избранное. Книжная серия «Томская классика» — Томск:, 2014. — 440 с. Составитель О. В. Колупаева.

Книжная серия «Томская классика»
выходит при поддержке губернатора Томской области
Сергея Анатольевича Жвачкина

Томская писательская организация благодарит
руководителей ООО «Межениновская птицефабрика»
Андрея Андреевича Чуркина,
Леонида Викторовича Ющенко,
Владимира Николаевича Хорошилова,
Фёдора Николаевича Халецкого
за финансирование издательского проекта
«Томская классика»

В этом томе впервые публикуется полный авторский текст повести «Фирменный поезд „Фомич“».

ISBN 5-902350-01-8
ISBN 5-902350-10-7

© О. В. Колупаева: составление, 2014
© Томская писательская организация: переиздание, 2014

Фирменный поезд «Фомич»

1

В город Фомск меня привела служебная командировка. Я согласовал в НИИ Теории Вероятностей ряд вопросов на новый прибор, побродил по Сиреневому саду и Тополиному бульвару, полюбовался кружевами старинной деревянной архитектуры. В общем, из отведённых мне пяти дней я за три сделал всё, что нужно, и с лёгким сердцем отправился в городскую кассу за авиабилетом. Билетов на Марград на ближайшие две недели не оказалось. Конечно, я растяпа! Ведь это можно было предусмотреть ещё в Марграде и купить билет сразу «туда» и «обратно»! На всякий случай я ринулся в аэропорт. Но билетов не оказалось и там. Да ещё Марград не принимал самолёты из-за затяжной грозы и «утренний рейс» тоскливо сидел на своих чемоданах.

И, как всегда бывает со мной в таких случаях, я начал убеждать себя и довольно скоро убедил, что мне просто здорово повезло. Купил бы билет на самолёт, а потом сидел день, ждал. Чего проще — поеду на поезде. В запасе у меня два дня, да ещё суббота и воскресенье. Хочешь — спи, хочешь — читай или сиди в вагоне-ресторане.

Вид железнодорожного вокзала отрезвил меня не сразу. Я ещё довольно долго толкался по залам ожидания и возле касс, пока пришёл к мысли, что достать билет на поезд ничуть не легче, чем на самолёт.

Из Фомска в Марград ходило два поезда: один обычный — ежедневно, второй фирменный — только по чётным числам. Сегодня же, как назло, было тридцать первое июля. А завтра — первое августа. Таким образом, одно чётное число сгинуло. Мне это показалось нечестным, да, наверное, и не только мне, потому что по радио вдруг объявили, что фирменный поезд «Фомич» между тридцать первым июля и первым августа всё-таки отправится, а именно в 00 часов 00 минут по местному времени.

О том, как я приобрёл билет, рассказывать не имеет смысла. Приобрёл и всё! Жаль вот только, что мне сломали электробритву, которая лежала в портфеле. Но это уже су-

щие пустяки. Настроение у меня было бодрое, всё мне нравилось — и сам город Фомск, и название фирменного поезда — «Фомич». Мне нравилось даже то, что он отходил в 00 часов 00 минут.

2

В половине двенадцатого перрон вокзала был запружен людьми, отъезжающими и провожающими. Раздавались гудки маневровых паровозов. С привокзальной площади тянуло пылью. Лучи прожекторов и фонарей освещали гудящую толпу. Кого тут только не было! Мамаши с детьми, стремящиеся на берега Марградского моря, чтобы просолиться и загореть. Студенты строительного отряда с рюкзаками, в зелёных видавших виды форменных костюмах с нашивками на рукавах и штанинах. Две гитары выдавали ритм, а студенты пели. Сам я уже давно не пел этих песен, да многих просто и не знал... Поезд ожидали старушки, едущие в гости к детям. Мужчины с портфелями — эти в Старотайгинск в командировку, и с чемоданами и сетками — эти дальше: на Урал, в Москву, Ленинград, на Волгу, в Прибалтику, но уже отдыхать, осмотреть исторические и архитектурные памятники, продегустировать местные вина.

Впрочем, я редко бывал на железнодорожных вокзалах, да и психологической проницательностью никогда не отличался.

Провожающие стояли с цветами, чтобы в последний момент вручить их отъезжающим, а уж те потом пусть думают, что с ними делать в вагоне. Были и одиночки вроде меня. Или пары. Ну, тем-то и не нужны были никакие провожающие.

Сквозь свет фонарей и пыль тускло просвечивали звёзды.

Я выбрал место, где, по моему мнению, должен был остановиться шестой вагон. Я не волновался и был готов к посадке на поезд.

И вот дикторша вокзала объявила, что к станции прибывает фирменный поезд «Фомич». Слева показались огни электровоза. Протяжный предупредительный гудок — и передо мной замелькали вагоны. Номера первого из них я не успел заметить, но потом опомнился: шестнадцатый, пятнадцатый... Что же это? Почему они в обратном порядке? Сюрприз какой-то!

Толпа пошла водоворотами. Я рванулся в хвост поезда, и тут мне стало стыдно. Да зачем же я это? Ведь посадка будет длиться двадцать минут. Сто раз успеть можно... И я пошёл

спокойно. Вот и шестой вагон. Без толкучки всё-таки нельзя, так всегда полагают пассажиры. Толкались и здесь, но умеренно. Я стал в конец очереди и начал продвигаться вперёд малюсенькими шажками.

— Граждане! — мощным голосом крикнула проводница. — Приготовьте билеты!

Никто вроде бы и не пытался пролезть без билетов. Да и поди разбери, если один уезжает, а трое провожают. Запросто хоть один может залезть под нижнюю полку.

Меня толкнули в спину, но не настолько, чтобы я упал.

— Извините...

Я оглянулся. Передо мной стоял мужчина лет сорока в отличном сером костюме, белой рубашке и голубоватом галстуке. В одной руке он держал портфель, в другой — новенький кожаный чемоданчик. Мужчина явно от чего-то страдал. Уж очень мученическое у него было выражение лица.

— Извините... Год, число, месяц?

— Тридцать первое июля... почти первое августа уже... тысяча девятьсот семьдесят пятого года, — ответил я и уточнил: — от Рождества Христова. А что? У вас на другое число?

— На это именно число. — Человек, кажется, приходил в себя. — Совпало.

Я что-то промычал в ответ и продвинулся вперёд ещё на полшага.

— Реальность та самая? — спросил мужчина в сером.

— Реальность как реальность. Самая что ни на есть реальная.

— Ах, да... Этого же никто не может знать.

— Граждане! Приготовьте билеты!

За мной двигалось человек десять. Перрон заметно пустел. Я отдал свой билет проводнице.

3

Моё путешествие началось.

— Простите... — Это я нечаянно пнул чей-то чемодан, потом, выдохнув воздух, протиснулся между стеной и чьей-то могучей спиной, перешагнул через человека, зачем-то засунувшего голову под боковое сидение. Искал он, что ли, там что? Ещё усилие. А это уже выходили провожающие. Пришлось втиснуться в чьё-то купе и пропустить встречный поток. Теперь снова вперёд, а сзади все напирают. Да... Тут не стометровка, и даже не бег с препятствиями. Наконец я добрался до своей полки. В купе, если его только можно так на-

звать, было жарко и пахло смолой. Запах исходил от сосновой ветки, стоящей в графине с водой на столике в четырёхместном отделении. Я забросил портфель на свою полку, верхнюю боковую, снял пиджак, который мне сегодня изрядно надоел, отёр пот со лба.

В купе уже находилась молодая супружеская чета. Он нежно называл её — Тосик, она его весело — Сёмка. Они забросили вещи на полки и начали целоваться. Я сделал шаг назад. Чемоданов в проходе уже не было. Зачем мешать людям? Пусть на прощание нацелуются. Мужчина, который нечаянно толкнул меня в спину на перроне, протиснулся мимо меня и сел на боковое сидение. Сосед, значит. Чемоданчик он поставил на столик, а портфель — себе на колени.

Из вагона уже началось массовое бегство провожающих, а эти двое в моём купе всё никак не могли расстаться. Вежливость вежливостью, но и занимать чужое купе я тоже не мог. Я прошёл в своё, и посторонился, чтобы людям было удобнее выходить. Господи! Эти двое уже ели! И графин с сосновой веткой стоял на верхней полке. Проследив мой взгляд, молодой человек сказал:

— Не беспокойтесь, пожалуйста. Он не упадёт. Я его чемоданами заставил.

— Ой, что это мы всё заняли, — заволновалась Тося.

— Да что вы, — сказал я. — Моя полка вот, верхняя боковая. — Я посмотрел на часы. — Две минуты до отхода, а двоих пассажиров что-то ещё нет.

— Придут, — убеждённо сказал Семён. — Раз деньги плочены, значит, придут.

— Садитесь с нами ужинать, — предложила Тося.

Оказывается, они не провожали друг друга, а ехали оба.

— Спасибо, я только что из ресторана.

— Фомский ресторан! — завопил Семён. — Да после него только ещё больше есть хочется. Садитесь. Я сейчас чай организую.

В вагоне было душно. Где-то через купе или два плакал ребёнок.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, — попытался отговориться я, но было уже поздно.

Семён сорвался с места и убежал за чаем, а какой сейчас мог быть чай? Поезд-то ещё стоял! Тося вручила мне ломоть хлеба с маслом и домашней ветчиной. А впереди, судя по столу, предполагалась обязательная в таких случаях варёная курица, колбаса, огурцы, помидоры, котлеты и что-то там ещё.

Поезд тронулся и начал набирать скорость.

— Ну вот, — сказал я. — Так и есть. Двое всё-таки опоздали.

— Ой, что вы! — радостно воскликнула Тося.

На перроне послышались крики:

— Давай! Подсаживай! Стоп-кран!

Я попытался заглянуть в окно, но, во-первых, мне мешал бутерброд, а во-вторых, в темноте и мелькании полос света ничего нельзя было разобрать. В тамбуре вагона что-то происходило. Голоса, милый смех, возгласы: «Что вы! Что вы!». Ясно. Кто-то успел заскочить на ходу. Акробат какой нашёлся! В коридор из тамбура просунулся чемодан, потом голова старушки в цветастом платке, затем сама старушка. Во второй руке у неё был ещё один чемодан, а за плечами огромный рюкзак, который очень аккуратно и естественно застрял в проёме. Несколько голов выглянуло в коридор, какой-то молодой парень рысью бросился к старушке на помощь. Я положил на стол нисколько, кажется, не уменьшившийся бутерброд и тоже ринулся к выходу.

— Голубчик, — сказала бабуся парню. — Да ты поднимешь ли чемодан?

— Ничего, не такие поднимали, — ответил парень, взял чемодан из руки старушки в свою и тут же брякнул его на пол.

— Ого! — сказал он. — Однако!

— Да сама я, голубчик, сама. Рюкзак бы кто протолкнул.

— Давайте я. — Парень потеснился, но мне лишь с трудом удалось оторвать чемодан от пола.

Это уже был конфуз! Я рванул ещё раз, мне удалось перебросить тяжелющий чемодан через порожек. И тут, отбросив всякий ложный стыд, мы потащили чемодан вдвоём, обивая им ноги и стукаясь локтями о перегородки между купе.

— Восемнадцатое место, — подсказала старушка.

Ясно. Это наше купе. Теперь бы саму бабусю как выручить. Парень оказался сообразительнее меня.

— Мамаша, бросайте чемодан и вылезайте из лямок рюкзака. Сможете?

— Смогу, голубчик, смогу.

Рюкзак так и остался висеть на высоте метра, зажатый с двух сторон стойками двери. Где-то в тамбуре гневалась проводница:

— Мне постели готовить надо. Ишь расположились! Очищайте помещение!

— Сейчас, милая, сейчас. — Старушка схватила чемодан и бодро засеменила по коридору.

А парень и я воевали с рюкзаком. И помощь проводницы, отрезанной от вверенного ей мира, оказалась весьма кстати.

— Ишь! На ходу прыгают со своими чемоданами и рюкзаками! Лодыри! — облегчила свою душу проводница нам вослед.

— На верхнюю-то полку — обломится, — предостерегла старушка.

Это и так было понятно. Поднатужившись, мы всё с тем же парнем пристроили чемоданы и рюкзак. И второй чемодан был ничуть не легче первого. А ведь эта бабуся с двумя, да ещё с рюкзаком, да ещё и на ходу запрыгнула в поезд. У меня аж в голове зашумело.

— Спасибо, голубчики, вот спасибо! Дай вам Бог хороших невест!

— Даст, как же, — не поверил парень и пошёл в своё купе.

Я кивнул и шумно старался привести в норму дыхание.

— Кладбище проезжаем, — сказал кто-то в соседнем купе.

— Это мемориальное кладбище, — пояснил другой.

— Везёт же людям, лежат себе на мемориальном, не то что мы.

— О-хо-хо, ни на каком бы не лежать...

— Может, пульку распишем?

— Идея!

4

Старушка, ничуть не уставшая, сидела на левой нижней полке. Я было хотел сесть на своё законное место, но Тося перехватила моё движение.

— Ох, а ветчину-то вы так и не попробовали.

— Да, да, спасибо. — Я взял кусок и сел на правую полку. Старушка была тоже приглашена к столу, и не отказалась.

— У меня мама в Фомске живёт, — пояснила Тося. — Домашнее-то ведь вкуснее. Правда?

Это был провокационный вопрос. Я бездумно согласился, и тут же понял, что теперь буду есть, пока это занятие не надоест самим молодожёнам и они не начнут укладываться спать.

— А тот товарищ, — обратилась ко мне Тося. — Эй, товарищ! — Это уже относилось к гражданину в сером. — Подсаживайтесь, пожалуйста, откушать. Всё домашнее.

— А? Что? — очнулся гражданин.

— Садитесь сюда поближе, кушать.

— Год, число, месяц? — отрывисто спросил гражданин.

— Теперь уже первое августа тысяча девятьсот семьдесят пятого года, — ответил я. — Вы уже спрашивали.

— А реальность та самая?

— Самая что ни на есть та.

— Благодарю вас. — И гражданин снова погрузился в глубокие раздумья — или сон — понять это было трудно. На предложения Тоси он больше не реагировал.

Бабуся чувствовала себя за столом совершенно свободно, ловко чистила жирную колбасу, раздирала курицу. Пассажиры вагона помаленьку осваивались с новым житьём-бытьём. Кто-то шёл к титану за стаканом воды, кто-то рвался в туалет, но тот ещё был закрыт. В первом купе грянули «Ревела буря», а в последнем — «БАМ». Прошла женщина с детским ночным горшком. Где-то гремели рассыпавшимися шахматами. Кто-то спрашивал: «Штопор?» — «Да не штопор, а открывалку. Консервы открыть». — «Значит, штопор» — удовлетворённо заключил первый голос. Вагон начинал жить своей обыкновенной жизнью. А время-то уже перевалило за полночь.

— Приготовьте по рублю, — громогласно объявила проводница. — Постельного белья на всех не хватит. Только двадцать пять комплектов. Детям и престарелым.

— Как это? Как это? — заволновались в вагоне.

— Да вы что?!

— Что за шутки?!

— Ведь двое с лишним суток ехать!

— Кому не нравится, может ехать другим поездом.

Я задрал голову и посмотрел на сосновую веточку. Простыни и наволочки мне не видать. Я уже вышел из одного привилегированного возраста, но ещё не вошёл в другой.

— Гражданочка, позвольте, позвольте, у меня двое детей! Мне два комплекта! — волновался лысоватый пассажир.

— Где у вас двое детей? — язвительно спросила проводница. Так она и поверила, что у этого сморчка могут быть двое детей!

— Вон, в предпоследнем купе.

— Что-то я не замечала, чтобы там были дети.

— Как же, как же. Двое и есть. Дети.

— Посмотрим. Не беспокойтесь. Если дети, то обеспечим.

— Но ведь может не хватить. Предпоследнее купе, так сказать, а не первое.

— Вам, гражданочка. — Проводница бросила пачку постельного белья и полотенце старушке. — Детей нету?

— Нет, — сказал я.

— Не надо мне, голубушка, постели, — сказала старушка. — Мне в Старотайгинске выходить. Посижу и так.

— Не хотите — как хотите, — сказала проводница и быстро схватила комплект постельных принадлежностей.

— А, — махнула рукой Тося. — Мне Сёмка всё равно достанет.

Я хотел было сказать, что его что-то долго нет, но раз Тося не беспокоилась, нечего было волноваться и мне. В предпоследнем купе загремело:

— Какие это дети?! Какие это дети?!

— Дети и есть. Как же? У меня и документы...

— Какие это дети?! Что вы мне говорите?!

— Акселерация... Никто не виноват. Акселерация. Но всё же дети.

— Один комплект. Рупь.

— Да ведь двое...

— Один. Платите, иначе и этот отберу.

В первом купе пели уже украинскую песню. А в последнем продолжали из цикла о БАМе. Проводница прошла по коридору к своему служебному купе.

— Песни петь прекратите! — приказала она любителям народных песен.

— Мамаша, мы, можно сказать, тихонечко.

— Прекратите! А то в Кедрачах ссажу.

— А тем так можно?

— Можно. Они общественно-полезные песни поют.

В купе ещё немного попрепирались, но затихли.

Где-то девочка громко требовала рассказать ей сказку.

5

В коридоре у титана послышался звон стаканов, он всё приближался.

— Сёмка... — начала было Тося и осеклась.

В проёме коридора стоял крупный представительный мужчина с портфелем в руке. Головой он загораживал плафон и поэтому казалось, что из его головы исходят лучи. Он был похож на Бога, только в велюровой шляпе. И это в тридцатиградусную-то жару!

— Будьте любезны, — сказал мужчина и вошёл в купе. Вместе с ним в купе вошло что-то необычное и таинственное. Я это чувствовал. И Тося, наверное, чувствовала, потому что забыла закрыть свой прелестный ротик и только испуганно хлопала ресницами. И бабуся заметила нового пассажира, глаза её радостно расширились, она словно знакомого встретила. Кто её знает? Может, он ей сына напомнил.

И только пассажир в сером сидел всё так же безучастно, думал или уже спал, не поймёшь.

Гражданин в велюровой шляпе продвинулся на шаг вперёд. В проёме появился Семён. Он тоже был — весь нервное

напряжение. Даже стаканы позвякивали на подносе не в такт колёсам вагона. А было их, стаканов, не пять, а шесть. Значит, Семён заметил шестого пассажира, ещё наливая чай.

— Будьте любезны, — сказал мужчина и снял шляпу, а пальто снимать не стал.

Бог ты мой! Он ведь был ещё и в пальто!

— Вот, — пробормотал Семён, боком входя в купе. — Чаёк, так сказать. Не откажите... за компанию... как положено.

— Будьте любезны, — в третий раз сказал пассажир и протянул руку за курицей. Рука его на мгновение задержалась, и о столик стукнула бутылка коньяку. Бутылка была литровая. На этикетке аист нёс в клюве виноградную гроздь. И ещё на ней значилось: 0,5 л. Но бутылка была литровая, это точно. Рука пассажира чуть продвинулась вперёд, и о столик дзинькнули шесть серебряных рюмок. Рука вернулась назад. Пассажир вовсе и не собирался брать курицу.

Все молчали. Мужчина — величественно, мы — настороженно.

— Обыкновеннов, — наконец нарушил тишину, относительную, конечно, только по сравнению с другими купе, шестой пассажир.

— Тося, — сделала попытку приподняться молодая женщина.

— Семён К-кирсанов, — представился её муж.

— Бабуся я, и всё тут, — сказала старушка.

— Мальцев, — сказал я.

— Ради Бога — год, число, месяц?! — взмолился пассажир в сером костюме.

— Реальность нормальная, — уже привычно ответил я.

Пассажир увидел бутылку с коньяком и, кажется, наконец, уверовал, что реальность действительно вполне нормальная.

— Очень, очень благодарю вас.

Тося расчистила место на столике, чтобы можно было поставить стаканы с чаем. Семён мигом утащил пустой поднос и вернулся. Мы сидели и молчали, а поезд мерно и усыпляюще постукивал колёсами.

6

— Будьте любезны, — в какой уже раз сказал пассажир Обыкновеннов и протянул руку за рюмкой. Она была полна. Да и пять других — тоже. Я и не заметил, когда он это успел проделать.

— За знакомство, так сказать, — поддержал Семён.

— Вы кушайте, пожалуйста, — сказала Тося. — Это всё домашнее, деревенское.

Гражданин в сером повёл носом, как английский сеттер. Движение было недвусмысленным, я нагнулся и передал ему маленькое серебряное чудо, полное до краёв. Старушка с чувством нюхала коньяк. Пассажир Обыкновеннов держал рюмку в руке и смотрел на неё добродушно, но с достоинством. Отказываться было неудобно, да, по правде говоря, и не хотелось.

А через несколько минут нас уже не надо было уговаривать есть. Мы разговорились. Я рассказал о командировке. Семён и Тося, оказывается, ехали в Усть-Манск к матери Семёна. Бабуся направлялась в Старотайгинск к внуку. Таинственный пассажир в пальто и велюровой шляпе должен был сойти в Петухово, но мне, не местному жителю, название этой станции мало что говорило. Гражданин в сером только старательно пил коньяк и ни с кем не разговаривал.

Я уже отмечал, что вместе с шестым пассажиром в купе вошло что-то таинственное. Я, Семён, а особенно Тося, нет-нет да и бросали украдкой на него выжидающие взгляды, словно полагая, что сейчас произойдёт что-то необычное. Сами того не замечая, мы подогревали в себе интерес к нему, сами взвинчивали себя, начиная, словно бы невзначай, рассказывать страшные истории. Бутылка ходила по кругу, но почему-то не пустела.

Тося рассказала про петуха, который у них в деревне кричал человеческим голосом. Семён поклялся, что у него с крючка однажды сорвался «вот та-а-а-кой» карась и ушёл в глубь озера, ехидно помахивая при этом плавниками. Я рассказал про своего сослуживца, который сам — заметьте! никто его не заставлял — написал заявление о понижении в должности. Бабуся ежеминутно повторяла: «Ах, голубчики! Голубчики вы мои!». Гражданин в сером на мгновение оживал только когда чувствовал в своих руках потяжелевшую рюмку. Пассажир Обыкновеннов слушал нас внимательно, и даже сам рассказал историю про Змея-Горыныча. Но Тося заметила:

— А-а... Ведь это сказка! — и засмеялась.

Мы по очереди поделились ещё несколькими историями, вспомнили летающие тарелки, гигантских кальмаров и скорое наступление коммунизма в отдельно взятой стране. Семён привстал и, хитро изогнувшись, достал из чемодана книгу «Внеземные цивилизации».

— Вот, — сказал он. — В букинистическом купил. Ценная книга.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался пассажир Обыкновеннов. — Про Ыбрыгым ничего нет?

— Про, извиняюсь, что? — переспросил Семён.

— Похоже, что нет, — сам себе ответил шестой пассажир, быстро перелистав страницы. — Цивилизация такая есть. — Это сообщение уже предназначалось нам.

— В Атлантиде? — спросила Тося.

— Почему это обязательно в Атлантиде? — слегка обиделся товарищ Обыкновеннов. — Чуть что — сразу в Атлантиде! Нет, нет. Так называлась планета.

Мы машинально пропустили последнюю фразу мимо ушей, и Тося даже сказала:

— Про цивилизации сейчас пишут много.

И тут до нас дошёл смысл последней фразы шестого пассажира. Мы посмотрели друг на друга, огорошенные до чрезвычайности.

— Вы... вы пришелец? — приподнимаясь с полки, спросил Семён. Голос его дрожал. Но даже дрожь не могла заглушить восторга, с которым он произнёс эти слова.

— Господи... — сказала Тося.

— Голубчик ты мой, — улыбнулась старушка.

— Да, — подтвердил пассажир Обыкновеннов. — Будьте любезны.

Вот так иногда просто и тихо необычное входит в нашу жизнь.

По лицу Семёна и Тоси было видно, что они поверили таинственному пассажиру сразу, окончательно и бесповоротно. Я предполагаю, что они давно этого ждали. Должен был, должен встретиться пришелец на их дороге!

Неужели мир так тесен? И стоит только сесть в фирменный поезд, как тут же встретишь пришельца...

Я бы и сам поверил, но меня сбивала с толку обыденность обстановки. Вот так, в плацкартном вагоне, пусть и фирменного поезда, встретить пришельца с другой планеты? Да что у него, занятия, что ли, другого не найдётся?

— Почему не найдётся? — словно прочитав мои мысли, сказал пассажир Обыкновеннов. — Сейчас у меня с временем действительно туговато. Диссертацию пишу. Да вот надо съездить к петуховским ребятишкам. Вы знаете, — пришелец вдруг сделал огорчённое лицо, — не так просто сейчас на Земле защитить диссертацию. То ВАК реорганизуют, а сколько это времени протянется? То отзывы, то переплёт, то экспертная комиссия. А тут ещё в соавторы навязываются. Сейчас без солидного соавтора и статью в печать не протолкнёшь...

Чудеса!

Вообще-то вагон уже постепенно засыпал, общий свет в плафонах коридора был приглушён, в туалеты по обеим сторонам коридора стояли небольшие очереди, колёса стучали, нас покачивало, за окном чернела глубокая ночь.

Лишь шесть гуманоидов в нашем купе и не помышляли о сне. Да ещё несколько заглядывали из соседних. Но, впрочем, этих, может, больше интересовал коньяк.

— Расскажите, — попросили мы в один голос, ну разве что чуть-чуть вразнобой, так это от волнения.

— Будьте любезны, — ответил пришелец.

7

— Я не буду распространяться о нашей дорогой планете Ыбрыгым, — начал товарищ Обыкновеннов. — Это заняло бы слишком много времени, а я, в некотором смысле, спешу. Я не буду рассказывать и о первых тысячелетиях нашей деятельности на Земле. Я расскажу только о последних годах нашей экспедиции. Итак...

Это было давно...

Моё настоящее имя — Роз Щучь. Я был командиром космического лайнера класса «галактика — галактика». Экипаж корабля состоял из четырёхсот шестидесяти ыбрыгымцев. Из них триста сорок были «носителями истины». Наш космический корабль скрывался в небольшом кратере на обратной стороне Луны.

Роз Щучь горестно задумался, прикрыв глаза рукой...

— Кратко излагаю суть, — внезапно встрепенулся он через одну тягостную минуту. — Цивилизация на планете Земля, когда мы прибыли сюда, проходила первую стадию развития из тысячи ста трёх пройденных нашей родной планетой. Целью нашей экспедиции являлось ускорение развития земной цивилизации. Для этого мы высадили на Земле в различных пунктах и в различное время триста тридцать восемь носителей истины.

А что толку? Все наши попытки разбивались о непонятную логику землян. Носители истины гибли один за другим. Прекрасные дворцы и храмы превращались в руины. Проходили века и тысячелетия. И уже лишь два носителя истины оставалось в составе экспедиции. Мы долго думали, как использовать последний шанс. Куда высадить двух оставшихся носителей истины?

Греция, Рим, государство Маврикий, Соединённые Штаты Америки и прочие, и прочие из списка места высадки, как абсолютно бесперспективные для быстрого развития цивилизации, были исключены.

Оставалось одно: высаживаться в тридесятом царстве, тридевятом государстве.

Выбор пал на носителя истины по имени Е Мель. Второй — Ива Нушка — остался в запасе.

...Можете себе представить наше состояние? Шутка ли?! Ведь приоткрывалась завеса над одной из самых интересных тайн — пребывания пришельцев на Земле.

Даже я весь подался вперёд, забыв, что ещё совсем недавно скептически относился к этой гипотезе.

Пассажир Обыкновеннов, он же пришелец Роз Щучь, снова грустно прикрыл глаза рукой, затем вздохнул и вдохновенно заговорил:

— Красивый парень был этот Е Мель. Интеллектуал, умница. А уж не терялся в любой обстановке. Да, были ыбрыгымцы в наше время! Как сейчас помню, высадился Е Мель в тридесятом царстве, тридевятом государстве, закидал снегом и сучьями ракетоплан и поехал на вездеходе искать гостиницу. Но в тридесятом царстве всегда было туговато со свободными местами в гостиницах. То конференции, то слёты, то интуристы. В общем, оказалось, что это безнадёжное дело. Пришлось Е Мелю остановиться в избе у одного хромого старика. На другой день два сына старика уехали на базар, а бабы, невестки, стали посылать:

— Сходи, Е Мель, за водой.

Носитель истины срочно обдумывал на печи план дальнейших действий, и поэтому глубокомысленно ответил:

— Неохота.

— Сходи, Е Мель, а то братья с базара воротятся, информации не привезут.

— Ну ладно, — сказал Е Мель, вспомнив, что он должен сделать мне, Розу Щучу, командиру корабля, отчёт, слез с печки, обулся, оделся, взял вёдра, антигравитационные подкладки, плазменный резак, и пошёл на речку.

Прорезав лёд, он зачерпнул воды, поставил вёдра, а сам стал вызывать по рации ближнего действия робота-связиста. Робот, выполненный в виде средних размеров рыбины, появился в проруби. Е Мель вытащил его на лёд, нажал несколько кнопок и отчитался передо мной о событиях предыдущего дня. Затем он отпустил робота в прорубь, приклеил антигравитационные подкладки к днищам вёдер, а сам пошёл вслед за вёдрами.

Идут вёдра по деревне, народ дивится, а Е Мель идёт сзади, посмеивается. Зашли вёдра в избу и сами стали на лавку, а Е Мель полез на печку обдумывать способы ускорения развития земной цивилизации.

Прошло много ли, мало ли времени... Вездеход возил дрова из лесу. Энергороботы рубили эти дрова. Всё шло по заранее намеченному плану.

Но однажды произошёл непредвиденный случай. Вышла из строя система комплексного восприятия вездехода, и он помял много народу. Инцидент получил широкую огласку. Слухи дошли до царя, и Е Меля вызвали во дворец. Тут-то впервые и увидел Е Мель Марью-царевну. Он связался через рыбу-робота по радио с космическим лайнером и высказал мне новое, оригинальное решение проблемы. Нужно было сделать так, чтобы Марья-царевна полюбила носителя истины и вышла за него замуж. Царь ей даст в приданое полцарства. А став премьер-министром тридесятого государства, Е Мель путём рационального и гуманного законодательства ускорит развитие цивилизации на Земле.

Я немедленно поддержал это предложение.

Сказано — сделано!

— По щучьему веленью, по моему хотенью — пускай царская дочь меня полюбит, — сказал Е Мель.

И в тот же момент Марья-царевна полюбила носителя истины. Для ыбрыгымцев сотворить такое чудо было сущим пустяком. Да и писаным красавцем был этот Е Мель. Я ведь уже говорил.

Но не так-то просто было ускорить развитие земной цивилизации.

Ещё много раз Е Мелю приходилось обращаться ко мне за помощью, прежде чем царь сказал:

— Женись на моей дочери, Емелюшка. Бери царство, только не губи меня!

Тут устроили пир на весь мир, и Е Мель стал править царством.

...Казалось, что купе раскололось пополам, так все слушатели взорвались аплодисментами после слов, сказанных товарищем пришельцем.

— Слушайте, что произошло дальше... К великому моему отчаянию, Е Мель пристрастился к медовухе и пустил дело развития земной цивилизации на самотёк. Та же участь постигла и Ива Нушку.

Мы ошеломлённо молчали. Кто-то захрипел. Кто-то сжал кулаки. Кто-то всхлипнул.

Все мы сейчас тосковали о нашем несостоявшемся прекрасном и светлом прошлом, настоящем и будущем.

— Прошло несколько лет, — грустно продолжал пришелец. — Меня уже не страшило, что я скажу Высшему Совету. Все запасы энергии на корабле были израсходованы. Обратный путь отрезан. С тоской и печалью смотрел я на странную планету. Ускорить развитие земной цивилизации не удалось.

8

Настроение в купе было явно испорчено. Только откуда-то взявшаяся проводница вдруг прозрела и стала требовать:

— Где билет на девятнадцатое место? Кто его занимает?

— Да тише вы, — зашумели на неё.

— Пришелец, — пояснил Семён, который, судя по всему, был с проводницей уже в хороших отношениях.

— Я вижу, что пришелец, раз билета нету. Шляются тут всякие!

— Да есть у него билет! Есть!

— А раз есть, так пусть предъявит.

— Ну, минутку! Надо же дослушать. Садитесь, тётя Маша. — Семён уже звал проводницу по имени.

На полке потеснились, тётя Маша строго уселась, и, как мне показалось, вовсе не для того, чтобы выслушивать всякие бредни, а чтобы в нужное время «словить» безбилетника.

На протяжении всей этой дурацкой, мелочной перепалки пришелец сохранял презрительное достоинство. Оно и понятно: пришелец — и какая-то проводница.

— Продолжайте, товарищ Обыкновеннов, — попросила Тося.

— Какие у вас дети! — неожиданно проникновенным голосом сказал пришелец. У нас даже настроение мгновенно повысилось. Может, ещё не всё потеряно? — Какие дети! Это они, ребятишки средней группы Петуховского детского дома, прибывшие на вечернюю прогулку на Луну, под метровым слоем космической пыли обнаружили наш эсктралайнер. Мы остались на Земле. Я сейчас работаю в Фомском университете и пишу диссертацию на тему: «К вопросу об одном возможном истоке народной сказки об Емелюшке-дурачке».

Всё это было здорово!

— А билет? — спросила проводница.

Пришелец молча достал из велюровой шляпы билет и протянул его назойливой женщине.

— Так у вас же до Петухово?! — изумилась тётя Маша.

— Совершенно верно. Будьте любезны!

— А Петухово совсем в другую сторону. Вам же на Усино надо!

— Мне всё равно, в какую сторону, лишь бы в Петухово.

— Э-э, шалишь, гражданин. Вроде бы ты и без билета оказался. Зайцем едешь.

Пришелец водрузил на голову велюровую шляпу и встал. И даже темнее от этого стало в купе.

— Сами штраф заплотите или милицию вызывать? — ехидно поинтересовалась тётя Маша.

— Будьте любезны, — сказал товарищ Обыкновеннов, и шагнул куда-то прямо в столик, в стену, в окно.

Мало сказать, что все поразевали рты от удивления, таинственности и необычности. Тётю Машу даже журить не стали за содеянное. Она сама ушла, громко заявив:

— Пойду приглашу начальника поезда. Пусть сам разбирается. — Но даже не вышла в тамбур, а сразу же заперлась в своём служебном купе.

Всё было очень и очень убедительно. Меня смущало только одно обстоятельство. Ведь шёл всего лишь 1975 год, и я что-то не слышал о детских экскурсиях на Луну. Впрочем, ведь пришелец мог просто пропутешествовать во времени.

Да-а... Странные иногда бывают встречи в фирменных поездах...

9

Таинственный пришелец — да разве они могут быть не таинственными? — исчез, оставив после себя приятное ощущение чуда. Несколько минут все ещё сидели, ошеломлённо перебрасываясь незначительными фразами, потом начали готовиться ко сну. У нас наверняка произошло, как говорят в биологии, запредельное торможение. Те, кто стояли, заглядывая к нам в купе, тоже бесшумно разошлись.

Семён Кирсанов встал, чтобы приготовить постель себе и жене. И под ним, к радости Тоси, оказался комплект постельного белья, чистого и тёплого, нагретого любящим телом Семёна. Кирсанов предложил одну простыню бабусе, но та отказалась, так как ей рано утром, всего через каких-нибудь три-четыре часа, нужно было выходить в Старотайгинске. Семён достал Тосе халатик, а я встал и пошёл в тамбур, тот, дальний, чтобы покурить и привести себя в состояние, при котором мне удалось бы заснуть.

Вагон спал. С полок то там, то здесь свешивались руки и ноги, в одном купе раздавался приглушённый храп, но, слава Богу, из моего его не было слышно. Лампы в потолке коридора едва светились, как и положено им светиться ночью. В последнем купе ехали студенты. На верхней полке лежала девушка с открытыми глазами и что-то чертила указательным пальцем на багажной.

Я вышел в тамбур и закурил. Колёса стучали сейчас для меня ничуть не успокаивающе, а словно бы предупреждающе. Но это было просто ощущение, неясное и, наверное, просто вызванное предыдущими событиями. К тому же и сту-

чали они здесь, в тамбуре, гораздо громче, чем в вагоне. За стеклом иногда проносились какие-то тёмные строения, угадать которые помогал шум воздуха, зажатого между ними и поездом и стремившегося найти себе хоть какой-нибудь выход. Темнота укутывала Сибирь.

Я попробовал было разобраться во всей этой истории, но у меня ничего не вышло, эмоции пока подавляли сознание. Я докурил сигарету, тряхнул пару раз головой и снова вошёл в коридор. Возле мусорного ящика у окна стояла Тося в коротеньком халатике и тапочках. На бровях у неё застыли капельки воды после умывания, в руках она держала полотенце. Вид у неё был мечтательный.

— Ах, я теперь совсем не смогу заснуть, — сказала она.

— Ничего. Этот стук колёс здорово убаюкивает.

— Очень прелестный был этот пришелец Обыкновеннов, правда?

— Да. Джентльмен.

В коридоре показался обеспокоенный Семён.

— Ах, я пошла, — сказала Тося и упорхнула.

Из деликатности я ещё минут пять постоял у окна, потом вернулся в своё купе. Семён подталкивал под матрас углы Тосиной простыни, чтобы нигде не дуло и вообще было уютно и навевало сон. Потом он сам устремился в туалет и вернулся оттуда уже переодетый в трико, ловко вскочил на свою полку и завернулся в одеяло. Тося лежала на правой нижней полке.

Я развернул свой матрас, положил в головы подушку, постелил поверх всего одеяло. Спать не хотелось, и я просто решил полежать немного, не раздеваясь. Бабуся всё сидела, маленькая, прямая и доброжелательная. Гражданин в сером теперь уже точно спал, — так я решил, хотя по-прежнему не смог бы определить, думает он или действительно спит. И вот когда я всё же решил, что он спит, гражданин, не открывая глаз, спросил:

— Год, число, месяц?

— Всё то же, — ответил я. — Может, вы хотите прилечь? Убрать ваш чемодан на полку?

— А наша реальность всё же лучше, — сказал он.

Несколько минут он молчал, и я, решившись, убрал его чемодан на багажную полку. Чемодан тоже был довольно увесистый. В вагоне было душно, а вентилятор не работал. Лезть на свою полку я передумал, и сел на боковое сидение лицом по ходу поезда. Тося уже уснула, разметав обнажённые пухленькие руки. Семён во сне свистел носом. Бабуся заёрзала и придвинулась ближе ко мне на своей полке. Я оглянулся. Бабуся манила меня пальцем.

— Что? — спросил я и повернулся, перегородив ногами коридор.

Бабуся села на самый край скамьи и заговорщицки подмигнула мне. На ней было цветастое платье из ситца — только сейчас я на это обратил внимание. На голове платок с ромашками, из-под которого выбивались совершенно седые волосы. Ноги, не достающие до полу, обуты в разношенные чёрные туфли на низком каблуке.

— Сколько тебе лет, голубчик? — спросила бабуся.

— Двадцать семь, — шёпотом ответил я. Возможность предстоящего разговора меня даже обрадовала. Сто пятьдесят граммов коньяку, да ещё с такой обильной закуской, не подействовали на меня усыпляюще. Конечно, если бы ещё стаканчика полтора, то я бы уснул как убитый. Да где же его возьмёшь? А впрочем, и не хотелось. Что-то мне подсказывало, что необходимо оставаться трезвым. Да я и был совершенно трезв.

— А мне, голубчик, восемьдесят.

— Бывает, — сказал я. — Я вам помогу в Старотайгинске выйти. Вас кто-нибудь встречает?

— Внучек, если не проспит.

— Ох, — сказал я. — А чемодан-то мы из-под Тосиной полки не вытащили. Придётся будить её.

Старушка помолчала, раздумывая.

— Может, и не придётся.

— А как же чемодан?

— Возьму и оставлю, — вдруг рассердилась бабуся.

— Но как же можно? Что, его потом досылать вам? Разбудим Тосю, что же теперь делать! Всякое бывает.

— Ох, голубчик, ты ещё и не знаешь, что иногда бывает...

— Конечно, — согласился я. — Но, может, ещё узнаю. Вот сегодня, например, узнал.

— Симпатичный юноша, — сказала бабуся.

— Вы это о пришельце?

— Ну да. А то о ком же? В хорошей, видать, семье воспитывался.

— Да ему уже несколько тысяч лет.

— Следит, значит, за собой.

— Ну, ладно. А что делать с чемоданом?

— Оставим, — вздохнула бабуся. — Ты вот что, голубчик, послушай, что я тебе расскажу, а потом уж решим, что мне делать с этим чемоданом.

— Конечно. Рассказывайте. Я слушаю.

Бабуся поправила платок загорелыми морщинистыми пальцами.

Поезд покачивало. Колёса выстукивали какое-то слово. Но не разобрать. Старушка смотрела на меня молодыми глазами, обрамлёнными сеткой глубоких морщин. Она словно ещё

раз испытывала меня: стоит ли рассказывать этому молодому человеку, этому голубчику?

Потом всё же решилась.

10

— Сыновей у меня, голубчик, семеро. А вот дочек Бог не дал. Ну уж зато внучек и правнучек у меня ровно сорок шесть. Да и внуков не меньше, и правнуков. Жизнь была всякая, но жаловаться не жалуюсь. И трудно было, раз так чуть руки на себя не наложила. Много с той поры утекло времени. Жаль, старый не дожил...

Старушка прикусила губу и посмотрела на меня сухими, горячими, жгуче молодыми глазами.

— Всё хорошо, голубчик, но вот один шалопай у меня уродился, младшенький. Сорок пять лет уже подлецу стукнуло. А все гудит, гуди-ит. Старшие-то и воевали, и ранены были. Работали. Все люди с умом и обстоятельные. А уму помогают своими руками. А этот, Афиноген, в войну-то ещё мальчишкой был. Уж сообразительный, и на всякие выдумки горазд! В колхозе-то каких только хитростей не понапридумывал. Трактора у него сами пахали, а комбайны жали. Сидит, бывало, на пригорочке, а трактор с плугом ходит по полю, сам заворачивает, нигде огрехов не делает. И пахота хорошая.

Я понимал, что такого в войну не могло быть, но верил. Хотелось верить...

— Непривычно всё это было, — продолжала бабуся. — Председатель придёт — и давай костерить его на чём свет стоит. А малец улыбается. Председателю это и подавно в обиду. Выгоню, говорит, к чертям собачьим! Лоботрясы мне не нужны! Оно с виду-то, может, и похоже было на это. Но ведь трактора-то пахали. Жутко смотреть было, как они без человека ходили. Раз, другой, третий обругал его председатель, а потом и в привычку вошло. Вроде присказки. Афиногенишь, мол. Это о тех, кто плохо работал. Ну, а мой уж школу кончил. Приходит раз домой и говорит: «Хватит, мама. Пусть председатель сохой пашет. Не может он поверить, а я мучиться не хочу. Да и не лежит у меня душа к деревне. В город поеду. В Москву! Учиться буду!». Я так и ахнула. В город! Да ещё в Москву! Ждут его там не дождутся! Тут у нас ведь уже и житьё полегчало. Старшие шестеро с фронта пришли. У кого ещё и перед войной дети были. А другие сразу переженились. Работай да радуйся; хотя радости-то, правда, было мало. И то счастье великое: живы все. Но Феня заладил своё, ни родителей, ни братовьёв не

слушает. Что делать? Меньшего вроде всегда балуют. И сам не замечаешь, а получается. Советовали, увещевали — он всё своё. Ну, купили ему хромовые сапоги и отпустили. Месяца три молчал, потом письмо пришло, учится, мол, в Москве, в университете. Я и слова-то такого выговорить не могла. Агроном спросит, на каком он факультете, а я и сказать ничего не могу. И что это такое — факультет? Учился Фена, приезжал на каникулы, рассказывал. Отец, братья соберутся, он им что-то рисует, чертит. Лбы нахмурят, смотрят, молчат. Физика — наука-то, которую он изучал. Молчат, не верят, а потом ещё и смеяться начнут. Я их стыжу, а они своё: «Ну, Феня, сочинять ты мастак!». Обидится, уйдёт, а потом что-нибудь в колхозе или дома сотворится. То дома перепутаются — глядишь, а соседи уже другие. Сельпо однажды поднял на воздух метров на пять, продавщица Манька по верёвке спускалась. А мужики, что за водкой пришли, грозились побить Феню. Ну это они, конечно, так... Столько братовьёв, кто его тронет... А лезть по верёвке за своими бутылками поопасались. Потом уж, когда бабы пришли кое-чего купить, так он снова магазин в земле укрепил. Будто так и было. А всё не верили ему. Фокусы, мол. В цирке в городе и не то показывают! Фокусы... Рассказывал, что ему и в университете не верят. Не может быть там чего-то — и всё тут! И не помню уж, чего... По науке какое-то слово. А так к нему братовья хорошо относились, любили младшенького. Потом как-то приехал, смотрю: выпивши. «Отец, да мать, братья вы мои, да племяши хорошие!» И два дня беспробудно. И где только зелье доставал? В доме ни капли. В сельпо не ходил. Приносил, что ли, кто? Так и не узнала. Потом снова всё хорошо. А осенью пишет, что учёбу свою бросил. Ну а раз бросил, то, значит, в армию забрали. Через три года вернулся, неразговорчивый, хмурый. Жену привёз. Мальцу-то уже, Коленьке, пятый годок пошёл. А ведь ничего Феня нам раньше и не говорил про женитьбу свою. И про науку больше ни слова. Горько уж нам стало, что Феня в физику свою не выбился, ну да ладно, лишь бы человеком был. В деревне не остался. Уехал в Фомск. Работать устроился в мебельный магазин грузчиком. Известно, какая там работа. Погрузил, выгрузил, затаскивать какой-нибудь шкаф поартачился, потому что выше первого этажа бесплатно не положено, ну а за пятёрку — пожалуйста. Сколько их за день-то, этих рейсов. Деньги шальные. От таких толку не бывает. К пяти часам уже и водочки примут. А после пяти у грузчиков вообще частная лавочка открывается. Магазин доставку оформляет только до пяти, а люди-то до пяти в основном сами работают. Вечером самый и наплыв. Крутятся, а всё равно едва успевают. Ну и уставали они — страшно как. Была я у него в гостях, видела всё. Работа, что ни говори, тя-

жёлая. Товарищи-то знали, что он когда-то на физику учился да бросил. Так и прозвали — «физик». А что, мол, твоя физика для грузчиков может сделать, кроме подъёмного крана? Так нам с ним несподручно. Злился он. Видно, о физике только и думал. Сноха говорила, что пишет он иногда что-то по ночам, но никому не показывает. Да и кому показывать? А потом сделал он друзьям-грузчикам подарочек. Какая-то нуль-упаковка называется.

Милый ты мой голубчик! Я сейчас знаю, что он хотел от жизни. Он хотел много ей дать, но хотел много и взять. Но то, что он предлагал, никого не заинтересовало, этого даже никто не понял, его просто высмеяли.

И вот он уже двадцать с лишним лет грузчик. И это с его-то гордостью. Ничего плохого не хочу сказать про грузчицкую работу. Тяжёлая, но ничуть не хуже других. Дело в том, что она ничего не даёт его душе. В душе-то он всё равно физик, хотя я и не понимаю, что он там такое сделал. А эти каждодневные пятёрки покупателей, которым он услугу оказал, — они ведь на выпивку идут. Не углядела я за ним. Он уже два раза лечился, не помогает. А семья у него хорошая. Трое детей. Коленька вот университет кончил, в Старотайгинском Академгородке работает. Этим-то он в отца пошёл. И умом, и ростом, и фигурой. Только бы на кривую дорожку не ступил, как отец. Вот приедет он в Фомск, и тогда отец совсем другим делается. Тут у них разговоры разные начинаются. Сидят, чертят, пишут, спорят. Но верх-то всегда берёт Афиноген. Кольке-то ещё до отца далеко. И не пьёт Феня в это время. Но чувствую, что душа у него всё равно болит: пролетела жизнь и ничего в ней интересного не получилось.

11

Старушка на минуту замолкла. За окном мелькали огни какой-то станции. Пронеслись — и снова тьма, только ритм колёс да грохот железнодорожного состава, привычный уже и неосознаваемый.

— Ведь больше ста у меня детей, внуков и правнуков. А вот один всю жизнь себе поломал... Ох, да что это я расплакалась? Разве кому, голубчик, интересно слушать старушечьи причитания?

— Рассказывайте, бабуся, я слушаю.

— Я на людях-то держусь, а иногда вот так раскисаю.

— Да вы и сейчас молодцом выглядите. Сильная вы женщина.

— Эх, была когда-то сила... А ты, голубчик, сам-то женат? Детки-то уже, поди, есть?

— Нет, я холост.

— А что так? Годки-то ведь уже к тридцати.

— Да-а... А с женитьбой... Да разве это объяснишь?

— И то правда. Придёт — и сам не заметишь, как.

А я вдруг вспомнил девушку-студентку из последнего купе, которая что-то рисовала пальцем на багажной полке. Вспомнил, да и всё. Что тут поделаешь? И лицо вдруг увидел, хотя тогда в полусумерках почти и не рассмотрел его. Вот наваждение! Я даже головой тряхнул.

— Спать хочешь, голубчик?

— Нет, бабуся. Это так. Пожалуйста, рассказывайте дальше.

— Вот я и говорю.

— Вы что-то там о нуль-упаковке говорили.

— Ну, за название я не ручаюсь, но, кажется, не соврала. Да и не в названии дело. А вот в чём... Таскать-то им приходится громоздкие вещи: пианино, шифоньеры, диваны, шкафы. По ровному месту оно ещё и ничего. А вот на лестницах... Одно мученье. Там ведь не развернёшься. В дверь не пролезешь. Ну, а уж в коридорчике застрянешь обязательно. У грузчиков-то хоть немного лучше получается, чем у самих жильцов. Жильцы им за то пятёрки и платят, что сами бы ни за что не протолкнули какой-нибудь там диван через дверь. Вот он и придумал. А как уж и что, не взыщи, не знаю. Нужно взять, например, шкаф и как-то по-особенному его упаковать. Не скажу как, врать не стану. Упакует он его своим способом, а шкаф-то вдруг и сделается малюсеньким, да и весить начинает всего ничего. Тут его бери и неси, куда хочешь. Принёс, распаковал, как положено, он и стал нормальным шкафом. Понимаешь, голубчик?

— По-ни-ма-ю, — сказал я по складам, хотя сам пока ничего не понимал. Но что-то тут было. — А он не пробовал с этим куда-нибудь обращаться?

— Говорит, что пробовал. В какую-то транспортную контору. Да его назад отослали, потому что там у шоферов зарплата с тонно-километров идёт, а чего они заработают, если по паре спичечных коробков начнут перевозить?

— Так, так, а что дальше?

— А нынче весной Колька приехал и крупно поспорил с отцом. Сноха рассказывала. Вроде как отец бесполезную жизнь прожил. Обидел он отца. Рассорились окончательно. Феня что-то с месяц делал, никому не показывал, а потом снова и запил. Вот я к нему и приезжала. Опять в больницу хотят положить. В запое страдалец. Только раз глаза продрал и говорит: «Вот эти два чемодана Кольке увезите, и рюкзак. Пусть

посмотрит. В одном — поезд для его сына, в другом — магазин для дочери и жены, а в третьем — пасека для всего семейства». И снова в беспамятство впал. Вот и везу. Только вот зачем правнучке магазин? У них и так в семье мать да дочь на тряпки молятся. Обойдутся и без магазина. Игрушки, а как взаправду. Хочешь, голубчик, взглянуть?

— Интересно. С удовольствием.

Бабуся привстала с полки, я приподнял сидение, и вдвоём мы, хоть и с трудом, вытащили чемодан. Бабуся открыла его прямо на полу. Сначала я ничего не увидел, тьма в чемодане и только. Потом вроде перестук какой-то послышался. Но грохот нашего поезда всё заглушал.

— Ночь там сейчас, — сказала бабуся. — А может быть, и день.

Я нагнул голову и присмотрелся. В темноте ночи на дне чемодана мчался железнодорожный поезд. И электровоз, и вагончики — всё было сделано очень тщательно, как взаправдашнее, только малюсеньких размеров. Я хотел потрогать игрушку, но, как только коснулся одного из вагонов пальцем, что-то дёрнуло наш вагон, да уж что-то очень сильно. Я чуть не упал, а Семён едва не свалился с полки.

— Стрелки, — чертыхнулся я, и даже вспомнил анекдот про стрелочника.

Поезд-игрушка стоял на месте, но у меня возникло ощущение, что он движется. А в чём тут дело, понять никак не мог. Да-а... Занятная игрушка.

— А в рюкзаке пасека, — сказала бабуся. — Ульи стоят, избушка, лес. Речка есть, ручеёк. И пчёлы летают, медок собирают. Им, городским-то, пасека в диковинку. И не видели ведь никогда. А вот барахолку эту, магазин, и везти не хочу. Хватит у них и без того магазинов, да и всякого барахла. И девушку тревожить не хочется. Ишь как разметалась...

Я взглянул на Тосю. Лицо её сейчас было очень красиво, руки действительно разметались, а одна свесилась к полу. Бабуся взяла её и осторожно положила на простыню. Тося даже не пошевелилась. Я выпрямился, машинально оглянулся. Парень из соседнего купе на своей верхней полке не спал, а как только я оглянулся, сразу же отвёл свой взгляд. Ясно, он всё это время смотрел на Тосю. Ну и тип! Надо утром поговорить: чего ему пялиться на замужнюю женщину?

Я закрыл чемодан и защёлкнул замок.

— И как это вы, бабуся, с такой тяжестью управляетесь? — спросил я.

— Ой, и не говори, голубчик... Еле запрыгнула. Поезд-то ведь уже тронулся.

— Да я бы и с одним чемоданом не запрыгнул.

— А получилось. Как не запрыгнешь, когда Фенька с пьяных глаз орёт: «Везите скорее игрушки Кольке! Пусть примет меры! Колька, сынок, спаси!». Потом лежит и от страха трясётся. Черти ему чудятся. А то снова заорёт: «Кольке покажите!». Ну до того страшно орал! Сноха плачет. Может, говорит, там что-то важное для Коленьки. А тут игрушки. Но ведь довёл, вынудил. «Отвечать будете!». Скорее да скорее! Алёшка с Верой — это младшие его — тоже заволновались. Ну, а уж потом переполошились и все на вокзал. А как тут уедешь, когда билет нужно брать за неделю. Сноха — к начальнику. Что уж она ему говорила, не знаю, только — билет в зубы, рюкзак за спину, чемоданы в руки и в вагон. Не помню, как и заскочила. А тут вы с молодым человеком... Ох, дела, дела наши... Заговорила я тебя своими разговорами. Ты уж извини. Этот молодой человек в шляпе, конечно, интереснее рассказывал. На то он и пришелец... Но ведь хочется с кем-нибудь поговорить.

Да. Я знал это. В поездах люди знакомятся очень быстро, и рассказывают порой друг другу про себя такие истории, которые и самым близким не осмелились бы поведать.

— Ты спи, голубчик, спи. Пусть моя скучная старушечья история поможет тебе заснуть.

— Да нет. История очень интересная. Что-то в ней есть.

— Лезь, лезь на полку, голубчик. А я подремлю сидя. Часа два уже осталось.

Я оглядел коридор. Теперь уже наверняка все спали, кроме нас, даже тот парень из соседнего купе, что засматривался на Тосю.

— Подремлю, пожалуй, — сказал я и, как есть, не раздеваясь, улёгся на полке.

Покачивало. Раньше меня в поездах всегда здорово убаюкивало.

12

Неясный полусумрак вагона начал рассеиваться, всхрапывания и сонное сопение отдалились куда-то в бесконечность, за горизонт.

А сам горизонт вдруг оказался резко очерченным. Вокруг, насколько хватал глаз, жёлтая стерня. Лишь здесь, возле озера, зеленели низкорослые кусты, да противоположный край темнел камышами. Метрах в ста от берега стоял вагончик и палатка на десять человек. Там варили ужин. Я только что приехал на тракторе ДТ-54, и теперь надо было искупаться. Я задержался на поле, дискуя стерню, хотелось добить этот

участок, чтобы завтра начать новый. Я сбросил с себя прожжённую махоркой рубаху и брюки, постоял немного и зашёл в воду. Тёплая, она не обжигала холодом, а была приятна и ласкова. Я заплыл на середину этого искусственного озера, образованного запрудой в овраге, полежал немного на спине, потом доплыл до противоположного берега, тут через камыши не проберёшься, и двинулся вдоль них. Здесь уже всё было исследовано за полтора месяца работы. И всё же я нашёл просвет, с метр шириной, извилистый, может, потому и не замеченный никем, плыть здесь можно было только брассом, да я и не торопился, не хотелось вылезать из воды.

Таинственный ход в камышах закончился маленьким пятачком песка, метра два на три, а дальше снова шли заросли камыша и кустов. Этот пятачок нельзя было заметить и с берега. Я покрутил головой по сторонам: никого. Вылез, стряхнул воду, потянулся... на плечи мне легли чьи-то руки, нагретые солнцем, и горячее тело прижалось к спине. Я вздрогнул, чуть было не заорал: «Кто это?», но лишь замер. Потом руки опустились, меня резко повернули... Та самая студентка из последнего купе. Беззвучно смеётся, и солнечные зайчики прыгают в её глазах.

— Что же ты так долго не приплывал?

— Только пригнал трактор... А ты...

— Тс-с... Наговоримся ещё... Ага?

— Да...

Её лицо уткнулось мне в грудь, и я потрогал чёрные распущенные по спине волосы. Они были сухими.

...А потом солнце скрылось за горизонтом.

— Эй, голубчик! — кричали с того берега. Но мне не хотелось уплывать отсюда.

13

— Голубчик, ишь как заснул крепко. Вставай. Старотайгинск.

— Кому выходить? Старотайгинск! — извещала проводница.

Это был сон. Но какой сон! Я приподнялся. В вагоне уже просыпались. Где-то плакал грудной ребёнок. Прошла женщина с ночным горшком в руках. Я посмотрел, не свалиться бы кому на голову, и прыгнул вниз.

— А как ты сладко спал, голубчик... Зря я тебя разбудила...

— Нет, нет, бабуся. В самый раз. Всё равно бы эти через пять минут припёрлись.

— Кто же?

— А-а... Фу! Во сне это. Хорошо, бабуся, что разбудили. В самый раз.

— Ну и ладно. Ты, поди, умываться будешь?

— Потом. — В оба туалета стояла очередь. — Провожу вас, потом пробегусь по вокзалу. Не был здесь ни разу.

— Ну и хорошо. Пробегись. Разомнёшься немного...

— Ещё один безбилетный пассажир, — сказала проводница, выходя из последнего купе. — Вот чудит молодёжь!

— Серьёзная женщина, — заметил я, когда она прошла.

— Работа ответственная, будешь серьёзным, — сказала бабуся.

За окнами в мутном ещё рассвете мелькали огни, поезд вздрагивал на стрелках и замедлял ход.

— Давайте, я рюкзак на плечи возьму, — предложил я.

— А донесёшь? Ведь там целая пасека.

— Да хоть весь земной шар!

— Ну, давай помогу.

Я взял рюкзак за лямку, рванул, толку пока никакого не получилось. В соседнем купе с верхней полки соскочил парень, молча ухватился за рюкзак. С помощью бабуси он нацепил на меня эту самую пасеку. Стоять ещё было можно, но как сделать шаг, я не представлял. Рискнуть, что ли? Я рискнул, но, чтобы не упасть, обеими руками ухватился за стойки по бокам коридора. А как же бабуся с ним? Вот позор нынешней молодёжи! Я сделал ещё шаг. Теперь нужно было сделать два без всякой опоры для рук. Это мне удалось только с помощью волевого усилия. Ну, а теперь снова есть за что уцепиться. Сзади пыхтел парень с чемоданом, ему приходилось не легче, да ещё и руки заняты. Поезд притормаживал, а когда толчком остановился, я по инерции понёсся вперёд, чуть не раздавив трёх человек с полотенцами в руках. Парень загремел чемоданом, зацепился за что-то. Меня здорово тряхнуло, да и весь поезд тоже...

— Осторожнее! — закричал гражданин в пижаме и вылетел в тамбур. Это его и спасло. Разминуться с ним я бы никак не смог.

— Старотайгинск! Стоянка восемнадцать минут!

Вот и тамбур. Теперь бы только шагнуть на платформу.

— Пропустите, — прохрипел я проводнице.

Вид у меня, наверное, был страшен, потому что тётя Маша резко отскочила в сторону. И я вывалился на перрон.

— Бабуся у вас в вагоне есть? — спросил меня черноволосый гигант.

— Во... Вот рюкзак. — Я и снять-то его не мог. — Помогите. — Я подставил плечо.

Гигант догадался и мигом высвободил мои плечи из лямок. Я тяжело дышал. Надо было помочь парню. Но гигант

сообразил и сам. А тут уж и бабуся осторожненько выходила из вагона.

— Бабуся, родненькая!

— Коленька! Голубчик!

Пока они целовались, я отдышался. Тот парень тоже.

— Вот спасибо за помощь, голубчики. Теперь уж я доберусь. Внучек вот меня встретил. Извини, голубчик, за ночной разговор.

— Да что вы! Спасибо вам за него, а вы — извините. А второй чемодан? Может, заберёте?

— Да ну его к лешему!

— Что за чемодан? — загремел гигант внучек Коля.

— Да отцов подарок. Магазин, вишь, состроил, чтобы внучка играла.

— Это он Анюте простить не может. И правильно. Пусть этот чемодан едет в Марград.

— Вот и я говорю, Коленька-голубчик.

— Пошли, бабуся. Я на машине. Спасибо, ребята.

Он взвалил на плечо рюкзак, осел немного, но выстоял, подкинул его ещё чуть-чуть, чтобы удобнее лежал, присел, не сгибая спины, за чемоданом, взял его за ручку, хрипло ухнул, приподнял и пошёл, ровно, не пошатываясь, хотя и медленно. Бабуся поспешила за ним, оглянулась и ещё раз сказала на прощание:

— Спасибо, голубчики.

— Да не за что.

— Чего там.

14

Бабуся с внуком скрылись в тоннеле. Поезд стоял, кажется, у четвёртой платформы. Я достал из кармана брюк помятую пачку сигарет, предложил парню, но тот отказался, тогда я закурил сам и с наслаждением затянулся. На платформе было прохладно, а возле поезда стояло всего несколько человек. Большинство пассажиров ещё спало.

— Может, в буфет заглянем? — предложил парень. — Ресторан ещё когда откроется!

— А что? Идея! — согласился я. — А где тут буфет?

— Найдём, не маленькие.

— Само собой.

— Ты в Марград? — спросил он, когда мы уже шагали ко входу тоннеля.

— Ага. А ты?

— Я дальше, в Москву. А вообще-то я коренной фомич. Иван. — И он на ходу протянул мне руку.

— Артём, — сказал я, пожимая его ладонь.

Мы застучали подошвами вниз по ступеням. Тоннель был чист. Недавно подмели, а пассажиры ещё не успели его замусорить. Как всегда бывает в таких местах, кто-то растерянно тыкался в боковые выходы, задирая головы на надписи, делал несколько шагов, потом останавливался, возвращался и снова мчался дальше, чтобы повторить свои действия перед следующим выходом. Девушка в шортах шла и жевала булку. На тележке везли багаж. Мороженщица уговаривала купить пломбир или эскимо. Ничего, часика через два работы у неё будет хоть отбавляй.

— Интересная бабуся, — сказал Иван. — Не спалось что-то сегодня. Я слышал, что она рассказывала. Извини, так получилось.

— За что же тут извиняться? Слышал да и слышал... История, конечно, интересная. И что-то в ней есть, а вот что, не могу сообразить.

— Ну, это самовнушение после рассказа товарища Обыкновеннова. Непробоистый, видно, мужик, раз с диссертацией у него туго выходит.

— А ты поверил ему?

— Да как тут не поверить? Не массовый же это гипноз? Во... Буфет!

Мы вышли из тоннеля в зал. Слева действительно размещался буфет. Блестящий автомат для приготовления кофе периодически исторгал из себя клубы пара. Вкусно пахло молотыми зёрнами. Человек десять стояло в очереди. Я взглянул на часы. Фу, пропасть! Часы стояли.

— Послушай, Иван, сколько времени на твоих?

Иван взглянул на руку, потряс ею, поднёс к уху.

— Стоят, — изумлённо произнёс он. — Невероятно! В первый раз с ними такое.

— И у меня стоят. Скажите, пожалуйста, — обратился я к гражданину, последнему в очереди, — сколько сейчас времени?

У гражданина, оказывается, часы тоже стояли. Ну, у одного — понятное дело, у двух — куда ни шло, но чтобы сразу у трёх? Гражданин заволновался, наверное, часы его никогда не подводили, и повторил мой вопрос стоящему впереди. Через десять секунд все трясли руками и прислушивались к ходу часов. Ни у кого из всей очереди часы не шли.

— Это магнитные поля виноваты, — уже объяснял кто-то. — Если часы в золотом корпусе, то лучше в магнитные поля не входить. Физика!

Но у меня-то часы были самые обыкновенные, стальные, марки «Полёт», с чёрным циферблатом, на двадцати трёх камнях, противоударные, и даже изготовленные на экспорт. Очередь заволновалась.

— Вам что? — кричала продавщица, но её плохо слушали. — Вам что?! У нас только кофе и булочки! Кофе без сахара, булочки вчерашние. Выбирайте скорее... — В очереди обсуждали проблему точных часов. — Эй, Зина! — Это уже относилось к её помощнице или сменщице. — Говорила я, что надо объявление повесить. Так сменную выручку не сделаешь! Граждане! Вам, гражданин, что? О Господи! Да успокойтесь вы со своими часами! Раз вы в очереди стоите, значит, и часы стоят. Во всех буфетах это ввели. С сегодняшнего дня. Для экономии времени. Вам что?

— Позвольте, как это: мы стоим — часы стоят? Это что ещё за издевательство! — Полная женщина всем своим видом как бы говорила, что уж над собой-то она издеваться не позволит. — Я жаловаться буду!

— Товарищи, успокойтесь! — сказала сменщица или помощница Зина. — Я сейчас всё объясню. С первого августа во всех буфетах на железной дороге ввели остановку времени. Это для вас же сделано. Время, время останавливается!

— Что-то непонятно, — сказал мужчина, стоявший передо мной.

— Ну, время останавливается, время! Сколько бы вы ни стояли в очереди, а время на это не израсходуете ни секунды. Отстояли очередь — время снова пошло нормально.

— А-а... Замедление времени, — догадался кто-то.

— Правильное нововведение, — поддержали его. — Это только в буфетах?

— Пока только в буфетах. Чтобы пассажиры успевали перекусить. Но учтите, что как только вы взяли, что вам хотелось, время для вас снова начинает идти нормально. Так что у кого скоро отправление, жуйте булочки побыстрее.

— Ну никогда ничего до конца не могут сделать! — возмутился гражданин передо мной. — Почему не замедлят время и на процесс еды?

— Ещё, может быть, и переваривания? — поинтересовалась буфетчица.

— Это уже оскорбление!

— Столиков хватать не будет, — нашлась сменщица Зина. — А так вы быстренько...

— Жаловаться, писать надо!

— Так всё, товарищи, понятно? Вам что? Есть только кофе и булочки. Выбирайте. Кофе без сахара, булочки вчерашние.

— Как это без сахара?

— Товарищи, кому надо с сахаром — ждите пересмены. Через полчаса сахар будет.

— А поезд уйдёт, — снова сказал кто-то.

— Если вы стоите в очереди, то как может уйти ваш поезд? Ведь время для вас останавливается! Снова, что ли, объяснять?

— Понятно, понятно. Эй, передние, не задерживайте очередь, время-то идёт!

— Да не идёт для вас время! — озлилась буфетчица. — Вам что? Выбирайте!

Очередь сдвинулась с места.

— А здорово придумано, — сказал Иван.

— Да-а. Так, глядишь, и в магазинах постепенно введут, во всех учреждениях, где в приёмных многочасовые очереди. А вот для них самих, интересно, как время движется? Нормально, пожалуй, раз они о пересмене через полчаса говорили?

— Должно быть, так, — согласился Иван. — Только объяснить себе не могу.

— А-а, — сказал я. — Подумаешь. Мы многого не можем объяснить, а принимаем как должное. Двойной кофе и булочку.

Мы отошли к столику. Иван в душе, наверное, был экспериментатором, потому что тотчас же посмотрел на часы. А я ведь уже и забыл про них.

— Идут, — удовлетворённо сказал он. — Десять минут осталось. Жаль, что нет бутербродов с копчёной колбасой. С удовольствием бы штук пять съел.

— За бутербродами с колбасой очередь была бы не такая.

Иван рассмеялся:

— Так ведь и время бы остановилось.

— Фу, чёрт! Никак не могу привыкнуть. Знаю, помню, а всё равно думаю, как и прежде, по старинке.

Булочку я не доел, а кофе выпил с удовольствием.

— Газет бы купить, — сказал Иван.

— Да, не мешало бы. А где тут их продают?

— Наверху, где залы ожидания.

Мы прошли вверх по лестнице. Иван хорошо знал этот вокзал. И пока я осматривался по сторонам, он сделал круг по всем залам и вернулся назад.

— Нет ещё свежих газет. Теперь только в Балюбинске. Пошли, а то опоздаем.

И мы понеслись с ним, что было силы, я запыхался даже и остановился на минутку у буфета, пристроившись в конец очереди. Я точно знал, что теперь время для меня останови-

лось. Отдышавшись, я помчался дальше и догнал Ивана лишь у самого вагона. Поезду уже дали отправление. Мы успели заскочить в тамбур.

15

Проводница бросила на меня злой взгляд и спросила:

— Хоть молока купил?

— Какого молока? — не понял я.

— Какого, какого! Коровьего!

— Не пойму я, о чём вы?

— Сразу уж и не пойму. Раньше надо было думать.

Проводница ещё раз бросила на меня испепеляющий взгляд, но больше ничего не сказала. Поезд тронулся. Я закурил. Иван что-то насвистывал. Слова проводницы были непонятны и чем-то обидны.

— Это кто у вас там в купе... — Иван не договорил, но я понял.

— Тосей её зовут. Кажется, молодая супружеская чета.

— Угу, — мрачно бросил Иван и посмотрел на меня подозрительно. — Бессонница у меня.

— Конечно, бессонница. Что же ещё?

— Ты это... брось... Артём. — И он открыл дверь в коридор.

Я пошёл за ним. Вернее, стал протискиваться за ним между стенкой и прижавшимися к другой стороне пассажирами, желавшими умыться. В самом вагоне было свободнее. Правда, в одном месте посреди коридора стоял чемодан, но через него ничего не стоило перешагнуть. Иван сбросил туфли и мрачно полез на полку, на нижней ещё спали, так что и сидеть-то ему было негде. В моём купе оказалось два новых пассажира: женщина и мужчина, оба лет тридцати. Я сначала принял их за супругов. Но по тому, как мужчина предлагал женщине свою нижнюю полку, понял, что они даже не знакомы. Гражданин в сером продолжал сидеть в своей неизменной позе. Он чуть приоткрыл глаза, в которых уже зарождался вопрос, но я упредил его ответом:

— Всё то же. Самая что ни на есть нормальная реальность.

Он снова устало закрыл глаза.

Семён спал. Тося лежала с открытыми глазами, и по её виду было ясно, что она не прочь заговорить с новыми пассажирами и даже предложить им холодный завтрак из, наверное, неисчерпаемых запасов, заготовленных её мамой.

— Доброе утро, — буркнул я.

— Это Мальцев. Он марградец, — сказала Тося. — А я коренная фомичка. У нас вчера в купе ехал пришелец.

— Да что вы, милочка! — обрадовалась женщина. — Что же он не поехал дальше?

Мужчина вдруг слегка обиделся:

— В купе одновременно могут ехать только шесть человек. А я заказывал билет за десять дней. — Этим он как бы объяснил, что если бы пришелец ехал хоть до самого Марграда, женщине всё равно не удалось бы с ним встретиться. Ведь она наверняка взяла билет перед самым отходом поезда.

— Предусмотрительность украшает мужчин, — сказала женщина. По её тону нельзя было сразу понять, что она имела в виду.

— А меня зовут Тосей. А Семёна, — и Тося показала на верхнюю полку, — зовут Семёном.

— Ой, как здорово! — обрадовалась женщина. — Зовите меня Зинаидой Павловной.

— Ну, что ж, и я имею честь представиться. Кандидат технических наук, заведующий лабораторией сегнетоэлектриков Крестобойников Валерий Михайлович. Прошу любить и жаловать.

Да за что же его любить и жаловать, подумал я. Чем-то он во мне сразу вызвал неприязнь.

— А тот товарищ? — поинтересовалась Зинаида Павловна.

— А тот товарищ, — сказала Тося, — ещё с нами не разговаривал.

«Тот» товарищ снова открыл глаза, и на этот раз я не успел упредить вопрос.

— Год, число, месяц?

— Первое августа тысяча девятьсот семьдесят пятого года, — сказал я и для точности добавил: — Новой эры.

Гражданин в сером почему-то не спросил о реальности, и это меня озадачило.

Тося делала робкие попытки вылезти из-под простыни. Из купе лучше было уйти. Я достал полотенце и мыльные принадлежности. Иван из соседнего купе смотрел на Тосю. Я осторожно повернул его голову к стене лицом. Он даже не сопротивлялся. В обоих концах коридора стояла очередь. Но мимо одной я уже проходил, поэтому двинулся в другой конец вагона. Последним стоял, вернее, сидел с полотенцем в руках студент из тех, что ночью пели романтические песни.

— Я занял на шестерых, — предупредил он. — На семерых даже. — В голосе его чувствовалась какая-то растерянность.

— Хорошо, — обречённо ответил я.

Пойти, что ли, протолкнуться в тамбур? На меня глядели с верхней полки. И я знал, кто. Та самая девушка, что вчера, то есть сегодня чертила указательным пальцем на багажной полке, а ночью, когда я спал, явилась ко мне во сне. Во сне всё было правильно, как когда-то после второго курса на целине в Кустанайской области. Всё до мелочей. Кроме неё самой. Я хотел встретить её взгляд и боялся этого. Потому что он уже привязал меня крепко-накрепко. Только знал ли это сам? Каких-то ещё двое суток осталось, а там прости-прощай девушка-студентка. Так стоит ли мучиться? Выбросить всё из головы, из сердца то есть. Я уже решил, что буду проходить это купе, не поднимая головы, или вообще не буду здесь ходить. Только два дня с таким решением не прожить. И почему я не полетел на самолёте?

— Скажите, пожалуйста, — обратился я к студенту, — что я занял очередь за вами на пятьдесят шесть человек. Пойду покурю в тамбур.

— Ещё и прикидывается, — сказал чей-то девичий голосок, но не она, это я знал точно. У неё не мог быть такой голос. Ну а так как я ни перед кем не прикидывался, то фраза эта меня не заинтересовала, не касалась она меня просто.

— Разрешите, — попросил я, намереваясь всё же пройти в тамбур.

И тут на полке, где лежала она, заплакал ребёнок. От неожиданности я вздрогнул, остановился, оглянулся. Лучше бы мне этого не делать... Она лежала на полке, почти на самом краю, а рядом, у стенки... у стенки... у стенки там плакал ребёнок, грудной, с розовым личиком и повязанный белым платочком.

Откуда он тут взялся? Не было же его, не было, когда я первый раз проходил мимо. Да и на перроне Фомского вокзала его не было. Они же студенты стройотряда! Они же что-то там строили, коровник или свинарник. Да разве женщину с ребёнком возьмут на такое дело?

— Молока? — спросила одна из девушек, приподнимаясь с нижней полки. — Вот только чуть-чуть.

— Ты бы хоть поплакала, Ина, что ли... — сказала другая.

Значит, её зовут Ина, Инга. Но только какое это теперь имеет значение? У неё ребёнок уже есть, и муж, конечно, какой-нибудь из этих парней. Прости, Инга, чуть было я не сдурел. Вернее, всё-таки сдурел. Но теперь всё ясно. Не уподобляться же Ивану, который всё смотрит на Тосю из нашего купе.

В последний раз можно и встретить её взгляд. Она молчала, она не слышала ни подруг, ни крика своего ребёнка, она смотрела мне в глаза, и от этого становилось больно. Боль источали её глаза, безысходную, страшную, последнюю. И ли-

цо... За такое мужчины отдают свои жизни. И я бы отдал. Она была лучше всех женщин в мире! Но у неё был муж и ребёнок, который вот сейчас заходился в крике.

— Инка, ты что? Очнись! Да что ты на него уставилась?! Переживём и так. Подумаешь... Не воспитаем мы, что ли, его? Да всей группой.

А вторая:

— Проходите, если вам всё равно и вы ничем не можете помочь.

Мне было не всё равно, но и помочь я ей ничем не мог. Да я и не знал, какая ей нужна помощь. И нужна ли от меня?

— Вы, что ли, последний? — Это спрашивали меня.

— Я. — И, даже не оглянувшись, я начал пробираться в тамбур.

— Нас шесть... это... семь... — услышал я ещё за собой.

В тамбуре я оказался один. И хорошо. Но что за глаза у этой женщины?! И почему она на меня так смотрела? Хорошо, что у неё ребёнок. Значит, и муж есть. Ехать, конечно, сейчас с таким тяжело. Днём жара свалится с небес. А тут ведь низменность...

Я стоял и курил. В пачке оставалось совсем мало сигарет. Колёса вагона стучали громко и зловеще. За окном проносилась какая-то пригородная станция. На платформе стояли люди. Они, наверное, были чем-нибудь озабочены с утра, но ведь не страдали. Не страдали же они! Ну что за глаза... Что за боль, что за несчастье у неё? Ин, Ина, Инга!

А колёса только: та-ра-ра, та-ра-ра, та-ра-ра.

16

В тамбур кто-то вошёл. Я не оглянулся. Вошёл, значит, надо. Но плечо легла тяжёлая рука.

— Это я — Иван. Всё лежал и ждал, когда ты подойдёшь и снова повернёшь мне голову или хотя бы просто подойдёшь. Шея затекла, сил больше нет. И сейчас ещё болит... Там тебя сосед спрашивал.

— Какой сосед?

— Ну, который на нижней полке.

— А что ему?

— Да не знаю я.

— Он всю ночь просидел в одной позе. А слышал я от него всего две фразы, зато по нескольку раз. Ненормальный какой-то.

— Сейчас он вроде нормальный. Что сказать ему? Или сам пойдёшь?

— Докурю и приду.

В тамбур вошёл ещё кто-то.

— А-а, — сказал Иван. — Вы?

Я оглянулся. Да, это был тот человек в сером костюме, который задавал мне нелепые вопросы. Взгляд его глаз был осмысленен и пронзителен, да ещё усталость какая-то чувствовалась в нём.

— Ничего, если я постою тут с вами? — спросил он.

— Пожалуйста. Здесь даже интереснее, чем в вагоне. В поезде, когда глядишь вот так в окно, а за ним всё мелькает, в голову приходят странные мысли. Вот только жара сегодня днём будет... А там ребятишки маленькие... грудные.

Иван отодвинулся от окна, и гражданин в сером костюме оказался рядом со мной.

— А я люблю мокрое, низкое небо, скользкие дорожки, тишину замёрзшего, ссутулившегося леса, еле различимый шёпот невидимых капелек дождя. — Человек, стоявший рядом со мной, говорил тихо. И какая-то горечь чувствовалась в его словах. — Всё это приводит меня в какое-то странное состояние, когда не надо делать ни малейшего усилия, чтобы направить ход мыслей. Я могу как бы со стороны наблюдать за их возникновением, развитием и концом, внутренне посмеиваясь над собой и оценивая, что является явной чепухой, а в чём действительно есть стоящее, настоящее... Иногда возникают ускользающие мысли-обрывки, которые, кажется, не имеют никакой связи с настоящим и прошлым, и которые позже, в лаборатории или дома, оформляются в логически завершённые мысли, очень нужные и необходимые именно в данный момент времени. Но предыдущее состояние тут уже ни при чём. Я просто заставляю себя думать. Самое интересное заключается в том, как возникает первая мысль-обрывок. В этом есть какой-то секрет, который я вряд ли когда сумею раскрыть. Вот почему я люблю серую, грустную погоду. В ней есть что-то таинственное.

Он замолчал и надолго уставился в окно, иногда провожая уплывающее назад дерево или домик медленным движением головы. Я не знал, что может означать это лирическое отступление, или, наоборот, вступление. Я даже не знал, зачем он подошёл ко мне. Одно ясно: с ним ночью что-то было, потому что сейчас он совершенно другой человек, не тот, в котором я уже чуть было не заподозрил идиота. На вид ему было лет сорок. Довольно приятное, умное, несколько жестковатое в своих чертах лицо. Фигура крепкая, спортивная.

— Хотите закурить? — спросил я, чтобы хоть что-то сказать.

Он резко повернулся. Улыбка играла на его губах.

— Вообще-то я курю там, и то не всегда. А здесь не пробовал ни разу. А впрочем, давайте.

Я протянул ему помятую пачку сигарет, потом зажёг спичку. Иван через моё плечо смотрел на зелёные перелески равнины.

— Вас, конечно, интересует, зачем я подошёл. Рассказать... Просто рассказать... Мне, наверное, уже ничто не поможет. Даже смерть не принесёт мне облегчения... А сначала всё казалось...

Иван упорно смотрел в окно. Он заставлял себя не идти в вагон. Я его понимал, хотя и не оправдывал: нельзя ему было такими глазами смотреть на Тосю.

17

— Скажите, — продолжил гражданин в сером костюме, — бывает с вами такое? Вы что-то делаете. Безразлично, что. И вдруг на какое-то мгновение испытываете странное чувство: всё это уже было. Вот этот самый миг уже был. И люди, и предметы, окружающие вас, были расположены так же, как в этот миг. И фраза, только что произнесённая кем-то, уже была однажды сказана и именно в этой обстановке. И оторопь какая-то берёт вас. Потому что такого момента быть не могло. Но вы точно знаете, что такой миг уже был. И странное ощущение таинственности и необъяснимости происшедшего не покидает вас уже целый день. Так скажите, бывает с вами такое?

Я уже начал припоминать, вспомнил и сказал ему:

— Да. Кажется, раза два или три со мной такое было. Ощущение действительно какое-то странное, таинственное.

— И чем вы это объясняете?

— Да ничем. Я и не задумывался особенно над этим. Полагаю, что это относится к так называемым таинственным явлениям человеческой психики. А я по образованию инженер.

— Значит, бывает? — Он, казалось, был очень доволен моим ответом. — И инженер не может объяснить этого? Даже не пытался?

— Может, наследственная память? — неожиданно сказал Иван. Меня обрадовал его ответ. Не смысл ответа, а просто, что он слышал всё предыдущее, значит, он ещё способен на разумные поступки.

— Это очень оригинально! Каким же образом наследственная память может воспроизвести обстановку современной лаборатории или квартиры? Чушь всё это!

Сказано было резко и грубовато, но я всё же вынужден был согласиться. Наследственная память, по-видимому, здесь была ни при чём.

— А вы, конечно, это знаете? — спросил Иван.

Я в душе немного посмеивался. Есть ещё таланты-одиночки, с помощью четырёх правил арифметики пытающиеся разработать единую теорию поля.

— Я знаю, — ответил он спокойно. — В этом моя трагедия.

В тамбур вышла проводница с веником и совком, но не тётя Маша, а другая, помоложе и на вид не такая строгая.

— Окурки в тамбуре не бросайте, — сказала она.

— Знаем, знаем, — успокоил я её.

— Все знают и все бросают.

Окурков на полу пока ещё не было. Мы посторонились, давая возможность женщине подмести совершенно чистый пол. Проводница закончила работу и с достоинством проследовала в вагон.

— Ну, так что же вы знаете? — спросил я.

— Интересно, или вы спрашиваете только из вежливости?

— Всё-таки интересно, — сказал я.

— Ну что ж... Слушайте... Двенадцатое октября тысяча девятьсот шестьдесят шестого года я прожил дважды. Этот день для меня многое значит. В первый раз я сделал глупую ошибку и осознал её лишь к ночи, а во второй раз я уже её не сделал. Но тут чисто семейное... Я запомнил этот день навсегда. А для других он существовал только однажды, как и обычно. Понимаете, я прожил один день дважды! Не одно мгновение, а целый день! Как он прошёл во второй раз, помнят все. А первый раз я прожил его один. Ни для кого больше первого дня не было.

— Полагаю, что это невозможно, — сказал Иван. Разговор начал заинтересовывать его всерьёз. — В теории темпорального поля такие парадоксы не предусмотрены

— Ничего другого я и не надеялся услышать от вас. Да я и сам это прекрасно знаю. Я потратил пятьдесят лет на то, чтобы досконально изучить теорию темпорального поля в таком виде, в каком она известна нам, и в каком она известна там, в других реальностях.

— Год, число, месяц! — невольно вырвалось у меня.

— Дойду и до этого.

— Пятьдесят лет, сказали вы? — спросил Иван. Всё! Он уже был полностью заинтересован разговором.

— Да, около этого.

— Где же вы их набрали, эти пятьдесят лет?

— Вам что-нибудь говорит дата: двенадцатое октября тысяча девятьсот шестьдесят шестого года?

— Да, — ответил Иван. — Я тогда был на практике в Усть-Манском НИИ Времени. В этот день был осуществлён первый запуск в прошлое на одни сутки. Были, правда, и до этого, но на секунду, не более. И только с измерительной аппаратурой.

— Совпадение! — сказал я.

— Нисколько. Это только начало.

— Так значит, это случалось с вами и позже?

— Да. Последний раз — уже в вагоне. Я прожил заново одиннадцать месяцев. Ровно столько, на какой срок в прошлое был произведён запуск в Марграде.

— Постойте, постойте, — остановил его Иван. — Это невозможно. Я сейчас вам объясню. Когда производится запуск в прошлое, это неизбежно влечёт какие-то изменения в прошлом, а значит, и в настоящем. Поэтому запуски и не производились, пока не была разработана аппаратура так называемого «абсолютного времени». Реальность, в которой производится изменение, в самый момент изменения отпочковывается от нашей и, возможно, существует самостоятельно. Некоторое время, пока изменения не разрослись, она должна быть очень похожа на нашу. События в нашей и той реальностях вначале одинаковы. Нашу реальность эти путешествия никоим образом не задевают. И, в принципе, сын может пропутешествовать в прошлое и не допустить брака отца с матерью. От этого он в нашей реальности не перестанет существовать. Происходит нечто вроде роста дерева. Ствол — это наша реальность. Каждое путешествие в прошлое даёт ответвление, параллельный побег. В один и тот же момент прошлого можно осуществить два и три путешествия, соответственно возникнут две или три реальности. Но они никогда не пересекутся. Собственно, реальностями они называются условно. После того, как машина вернулась в настоящее, мы ничего не можем сказать о ней, той реальности. Невозможно вторично попасть в эту параллельную реальность. Путешествуя в прошлое, мы каждый раз попадаем в какую-то точку ствола, своего времени, даём начало новому побегу и возвращаемся в настоящее. Поэтому нашу реальность эти путешествия не задевают.

Вот шпарил Иван! Интересная у него, оказывается, была работёнка.

— Разве теория темпо...

18

— Жареная колбаса, яйца, кефир. — Это официант из буфета, в белом халате, колпаке и с корзиной в руках, стоял перед нами. Колбаса была поджарена полукилограммовыми кусками. — Жареная...

— Не будете брать? — спросил наш собеседник.

— Нет, — сказал Иван.

Я отрицательно покачал головой. Дождусь, когда откроется ресторан.

— Жареная колбаса, яйца, ке...

Дверь за разносчиком захлопнулась.

— М-м... Так вот. Разве теория темпорального поля не допускает параллельного существования одного, подчёркиваю, одного индивидуума в двух реальностях?

— Теория это допускает. Это явление называется раздвоением сознания. Но экспериментальные данные не могут дать точного ответа: виновато ли здесь время или это просто психическое заболевание человека.

— Все мы немного психи, — вставил я, но они уже не обращали на меня внимания.

— Но ведь такое случается не только с психобольными. Некоторые испытатели, психически совершенно здоровые люди, утверждают, что у них иногда, правда, на мгновение, происходит как бы раздвоение сознания, то есть в принципе возможно параллельное существование в двух реальностях. Почему нельзя допустить, что возможно последовательное существование в двух, ста реальностях?

— Невероятно. Ещё не было прецедента.

— Прецедент перед вами. Девять лет назад капсулы времени только начали запускать. Тогда я прожил дважды одни сутки. Потом институты Времени в различных городах мира тоже начали осуществлять запуски в прошлое. На сутки, недели, месяцы. И я проживал эти дни, недели, месяцы трижды, сотни раз. Я прожил миллион жизней. И каждая остаётся в моей памяти. Дерево реальностей, о котором вы только что говорили, для меня превращается в один ствол, составленный из кусочков. Вот стою я перед вами, и вдруг оказываюсь в позапрошлом году и начинаю жить эти месяцы снова в уже изменённой реальности. Я могу поступить на другую работу, могу пойти вновь учиться, например, на факультет проблем Времени. Могу развестись с женой. У меня появится новая семья. И когда я доживу до момента, во время которого в Марграде и был произведён этот самый запуск, я вдруг снова оказываюсь здесь и начинаю доказывать вам, что для меня все эти реальности складываются последовательно. Затем я

иду, к примеру, домой, и после годового перерыва встречаю свою жену, своих детей. Ведь для них-то я вышел из квартиры лишь несколько часов назад. И мне нужно вспомнить, что я им говорил вчера, что я хотел сделать сегодня. У меня отличная память, и всё равно это очень трудно сделать.

— Постойте, — прервал я его. — Вы говорите, что возвратитесь назад тогда, когда, например, наступит это самое время произведения запуска в Марграде. Но ведь в Марграде, если он только существует в той реальности, не обязательно произведут запуск в прошлое в тот же самый момент, что и в Марграде нашей реальности.

— Вовсе не обязательно. Согласен с вами.

— Тогда как вы можете оказаться здесь именно в момент, из которого и начали путешествие в прошлое? Вы должны появиться здесь в какой-то другой момент времени после запуска в нашем Марграде.

— Или даже до этого, — вставил он.

— Действительно, — опешил я. — Или до этого.

— Однако такого ни разу не бывало.

— Непонятно, — сказал Иван.

— Сейчас вам всё станет понятным. Предположим, капсула уходит в прошлое на год. Испытатель находится в ней десять секунд. А потом? Ведь он не возвращается в исходную точку во времени там, в прошлом. По истечении этих десяти секунд он сразу же переносится в настоящее. Этим самым он замыкает накоротко волновод времени, как бы притягивает к стволу ветку. И теперь новая реальность берёт начало не с того момента, когда было произведено изменение, а с момента запуска. И в новую реальность волновода нет. Она для нас больше не существует. А я продолжаю жить в ней, пока не наступит время запуска в нашей реальности. И тогда я снова замыкаю волновод времени. Свой волновод. И эта реальность для меня тоже перестаёт существовать. Но я всё же прожил в ней ровно год. Значит, это капсулы своими путешествиями складывают для меня в одну прямую время во всех реальностях.

Рассуждения его показались мне настолько правильными, что становилось непонятным, почему об этом никто ранее не догадался. Может быть, потому, что действительно не было прецедента?

— Я уже готов поверить вам, — сказал я.

— А я... — начал Иван, но гражданин в сером перебил его:

— Понятно. Нужны только прямые доказательства. Можете сравнить кинофильмы, снятые испытателями, с моими рассказами. Впрочем, я тоже могу снять кинофильм. Далее. Пусть специалисты исследуют мою память. Я знаю наизусть даже телефонные справочники. И тем не менее я не отлича-

юсь исключительной памятью. Чтобы запомнить всё, что я знаю, обычному человеку нужны сотни лет. Я и есть обычный человек. Но я прожил миллион жизней. И все они, если глядеть поверхностно, не похожи одна на другую.

— А вы не обращались к специалистам? — спросил я.

— Обращался. Но у меня слишком бредовая идея.

— Н-да...

19

— После того дня, о котором я вам рассказал, — продолжал странный гражданин в сером, — я много думал: что же случилось? Я никому не рассказывал о нём, только жене. Она-то мне поверила. Потом был ещё день, и ещё. Сначала это было похоже на сумасшествие, потому что все они начинались одинаково. И только я, знавший уже, что же будет дальше, мог изменить их, чтобы они закончились по-разному. Потом мне пришло в голову, что уж раз это явление существует, почему бы мне не использовать его? Я начал с того, что, если день повторялся, я весь его посвящал решению проблемы, которая стояла передо мной в нашей реальности. У меня теперь всегда было в запасе время. Я начал щёлкать задачки, которые ставили перед нашим КБ заказчики, как орехи. А когда у меня появились лишние месяцы и годы, я решил заняться чем-нибудь более интересным, чем разработка измерительной аппаратуры. Я кончил тридцать институтов. Я написал тысячи работ по многим отраслям науки и техники. Я мог спокойно, не торопясь, экспериментировать не только с научными проблемами, но и с людьми. Ведь мне не надо было бояться, что меня могут выгнать с работы, что меня бросят друзья. Тысячи раз проживая один и тот же день, я до мельчайших подробностей изучил характеры, мысли и поведение всех своих знакомых. Конечно, те реальности отличались чем-то от нашей, особенно если запуски производились на много лет. Но у меня был огромный опыт. Каждого человека я уже видел во всех возможных жизненных ситуациях, которые часто сам и создавал.

И здесь, в нашей реальности, я знал и понимал каждого человека. Ни у кого не могло быть от меня тайн. Сначала я и не подозревал, какая трагедия обрушилась на меня. Люди начали казаться мне всё менее и менее интересными. Всё меньше и меньше меня тянуло к ним. И однажды меня это испугало. Но потом я решил, что это неизбежно. Хорошо. Люди мне безразличны. Я могу добиться всего, если не в нашей,

то в какой-то параллельно существующей реальности. Я мог стать учёным, композитором, политическим деятелем. У меня было вдоволь времени, знания и памяти. И я был! И писателем, и композитором, даже председателем горисполкома. Но мне этого было мало. Я захотел сделать людям что-то интересное, совершенно необыкновенное. Разработать, например, единую теорию поля, открыть им пути к другим мирам, к другим галактикам. Я бросил всё и занялся только этим.

Меня постигла неудача. Если бы я подумал об этом раньше... Я уже говорил, что сменил много профессий. Так вот. Несмотря на неограниченный запас времени, я везде был серостью, посредственностью, ординарностью. Из меня не получился ни великий композитор, ни великий изобретатель, писатель, общественный деятель и так далее. Я был посредственностью, каких, наверное, много. Их никто не порицает за это, даже они сами, потому что у них мало времени. Но у меня-то его было сколько угодно! Мои романы, песни, изобретения... Их и читали, и пели, и применяли некоторое время. И очень быстро всё забывали. Я так и не тронул ничем сердца людей. И вот тогда я взялся за единую теорию поля. Здесь не нужно вдохновения, говорил я себе. Здесь нужна только логика. Я затратил на это сотни лет и не продвинулся вперёд ни на шаг. Значит, дело не только в памяти и знаниях. Какие-то фильтры, созданные природой в моём мозге, не позволяли мне перешагнуть через то, что уже было известно другим. Я стал замкнут, нелюдим, как непонятый гений-одиночка. Но я не был гением. Это-то уж я знал точно.

Меня перестали интересовать не только люди. Меня перестало интересовать всё на свете. Однажды жена сказала мне, что я серый сухарь, что каждый человек в любое мгновение живёт тысячью жизней, непохожих одна на другую. И пусть они существуют только в голове, ими человек и счастлив. Счастлив своими необузданными мечтами и желаниями, мыслями и поступками, своими чувствами. А я, проживший миллион жизней, на самом деле прожил одну, серую, незаметную, тусклую жизнь. Она права. Я разучился мечтать. Зачем мне мечтать, если я могу всё осуществить в какой-нибудь параллельно существующей реальности. Я действительно прожил одну, склеенную из миллионов кусочков, жизнь. Их одинаковость — в моей абсолютной заурядности. Сто лет жевать мясо и радоваться этому, наверное, можно. Но миллион лет — нельзя.

И трагедия моя бесконечна. Даже когда умру, всё равно я буду жить в параллельных реальностях, и они по-прежнему будут выстраиваться в очередь, пока путешествия в прошлое будут продолжаться. Даже мёртвый, я буду жить вечно. Я не могу умереть. Вы должны понять, как это ужасно.

...Он кончил говорить и посмотрел на нас с надеждой. То, что он рассказал, было действительно ужасно. Прожить одну за другой миллион заурядных, ненавистных поэтому жизней! Может, и хорошо, что мы умираем, не успев полностью осознать свою заурядность, не успев пресытиться тем, что дают нам люди и природа?

— Если это правда, то ваша жизнь действительно ужасна, — сказал я.

— Правда! Всё это правда! — вскричал он.

— И вы ждёте от нас помощи? — спросил Иван.

Гражданин в сером пожал плечами:

— Нет. Но ведь всё может быть.

— А вы сами ничего не придумали?

— Ничего... Есть, правда, одна возможность.

— Какая?

— Отключить аппаратуру «абсолютного времени» и начать историю человечества с двенадцатого октября тысяча девятьсот шестьдесят шестого года, заново.

По-видимому, открылся ресторан. Через наш тамбур то и дело стали проходить пассажиры. Одни были в костюмах и платьях, в которых они, наверное, щеголяли и до этой поездки, другие — в пижамах и домашних халатиках. Маленьких детей осторожно вели за руки. То и дело слышалось:

— Пап, а что там?

Или:

— Мотя, возьми эскалоп!

— Знаю я эти вагоны-рестораны!

— Говорил, возьмём с собой индюка.

На строгом ошейнике провели пойнтера, пятнистого, поджарого, недоумевающего по поводу отсутствия обычной чудесной утренней прогулки.

От окна, обращённого к югу, уже тянуло жаром.

20

Иван, подпиравший плечом стенку тамбура, о чём-то думал. Гражданин в сером костюме выговорился и теперь тоже молчал. Когда двери, ведущие в соседний вагон, хлопали, в тамбур врывался грохот колёс и скрежет вибрирующего вагона.

— Простите, — сказал Иван. — Ваше имя, отчество?

— Степан Матвеевич. Хотите и фамилию? Граммовесов.

— Спасибо. Меня зовут Иваном. Я вот что думаю. Вы не захотите этого. Ведь речь тогда пойдёт уже не только о вас.

Степан Матвеевич горестно тряхнул головой:

— Поэтому я и еду в Марград... Простите. Я, наверное, задержал вас? Пойду посижу. А этот вопрос: год, число, месяц?.. Я не сразу прихожу в себя после путешествия в прошлое. Прошу простить.

— Это пустяки, — сказал я. — У меня к вам тоже один вопрос. Разрешите?

— Пожалуйста, пожалуйста. Мне очень приятно отвечать.

— Вот вы сказали: вам знакомы почти все люди. Это действительно так?

— Да. Я могу быть официально и незнаком, но знать наверняка знаю почти каждого.

— Скольких из сотни вы обычно знаете?

— Пятьдесят-семьдесят, думаю.

— А нас с Иваном?

— Нет, простите... Ваши лица мне незнакомы.

— А в вагоне? Вы узнали кого-нибудь в вагоне?

— Постойте! Я здесь не встретил ни одного знакомого лица! Вы думаете...

— Нет, нет. Я ничего такого не думаю. Притом, специалисты в этом самом темпоральном поле вы и Иван. Я же полнейший профан. Просто, если всё так, как вы говорите, получается небольшая неувязочка. У меня предложение. Времени у нас впереди более чем достаточно. Не могли бы вы прогуляться по вагонам в надежде встретить кого-нибудь из знакомых? Я не настаиваю. Я даже не знаю, для чего это может понадобиться. Пришло в голову и всё. Так согласны?

Степан Матвеевич прикусил губу. На нас с Иваном он не смотрел. Что-то сейчас рождалось в его голове?

— Надо попробовать, — наконец сказал он. — Вдруг в самом деле прокол?

— Я с вами, — неожиданно сказал Иван.

— Не возражаю. Пожалуй, сразу и начнём?

Иван посмотрел на меня печальными глазами. Они вышли из вагона, и вид у них был такой, словно они оба напали на какой-то след.

Итак, уже день, а я ещё не умывался. И электробритва сломана. Я приоткрыл дверь в коридорчик вагона. Там стояла студентка из стройотряда и парень. Теперь уже скоро, подумал я, но в коридорчик заходить не стал.

Равнина за окном была довольно однообразна, и мало что на ней задерживало взгляд. Ай да поезд! Вот тебе и фирменный поезд «Фомич»! Не прошло ещё и десяти часов, а сколько тут всякого напроисходило! Удивительно, как быстро узнаёшь людей в поездах...

21

В коридор вышла девушка в зелёных стройотрядовских брюках и такой же куртке. На левом колене брюк значилось: «Не сгибаться!». «А как же правое?» — подумал я машинально. На коротких стриженых волосах её сверкали капельки воды.

— Можно мне с вами поговорить? — вдруг спросила она.

— Конечно, конечно, — ответил я. Удивляться в этом поезде, кажется, не приходилось.

— Меня группа уполномочила. Не знаю, с чего и начать. У нас сегодня утром было комсомольское собрание... Ведь, знаете, Инга очень чудесная девушка. Мы уже два года учимся вместе. Она и активист хороший, и на повышенную чуть-чуть только не вытянула. И моральный уровень у неё на высоком уровне. — Она замолчала, сообразив, что сказала что-то не совсем правильно.

И я молчал. Говори, милая девушка, говори. Мне очень хочется слушать про Ингу. А если с ней случилось что-то страшное, то я помогу. Я для неё всё сделаю, только бы не было боли в её глазах и этого жуткого отчаяния.

— Конечно, не все думают, как я, — продолжала она. — Валерка, так тот сразу предложил исключить её из комсомола. Моральное падение, дурной пример для других и прочее, и прочее. Он у нас такой. Уж чересчур правильный. Да ещё и влюблён в неё. А тут такое.

— Ну а что всё-таки произошло?

— Как?! И вы ещё спрашиваете? Ну вы тип!

— Пусть так, а всё же?

— Да у вас сын родился, а вы на него и взглянуть не хотите!

Сначала я даже не удивился, не дошло до меня как-то. Я только машинально поднял руку и потрогал лоб девушки.

— Вы перегрелись.

Она со злостью отбросила мою руку.

— Да вы и в самом деле подлец! Вас... вас с поезда надо ссадить. Да! Да! Ссадить, ссадить! Инка мучается. И как в глаза матери она будет смотреть? Уехала — всё нормально, а привезла сына. А ему, видите ли, плевать! Плевать! Плевать!

Ух и разошлась она! Короткие волосы встали чуть ли не торчком, щёки раскраснелись, глаза горели презрением и гневом.

— Остановитесь! Расскажите всё толком.

— Как? Вы что... вы в самом деле ничего не знаете или просто прикидываетесь дурачком?

Да-а... Прозвищ за две минуты она мне надавала предостаточно.

— Я и в самом деле ничего не знаю.

— Да ведь уже весь вагон знает.

— Кто-то, наверное, уже рассказал всему вагону, а мне — нет.

— Да мы же и рассказали. Ведь такая неожиданность. А Инга всегда отличалась строгими привычками и поведением. Так вы действительно ничего не знаете?

Я отрицательно покачал головой. Я знал только, что за Ингой, этой девушкой, женщиной, молодой мамой я бы пошёл, не спрашивая ни о чём.

— Это просто ужас какой-то! Наш строительный отряд ездил в Фомскую область. А строили мы свиноферму. Ну, поработали мы хорошо. Даже благодарность от совхоза получили. Да и денег нам выдали порядочно. Сели вчера в поезд. Поём песни, всё хорошо, весело, главное, что нормально. Никаких ЧП, ничего подобного. И Инга была нормальной, ну разве что немного возбуждённой, да и то только тогда, когда слух разнёсся, что в каком-то купе едет пришелец. Она всё шею вытягивала, рассмотреть кого-то хотела. Но в пришельцев мы принципиально не верим. И Ингу не пустили. Она у нас поёт хорошо. А какие без неё песни? Потом улеглись спать, но Инга долго не спала. Мне снизу хорошо было видно. Всё что-то пальцем на багажной полке рисовала... Так вы в самом деле ничего не знаете?

— Ничего.

22

— Странно... — Она всё ещё смотрела на меня недоверчиво, недоброжелательно. — Ну так слушайте... Утром, часов в пять, наверное, точно я не догадалась заметить, вдруг ребёнок закричал. Я ничего не пойму. Где-то рядом плачет. Потом сообразила, что в нашем купе. Да только откуда у нас может взяться ребёнок? Уже светать стало. Я смотрю — а Инга лежит, вся какая-то не своя, и его вроде баюкает, ну что-то вроде этого, не знаю, как и сказать. Он и затих. Я её спрашиваю:

— «Инка, это откуда взялось?» — «Это сын мой», — отвечает. — «Инка, я, наверное, сплю? Мне чёрт знает что кажется! Это ребёнок ведь?» — «Ну да. Это мальчик. Сын мой». — «Какой такой сын? Ты что, сдурела? Подкинули? А-а...» — «Да нет, Света, сын это мой. Понимаешь? Сын! Мой, мой, мой... Сашенькой назову». — Ну, думаю, чокнулась Инка. Давай ребят будить, да только их сразу и не добудишься. — «Послушай, — говорю, — раз сын, то и отец должен быть. Ведь это обязательно». — «Глупая, ну конечно, обязательно». — Я так и ахнула! — «А кто, говорю, — отец-то?» — «А он на полке номер

сорок шесть, верхняя боковая». — Вот учудила Инка. — «А хоть как звать-то его?» — «Не знаю». — «Кто он вообще?» — «Не знаю». — «Да ты хоть что-нибудь о нём знаешь?» — «Ничего. Знаю только, что он Сашенькин отец. И ещё: я их обоих люблю, и отца, и сына». — Ну, тут уже все проснулись, ничего не поймут. Я растолковываю, что у Инки сын родился, Сашенька, а они ничегошеньки не понимают. Вроде я чушь горожу. Потом полезли смотреть. И верно: лежит ребёнок. Валерка аж позеленел весь и говорит: — «Ты всю нашу группу опозорила! Тебя из комсомола надо гнать в три шеи!» — «Да за что же, Валера, меня гнать?» — «А ребёнка прижила? Так комсомолки не поступают!» — «Я его, Валера, не прижила. Я его хотела». — «Слышали? — кричит Валерка. — Призналась! Предлагаю от имени группы вынести Инге Ракитиной строгий выговор по комсомольской линии». — А Клава говорит: — «Заткнись, вождь! Ты не на параде». — И Инке: — «У тебя хоть пелёнки-то есть?» — «Ничего у меня нет, девочки». — «Что же ты думала? Почему не приготовилась?» — «Да откуда же я знала? Ведь он только что появился». — «Побегу к тёте Маше. Хоть простыню чистую попрошу». — Клавка убежала, а Михаил — он у нас вообще-то заика, потому говорит очень редко, всё больше молчит, — так вот, он вдруг и брякни, и заикание у него вдруг всякое пропало: —«Послушайте, ребята, и ты, Ина, ведь это... как сказать-то, ну... в общем... ведь вроде беременность полагается, — и покраснел, а потом: — Но у тебя-то ничего и заметно не было. Вы меня простите, ребята, и ты, Ина, ты же с нами работала». — «Никакой беременности у меня и не было. А Сашенька просто появился утром» — У меня и сорвалось: — «Ведь ты же говорила, что отец его едет на сорок шестом, на верхнем боковом». — Она на меня как посмотрит! А Валерка уже тут как тут: «Ага! всё-таки призналась сначала, а теперь отказываешься! Да за такое поведение...» — Тут тётя Маша пришла и комплект постельных принадлежностей принесла. — «Ну-ка, — говорит, — где тут безбилетный пассажир у меня? А какой крепенький! Мальчик... Звать-то?» — «Сашенькой». — «А отчество?» — Инка и замолчала. До сих пор молчит. Только пелёнку попросит или соску. А ему сосать надо. Да только у Инки и молока никакого нету. У неё, простите, раз уж вы Сашенькин отец, то можно сказать, — и груди-то с кулачок. Откуда там молоко может взяться?

Она тараторила ещё что-то, но я воспринимал только одно: Инга меня заметила, не безразличен я ей! Я и думать не хотел: что, как, почему... Я не безразличен Инге! Она меня почему-то выделила среди других.

— Вы что, не слушаете меня?

— Слушаю, Светлана, слушаю.

— Мы вот что вам хотим сказать. Ингу нельзя обижать. Не знаю, что уж вы предпримете, может, в бега рванёте, но мальчику нужно отчество. Не пропадёт он. Наша группа его на воспитание возьмёт. Но без отчества ему нельзя. Как ваше имя?

— Артём. Артемий вообще-то. Но все зовут Артёмом.

— Значит, Александр Артемьевич. Ну и здорово! Даже очень подходит. Вы-то ей сами ничего не хотите сказать?

— Хочу?.. Хочу, конечно. А она меня не прогонит?

— Хм... А вы вообще-то ничего. Валерка говорит, что и через суд будет трудно доказать. Ведь прямых улик нет. Да и, честно говоря, косвенных тоже. Так вы не отказываетесь?

— От чего мне отказываться?

— Ну, что он ваш сын.

— Не знаю, Света. Хорошо, если бы он был моим сыном.

— Ну вот. Снова да ладом. Теперь вы изворачиваться начнёте, отказываться.

— Ничего ты, Света, не поняла. Не обижайся. Я и сам ещё ничего не понимаю.

— Так я пойду и скажу ей?

— Что?

— Ну, что вас зовут Артёмом. Вы хоть взгляните на сына.

— Света, ты иди. Я сейчас...

— А не сбежите? Станция скоро...

— Никуда я не сбегу.

Она ещё раз подозрительно посмотрела на меня, но, кажется, поверила.

23

Я уткнулся лбом в горячее стекло. Понять что-нибудь было невозможно. Ах, Инга, ведь это ты сегодня явилась ко мне во сне... Господи! А если бы я полетел на самолёте? Ведь тогда бы я её не встретил. Никогда не встретил.

Я вошёл в вагон. В коридорчике уже никого из жаждущих умыться не было. Так ведь и время двигалось к обеду! Из-за стеклянной двери на меня настороженно смотрели студенты. Я прикрыл за собой дверь, сделал ещё два шага, очутился в купе между полками и сказал:

— Здравствуйте.

— Виделись уже, — ответил мне один из них. Наверное, тот самый зловредный Валерка.

Инга лежала с открытыми глазами. Где-то под мышкой у неё белел платочек моего новорождённого сына.

— Инга, — позвал я. — Надо что-то делать!

— Что? — спросила она испуганно.

— Я вот что думаю, — сказал я. — Наверняка в поезде есть женщины с грудными детьми. Я попрошу, чтобы кто-нибудь согласился кормить Сашеньку эти два дня.

— Ты смотри, — сказал второй студент. — Здраво рассуждает.

— Спасибо, — тихо ответила она, но счастья в её голосе я не почувствовал.

А у меня язык не поворачивался в присутствии этой оравы студентов сказать ей, что я её люблю. Сказать ей взглядом? Я улыбнулся. Не знаю, что получилось, но мне показалось, что лицо её потеплело.

— Спит, — сказала она. — Укачивает его.

На столе стояла пол-литровая бутылка с молоком и откуда-то взявшейся детской соской. Бутылка подрагивала в такт стуку колёс.

— У озера, — тихо сказала Инга, так, чтобы никто не расслышал, кроме меня. — Хорошо. Ты иди теперь. Я очень хочу спать. Очень.

— Спи, — сказал я, но рукой коснуться не посмел ни её, ни сына. Она ещё раз медленно моргнула ресницами. — Ребята, — обратился я к студентам, — вы тут не особенно шумите, они спят.

— Сами не знаем. Маленькие. — Нет, они не принимали меня к себе. Только Светлана смотрела на меня чуть дружелюбнее.

Инга лежала с закрытыми глазами. А я пошёл к себе в купе и бросил в угол полки так и не понадобившиеся полотенце и мыльницу. Два нижних сидения пустовали. Я опустился на одно, посидеть с минутку. Надо ведь было идти искать кормящую мать. Тося сидела в голубоватых отутюженных брючках и синей кофточке с глубоким вырезом. Семён резал колбасу домашнего приготовления. И вообще всякой снеди по сравнению со вчерашним пиршеством нисколько не убавилось.

Зинаида Павловна, приглашённая к столу, сказала мне с улыбкой, которая меня ничуть не обидела:

— Послушайте, Мальцев. У вас родился прекрасный сын. Я — детский врач, и уже осматривала его. Он просто здоровячок. Конечно, два дня такой жары для него не пройдут бесследно, но мы что-нибудь придумаем.

— Спасибо, Зинаида Павловна.

— Случай исключительно интересный!

Тося всё порывалась что-то сказать. Семён показывал на вчерашнюю бутылку и понимающе подмигивал. В бутылке снова было налито что-то тёмно-коричневое, похожее на коньяк.

— Поздравляю, Артём, — сказал Тося. — Я уже видела вашего сына. А вы вчера не сказали даже, что едете с женой. Надо было и её пригласить поужинать.

— Да. Надо было, — согласился я. Если бы я тогда знал это...

— С прибавлением, так сказать, — сказал Семён и потряс бутылкой. — Не разберу какой, но коньяк. С утра никогда не пью, но ради такого случая...

— Спасибо, Семён. Сейчас не могу. Спасибо, Тося.

Нового пассажира в купе не оказалось.

— А вашей жене, Мальцев, — сказала Зинаида Павловна, — необходимо не лежать, а ходить, стоять, сидеть в крайнем случае. Ведь с ней ничего такого не случилось. И уж очень она чем-то подавлена. Вы её, Мальцев, пожалуйста, развеселите.

— Да, да, Зинаида Павловна. Я сейчас пойду по вагонам искать кормящую мать. Может, удастся попросить её на эти два дня...

— О, Мальцев, вы прекрасный, всё понимающий отец. — И Тосе: — Подайте, милочка, мне вон тот кусочек.

Семён разочарованно крутил на столе бутылку. Где-то через купе играли в домино. А ещё дальше слышалось: «Шах! Шах! Пат? Пат... Снова ничья!».

24

Из первого купе, постанывая, вышел небритый мужчина — это из компании любителей русских и украинских народных песен — и нетвёрдым шагом направился по коридору. В каждом купе он останавливался и что-то спрашивал, потом снова шёл вперёд. Дойдя до меня, он остановился и сказал:

— Хоп! Вот она! Товарищи, я делегирован к вам от первого купе: место первое тире четвёртое. Во спасение души. У вас тут, говорят, интересная бутылочка есть. Не одолжите на полчаса?

— Берите, пожалуйста, — очень легко согласился Семён.

Я даже удивился: чего он так расщедрился. И потом: одолжить можно стакан, нож, но не литр коньяку! Судя по всему, «первое тире четвёртое» намерены были распить бутылку, а не раскалывать ею грецкие орехи.

Мужчина осторожно взял бутылку двумя огромными ладонями, в которых литровая ёмкость казалась обыкновенной поллитровкой.

— Благодарю от имени, — сказал он. — Возвратим в целости и сохранности. — И ушёл к себе, вышагивая очень осторожно.

— Ой, как интересно ехать в фирменном поезде! — восторгалась Тося, сейчас, при свете дня, казавшаяся ещё более красивой, чем ночью. Любовь к еде, конечно, приведёт её к полноте, но это будет ещё очень не скоро. — Такой симпатичный пришелец ночью. Утром рождение ребёнка. И бутылка эта. Никогда мне в поездах не было так интересно. Правда, Сёмка?

— Угу, — согласился Семён, разламывая очередную курицу. — Подсаживайся, Артём.

— Благодарю. Я завтракал в Старотайгинске.

— Что?! В Старотайгинском буфете?! Да после него только ещё больше есть хочется!

— Нет, нет. Спасибо!

— У меня даже нет желания сходить в Усть-Манске, — вздохнула Тося.

— А мама? — немного обиделся Семён. — Пирогов сейчас уже гору напекла.

— Да. Конечно, — согласилась Тося.

Я встал, чтобы пройти поезд из конца в конец. Очень много интересного уже произошло в этом фирменном поезде. Тося даже и не знала всего. Да и я, пожалуй, не знал.

— Угадай, Артём, что произошло с этой бутылкой? — сказал Семён. — Товарищ пришелец вчера её забыл захватить. Да и зачем она ему пустая? А сегодня пришёл из первого купе, не этот, а другой, который галстук ногами топчет, и говорит, дайте, мол, бутылочку, рассыпухи в буфете купить. Не может, мол, быть, чтобы буфет рассыпухой не торговал. Не по-человечески это и достойно только жалобы. Я, конечно, отдал. Зачем она мне пустая? Всё равно выбрасывать. Только, говорю, сполосните, а то там молдавский коньяк был. А он: коньяк нам не помеха. Но всё же сполоснул. Прибегает с дикими глазами и орёт: где бутылку покупали?! Пришелец, говорю, знакомый оставил. К чёрту пришельцев! — орёт. В каком магазине, мол, брали? Ну я ему, понятно, всё и объяснил. А он: бутылка-то не простая! В неё наливаешь сырую воду, а выливаешь чистейший коньяк КВ ВК! Я не поверил, но у него для эксперимента всё с собой. Тут же показал, бутылку оставил и ушёл. Но, видать, не выдержали. Да пусть они пьют сколько хотят. Этой бутылочкой можно будет всю воду в мировом океане на коньяк перегнать.

— Солоноватый только будет, — заметил я.

— Кто солоноватый?

— Да коньяк — если из морской воды гнать через эту распрекрасную бутылку.

— При чём тут морская вода? — спросил он меня уже несколько раздражённо.

— Не обращай на меня внимания, Семён.

— У человека сын родился, а ты к нему с бутылкой пристал, — сказала Тося.

— Милочка, мне ножку или грудку, — ласково проворковала Зинаида Павловна.

Мимо прошла маленькая толстая женщина с детским горшком в руках. За ней словно шарик катился муж, в пижаме и с ребёнком на руках. Вид у них у всех, включая двухгодовалого ребёнка, был словно при исполнении важного государственного задания. Шарик немного задержался возле нас, но жена строго окликнула его:

— Мотя, не разговаривай с ними!

Мотя тотчас же подчинился, но всё же успел сказать:

— Никаких пришельцев не бывает! И никакой ребёнок у вас не родился. Подкинули ночью. Или из детского дома. В первом вагоне детей из детского дома везут...

— Мотя, не марай рук! — донеслось уже откуда-то из туалета.

— Дураков обманывать надо, — заключил шарообразный Мотя и понёсся на голос жены.

Ладно, подумал я, катись от меня подальше. Всегда такой найдётся.

25

Я наконец двинулся по вагону к тамбуру, к тому, где располагалось купе проводниц. И к чёрту всякие бутылки! Кроме как с молоком. Я решил сначала пройти в дальний конец поезда. Всё-таки вероятность больше. Проводница, вторая, а не тётя Маша, готовила для пассажиров чай. Я вошёл в тамбур и дёрнул дверь. Она поддалась очень уж легко, и на меня чуть не лёг с размаху Иван.

— Э-э, — сказал я. — Раздавишь.

— Артём! Куда это ты направляешь свои стопы?

За ним стоял Степан Матвеевич, какой-то странный и удивлённый. Я подумал, уж не собирается ли он снова задать свой стандартный вопрос: год, число, месяц?

— Вам не попадалась там где-нибудь кормящая мать? — спросил я.

— Кормящая? Да зачем тебе?

— Нужно.

— Степан Матвеевич, нам не попадалась кормящая мать? — спросил Иван.

— Третий вагон, место двенадцатое и двадцать седьмое. Пятый вагон, место три и сорок пять.

Всё-таки я пошёл не в тот конец поезда.

— Да ты скажи, Артём, зачем тебе понадобилась кормящая мать? Ведь не какая-нибудь, а именно — кормящая! — И он поднял палец к потолку.

— Понимаешь... сын у меня родился. А у Инги нет молока.

— Сын... Инга... Что-то я не замечал...

— Да я и сам не замечал. Полчаса назад только узнал.

Иван свистнул.

— Ну, а чем кончилось ваше предприятие? — спросил я.

— Наше? — сказал Степан Матвеевич и шагнул вперёд на место посторонившегося Ивана. — Наше предприятие кончилось ничем. Я не встретил ни одного знакомого. Это невероятно, необъяснимо. Словно мы перенеслись в другую реальность. Не нравится мне этот фирменный поезд.

Мы вернулись в вагон.

Кормящую мать мне помогла найти Зинаида Павловна. Она всё так здорово обставила, похвалила ребёнка той женщины, похлопала его по розовой попке, даже зачем-то выслушала стетоскопом, так что расчувствовавшаяся мамаша была готова на всё. Да и, кажется, молока у неё действительно было с избытком. Зинаида Павловна тактично не распространялась о нашей истории. Нужно — и всё. Исчезло молоко у такой-то молодой мамаши. Сашеньку договорились носить в пятый вагон. А Зинаида Павловна, когда мы вернулись в свой, сказала Инге:

— Ну, а ты почему всё лежишь, милочка? В этом нет совершенно никакой необходимости. С тобой ничего не случилось. Спит мальчик — и хорошо. Пусть спит один. Смотреть только за ним надо, чтобы не упал.

Нянек здесь было хоть отбавляй. Стройотряд ехал в разных вагонах, и как только весть о его пополнении разнеслась, группами и поодиночке студенты начали являться, чтобы посмотреть на маленькое чудо. Всё хорошо, но вот стройотряд-то оказался довольно большим. Меня затёрли. Да и дружеского контакта у меня со студентами по-прежнему не получалось, а роль отца я играл ещё плохо. Я махнул рукой и пошёл к себе в купе.

Иван лежал на полке, но как только увидел меня, слез и сел на нижнюю скамью.

— Поздравляю, Артём, — сказал он. — Сразу как-то не дошло, что тебя нужно поздравить.

— Спасибо, — ответил я и посмотрел на него пристально.

Я был тревожно и непонятно счастлив. И мне было немного неловко перед ним за своё счастье, словно я уже пересёк финишную прямую, а ему ещё приходилось бежать кто знает сколько кругов.

Степан Матвеевич вынул из портфеля какие-то бумаги, таблицы, графики и начал тщательно их изучать. Иногда он растерянно покусывал нижнюю губу. Семён достал колоду игральных карт и теперь рассеянно тасовал их, словно приглашал желающих перекинуться в очко. Тося сразу же отказалась играть в эту мужскую игру. Зинаида Павловна заявила, что ей ещё нужно присмотреть за новорожденным. Я тоже не высказал особого желания. Компания для игры в карты не составлялась. Семён нахмурился, но не высказал своего неодобрения вслух. И то сказать, ехать им оставалось всего несколько часов.

Семён сходил в купе к проводницам и вернулся с шахматной доской, внутри которой позвякивали фигуры. Невозможность найти напарника и для этой игры, видимо, не приходила ему в голову. Остатки обильного утреннего завтрака уже исчезли со стола, и на нём только потренькивал графин с сосновой веткой да шесть серебряных рюмок, оставленных добродушным пришельцем. Семён взглянул на меня непонимающе: прожигать время в одиночестве было для него в диковинку.

Но тут заплакал ребёнок в купе у студентов. Зинаида Павловна легко поднялась, поманила меня пальцем и пошла на этот зов требовательной жизни.

— Молодые люди, — сказала она студентам, которых здесь набилось, как на концерте знаменитости, — молодые люди! Вам не кажется, что все вы потребляете кислород? А человечку с маленькими лёгкими он тоже необходим. — И к Инге: — Ну что, милочка! Вставай, вставай! Сейчас понесём мальчика к одной очень хорошей тёте. Давай-ка его сюда.

Студенты поспешно разошлись. Ушёл даже сверхсправедливый Валерка, хотя уж его-то законное место было именно здесь. Зинаида Павловна взяла ребёнка на руки. Очень ловко это у неё получилось, покачала его немного, пока он не успокоился, и неожиданно передала мне. Я впервые держал своего сына на руках, и вообще впервые в жизни держал на руках младенца.

— Ну это же не кулёк с пряниками, — сказала Зинаида Павловна. — Что вы его так держите?

Я поспешно сменил позу ребёнка, и теперь он лежал у меня на вытянутых руках. Ему это явно не понравилось, потому что он тотчас же заплакал.

— Да-а, — сказала Зинаида Павловна. — Школу молодых отцов вы наверняка не посещали. Давайте-ка его сюда. А ты, милочка, немедленно вставай.

Всё это время я не смотрел Инге в глаза и не сказал ей ни слова. А теперь ещё отвернулся лицом к двери и только услы-

шал, как она спрыгнула с полки. И далее шёпот: — «Расчёску... Помятая, да?» — «Нормально. Ох, Инка».

— Вперёд, молодые люди, — скомандовала Зинаида Павловна. — Ах, как прекрасна жизнь!

Я отворил одну за другой две двери, подождал, пока женщины не вышли в тамбур. Нажал ещё на одну ручку. Громко загрохотали колёса, но Сашенька не обратил на это никакого внимания и не заплакал. Очень уж уютно ему было на руках этой милой женщины. А в тамбуре пятого вагона Зинаида Павловна вдруг заявила нам:

— Вот что, молодые люди. Дальше вам делать совершенно нечего. В купе и без вас не развернёшься, так что оставайтесь здесь и не беспокойтесь.

26

Мы остались вдвоём и взглянули друг на друга растерянно. Я машинально полез было в карман за сигаретами, но вовремя остановился. Взгляд Инги словно молил о пощаде. Я взял её за запястье вздрогнувшей руки и повернул к окну. Всё тот же бесконечный, однообразный пейзаж разворачивался там.

Всё происшедшее с нами было так быстротечно и странно!

Не сказав друг другу и двух слов, мы уже стали мужем и женой, да ещё и сына получили. Можно было растеряться от такого внезапного счастья. Инга стояла рядом со мной, едва доставая головой до моего подбородка. Я обнял её и правильно сделал, потому что рука моя сейчас могла сказать больше, чем присохший к гортани язык. Острое плечо её всё сильнее прижималось к моей груди, пока она вдруг не развернулась ко мне и не уткнулась лицом в рубашку. И что-то беспомощное и доверчивое было сейчас в Инге. Тело её несколько раз вздрогнуло, словно она плакала. А я одной рукой гладил её по спине, а другой трогал чёрные волосы, блестящие, мягкие и длинные. Она ничего не говорила, а горячий воздух от её дыхания жёг мне грудь.

Потом она выскользнула головой из-под руки и подняла лицо вверх. И выражение доверчивости и чуть-чуть испуга было на нём.

— Артём, скажи, я не навязалась тебе?

— Что ты?!

— Я ведь только вчера и увидела тебя, когда ты ещё только шёл к поезду. Такой серьёзный, недоступный.

— Никакой я не серьёзный, Инга.

Она снова прижалась щекой к моей горячей рубашке. И говорила, уже не поднимая головы.

— А ты даже на меня внимания не обратил. Потом этот несчастный пришелец... А когда ты шёл по коридору, то всё же обнаружил, что существует на свете такая дура-девчонка. Да?

— Ага. Мне аж страшно стало, когда я тебя увидел.

— Страшно, да? — Лицо её испуганно посмотрело вверх.

— Страшно, потому что я понял, что это навек, а через два дня ты так же навсегда уйдёшь из этого поезда. А я останусь один.

— Я тоже боялась, что останусь одна.

— А потом мне приснился сон. Я плыл по озеру.

— Правда? И тебе он приснился?

— Ага. И это озеро, и эта целина, всё действительно было когда-то, после второго курса. Но без тебя. Я вылез из воды, а ты сзади руки положила мне на плечи.

— Да, всё так и было... Нет, ты не сердишься, что я так быстро тебе навязалась?

— Ну что ты, Инга! Ты ведь счастье моё маленькое. Радость моя светлая.

Я ещё говорил что-то. Что-то наверняка всем известное. Я уже и сам не помню. Да только разве в словах было дело? Ведь можно было вообще не говорить, и всё равно всё было бы сказано. Теперь мы понимали друг друга без слов. И эта случайная встреча, и то, что сейчас возникло между нами, всё это связало нас крепко, радостно и навсегда. Да... Странный этот фирменный поезд «Фомич». Какие-то ещё неясные страхи возникали во мне, но то, что произошло в нём у нас с Ингой, я не хотел отдавать, не хотел возвращать. Если надо за неё бороться, за неё и за Сашеньку, я готов.

Я ещё крепче прижал Ингу к себе.

Я согласен был ехать в этом поезде.

27

Зинаида Павловна вошла в тамбур. Инга хотела взять Сашеньку на руки, но детский врач не позволила:

— Успеете ещё намотать себе руки. Он спит, и пускай себе спит. Сходите в ресторан пообедать. Ничего с ним не случится.

Я смотрел на спящее личико маленького человечка и в душе благодарил Ингу за этот подарок. Сейчас ещё невозможно было понять, на кого он похож. Носик пуговкой, щёчки пух-

лые, губки маленькие, веки закрыты. Он спал. Для него ещё ничего не существовало, кроме сна и молока.

— Милочка, — сказала Зинаида Павловна, когда я открыл дверь перехода из вагона в вагон, — вот что я попрошу тебя сделать. Только попозже. Сейчас не спеши. Попозже выстирай эти импровизированные пелёнки. Утюг я уже нашла у проводницы. А вы, Артемий, как только будет остановка покрупнее, поищите на вокзале или рядом что-нибудь из детского приданого. Так и спрашивайте. Продавцы поймут.

— Спасибо вам, Зинаида Павловна. Я всё сделаю.

— Зинаида Павловна, спасибо вам за помощь! Наверное, нужно поблагодарить и ту женщину? — спросила Инга.

— Нужно, милочка, нужно. Только не сейчас. Они с ребёнком легли отдохнуть. Я скажу, когда будет удобнее.

Железные плиты перехода скребли друг друга и повизгивали. Мы с Ингой прошли в вагон вслед за Зинаидой Павловной.

— Молодые люди, — сказала Зинаида Павловна студентам. — Мальчик хочет бай-бай. Мы отторгаем у вас нижнюю полку. Чья это полка? Вот и хорошо. Уходить никуда не надо. Сидите, разговаривайте, играйте в карты, только не курите. Мальчик будет спать вот так. Сюда подложим, чтобы он не скатился. Милочка, — это студентке Светлане, — садись вот здесь. Посматривай иногда. А впрочем, он и сам даст о себе знать, когда проснётся. А родители пусть сходят в ресторан. Им поесть нужно. Ну а я знаете в каком купе. Вот и всё.

Да-а... У неё всё получалось быстро и просто. Я уверен, что и в личной жизни у неё всё было так же легко и уютно.

Вагон-ресторан размещался между нашим и седьмым вагоном, или между седьмым и восьмым. Я уже точно не помнил.

— Как ты? — спросил я Ингу.

Глаза её успокоились. Она, кажется, поверила, что дальше всё будет хорошо.

— Я только переоденусь. Неудобно в халатике.

— Давай. Я подожду.

В нашем купе мало что изменилось. Иван играл в шахматы с пассажиром Крестобойниковым. Валерий Михайлович был взволнован. Оказывается, пять партий Семён — Иван закончились вничью, и вот уже пятая партия Иван — Валерий Михайлович тоже заканчивалась вничью.

— Ничего не понимаю, — раздражённо удивлялся Валерий Михайлович. — У вас, наверное, высокий разряд? Первый? Или кандидатский?

— Нет у меня никакого разряда, — отвечал Иван.

— Но ведь вы очень точно играете. По крайней мере, на уровне перворазрядника.

— Откуда это видно? — спросил Иван.

— Так ведь у меня первый разряд, скоро дадут кандидата в мастера. Не будете же вы утверждать, что я разучился играть, сев в этот поезд?

— Не буду, — согласился Иван.

— Тогда вы скрываете разряд!

— Нет у меня никакого разряда.

— Понимаете, если вы скрываете свой разряд, то я неосознанно играю не в полную силу, а это — нечестно.

— Что нечестно? Что вы играете не в полную силу?

— Не понял! — взвился Валерий Михайлович.

— Нет у меня разряда, — сказал Иван и смешал шахматы. Партия снова закончилась вничью.

— Может, вы хотите? — предложил мне Валерий Михайлович. — Только не скрывайте разряд, если он у вас есть.

— У меня тоже нет разряда. Но мы с женой собираемся в ресторан пообедать.

— О! Мысль! — внезапно забыл он о шахматах. — Не будете возражать, если я присоединюсь к вам?

— Не возражаю, — ответил я, хотя его отсутствие меня бы не смутило. — Сейчас Инга придёт.

Степан Матвеевич Граммовесов оторвался от своих таблиц и сказал:

— Сегодня в десять утра был произведён запуск в прошлое. В Австралии.

— Ну и что? — спросил Валерий Михайлович.

— Вы понимаете? — Степан Матвеевич посмотрел сначала на Ивана, потом на меня.

— Неужели проскочило? — спросил Иван.

— Да. Впервые за девять лет.

— А... Сейчас запуски в космос и в прошлое уже никого не удивляют и не трогают, — сказал Валерий Михайлович и дёрнул узел галстука изо всех сил, словно тот душил его.

— Я читал про это, — вступил в разговор Семён, которому без чего-то интересного: пришельца или приятного обеда, всё равно, жить было чрезвычайно скучно и трудно. — У меня даже книга есть.

— Сёмка очень интересуется этим, — подтвердила Тося.

28

— Я извиняюсь, бутылочку у вас брали? Прошу прощения! Всё в полном ажуре. Я туда чистейшей из титана. — Гражданин из первого купе, но не тот, которого я уже ви-

дел, а другой, сухощавый, слегка покачивался, но не в такт толчкам вагона, от тех-то покачивались все. — Без обману бутылка.

— Пришельцы не обманывают, — строго сказал Семён.

Валерий Михайлович сдавленно захрипел и снова резко дёрнул за галстук.

— Прошу прощения! — сказал пассажир из первого купе и спросил у Крестобойникова: — Удавливает?

— Неудачно завязал, — попытался что-то объяснить Валерий Михайлович. — Туговато, да и жарко.

— Э-э-э, — погрозил пальцем пассажир. — Знаю я вас, знаю.

— Откуда вы меня можете знать? — удивился Валерий Михайлович. Подобное знакомство его, видимо, совсем не устраивало.

— Ну да ничего, я вам помогу... Если не ошибаюсь — в ресторацию?

— Да, но позвольте...

— Ничего, ничего. Не стоит, право, благодарности. Для меня это дело чести.

— Да я вас ни о чём и не просил!

— Если ждать просьбы, будет поздно.

Они принялись что-то выяснять, но я уже не обращал на них внимания. По проходу ко мне шла Инга в ярко-жёлтом, как солнце, коротеньком платье и покачивала головой с распущенными чёрными волосами

— Разрешите пройти, — попросил я и протянул Инге руку. Она подала мне свою. Ладонь и подушечки пальцев у неё были в мозолях. Мне даже стало неловко за свои.

— Пошли? — спросила она.

— Пошли. — И мы двинулись друг за другом, держась за руки.

— Он спит.

— Ага? Ему, наверное, сейчас надо много спать?

— Не знаю.

В первом купе все были готовы к исполнению русских народных песен. Проводница, которая помоложе, продолжала готовить чай для пассажиров.

Ресторан оказался между нашим и соседним вагоном. Окна с северной стороны были опущены, но жара здесь стояла всё равно жуткая. Ведь и южная сторона представляла собой почти сплошное стекло, к тому же — закрытое, чтобы не залетело что-нибудь с встречного поезда.

Свободным оказался первый столик. Мы сели за него напротив друг друга. На столике стоял хлеб в грязной тарелке и ещё несколько тарелок, оставшихся от предыдущих пассажи-

ров. На скатерти расплывалось жирное пятно красного цвета от солянки или борща «по-украински».

— Я закурю? — спросил я у Инги.

Она согласно кивнула. Я закурил. Почти тотчас же подошла официантка и строго заметила:

— У нас не курят. — Но сигарету изо рта не вырвала.

Пепельницы на столе действительно не оказалось. Делать нечего, я затушил сигарету о чью-то грязную тарелку.

Официантка вернулась и сказала уже раздражённо:

— У нас так делать не полагается.

— А это полагается? — спросил я и показал на огромное пятно посреди стола.

Мне и в голову не пришло, что она может заменить скатерть. Ей — тоже. Через пять минут она принесла салфеточку и прикрыла ею пятно. Салфеточка оказалась как раз нужной по размерам.

Бог с ней, с официанткой, и вообще со всем этим рестораном. Нам сейчас было о чём поговорить, да и просто насмотреться друг на друга. Я даже не знаю, сколько прошло времени, пока у нас приняли заказ и недоумевающе посмотрели, когда мы не высказали желания выпить хотя бы сухого вина.

Официантка ещё не успела отойти, как в ресторан шумно ввалились Валерий Михайлович и тот пассажир из первого купе. Других свободных мест, кроме как возле нас, в ресторане не было, да и с другой стороны к столику уже приближалась подвыпившая пара. Валерий Михайлович и его знакомый мигом заняли оба свободных стула. Мой сосед был немного возбуждён, а Валерий Михайлович, похоже, чувствовал себя как-то трудно. Он слегка задыхался.

Обед прошёл нормально, и мне даже не показалось, что длился он очень долго, как это было на самом деле. Ну, мы, конечно, ели, передавали друг другу солонку или перечницу и говорили. Я рассказывал о своей работе, она — о стройотряде. Краем уха мы слушали и соседей. Если сидишь рядом, то не слышать невозможно. Наш разговор с Ингой ни для кого не представлял интереса. А вот разговор наших соседей заинтересовал бы многих.

29

— В разных вариациях, Федя, — обратился Валерий Михайлович к пассажиру из первого купе, — это повторяется каждый день. Например, вчера. Пришёл я в свой конструкторский отдел, поздоровался с сослуживцами и повесил пиджак

на стул. И тут явственно услышал, как облегчённо вздохнула моя рубашка. А пиджак, напротив, состроил такую недовольную гримасу, что я поспешно снял его со стула и повесил на плечики. Пиджак не то чтобы остался доволен этим, а просто, кажется, смирился.

Я приколол на чертёжную доску чистый лист ватмана, но взяться за работу не успел. Брюки настойчиво потащили меня в коридор и далее в курилку. Я подчинился, но потом вспомнил, что сигареты остались в пиджаке. Пришлось вернуться. Пиджак разъехидничался над моей забывчивостью, а брюки пришли в ярость, так что я чуть ли не бегом бросился бежать в курилку.

Так и есть! Первый утренний перекур уже кончился, и брюкам даже не с кем было поболтать. Они уже и без того были расстроены с утра, а тут ещё это. И брюки встали как вкопанные. Ни одного шага не могу сделать, хоть на помощь кого зови. Наконец в курилку зашёл кто-то из лабораторных инженеров, и брюки, наговорившись вдоволь, потащили меня в отдел.

На рабочее место, то есть на стул, мне сесть удалось, потому что моё желание и желание брюк в данном случае совпали. Брюки тоже захотели посидеть. И я принялся за работу, позабыв всё на свете. Потом почувствовал, что правый туфель жмёт ногу. Обувь у меня разношенная, поэтому я удивился. Наконец сквозь многоголосый шум расслышал:

— Сегодня ты поведёшь меня в театр.

— Но ведь мы собирались с Вероникой на концерт Маргадской эстрады, — посмел заявить я.

— Ах, на концерт! Вот тебе!

И ногу сдавило, как в испанском сапоге. Ну хоть бы он там видел что, в театре! Ведь всё равно сидит под креслом и только поскрипывает, когда не надо. Я попытался нагнуться и снять туфель. Но не тут-то было. Шнурок завязался на несколько узлов, и снять туфель было невозможно. Боль, Федя, становилась невыносимой, и что же — я сдался. Ступню сразу же отпустило. Но тут второй туфель завил:

— Плевал я на театр. Что там можно увидеть интересного? Хочу в ресторан, и чтобы шампанское лилось рекой!

— Но не могу же я быть одновременно и в театре, и в ресторане? Договаривайтесь и выбирайте что-нибудь одно. — Туфли заспорили. А я воспользовался тем, что они на некоторое время забыли обо мне, всё же сбросил их и сказал: — Много захотели! Для театра и ресторана у меня есть другие туфли.

Туфли сообразили, что их провели, как последних дураков, и начали проситься назад на ноги. Но теперь уж я решил покуражиться над ними и вырвать у них какую-нибудь страш-

ную клятву, что в дальнейшем они будут вести себя поприличнее.

Так оно, наверное, и вышло бы, но тут ко мне подошла секретарша начальника отдела и попросила пройти к шефу. Идти к начальству в носках было несколько неудобно, а не идти — нельзя. Я сказал, что зайду ровно через минуту, а потом сообразил, что надо было сослаться на головную боль и отказаться. Но было уже поздно. А туфли сообразили, в чём дело, и теперь вели себя нахально. Я весь свет возненавидел! Пришлось дать обещание, что выполню пожелания и того, и другого, но в душе-то я уже решил совершить клятвопреступление и выбросить их вечером в мусоропровод.

Пока я шёл к начальству, брюки расхныкались, что они совершенно голодны, и начали сползать с пояса. Пришлось мне придерживать их руками. Так я и вошёл в кабинет, словно намеревался пуститься вприсядку. Рубашка всегда отличалась трусостью, и сейчас при виде начальника отдела взмокла и прилипла к телу, надеясь, что её не заметят.

И вызов-то к начальству был по пустячной причине, из-за какой-то неправильно сконструированной гайки, которых уже нарезали миллион штук. Начальник отдела готов был от огорчения зло отчитать меня, но что-то мешало ему это сделать. Только он начинал расходиться, как голос его срывался на шёпот. Приглядевшись, я понял, что это происходит из-за воротничка рубашки. Может, рубашка моя и начальникова лежали рядом в магазине или успели познакомиться ещё раньше? Во всяком случае, я почувствовал, что рубашка моя перестала потеть от страха и легко задышала полной грудью.

На лице начальника было странное выражение гнева, страха и беспомощности. Он выпил стакан воды и отпустил меня.

Брюки снова потащили меня в курилку. Их было хоть утюгом не гладь, только дай поболтать. И спорить с ними бесполезно. Это не ботинки, которые при известной сноровке можно сбросить с ног и сидеть босиком. По дороге в курилку брюки вцепились в юбку проходившей мимо нормоконтролёрши. Оба мы безуспешно пытались разойтись, пока не поняли, что в ближайшие минуты это невозможно. Пришлось поговорить немного о жаре, которая уже измучила весь город. Что говорили мои брюки этой коротенькой, новенькой, только что с прилавка, юбке, я слушать не стал. Уж увольте! Наконец симпатичная, между прочим, нормоконтролёрша как следует одёрнула свою юбку, и брюки мои, галантно раскланявшись, понеслись в курилку. Так и прокрутился я до обеда, выполняя противоречивые, иногда даже взаимоисключающие друг друга желания вещей.

Вид у меня, наверное, был настолько несчастный, что начальник отдела, поощряемый своим воротничком, позволил мне уйти после обеда домой. Всё равно это было уже перед днём отпуска...

30

Рассказ Валерия Михайловича, хотя я и слушал его вполуха, содрогнул меня. Действительно жуткая история.

Они уже выпили бутылочку портвейна, и на глазах становились закадычными друзьями.

— Вот такая жизнь, Федя, — печально сказал Валерий Михайлович.

— Мы много знаем о хищных вещах века, но что мы знаем об обыденных вещах дня? — глубокомысленно спросил Фёдор.

— Разве это жизнь? Мука!

— Это бывает, — серьёзно произнёс Фёдор. — У меня вот тоже с вещами беда. Что ни наденешь, всё висит мешком, а туфли так в первый же день скособочиваются. И даже не думай заставить их почистить себя щёткой. А брюки, так те из принципа не позволяют заглаживать на себе складку.

— Да это ерунда! — перебил его Валерий Михайлович. — Ты хоть их в узде держишь. Смотрю я на тебя — что ты им прикажешь, то они и исполняют.

— Да, — с нотками гордости в голосе согласился Фёдор. — Насчёт послушания они у меня вышколены что надо! Самое главное — сбить с них спесь сразу же после того, как купил.

— А как это? — живо поинтересовался Валерий Михайлович.

— Тут особый подход нужен к каждой вещи. Рубашку нейлоновую, например, если она начинает коробиться, я топчу ногами до тех пор, пока она не станет как шёлковая. И тогда уж носи её, как хочешь. И в жару не прилипает, и в холод колом не стоит. А туфли я учу деревянным молотком... через наволочку, конечно. А то можно и искалечить.

— Ещё бутылку портвейна! — потребовал Валерий Михайлович.

Фёдор выставил из-под стола ногу в грязном стоптанном башмаке.

— Вот молодцы! Характер спокойный. Ленивы только, за мокрой тряпкой и руки не протянут. Но уж идут беспрекословно, куда захочу, и в грязь, и в воду.

— Пиджак вот тоже у меня...

— Э-э... С пиджаком-то легче всего. Где он? Давай сюда.

Валерий Михайлович передал ему пиджак, который, словно предчувствуя экзекуцию, так и рвался из рук, всё норовя спрятаться где-нибудь под столом.

— Перво-наперво, — глубокомысленно сказал Фёдор, — пиджаку нужно как следует надрать уши. — И он так крутанул пальцами лацкан пиджака, что тот действительно взвизгнул, как побитая собака. Фёдор крутанул ещё раз, но, видимо, перестарался. Оторванный лацкан повис, как ухо спаниеля.

Валерий Михайлович испуганно посмотрел на Фёдора.

— Это ничего. Заживёт, как на собаке. Пиджаки — они вообще очень живучи. Брюки, раз-два, смотришь — уже износились, а пиджак, собака, всё ещё цел.

— Ну, брюки, брюки, — нетерпеливо спросил Валерий Михайлович.

— Что брюки? Для брюк есть ремень!

— Две бутылки портвейна! — потребовал Крестобойников.

— Всё это ерунда, — доверительно сказал Фёдор. — Со всем можно справиться. Но есть одна зловреднейшая штука, хуже которой ничего на свете не существует. А вот сама человека в два счёта может на тот свет отправить.

— Что же это? — испуганно спросил Валерий Михайлович.

— Эта штука называется — галстук. Ох и вредная вещь! Нет, давить меня не давил, а вот из-под пиджака всё время вырывается. То на спину бросится, то в тарелку уляжется.

— А у меня так и норовит горло сдавить. Ты его расслабляешь, а он всё туже затягивается.

— Да, с этим справиться потруднее, — задумчиво сказал Фёдор. — Надо поэкспериментировать. Снимай галстук. Да рви его, рви!

Валерий Михайлович и Фёдор вежливо выпустили нас из-за столика.

Когда мы выходили из ресторана, я оглянулся.

Прыгая между столиками, они экспериментировали с галстуком — топтали его ногами, вдвоём и по очереди. Особенно старался Фёдор, во-первых, он был руководителем этого эксперимента, во-вторых, галстук всё-таки принадлежал не ему, а Валерию Михайловичу.

31

Не успели мы с Ингой дойти до купе, где спал наш сын, как сзади раздался шум, грохот, послышались выкрики и глухие удары. Ещё не оборачиваясь, я понял, что это драка. Только

драки не хватало в нашем вагоне! Я бросился назад, крикнув Инге: «Стой здесь!».

Но моя помощь опоздала. Иван и ещё один парень скрутили дерущихся. Одного, впрочем, незачем было и скручивать. Получив от противника прямой удар в челюсть, он сейчас покорно висел с закрытыми глазами и каким-то блаженным выражением лица на руках Ивана. Я тотчас же признал в пострадавшем пассажира из нашего купе — Валерия Михайловича Крестобойникова. Он был без галстука. Вероятно, в процессе эксперимента тот пришёл в полную негодность.

Скрученный огорчённо смотрел на свою поверженную жертву, мотал головой и иногда изрекал: «Прошу пардону!». Но, так как он ни к кому персонально не обращался, его не прощали. Фёдор, а это был именно он, тяжело переживал человеческую чёрствость.

На шум прибежали обе проводницы, причём тётя Маша — невыспавшаяся и от этого сильно не в духе. Она сразу начала выяснять, как будто всё происшедшее не было очевидным и без расспросов.

— Кто дрался?

— Да вот двое, — высунулся из своего купе шарикообразный Мотя в пижаме.

— Один из первого купе, а второй вон из того, — показала детским горшком жена Моти и пошла выливать его в туалет.

— Пьют чуть ли не с самого утра, а потом дерутся! — выкрикнул Мотя, осмелев и сообразив, что никакой опасности больше поблизости нет.

— Сдам в Балюбинске обоих в милицию, — пообещала тётя Маша. — А сейчас составим протокол. Пострадавшего поместите на полку. Нарушителя ко мне в купе для дачи показаний. Кто свидетель?

Иван и второй парень — атлетического, надо сказать, сложения — согласились быть свидетелями.

Пострадавшего перетащили на полку, положили ему на лоб мокрое полотенце. Валерий Михайлович пришёл в себя, но отвечать на какие-либо вопросы отказывался и всё время мечтательно смотрел немигающими глазами в потолок, вернее, в верхнюю полку, лишь раз прошептав: «Вика, прости...». Зинаида Павловна немного похлопотала возле него, но, видя, что никакой особой опасности нет, оставила пострадавшего в покое. Семён и Тося оживлённо обсуждали происшествие, хотя и не видели его, но тем интереснее разыгрывалось их воображение.

Степан Матвеевич, поманив меня пальцем, прошептал на ухо:

— Поговорить надо.

— Сейчас? — спросил я.

— Ну, можно и через пять минут, и через полчаса. Похоже, что мы попали в переделку.

— Хорошо, я только Инге скажу. А место разговора — здесь? — Я, подражая Степану Матвеевичу, говорил довольно тихо.

— Лучше в тамбуре. Спокойнее и никто не мешает.

— Ну, я вас догоню. Сейчас.

Но мне снова не дали уйти.

— Гражданин, — обратилась ко мне тётя Маша. — Это вы были в ресторане?

— Ну был... А в чём дело?

— Подпишите показания преступника.

— Так ведь я не был свидетелем драки.

— Преступник утверждает, что вы сидели с ним за одним столиком в ресторане.

— Да.

— Он говорит, что для него это очень важно.

— Ну, хорошо. Я полагаю, что это секундное дело.

Я взял протокол, и вот что там прочитал.

32

«Крестобойниковы возвращались из театра, где смотрели «Луковое горе» Остапенко. Спектакль, по мнению Валерия Михайловича, был так себе. А Виктория Ивановна вообще считала его явной неудачей заслуженного и одарённого режиссёра.

— А ты заметил, Валерий, — сказала Виктория Ивановна, — какой костюм был на директоре завода, когда он пришёл на свидание с этой ударницей производства?

— Да, да, Вика, — ответил Крестобойников. — Это же просто умора! Он всю роль сыграл в одном костюме. И на заводе, и дома, и в Главке. Это же неестественно! Так в жизни не бывает!

Троллейбус устало тащился в гору мимо корпусов политехнического института.

— Валерий! — Виктория Ивановна расправила на коленях складки нового платья, серого, в мелкую блёстку. — Дело даже не в этом!

— Совершенно верно, Вика, — согласился Крестобойников. — Костюм у него был фиолетового цвета и изрядно помят.

— В этом же костюме, — Виктория Ивановна сделала большие глаза, и лицо её приняло заговорщицкий вид, — в этом

же костюме он играл и в предыдущем спектакле. Помнишь «Город над синей рекой»?

— Ба! — слегка ударил себя ладонью в лоб Валерий Михайлович. — Действительно! Я всё время чувствовал, будто что-то уже было.

— А я сразу заметила, — торжествующе сказала Виктория Ивановна.

— Что говорить, театр бедноватый.

— Они в этих костюмах по ресторанам ходят, — сказал мужчина по имени Фёдор, от которого изрядно попахивало спиртным. — Я их всех знаю, этих артистов. — И он рубанул рукой воздух, задев при этом кого-то за плечо или за локоть.

— Гражданин, вы поосторожнее! — сердито произнесла девушка, стоявшая рядом.

— Всё, всё, всё. Прошу пардону, — сказал человек по имени Фёдор. — Выхожу, выхожу, выхожу.

— Виктория, и нам выходить, — сказал Валерий Михайлович. — Следующая — Школьная. Гражданин, вы выходите? А там впереди выходят? А как сегодня выглядел наш Сидоров? — Это уже относилось к жене. — А? Вот человек! Не может купить себе приличного костюма.

— Ой, да у вас в конструкторском отделе все — как из деревни приехали. Помнишь, когда у нас гастролировал этот дирижёр из Ленинграда? Фамилию забыла. Так Сидоров тогда всех обзвонил, всё лишний билетик искал. А припёрся на концерт в таком виде, что сидеть рядом с ним было даже неудобно.

Троллейбус остановился. На этой остановке обычно сходило большинство пассажиров, и всё равно многие волновались, что не успеют выйти.

Дом, в котором жили Крестобойниковы, стоял на углу проспекта Лесных Богатырей и улицы Школьной. Убедившись, что её новое платье и костюм Валерия Михайловича не пострадали при высадке с тонущего корабля, Виктория напомнила мужу, чтобы он не забыл купить билеты на Марградскую оперу, гастроли которой начинались на будущей неделе. Потом они рассмеялись, вспомнив нелепую фигуру Сидорова, и окончательно пришли в хорошее настроение.

Перед самым подъездом Крестобойников вспомнил, что у него кончились сигареты, и решил пройтись до магазинчика, который закрывался через полчаса. Виктория Ивановна погрозила ему пальчиком, но в магазин сходить разрешила, наказав купить двести граммов диабетической колбасы на утро, и пошла варить кофе, который они пили и на ночь. Каблучки её премиленьких туфель застучали по серым железобетонным плитам.

Валерий Михайлович открыл дверь магазина, в котором уже почти не было покупателей, купил пачку сигарет «Интер», двести граммов диабетической колбасы, попросил нарезать её тонкими ломтиками, взял баночку горчицы, огляделся по сторонам, подумал и выпил стакан «Карданахи». На улице он закурил, и не спеша пошёл домой. Возле подъезда он встретил инженера Аверьянова, которого звали Фёдором, поговорил с ним о грибах и чернике. Аверьянов только что приехал из леса и поэтому попросил пардону за свой несколько грязноватый вид. Потом Крестобойников поднялся к себе на третий этаж».

33

Я увлёкся и читал, забыв обо всём.

«Открыв ключом дверь, Валерий Михайлович вошёл в небольшой коридорчик, зажёг свет и сказал:

— Вика, возьми у меня...

Ему никто не ответил. Тогда он снял туфли и прошёл на кухню. На газовой плите стоял горячий кофе.

«Уже завалилась спать», — подумал о своей жене Крестобойников. Мысленно он иногда разговаривал с ней грубовато. Налил себе кофе, потом передумал и достал из холодильника бутылочку молока с витамином С. Тут же сообразив, что смешивать молоко с вином не имеет смысла, он решил, что самым рациональным сейчас будет лечь спать.

Включив в комнате свет, он увидел, что в ней повсюду разбросаны вещи, его и жены. В кресле нахально развалилось чёрное вечернее платье, рядом на диване, словно обнявшись, лежали его костюмы: венгерский, бельгийский и фабрики «Большевичка». На стульях висели его рубашки и ночные сорочки его жены. Книжный шкаф с подписными изданиями из классиков и сервант с хрусталём были завешаны платьями, кофтами и юбками. Посреди комнаты, собравшись в кружок, стояли туфли жены и его собственные. На столе были расставлены рюмки, тарелочки из китайского чайного сервиза и серебряные вилки и ножи.

«Зачем это? — испуганно подумал он. — Что произошло?»

— Вика!

Ему никто не ответил, и тогда он окончательно перепугался. Он почти бегом влетел в спальню, ещё надеясь, что Виктория просто спит. Жены в спальне не было. Ничего не понимая, Крестобойников несколько раз повернулся на одном месте.

«Накручивает бигуди», — догадался он и кинулся в ванную, зацепив по дороге стул, который с грохотом упал... Ванная тоже была пуста.

«Вышла к соседям», — подумал он, очень желая этого. Но даже беглый взгляд на обувь, стоявшую в коридоре, убедил его, что жена никуда не выходила, разве что босиком. И вообще она к соседям заходила редко. Да и что ей там делать в такое позднее время?

Окончательно обеспокоенный, Крестобойников остановился посреди комнаты и попытался собраться с мыслями.

«Куда она могла исчезнуть? Сидоров? Что-то она много последнее время говорит о Сидорове... Ушла к Сидорову! Фу, чушь какая... При чём тут Сидоров?»

Валерий Михайлович наскоро перебрал в уме всех своих знакомых и решил, что ни к кому из них его жена не могла уйти. И вообще не могла она его бросить! Не было к тому причин. Ему даже на мгновение стало стыдно за свои подозрения. И потом... ведь все вещи здесь. А без вещей Виктория уйти не могла.

«Вывалилась с балкона», — мелькнула в его голове идиотская мысль. Это было уже совсем ерундой, но он всё же вышел на балкон, посмотрел вниз. Тут уж весь дом был бы на ногах, упади кто-нибудь с балкона. Не-е-ет...

Он снова вернулся в комнату и попытался понять, почему всё так разложено. С какой целью Виктория могла всё это вытащить из платяного шкафа? И тут помимо его воли брюки зашагали в спальню. Крестобойников остановился перед шкафом, холодея от ужаса. Рукав рубашки приподнял его руку и заставил потянуть на себя дверцу.

Крестобойников рывком открыл шкаф. Холодными немигающими глазами на него в упор смотрела жена.

«Повесилась!» — молнией мелькнула в его голове короткая мысль. И, сражённый ею, он глухо вскрикнул, схватился рукой за горло, покачнулся, упал и потерял сознание.

...Проснулся он на диванчике старшей дочери. Часы на стене показывали семь. Пора собираться на работу. Голова его была свежа, а тело полно бодрости и сил. Он легко приподнялся с постели и сел, свесив ноги на пол. Тут его взгляд упал на платяной шкаф, и он вспомнил вчерашний кошмар. Холодные мурашки поползли по его спине, а в желудке затошнило от страха.

Одна дверца шкафа были полуоткрыта, и он, не вставая с диванчика, мог видеть, что тот полон вещей, которым там и место. А Виктория? Нужно было встать и отворить вторую дверцу, но он не мог заставить себя сделать это. Он сидел, отрезанный от всего мира, отключив органы чувств, ничего не

слыша, не ощущая и не видя, кроме платяного шкафа. И когда он наконец стряхнул с себя оцепенение, то неожиданно ощутил запах свежезаваренного колумбийского кофе, услышал шипение яичницы на сковороде и голос своей жены, негромко напевавшей мелодию последней дежурной песенки.

Он ничего не мог сообразить, пока в комнату не вошла сама Виктория.

— Ага! Встал уже! — сказала она.

— Виктория, — прошептал он, — что это было вчера... — Но не договорил до конца, не осмелился. Уж очень свежий и цветущий вид был у его жены.

— Что было вчера? — спросила она грозным голосом, но чувствовалось, что сегодня Вика не расположена сердиться. — Вчера было то, что под утро я проснулась и увидела тебя лежащим на полу. От тебя пахло вином. Так ты вчера сходил в магазин? До постели не мог дойти!

— Всего один стаканчик, — пролепетал Крестобойников.

— Валерий, не лги, — погрозила пальчиком Виктория Ивановна. — Хорошо, что дети в пионерском лагере. Что бы они подумали? Вставай. Кофе стынет.

— Я сейчас, — сорвался с места Валерий Михайлович и начал поспешно одеваться.

За завтраком Виктория Ивановна втянула мужа в разговор о вчерашнем спектакле. У неё была хорошая память, и она умела убедительно и красиво говорить. Валерий Михайлович старался поддерживать разговор.

Виктория Ивановна очень любила говорить о театре, кино и концертах. Они, кстати, очень часто ходили на различные концерты и спектакли в четырнадцать местных театров. И вкусы у них совпадали, правда, у Виктории Ивановны вкус был намного тоньше. И то, что нравилось ей, нравилось и Валерию Михайловичу. У них и вообще-то споров почти не бывало.

Вот и сегодня Валерий Михайлович на лету схватывал мысль своей жены о вчерашнем спектакле и добавлял несколько фраз. Виктория Ивановна соглашалась с ним. Вчерашний поступок, после которого он не смог добраться до постели, она ему простила. Господи, ну чего не бывает с мужчинами! Тем более, что Валерий Михайлович позволял себе крепко выпить очень редко. Он даже в компаниях часто умудрялся оставаться почти трезвым.

Перед уходом на работу Валерий Михайлович обнял Викторию Ивановну, и ему почему-то пришла в голову мысль, что это его чёрный пиджак с удовольствием обнимает бежевое платье жены. Мысль была дикая, но почему-то не выходила из головы, пока он шёл на работу в свой конструкторский отдел...»

34

На этом рукопись обрывалась.

У меня возникли вот какие мысли: во-первых, это не объяснительный документ, здесь не было ничего такого, что проливало бы свет на причину драки; во-вторых, за те несколько минут, что Фёдор провёл в купе проводниц, совершенно немыслимо было исписать такую пачку листов; в-третьих, прочитать этот рассказ в вагоне-ресторане, будь даже он написан заранее, Валерий Михайлович тоже не успел бы. Так что этот правдивый рассказ, как значилось в подзаголовке, ничего мне не объяснил. Я так и сказал всё Фёдору, отрезвевшему ровно настолько, насколько может отрезветь человек, попавший в гнусную историю и теперь пытающийся выкарабкаться из неё. Проводницы же ничего, кроме самого факта драки, в этом происшествии не понимали.

— Видите ли, Артемий, — он уже откуда-то знал моё имя, — я писатель. Нет, нет, нет, я понимаю, что внешним своим поведением позорю эту безупречную организацию и всеми уважаемых её членов. Я даже и не стремлюсь попасть в Союз писателей. Ну, или, вернее, ещё не стремился. Так вот. Я пишу рассказы, рассылая их в газеты и журналы. И ещё не было случая, чтобы рукописи где-то затерялись или вообще пропали. Все они честно возвращаются ко мне назад. Их никто не печатает, более того, их никто, я полагаю, и не читает. Я слишком отрываюсь от жизни.

Мне нужно было идти, а он всё крутил вокруг да около. Лицо моё выражало явное нетерпение. И это на него подействовало.

— Понимаю, — сказал он. — Это происходит со всеми, кто заговорит со мной. Прошу пардону. Я написал рассказ о некоем Валерии Михайловиче Крестобойникове, в котором, конечно, и не пахло реализмом. И вдруг здесь, в поезде, встречаю своего героя! Очень симпатичный человек. Он и в рассказе мне симпатичен. Это ведь чувствуется? У него неприятности с вещами. А у кого их нет? Я пытаюсь, чем могу, помочь ему. С галстуком, правда, мы не справились. А потом даю ему почитать своё произведение. Он бросает лишь беглый взгляд на две-три страницы, кричит: «Всех вас надо на трудовое перевоспитание! Подлец!». И бьёт меня смертным боем. Я увёртываюсь, бегу, но ноги уже не те, что были в молодости. Во всём теле усталость, в глазах круги. Поворачиваюсь, чтобы попросить пардону, вытягиваю вперёд в мольбе руки, он натыкается на одну из них и падает. Что вы на это скажете?

— Отпустите его, — попросил я проводниц. — Он совершенно безопасен. А так вам его придётся караулить. Одно беспокойство.

Я особенно и не вдавался в анализ своих чувств. Просто мне казалось, что сейчас есть дела и поважнее.

— Сдадим в вытрезвитель, — сказала тётя Маша.

— Может, они его на поруки возьмут? — высказала предположение вторая проводница.

— Хм... Вы его, гражданин, берёте, что ли?

— Беру, — твёрдо сказал я. — Беру на поруки. Весь коллектив вагона берёт его на поруки.

Конечно, и зачем было тёте Маше возиться с этим пьяным типом? Строжилась она, скорее всего, по долгу службы. Лишь бы титан не свернул, да не уронил кого с полки.

— Протокол оставьте, — попросила тётя Маша.

Я протянул ей неоконченный рассказ Фёдора и вывел непризнанного писателя в коридор.

— У вас есть второй экземпляр? — спросил я его. Мне почему-то не хотелось, чтобы рассказ пропал.

— Нет, — сказал Фёдор. — Я напишу другой.

Рассказ я решил под каким-нибудь предлогом вызволить.

В первом купе соседи Фёдора как-то незаметно и бесшумно переступили через стадию исполнения песен громкими голосами и теперь все крепко спали, набираясь сил, потому что впереди предполагался уже вечер, когда и можно будет развернуться вовсю. Я подтолкнул Фёдора на верхнюю полку, снял с него грязные ботинки и сложил ему руки на груди. Фёдор затих, и только раз взглянул на меня, как бы говоря: «Прошу пардону, Артемий...».

В первом купе воцарилась тишина, нервная, тяжёлая, гнетущая, как перед грозой. Но всё-таки это была тишина.

35

Через вагон я прошёл, не задерживаясь. Инга держала в руках охапку пелёнок, на скорую руку скроенных из постельных принадлежностей. Студенты стойко не замечали запах, исходивший от них. Сашенька проснулся, но ещё не плакал, а серьёзная, чем-то неуловимо изменившаяся Клава и восхищённая Светка играли с ним, трогали его розовое тельце чистыми пальчиками, мычали, трясли откуда-то взявшейся погремушкой. Я заметил, что Инга уже снова переоделась в халатик. Взгляд её был несколько растерян, но когда я заикнулся о помощи, она сказала:

— Ну вот ещё.

Туалет был свободен, и Инга закрыла за собой дверь. Я не представлял себе, как она справится с этой кучей пелёнок, но

в глубине души надеялся, что женский инстинкт её выручит. Ох, скорее бы! Уже менее двух суток осталось А там... Я плохо представлял, что будет дальше. Как-то смутно в голове маячила встреча с тёщей и тестем, объяснение с ними, слёзы радости, всеобщая любовь и прощение... Разместиться, конечно, нужно будет только у меня... Как, я не представлял, но всё, всё должно было образоваться.

Жара и духота действовали на меня удручающе. Но я ещё чувствовал в себе запас жизненных сил.

По коридору шёл гражданин с красной повязкой на рукаве и в какой-то форменной фуражке. Он периодически выкрикивал:

— Голубчиков есть? Голубчикову срочная телеграмма! Место возле восемнадцатого... Голубчиков здесь не проживает? Кто Голубчиков?

В нашем купе ему что-то объяснили, и он пошёл дальше, на всякий случай всё же вопрошая: «Голубчиков есть? Срочная телеграмма Голубчикову!». Моя фамилия, слава Богу, была Мальцев. Это уж я знал точно. Не найдя адресата в нашем вагоне, гражданин направился в следующий, шагая походкой моряка, привыкшего и к килевой, и к бортовой качке. А вагон что-то здорово разболтало, как однажды в поезде Москва — Ленинград, когда мне довелось ехать в шестнадцатом вагоне. Я тогда был уверен, что вагон сорвёт с рельсов и бросит под откос. И вообще он словно не по рельсам катился, а подскакивал на шпалах, уложенных на разном уровне. Но сейчас-то ведь был всего-навсего шестой вагон!

Вслед за ищущим Голубчикова я вышел в тамбур. Степан Матвеевич и Иван стояли у окна, выходящего на север. Лица у них были непроницаемы. Я достал пачку. В ней осталось всего две сигареты. Я взял одну. И тут же за другой протянулась рука Степана Матвеевича.

— Понимаете, — сказал он, — я никогда раньше не курил в нашей реальности. Не тянуло даже.

Его фраза прозвучала как тревожный звон пожарного набата. Но закурили мы спокойно.

— Сейчас должна быть станция, — сказал Иван. — Поезд идёт без опозданий.

— Это хорошо, — сказал я.

Дым от сигарет уносило куда-то в невидимые щели. Рубашка у меня прилипла к спине. В ушах грохотало и повизгивало.

— Ну и к чему же вы пришли? — спросил я, так как молчание становилось слишком уж тягостным.

— Окончательно ещё ни к чему, — ответил Граммовесов.

— Степан Матвеевич предполагает, — начал Иван, — что наш поезд попал в другую реальность. Необъяснимо, но факты вроде бы за это.

— Степан Матвеевич! — невольно вырвалось у меня.

— Не стоит пока волноваться, — слишком уж спокойно сказал он. — Есть, конечно, некоторые странности...

— Например?

— Например, за время, прошедшее после полуночи, на земном шаре должны были произвести три запуска в прошлое, а со мной ничего не произошло.

— Отменили, — предположил я.

— Маловероятно. Ну, у них всё может быть. Забастовка обслуживающего персонала или завышенные оценки готовности. Но у нас-то плановое хозяйство! О запусках всегда объявляют заранее. С места старта ведётся прямой репортаж по радио и по телевидению. Никаких непредвиденностей не бывает. Наметили — сообщили — выполнили — получили премию. Непонятно.

— Можно послушать радио, — предложил Иван. — Последние известия.

— Да. Дневной выпуск, — согласился Степан Матвеевич, — но только там всё нормально, а вот со мной...

— Но ведь может быть, что у вас эта страшная способность исчезла? Что-то изменилось в вас, на Земле или в космосе, какой-нибудь сдвиг полей!

— Какой ещё сдвиг полей?! — посмотрел на меня как на идиота Степан Матвеевич. — Давайте считать. Вас не удивляет скопление странностей? Пришелец с планеты Ыбрыгым — раз. Появление у вас сына... Стойте, стойте! Я сначала перечислю, а потом уж возражайте. Значит, появление у вас сына — два. Бутылка, в которую наливают обыкновенную воду, а выливают молдавский коньяк — три.

— Ничейная смерть в шахматах, — подсказал Иван.

— А это ещё что такое?

— Подождите. Ага. Ничейная смерть в шахматах — четыре. М-м... Что ещё?

У них явно застопорило. Так им и надо, даже позлорадствовал я. Нечего вполне обычные вещи выдавать за чудо или фантастику! Ишь, сын у меня появился!

— Что ещё? — спросил я уже ехидно. — Вы ещё забыли старушку, которая тащила два чемодана и рюкзак, в то время как два молодых и здоровых человека с трудом справились даже с одним чемоданом. Подумайте, разве в нашей реальности может такое произойти?

Они ещё размышляли, смеюсь я над ними или нет. А я вдруг вспомнил про бабусин чемодан, который она оставила

под нижней полкой. А на полке этой сейчас сидит голубоглазая радостная Тося. Надо же! Совсем из головы выскочило. Рассказать им? Пусть решают, что с ним делать. Может, начальнику поезда передать? А вдруг там бомба? Ведь такой тяжёлый! Фу ты, чёрт! До каких мыслей можно дойти от этой жары.

36

Вагон рвануло в сторону так, что я, ни за что не державшийся, отлетел к противоположному окну. Даже дверь резко, со стуком распахнулась. Низко, чуть ли не у самого пола держа корзинку, в тамбур вошёл официант. В корзине одной горкой лежали кастрюли из-под съеденного уже пассажирами супа, другой — куски жирной колбасы. Официант посмотрел на нас удивлённо, потом перевёл взгляд на плохо раскупаемую пассажирами колбасу. Видимо, он поклялся использовать все возможности, чтобы сбыть продукт.

— Граждане! Кому жареной колбасы? Покупайте жареную колбасу! Кому колбасы?

Никто из нас не выразил желания приобрести предлагаемый псевдопищевой продукт, который от жары уже из последних сил источал, плавился жиром. Официант поставил корзинку на пол и снова оглядел нас, словно говоря:

«Что же вы, братцы! Ведь у меня месячник по предложению пассажирам жареной колбасы. А вы срываете мероприятие!».

— Спасибо, — сколь можно убедительнее сказал Степан Матвеевич, — нам не хочется жареной колбасы.

— А щи продаются только престарелым, инвалидам Великой Отечественной и детям до семилетнего возраста! — возвестил официант.

— Мы не в претензии. Пусть кушают.

— Взрослые пассажиры могут сами пройти в ресторан...

— Хорошо, хорошо. Обязательно пройдём.

— А колбасу? — непонимающе спросил официант и поддел вилкой полукилограммовый кусок обжаренной действительно с двух сторон колбасы. С куска капали густые, ленивые, противные в такую жару капли желтоватого жира. — Ведь месячник. У нас всегда месячные — досрочно.

Эта фраза всё-таки добила Степана Матвеевича. Лицо его передёрнулось, как от страшного волнения.

— Сколько?

— Рупь сорок семь порция.

— Сколько порций?

— Девять.

— Получите. — И Степан Матвеевич отсчитал официанту помятую десятку, хрустящую новенькую тройку, двугривенный и ещё три копейки, слегка погнутые.

— Сдачи? — спросил притихший официант.

— Там без сдачи. Пожалуйста, идите.

Официант ничего не понимал.

— А товар?

— А товар употребите в пищу сами, если сможете. Всей поварской бригадой.

— А товар? — снова спросил продавец.

Степан Матвеевич и Иван тоскливо переглянулись, взяли парня под локти — тот машинально схватил корзину — и толкнули его в коридор. В знакомой и привычной обстановке официант сразу же пришёл в себя и завёл речитативом:

— Щи только престарелым и детям! Колбаса продана!

Вагон снова дёрнуло в обе стороны. Двери с треском захлопнулись.

— Вот изводит, — сказал Иван, вытирая ладонью мокрый лоб.

— Да, — согласился Степан Матвеевич. — Жара в таком поезде совершенно некстати.

37

— Продолжим, — предложил я.

— Да, да. Со старушкой — это вы нас здорово высмеяли, — сказал Степан Матвеевич. — Больше всего меня волнует тот факт, что в поезде нет ни одного знакомого. Такого со мной не бывало уже много лет. Это, понимаете, со мной невозможно в принципе.

— Память всё-таки имеет какие-то пределы, — сказал я глубокомысленно.

— Возможно, — спокойно согласился Степан Матвеевич, — но только эти пределы ещё никем не определены... А давайте проверим! У вас в Марграде есть телефон?

Нет. Для моей квартирки это было бы слишком роскошно. Степан Матвеевич всё понял по лицу и обратился к Ивану.

— А у вас в Фомске?

— Есть, — оживился Иван. — А это интересно...

— Ваша фамилия, извиняюсь, и отчество, если, конечно, телефон на ваше имя?

— Да, да, на моё. Совсем недавно поставили.

— Это не имеет значения.

— Строганов Иван Петрович.

— Отлично... Так, так... — Степан Матвеевич с головой ушёл в свою память. — Строганов... Стр... Стр... Стрепетов... Стробов... Ага. Строганов... Строганов Иван Петрович и ещё Строганов Иван Петрович. Улица Бусова или Алтайская?

— Бусова двадцать два...

— Отлично. Номер вашего телефона — девяносто два — девятьсот тридцать.

— Правильно, — чуть испуганно согласился Иван.

— А у второго Строганова Ивана Петровича по улице Алтайской — четыре — двадцать два — двадцать четыре.

Это уже не имело значения, так как проверке не поддавалось.

— Ну и здорово! — вынужден был согласиться я.

— Пустяки, — недовольно сказал Степан Матвеевич. — Всё дело в том, что я никого не знаю из этого фирменного поезда. А ездить мне в нём приходилось не одну сотню раз, в других реальностях, разумеется. По крайней мере, проводниц и бригадира поезда я обязан знать.

В душе-то я был согласен с ним: с нашим поездом творится что-то не совсем ладное, но только, желая того, я всему происходящему находил вполне нормальное объяснение, ну разве что с совсем небольшими натяжками.

— Пришельцы вполне могут находиться на Земле. Если учесть бесконечность Вселенной в пространстве и времени, то Земля просто должна быть перенаселена ими. И удивление, скорее, вызывает тот факт, что они не встречаются на каждом шагу.

— Мне бы вашу убеждённость, — вырвалось у Степана Матвеевича.

— Подумаем, понаблюдаем, — предложил Иван. — Пока ничего страшного ведь не произошло.

— Ничего не остаётся, — согласился Степан Матвеевич. — Тем более, что если нас действительно перенесло в другую реальность, то в свою всё равно «молнию» не дашь, мол, вызволите нас.

А всё-таки крепко потряхивало вагон. И солнце жгло уже совсем беспощадно. До стен тамбура, там, где доставали обжигающие лучи, нельзя было дотронуться рукой.

— Длинные здесь перегоны, — сказал Иван, держась за ручку двери.

Ручка вдруг задёргалась. Раз, два. Потом кто-то забарабанил из вагонного перехода кулаками. Иван оглянулся и сам широко открыл дверь.

38

— Мне ещё музыку крутить надо! — раздалось сначала, а уж потом показался человек с красной повязкой и в форменной фуражке. — Куда подевался этот Голубчиков? А написано, что в шестом вагоне. Значит, в вашем. Я не буду здесь целый день ходить. У меня своя работа. Для чего в поезде радиоузел? Чтобы музыку слушать и последние известия! Понятно? Пассажиры чтоб не скучали!

Это-то нам было понятно.

— Ты Голубчиков? — ткнул работник радиоузла сначала в Степана Матвеевича, потом в меня, а затем в Ивана. — В чьём купе место номер восемнадцать?

Это место было в моём купе. На нём сейчас располагалась детский врач Зинаида Павловна.

— Поезд, понимаешь ли, специально на этой станции останавливался. А для чего? Там и местные чаще напроход идут. Для того, чтобы я бегал и искал какого-то Голубчикова?

— В моём купе восемнадцатое место, — сказал я.

— Так что же ты молчишь? А я, понимаешь, хожу!

— Моя фамилия Мальцев.

Иван искоса взглянул на ненавистную занятому товарищу телеграмму и прочитал:

— Голубчику... Голубчику там, а не Голубчикову.

— Я что и говорю, — согласился человек с красной повязкой.

— Голубчику! — воскликнул я. Ох ты! Ведь это меня бабуся называла голубчиком. — Постойте. Может, это мне?

— Бери. И с концом.

Я развернул телеграмму. Слева стояло: СТАРОТАЙГИНСК 90. Ясно. Из Старотайгинска, значит. Справа: ФИРМЕННЫЙ ПОЕЗД ФОМИЧ ОТ 0 АВГУСТА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТОГО ГОДА ВАГОН ШЕСТЬ МЕСТО РЯДОМ ВОСЕМНАДЦАТЫМ ГОЛУБЧИКУ.

А ниже сам текст телеграммы: «ВОЛОДЬКА ЗАБАРРИКАДИРОВАЛСЯ КОМНАТЕ ПЫТАЕМСЯ ЗИЯТЬ ЧЕДОМАН ПРИНИМАЕМ МЕРЫ ВОЛНУЙТЕСЬ — БАБУСЯ КОЛЯ».

Белиберда какая-то. И как это поезд от 0 августа 75 года? Словно в официальном письме: на ваш номер такой-то от 0 августа 75 года. Да нулевого августа и не бывает в природе!

Радист, связист, или как его там, обрадовался, что свалил со своих худеньких плеч непосильную ношу, закончив все эти поиски Голубчикова, и бодро рванулся в вагон. Теперь можно было ожидать душераздирающего от счастья концерта по местному вещанию.

Степан Матвеевич и Иван читали телеграмму через моё плечо.

— Что это? — наконец спросил Иван, видимо, бросив решать головоломку.

— Телеграмма от бабуси Коли? — удивился Степан Матвеевич. — От дедуси Коли!

— Не-ет. Именно от бабуси. Могу предположить, что телеграмму прислала бабуся, которая ехала из Фомска в Старотайгинск, — сказал я. — А вот почему она стала Колей, не пойму. И что это за Володька, который забаррикадировался в комнате? Правнук, что ли, её? Ну и пусть баррикадируется. Стоп, стоп! Тут, наверное, бабуся и Коля. В телеграммах ведь всё, что можно и что нельзя, сокращают. А-а! Понятно. Внучек это её — Коля. Очень крепкий мужик. Ну, чёрт с ним, с Володькой, пусть себе сидит в комнате, пока есть не запросит. Что-то они там пытаются. А что такое: «зиять чедоман»? Зиять... Дыра, отверстие может зиять, пропасть!

Я силился понять, что мне хотели сообщить. Прикидывал и так, и эдак. Несколько раз пытался прочесть телеграмму мельком, быстро, чтобы машинально пропустить возможные опечатки. Что-то получалось. Ага! Вот тут. Ясно, что не «чедоман», а чемодан. Они пытаются зиять чемодан. Ну и бог с ними! У бабуси действительно был чемодан. Но что они всё-таки пытаются сделать?

— Головоломка, — наконец сказал я. — Пошутила бабуся.

— Ну да, — сказал Иван. — Очень нужно ей шутить на рубль с лишним, да ещё тащиться на телеграф.

— Внук Колька ходил на телеграф. Ясно.

— Ему тоже больше делать нечего, как развлекать тебя ребусами. Нет. Тут что-то есть. Подумать надо.

— А как же с попаданием поезда в другую реальность? — сурово спросил Степан Матвеевич. — Так всё и оставим?

— Я вот что думаю...

39

— Артём, — дверь приоткрылась, и в просвете показалось извиняющееся лицо Инги. — Артём. Станция. — Она смешно сморщила носик. — Зинаида Павловна говорила...

— А-а... Помню, помню. Сейчас я. Иду... Прошу пардону, как говорит Фёдор из первого купе. Продолжим после остановки. Идёт?

— Конечно. Надо прогуляться, — согласился Иван. — И привлечь ещё кого-нибудь. Не нам ведь одним пришла в голову эта мысль?

— Только деликатно, — посоветовал Степан Матвеевич. — Как бы паника не началась...

— Вы о чём? — спросила Инга.

— Да так... Разные истории тут рассказываем.

Инга не поверила, но не обиделась. У неё сейчас были более важные заботы.

— Пошли, — сказал я и тронул её за плечо. Она улыбнулась мне светло и благодарно. Поцеловать её сейчас, да люди кругом. И в коридорчике, и в проходе между полками. Народ-то засуетился перед станцией. Перегоны действительно длинные, хорошо ноги поразмять.

— А ты, Инга, выйдешь?

— Не-ет. Я с Сашенькой. Зачем его лишний раз тревожить? Кормить скоро...

— Ох, скорее бы доехать. Тяжело ему в такую жару. Да и тебе.

— Мне — ничего. Но, правда, скорее бы доехать до дома.

И что нас там дома ждёт?

Возле Сашеньки дежурил неразговорчивый, нахмуренный Валерка — борец за справедливость, против распущенности и нетоварищеского отношения к женщине. Между полок были растянуты верёвки, на которых висели импровизированные пелёнки. Пассажиры иногда задевали их головами, но не роптали. Ведь это делалось для ребёнка, для нашего будущего. Да если кто и вздумал бы, я уверен, Зинаида Павловна успокоила бы такого в два счёта.

— Ты всё понял, Артём?

— Всё, Инга. Не волнуйся. Сделаю всё, что в моих силах, и ещё чуть сверх того.

— Но я ведь и сама не знаю, что нужно.

Я испугался. Уж не раскаивается ли она в содеянном? Но, кажется, нет. Просто на неё временами находила растерянность. Да и как тут не растеряться!

За окнами поползли какие-то станционные постройки, хотя поезд ещё не замедлял ход. Успею, подумал я. Надо было взять деньги из пиджака.

На боковом столике в нашем купе прямо ногами на застеленной газетой столешнице стоял ребёнок. Его держал за трусики взмыленный папаша. Матрац был закинут на багажную полку, а спальная поднята, верхняя часть окна открыта. В неё-то и старался просунуть свою головку малыш. А отцу, кажется, уже было всё равно. Рука ребёнка взмахивала воображаемой саблей или томагавком. Малышу было хоть и жарко, но очень интересно, и в его головку, кудрявую и светлую, приходили всякие мысли.

— Хочу мороженого!

— Мама купит у дяди, Стасик.

Я потянулся за пиджаком.

— Мы мешаем вам?

— Нет, нет. Я всё равно выхожу на станции.

Кроме нас в купе находился только Валерий Михайлович. Он лежал на своей полке с влажной от пота тряпкой на лбу. Семён, Тося и Зинаида Павловна уже, наверное, пробивались к выходу.

— Граждане! Стоянка поезда двадцать две минуты!

Оч-чень хорошо. Можно многое успеть.

— Хочу самолёт! — потребовал мальчик.

— Мама купит у дяди, — обречённо пообещал отец.

— Хочу Чёрное море!

— Мама купит у дяди, Стасик.

— Хочу сестрёнку Светку!

— Мама купит у дяди...

— Хочу...

Судя по всему, уже должна быть станция. Дома, башня и виадук замедлили своё относительное движение, но по грохоту вагона и перестуку колёс нельзя было сказать, что мы приехали и останавливаемся.

Пробиться в тамбур уже нечего было и мечтать. А каждая минута могла мне очень дорого обойтись. Ага! Выход из пятого вагона ко мне сейчас ближе, чем из шестого. Туда я и рванулся. Степан Матвеевич и Иван всё ещё стояли в тамбуре, и рты у них были разинуты от удивления. Так... Я сразу сообразил, что поезд, по-видимому, преподнёс ещё какой-то сюрприз.

— Посмотри в окно, — сказал Иван, увидев меня.

— Я сейчас на перроне насмотрюсь. Тороплюсь я. Что-то он и не останавливается?

Дверь в пятый вагон не поддавалась, несмотря на все мои усилия. Она была не заперта, просто кто-то с той стороны давил на неё плечом.

— Помочь? — спросил Иван. — Давай-ка вместе.

— Давай.

Мы дабанули на дверь. С той стороны кто-то выразил недовольство. Да-а... У него-то наверняка не было в вагоне новорождённого сына без всяких там сосок, пелёнок и ползунков. Воображаемые страдания сына, лишённого всех благ нашей цивилизации, придали мне сил. Дверь отходила. Иван, красный от натуги, попридержал её, пока я протискивался. Ничего... Здесь ещё двое могли бы стоять, правда, уже не дыша.

Дверь тамбура была открыта. Перед глазами маячило слегка вздрагивающее здание вокзала с надписью «Балюбинск», но никто почему-то не пытался выйти из вагона.

— Пропустите! — крикнул я. — Время-то идёт!

— Пропустите его, пропустите! Ишь какой прыткий нашёлся!

Я протиснулся к поручню. Колёса вздрагивали на стыках, поезд мчался с курьерской скоростью. То чуть отставая на каких-нибудь полметра, то обгоняя, рядом с вагоном мчался перрон, здание вокзала, деревья, ларьки и водонапорная башня. Размышлять у меня не оставалось времени.

Я прыгнул на перрон, как на эскалатор.

Ничего плохого не произошло. Я стоял цел и невредим.

40

Ощущение было такое, словно рядом мчались два грузовика или две пригородные электрички. Относительное движение совсем небольшое, гораздо меньше скорости пешехода, и в то же время по подрагиванию и толчкам огромной массы хорошо чувствовалось движение абсолютное. Километров шестьдесят-семьдесят. Глядя на меня, начали выпрыгивать и другие пассажиры.

Я ещё смотрел на поезд, когда сзади грохнул духовой оркестр, сыграл что-то мажорное, какое-то неизвестное мне произведение, наверняка, местного композитора, и затих. Электровоз отсалютовал ему мощным трёхзвучным аккордом, и в наступившей затем тишине раздалось звонкое:

— Дорогие пассажиры фирменного поезда «Фомич»! Пионеры города Балюбинска рады приветствовать вас на своей земле!

Тут грянули барабаны, и из кустов жёлтой акации вышел пионерский отряд с ложками и вилками в руках, не считая, конечно тех, кто бил в барабаны. У тех-то в руках были обыкновенные барабанные палочки.

Пионерский строй рассыпался вдоль поезда, и к обрадованным пассажирам подбежали дети в возрасте от восьми до пятнадцати лет. Кое-кто из пассажиров, было, отшатнулся, но тут же всё и выяснилось. Вдоль девятиэтажного здания вокзала, в густой и прохладной его тени, растянулась шеренга столов, на которых стояли глубокие глиняные тарелки с холодной окрошкой, хлеб (одна тарелка на четверых), соль и перец (тоже по одному предмету на четверых). Возле каждой окрошки стояла металлическая табличка с выгравированной на ней надписью: «Оплачено». Пионеры дружелюбно и ненавязчиво приглашали пассажиров к столам. Я окинул всё это мгновенным взглядом, мчась к дверям вокзала. Там я на-

деялся найти нужную мне торговую точку. Несколько пионеров, уже выполнивших свою функцию по гостеприимству, но нисколько не потерявших от этого бдительности, взялись за руки и, словно сетью, начали охватывать меня со всех сторон. Откуда-то у них нашлась и запасная ложка. Я взмолился:

— Ребята! Милые! Пропустите!

— Просим отобедать! — жёстко сказал мальчик, которого кто-то назвал Петей.

— Петя! Я уже обедал, честное слово!

— Квитанцию, пожалуйста, — потребовал он.

— Да какую ещё квитанцию! Пропустите! Умоляю!

— Наша дружина борется за стопроцентный охват пассажиров обедами, а у вас нет квитанции. Нехорошо обманывать, старший товарищ! Пройдёмте, пожалуйста.

— Куда?

— К столам.

Основная масса пассажиров спешно обедала. Человек пять, правда, бегало по перрону, с трудом увёртываясь от цепких ребячьих рук. Но было ясно, что они обречены. Меня подвели к столу с окрошкой, отступили немного, но так, чтобы я не сбежал. Других, сознательных пассажиров не караулил никто. Что мне оставалось делать? Я оглянулся. В окно на меня испуганно и недоумевающе смотрела Инга. По её мнению, я сейчас занимался совсем не тем, чем было нужно. Я развёл руками. Пионер Петя заметил мой дурацкий жест и обратил свой взор к вагонам. То там, то здесь в окнах были видны пассажиры.

— Пройдитесь по вагонам, — скомандовал Петя.

У них тут уже всё было отработано, потому что никто не стал препираться, кому лезть в духоту вагонов, а кому бдить пассажиров в тени вокзала. Часть из них чётко и продуманно цепью побежала к вагонам и исчезла в пышущих жаром тамбурах.

Чтобы сократить время, я выпил окрошку залпом, и допустил, оказывается, новую оплошность.

— У нас отчётность по вымытым ложкам, — уже слегка раздражённо сказал пионер Петя.

— Почему не по чашкам?

— Некоторые пассажиры ведут себя нечестно: едят двое из одной чашки.

Мне стало обидно. Почему это я должен страдать из-за обмана каких-то там совершенно мне не известных пассажиров? Слева стоял Иван и не обращал на меня внимания, поглощённый проклятой окрошкой; справа — выпущенный из-под стражи писатель Фёдор. Аппетита у него явно никакого не было, и он опускал ложку в чашку только для отчётности.

Далее стояли знакомые уже люди, имён которых я, правда, не знал, и совершенно незнакомые пассажиры. Работали все сосредоточенно, молча, только колёса вагонов продолжали стучать на стыках да временами доносился голос Зинаиды Павловны: «Милочка!». А ещё дальше уже что-то совсем непонятное из-за дальности расстояния, а потом снова: «Милочка!».

— Когда будут подавать второе? — спросил я, возя ложкой в тарелке писателя Фёдора, чтобы хоть как-то сгладить неприятное впечатление, производимое мною на пионера Петю.

— За десять минут до отхода вокзала, — ответил вежливый Петя.

— Ребята, милые! — взмолился я. — Мне ведь нужно купить пелёнки, ползунки и ещё что-то там такое...

— Для чего это вам ползунки? — подозрительно спросил Петя, меряя мою фигуру недоверчивым оком.

— Сын у меня, сын родился! Понимаете? В поезде! Носить человеку нечего! Голый лежит! Братцы, отпустите, ведь он тоже пионером станет, когда вырастет.

Пионер Петя представил себе голого пионера и у него даже непроизвольно вырвалось: «Бр-р-р!».

— Ну, хорошо, — наконец сказал он, наверное, окончательно рассмотрев со всех сторон фигуру голого пионера и придя к мысли, что тут что-то не совсем в порядке. — Пройдёмте со мной. Но только дайте слово, что на обратном пути съедите котлету вилкой и выпьете стакан кофе.

— Даю слово! Клянусь! Чесное-распроинаичестное!

Последнее слово, кажется, убедило Петю в моих благородных намерениях.

Из вагонов выводили уклонявшихся от обеда пассажиров, но, правда, не били.

— Следуйте за мной, — сказал пионер Петя.

— А не опоздаем? — поинтересовался я.

Петя только щёлкнул языком. Ясно: сделай этому пассажиру поблажку, так он и ещё что-нибудь потребует. Дисциплинка у вас, товарищ! Но вслух он ничего не сказал.

41

У скоростного лифта вокзала Петя на всякий случай оглядел карту этажей, потом ввёл меня в кабину и нажал кнопку номер девять. Торговая точка — или пятно, не знаю уж, как и назвать — очень здорово походила на ярмарку в Лужниках, с

той только разницей, что пассажиры из-за бесплатного обеда сюда добраться не успевали. По улочкам быстрым шагом носились только мы с Петей, да пробегал ветерок от лопастных вентиляторов, прикреплённых где-то на самом небе.

Продавщицы, видимо, не привыкли, чтобы возле их прилавков толкались покупатели. Они начали озадаченно переглядываться, прислушиваться, обсуждать слуховую галлюцинацию. Даже взволновались они немного.

— Девушки! — уже орал я. — Здесь я! Вот он! Выручайте!

Одна из девушек всё же случайно обнаружила меня, и теперь показывала в нашу сторону пальцем. Вторая побежала за биноклем, чтобы если уж рассматривать, то рассмотреть всё. От меня до милых продавщиц было почти полтора метра расстояния, которое грозило стать непроходимым, непролазным, непреодолимым.

— Да что же вы?! Ведь поезд уходит!

— Он, наверное, к нам обращается, — предположила одна из продавщиц.

— А-а... Он, видимо, заблудился! — сказала пятая.

— Ну и покупатели! — сказала десятая. — Бродят как в дремучем лесу.

— Вам выход надо? — обратилась ко мне девятнадцатая или двадцатая.

— Ползунки мне надо. Десять штук! И два комплекта приданого для новорождённых! — Так, кажется, учила меня Зинаида Павловна.

— А-а... Он к нам! — обрадовались все двадцать и даже та, что бегала за биноклем в другой отдел и поэтому не могла знать, о чём мы тут говорили.

Я повторил свою отчаянную просьбу ещё раз. Пионер Петя хмуро посмотрел на часы. Вид его говорил о многом, но только не для меня. Продавщицы весело галдели, с искренним любопытством рассматривая покупателя. Здание вокзала мерно вздрагивало, словно тяжело неслось по стыкам рельс.

— Вам что-нибудь нужно? — после небольшого разговора в своей компании спросила первая продавщица.

— Да. Очень! Ползунки!

— Какой размер? — с очаровательной улыбкой спросила вторая.

Вопрос поставил меня в тупик. По этому поводу Зинаида Павловна ничего мне не говорила.

— Девушки! Каюсь. Не знаю размера. Знаю только, что мне нужно для новорождённого.

Продавщицы сбились в кучку и стали что-то возбуждённо обсуждать. Говорили все сразу, поэтому я ничего не понял, не разобрал.

— Товарищ! — снова обратилась ко мне первая продавщица, вполне возможно, что заведующая. — Вы не ошиблись отделом? Вам действительно нужно сюда?

— О Бог мой! — Время-то шло. А здесь не было никакой очереди, вообще никого не было кроме меня и закручинившегося пионера. Значит, ни о какой остановке времени и речи идти не могло, как в Старотайгинском буфете. Да и вообще это нововведение касалось только железнодорожных буфетов. — Я не ошибся! Ползунки! Десять штук!

— Какой размер? — с ещё более очаровательной улыбкой спросила вторая продавщица.

— Да откуда я знаю! — взревел я. — Давайте любые!

— Почему у нас такой шум? — спросила девятнадцатая или двадцатая. — Что у нас происходит?

— Я вижу мужчину, — сказала та, что стояла с биноклем у глаз. — И мальчика. Наверное, это они производят шум в нашем торговом зале.

— Гражданин! — обратилась ко мне первая. — Вы надумали, что покупать? Или вы зашли сюда случайно?

— Надумал! Ползунки! Ради Бога!

— О!.. Вы, наверное, папаша?

— Да! Да! Да!

— У нас есть книга для почётных покупателей, — начала девятая или десятая. — Не можете ли вы пройти в кабинет директора Торгового центра и расписаться в ней. Ваше посещение делает честь нашему отделу!

— Петя, — сказал я хрипло. Мне казалось, что это единственная сейчас здесь живая душа, которая меня понимает.

— Товарищ пассажир, осталось пять минут, — хмуро ответил Петя. — А мы ещё должны сыграть туш и забросать поезд цветами.

— Да, да... Это очень, очень важно.

— Вам что, гражданин? — спросила первая продавщица.

— Ползунки! Для новорождённого! Те, в которых ползают. Понимаете?

— О да! Конечно. Какой размер?

Я скис, я понял всю тщетность своих усилий, я слинял, я ещё не дорос морально и нравственно до этого прекрасного магазина.

— Не знаю, — ответил я. — Он только что родился...

— Девушки, — сказала четырнадцатая или пятнадцатая. — Что же мы? Надо же поздравить покупателя с таким радостным для него, да и для нас, событием! А ну, дружно!

— Позд-рав-ля-ем! Позд-рав-ля-ем! Позд-рав-ля-ем! — Их голоса звучали стройно и красиво.

— Вам, наверное, хочется что-нибудь приобрести для новорождённого? — угадала вторая продавщица, когда поздравления смолкли, так и не найдя достойного отклика в моей зачерствевшей душе.

— У нас как раз отдел «Всё для новорождённых», — пояснила третья.

— Вам ведь хочется сделать для него что-нибудь приятное? — сказала уж и не помню какая по счёту.

— Да... Хочется... Мне нужны ползунки...

— Размер? — Первая продавщица словно являла собой саму «любезность».

— Не знаю. Любой. Уже всё равно.

Пионер Петя молча, но требовательно потянул меня за рукав.

— Ну и папаша! — сказала «какая-то» продавщица.

— Отцы сейчас ничего о своих детях не знают.

42

— У вас хоть девочка или мальчик?

— Мальчик...

— Значит, нужно голубое. А для девочки больше подходит розовое. Хотите голубое?

— Да. Мне, пожалуйста, голубое.

— Вы слышали? — Это уже относилось к внимательным, учтивым, ловившим на лету любую просьбу, милым продавщицам. — Товарищу хочется голубое!

— Голубое, голубое, голубое... — замирая, пронеслось по залу.

— А вы уверены, товарищ, — обратилась ко мне вторая — или двадцатая, я уже плохо соображал, — что у вас дочь?

— Да. То есть, как это — дочь? У меня сын!

— Ну вот. Молодые папаши вечно всё путают. Не огорчайтесь. Мы сейчас всё исправим.

— Что вы сейчас исправите? — испугался я.

— Одну минуточку... У покупателя дочь, а не сын.

— Сын у меня, сын! — стонал я. И стыд, и злость грызли меня, откусывая целыми кусками. Раны саднили.

— Уже и так придётся на сверхскоростном! — громко сказал пионер Петя.

— Ох уж эти отцы! Вечно они всё путают. То сын, то дочь. А нам ведь работать надо! Неужели невозможно запомнить, кто у вас родился? Вы бы записывали, когда идёте в магазин.

Девочки, дайте покупателю шариковую ручку, он запишет для себя пол новорождённого.

— Так вам розовое или голубое? — Первая продавщица выглядела уже несколько измученно.

— Голубое. — Я ещё что-то помнил.

— Размер?

— Дайте мне вон то! Вон то! И вот это! — Я показывал левой рукой на товары, потому что за правую меня уже тащил в сторону пионер Петя. И у него кое-что получалось, хотя я отнюдь и не старался ему помогать.

— Быстро и чётко обслуживать покупателей — наша главнейшая и первейшая обязанность, — объявила мне та, что время от времени подносила к своим прекрасным голубым глазам бинокль, чтобы как следует рассмотреть непутёвого папашу. Ведь внешний вид покупателя говорит очень многое.

А первая снимала с полок что-то голубое, розовое, белое, салатное и всё относила на контроль.

— Пожалуйста, в кассу, — услышал я, находясь в какой-то пепельной дымке, и светлая волна радости захлестнула меня.

Петя дёрнул меня за рукав по направлению к кассе. Что ему ещё оставалось? Ведь без ползунков и детского приданого я просто-напросто лёг бы посреди этого отдела, но не ушёл пустым.

— Девяносто два рубля семьдесят девять копеек, — объявили мне.

Я протянул несколько смятых бумажек — всё, что у меня было. Я точно знал, что денег у меня наберётся чуть более сорока рублей, но все же стоял, надеясь на какое-то чудо или на то, что кассирша не заметит недостачи.

— Ещё сорок шесть рублей, — подсказала кассирша.

Рука судорожно шарила по карманам, хотя я отлично знал, что там больше ничего нет. И — о счастье! — в левом кармане брюк зашуршала сложенная вдвое купюра. Я протянул её. Это была пятидесятирублёвка. Неизвестно откуда взявшаяся, возникшая, сделавшаяся!

— Пройдите с чеком на контроль.

Петя дёрнул меня за руку с отнюдь не пионерской силой.

Контролёрша внимательно рассмотрела чек, не нашла в нём ничего подозрительного и начала щёлкать на счетах.

— Гражданин, вы ничего не перепутали?

Я только отрицательно покачал головой.

— Бывают случаи, когда покупатели берут не то, что им нужно, а потом приезжают на курьерском, чтобы обменять товар. Вы действительно это хотели?

Я согласно кивнул одуревшей головой.

Мне показалось, что стук колёс поезда за огромными открытыми окнами несколько изменился по тону.

— Примерьте, — протянула мне контролёрша розовые ползунки.

Я машинально прижал их к груди.

— Ну, вот видите! Они вам малы. Будете обменивать сейчас или приедете на следующей неделе?

— На следующей, — полепетал я.

— В таком случае обратитесь в справочное нашего Торгового центра. Вам выберут наиболее оптимальный обратный маршрут.

— Соглашайтесь! — отчаянно приказал Петя.

Всё, всё, всё у него срывалось из-за меня!

Я согласился, схватил ещё и не перевязанный пакет обеими руками и рванулся за пионером. Только он сейчас мог вывести меня к поезду кратчайшим путём.

— Ох и сумасшедшие бывают покупатели, — со вздохом раздалось за моей спиной, и сверхскоростной лифт рухнул куда-то к центру Земли. Потом вильнул в сторону, резко, но всё же не так, чтобы расшибить лоб, затормозил, открыл свои полированные, ещё никем не исписанные дверцы, и я увидел перед собой последний вагон уходящего фирменного поезда.

Вокзал притормаживал. А поезд с прежней скоростью уходил на запад. И двери моей последней надежды уже закрывались. Я бросился — не прыгнул, а именно бросился — в остававшуюся ещё амбразуру. Мельком успел заметить, как пионеры, стоя через абсолютно равные промежутки, осыпали поезд цветами. Звучала финальная тема какого-то музыкального произведения местного композитора.

— Куда вас черти носят? — приветствовала меня проводница последнего вагона.

Я дышал всей грудью, прижимая к ней расползающийся пакет, и молчал. Чувства переполняли меня. На пакете прямо перед носом исходила жаром баранья котлета в глиняной тарелке, но уже без вилки, необходимой для отчёта. О какой вагон разбился стакан кофе, я, конечно, знать не мог.

Мирно покуривающие в тамбуре пассажиры смотрели на меня сочувственно. Им это совершенно ничего не стоило.

За окном проплывали последние ряды торжественных пионеров. Где-то послышался гудок встречного поезда. Пионерам ещё нужно было успеть перебежать на другую платформу.

Родной, милый, хороший мой фирменный поезд «Фомич» принял блудного сына в свои грохочущие объятия.

43

Тарелку с дымящейся котлетой я отдал ворчавшей проводнице. Эти пожилые женщины не входили на расчудесном вокзале в число обслуживаемых пассажиров. И лепестки роз не сыпались на их в основном уже поседевшие головы.

— Пригодится, — сказала женщина и ушла к себе. А я двинулся в свой короткий путь, в конце которого меня с нетерпением и уже, наверное, волнением ждали сын и жена.

Пакет всё упрямо норовил высыпать своё содержимое на пол вагона, поэтому я сделал остановку и кое-как, тут уж и идти-то было всего-ничего, кулаками и надавливанием ладоней привёл в вид, хоть отдалённо напоминающий его идеальное состояние.

Я перешагивал через колени и чемоданы, вжимался в стенки, когда на меня неслись дети. Нет, я не боялся, что они собьют меня с ног, я не хотел, чтобы они даже случайно натыкались на мою нелепую фигуру. Я открывал и закрывал двери тамбуров, уже начиная спрашивать у находящихся там людей: «Скажите, какой это вагон?». И уже три раза мне честно сообщали, что это вагон «номер десять». Я протискивался мимо людей, стоявших в очереди в ещё закрытые туалеты. Два раза я ронял шахматные доски, но на меня не обжались, потому что все партии во всех вагонах сейчас заканчивались вничью. Можно было и не начинать игру. И только стереотип поведения пассажиров заставлял их расставлять фигуры вновь и вновь. Откуда-то на фирменный поезд «Фомич» наступала шахматная смерть. Я извинялся за толчки и терпеливо просил позволить мне идти дальше. Дважды я отдыхал, воспользовавшись тем, что боковые сидения не были заняты посудой или детьми.

Я упорно пробирался вперёд, пока не остановился как вкопанный перед вагоном-рестораном, который закрылся на заслуженный перерыв и теперь на совершенно законном основании не пропускал пассажиров ни вперёд, ни назад через своё чуть-чуть перегревшееся и замусоренное нутро. Я находился почти у цели, как скалолаз, который смотрит с отвесной скалы на базовый лагерь, где гремит музыка из транзисторов и в походных котлах варится вожделенная пшённая каша с говяжьей тушёнкой, но у которого нет верёвки, чтобы спуститься в этот рай, а голос его не доходит до долины, и фигурка его почти неразличима на иззубренных скалах, и только кто-то родной и близкий вздыхает внизу: «Почему его так долго нет?», и размеренно помешивает специально выструганной палочкой в бурлящем, словно вулкан, котле.

Я не ожидал этой преграды и теперь находился в растерянности. Я не знал, что в другом тамбуре вагона-ресторана стоит Иван и мучительно размышляет, как бы помочь мне вернуться в родной вагон.

Если бы знать, что мне пригодится верёвка, я бы купил её в Торговом центре. Сейчас я обманывал и ругал себя, почему не сделал этого. Можно ведь было попросить пионера Петю. Я, конечно, понимал, что тогда бы не увидел не то что последнего вагона фирменного поезда, но и его хвоста на горизонте.

Вагон-ресторан неприступной стеной стоял между мной и моим счастьем.

Кто-то поскрёб стекло выходной двери вагона. Звук был еле слышен сквозь мажорный и ритмичный грохот колёс. Я прислушался, затем обратил на непонятное явление обострённое сейчас внимание, а потом уже и увидел перевёрнутое, с развевающимися волосами, обрадованное лицо Ивана.

Он пришёл мне на помощь!

На просьбу, чтобы меня выпустили через дверь на крышу вагона, директор ресторана ответил одобрительным кивком и словами:

— Это можно, раз тебя ждут жена и дети.

Дверь мне открыл повар, не успевший даже стряхнуть картофельные очистки с рукавов ещё утром бывшего белым халата. Но ураганный ветер мгновенно сделал это за него.

Мы с Иваном уже понимали друг друга без слов. Да и программа плана спасения была жёстко детерминирована. Закусив бумажный узел зубами, так что даже смерть не заставила бы меня открыть рот, подталкиваемый добряком поваром и официантами, вывалившими посмотреть на мой «переход через Альпы», я полез вверх, цепляясь за микроскопические неровности отдыхающего вагона-ресторана. Дружеская и крепкая, надёжная рука схватила меня за шиворот. Был момент, когда я начал вываливаться из рубашки, не без помощи ветра, конечно, но всё та же надёжная и верная рука вовремя ухватила меня за ремень брюк. Ремень выдержал. Теперь, на крыше вагона, под сосной, с которой ломали ветки, чтобы поставить их в купе, можно было и передохнуть немного и покурить. Иван от сигареты не отказался, но только их в моих карманах не оказалось. Я ведь так и не купил сигарет.

— Не беда, — сказал Иван. — Главное, что мы уже на полпути к цели. Степан Матвеевич сообщит твоей Инге и Александру, что мы уже близко. Главное, что ты не отстал от поезда. А всё остальное — ерунда. Главное, что ты купил это самое. — И он указал на пакет, который я надёжно сжимал слегка трясущимися от восхождения коленями. — Всё, что

нужно? — спросил он, тревожась, не допустил ли я где ошибки, хотя сам наверняка понимал в этом не более моего.

— Да, — успокоил я его. — Навырост взял.

— Это хорошо, что навырост, — сказал он, может быть, вспомнив своё детство...

Отдохнув, мы поползли дальше. Дверь вагона-ресторана уже была гостеприимно распахнута, а толпа поваров и официанток, возглавляемая директором, волновалась: удастся ли нам спуск?

И снова, до боли в зубах закусив пакет, я начал заниматься горнолазанием. Кто-то уже держал меня за ноги и тянулся к поясу. Случайный толчок на неведомо откуда взявшейся здесь, посреди степи, стрелке чуть не сбросил меня в пучину небытия, но ласковые руки работников вагона-ресторана не дали мне распрощаться с жизнью.

Я стоял в тамбуре, и все смотрели на меня восхищённо. В проёме двери болталась нога Ивана, ища точки опоры. Вся поварская бригада, теперь уже имеющая солидный опыт спасательных работ, помогала ему спуститься на вибрирующий пол тамбура.

Нас поздравляли с благополучным переходом. А тут уже и двери вагона-ресторана широко и гостеприимно распахнулись перед желающими посидеть в его перегретом солнцем нутре. Обеденный перерыв кончился. Служители древнего культа поспешили на свои рабочие места. Не знаю, был ли у них разговор, чтобы в дальнейшем обслуживать меня вне очереди? Правда, сейчас меня это мало интересовало. В купе студентов стройотряда Степан Матвеевич мягко и ласково удерживал рвущуюся у него из рук Ингу. Сашенька мирно спал, даже не представляя, какой опасности подвергался его любимый отец.

44

— Вот, — грохнул я на полку пакет с детским приданым. — Вот, Инга.

Степан Матвеевич выпустил её из рук, и Инга рухнула мне на грудь.

— Да зачем? Зачем? Зачем они так? Я тут чуть с ума не сошла. Да как же это?

— Ничего, Инга... — Я погладил её по спутанным сейчас волосам. — Ничего страшного... Купил всё-таки...

Она всхлипнула и прижалась ко мне ещё крепче. И ничего, что вокруг стояли студенты, а сверхсправедливый Валер-

ка ошарашенно смотрел широко открытыми глазами на эту картину окончательного падения студентки вверенного ему стройотряда. Клава строго сказала: «Мы этого так не оставим». А Светка, кажется, сама была готова разреветься. Да и все остальные были как-то неприятно возбуждены, словно мне действительно грозила какая-то страшная опасность. И непонятно им было, как сейчас ликовало моё сердце. Ведь я выполнил первое отцовское поручение! Первое! Сколько их ещё там будет, не знаю... Но это первое! И я выполнил его лучше некуда. И пионер Петя мог теперь успокоиться: никогда, никогда будущий пионер Сашенька не будет ходить голым! Ну разве что, если предпишет медицина.

Степан Матвеевич переглянулся с Иваном, и они молча ушли в наше купе. Стало чуть посвободнее.

— Не плачь, Инга. Ну, ей-богу, ничего страшного не произошло. И вообще всё ерунда, лишь бы нам хорошо доехать... Ведь правда?

— Правда, — снова всхлипнула Инга. Но она уже успокаивалась, это было ясно.

Я погладил её по спине и чуть встряхнул. Валерка не выдержал и сказал:

— Вы всё-таки поосторожнее. Тут дети и... прочие...

— Не обращай внимания, Валера, — посоветовал я. — Всё-таки это моя жена, а не просто попутчица в вагоне.

— Мы бы этого не допустили...

Это уж точно. Распущенности бы они в своей группе не допустили. Хорошо, что Инга действительно моя жена.

— Хватит реветь, милочка! — Это подоспела Зинаида Павловна и, как всегда, вовремя. — Хватит, хватит. Мужчины и не на такие подвиги готовы ради нас. Сейчас посмотрим, что принёс нам папа... Ох и накупили вы, Артемий!

И вот это прозаическое заявление сразу же привело всех в нормальное состояние, когда нужно спокойно, ну, с некоторым восторгом, конечно, рассматривать пелёнки и ползунки, говорить: «ах!» и «ох!», машинально прикладывать распашонки к груди, вскрикивать: «Какая прелесть!» и «Ну просто чудо!». Инга взглянула на меня снизу вверх как-то странно, но радостно, и села на полку рядом с сыном.

— Ну-ка! Ну-ка! — сказала Зинаида Павловна и начала распаковывать свёрток. — Ах, какая прелесть! Вы, Артемий, молодец!

Похвалы, по правде говоря, мне уже немного надоели. Да и ничего такого выдающегося я не сделал. Распашонки, пелёнки и подгузники пошли по рукам. Брали их осторожно, за самый краешек, чтобы не испачкать руками, чтобы не занести какую-нибудь инфекцию. И только Валерка ничего не

трогал, изумлённо оглядывая эту тряпочную гору — неопровержимое доказательство нетоварищеского отношения к женщине.

— А это что? — вдруг удивлённо воскликнула Зинаида Павловна и даже забыла добавить своё обычное «милочка».

А правда, что это? Господи... Это были штанишки для мальчика лет семи, если, конечно, он не акселерат, рубашка, платьице на девочку годков трёх-четырёх, туфельки и ботиночки, ленты и пластмассовый пистолет с пистонами! Значит, я действительно взял навырост! Ну, ладно... А платьица-то зачем мне положили? Да и штанишки я не просил. Мне ведь нужно было для новорождённого. Инга посмотрела на меня сначала удивлённо и даже растерянно, но тут же какая-то мысль изменила её настроение, и она вдруг неудержимо и весело расхохоталась.

Зинаида Павловна, словно в изнеможении, опустилась на соседнюю полку и даже застонала от смеха. Светка захихикала, хотя ещё ничего не понимала. Даже серьёзная Клава закатилась громким смехом. Хохотали все, даже Валерка. Заглянула проводница тётя Маша, спросила, кто тут смеётся, но сама от смеха воздержалась. Расхохотался и я.

Это нервное напряжение выходило из людей. Ну и пусть посмеются. Легче жить будет. От смеха ведь всегда легче, если и не тебе самому, то кому-то другому. А я был не против, чтобы сейчас смеялись даже надо мной. Да и смех-то ведь был не обидный, а добродушный. Им и на самом деле было смешно.

— Ну, ладно, — сказала Инга, немного успокоившись. — Ты зачем всё это накупил? — И снова прыснула в ладошку.

— Понимаешь... Я вроде просил для новорождённых. А уж что они мне завернули, понятия не имею. Если не нужно, то ведь можно и выбросить.

— Ишь какой! Выбросить! — сказала тётя Маша, но совета, что со всем этим делать, не подала.

— Зачем же выбрасывать? — сказала Зинаида Павловна. — Брючки и рубашки вам пригодятся, если, конечно, не выйдут из моды. Но детская мода ведь не такая привередливая, как у взрослых. Ничего страшного. Да и платьица будут нужны.

— А платьица-то зачем? — спросил я. — Ведь мальчик...

— Ну и что? Сколько вам лет, Артемий?

— Двадцать семь, а что?

— А тебе, милочка?

— Двадцать, — ответила Инга.

— Но ведь вам вполне ещё могут пригодиться и детские платьица.

Инга вспыхнула, а я так ничего и не понял. Ну да ведь мне сейчас было и не до всяких там загадок, шарад и ребусов.

В купе заглянула женщина со своим неизменным детским горшком, жена того кругленького пассажира.

— Где покупали? — спросила она, разглядывая брючки.

Я вкратце рассказал.

— Такого не бывает! сказала женщина. — Зачем вы мне морочите голову?! По блату достали?

— Нет, по знакомству, — ответил я. — Продавцы знакомые.

45

В купе достаточно погалдели, и Зинаида Павловна с очаровательной улыбкой выпроводила всех лишних. Остались лишь Светка и Клава. У них с Ингой началась какая-то сложная и непонятная для меня работа по перебиранию и сортировке детского приданого. Я решил им не мешать. Скорее бы всё это кончилось! Скорее бы добраться до Марграда, чтобы не было вокруг этих, хоть и милых и хороших, но всё же уж очень многочисленных людей.

В соседнем купе папаша читал девочкам-акселераткам роман Саймака «Всё живое...». Это я заметил по обложке. В следующем старались унять не в меру разбушевавшегося, а скорее всего, просто одуревшего от жары ребёнка. Ещё дальше уже знакомый мне мальчуган продолжал методично перечислять:

— Хочу небо.

— Мама купит у дяди, — стандартно отвечал папа.

— Хочу драться с Петькой.

— Мама купит у дяди.

Отец уже, наверное, давно не слышал, что говорит ему сын.

В следующем купе жевали миндаль и играли в преферанс. Причём, судя по возгласам, у каждого игрока после каждой сдачи был прекрасный неловленный мизер. Бог ты мой! И тут древняя игра стремительно катилась к своей смерти.

Вентиляция в вагоне по-прежнему не работала. И открытые с северной стороны полоски окон не приносили пассажирам никакой прохлады и облегчения. Тут впору было лежать голым, накрытым лишь мокрой простынёй. Но это всё же был общий вагон, а не термы Каракаллы... Ладно. Я-то ещё боролся с жарой. Ну, жарко, душно, рубашка прилипает к спине, так ведь это не смертельно. Ведь ежедневно ходят такие поезда, даже дважды в день. И это только из одного Фомска! А сколько ещё из других городов? И ничего. Не мрут же люди. Если и помучаются немного, так ведь никто их насильно не заставлял

ехать. Напротив. Чтобы попасть в этот тропический рай, люди ещё пару ночей и дней стояли за билетами. А раз так, пусть получают своё. Вот только детей действительно жаль. Их ведь даже не спрашивают, хотят они ехать или нет. Да если бы и спросили, то по недостатку опыта и врождённому чувству бродяжничества эти юные существа согласились бы на всё что угодно, только бы ехать. Я предполагаю, что путешественники в минувшие времена, отправляясь в дальний путь, нисколько не представляли, что их ждёт впереди, ну а уж потом им просто-напросто ничего не оставалось, как продвигаться вперёд. Да... Из этого поезда путешествий так просто на ходу не выскочишь. Ну что ж, жми, фирменный поезд «Фомич», можешь даже без остановок. Мне так даже лучше. Правда, спроси, устраивает ли других такое изменение расписания.

46

Тося и Семён в нашем купе скучали. И мой приход даже несколько их обрадовал. Семён было взялся за шахматную доску, но я сказал, что шахматы как азартная игра умерли. Валерий Михайлович лежал на своей верхней полке всё с тем же мокрым полотенцем на лбу. Значит, кто-то за ним постоянно следил. Он лежал с открытыми, ясными и немного печальными глазами.

— Пригласите ко мне в кабинет Фёдора, — попросил он.

— Не надо сейчас Фёдора, — сказал я. — Фёдор спит. Баиньки. Ему это для восстановления равновесия в печени нужно. Понимаете?

— Значит, не пригласите Фёдора? — задумчиво спросил Крестобойников.

— Сейчас нет. Лежите. Вам тоже нужен покой. Попозже. К вечеру.

— Конечно, конечно, какой из меня старший редактор? — обиженно сказал Валерий Михайлович.

— Из вас прекрасный старший редактор, но всё же в первую очередь — покой и покой.

Валерий Михайлович вздохнул и закрыл глаза. А в это время в купе бочком проскользнул Фёдор, ловко сменил уже почти высохшее полотенце на лбу Валерия Михайловича на свеже-мокрое, и даже ласково провёл ладонью по разметавшимся волосам Крестобойникова.

Всё это хорошо, всё это говорило о примирении, о том, наконец, что драк в нашем вагоне не предвидится, всё-всё прекрасно, вот только Фёдор двигался и производил свои ра-

циональные действия с закрытыми глазами, как сомнамбула. Я не стал тормошить пострадавшего и ничем не задержал помогавшего.

Фёдор ушёл, сильно раскачиваясь.

Иван и Степан Матвеевич смотрели друг другу в глаза, сидя на нижней боковой, и, кажется, уже телепатировали друг другу, потому что в глазах каждого было тревожное понимание, а вслух они не произносили ни слова. Они что-то стелепатировали и мне, но антенны моего мозга были, по-видимому, не настроены на их излучение. Тут у них ничего не вышло.

И они сразу это поняли, потому что уже знаками пригласили меня сесть на полку Зинаиды Павловны. Я сел. Ясно, что они пригласили меня не просто так. У них уже была какая-то гипотеза, наверняка объясняющая всё без какой-то там малости, и эта малость теперь не даёт им покоя, потому что они знали о кризисе в физике конца девятнадцатого века, когда из таких вот малостей вдруг начала рождаться теория относительности, специальная и общая, а затем и квантовая механика. Они оба были учёными, и всё, конечно, отлично понимали. Им нужны были идеи, критика, споры, диалектические противоречия, потому что только из них и рождается истина, как я помнил ещё из институтского курса философии.

— Вот что, Артём, — сказал Иван. Он был сейчас настолько встревожен, что даже на Тосю не смотрел, забыл про неё. — Вот что, Артём. Теперь уже совершенно ясно, что с нашим поездом что-то неладно. Выбился он куда-то. В другую реальность или просто из детерминированного мира, но только куда-то выбился. И в Марград нам не приехать, если мы сами не предпримем чего-нибудь.

— Неужели так страшно? — искренне не поверил я. Ну, есть странности. Так ведь почти вся жизнь скорее именно из странностей и состоит. Что-то уж очень они разволновались.

— Страшно — не то слово, — сказал Степан Матвеевич. — Неестественно, ненормально, невозможно.

— Что-нибудь должно произойти необычное? — поинтересовалась Тося и передвинулась по своей полке поближе к нам. Уж очень давно не было ничего интересного: ни пришельцев, ни других странных встреч. И жизнь для Тоси начинала терять свою прелесть. А скоро Усть-Манск. Тогда вообще прощай всякие чудеса, потому что в Усть-Манске их уж наверняка не будет.

Семён тоже пододвинулся и сказал:

— У меня книга есть. В букинистическом купил. «Таинственные явления» называется. Показать?

— Пока не надо, Семён, — остановил его Степан Матвеевич. — У нас тут у самих достаточно таинственных явлений.

— Ой, как хорошо! — обрадовалась Тося, но её не поддержали.

— Хорошо, но не совсем. Есть над чем призадуматься. Я вот что предлагаю, — сказал Степан Матвеевич. — Вернее, мы с Иваном предлагаем. Надо создать какой-то комитет...

— По общественному спасению, — подсказал я.

— Да при чём тут общественное спасение? — поморщился Степан Матвеевич. — Вы же сами отлично знаете, что кое-что происшедшее в поезде на самом деле не могло произойти. Рождение вашего сына, например. Это что, в порядке вещей?

— У меня родился сын, — сказал я твёрдо, — а его появление никого не должно особенно интересовать. И что вы тут находите таинственного?

— В самом деле, — поддержала меня Тося.

— Подкинули! — выкрикнул шарикообразный пассажир с мальчиком на руках, сопровождавший свою жену в туалет. Женщина снова несла горшок. — Подкинули, а вы тут теории разводите!

Я оставил замечание без внимания.

— Вы что, действительно ничего не понимаете? — удивился Граммовесов.

— Прошу вас, Степан Матвеевич, — попросил я вежливо, но настойчиво, — оставьте моего сына в покое.

47

— Ну хорошо, — внезапно согласился Степан Матвеевич. — Подождём, пока вы сами обратитесь к этой мысли. А вот визит пришельца... — Он не договорил.

— Нет уж позвольте! — сразу же и довольно взволнованно прервал его Семён. — Пришельца, товарища Обыкновеннова, прошу не трогать!

— Да почему же?

— К пришельцам надо относиться с уважением. У меня вот и книга есть. В букинистическом купил...

— Значит, по-вашему, в визите пришельца нет ничего странного?

— Уважаемого товарища пришельца! — сделал нажим Семён. — Ничего странного здесь не нахожу. Что ж, пришельцам уж и в поездах нельзя ездить?

— Кто их знает... — сдал свои позиции Степан Матвеевич.

— Ага! — обрадовался Семён. — Сами говорите! Я вас очень прошу оставить уважаемого товарища пришельца в абсолютном покое.

— Вы как думаете? — спросил меня Степан Матвеевич.

— Вообще-то появление этого товарища кажется мне немного странным. Что-то тут не увязывается.

— А коньяк вы его пили?! — вспылил Семён. — Коньяк пили?! Пили! А сам факт существования уважаемого товарища пришельца теперь ставите под сомнение? Это нечестно, непорядочно даже. Я просто вас не понимаю.

— Пили коньяк, — согласился я. — Его и ещё можно пить до отрыжки из этой занятной бутылки. Как, кстати, ты, Семён, объясняешь её уникальную способность превращать воду в коньяк?

— А никак! Икру делают из нефти? Делают! Почему нельзя коньяк из воды?

— Там всё научно обосновано.

— Ты это точно знаешь?

— Точно.

— А я не знаю.

— Так что из этого?

— А то, что я не знаю, как это можно делать икру из нефти, а её тем не менее делают.

— Ну и что?

— А вот теперь мы все не знаем, как из воды делают коньяк. Но из этого нельзя вывести, что его и не могут делать из воды. Может, пассажир из семнадцатого вагона знает это. Или только конструктор бутылки. И этого достаточно, чтобы факт существовал.

— Значит, — сказал Иван, — пришелец вовсе и ни при чём в этом самом факте существования бутылки?

— А вот и нет. При чём, но косвенно. Её могли создать ещё на планете Ыбрыгым.

— И с молдавской этикеткой?

— Этикетку можно заменить.

— Я из вашего разговора понял только одно, — сказал усталый Степан Матвеевич, — что для некоторых факт существования пришельца не является невозможным или просто таинственным, необъяснимым.

— Да, — сказал Семён. — Пришельцы существуют. И вы не сможете отменить их существование.

— Ох, как интересно! — воскликнула Тося. — А пришелец — душка, очень милый мужчина!

— Уж сразу и милый, — немного обиделся Семён.

— Ах, Семён, я же в космическом масштабе.

48.

— Ну, а мою историю вы знаете, — сказал Степан Матвеевич, кивая нам с Иваном.

— Тоже что-нибудь интересное? — обрадовалась Тося.

— Очень, — сказал я.

— Расскажите, — попросил Семён.

Степан Матвеевич рассказал им очень кратко, только самую суть феномена, нисколько не вдаваясь в свои душевные переживания. Да ведь раскрывать свою душу перед каждым и не будешь. Может, он уже досадовал, что раскрыл её передо мной и Иваном.

История Семёну понравилась, хотя по этому научному вопросу у него не было книжки, приобретённой в букинистическом магазине.

Утрата Граммовесовым свойства жить в других реальностях всем присутствующим показалась очень странной. Ну, мы то с Иваном уже высказали своё мнение раньше. Вот только как можно было проверить этот феномен или его утрату?

Все рассуждения велись ведь только со слов самого Степана Матвеевича. И хотя не верить ему у нас не было причин, да и невероятную память свою он нам доказал, всё же протокола о проведении эксперимента здесь не напишешь.

— Неужели наш поезд перенесло в другую реальность? — обрадовалась Тося.

— А как же Усть-Манск? — заволновался Семён.

— Ну что Усть-Манск? Успеем ещё в Усть-Манск!

— А мама? А пироги?

— О Господи! Здесь другая реальность, а он пироги вспоминает!

Семён посмотрел на свою жену как-то странно. Кажется, впервые он не понимал её. И это пугало. Как так? Тося не рвётся в Усть-Манск?

— Но что всё-таки следует из того, что мы попали в другую реальность? — спросил я.

— Теперь понятия не имею. Раньше мы бы просто вернулись в свою, прожив в той некоторое время. А теперь...

— Уж не хотите ли вы сказать, Степан Матвеевич, — спросил Семён, — что мы навечно застряли в этой чужой, дурацкой реальности?

— Ничего я не хочу сказать!

— Нам ведь в Усть-Манске сходить! Нет уж, вы, пожалуйста всё сделайте как положено.

— Да как же я могу это сделать?

— А это не наше дело. Вы нас сюда затащили, вы нас и выручайте!

— Да откуда вы взяли, что это именно я вас сюда затащил?

— А другая реальность? Это ведь вы всё путешествуете по другим реальностям. А нам это вовсе ни к чему. Нам вот в Усть-Манск нужно.

— Да успеем мы ещё в Усть-Манск, — разволновалась Тося.

— Тут нужно внести ясность, — сказал Иван. — Степан Матвеевич не мог своею волею перенести нас в другую реальность. Если это и произошло, то нужно искать причину и методы возвращения. А то, что он находится в нашем поезде, так это даже хорошо, потому что никто не знает столько об этих самых путешествиях во времени, как Степан Матвеевич. И его опыт и знания должны нам помочь. Тем более, что ещё ничем совершенно не доказано, что мы действительно перенеслись в другую реальность. Странностей, конечно, много. Этот двигающийся со скоростью курьерского поезда вокзал Балюбинска...

— Новости науки и техники, — объяснил Семён. — Читать газеты надо.

— Разве где-нибудь сообщалось, что введены в строй самодвижущиеся вокзалы?

— Этого я не знаю, — сознался Семён. — Но наука всё может. И техника...

— Удобное, конечно, изобретение, — сказал я.

— А сосна на крыше вагона, о которой мне рассказал Иван? — спросил Степан Матвеевич.

— Сосна действительно зачем-то есть, — сказал я. — Непонятно.

— Тётя Маша объясняла, что с неё ломают ветки для каждого купе. Сервис, так сказать, — пояснил Семён.

— Сервис! И из-за этого нужно возить на крыше сосну? А встретятся туннели? Как там? — спросил Степан Матвеевич.

— Сосна самоскладывающаяся, — парировал Семён.

— Абсурд, — не согласился я.

— Ну, тут мы ничего не можем сказать. Министерству путей сообщения виднее. Нужна сосна, значит, нужна, — заключил Семён.

— Вот так, — подытожил Степан Матвеевич. — Никаких чудес, оказывается, в нашем поезде и не происходит. Зря только панику развели. Просим прощения за беспокойство. — И Степан Матвеевич отвернулся к окну.

— Не знаю, — сказал я, — происходит тут на самом деле что-нибудь непонятное и таинственное или нет, но ощущение тревоги всё время не покидает меня. Чувствую, что что-

то всё же произошло, но не могу понять, а главное — кажется, даже и не хочу понять. То есть хочу, чтобы всё так и осталось.

— Я тоже чувствую что-то необычное, — сказала Тося. Но в её голосе было столько восторга и радости по поводу этого необычного, что в основе наших чувств не могло быть ничего общего. Ей было интересно, что же будет там, ещё дальше. А я боялся, что у меня исчезнет то, что я уже имел.

49

— Пойду узнаю, когда будет Усть-Манск, — сказал Семён и двинулся в купе проводниц. Вот сейчас он там поговорит, всё выяснит, успокоится. Обогнуть Усть-Манск нам никак не представлялось возможным. Должен быть Усть-Манск, так же как обязательно должен быть пришелец на пути Семёна и Тоси.

Семён ушёл.

— Что-то не то у нас получается, — снова начал Иван. — Ведь что-то происходит. Ведь это чушь — самодвижущийся вокзал, да и обязательный бесплатный обед. Чушь, а объяснения находятся. И всегда так. Любой бессмыслице мы стараемся найти оправдание.

В купе вошла Зинаида Павловна и сказала:

— Артемий, у вас врождённый инстинкт отца. Вы просто родились, чтобы быть отцом.

— Да что вы, Зинаида Павловна. Я ничего в этом ещё и не смыслю.

— Тем более, — врождённое чувство, раз вы ничего не смыслите, а всё делаете толково.

— Скажите, Зинаида Павловна, — спросил я, — вы ничего не находите странного в нашем фирменном поезде?

— Странного? Да что же может быть странного в поезде? Хорошо, что у нас подобралась приятная компания. Быстрее время пройдёт. А так... чего же тут странного?

— Пришелец вчера вот из другой галактики заходил...

— Меня больше интересуют дети. Да вот ещё Валерий Михайлович. Вернее, его здоровье. Как он тут?

— Лежит покойно, — отвлекаясь от созерцания пейзажа за окном, ответил Степан Матвеевич.

— Прошу пардону, — протиснулся между полками писатель Фёдор и сменил мокрое полотенце на высоком челе Валерия Михайловича. Глаз ни тот, ни другой не открывали. Между ними установилась какая-то, тоже наверняка таинственная, телепатическая связь.

— Ходит, — безразлично сказал Иван.

— Он его любит, — пояснил я. — Валерий Михайлович сейчас старший редактор какого-то издательства, а Фёдор — писатель. Вот у них и завязался нужный контакт. Впрочем, судя по всему, Фёдор даже перед редактором лебезить не станет. Перед бутылкой — ещё куда ни шло.

— Ах, как вы нехорошо говорите, — сказала Зинаида Павловна.

— Голова вспухла. Простите. Я читал рассказ Фёдора. Злой рассказ. Не напечатают его никогда.

— А можно мне прочитать? — заинтересовалась Тося.

— Он у тёти Маши, нужно сперва его вызволить. Я попробую.

Вернулся Семён, успокоенный, всё выяснивший. Можете играть в разные там реальности, а уж Семёна увольте. Он в дурацкие чудеса не верит, да и некогда ему, потому что скоро Усть-Манск, а там его уже ждёт не дождётся мама.

Времени было часа четыре. Самое пекло. Я встал на полку и проверил, действует ли вентилятор. Нет. Он упорно не действовал.

— Инга прилегла отдохнуть, — сказала Зинаида Павловна, заметив, что я намереваюсь покинуть купе. — Пусть полежит с полчасика, а потом вы её обязательно поднимите. Конечно, полнота ей не будет грозить никогда, но всё же лучше двигаться, чем лежать.

— Угу, — сказал я. — Понятно. — И полез в карман за платком, но вытащил оттуда лишь аккуратно сложенную вчетверо телеграмму. — Э! А про телеграмму-то мы забыли!

— Бабуся Коля, — подхватил Степан Матвеевич.

Все другие, может, и боролись с жарой, но Степан Матвеевич был явно занят другим. Он старался найти объяснение случившемуся с нами.

— Да-а! — вскричал я. — Ну надо же! Совершенно забыл. Бабуся ведь оставила в нашем купе чемодан!

— Как так? — удивился Семён. — Забыла?

— Да нет. Она его специально не взяла. Оставила и всё. Пусть, кому нужно, тот берёт.

— Это она из-за меня? — спросила Тося.

— Нет, нет. Она его действительно оставила нарочно. Не нужен он ей. И внук Коля тоже сказал: пусть этот чемодан едет в Марград.

— А вдруг там бомба? — спросил Семён. — Посмотреть надо, что за чемодан.

— Ой, как интересно, — засияла Тося. Сейчас я понимал Ивана, вернее, его уставившиеся на Тосю глаза. Тося сейчас была красавицей!

— Садитесь сюда, — предложил ей Иван. Тося перелетела на его место. Они немного столкнулись из-за неповоротливости Ивана, но Тося на это не обратила внимания. Иван же только нахмурился.

— Комиссию надо выбрать, — предложил Семён. — Опись придётся делать. И тётю Машу надо пригласить — как представителя администрации. У кого есть бумага и ручка? У меня есть бумага и ручка. Так что, начнём?

Тётя Маша каким-то образом почувствовала, что ей совершенно необходимо находиться здесь, и уже спрашивала:

— Кто здесь чемоданы оставляет?

Для Тоси же просто начиналось новое интересное.

50

— Вам бабуся сказала об этом чемодане, — обратился ко мне Семён, — вы его и открывайте.

Меня пропустили к полке. Все сгрудились вокруг, но места для работы оставалось ещё достаточно. Пассажиры напряжённо молчали, только перестук колёс фирменного поезда громко резал уши. Ну, что ж... Начнём. Я поднял полку.

Чемодан был старый и какой-то нестандартный, скорее всего, самодельный.

— Открывайте, — прошептала за моей спиной Тося.

Замка у чемодана не оказалось. Простая палочка была воткнута в петлю, чтобы при переноске не открывалась крышка. Я вытащил палочку, положил её на столик и медленно начал открывать крышку чемодана. В чемодане находилось какое-то изделие. Не вещь, не тряпки, а именно изделие, даже произведение прикладного искусства. Что-то резное, точёное, с тщательно выделанными деталями. Что-то очень знакомое и неопознанное лишь потому, что имело другие размеры, чем привычное. Да и видно его было пока только сверху.

— Ой! Что это?! — удивилась Тося. — Скажите мне, что это?

— Какой-то дом? — спросил Семён.

— Здание, — буркнул Иван.

— Магазин это, — сказал я. — Бабуся говорила, что в этом чемодане магазин.

— Как это — магазин? — не поверил Семён. — Какой ещё может быть магазин в чемодане?

— Вот этого не знаю. А в другом чемодане у бабуси был поезд. А в рюкзаке — пасека.

— Ерунда это, — не поверил Семён. — Какой поезд? Какая пасека?

— Поезд, — пробормотал Степан Матвеевич. — Вы что же, сами его видели? Собственными глазами?

— Видел, — сказал я. — Как живой... то есть как настоящий. И ощущение такое, что он даже движется.

— Что же вы раньше не сказали... — продолжил было Степан Матвеевич, но Семён его перебил.

— А в опись что записывать? Магазин, что ли?

— Одну минуточку, — попросил Иван. — Так ничего не разберёшь. Давайте его на стол или на полку. Сможешь приподнять?

— Давай, Иван, — согласился я.

— Только осторожнее, — попросила Зинаида Павловна. — Тут такая резьба! Тут красота должна быть неописуемая!

— Берись за тот край! — скомандовал Иван. — А я за этот. Мы приподнимаем, а вы, Степан Матвеевич и Семён, убирайте чемодан, а то тут очень-то и не развернёшься. Давай! — Мы схватились за углы непонятной, но красивой игрушки и начали приподнимать её. — Осторожнее, не задень за тару, — прохрипел Иван. — Вытаскивайте! Вытаскивайте! Тяжёлая штука...

Мгновение мы держали игрушку на весу, пока Степан Матвеевич и Семён вытаскивали из-под неё чемодан. Но всё равно руки у меня уже дрожали и даже судорожно подёргивались.

— Всё, — приглушённо сказал Степан Матвеевич. — Ставьте.

Мы с Иваном поставили магазин на Тосину полку, мягко, без толчков, но уже из последних сил. У меня, по крайней мере, сил уже почти не осталось.

— Фу! — сказал я. — Как всё-таки бабуся тащила их, да ещё прыгала на ходу в вагон?

— Так я записываю? — сказал Семён. — Магазин, что ли? Так и писать: магазин? Смешно... Разве это опись?

Я немного отдышался, и теперь уже более внимательно рассмотрел ювелирно выполненное произведение прикладного искусства. Бог ты мой! Да что же это?! Ведь это был... Но какое совершенство! Какая точность! Просто невероятно.

51

— Похоже на универмаг, — в растерянности прошептал Степан Матвеевич. — Марградский универмаг. Тысячу раз его видел. Вот так магазин бабуся оставила!

— Правда? — поверила и не поверила Тося. — Это универмаг? Но ведь это так интересно! Я ещё никогда не видела Мар-

градский универмаг. Я ещё и в Марграде-то ни разу не была, а побывать в нём очень, очень хочется. Правда, Семён?

Семён даже не ответил ей. Впервые в этом поезде. Не знаю уж, как там у него было раньше, но здесь, в поезде, он ловил вопросы Тоси на лету и даже успевал отвечать на них раньше, чем они были высказаны. У Семёна в голове проклёвывалась какая-то мысль. Ну да. Мы-то все были просто удивлены сейчас. Красивая вещь, игрушка или макет. Скорее всего, макет. Ну, вот как, например, макет Исаакиевского собора в Ленинграде в самом Исаакиевском соборе. И вот мы все ещё продолжали удивлённо рассматривать это маленькое, уменьшенное во сколько-то там раз чудо, а Семён уже знал что-то, видел что-то, или просто чувствовал. Словом, он уже разгадал загадку этого чемодана.

— Пожалуйста, на четверть листа вправо, — раздалось над моей головой.

Я оглянулся. А... Это Валерий Михайлович, придерживая правой рукой на лбу успевшую высохнуть тряпку и чуть приподнявшись на левом локте, осмысленно и даже очень и очень заинтересованно пытался рассмотреть стоящее на противоположной нижней полке. Я наклонился влево на столик. Не подвинулся, а именно наклонился, изогнулся, насколько это было возможно.

— Благодарю вас, — сказал Валерий Михайлович. — Сколько?

— Нет, нет, — мгновенно отреагировал Семён. — Больше ничего. Совершенно ничего. Опись вот. Распишитесь, пожалуйста. Магазин и чемодан. Я сам сдам его в Марграде. Лично, так сказать. Произведение искусства и прочее. Тут надо понимать. Тут такое дело! — Очень уж чем-то был взволнован Семён Кирсанов. И с чего бы это? Даже про Усть-Манск не упомянул.

— Вот здорово! — воскликнула Тося. — Значит, мы сейчас в Марград? Это правда, Семён?

— Правда, правда. В Усть-Манск мы ещё успеем. Может, никаких пирожков там мама и не напекла. Может, она и не знает, что мы едем.

— Как это? — удивилась Тося. Конечно, хорошо бы сейчас в Марград. Но чтобы и в Усть-Манске ждали. Ведь должны же были их там ждать!

— Я, может, и телеграмму забыл в Усть-Манск дать.

— Семён, мы же вместе ходили на телеграф!

— Да, но ведь и перепутать можно — индекс там, город, улицу. Всё может быть. Приедем мы, как снег на голову. Неожиданность! Радость, а всё же неожиданность. У мамы сердце больное. Удар или ещё что там. Разве можно так? Нет. Тут на-

до подготовить, предупредить, чтобы радость, но уж никак не неожиданность...

— Семён, да что ты говоришь? — удивилась Тося. Что-то сдвинулось в её лице, в её настроении, в её душе. Наверное, таким она своего Семёна ещё не видела.

— Сдать. Лично. Сил не пожалею! В полном порядке, так сказать.

Не понимал ничего и я, да и все другие, кажется, тоже.

— Сколько? — снова раздалось с верхней полки. Толковый, рассудительный, заметно заинтересованный голос Валерия Михайловича.

— Нет и нет! — вскричал Семён, засуетился, чуть ли не прикрыл своим телом макет Марградского универмага. — Запротоколировано и продаже не подлежит.

— Да что с тобой, Семён? — не выдержала Тося. — Объясни толком!

— Всё в полнейшем, так сказать, порядке. Обязан, имею, если хотите, общественную нагрузку. Старушке... бабусе... то есть... по гроб жизни... никогда не забуду...

С Семёном явно творилось что-то неладное. Но что, я не мог понять. Словно свихнулся он внезапно. И такая заинтересованность. И нежелание сходить с поезда в Усть-Манске, о котором он уже успел всем уши прожужжать.

— Закрываем, упаковываем. Лично, так сказать. Премного благодарен и прочее...

Семён схватился было за край макета, но приподнять его ему было не под силу, а никто из стоящих вокруг и не подумал помочь ему. Слишком уж странным было поведение пассажира Кирсанова. И Тося, ничего не понимая, чуть не плакала. Словно стыдно ей было и неудобно перед другими.

— Скажите, сколько? И я забираю, — сказал со своей верхней полки Валерий Михайлович. Он уже и слазить было начал оттуда, да некуда было поставить ногу, разве что на головы стоящим здесь в какой-то растерянности людям.

— Нет и нет! — взвился Семён. — И не продаётся это! И не имеем мы на это морального права! И всё! И вообще! И вот так-то именно и так!

— Да вы что?! — взревел Иван. — Что произошло? Объясните, пожалуйста!

— А и ничего, — снова засуетился Семён. — Реликвия! Государственное имущество. Ценность, так сказать. Символ государства нашего родного! Ни за границу, ни в личный музей, ни это... прошу вас.

— Да что с ним, милочка? — спросила обеспокоенная Зинаида Павловна. — Человек как человек был — и вдруг взвился. Да из-за чего? Что-то я ничего не пойму.

52

Да и никто ничего не понимал. Только сам Семён, да ещё Валерий Михайлович. Но ни тот, ни другой не хотели нам объяснить, в чём тут дело. Из других купе уже тоже начали собираться люди, кто-то рассерженно просил пропустить его в вагон-ресторан, или в туалет, уже и не разберёшь, потому что в нашем купе стало довольно шумно. Кто-то спрашивал, что хорошего выбросили в магазине. И это притом, что никто и не знал толком, что же произошло.

— Сёмка! — нервно крикнула Тося. Она вся преобразилась, стала вдруг не такой красивой, как прежде, — злой, обиженной, ничего не понимающей, и от этого словно даже оскорблённой.

— Тише, товарищи! — сказал Степан Матвеевич. — Тише, пожалуйста! В вагоне дети, а вы тут такой шум устроили. Прошу разойтись. Ничего особенного не произошло. Просто макет здания. Резьба по дереву. Уверяю вас. И ничего более.

Пассажиры пытались было разойтись, правда, не все, а лишь некоторые, да и те тут же опомнились и остановились.

— Вход закрыт, — жалобно объявил Семён. — И прошу учесть, что лежало под полкой Таисии Дмитриевны, так сказать, под нашей полкой. И, стало быть, имеем преимущественное право и не позволим оспаривать. Не позволим! — вдруг окреп его голос. — Никому не позволим! Потому как под полкой Таисии Дми... и бабуся завещала! Да, да! Она нам, мне это завещала! У нотариуса заверено, с печатями и со всем прочим. Потому как собственность, личная, персональная, испокон и во веки веков. Вот даже в газетах говорится. И никому. Руки прочь! Не трогать! Моё! Размоё и перемоё! Голову оторву!

Тут уж было не до шуток. С Семёном творилось что-то неладное.

Тося была близка к обмороку. Из коридора всё напирали. Никто ничего не понимал. Тут сейчас была нужна решительная рука. Я так и стоял, прижатый к столику. Иван. Всегда Иван! Не знаю уж, что он сообразил. А скорее всего, ничего не сообразил кроме того, что пассажиров надо разогнать по своим купе, а там уж и разберёмся со всем, что произошло в нашем.

— Милочка, — обратилась Зинаида Павловна к Тосе. — Вашему мужу дурно.

— Дурно? — переспросила Тося. — Ах, дурно. Наверное, дурно. Ах, что это с ним произошло? Ведь никогда он таким не был. Ведь он никогда так со мной не разговаривал.

— Вот что! — громко, заглушая шум в вагоне, крикнул Иван. — Разойдитесь, пожалуйста! Я сейчас начну в окна

выбрасывать тех, кто не разойдётся. Вы русский язык понимаете? Вас вот, например, в какое окно? С северной стороны или с южной? С северной? Правильно... Там прохладнее. Так, так. Пожалуйста, за ремень, за пояс, чтобы мне удобнее было. Падали когда-нибудь из вагона на ходу поезда? Нет. Сейчас упадёте. Что? Не хотите? Так, так. Вы? Что? И вам тоже не хочется? Тогда разойдитесь, пропустите. Вон там гражданин желает выпасть из окна. Я сейчас. Я помогу. Я вышвырну, если есть желающие. Ну и хорошо, ну и прекрасно! Ведь понимаете же, понимаете! Ну и молодцы! Вас? Нет желания. Благодарю! Благодарю вас! И вас благодарю. Вот и хорошо... и хорошо... Честное слово, позову, если понадобитесь.

Здорово это у Ивана получилось. Мне бы никогда так не сделать. Пассажиры разошлись по своим купе, правда, нехотя, но всё же разошлись. Да и ничего интересного не оказалось. Так, от жары с одним пассажиром стало плохо, с ума сошёл человек, но не буянит. И не будет буянить, потому что с ним жена, врач и ещё четверо здоровых мужиков. Да и ссадят его на ближайшей станции, потому что сумасшедших в фирменных поездах не возят. Ведь фирменный всё-таки поезд. Понимать надо.

— Спасибо, Иван, — сказала Зинаида Павловна. — А вы, Семён, давайте-ка вот на эту полку. Ложитесь. Успокойтесь, Семён, успокойтесь. От жары это и от волнения. Всё будет в порядке.

С верхней полки свесилась нога Валерия Михайловича, вслепую отыскивая точку опоры.

— Нет и нет! Обязан, так сказать, хранить и блюсти реликвию, завещанную, и прочее, и прочее. Прошу очистить и так далее.

— Да никто у вас вашу реликвию и не собирается отбирать, Семён. Ваша реликвия — и хорошо.

— Никто? — вдруг совершенно спокойным голосом спросил Семён и даже для верности переспросил ещё раз: — Никто?

— Никто, — подтвердила Зинаида Павловна.

— Так никто? — обратился Семён и к нам.

Да чёрт с ним, с этим чемоданом! Мне бы только семью до Марграда довезти. И пропади всё пропадом!

— Никто, — с чистым сердцем ответил я.

— Конечно, никто, — подтвердил Степан Матвеевич.

— Никому он не нужен, кроме вас, — сказал Иван.

— Никому? — вроде бы даже удивился Семён, но в голосе его чувствовалась неподдельная радость. — Господи! Никому!

53

— Нет, позвольте, — возразил Валерий Михайлович, опустив вниз и вторую ногу. — Нет, позвольте. Как это — никому? Общественное достояние! Всем это, понимаете, всем!

— Нет, — прохрипел Семён. И не узнать теперь было его. Совсем другой человек стоял перед нами и защищал что-то глубоко личное, своё, единственное, без чего и прожить-то нельзя, из-за чего можно не ехать в Усть-Манск к своей маме, из-за чего он и Тосю-то, жену свою, забыл. И никто ещё не знал, в чём тут дело, кроме, кажется, Валерия Михайловича.

— Позвольте, — снова сказал Валерий Михайлович и, выставив свой помятый зад, начал медленно сползать с полки. И вот он уже стоял на полу, пока что в одних носках, но, видимо, это его сейчас нисколечко не огорчало и не волновало. И брюки, и рубашка нигде не теснили его, а, напротив, имели вид униженный и оскорблённый. Всё на нём топорщилось и вылезало друг из друга. — Вас плохо воспитали, мой дорогой! У нас всё для человека. У нас человек человеку друг, товарищ и блат. Во вверенном мне Управлении торговли промышленными товарами широкого потребления такого работника не потерпели бы. Вы бы ведь налево стали подрабатывать? А? Что-то плохо слышу.

Семён действительно что-то промычал, но что, разобрать было невозможно.

— Нет! — крикнула Тося. — Семён, что же ты?

Семён посмотрел на неё, но не увидел.

— Успокойтесь, друг Семён, — продолжал Валерий Михайлович. — Успокойтесь и уясните себе, что этого хватит на всех. И зачем волноваться, делать другим неприятности, рвать, кричать. А что надо? А надо установить очередь, список. Вот у вас, друг мой, и ручка, и лист чистой бумаги.

— Опись, — быстро проговорил Семён.

— Нет описи, — повысил голос Валерий Михайлович. — Нет и не было. Чистый лист, на котором и надо составить список. Так и быть, вы первый. Только не наделайте глупостей! Не тащите всё, что попадёт под руку. С выбором, с выбором. И вообще, может, только на разведку.

— Не хочу в разведку, — уже несколько спокойнее и увереннее сказал Семён.

— Конечно, кому захочется за просто так? — согласился Валерий Михайлович. — Тогда первый я. А?

— Нет, я, — согласился Семён.

— На том и остановимся. Я не против. А вы, товарищи? Возражений нет?

Никто не возражал. Да никто ещё и не понимал, в чём тут дело.

— А всё-таки прилягте, — сказала Зинаида Павловна Семёну Кирсанову. — Успокойтесь.

— Нет уж! — сказал Семён. — Покой нам только снится! Отдыхать теперь некогда! В разведку, в бой!

— Кто третий? — спросил Валерий Михайлович. — Вы? Нет. Давайте третьей отправим Зинаиду Павловну, нашу несравненную, пекущуюся о нас и заботящуюся.

— О чём вы? — не поняла Зинаида Павловна. — Спасибо, но мне сейчас ничего не надо.

— Сейчас не надо. Очень может быть. А потом, в будущем?

— У меня нет будущего. И, пожалуйста, не возвращайтесь к этому.

— Зинаида Павловна! Друг мой! Да у вас ещё именно всё в будущем, — запел Валерий Михайлович. — Да вы...

— Я просила вас! И мне будет позволительно поставить вас на место, даже применяя силу рук.

— Прошу пардону! — Это откуда-то возник писатель Фёдор с несколькими листками в руках. — Прошу пардону-с! Вот, Валерий Михайлович, окончание рассказика.

— Поздно, Федя, — как бы даже сожалея, сказал Валерий Михайлович. — Работа старшего редактора не по мне. Так уж получилось. Мы теперь в Управлении торговли трудимся.

— Да разве я из-за того, что вы редактор?

— Был, был, а теперь нет.

— Я ведь из самых дружеских чувств. Я помочь хотел вам с вещами. Чтобы человеком вы себя почувствовали, а не вешалкой для своих костюмов. — Писатель Фёдор всё ещё иногда покачивался, но уже гораздо меньше и осмысленнее, и очень часто даже в такт толчкам вагона.

— Ерунда всё это, — наставительно сказал Валерий Михайлович. — Ерунда и самовнушение. Сосите свою водочку и не лезьте в дела, в которых ни черта не смыслите!

— Это уж слишком, — сказал я. — Зачем вы с ним так? Человек ведь помочь хотел. А если не нужна вам эта помощь, так откажитесь вежливо. Ведь человек перед вами!

— Как же, как же, — сказал Валерий Михайлович. — Вижу. Не нужна мне помощь неудавшегося писателя Фёдора, и пусть он катится, вежливо говорю, к чёрту!

Писатель Фёдор посмотрел на него странным взглядом. Я было подумал, что сейчас снова начнётся шум. Этого ещё не хватало! Но писатель только сказал:

— Я вас прощаю, Валерий Михайлович.

— Ха-ха-ха! — расхохотался тот. — Вы посмотрите только — он меня прощает!

— Я бы не сделал этого, — сказал я. — Я бы с вами не так поговорил.

— Это ничего, — сказал Фёдор. — Это пустяки. Возьмите вот, будет желание — прочитаете. Тут немного. Совсем немного.

— Спасибо, Фёдор, — сказал я. — Обязательно прочитаю. Я вам верю.

— А вот в конец списка! — с угрозой сказал Валерий Михайлович. — К самому закрытию! Когда уже ничего и не останется.

— Да мне ведь это и ни к чему, — отозвался Фёдор, повернулся и пошёл в своё купе.

— Вы с ним поступили нехорошо, — сказал Иван.

— И ещё поступлю, — пообещал Валерий Михайлович.

— Я тоже не хочу иметь с вами дела, — сказал Степан Матвеевич и сел на своё место, отвернувшись к окну.

— Пойду покурю. — И Иван двинулся в конец коридора.

— И я, пожалуй, — сказал я, но вспомнил, что сигарет у меня нет.

— Так вас на какую очередь записать, Артюша? — спросил Валерий Михайлович. — Хотите третью?

— Ничего я не хочу, — ответил я.

— Очень и очень напрасно. В вашем теперешнем положении я бы не стал пренебрегать хорошими возможностями.

— Да о чём вы тут всё время? — спросил я. — Чем это вас взвинтил чемодан?

— Я боюсь, — сказала Тося.

— Не бойтесь, Тося, — сказал я. Я сказал бы ей и ещё что-то, но вот только не знал, нужно ли ей это. Я имел в виду Ивана. Вот уж с тем-то ей бы никогда не стало страшно.

— А чемодан сдадим в Марграде, — пообещал я.

— Ну уж нет! — взвился Семён. — Личная, так сказать, собственность и прочее.

— Чемодан мы никому не отдадим, — просто сказал Валерий Михайлович. — И точка. Да вы и сами не захотите, когда узнаете.

54

— Что же это? — спросил я, хотя мне надо было идти, но не хотелось оставлять здесь двух испуганных женщин. Да что мне, собственно, до них? Одна со своим мужем, другая тоже себя в обиду не даст. Да и Степан Матвеевич, хоть отвернулся, хоть и бьётся над своими, наверняка надуманными, пробле-

мами, а всё равно потихонечку бдит, чтобы не смели эти два типа хамить женщинам или ещё кому.

— Снизойдите до того, чтобы нагнуться. Оно, впрочем, и не обязательно нагибаться. Но всё же. Хотя можно обратить внимание и издали. Ну и что вы пред собой видите?

Я невольно нагнулся. Макет Марградского универмага был сделан просто удивительно, точно, потрясающе точно. Ну, так мне, во всяком случае, казалось. Я, хоть и проходил возле него сотни раз, но не смог бы воспроизвести ни одного лепного украшения, не знал, сколько в нём окон. Даже выходов сколько, не знал, потому что всегда выходил через наиболее мне удобный. Но всё же, в подсознании, что ли, закрепилось всё это. И если я не смог бы сказать, что там есть, то чего нет, узнал бы наверняка. Поклясться можно, что копия удивительно точна. Я даже заметил стекло, треснувшее и скреплённое деревянной накладкой. Это где гастроном, винный отдел. Вот ведь вспомнил же я что-то наверняка.

Валерий Михайлович заметил, что я всматриваюсь в миниатюрное окно, и сказал:

— Приглядитесь, приглядитесь, может, что и увидите.

— Да, действительно. Эту деревянную накладку я помню. Не далее как десять дней назад её видел.

— Да только ли в накладке дело? Неверие-то своё, неверие откиньте. Вы ведь заранее уверены, что этого не может быть.

— Чего — этого? — спросил я, и вдруг увидел, остолбенел, молнией пронеслось: да как же я раньше-то этого не заметил? Ведь в глаза, в глаза бросается.

— Ну, что? — спросил Валерий Михайлович.

Ответить я ему ничего не смог, потому что в нём, в этом макете (через стекло всё было отчётливо видно) ходили люди, маленькие, не больше ногтя мизинца, что-то говорили, покупали, смотрели, требовали, просто стояли, ждали. Это были самые настоящие люди, только уменьшенные в размерах. Так вот в чём дело! Никакой это был не макет! Это было что-то другое. Но что, я всё ещё не знал.

Наверное, какое-то восклицание вырвалось у меня, потому что вдруг рядом с моим лицом оказались лица Тоси и Зинаиды Павловны.

— Милочка ты моя, — только и сказала Зинаида Павловна.

А Тося ничего не сказала, даже своё вечное: ах, как это интересно!

— Понимаете теперь? — спросил Валерий Михайлович.

— Ничего не понимаю, — ответил я. — Невозможная вещь!

— Ха-ха! Очень даже возможно. Я об этом универмаге давно слышал, да всё не особенно верил. А вот теперь как увидел, так и подумал, что игрушечку эту нельзя из рук выпускать.

— Я первый, — робко напомнил Семён.

— Извольте, извольте. Вы первый и есть. Я второй. Зинаида Павловна! Как женщине вам говорю: хотите быть третьей?

— Ах, оставьте меня! Ни третьей, ни сто третьей не хочу быть. Да и детей надо идти посмотреть. Жарко-то как детям. Ведь мучаются бедняжки. И вентиляция, как назло, не работает. Пропустите, милочка.

Это относилось к Тосе, которая как-то непонятно, неестественно посторонилась. Зинаида Павловна пошла по коридору.

— Дура, — убеждённо сказал Семён.

— Сёмка, — тихо прошептала Тося, но от этого шёпота даже у меня мороз по спине прошёл. А вот Семён сейчас, видно, был защищён какой-то непробиваемой бронёй. Он и на жену-то свою никакого внимания не обращал. Словно не до неё ему сейчас было.

— Степан Матвеевич, — тихо позвал я, — посмотрите, что здесь.

Степан Матвеевич очнулся. Значит, он опять весь уходил в свои гипотезы и планы спасения поезда, которому, кстати, пока ничего не угрожало. В этом я был уверен.

— Вот про бабусю... — начал он.

— Да вы посмотрите, посмотрите сначала, — поторопил я его, но тихим голосом, потому что мне не хотелось привлекать внимание пассажиров к нашему купе.

— Бабуся ведь неспроста... — продолжил он, но всё же приподнялся, шагнул вперёд и нагнулся, как только что я.

Я ожидал испуга, удивления, хоть какого-то восклицания, хоть какого-то проявления взвинченных чувств. Но ничего такого со Степаном Матвеевичем не произошло. Он выпрямился и сказал мне:

— Я уже начал об этом догадываться.

— О чём? Об этом магазине?

— Да, и о нём тоже...

— Не понимаю, Степан Матвеевич.

— Сам пока не всё понимаю. Тут думать надо. Тут разгадка где-то близко.

— Ну, пошли-поехали, — усмехнулся Валерий Михайлович. — Записывать вас в очередь? — обратился он к Степану Матвеевичу.

— Вот оно что... А ну-ка пошли, Артём, в тамбур к Ивану.

— Прямо сейчас? — спросил я.

— Немедленно.

— И я с вами, — попросилась Тося.

Семён даже не удивился словам своей жены. Она ему сейчас словно мешала. Он только рукой махнул: иди, мол, куда хочешь, тут всё равно не бабьего ума дело. Только охи да вздохи, помеха одна.

— И я с вами,— ещё раз сказала Тося.

— А вы-то зачем? — не понял Степан Матвеевич.

— Пусть она идёт с нами, — попросил и я. — Места в тамбуре хватит. Да и чуть прохладнее там.

— Что ж, я не против...

— Пошли, Тося, — тронул я женщину за плечо.

Она, кажется, приходила в себя, как после какого-то потрясения.

— Идеалисты, — сказал Валерий Михайлович. — Вам бы всё с чистенькими ручками, чистенькими мыслями. Вам бы не испачкаться. Другие пусть за вас всё делают. Другие — ассенизаторы, а вы, видишь ли...

— Ей-богу, не вытерплю, — сказал я. — Пошли, Тося. Степан Матвеевич?

— И лучше, и лучше, — засуетился Семён. — Простыночкой, простыночкой завесим, чтобы никто не лез. У нас тут, может, человек больной лежит. Вот мы и завесили. И никто ничего не скажет, потому что человек перегрелся, головка разбо...

— Хватит, друг мой Семён, — остановил его Валерий Михайлович. — Простыночку навесь, да и полезай...

55

Мы дошли до последнего купе. Я пропустил вперёд Тосю и Степана Матвеевича, а сам немного задержался. Сын мой лежал на нижней полке и спал. Тут же сидели Зинаида Павловна и Инга. А напротив — Светка и Клава.

А Клава-то, Клава... Что делалось с этой студенткой! Лицо её, прежде угристое, слегка земляного оттенка, теперь было чистым и свежим. И уродливая горбинка носа, кажется, исчезла. И какое-то достоинство от сознания собственной красоты отчётливо проявлялось во всей её фигуре, позе, движениях.

— Что там ещё? — спросила Инга.

— Ох, — выдохнул я. — Магазин там, понимаешь?

— Нет, не понимаю.

— Я и сам ничего не понимаю. Только бы скорее до Марграда доехать... Ну, что Сашенька?

— Спит он. Зинаида Павловна всё о нём заботится. Я бы без неё не знаю что и делала.

— А сделала бы, милочка, сделала. Всё бы и сделала, что надо. Тут сама жизнь всё подскажет.

Наверное, Зинаида Павловна была права. Милый и очень необходимый людям человек была она. Не знаю, какая уж у неё там семья, большая или маленькая, но только это, должно быть, очень счастливая и очень интересная семья. Ещё ничего не зная о семье Зинаиды Павловны, я уже завидовал ей. У такого лёгкого в обращении с людьми человека должно быть всё хорошо.

— Ты покурить? — спросила Инга.

— И покурить... Но в основном не из-за этого. Степан Матвеевич беспокоится... — Я замолчал. Нужно ли говорить о страшных предположениях Степана Матвеевича и Ивана в присутствии людей, Зинаиды Павловны, Инги и этих милых девушек? Зачем понапрасну беспокоить их? И если и не понапрасну, то всё равно преждевременно. Да и что я могу сейчас сказать, если сам ещё толком ничего не знаю и не понимаю? — Мысли всякие у Степана Матвеевича. Очень, впрочем, важные и интересные. Да ты, Инга, может, хочешь послушать, о чём они там с Иваном дискутируют?

— Не знаю даже... — сказала Инга.

— Иди, иди, милочка, — подтолкнула её Зинаида Павловна. — Иди. Познакомься с Тосей. Очень хорошая женщина. И, может, ей твой разговор нужен.

— Да? — полуудивлённо, полурастерянно сказала Инга.

— У них с Семёном, мужем её, какая-то размолвка... Даже не размолвка, а так, обиделась она на него. Или он обидел её. Впрочем, я тут ещё ничего и не пойму. Она вот в тамбур, а Семён вроде даже и рад этому. Иди, мол, иди. Она и пошла. Так ты пойдёшь, Инга?

— Пойду...

Я пропустил её в коридорчик, но прежде, чем открыть дверь в тамбур, сказал:

— Там, Инга, у Степана Матвеевича с Иваном разные предположения. Так что ты на них особенно внимания не обращай, то есть на то, что они говорить будут. Тут ещё ничего не ясно, а напугаться можно. Да и ерунда это всё на постном масле. Не верю я. И ты не верь.

— Хорошо, — прошептала Инга и посмотрела на меня както странно. И во взгляде её было что-то, что мне не понравилось: какой-то испуг, что ли, или недоверие, но только не ко мне, а вообще. Короче, она что-то знала или просто догадывалась, так что подготавливать её вовсе не было смысла. Она и сама могла мне кое-что объяснить.

Я только и сказал:

— Всё будет хорошо, Инга, вот увидишь. Всё, всё хорошо.

— Да, да. Я верю...

И тут я открыл дверь тамбура.

56

Солнце уже не жгло через стекло. Оно клонилось к закату, хотя жара от этого не становилась слабее.

Мужчины, оказывается, не курили. Или тоже сигареты кончились, или присутствие Тоси удерживало их. Не знаю. Я не спросил. Да и мне курить почему-то расхотелось. Тося смотрела в северное окно. Напротив неё стоял Степан Матвеевич. А Иван чуть в стороне, но ближе к Степану Матвеевичу.

— Вот, — сказал я. — Познакомьтесь. Инга — Таисия Дмитриевна.

— Да просто — Тося, — сказала женщина.

— Угу, просто Тося. А это моя жена — Инга.

Они подали друг другу руки, но ничего при этом не сказали. Даже Тося своё обычное: ой, как это интересно! Видно, что-то её сейчас занимало больше, чем все чудеса на свете. Что-то её поразило, сбило с наезженных рельсов обычной жизни.

Степан Матвеевич посмотрел на меня чуть вопросительно: зачем, мол, я привёл сюда этих женщин? И можно ли при них говорить всё?

Да откуда я мог знать это?

В Иване тоже что-то ломалось, бродило, корёжило его душу, хотя он старался казаться спокойным. Но только я уже хорошо знал его. Настолько хорошо, будто всю жизнь прожил с ним бок о бок.

— Ну, хватит, — вдруг сказал Иван. — Молчать люди могут и поодиночке. А вместе давайте говорить... Вы, девушки... — Заметно было, как он раздумывал мгновение, как их назвать: девушки или женщины, а вот назвал всё-таки девушками. — Вы крепкие, сразу видно. Я хотел сказать, что вы не испугаетесь, если произойдёт какая-нибудь неприятность.

Ни Тося, ни Инга ничего не ответили.

— Ну, ладно. Что играть в прятки? Дело в том, что Усть-Манска не будет.

— Как не будет? — Это вырвалось у Тоси совершенно машинально. — Нам ведь сходить... — И осеклась. Ведь вовсе и не надо было им с Семёном теперь сходить в Усть-Манске. Раз-

думал Семён, да и дело какое-то у него появилось... — И пусть не будет... Всё равно...

— Я, — продолжил Иван, — изъездил всю Сибирь вдоль и поперёк. Пригороды Усть-Манска уже должны были начаться. Посёлки и платформы, куда ходят пригородные электрички. Но только ничего этого нет.

Нет, Тося не испугалась. Она, кажется, просто ничего не поняла, не расслышала, потому что что-то искала сейчас в своей душе, в потёмках, без всякого света впереди, да и не зная даже, что ей нужно. А Инга слегка прикусила нижнюю губу, но тут же снова взяла себя в руки.

— Говорите, говорите, — сказала она.

— Да что тут говорить, — вдруг сказал я. — Мы тут то одному, то другому что-то объясняем, а толку никакого. Надо...

— Уверовал? — насмешливо спросил Иван.

— Не то слово. Просто этим надо заняться планово, толково, распределив обязанности. И ещё что — не знаю. Надо, чтобы все знали и предлагали. Раз такое дело, то и выкручиваться надо всем.

Инга посмотрела на меня вопросительно, но всё же промолчала.

— Дело в том, Инга и Тося, — сказал я, — что наш поезд, как предполагают Степан Матвеевич и Иван, попал в другую реальность, которая во многом похожа на нашу. А как вернуться назад, мы не знаем.

Инга, как мне показалось, облегчённо вздохнула. Вот как! Значит, чужая реальность её вовсе не очень и страшит. Или она ещё не совсем поняла, что произошло?

— Скорее всего, и не другая реальность, — сказал Иван, — а нуль-упаковка.

О Бог мой! У них уже было другое предположение. У них уже не другая реальность, а нуль-упаковка! Ну конечно, нуль-упаковка! Тут и бабуся, и её чемодан, и рюкзак, и телеграмма! Всё объяснилось так же просто, как и в случае с другой реальностью.

Я так и сказал:

— Сначала другая реальность, теперь нуль-упаковка, а через час будет ещё три или десять объяснений. И все они правильны и единственно возможны, но только по очереди, а, впрочем, может быть, и безо всякой очереди.

— Я пойду соберу стройотряд, — вдруг сказала Инга.

— Это правильно, — согласился Степан Матвеевич, — только не надо всех, а несколько человек, три-четыре.

— Я сейчас и пойду.

— Подожди, Инга. Куда мы всех соберём? Ведь помещений для собраний у нас нет.

— Да в вашем купе и соберём, — предложил Иван. — Детей там нет, и все немного в курсе дела.

— Писателя Фёдора надо пригласить, — сказал я. — Он хоть и закладывает, а всё-таки чем-то мне симпатичен. Не возражаете?

— Нет, — сказал Степан Матвеевич. — Какие тут могут быть возражения? И кто нам сейчас нужен, тоже неизвестно.

— А мама мне всего, да, всего в дорогу положила, — сказала Тося сама себе. Не слышала она нас, что ли?

Иван постучал по стенке пудовым кулаком и сказал:

— Начальника поезда надо пригласить и радиста, или как его там...

— Начальника — это правильно, — согласился Степан Матвеевич, — а вот зачем радиста?

— Телеграмму дать...

— Ку-да? Куда сейчас можно дать телеграмму?

— В Москву, в Марград, в министерство путей сообщения, а ещё... не знаю куда. Бабусе, например.

— Ну хорошо.

— Так я к ребятам? — спросила Инга. Она торопилась. Она хотела что-то сделать. Побыстрее. А потом к Сашеньке. Она теперь его ни миг от себя никуда не отпустит. — Я быстро.

— Хорошо, Инга, — сказал я.

Инга рванулась чуть ли не бегом.

— И я, — сказала Тося.

— А вы куда? — спросил я.

— Не знаю. Я так. Узнать. — И она вышла из тамбура.

— Зря ты, Артём, женщин сюда привёл, — сказал Иван. — Ещё наделают паники.

— Нет, эти не запаникуют, — возразил Степан Матвеевич. — Эти женщины из другого теста... — Он так и не докончил фразы.

57

В тамбур из перехода протиснулся официант со своей корзинкой, наполненной всё теми же кусками противной жирной колбасы. Вид у него был довольно обалделый.

— Колбаса, — испуганно прохрипел он, — со скидкой. Вам сколько порций?

— Колбасы нам не надо, — твёрдо отверг все его притязания Степан Матвеевич.

— Как же? — не понял официант. — Ведь со скидкой!

— Нет, нет. Спасибо, не требуется.

— И все так. Весь поезд. Сговорились, что ли? По четвёртому кругу пошёл. Никому колбаса не требуется. А суп только детям и престарелым.

— Да не нужен нам и суп. Антрекотов даже не нужно, — чуть вспылил Степан Матвеевич. — Понимаете? Мы не хотим есть.

— Так, так. — Официант всё равно ничего не понимал. — А в ресторан? Все места свободны... Никто не идёт.

— Нам сейчас не хочется есть, — как можно спокойнее, но уже еле сдерживаясь, сказал Степан Матвеевич.

— Вот и все так. Весь поезд сдурел. Никто не хочет колбасы. Никто не хочет в ресторан. А у нас план. У нас премия с перевыполнения.

— Весь поезд? — переспросил Иван.

— Весь поезд, — подтвердил официант. — С ума народ сошёл. Игнатий Филиппович, прекраснейшей души человек, повесился от недоверия.

— Кто?! — вскрикнул Степан Матвеевич.

— Игнатий Филиппович. Он у нас по мясным и рыбным... Не совсем, впрочем, повесился, а так, угрожал. Раз, говорит, никто не хочет есть мои отбивные, раз меня игнорируют, раз... ну и там всё прочее. Он у нас оч-чень строгий мужчина. Так отказываетесь?

— Отказываемся, — сказал Степан Матвеевич.

— Тогда уж его не удержат.

— Кого?

— Да Игнатия Филипповича. Его ведь за руки держат. Из-за этого и картофеля начистить не успели, а гарнир теперь из лапши. А ведь лапшу-то, её ведь сразу можно вываливать, всё равно никто есть не будет. Так, значит, нет?

— Нет. Попозже. Сейчас и без того дел много.

— Ну-ну, не бережёте вы поваров... Он же квалификацию из-за этого потерять может.

Официант ещё раз обиженно взглянул на нас всех и ринулся в вагон. Он ещё на что-то надеялся.

58

— Времени сейчас терять нельзя, — сказал Степан Матвеевич. — Начнём, пожалуй. Я к начальнику поезда, как наиболее представительный из нас троих. Ивана прошу к радисту. А вы, Артём, если только это возможно, подготовьте как-нибудь место для нашего собрания.

— Комитета, — поправил я его.

— Что? А... комитета. Пусть комитета.

— Я постараюсь.

Мы вышли в коридор. Зинаида Павловна пеленала Сашеньку, собираясь, наверное, нести его к кормящей матери в соседний вагон.

— Работайте, работайте, — сказала она мне, словно уже знала, что мы действительно заняты важной для всех работой.

Я прошёл дальше. Степан Матвеевич заглянул в купе проводниц и что-то там спросил. Наверняка — где располагаются начальник поезда и радист. Потом они с Иваном двинулись дальше, в следующий вагон. А тётя Маша вперевалочку выкатилась из своего купе и речитативом завела:

— Кому слазить в Усть-Манске? Кому в Усть-Манске? Стоянка четырнадцать минут. Кому в Усть-Манске. Прибываем! Прибываем! Стоянка...

Она неторопливо шла по проходу, а человек пять пассажиров уже приготовились к высадке, правда, ещё не загромождая коридор своими вещами — узлами и чемоданами. Они ещё не запрудили тамбур только потому, что ясно видели, как за окнами вагона расстилалась бескрайняя степь, на которой пока не было видно никаких признаков приближения станции.

Тётя Маша поравнялась со мной. Я не утерпел и спросил:

— Да где же Усть-Манск? Степь одна!

— А меня это не касается, — спокойно ответила тётя Маша. — По расписанию должен быть Усть-Манск.

— Так ведь нету его! Может, поезд опаздывает?

— Ну, гражданин! Да такого с нашим фирменным поездом ещё и не бывало. Да и предупредить должны по радио, если какая задержка случилась... Кому в Усть-Манске сходить? Двадцать третье место...

Я не стал слушать её дальше. Поколебать уверенность проводницы тёти Маши было наверняка невозможно. Да и не требовалось этого — по крайней мере, сейчас.

Я заглянул в своё купе. Наши со Степаном Матвеевичем полки были пусты. Нижняя полка, на которой должен был стоять макет Марградского универмага, оказалась плотно занавешенной двумя простынями. Перед этой завесой стоял Валерий Михайлович, непоколебимый и решительный. Ясно, что он никого не пустит взглянуть, что там, за этими простынями, делается. Ну, ладно... Тут мы ещё посмотрим! На противоположной нижней полке сидела Тося и смотрела на Валерия Михайловича ненавидящим взглядом, только это не производило на стража никакого впечатления. Я даже почему-то был уверен, что он только что не пропустил её туда, и при этом

ещё изрекал двусмысленные шуточки и слегка заигрывал с женщиной. И ещё мне показалось, что Тося только что плакала. Такой быстрой перемены в человеке, какая произошла с Тосей, я бы никогда и не предположил. Она выглядела измученной, уставшей, и ещё... ещё ни во что не верящей.

59

Валерий Михайлович улыбнулся мне вполне нормальной улыбкой и сделал жест рукой, как бы говоря: тише, не входить, идёт эксперимент.

— Где Семён? — спросил я.

— Их жена уже изволили спрашивать. Интересовались, так сказать. Семён Кирсанов выполняет важное, можно сказать, государственное задание.

— Так где же всё-таки Семён?

— В Марградском универмаге, так сказать...

— Вот что, — сказал я, — я вижу, вы со мной шутите. Так мне сейчас совершенно не до шуток. Я ведь вас спрашиваю не из праздного любопытства. Мне нужно знать точно.

— В Марграде, в универмаге, так сказать, — повторил Валерий Михайлович.

Убил он его, что ли? А тело прячет за простынями. Даже такая абсурдная мысль мелькнула у меня. Я уже начинал верить во всякую чушь. Этого мне сейчас только не хватало! Я протянул было руку к простыне с намерением заглянуть в таинственный закуток, сооружённый Валерием Михайловичем и Семёном, который сейчас почему-то отсутствовал. Отсутствовал, это точно, потому что за занавеской, ширмой, завесой не могло быть ничего живого, Семёна то есть. Ни шороха, ни дыхания, ни какого другого звука, изобличающего присутствие живого человека. Валерий Михайлович осторожно, но властно и твёрдо отвёл мою руку.

— Вот и жена означенного Семёна Кирсанова пыталась сорвать простыни. Невозможно! Так сказать, по поручению самого Семёна Кирсанова.

— Это ещё почему?

— Чтобы не создавать толкучку и беспорядки.

— Они что-то гадкое затеяли, — тихо, но с нажимом сказала Тося.

— Всё во благо человека! — отпарировал Валерий Михайлович.

Костюм его до сих пор не был приведён в порядок. Валерий Михайлович всё так и стоял в одних носках, забыв

почему-то о своих туфлях. Вот до чего важное дело было у него сейчас!

— Вот что, Валерий Михайлович, — сказал я. — Сейчас здесь будет нечто вроде собрания. Начальник поезда придёт, радист, студенты строительного отряда... Может, ещё кто... Народу соберётся много. Надо сделать так, чтобы все вошли. Так что макет этот я сейчас поставлю в чемодан.

— И произведёте убийство Семёна Кирсанова, — с ухмылочкой сказал Валерий Михайлович.

— Какое ещё убийство?

— Вот именно. Убийство! Но ведь вы с вашими принципами не способны на убийство ни в чём не повинного человека?

— Что за чушь! Я никого не намерен убивать. Я только хочу убрать макет с полки, чтобы на неё могли сесть люди.

— Невозможно!

— А вот сейчас посмотрим!

Всё-таки я довёл дело до пустой перебранки, и пассажиры, которым сейчас совершенно нечего было делать, потому что есть они не хотели, а шахматы и преферанс умерли для игры ещё утром, начали обращать внимание на нас и даже подсаживаться поближе, чтобы получше рассмотреть, что же будет дальше. Один молодой пассажир остановился в проёме между полками и насмешливо посмотрел на меня, потом на Валерия Михайловича.

— Помочь? — вдруг спросил он меня.

— Вы не имеете морального права! — повысил голос Валерий Михайлович. Но он уже немного струсил, и напирал только на человеколюбие. Он ещё очень хорошо помнил, как его сегодня били. И не хотел повторения.

— Что вам? — растерянно спросил я парня.

— Да ведь вам помощь нужна...

— Ничего мне не нужно.

— Ну-ну. Не надо так не надо. Я вот всё хочу подойти к вам, поговорить. Но вы так заняты. Вы ведь сейчас чем-то серьёзным заняты.

— Вообще-то да, — сказал я.

— По отдельным словам можно догадаться, ну а о глазах уж и говорить нечего.

— Не совсем понимаю...

— Видите ли... Я знаю каратэ, йогой занимаюсь и немного гипнозом. У меня и разрешение есть.

— Боюсь, что не потребуется...

— Хорошо бы...

— Не имеете морального права! — повторил Валерий Михайлович и этим нажал какой-то спусковой крючок моего терпения.

60

Я резким движением дёрнул простыню. Валерий Михайлович попытался удержать её с другого конца, но преграда рухнула почти мгновенно. А так как Валерий Михайлович тоже рвал простыню, то на себя, то на верхнюю полку, что для него было крайне неудобно, то и запутался он в ней, как в коконе. Да ещё свирепость какая-то напала на него. Это потому, что я что-то испортил в их с Семёном затее. Он заметался, совсем запутался и упал в проходе между двумя полками. Он что-то пытался говорить, но слишком торопился, и понять его поэтому было совершенно невозможно.

— Ловко, — сказал парень. — Теперь его усадить надо. К окошку. Чтобы отдохнул.

Я-то предполагал увидеть за этой самодельной ширмой что-то страшное, в крайнем случае, непонятное, необъяснимое. Но там как стоял раньше, так и продолжал стоять макет универмага. Это ввергло меня в какую-то растерянность. А парень тем временем довольно ловко приподнял извивающегося Валерия Михайловича и затолкал его в угол полки, на которой сидела Тося.

Валерий Михайлович двигался всё осмысленнее, и поэтому уже не так быстро и беспорядочно.

Так в чём же дело? Макет стоит себе преспокойно. И зачем охранял его Валерий Михайлович? Непонятно... А вот Семёна нет.

Я посмотрел на Тосю. Тося на меня. Потом мы оба посмотрели на парня, который уже снова стоял в проходе, опираясь на полки обоими локтями.

— В чём же дело? — спросил я.

— Вы ещё пожалеете об этом, — произнёс Валерий Михайлович первую разборчивую фразу. — Всю жизнь потом будете жалеть.

— Да ладно, — успокоил я его.

Крестобойников замолчал.

— Не пойму, — сказал я.

— А что вы хотели? — спросил парень.

— Сам не знаю.

— А Семёна в вагоне нет, — совершенно замученным голосом сказала Тося. — Пропал Сёмка.

Раз она назвала своего мужа Сёмкой, значит, уже жалела, значит, у неё уже проходило давешнее настроение и какое-то неприятие Сёмкиных действий.

— Может, вышел в другой вагон?

— Нет, — сказала Тося. — Не выходил.

— И точно. Не выходил, — подтвердил парень. — Я этого Семёна уже давно заметил. Открытая душа, кажется?

— Ещё какая открытая, — согласился я. — Вот только исчез он. Этого нам не хватало. Но ведь не в окно же он вывалился?

— Дубари! Неучи! Недоучки! То, что перед вашими глазами, разглядеть не можете! — раздражённо крикнул Валерий Михайлович. Он уже заметно поуспокоился, не рвался, не дёргался, но простыни сами теперь не спеша скатывались с него. Он был уже почти свободен, но не делал попыток вскочить и начать защищать что-то своё и Семёна, чего мне было не понять. Он вообще, казалось, жалел сейчас не себя и Семёна, а нас. Совершенно очевидно, что своими действиями я принёс вред или новую беду не Валерию Михайловичу и Семёну, а себе. Может, даже и другим пассажирам, которых, кстати, становилось возле нашего купе всё больше и больше.

— Пропустите! — Это возвращалась тётя Маша. — Через десять минут отправляемся. Провожающих прошу выйти из вагона! Граждане!

Да что же это она?! Ведь поезд ещё и не останавливался! Ведь и никакой станции за окнами не было. Ничего не мчалось, как в Балюбинске, рядом с нашим сумасшедшим поездом!

— Граждане! Не толпитесь!

— Тётя Маша! — вскричал я. Я уже совершенно запутался и чувствовал, что этот процесс всё более нарастает. — Тётя Маша! Какая остановка? Какая станция? Откуда через десять минут отойдёт поезд? Ведь ничего же нет!

— А по расписанию! — хитро ответила тётя Маша.

— Так и что, что по расписанию? Вы в окна посмотрите!

— А ты, гражданин, не верь своим глазам, а верь расписанию. Так-то лучше будет.

— Почему нет Усть-Манска? — раздалось несколько встревоженных голосов около выхода из вагона.

— По расписанию есть, — сказала тётя Маша. — И через девять минут, граждане, поезд отойдёт от перрона. Прошу не задерживаться. Кто окажется без билета, с того штраф по всей форме.

Да-а... Тётя Маша свято верила в расписание и в наше светлое и счастливое будущее.

Я заглянул через плечо парня. Хоть бы имя его узнать... Там испуганно носилась из тамбура в своё купе и обратно вторая проводница.

А граждане пассажиры растерянно крутили головами, но спрыгивать на ходу из поезда не решались, хотя по расписа-

нию сейчас и именно здесь должен был находиться перрон Усть-Манска.

Ну ладно. Время-то шло. Из купе Инги уже начали выглядывать нетерпеливые студенты строительного отряда. Валерка старательно не смотрел на полку, где должен был лежать какой-то не совсем по-комсомольски рождённый ребёнок. Да и лежал ли он там сейчас. Я всё просмотрел. Не видел даже, выходила ли Зинаида Павловна с Сашенькой. И здесь, в своём купе, ничего толкового пока не сделал.

Со стороны я, наверное, выглядел нелепо. Конечно. Потому что я сейчас и внутри выглядел точно так же.

Валерий Михайлович окончательно распеленался, но не делал попыток броситься на меня или снова водрузить импровизированную ширму. Он только сказал:

— Учтите, Артюша, что следующая очередь моя. Ну а потом начнётся столпотворение. И вы за это будете отвечать.

— Ладно, — снова успокоил я его. — Отвечу, если потребуется. — А ведь я так ничего и не понимал.

— И ответите! Перед судом людским ответите! Потому как хотели лишить людей блага.

— А чёрт с ним, с вашим благом. Товарищ, извини, не знаю твоего имени, помоги мне этот чёртов макетик в чемодан затолкать.

— Юрий я. Это мы мигом. За угол, что ли, браться?

— За угол.

— Вот теперь уж точно будет смертоубийство, — пообещал Валерий Михайлович. — Остановитесь!

В голосе его прозвучал отчётливый страх. Валерий Михайлович точно знал, что если мы уберём этот макет в чемодан, произойдёт смертоубийство.

— Объяснитесь, по крайней мере, — потребовал я. И сам удивился, сколько в моём голосе было начальственных, не допускающих возражений ноток.

— Так его, так! — обрадовался пассажир, который куда-то вёл за руки двух девочек-акселераток.

— Хочу домик, — прохныкал мальчишеский голос.

— Мама купит у дяди, — пообещал отец.

— Хочу...

— Мама купит у дяди, — снова пообещал отец, даже не дослушав, что же теперь хочет его чадо.

— Пропустите! Пропустите!

Ага! Это жена того шарикообразного пассажира, конечно, с детским горшком в руках, пытается протолкнуться через толпу зрителей. Едут пассажиры. Совершают то, что и положено совершать в дороге. А я? Что же это я? Ведь что-то делать надо! Что-то я хотел? О Бог мой! Ум за разум у человека заходит!

Я, оказывается, уже сидел рядом с Тосей. Без всякого перехода, да и какой тут мог быть переход, ни с того, ни с сего я вдруг сказал ей:

— Успокойтесь, Тося. Всё будет нормально.

Она посмотрела на меня, как на сумасшедшего, который и сам-то ничего сообразить не может, а вот поди ж ты, успокаивает. Но вид у меня, наверное, был настолько измученный, что лицо её чуть потеплело.

— Хорошо бы, — только и сказала она.

— Цирк! — радостно воскликнул кто-то из зрителей.

61

— Ну ладно, — сказал я...

И в это время меня что-то сбило с сидения. Что-то огромное, шершавое, но всё же не совсем твёрдое, а даже, наоборот, вроде бы мягкое. Удар был просто неожиданен, иначе бы я не повалился на полку. Оно, то самое, что ударило меня, зацепило и Тосю. Но та даже не вскрикнула. Только закрыла глаза ладонями. Это что-то было рулоном, чем-то, свёрнутым в рулон. Ну да! Я попытался встать и почти что уже и встал, но меня снова что-то ударило по лицу. Но только теперь я уже был готов ко всему, хотя и не знал, к чему, так что я удержался и отбросил выскочивший откуда-то предмет к боковой полке, на которой ещё никто не сидел. Зрители наблюдали за «цирком» из прилегающих купе, почему-то не решаясь зайти в наше. Потом посыпалось ещё и ещё. Но я уже бил наотмашь, пытаясь защитить и Тосю. Иногда я, правда, промахивался, и женщине тоже доставалось. Но всё же... Секунд пятнадцать я махал руками. Мне уже и Юрка, Юрий этот, помогал. Наконец я выработал систему и даже смог что-то понять. А дело было вот в чём! Из макета, чёртового, загадочного, непонятного, в котором, если приглядеться, двигались фигурки настоящих людей ростом с ноготь мизинчика или и того менее, из этого самого чёртового магазина вылетали вещи! Ковры, дорожки, куртки с замками на плечах, рукавах и груди, коробки с импортной и отечественной обувью, какие-то свёртки, содержимого которых я не мог знать, и ещё многое другое. Поток, кажется, начал ослабевать.

— Вот это да! — сказал отец двух девочек-акселераток, которые тоже смотрели на чудеса широко открытыми, удивлёнными глазами.

— Пропустите. Пропустите! — Это снова была женщина с горшком, возвращающаяся из туалета. — Да дайте же пройти человеку! У меня ребёнок в купе! Безобразие какое!

А с другой стороны надрывался в ругани шарикообразный пассажир, грозя нашему купе и в особенности мне, который ворует детей в детских домах, самыми страшными карами.

Поток вещей иссяк окончательно. Что это было и почему, я пока не думал. Дорогу женщине! Дорогу женщине, которую ждёт милый, ненаглядный ребёнок!

Торопливо и безо всякого, конечно, порядка я начал рассовывать предметы и вещи по верхним полкам. Юрий помогал мне. Помогал даже отец всё время вопрошающего мальчика. Отцу, кажется, хотелось заняться хоть чем-нибудь, лишь бы не слышать бесконечных и иезуитских желаний своего отпрыска. Ну и навалено здесь было! Всё-таки мы работали быстро и споро. Через две минуты женщина с горшком смогла пройти к своему малышу, который уже надрывался истошным криком. И что ему две минуты без мамы?.. Я работал машинально, даже не соображая, для чего это нужно, откуда что взялось и что из всего этого получится дальше. К концу этой гонки я нечаянно взглянул на Тосю. Она всё сидела, закрыв ладонями лицо, но там, где чуть-чуть выступали из-под пальцев её щёки, кожа была мертвенно бледной. Валерий Михайлович, отчасти заваленный вещами и ковровыми дорожками, смотрел на меня со злорадством. Ну и чёрт с ним!

— Тося, — позвал я женщину, но оторвать её ладони от лица не посмел. — Тося.

Студенты стройотряда уже протолкались к нашему купе и теперь робко поправляли сваливающиеся с верхних полок предметы и даже рассаживались на нижней боковой, которую я не успел загромоздить подарками.

— Разойдитесь, товарищи! — послышался голос Степана Матвеевича. — Да пропустите же!

Вот. Комитет уже наверняка был в сборе, а место для его работы я так и не подготовил. Беда, беда...

— Товарищи... — Я не знал даже, что хотел сказать дальше. — Тося. Да что же вы все...

А все вдруг начали пятиться от нашего купе. А кто-то даже указал пальцем на макет и дико вскрикнул. Я оглянулся. Уже вроде бы ничего не могло потрясти меня, а ведь потрясло! Да ещё как! Я впервые почувствовал, как отказываются служить так хорошо подогнанные друг к другу мускулы. Я онемел.

А из макета неторопливо и ладно, старательно и не спеша, с весёлой улыбкой вылезал Семён, живой и невредимый.

— Живём, братцы! — радостно воскликнул он. — Да ещё как теперь жить будем!

Он уже вылез весь. Как это у него получилось, понять было совершенно невозможно. Кое-кто из позорно отступивших начал возвращаться назад. Правда, это отступление позво-

лило Степану Матвеевичу и Ивану, да ещё двум гражданам, в одном из которых я признал давешнего искателя пассажира Голубчикова, продвинуться вперёд. А там и ещё кто-то пёрся за ними. Ну, впрочем, вполне возможно, что из ресторана. Вечер ведь уже был, вечер!

— Ну что тут, Артём... — Степан Матвеевич окинул взглядом купе и сказал громко: — Да-а...

— Дефицитные вещи достал! — гортанно крикнул Семён. — Ещё вчера бы не подумал! Тося! Ты смотри! Вот туфли греческие... Где они? Кто тут всё складывал? Не могли по порядку! А! Вот они. Нет, не то. Или то? Да ты сама посмотри! Ведь обалдеть можно от такого везения! Тося!

Жена его сидела в прежней позе, не шевелясь и словно ничего не слыша.

— Тося, — повторил Семён, и потом уже совсем шёпотом: — Тося. Ты что?

Тося отняла ладони от лица, на нём тотчас же проступили красные полосы, так сильно она вдавливала пальцы в щёки.

— Тося, ты что?! — испуганно крикнул Семён. — Ты ведь сама... Греческие. И дорожка... этот ковёр... натуральный... Тося...

— Я никогда, никогда не хочу больше тебя видеть. — Это вырвалось у Тоси тихо, не грубо, спокойно, но с невыразимой мукой, медленно, едва сдерживаясь.

— Тося! Ты же сама! Ты ведь ещё ничего не поняла! Тося!

Тося встала и медленно двинулась на людей, словно и не видела их. Нет, она сейчас, наверное, действительно никого не видела. Перед ней расступились, вдавливаясь в стены и подбирая ноги.

— Кто-нибудь — за ней! — крикнул Степан Матвеевич.

А за ней рванулся было Иван, но остановился, загораживая своей огромной фигурой проход. Тогда я оттолкнул его и бросился вперёд. У самых дверей меня перехватила Зинаида Павловна, спросила, что это за гонки. Я ответил что-то невразумительное, но Зинаида Павловна каким-то чудом извлекла информацию из моего бормотания и снова взяла все заботы на себя.

— Ну, хорошо, Артемий. Я догоню её. Успокою. А вы там у себя... Делайте, что нужно.

Инга и две студентки сидели здесь, и словно что-то даже понимали. Во всяком случае, я не стал им ничего объяснять, а только махнул рукой и побрёл в своё купе. Уж и ноги у меня еле передвигались.

62

Степан Матвеевич с помощью Ивана и Юрия навели некоторый порядок в нашем купе. Цирк кончился и зрители разошлись.

Да-а... Тут уже образовалась боевая тройка, возглавляемая Степаном Матвеевичем. Они хоть и тоже толком ничего не знали, но, по крайней мере, хотели узнать, а потом что-то и сделать. Я примкнул к ним, правда, более душой, чем своими действиями.

В купе получилась такая раскладка сил. На нижней боковой сидели радист, начальник поезда и Степан Матвеевич. Тут и ещё на одного было место, но на него никто не претендовал. Иван сначала загораживал мне путь, но когда я подошёл, доплёлся, лучше сказать, к нему вплотную, сел на Тосину полку рядом с макетом магазина. Юрий стоял в проходе с противоположной стороны, опираясь локтями на верхние полки. А на месте Зинаиды Павловны размещались Валерий Михайлович Крестобойников, всё так же в углу и со смятыми простынями у ног, и Семён, немного ошалевший от счастья и в то же время прямо-таки убитый непонятным поведением любимой жены. Все молчали, и напряжение, нервная неустойчивость были разлиты в воздухе. Я прислонился к косяку в полном изнеможении. Мыслей от меня сейчас можно было и не ждать.

— Все успокоились? — строго спросил Степан Матвеевич.

Никто из нашего купе ничего не ответил ему, лишь студенты, Валерка и Михаил, разместившиеся на одном боковом в соседнем купе, привычно ответили:

— Успокоились...

Да Михаил добавил:

— Быть убитым не совсем приятно, но быть убитым ковровой дорожкой вдобавок ещё и стыдно.

— Вот и хорошо, — удовлетворённо сказал Степан Матвеевич. — Дел у нас много, а ещё больше загадок, так что давайте и начнём не откладывая.

— Прошу... — послышалось из-за спины Юрия. Тот посторонился. — Прошу... Но так как вроде просить прощения писателю было сейчас не из-за чего, то Фёдор просто закончил: — ...и так далее.

Фёдор оказался посередине купе. А быть центром хоть и маленького общества он наверняка не привык, поэтому после секундных колебаний уселся рядом с Семёном и даже зачем-то кивнул Валерию Михайловичу. Фёдор зла не помнил.

— Теперь уже совершенно точно можно сказать, — начал Степан Матвеевич, — что с нашим поездом творится что-то неладное. Отсутствие станции и города Усть-Манска, самодви-

жущийся вокзал, бесплатные обязательные обеды, сосна на крыше вагона, пришелец, бутылка, перерабатывающая воду в молдавский коньяк, и ещё многое другое. — Тут Степан Матвеевич косо взглянул на меня, но я ничего не понял, не в состоянии был сейчас понимать что-либо. — Мы вот тут с товарищем Иваном прикидывали разные возможные варианты. Артём Мальцев принимал в обсуждении активное участие. И сначала мы чуть было не пошли по ложному пути. Признаюсь, ложное направление предложил и отстаивал я сам. Я ошибочно полагал, что наш поезд каким-то необъяснимым образом попал в другую реальность. Но... Но, вероятнее всего, дело в другом.

Степан Матвеевич замолчал, словно собираясь с мыслями. Сидящие уже догадывались, что какую-то значительную роль играл здесь злосчастный макет универмага. Все на него и смотрели, кроме студентов-стройотрядовцев, которым я его загораживал.

— Скорее всего, дело вот в этом макете, — произнёс наконец Степан Матвеевич.

— Не отдам, — вдруг подал свой голос Семён. — Потому как бабуся презентовала его Таисии Дмитриевне.

— Вернее, в принципе работы этого магазина, — продолжил Степан Матвеевич, не обращая никакого внимания на слова Семёна.

— Я ведь и обжаловать это дело могу! — немного взвиваясь, напирал Семён.

— Не все сидящие здесь ещё знают, что из Фомска до Старотайгинска в нашем купе ехала бабуся с двумя тяжёлыми чемоданами и рюкзаком.

— Родственница! У меня доказательства есть, — никак не унимался Семён.

— Артём Мальцев разговаривал с бабусей ночью...

— И неправда, — снова влез Семён. — И не об этом они вовсе говорили. Я тоже не спал. Со мной бабуся говорила, со мной! Она мне этот чемодан презентовала!

— Кроме этого магазина, — спокойно продолжал Степан Матвеевич, — бабуся везла с собой пасеку и поезд. Самую натуральную пасеку с пчёлами и ульями, с домиком и речкой, деревьями и лугом. Артём Мальцев всё это видел.

— Приснилось! — крикнул Семён.

— Поезд Артём Мальцев тоже видел. Очень интересный поезд. Ювелирная работа. Поезд, как утверждает Мальцев, двигался.

— Врёт и врёт! — настаивал Семён.

— Да, — сказал я, — мне показалось, что поезд движется. Ощущение было такое, что игрушка в самом деле движется. Но ручаться головой не могу.

— Да этого и не требуется, — сказал Степан Матвеевич. — Тут и так всё видно. Ведь о чём вам бабуся рассказывала? О нуль-упаковке, которую придумал её сын Афиноген?

— Да. Да, — подтвердил я.

— Я и сам сначала не придал значения этому факту. Игрушка, думаю, не более. А вот этот магазин всё прояснил. Спасибо вам, Семён и Валерий Михайлович. Многое вы нам объяснили.

— Всё равно не отдам, — заявил Семён.

— Мы вместе жаловаться будем, — сказал Валерий Михайлович. Сказал просто так, это чувствовалось и по ноткам в голосе, и по лицу, на котором не было убеждения в своей правоте — или силе, на худой конец.

Степан Матвеевич упорно не обращал на них внимания.

— Что такое нуль-упаковка, мне неизвестно. Принцип, то есть, неизвестен. Но факт таков. Вот в этом макете, идеально воспроизводящем Марградский универмаг, даже люди есть. Всё, как в настоящем магазине. Да это и есть настоящий магазин. Он самый что ни на есть настоящий! Как можно сделать такое — тайна! Но ясно одно. Мы сами попали в такой макет. Только в макет поезда. Была похожа та игрушка на наш фирменный поезд? — Это уже относилось ко мне.

— Не могу утверждать наверняка, — сказал я. — Я видел, что это поезд. А сравнить с нашим и в голову не пришло. Но и сказать, что та игрушка не была точной копией нашего поезда, тоже не могу. Тут всё под вопросом.

— Скорее всего, это и был макет нашего поезда, — заключил Степан Матвеевич. — А из этого однозначно следует, что с нами просто кто-то играет.

— Володька играет, — подал свой голос Иван.

— Что? — переспросил Степан Матвеевич. — Ах, да... Володька заперся в комнате с чедоманом. С чемоданом то есть... В этом всё и дело. Нашим поездом играет мальчик Володька, проживающий в Академгородке Старотайгинска. И до чего он ещё может доиграться, совершенно неизвестно.

— Не отдам, — угрюмо повторил Семён.

63

Мне вдруг стукнуло в голову!

— Да ведь «зиять»-то означает — изъять! Они пытаются изъять у этого самого Володьки чемодан. Бабуся Коля!

— А ведь и верно! — сказал Иван.

Остальные пока ещё не очень понимали, в чём же всё-таки дело.

— Вот она, телеграмма, — Я вытащил смятую бумажку из кармана. Но это оказалось окончание рассказа писателя Фёдора. — Фу ты! — Я сунул рассказ в карман, но всё-таки нашёл и телеграмму. — Вот она.

Телеграмма пошла по рукам.

— Бабуся эта, — пояснил Степан Матвеевич, — и внук её Коля сообразили, что игрушка и есть наш фирменный поезд «Фомич». Они понимают, какой опасности мы подвергаемся. Они пытаются нам помочь, но, видимо, пока безуспешно, раз вся эта чертовщина продолжает твориться в нашем поезде. Здорово, видно, забаррикадировался в своей комнате этот малец Володька! Они нам помогут, тут и сомневаться нечего, но и мы сами должны что-то сделать.

— Что? — спросил Валерка, который по складу характера не мог не совершать положительные поступки.

— А ведь и шахматные фигуры полагают, что живут по-настоящему! На самом же деле ими просто кто-то играет, — возвестил студент Михаил.

— А вот и подумаем вместе, — предложил Степан Матвеевич.

— Не отдам, — повторил Семён в каком-то трансе.

— Не позволим, — поддержал его и Валерий Михайлович.

— Да Бог с вами, — впервые обратил на них внимание Степан Матвеевич. — Вы ведь и сами находитесь внутри игрушки.

— Надо телеграммы дать, — предложил Юрий. Кажется, он уже деятельно включился в пока ещё не разработанный проект спасения нашего поезда.

— Это правильно, — согласился и что-то понявший радист.

— Поезд — в игрушку! — схватился за голову начальник фирменного поезда «Фомич». — Да за это по заднице надо, по заднице!

— Не нервничайте, — посоветовал ему Иван. — Вам тоже предстоит работа.

— Ну надо же! Игрушку сделать! — вскрикнул ещё раз начальник поезда.

— Вам, наверное, нужно заняться питанием для пассажиров, — сказал Иван. — Если и дальше не будет станций, то придётся организовывать общественное питание. Директор ресторана подчиняется вам?

— Никому он не подчиняется! — простонал начальник. — Самому себе он подчиняется.

Тётя Маша, которая в присутствии своего прямого начальника решила проявить благородную инициативу, решительно влезла в купе с веником, совком и со словами:

— Посторонитесь, граждане!

— Да брось ты, Ивановна, — заревел на неё начальник. — Тут из поезда игрушку сделали! А ты со своим совком. Может, весь поезд совком выкинут!

— И как же это? — удивилась женщина.

— А вот так! Возьмут и выкинут!

— Да и где же такой совок возьмут? — не поверила проводница.

— Найдут, найдут! Они всё могут! Ракеты пускают! Сердца, понимаешь ли, пересаживают туда-сюда!

— Да и как же это?! — перетрусила тётя Маша. — Стыда у них нету, что ли?

— Нету! Ничего нету! Игрушкой пацану на старости лет!

— Нет, уж вы успокойтесь! — потребовал Степан Матвеевич. — Вы тут главное лицо. В принципе, мы можем сидеть и только требовать от вас, чтобы всё с поездом было в полном порядке. Вот тогда вы действительно закрутитесь. Так что прошу немедленно успокоиться и начать организовывать питание для пассажиров. Пирожки, бутерброды, горячее для детей и стариков. Чай там и прочее.

— О Господи, чай! — заволновалась тётя Маша и поспешила в своё служебное купе.

— Виноват, — покаялся начальник поезда. — Но ведь в игрушку, в игрушку...

— Телеграммы надо дать в несколько пунктов. В Академгородок Старотайгинска — это бабусе и Коле, в город Фомск — Афиногену, в Министерство путей сообщения и в Академию наук.

— А в Академию-то зачем? — спросил я.

— И правильно, — всколыхнулся начальник поезда. — Пусть учёные и расхлёбывают. Зло от них одно, кроме телевизора.

— Расхлёбывать придётся всем, — пообещал Степан Матвеевич. — Артём, составьте быстренько текст телеграммы.

— Хорошо. — Я уже немного отошёл и снова начал соображать нормально. — Бумаги и ручку... Ручка есть. Хорошо.

Отец двух девочек-акселераток протянул мне несколько листов чистой бумаги.

— Присядьте, — предложил кто-то из соседнего купе.

Удивительно, что в вагоне не началось никакой паники. Только вполголоса передавали друг другу, что поезд кто-то превратил в игрушку и теперь надо телеграфом требовать от Москвы прекратить безобразие.

Иван, не дожидаясь, пока я попрошу, вставил несколько толковых и точных фраз в текст телеграммы.

— А откуда, извиняюсь, будете телеграфировать? — спросил работник радиоузла. — Ещё раз извиняюсь, но ведь телеграфировать неоткуда!

— Ах да! — простонал Степан Матвеевич. — Вот ещё загвоздка... Но в электровозе должна быть радиостанция. Придется радиотелефонограмму давать.

— Вот. Готово, — сказал я, протягивая листки Степану Матвеевичу.

Тот придирчиво прочитал написанное, видимо, полностью согласился и передал листки радисту.

— Платить кто будет? — спросил тот.

— Наука будет платить! Наука! — негромко выкрикнул начальник поезда. Всё-таки ругать науку в полный голос он немного опасался. Да и потом, телевизор-то всё же изобрела наука.

— Пожалуйста, скорее, — поторопил радиста Степан Матвеевич, и тот быстрым шагом направился в конец вагона.

64

— Прошу пардону, — начал вдруг писатель Фёдор, — пардону, так сказать, прошу. Личные прежде всего... проверено на опыте... контакты, так сказать.

— О чём вы? — не понял даже Степан Матвеевич.

— Личные контакты, — уже более твёрдо и решительно, почувствовав, что к его голосу прислушиваются, продолжил Фёдор. — Послать личных представителей, дипкурьеров, если хотите, и к бабусе, и к товарищу Афиногену, и в министерство, и в Академию.

— Хм. Это, конечно, идея. Но только как? Как мы пошлём курьера, если поезд не останавливается, а на ходу прыгать довольно опасно?

— Через посредство, — пояснил Фёдор.

— Через какое посредство?

— Через посредство другого макета, пребывающего в виде магазина.

— Это он правильно говорит, — согласился Иван. — Вот ведь Семён проникал же в этот макет, барахла всякого накупил. Значит, можно проникнуть в него ещё раз. А оттуда на такси! На самолёт! В министерство и в Академию! В Фомск и в Старотайгинск! Несколько человек только нужно послать.

Ошеломляющая была идея! Но ничто не запрещало её осуществление. Смог же ведь Семён!

— Да послушайте! — закричал я. — Тут ведь ещё один выход из положения есть. Ведь, в крайнем случае, если ничего

другого нельзя будет сделать, через этот макет можно переправить всех пассажиров!

Я мельком взглянул на Семёна и Валерия Михайловича. Зловещая улыбка скользнула по лицу Крестобойникова. Что бы это значило?

— Моё! — решительно сказал Семён.

— Наше! — мягко поправил его Валерий Михайлович.

— Да у нас в строительном отряде с такими типами так разговаривать не стали бы! — протиснулся у меня под мышкой Валерка. — Мы бы таких и держать не стали у себя.

— Цыц! — огрызнулся Семён. — Знаем мы, что у вас в строительном отряде происходит. Студенты! Тоже, небось, не за голую идею работали? Хапнули! Скажешь, нет?

— Да ты, да он... — Нет, Валерка не хотел лезть в драку. Слово, слово, убивающее наповал наглеца, всенепременно требовалось ему сейчас. — Да ты...

Валерка заткнулся.

Но я ему сейчас был благодарен. Ведь он, сам того не заметив, заступился за Ингу.

— Пережиток тёмного прошлого! — крикнул Михаил.

Валерий Михайлович неудержимо хохотнул. Чего это он?

— Всё правильно, — сказал Степан Матвеевич. — Универмаг — достояние общественное, и решать будем общим голосованием. Кто за то, чтобы использовать ещё один канал связи?

— Да не надо никакого голосования, — нахмурился Иван. — Что тут голосовать? Четверых добровольцев... Достаточно, думаю, будет.

— Я, — сказал Валерка. — Мы. Весь отряд.

— Всех не надо. Достаточно четверых. Значит, вы? — спросил у Валерки Степан Матвеевич.

— Я. Запишите. Валерий Синцов. Ещё Михаил Кафтанов... Мишка! Кого ещё запишем?

— Давайте меня, — предложил Юрий.

— Вы? — переспросил Степан Матвеевич, оглядывая его сверхспортивную фигуру. — Вы, пожалуй, более пригодитесь здесь.

— Погорелов и Бражников пойдут, — сказал Валерка. А прозвучало это так, словно они пойдут грудью на огневую точку. А может, правда, пошли бы...

— Отлично, — сказал Степан Матвеевич. — Вы, Валерий, руководитель этого строительного отряда?

— Да, Степан Матвеевич. Отряд доверил.

— Это хорошо, хорошо... Ваш отряд — единственная организованная у нас в поезде группа.

— Как это? — не понял Валерка.

— Все пассажиры ведь едут сами по себе. Между ними никакой связи. Чисто механическое смешение. А у вас командир. У вас дисциплина. Один за всех, все за одного. Но главное — организованность и дисциплина.

— Знаем мы, какая у них в отряде дисциплина и организованность, — насмешливо и даже зло протянул Семён.

Ну и тип! Ведь это он снова про меня и про Ингу.

— У нас дисциплина железная, — твёрдо сказал Валерка. — У нас все комсомольцы. Мы и не с такими делами справлялись, и ещё справимся.

Тут он хватил, конечно, немного лишку, но понять его было можно: за свой отряд болел сейчас душой справедливый Валерка.

— Вот ваша организованная единица пусть и возьмёт шефство над поездом, пока всё это не кончится к общему благополучию.

— Как это? — снова не понял Валерка.

— Пусть беседы проведут, помогут с раздачей пищи, да мало ли что... Не допускать паники, ненужных слухов. Назначьте в каждый вагон по нескольку ответственных. Пусть они людей займут. Можно даже лекции прочитать — о международном положении, например.

— Лекции у нас есть кому читать, — обрадовался Валерка. — У нас даже художественная самодеятельность есть. Можем концерт организовать.

— Можно и концерт, только не сегодня. День-то к ночи катится. Пусть люди отдохнут. А вот завтра может и концерт понадобиться.

— Наш отряд всё сделает, Степан Матвеевич. У нас знаете какие ребята и девушки в отряде собрались! Мы уже второй год ездим в Фомскую область на коровники.

— Ну и молодцы. Так где ваши остальные кандидаты в фельдъегерскую связь?

— Миша, — попросил Валерка. Но тот даже с места не сдвинулся, а просто сделал какой-то знак рукой, и через секунду ещё пять студентов-стройотрядовцев теснились возле нашего купе. Здорово у них, действительно, была поставлена организация — связь, по крайней мере.

Степан Матвеевич коротко и толково объяснил, что нужно сделать. Адресов мы, понятно, не знали. Ну, министерство или Академию найти не сложно. Сложнее вот с бабусей, Колей и Афиногеном. Но тут уж ребята должны были поработать своими головами.

65

— Пошёл, — сказал Валерка и остановился возле макета магазина. Что делать дальше, он не знал. Да и никто не знал, кроме Семёна и Валерия Михайловича.

— Вот что, товарищи, — обратился к ним Степан Матвеевич, — положение с поездом очень серьёзное. Я думаю, вы сможете отбросить всякое недовольство, наши с вами разногласия. В поезде дети и старики. Нам нужна ваша помощь. Пожалуйста, покажите, как это делается.

— Моё! И никого это не касается, — отрезал Семён. Он словно сдурел с этим магазином, а ведь вполне нормальный человек был до этого случая.

— Пожалуйста, товарищ Кирсанов, — попросил Степан Матвеевич.

— Нет и нет!

— Ну и хорошо, — сказал Степан Матвеевич, хотя ничего хорошего вроде бы и не было. — Вы, Валерий Михайлович. Ведь женщины и дети...

— Валерий Михайлович! — взвился Семён. — Не показывайте им! А сами! Пусть сами попробуют! А то на всё готовенькое, ложечкой к ротику. Ешьте, детки, кашку!

— Тут, Семён, перегиб получается, — спокойно сказал Валерий Михайлович. — Почему не помочь товарищам? Ведь человек человеку друг, товарищ и это... Ну, в общем, понятно. Особенно сдружившиеся на стройке студентки и студенты. Гиблое дело. Я, как декан факультета журналистики, не могу оставить всё втуне. Надо, надо помочь товарищам.

— Перебежчик! — заорал на него Семён. — Предатель!

— Не орите на меня, товарищ Кирсанов, — повысил голос и товарищ новоявленный декан. — Успокойтесь. Товарищи в беде. Да и какое право вы имеете отказывать им в просьбе? Вы что, действительно считаете себя собственником этого доходного дома? Ошибаетесь! Глубоко ошибаетесь! Это здание, макет, если хотите, общественное достояние, реликвия человеческого общества. Это... это! Да в «Толковом словаре» Даля даже слов нет, чтобы выразить всё накипевшее в моей душе. Это должно найти отражение в прессе. Заклеймить позором! Выпереть к чёртовой матери из нашего общества! Кто за это предложение? Товарищи, прошу голосовать.

— Нам ваша помощь нужна, а не поднимание рук, Валерий Михайлович. Поймите. Не митинг здесь у нас. Дети и женщины...

— Дети и женщины? Понимаю. Тогда вперёд, студенты-стройотрядовцы! Вы же с факультета журналистики? Нет. То-

то я вас никого в лицо не знаю. Да. Это уж точно, что вы не с факультета журналистики.

— Валерий Михайлович!

— Я полностью к вашим услугам, — предупредительно распростёрся душой ниц товарищ Крестобойников.

— Время ведь идёт.

— Ох, как быстро летит время! Значит, товарищ Кирсанов Семён, не знаю, как вас по отчеству, вы отказываетесь помочь детям и женщинам? Не мешало бы вспомнить, что у вас этом же поезде едет жена и, заметьте, в качестве простой пассажирки, вызывающей, правда, в мужском населении «Фомича» несомненные симпатии. Но это так, к слову.

Семён молчал. Он о чём-то думал. Что-то новое открылось ему. На Ивана он посмотрел с любопытством.

— Товарищ Крестобойников! — взмолился Степан Матвеевич.

— Понимаю, понимаю. Рублей хотя бы двести...

— Каких рублей? — невольно вырвалось и у меня.

— Да можно и в разных купюрах.

— Вам двести рублей надо? — спросил Степан Матвеевич.

— Двести, — подтвердил Валерий Михайлович.

— Да зачем же?

— О! Заимообразно. Не беспокойтесь. Заимообразно.

— Это за показ, что ли? — не утерпел Иван.

— За показ деньги платят. Шучу, шучу. Деньги нужны совсем на другое. И потом, ведь заимообразно.

— Деньги соберём, — сказал Степан Матвеевич. — Артём, пишите. Придётся складываться. Кто сколько сможет.

Я пристроил лист бумаги на верхней полке и поставил на нём цифру «1». Денег у меня уже не было. Ничего я не мог сложить с другими. Но деньги нашлись. И не только в нашем купе... Я записывал. Денег набралось даже больше, чем двести рублей.

— Хорошо, — сказал Степан Матвеевич, — это послужит основанием фонда. Деньги нам ещё пригодятся.

Валерий Михайлович принял деньги с достоинством и ещё раз заверил, что берёт их заимообразно.

Он высвободил ноги из валявшихся на полу простыней, шагнул к макету.

— Уйдёт, — убеждённо сказал писатель Фёдор. — Как пить дать уйдёт.

— Туфли, — нисколько не обиделся Валерий Михайлович. — Туфли ведь остаются здесь!

— Туфли жмут, — сказал Фёдор.

— Жали, да перестали. Растоптались окончательно.

— Всё равно уйдёт, — повторил писатель.

— Я могу и не экспериментировать, — предложил Крестобойников.

Мог, мог уйти Валерий Михайлович. Но ведь это уже было бы сверх всего. Верх подлости!

— Прошу вас, — сказал Степан Матвеевич. А что он мог сейчас ещё сделать?

Валерий Михайлович преспокойно опустил в крышу макета левую ногу, она вошла туда, как в туман. Затем вторую. Вот он уже погрузился по пояс. Затем лишь голова осталась на поверхности макета. Голова повернулась к ошарашенным зрителям лицом, подмигнула и исчезла.

Всё. Валерий Михайлович ушёл в настоящий, не игрушечный мир.

66

Никто ничего не сказал, даже не ойкнул, не охнул.

Прошла минута. Валерий Михайлович не возвращался. Прошла вторая.

— Ушёл. Так я и знал, — сказал писатель Фёдор. — Я об этом однажды написал рассказ. Там этот тип тоже ушёл и не вернулся. Бросил всех на произвол судьбы.

— Да чёрт с ним! — не выдержал и ругнулся Иван. — Ушёл и ушёл. Главное, мы теперь знаем, как нужно уходить. Шагнул — и всё.

— Время бежит, — сказал Степан Матвеевич. — Начнём, пожалуй.

— Я готов, — сказал Валерка. Ясно, он шёл сейчас как минимум на подвиг.

— Начали, — разрешил ему Степан Матвеевич.

Валерка стукнул ногой о крышу макета. Только и всего. Никуда его нога, ни в какой туман, не вошла.

— Осторожнее! — крикнул Семён. — Крышу обвалите. Там же паника начнётся, и магазин закроют.

Валерка растерянно оглянулся.

— Ещё раз, — сказал Степан Матвеевич. — Только, действительно, осторожнее.

В окно магазина можно было рассмотреть какое-то ускоренное движение маленьких человечков. Наверное, магазин и в самом деле тряхнуло.

Валерка осторожно опустил ногу. Неудача. И ещё, и ещё!

— Разуться надо, — подсказал Юрий.

Валерка безропотно разулся. Он сейчас бы даже и разделся, если бы это только помогло ему выполнить задание. Но и

босой командир строительного отряда не смог проникнуть в макет. Валерка явно растерялся.

— Тут что-то не то, — сказал Иван.

Все мучительно думали: в чём же секрет? Что все пропустили, не заметили в действиях Валерия Михайловича? Лишь начальник поезда с удивлением (и только) смотрел на чудеса науки, которая вот даже телевизор изобрела.

— Не с той ноги, — посоветовал кто-то.

— А и действительно. Ведь Валерий Михайлович с левой ушёл.

Валерка попробовал с левой. Ничего не вышло и на этот раз.

— Кто-нибудь другой, — попросил Степан Матвеевич.

Валерка отошёл в сторону. Он был явно раздосадован. Как! Он не смог сделать того, что получилось у какого-то там Валерия Михайловича! Он, командир прославленного строительного студенческого отряда!

Попытку Валерки повторил студент Михаил. Результат оказался тем же самым. Попробовали и другие студенты. Нет. Ничего не выходило у них. Настрой, что ли, был не тот? Или просто не поняли технику исполнения? Впрочем, не вышло вообще ни у кого. Степан Матвеевич даже был вынужден прекратить эксперименты, потому что, как ни осторожно пытались проникнуть через крышу макета экспериментаторы, а лёгкие толчки всё же случались. Это для нас они были лёгкими, а для людей в магазине, наверное, весьма ощутимыми. Через миниатюрные окна уже замечались приметы паники.

— Прекратим, — сказал Степан Матвеевич. — Тут что-то другое. Но что?

— А вот и не вышло, — сказал Семён. Он, несомненно, был рад нашей неудаче.

— Вот что, Семён, — сказал Иван, — рассказывай, как нужно туда проникать, или я за себя не ручаюсь.

— Не ручаешься! — мгновенно озверел Семён. — Ты за себя не ручаешься! Я тоже за себя не ручаюсь! Ты думаешь, я не вижу, я слепой? Нет, фигу! Я всё вижу. Вижу, как ты глаз кладёшь на мою жену. И ночью видел. И днём ты всё тут торчишь. Ты думаешь, я уйду, так она тебе достанется? Да она таких штабелями видела! Понял?!

Иван едва сдерживал себя. Семён, конечно, заметил коечто правильно. Но глаз своих Иван на Тосю не «клал», и мыслей у него никаких чёрных не было. Ну, страдал, конечно, человек. Страдал. Это видно было. Я, по крайней мере, видел. Такое случается с людьми. Но и боролся с собой Иван, честно боролся. И ничего Семён не мог поставить ему в вину. Напрасно он набросился на Ивана. Да-а... Теперь Семён был под

надёжной защитой. Он мог говорить Ивану что угодно, и тот всё равно смолчит. Семён даже ударить мог Ивана, и тот всё равно бы не ответил, разве что зубы свои стёр в порошок. Всё точно рассчитал Семён Кирсанов, единственный, кто мог сейчас помочь нам.

— Что же это он так про свою жену? — недоуменно спросил Степан Матвеевич. — При чём тут Тося?

— Да ни при чём, — сказал я.

— Ага! Ни при чём? Сам нашёл кралю с ребёнком и теперь хочешь, чтобы и Тося!..

— Ну ты тип, Семён, — сказал я. Ведь ничем его сейчас не возьмёшь. Полностью обезопасил себя со всех сторон. Ну Сёмка!

— Ради Бога, — попросил Степан Матвеевич, — расскажите или покажите, как это делается. Ведь это нужно и нам, и вам.

— Да рвите, ешьте, насилуйте! Вас много, я один. Только в том и вся ваша сила, что вас много!.. Пусть он даже не смотрит на мою жену, — потребовал Семён. — Пусть он вообще на глаза не попадается. Знаю я, садятся холостыми, а вылазят женатыми!

— Иван, — сказал Степан Матвеевич.

Иван ничего не сказал, ничего не ответил, протиснулся между людьми и пошёл по коридору в сторону купе проводниц.

— Вот и пусть ходит, ищет себе в другом месте.

Никто не бросился вслед за Иваном.

67

— Что ещё нужно сделать? — спросил Степан Матвеевич.

— Ничего, — буркнул Семён. Он вдруг ни с того ни с сего сник, увял, постарел. — Идите вы все...

Но он всё же шагнул к макету, поднял ногу, прямо в ботинке, опустил её в крышу, и снова, как в молоко, вошла она туда, потом погрузился по пояс. И голова уже исчезла, даже не взглянув на нас.

— Всё равно ничего не понял, — сказал Юрий.

— Я тоже, — сказал Степан Матвеевич.

Ничего не понял и я. Никакого дополнительного секрета и фокуса здесь не было. Семён исчез и всё.

— И этот навек, — прошептал начальник поезда.

Но Семён исчез не навек. Голова его вынырнула из крыши даже не треснувшего и не расколовшегося макета, потом

плечи, туловище, руки, ноги. Вот он спрыгнул на пол и преспокойно уселся на своё место.

— Демонстрационный зал там, моды показывают.

И всё.

— Так в чём же дело? — устало спросил Степан Матвеевич.

Никто не знал. Валерка по своей инициативе снова подошёл к макету и попытался влезть в него. Нет. Ничего у него не вышло.

— В чём дело, Семён? — умоляюще проговорил Степан Матвеевич. — Ведь для дела, для спасения...

— Не знаю. Я прохожу, а вы почему-то — нет. Так он устроен.

Семён не врал. Да и для чего ему было сейчас врать? Просто макет впускал в себя только его и Валерия Михайловича. Непонятно, но факт.

— Вы точно знаете?

— Ничего я не знаю. Я думал, он всех пускает, кто хочет.

Хорошо заметная растерянность поселилась среди нас. Ну, работай, голова, работай! Что, уж совсем безвыходное положение, что ли?

— Надо знать, для чего этот макет был создан, — сказал Фёдор. — У него какое-то одно-единственное назначение.

— Что значит — для чего? — не понял я.

— Ну, тот, Афиноген-то, для чего его сделал? И почему бабуся не взяла его с собой?

— Дарственная,— пробормотал Семён.

Его никто не слушал. При чём тут дарственная? Никакой дарственной не было. Бабуся просто не хотела везти этот чемодан своей родственнице и её дочери, потому что у тех и так вся жизнь в тряпках. Вроде злого подарка был этот чемодан. И что имел в виду Афиноген, когда создавал эту чудовищную игрушку?

С этим макетом нужно было разобраться немедленно. Потому что только он, кажется, связывал нас сейчас с остальным миром. Я предполагал, что происходит в голове Степана Матвеевича и Ивана. Примерно то же, что и в моей. Мы трое были ближе всех знакомы с этой интересной бабусей. И я попытался тщательно вспомнить весь наш с ней разговор.

А поезд отстукивал свою нескончаемую песню. Стандартно и ритмично вздрагивали колёса вагонов. Всё так же, как и всегда, проносились мимо столбы электропередачи, отдельные группки деревьев и озерца, уже едва различимые в начинающей сгущаться темноте.

Наступала ночь. А жара всё не спадала. Правда, не так уже дышало жаром от окон. Исправная вентиляция в какой-нибудь

час превратила бы это пекло в нормальную для человека атмосферу. Но вентиляция не работала с самого Фомска.

Всё это проносилось у меня в голове каким-то вторым слоем, скорее, как реакция на органы чувств, а не как сознательное размышление. А думал я о бабусе. Какой-то секрет был в этом макете, придуманный специально для двух любителей всяких модных и новых тряпок.

Минуты две длилось это нестерпимое молчание. Даже Семён, кажется, начинал что-то понимать. Да и успокоился он после ухода Ивана. Вот это закрутилось в нашем фирменном поезде! Однако что же имел в виду неудавшийся учёный, непризнанный Афиноген? Ведь те, для кого он сработал эту игрушку, могли, конечно, входить в неё беспрепятственно. Иначе для чего всё это? Это уже, наверное, ближе... Но вряд ли Семён страдал страстью к тряпкам как к таковым. Значит, надо ещё ближе. Страсть, страсть. Стяжательство. Ага! Вот оно. Не просто любовь, а страсть к стяжательству, безмерное престижное потребление! Всего, что только можно охватить. И ковры, и заграничные туфли, и книги, которые ровными безмолвными рядами стоят за стёклами полированных шкафов, и автомобили, на которых пять-десять раз в году ездят на речку. Но престиж, престиж! Я имею, я обладаю, я смог! У меня лучше! Я изворотливее! Я умею жить! А вы нет...

Для меня или для Ивана такое было невозможно. Вечная нехватка денег. Если и книги, то для работы и для души, не все подряд, а строго выборочно, хотя и после этого комнату в основном населяют книги. Никаких эмоций при виде купленного приятелем автомобиля, разве что лёгкое удивление и чуть более глубокое непонимание.

Стоп! Значит, престижное потребление... стяжательство. Хотя стяжательство — это грубо и для любого обидно.

— Я вот что думаю, — сказал я. — Этот макет впускает в себя только тех, у кого имеется страсть к безудержному потреблению, к потреблению престижному, когда это потребление становится уже единственным смыслом жизни. Только для таких вот этот макет и создан.

Семён не полез в бутылку, даже не обиделся. Я полагаю, что моя мысль и не была для него оскорбительной. Скорее, она могла вызвать в нём только гордость за самого себя. Вот ведь, сам додумался! Никто не учил... Жизнь разве что научила! Так от жизни брать уроки не стыдно.

— Вы так думаете? — спросил Степан Матвеевич, но скорее машинально, так как весь ещё был в своих мучительных раздумьях. — Интересно.

— Сами посудите, — воодушевился я. — Для кого была сработана эта игрушка-чертовщинка? Для жены учёного Ко-

ли и его дочери, которые, по словам бабуси, всю жизнь свою видят в тряпках. Семён вот прошёл безболезненно...

— Я не крал, между прочим, — спокойно заметил Семён.

— Я сейчас не про это. Валерий Михайлович — тоже. Как написано в рассказе у Фёдора...

— Ну, рассказ тут, наверное, ни при чём, — остановил меня Степан Матвеевич.

— А вы его ещё не читали. Хотя взаимоотношения Валерия Михайловича с вещами, может, и заметили. А в рассказе...

— Не надо про рассказ, — попросил Степан Матвеевич. — Тут, кажется, и без рассказа всё становится ясным.

— Прошу пардону, — подал свой голос писатель Фёдор. — Нет уж, прошу пардону, так сказать, но в рассказах моих неправды быть не может. Если я что написал, значит, так оно и есть на самом деле. Валерий Михайлович может подтвердить. Да и в Фомске многие. Было у меня несколько рассказов с трагическим концом. Так ведь эти люди и в самом деле плохо кончили. Я потом уже не...

— И всё-таки с рассказами давайте повременим, — попросил Степан Матвеевич. — Дело к ночи, а у нас ещё ничего не сделано.

Писатель Фёдор обиженно замолчал. Не за себя он обиделся. Он вообще, как мне казалось, не мог обижаться, если дело касалось лично его самого, — а за свои рассказы, которые, если были написаны, то как бы становились самостоятельно существующими сущностями, не зависимыми от автора и живущими в мире уже по каким-то своим законам, хотя и непонятным людям, но необходимо имеющимся.

68

— Что же теперь делать? — спросил Юрий.

Студенты молчали. Степан Матвеевич соображал.

— Придётся попросить кого-нибудь из них, — предложил я. — Другого выхода не вижу.

Степан Матвеевич внимательно посмотрел на Семёна. А тот взглянул на студентов. Студенты взгляд выдержали.

— Так как? — спросил Степан Матвеевич.

— Неужели без Семёна Кирсанова невозможно обойтись? — притворно удивился Семён. — Сёмка, слышишь? Без тебя тут никак не обойдутся! Эй, где ты? — Семён даже нагнулся и заглянул под полку, на которой сидел, но ничего достойного внимания не нашёл, выпрямился и сказал: — Вот вы вроде бы как и за подлеца меня считаете. Неужто вам, та-

ким хорошим и правильным, без подлеца не обойтись? Да где же это видано! Вам надо броситься на меня, заклеймить, проработать, торжественное обещание потребовать! Вычистить, человеком сделать — в вашем понимании, а потом, когда я стану сверху нормальным, снова послать меня на спасение, но уж только тут вам придётся закрыть глаза, потому что я в этот макет войду всё равно. Да ведь вам только это и нужно! Но совесть свою вы всё-таки сначала успокойте. Это уж, пожалуйста... Вы ведь и в нормальной жизни только этим и занимаетесь.

— Не хочу я этой помощи, — сказал я.

— Не хочешь, — усмехнулся Семён. — Артемий Мальцев не хочет помощи от Семёна Кирсанова. Правда, я её ещё и не предлагал. А Инга? А сын твой? А девочки из соседнего купе? А все другие? Им-то что, погибать? Погибать, потому что вы все тут собрались чистоплюи чистенькие, а жизнь грязна, с ней бороться нужно. Понимаю... Ну, пойду я. А вы ведь потом мне и руки не подадите. Впрочем, она мне и не нужна. Про руку это я просто так.

— Но ведь и у тебя Тося есть, — сказал Семёну Юрий. Но только зря он это сделал. Не нужно было сейчас даже упоминать про Тосю.

— А Тося пойдёт за мной, — сказал Семён. — Она пройдёт, не беспокойтесь. Это она при людях так. Грубо получилось у меня, некрасиво. Времени не было красоту учитывать. Так что Тося пусть вас не волнует. Я и Тося пройдём через эту чёртову вертушку. А вот вы все так здесь и останетесь!

Про Тосю я не поверил. Не мог я поверить, что Тося пойдёт за ним. А почему, собственно? Ведь она уже шла за ним. Ведь вышла же она за него замуж! И предположение, что она не знала Семёна, — чушь! Да и вообще сильно сказал Семён. Пусть зло, и недопустимо обнажая душу, но всё же сильно. Ведь мы сами их делаем, этих Семёнов! Сами! Ведь переплачиваю же я вдесятеро за необходимую книгу. Переплачиваю и ещё благодарю своего спасителя, бутылку ему ставлю и выслушиваю, как он спасал других, и заманчивые его предложения, на которые у меня просто не хватает денег, иначе бы я ими воспользовался. А всякие спальные гарнитуры, ковры, очереди на автомобиль и на концерт знаменитости? Я молюсь на них, на этих людей! Живите, ради Бога, действуйте, потому что без вас нам ведь крышка! На толкучку люди прут тысячами, ведь не протолкнуться на этих толкучках! Втридорога, но рады. Денег жаль, а рады. Помидоры по восемь рублей килограмм? Так ведь это детям, больным, на праздник для гостей. Хорошо-то как, что по восемь рублей за килограмм купил свежих помидоров. Семёны вы мои милые! Живите, плоди-

тесь, только на вас вся и надежда. Да ведь всё, всё в ваших всемогущих и ласковых руках. Телефон ли поставить, очереди ли на кооперативную квартиру добиться, кран ли починить на кухне, путёвку ли в санаторий, если без этого санатория жизнь кончается. Дурите вы нас, надуваете, обираете, делаете соучастниками преступления! Но всё равно спасибо вам! Да почему вам? Нет, и вам, конечно. Но и нам тоже, потому что мы вас растим, лелеем, мы вас рождаем. И какой прекрасный симбиоз получается! Все довольны. И никаких угрызений совести с обеих сторон. Так что же я сейчас? Если мелочь, то я спокоен, если чуть покрупнее, то я даже рад, ну покряхчу там маленько, постенаю. Но всё же рад. Потому что всё нормально, потому что всё в порядке вещей. Потому что я родился с этим и умру с этим. А если много крупнее? Если речь идёт не о ковре, не о полированной новинке, если речь идёт о жизни людей, о моей собственной, и ещё о сотнях жизней, то я вдруг становлюсь честным... И я уже ничего не могу принять от Семёна! Да почему же это? Почему я прозрел только тогда, когда жизнь подошла к итоговой черте? Потому что думал, что увернусь, обойдусь, не позволю, не сейчас, конечно, а потом, когда-нибудь в будущем, когда смогу всё сам, честно, законно, не торгуя совестью. И куда же я зашёл? Стыдиться себя буду, а приму. Приму от Семёна своё будущее! И бутылку коньяку ещё потом ему поставлю! И в гости приглашу, покажу подросшего на вершок мальчишку. Смотри, Семён, вот спасённая тобою жизнь. Вот так... Поздно! Потому что поздно! В двадцать семь лет, а уже поздно. Да и всемогущ Семён. Ведь не будь его сейчас, никто не проникнет в эту чёртову игрушку! А если и найдётся, то точно такой же, как Семён. Вот и думай, вот и решай. Сейчас я как загнанный зверь — хоть какое-нибудь спасение, спасение даже ценой своей будущей, отстоящей лишь на мгновение, жизни, но всё же спасение.

Ах, как ты нам необходим, Семён!

Не знаю, что думали другие.

А я думал вот так. Рано или поздно, а это должно, наверное, произойти с каждым. Жизнь не прощает отступлений и предательств.

Семён сейчас смотрел на меня без всякого торжества и превосходства. Спокойно смотрел и убедительно. Всё, всё было сейчас в его руках. И мне даже показалось, что мучительно ему это всемогущее состояние, не по росту. И сам он это чувствует. И думает, что выдержит. И уверен, что выйдет из этой переделки, спасения то есть нашего, без всяких шрамов и душевных травм.

Хорошо. Я сейчас мучился, но ведь мучился и он. Поразному это происходило, но всё равно мучительно. И неожи-

данно свалившаяся власть над людьми — не чистое благо, а и тяжесть тоже.

И всё же я не мог вот так просто сказать: помоги, Семён. Словно я надеялся на что-то, на чудо какое-то, на счастливый случай.

А предложи он помощь сам, я был бы куплен со всеми потрохами. Сопротивлялся бы я всеми силами своей души, пурхался, барахтался в мучительных раздумьях, а всё равно продался бы. И лишь миг неизвестного отделял меня от этого.

— Не нужна нам ваша помощь! — сердито сказал Валерка.

Сердиться в данной ситуации показалось мне ребячеством. На что тут сердиться? Конечно, Валерка, справедливый Валерка не допустит, чтобы какой-то там Семён, которого он не уважает, смел ему помогать. Но Валерке ещё только двадцать. Учиться он умеет, строить свинарники, пинать мяч и бегать кросс на три тысячи метров — тоже. Он просто уверен в себе. Он ещё не знает, что такая всеобщая уверенность невозможна. Но вот сомнений он ещё не испытал, разве что в случае с Ингой. Так ведь это и потрясло его до глубины души.

Студенты единодушно поддержали своего вожака. Они представляли собой организованную единицу и не прочь были схватиться с неизвестным врукопашную. Я и завидовал им, и боялся их прямолинейных действий.

— Нет уж, милый, если науку знаешь, то верни поезд-то по назначению, — попросил начальник фирменного поезда.

Тётя Маша забренчала в своём купе стаканами.

Я молчал. Я ещё почему-то молчал. Для чего я молчал? Разве мог я молчать, ведь я ничего, ничего не знал. Я даже не знал, сколько нам осталось. Минуты или сутки.

Молчал и Степан Матвеевич. Ну, он-то, впрочем, будет жить ещё в других реальностях. Он же практически бессмертен, подумал я, и тут же устыдился своих мыслей. В чём это я чуть было не заподозрил столько выстрадавшего Степана Матвеевича? Да. И его гигантский опыт оказался бесполезным в нашем удивительном, страшном, невозможном фирменном поезде «Фомич».

Писатель Фёдор кашлянул и сказал:

— Прошу пардону, так сказать...

— Ну, я вижу, тут большинство, — усмехнулся Семён, лениво встал, нахально потянулся, правда, никого не задев при этом. — Пойду я. С женой поговорю. Со своей законной женой, — подчеркнул он.

И я посторонился. Вот ведь в морду ему дать надо было, женщину, жену его спасти, а я отступил. Но с другой стороны... Из-за чего мне было бить его? Какое право я имел спасать Тосю? Просила она меня об этом? Да и хочет ли она такого спа-

сения? Что я ей взамен предложу? Даже — кто она, я и то не знаю. Научный ли работник или домохозяйка? Спасу её, а она потом уборщицей работать будет. Да и где? Жить где? Ну, душа там и прочее... Да только надо ли? Одну душу перестроить. Так ведь из-за этого может не счастье, а зло получиться!

Семён пошёл по коридору.

Вот если Тося крикнет, вырываться начнёт, просить... И всегда так, только тогда, когда нарыв лопается дерьмом, но не раньше, упаси Бог! Чуть раньше — ведь и ошибиться можно. Страшно ошибиться.

69

— Прошу пардону, так сказать... — повторил писатель Фёдор. — Если публика захочет поиметь желание, если найдутся добровольцы, то я готов написать маленький рассказик, страницы на две...

Степан Матвеевич посмотрел на него дико. О чём это глаголет не выспавшийся с похмелья писатель?

Я предупредил его нелепый отказ. Я ведь знал Фёдора лучше, чем Степан Матвеевич, хотя тоже не очень хорошо.

— Подождите, — сказал я. — У вас, Фёдор, что, действительно, всё так и происходит с рассказами, как вы утверждаете?

— Совершенно так. Написал я как-то, что некий М. И. Галкин попал под такси, которое сам и пытался остановить. Потом мои друзья на работе рассказывают, что в соседнем отделе некий старший научный сотрудник М. И. Галкин действительно попал при таких именно обстоятельствах под такси и теперь лежит в больнице с двумя переломами. Да и многое другое ещё было. Я ведь рассказы, в которых с людьми происходит что-нибудь неприятное, перестал писать. Только хэппи-энд, так сказать. Да вот и про Валерия Михайловича... Вы вот, Артемий, читали... Всё так и было. Сам Валерий Михайлович признал. Вплоть до фамилий, имён и количества сорочек и туфель. Вы поверьте мне, поверьте. Я быстро напишу, минут за десять. Только добровольцы нужны, потому что это с ними действительно произойдёт.

— Да что же «это»? — нетерпеливо и недоверчиво спросил Степан Матвеевич.

Я уже понял, что хотел сказать Фёдор.

— Дело вот в чём, насколько я понимаю. Фёдор, извините, не знаю вашего отчества... — Но писатель только махнул рукой. — Так вот: Фёдор, насколько я понял, может написать

небольшой рассказ о ком-нибудь из нас. О том, как кто-то на некоторое время переродился. Рвачом стал, стяжателем — словом, тем, кого за глаза мы не уважаем, но без которых нам никак не обойтись, ни вообще в жизни, ни тем более сейчас.

— Да, Артемий всё правильно понял, — подтвердил писатель Фёдор. — Добровольцы нужны. Несколько человек. Ну, сколько, в общем, нужно...

Студенты молчали. На пулемёт бы они сейчас пошли, чтобы спасти других, а сделаться рвачами, чтобы тоже спасти людей, — нет. Тут был какой-то нравственный барьер. И перешагнуть через него было трудно, почти невозможно.

70

В конце коридора появился чем-то не на шутку взволнованный радист, хотя тут и всем было не до шуток. Стряслось ещё что-то, стряслось!

— Вот! — громко сказал он. — Вот! Телефонограммы! — И он протянул пачку листов.

Степан Матвеевич недрогнувшей рукой принял их и прочитал. Мгновенное недоумение появилось на его лице, но тут же сменилось болью.

— Сложнее, чем я предполагал, — сказал он. — Прочитайте.

Телефонограммы сначала прочитал Юрий, он стоял ближе, потом я, и передал их студентам. Писатель Фёдор сидел, о чём-то напряжённо размышляя.

Телефонограммы, что принёс нам радист, были наши собственные, те самые, что мы хотели передать на соседнюю станцию.

— Расскажите, — попросил Степан Матвеевич.

— Тексты я продиктовал внятно, чётко, — начал растерянный радист. — Жду. Скоро, думаю, ответят. Проходит десять, двадцать минут. Отвечают. Я обрадовался. Записываю. Боже мой! А это наши собственные телефонограммы вернулись. И как такое может быть?

— Экранировка, — предположил Юрий. — Поезд экранируется. Радиоволны отразились, и аппарат принял их.

Я тоже чуть-чуть разбирался в радиотехнике.

— Но ведь если двадцать минут, то это на каком же расстоянии находится экран, от которого отразились волны?

— Порядочно, — ответил Юрий. — Триста тысяч километров в секунду! Это вам не шуточки.

— Что делать? — спросил радист.

— Посылай и посылай эти телефонограммы, — сказал начальник поезда. — Раз тут наука напутала, пусть она и разбирается. А то только телевизоры и может делать!

— В радиоузле никого не осталось? — спросил Степан Матвеевич.

— Оставил одного. Радиоинженер дипломированный. Только от радиоузла толку нам никакого. Ну да посидит.

— Хорошо... — сказал Степан Матвеевич.

Меня кто-то тронул за плечо. Я оглянулся. Это была Инга.

Она смотрела на меня и что-то спрашивала глазами. Я понял.

«Плохо?» — спрашивала она.

— Плохо, Инга. Но ничего. Страшного-то ещё ничего нет. Да и придумаем мы, придумаем что-нибудь. Тут у нас «мозговой центр». Есть идеи уже. — Это я её просто успокаивал. И она понимала. Мы словно играли, не желая высказывать вслух свои опасения. — Как там Сашенька?

— Зинаида Павловна с ним. Не знаю, как и благодарить её за всё, что она делает.

— Это ничего... Ей и не нужно никакой благодарности. Она сама живёт своей помощью другим людям.

— Ну да, ну да, но всё равно.

— Что-нибудь придумаем.

— Там Тося плачет. Мне так её жалко. Хорошая она, Тося. Мы разговорились с ней там, в купе. Она как будто немного не в себе. Зинаида Павловна и ей чем-то пытается помочь.

Ну, Тосе-то Зинаида Павловна, по моему мнению, ничем не могла помочь. Медицина здесь была бессильна. В душе человеческой было дело, беззащитной и очень уж склонной к ошибкам.

— Я не буду вам мешать, — сказала Инга.

— Да разве ты нам мешаешь?

— Всё равно я пойду. С Тосей-то что делать?

— Не знаю, Инга. Ничего я не знаю.

— Ну ладно, мы сами... А Семёна я боюсь.

— Не бойся, Инга, никого не бойся! — Сказать-то это я сказал, а как придерживаться этого положения, правильного и благородного, сам не знал.

— Да, да. Конечно. — Она смотрела на меня снизу вверх растерянно, но с надеждой.

Вот оно! Разве я сейчас не соглашусь на преступление, на сделку с совестью, на вечные муки? Как я сейчас понимал тех, кто продавал душу дьяволу! И я бы свою продал. Хорошо бы, конечно, чтобы этого никто не знал. Но даже если бы знали и все...

— Я пойду. Не буду мешать...

И она ушла, худенькая. стройная, совершенно непохожая на мать.

Валерка посмотрел на меня осуждающе. Нет, он не простил меня. Да и не простит никогда. Не поймёт. Потому что сам влюблён в Ингу.

— Дом, наверное, железобетонный, — сказал Юрий.

— Что? — переспросил Степан Матвеевич.

— Квартира, наверное, говорю, у этого внучка Коли железобетонная, не пропускает радиоволны. Тут мощность нужна побольше.

— Я и так на полную катушку, — сказал радист. — Перегревается аппаратура, да и жара.

71

— Жара, — вздохнул Степан Матвеевич. — Ну, ладно. Ведь делать надо что-то. Так вы в самом деле можете написать рассказ... э-э... Фёдор?

— Могу, — решительно ответил писатель. — Мне только кандидатов давайте, фамилии то есть и имена. А там уж я сам.

Все уставились на комсомольского вожака: что он скажет? Валерка вспотел. Нет, хоть и на десять минут, а он не хотел становиться тем, кем сейчас от него требовалось. Я подумал, что и этот вариант сорвётся, ещё не начавшись. Но Валерка всё же решился. Не сам, нет, от него здесь требовалось руководство единственной крупной организованной единицей, помощь детям, старикам, разноска пищи, организация разных дел, охрана, если понадобится, а вот его стройотрядовцы... Валерка шевелил губами, но вслух ничего не произносил. И ему было сейчас тяжело. Шутка ли, на что послать своих товарищей! Он уж и подготовил в голове список, и обсудил его сам с собой, а вот огласить вслух всё не решался. И ругал себя за то, что медлит, когда медлить было совершенно нельзя. Больно было смотреть на его мучения.

— Я, — наконец с трудом сказал он. — Валерка... Валерий Синцов. — И снова замолчал.

— Нет, — сказал Михаил. — Нет, Валерка. Ты уж тут давай. А мы туда. Ведь нас и хотели послать.

— Обстоятельства-то изменились, — всё-таки облегчённо заметил командир.

— К чёрту обстоятельства! Михаил Кафтанов, Виталий Погорелов, Станислав Бражников. Студенты. У судьбы тоже бывают свои фавориты!

— Запомнил, — сказал писатель Фёдор. — Через десять минут я всё принесу, напишу то есть... Прошу пардону. — И Фёдор неуклюже, слегка пошатываясь, всё ещё иногда не в такт толчкам вагона, проследовал в своё купе, где его недавние собутыльники продолжали спать сном младенцев.

— Дело в любом случае долгое, — сказал Юрий. — Надо и здесь что-то делать. Ночь уже. А поезд не спит. Студентов надо пустить по вагонам.

— Да, да, — согласился Степан Матвеевич. — В ресторан, к директору, и пусть он порасторопнее организует питание, а вы, — тут он кивнул Валерке, — а вы со своими ребятами разнесите ужин по вагонам. И вообще посмотрите всё. Как настроение. Нет ли чего ненужного, непонятного, таинственного.

— Всё понял! — радостно сказал Валерка. — Сейчас сделаем. — И он рванулся в купе, где сидела Инга, потом выскочил оттуда и исчез в тамбуре.

Ну, эти всё сделают, сомневаться не приходилось.

Трое обречённых хмуро молчали. Они ведь даже не знали ещё, на что шли. А если это не на десять минут, а навсегда, если это только послужит толчком, если и они носят в себе семена подлости? Кто знает, как разворачивается душа человека, каким цветком она расцветает?

— Валерий-то Михайлович — тип, — неожиданно сказал начальник поезда.

Я, например, уже забыл про Крестобойникова. Да и не ждал я его возвращения. Думаю, что и никто этого не ждал.

— Вам бы тоже нужно пройтись по вагонам, — посоветовал начальнику Степан Матвеевич, — поговорить с проводницами, с работниками ресторана. Да! А в паровоз можно пройти?

— Можно. Только электровоз у нас. От самого Фомска теперь электровозы ходят. А пройти можно.

— Порасспросите-ка машиниста. Он-то как ведёт состав? Куда? Что он сам-то думает?

— Угу, — сказал начальник. — Всё дело.

— Дело, дело, — подтвердил Степан Матвеевич. — Да ещё какое нужное дело.

— Понимаем, — сказал начальник поезда и пошёл в купе проводниц.

А в нашем теперь стало свободнее. Добровольцы насмелились рассесться по полкам.

Степан Матвеевич крепко, тяжело провёл ладонью по лицу.

— А ведь экранирует и от проникновения в другие реальности, — сказал он.

Я было не понял сначала.

— Ведь за это время много запусков в прошлое произвели, а со мной ничего не произошло.

— И хорошо, что ничего не произошло, — сказал я.

— Хорошо-то, хорошо, но непонятно.

— Что-то Фёдор не идёт со своим рассказом, — сказал я.

— Может, заклинило? — предположил Юрий.

— Раз Фёдор сказал, значит, напишет. Я верю в писателя Фёдора.

А между тем десять минут уже прошло, но Фёдор не появлялся.

— Схожу, — сказал я и пошёл в первое купе.

Пассажиры, которым нужно было сходить в Усть-Манске, всё ещё сидели на своих чемоданах, словно на что-то надеялись. Хотя, если подумать, что они ещё могли делать? Не прыгать же на ходу неизвестно куда?

Тётя Маша начала разносить чай с сахаром.

В первом купе, упав лицом на раскинутые по столешнице руки, лежал Фёдор и вздрагивал. На верхней полке проснулся один из его недавних собутыльников. Чувствовал он себя прескверно, да к тому же пора было начинать ночной заход. Он грузно спрыгнул с полки, ругнулся и пошёл по коридору в другой конец вагона.

Фёдор плакал.

Я тронул его за плечо. Фёдор не сразу почувствовал моё прикосновение. Я тряхнул его сильнее. И тогда Фёдор поднял голову и повернул ко мне своё некрасивое, покрасневшее лицо.

— Не могу, — выдавил он из себя. — Понимаешь, не могу.

— Понимаю, Фёдор, понимаю, — попытался успокоить я его.

— Нет, Артемий, ты не понимаешь. Не понимаешь ты. Я в другом смысле не могу. Я не могу их даже на десять минут сделать такими, как Семён. Я не хочу, не хочу! И боюсь... Я вот начал, начал... — Он протянул мне лист. — То есть написать-то я могу, но только рука не поворачивается сделать такое. И знаю, что надо. Надо! Единственный сейчас выход. Да только как искалечить души людей?

— Ничего, Фёдор, ничего. Мы сейчас что-нибудь другое придумаем.

— Успокаиваешь. Знаю. Да только ничего сейчас другого и придумать нельзя. Я ведь и то мог бы написать. Мог! Да только сколько на это нужно времени?

— Что «то»? — не понял я.

— То, — повторил он. — Роман о нашем поезде. Как с ним всё произошло, и как он потом выпутался. Я смог бы. Но время, время...

Фёдор всё же немного успокоился

По коридору прошёл его сосед с верхней полки, держа в руке злополучную бутылку — подарок пришельца. Ничего-то людей не может выбить из привычной колеи. Ничего. И точно. Через минуту он вошёл в купе. А в бутылке уж, конечно же, булькал молдавский коньяк. Я не ошибся.

— Пора начинать, — прохрипел он и полез будить других собутыльников.

— Я не буду, — твёрдо сказал Фёдор.

— Знаю, знаю. Я и сам не буду. И они не будут. Так только, по маленькой... Ха-ха-ха... Для начала.

— Нет. Прошу пардону, но сегодня я не буду. Это уж точно.

— Сдурел, Федя! — удивился приятель писателя. — Ты что, рехнулся? Что же ещё делать в этом поезде?

— Нет, нет. Ко мне вот пришли, а я ничего не могу сделать.

— Э-э... Да тут на всех хватит!

— Успокойся, Фёдор, — сказал я. — Что-нибудь придумаем. Приходи к нам в купе.

— Я приду, — пообещал Фёдор. — И даже что-то сделаю. Что-то ведь я должен сделать?

Тут всё было кончено. Фёдор не сумел даже в рассказе сделать трёх студентов представителями престижного потребления. Пусть остаются людьми. Только куда теперь завезёт фирменный поезд «Фомич» этих нормальных людей?

А студенты всё сидели в нашем купе.

— Отбой, — сказал я. — Не напишет Фёдор ничего. Не смог он.

— Что теперь делать нашему отряду? — спросил снова оказавшийся здесь Валерка. Он вроде был даже немного обрадован таким оборотом дела. Или это только мне почудилось?

— Это уже определённо? — спросил меня Степан Матвеевич.

— Совершенно опредёленно. Фёдор последнее время может писать рассказы только со счастливыми концами.

Студенты всё смотрели на нас вопросительно.

— Займитесь помощью пассажирам, — попросил их Степан Матвеевич.

— Отряд всё сделает, — заверил Валерка. И студенты чуть ли не строем вышли из нашего купе.

— Вот такие дела, — сказал Степан Матвеевич.

— Да. Дела-а-а... — протянул Юрий.

72

— Так что же теперь будем делать? — спросил я. — Ведь надо же что-то делать?

— Давайте, я спрыгну на ходу поезда, — предложил Юрий. — Я спортсмен. У меня получится.

— А что потом? — спросил Степан Матвеевич. — Что потом? Куда вы пойдёте, если даже и приземлитесь благополучно? Ведь по совершенно пустынной местности едем. Ни станций, ни полустанков, даже деревенек не встречается.

Дальше прыжка Юрий свой план не продумал.

Из коридорчика вагона показался Семён Кирсанов. За руку он вёл Тосю. И она шла, кажется, совершенно ему не сопротивляясь. Помощи ей никакой не требовалось. Добровольно она шла. Что-то сказал ей Семён, что-то наговорил, заверил в чём-то. Согласилась она с Семёном. И когда они вошли в купе, Тося на нас старательно не смотрела. А глаза у неё были заплаканные.

— Вы можете на три минуты освободить купе? — спросил Семён.

Ему очень нужно было, чтобы мы вышли на эти три минуты из купе.

— Ну что ж, Семён, — сказал Степан Матвеевич, — действуйте. Желаю вам успеха на этом многотрудном, но увлекательном пути.

Степан Матвеевич словно знал, что сейчас предпримет Семён.

— Пошли в тамбур, — предложил мне Юрий.

Мы двинулись по проходу. И в нашем купе остались только Семён и Тося.

А в купе Инги сейчас находились лишь трое пассажиров: сама Инга, Зинаида Павловна и Сашенька. Светка и Клава тоже, наверное, были мобилизованы для оказания помощи попавшим в затруднительное положение пассажирам фирменного поезда.

— Ну и что энтузиасты сделали для нас интересного? — спросила Зинаида Павловна. — Что вы там решили?

Степан Матвеевич посмотрел на неё удивлённо и, не задерживаясь, проследовал в тамбур. Юрий не решился отвечать на вопрос, так как даже весьма приблизительно не был знаком с Зинаидой Павловной. Вопрос, очевидно, предназначался мне. Я задержался и даже сел на краешек полки. Да только что я мог сейчас сказать? Что мы ничего не можем сделать? Что наши мысли зашли в тупик? Что фирменный поезд мчится неизвестно куда?

По коридору мимо меня проскочило человек десять студентов с корзинками и судками. Ребята были сосредоточен-

ными и деловыми. Знакомый мне официант удивлённо заглядывал в свою почти опустевшую корзинку. Что-то, по его мнению, снова произошло с пассажирами. Колбасу жирную берут, хотя жара ослабела лишь чисто теоретически. Так, глядишь, и слипшуюся лапшу сожрут всю без остатка. Не поймёшь этих пассажиров. То им нужна колбаса, то нет.

В туалет выстраивалась очередь для переодевания в пижамы и халатики. Две девочки-акселератки что-то рассматривали за окнами вагона и даже, судя по их восклицаниям, что-то там видели. Ну, уж дети-то всегда что-нибудь придумают. На то они и дети. Я взглянул на своего сына. Теперь, неожиданно став отцом, я посматривал на весь остальной мир чуть свысока, конечно, совсем с маленького бугорочка, размером не более спичечной коробки, но всё же...

— Артемий задумался, — потревожила мои мысли Зинаида Павловна.

— Простите, Зинаида Павловна. Тут, пожалуй, задумаешься.

— Так уж всё серьёзно? — не поверила женщина — детский врач.

— Даже этого не знаю.

— Ну, тогда нечего и грусть разводить.

— Это вы правильно заметили, Зинаида Павловна. Сырость разводить совершенно ни к чему.

— А у нас всё в порядке, — сказала Инга. — Сашенька накормлен, спит теперь. Так что, Артём, иди, если ты там нужен.

— Наверное, нужен, — ответил я.

Вот ситуация! С женой поговорить и то времени нет. Да и неудобно было бы сейчас начинать нам свои разговоры, обсуждение планов, мечтания, когда с поездом происходила какая-то чертовщина. Вот мы и едем целый день, как двое супругов, которым уже и сказать-то друг другу нечего за давностью стажа этого самого супружества. Ну уж нет! Не вечно это будет продолжаться! И даже не несколько дней. Сейчас серое вещество мозга пустим на полную мощность. И пусть в голову приходят необходимые мысли и идеи.

Из коридорчика протолкнулись Степан Матвеевич и Юрий.

— Пять минут прошло, — сказал Степан Матвеевич. — Нам тоже нужно быть в купе. Пусть уж товарищ Кирсанов простит нас.

И мы гуськом тронулись в обратный путь. Я только улыбнулся Инге. Да ей, кажется, и этого сейчас было достаточно. И всё-таки я чувствовал, как всё в ней сжалось, напружинилось. Очень, очень уж неспокойно было у неё на душе.

73

В купе нашем Семён снимал импровизированные занавески. Зачем они ему опять понадобились? Тося сидела в уголке за столиком и рассеянно, как мне показалось, крутила пальцем рюмку из серебра. И нижнюю губу свою покусывала. Семён был немного возбуждён и очень деятелен.

— Прошу вас в свидетели, — попросил он нас всех оптом. — Чтобы разговоров потом не было. Все эти приобретения, из-за которых, собственно, разгорелся весь сыр-бор, я, так сказать, вернул в первоначальный адрес. Что прошу и засвидетельствовать.

— Что тут свидетельствовать-то? — удивился я.

— Ах, Артемий. Знаю я вас. И очень даже хорошо. И друга вашего лучшего тоже отлично понял. Но уж не обессудьте. Прошу, и прочее.

Ага! В купе, вернее, из купе исчезли все эти новоприобретённые шмотки. Ковры, коробки с импортной и отечественной обувью, свёртки и пакеты.

— Препроводил, так сказать, по назначению. И чист, чист перед вами, хотя на черта мне понадобилась эта самая чистота, сам не могу понять, да ещё и перед вами. Перед супругой своей — это другое дело. Мы выяснили позиции и приняли решение. Если что было не так, то уж исправлять поздно. Дело в том, что мы отбываем. Расстаёмся, так сказать, навсегда. Очень во что верю. Именно что навечно. Мир большой, и лучше бы нам больше не встречаться.

— Скатертью дорожка, — сказал Юрий.

— Чего и вам желаю, — ответил Семён. И ответ его своим смыслом был покрепче пожелания Юрия.

— Значит, все эти вещи прошли через крышу макета? — спросил Степан Матвеевич.

— Представьте, — ответил Семён. — И сейчас преспокойно лежат в демонстрационном зале, а работники универмага бегают и не могут понять, откуда это взялось. Но чеки... Чеки у меня в кармане. Доказать будет не трудно. Оставил, закружился немного, запутался. Первый раз в Марградском универмаге, то да сё. Так что тут всё в полном порядке.

Степан Матвеевич вытащил из кармана пиджака шариковую ручку и легонько опустил её на крышу макета. Ручка слегка стукнулась и скатилась на пол.

А как же он со своими чемоданами? Ведь и у чемоданов не получится. Или тут всё зависит от хозяина? Но нет. Ничего из вещей Кирсановых не было подготовлено к переходу. Семён перехватил мой взгляд и упредил вопрос.

— Это мы оставляем. Приедете — если только приедете — скажете, чтобы в камеру находок сдали. А там уж и заявленьице моё будет лежать. Всё честь честью! Пошли, Тося.

Тося шевельнулась. Я вдруг почувствовал, что она не хочет идти с Семёном, но чем-то он её к себе привязал дополнительно во время их недавнего разговора. Да так крепко, что Тося пойдёт! Не захочет, а пойдёт. Она, наверное, ещё и слово ему дала. Семён вполне мог взять с неё слово.

Тося приподнялась. И ни разу она не взглянула на нас, да и на Семёна тоже не смотрела. А так, по звуку, словно на ощупь.

— Телеграммы, — напомнила она ему.

— Ах, да! Да. Давайте, Степан Матвеевич, ваши телеграммы — в Старотайгинск, Фомск и ещё куда там... Денег на телеграфирование не нужно. Из своих, так сказать, сэкономленных — или нечестно заработанных, как вы наверняка думаете, отправлю. Отправлю немедленно и в самом лучшем виде.

Степан Матвеевич на мгновение замялся. Неужели он ещё размышляет? Пусть Семён иной, но всё же речь сейчас не о Семёне и даже не о самом Степане Матвеевиче.

— Что ж, — угрюмо сказал Граммовесов. — Спасибо и на этом. — И он передал Семёну уже смятые бумажки с текстами телеграмм.

— Итак, — деланно весело продолжил Семён. — Начнём, пожалуй. Прошу вас, дорогая Таисия Дмитриевна, жена, так сказать, моя единоверная! Давай, Тося!

Тося, всё так же не глядя ни на кого, подошла к макету. Смотреть на эту процедуру мне было неудобно. Да и самой Тосе, похоже, всё сейчас было тошно. Я отвернулся, я даже вышел в соседнее купе. Степан Матвеевич сел на своё боковое и упёрся лбом в стекло. Юрий преувеличенно громко загрохотал подошвами ботинок по направлению к служебному купе.

Семён засопел, сначала недовольно, потом вроде бы с какой-то надсадой. «Ну! Сюда! Да не так, не так... Что же ты? Ведь нельзя, нельзя оставаться. Ведь эдак что получается?» И тихий, раздражённый голос Тоси: «Да сама я, сама...» — Потом: — «Нет, Семён, нет».

— Эй! — крикнул Семён. — Кто-нибудь! Артём!

74

Семёну требовалась помощь. Я вернулся в купе. Тося смотрела на меня с каким-то победным видом, что ли... По крайней мере, она смотрела на меня. Но уже маленькая, затаённая радость была в её взгляде.

— Не получается у меня, — сказала она тихо.

— Как не получается? Как не получается? — заволновался Семён. — Да только подсадить надо. Я её подсаживаю, а она вырывается. А у самой ничего не получается. Дотронуться до неё нельзя, видите ли. Раньше можно было и даже очень, а теперь нельзя. Каприз и женский выверт.

— Я, что ли, должен помочь? — спросил я.

— А хоть бы и ты, — сказал Семён. Растерянность и какая-то злость была в его голосе. — А хоть бы и ты! Она бы, конечно, хотела, чтобы это Иван её подсаживал. Она бы сомлела в его руках. Но нет-с, нет-с необходимого Ивана, так что уж ты, пожалуйста. У тебя и семейство, и прочее.

Я думал, что Тося сейчас обидится. Но ничего подобного не произошло. Она даже негромко рассмеялась.

— Подсади меня, Артём, подсади, — смеясь, попросила она.

Я взял её за пояс.

— Крепче, Артём, крепче, — попросила она.

— Да хоть обнимай на глазах, — окончательно озлился Семён. — Потом, потом приведём в порядок семейный уклад.

Я приподнял Тосю. Собственно, даже и не приподнял. Сама она с очень даже большой лёгкостью взлетела на полку, где стоял макет, тронула маленькой ножкой крышу.

Я всё держал её. Ну а уж из соседних купе, конечно, посматривали на нашу скульптурную группу с большим интересом.

Тося спрыгнула на пол и отняла от пояса мои руки. Разгорячилась она, раскраснелась, взвинченная какая-то стала.

— Давай, Семён, один, — сказала она.

— Один! — Семён грозно надвинулся на неё, но она даже не отступила. — Один! Значит, я во всём виноват? Я! Это не ты хотела обставить нашу квартирку как игрушечку? Это я хотел?! Да?! Это не ты таскала меня по всяким магазинам? Туда десяточку, сюда пятёрочку, только чтобы без задержек, без очереди. Комодики там, шифоньерчики, лютики, цветочки. Игрушечку сделаем, а потом и малюточек заведём. И будем жить во дворце, хоть и маленьком, а всё не для других. Только для себя, только для наших будущих чадушек!

— Ты выкричись, Семён, выкричись, — сказала ему Тося. — Легче тебе будет. Да и мне — тоже.

— Так я всё вру?!

— Нет, Семён, правду говоришь. Хотела я дом-игрушечку, хотела.

— Так что же ты теперь заартачилась?

— А не хочу я теперь ничего, Семён.

— Тося... — Семён словно понял что-то в это мгновение. — Тося... А как же я?

— Не знаю, Семён. Не знаю. Я и сама-то как — не знаю. Но только не хочу больше ничего. Ничего мне не надо.

— А-а! — закричал Семён. — Это все Иван. Это ты, Артём, потворствовал! Ты всё знал, а не пресёк в корне. Вот теперь и смотри, как семьи разрушаются! А в Усть-Манске мать-старушка ждёт. Внучата ей нужны. Обманули мать-старушку! Всех обманули! Да пропади оно всё пропадом!

— И пусть пропадает, — согласилась Тося. — Ты иди, Семён. Иди. Вещи твои я доставлю в целости... А сейчас иди. Устала я, да и кончать надо быстрее. Люди, наверное, спать хотят.

— Плевал я на людей, — тихо зашипел Семён. — Плевал. Они на меня, а я на них.

Он ещё и не верил, кажется, что Тося отказалась от него. Не мог поверить. Нужна была ему Тося, нужна. Но только лопнуло что-то в их семье. Вдребезги разлетелось. Но Семён не хотел этого видеть.

Степан Матвеевич смотрел на всё происходящее хмуро. Семён вдруг сел на скамью и замолчал.

— Семён, ты иди, иди. Ведь неизвестно, что ещё здесь будет. А ты сейчас можешь пройти. Иди, Семён... Иди.

Семён что-то обдумывал.

— Ладно, — вдруг сказал он. — Понятно. Не героическая личность. Серая личность. Не чета другим. Другие всё знают, всё понимают, только сделать не могут. Делать кто-то другой должен. Семён, например. Потому что Семён в их глазах не человек, а так, мразь одна. И рады бы они исчезновению Семёна с лица галактики, да пока не могут без него обойтись. Семёны-то ведь вам ещё очень нужны. А я вот могу и без вас!

— Да ладно ты, — сказал я. — Не можем, да когда-нибудь сможем.

— Когда-нибудь вы сможете. Это уж точно. А вот сейчас-то, сию минуту, и не можете.

— Кирсанов, — сказал Степан Матвеевич. — Вы можете поступать, как вам заблагорассудится. Но только объявите нам своё решение. В безвыходной ситуации мозг работает лучше. А сейчас вы нас расслабили.

Семён встал. Я подумал, что он сейчас швырнёт нам наши телеграммы, захохочет, скажет: «Посмотрим, посмотрим, как вы там без меня». Но он лишь поставил ногу на полку, и в одно мгновение исчез, словно спрыгнул с обрыва. Нет, я даже не заметил, как он это проделал, но только всё произошло быстро и ловко.

Чего теперь от него ждать? Просто он ушёл, или показать, что он может сделать нам благо, не рассчитывая, отказываясь от всякой нашей благодарности?

Тося вдруг упала грудью на столик и заплакала, затряслась.

— Воды! — крикнул Степан Матвеевич.

Я бросился за водой к титану, а когда вернулся, возле Тоси уже хлопотала Зинаида Павловна. Вездесущая Зинаида Павловна, которая каким-то особым чутьём чувствовала, где нужна её помощь.

— Ничего, милочка. Сейчас все пройдёт. — В нашем купе, кажется, пахло нашатырным спиртом. — Спокойнее. Ну вот и хорошо. Ну вот и чудесная ты у меня девочка. Поплакать можно. Это облегчает. Только до истерики не нужно себя доводить. Душечка ты моя, милочка! Золотце прелестное!

Зинаида Павловна ещё немного похлопотала возле женщины — и ведь успокоила её, успокоила. Всё, всё могла Зинаида Павловна.

— А теперь вот что, милочка. Тут всё мужчины да мужчины. Разговоры у них, споры всякие. А мы к Инге в купе пойдём. Там и спокойнее нам будет. Поговорим, чайку попьём, а может, и поплачем. Есть ведь у нас, есть над чем плакать. Бабы мы, и всегда бабами останемся. Пойдём, милочка...

Зинаида Павловна поддерживала уже немного успокоившуюся Тосю, которая снова не смотрела на нас. И они ушли в купе Инги.

— Ну, дела, — сказал я. — Голова кругом идёт.

— Поверните её в обратную сторону, — посоветовал Степан Матвеевич, — может, легче станет.

Он, кажется, тоже был раздражён.

75

А в купе вошёл решительный писатель Фёдор. За ним, шаг в шаг, Юрий. У второго явно была какая-то идея. Это было видно и по походке, и по выражению одухотворённого лица.

— Прошу пардону, Артемий, — сказал Фёдор. — Рассказик-то помнишь про Валерия Михайловича Крестобойникова?

— Помню, Фёдор. Понравился мне этот рассказик.

— Дело сейчас не в том. Окончаньица у него не было. Не было у рассказа окончаньица... А теперь вот есть. Вот, почитать не желаешь ли?

Степан Матвеевич посмотрел на него, как на какую-то помеху. И что человек пристал со своими опусами?

Но я-то знал, что так просто Фёдор не полезет со своими никогда не печатавшимися трудами.

— Желаю, Фёдор, почитать окончание рассказа. Желаю.

— Тогда читай. — И он протянул мне один-единственный листок, исписанный с двух сторон.

— Идея есть, — перебил его Юрий. — Попробовать надо.

— Что за идея? — оживился Степан Матвеевич. Юрий со своими идеями был ему ближе и понятнее.

— Связь можно установить по проводам линии электропитания. Не знаю ещё как, но можно. Обмозговать надо. Да ведь радиоинженер я или нет! Сделаю. Не знаю из чего, а сделаю.

— А ведь вы правы, — согласился Степан Матвеевич. — Нужны только конденсаторы высокого напряжения. Это идея! Очень будем вам благодарны, Юрий, если сможете наладить связь.

— Так я, пожалуй, этим и займусь? — нетерпеливо предложил Юрий.

Очень уж ему хотелось что-нибудь сделать. Да и кому не хотелось? И я бы сейчас всё сделал. Да только что?

— Действуйте, Юрий, — распорядился Степан Матвеевич.

— В каком вагоне радиоузел? — только и спросил Юрий.

Степан Матвеевич ответил, и Юрий заторопился начать дело.

— Я ведь должен был это предусмотреть, — сказал мне Степан Матвеевич. — Всё-таки мои знания и опыт. Как это я так опростоволосился.

— Да разве можно всё знать? — сказал я.

— Нет, нет... Уж я-то должен был знать. Не прощу себе...

— Ну а через магазин этот связь уже не нужна? — спросил писатель Фёдор.

— Как не нужна? Нам сейчас всё нужно! А вы что хотите предложить? — спросил Степан Матвеевич.

— Да вот только окончание рассказа, — замялся Фёдор. — Прошу пардону, но я не смог выполнить задание общественности. Не на всё способен, оказывается, писатель Фёдор.

— Не огорчайтесь, — попытался успокоить я его. — Даже писатели не всемогущи.

— И всё же я хочу, чтобы вы прочитали окончание рассказика про Валерия Михайловича.

— Я сейчас прочту, — сказал я.

Но рассказ прочесть мне не удалось.

Какой-то шум раздался на полке, где стоял злополучный макет. Поругивания, пыхтение, сопение, словно кто-то с большим трудом продирался сквозь непреодолимую преграду.

76

Из крыши миниатюрного универмага показалась рука, судорожно схватила воздух, исчезла, снова показалась, но, кажется, уже другая, правая или левая, но другая, без кольца на безымянном пальце. Что-то далёкое и неразборчивое послышалось из-под крыши макета. Снова показалась рука и начала делать движения, словно просила о помощи.

— Это же! — вскричал писатель Фёдор. — Это же... Это же Валерий Михайлович! Помочь ему надо!

Да в чём тут заключалась помощь?

— Ау... — тихо послышалось из недр макета. — Помогите.

Фёдор не заставил себя просить дважды. Он схватил ладонь невидимого ещё Валерия Михайловича, если только это действительно был он, и потянул на себя. Нет, истощён литературными трудами и неумеренным потреблением спиртного был писатель Фёдор. Но старался он на совесть.

— Подождите, — сказал Степан Матвеевич.

— Чего ждать? — прохрипел писатель Фёдор, не выпуская руки Валерия Михайловича. — Тяните!

Степан Матвеевич железной хваткой сжал обе руки — и Фёдора, и того, всё ещё невидимого. Я схватил Фёдора за пояс, потому что уцепиться больше было не за что. Я уже как-то привык за последнее время тащить или подсаживать людей за пояс.

Втроём дела у нас пошли лучше. Показалась и вторая рука. И за неё уцепился тот самый папаша, который обещал своему сыну, что мама всё купит у дяди. Как он тут оказался? Впрочем, ведь наше купе всё время было под неусыпным наблюдением пассажирского вагона. Да и ещё кто-то уже помогал, создавая, по крайней мере, толкотню. Испуганное лицо Валерия Михайловича на миг показалось из крыши, снова исчезло. Но теперь-то мы уж знали точно, что это действительно Валерий Михайлович.

И когда голова нашего фельдъегеря показалась ещё раз, ей уже не дали так просто исчезнуть вновь. Может, и пострадала при этом причёска товарища Крестобойникова, но его самого уже не упускали, а когда из крыши появились плечи и туловище, то связного выдернули из другого мира одним мощным и согласованным рывком.

Валерий Михайлович в некотором изнеможении сел на полку и привалился к стенке купе. Измучен он был здорово, а костюм его так просто стал похож на одеяние оборванца.

Мы ждали. Сейчас Валерий Михайлович нам что-то расскажет.

Крестобойников и сам жаждал нам что-то сказать, но пока ещё мог только шумно дышать. Постепенно он приходил в себя, и дыхание его успокаивалось.

— Спасибо! — сказал он прочувствованно. — Спасибо, товарищи! Если бы не ваша помощь, застрял бы я где-нибудь между стропил одного из самых крупных магазинов Сибири. Навеки бы застрял.

— Да что случилось? — спросил я.

— А то и случилось, что я почему-то прямо посреди проникновения вдруг почувствовал, что всё, конец, что не пройду я, что-то изменилось в микроструктуре этого макета. Не для меня он. Нет, теперь уж не для меня. О Господи!

— Рассказывайте, рассказывайте, — подбодрил его Степан Матвеевич.

— Сейчас, сейчас. В общем, можно сказать, что всё в порядке. Володьку этого, который нашим поездом хотел поиграть, разбаррикадировали. Бабуся там проявила такую энергию! Да и внучек Коля. Коля-то уже здесь...

— Где «здесь»?

— Да в Маргграде. Они с бабусей всю Академию и институты высшей школы на ноги поставили. Очень много народу занимается спасением нашего поезда, даже капиталисты проклятые и ЮНЭСКО.

— Ну уж, — не поверил я. — Очень это нужно капиталистам!

— Им всё нужно, — сказал Крестобойников. — Учёные к Афиногену срочно в Фомск вылетели. Протрезвел он, сам испугался тому, что наделал. Комиссия изучает эту самую нуль-упаковку. Но всё-таки говорят, что это ерунда. Нет, говорят, ничего. Никакой то есть нуль-упаковки.

— А как же наш поезд? — удивился я. — Ведь мы и были нуль-упакованы!

— И так это, и не так. Вроде бы и были, а потом оказалось, что такое вовсе невозможно.

— Не понимаю, — сказал Степан Матвеевич. — Что же тогда с нашим поездом?

— С поездом действительно какая-то ерунда. Нет нашего поезда!

— Нет уж позвольте! — возмутился папаша многотребовательного ребёнка. — Нет уж вы...

— Да что я? «Фомич» шутит. Ищут его. Да только поезда нет ни до Усть-Манска, ни после Усть-Манска. Вообще нет.

— Тогда где же мы сейчас находимся?

— Неужели всё-таки в другой реальности? — сам себя спросил Степан Матвеевич. — Но ведь ощущения не совпадают! Нет, этого не может быть.

— Про другую реальность мы уже дискутировали, — напомнил я.

— Да, да. А теперь и этот чемодан отпадает. Тогда что же такое произошло с нашим поездом?

— Вот что я могу вам доложить, — сказал Валерий Михайлович. — Нашим поездом занимается наука. Много людей выясняют, стараются понять и помочь нам. Но... но только связь через меня больше не получится. Или там с нуль-упаковкой что произошло, или ещё что, только я уже не пройду через этот барьер. — Валерий Михайлович для убедительности ткнул пальцем в крышу, и... ничего не случилось. Товарищ Крестобойников действительно утратил способность проходить сквозь крышу макета. — Они там хотят писать плакаты на окнах, чтобы нам видно было. Информировать, так сказать. Так что наблюдайте... Да, вот отчёт о истраченных деньгах общественной кассы спасения. На такси — двадцать восемь, на переговоры, общественный транспорт... В общем, я истратил шестьдесят рублей.

— Господи, — прошептал я. — Так вы для этого и брали эти двести рублей?

— Не буду врать, — нахмурился и отвернулся Валерий Михайлович. — Не для этого я их брал, ну да ладно... Бог простит.

— А способности вы лишились не из-за упразднения нуль-упаковки, — сказал Фёдор. — Тут другое. Да только лучше ли теперь будет, не знаю. Может, всё оставить, как было?

— Нет, нет, Фёдор, пусть всё по-новому. Спасибо тебе, писатель Фёдор. Жаль, что я не редактор какого-нибудь издательства. Я бы тебя печатал только массовыми тиражами.

— Да ладно уж, — засмущался Фёдор. — Чего там. Я и сам рад. Бумаги ведь в стране всё равно не хватает.

— Мне это лучше знать. Вот шпулечное производство запустим, тогда легче будет, — пообещал Валерий Михайлович.

— Дайте уяснить, — попросил Степан Матвеевич. — Значит, мы ни в каком так называемом поезде-игрушке и не находимся? Так, что ли, вас понимать, уважаемый Валерий Михайлович?

— Не находимся, но, возможно, находимся.

— Непонятно.

— Всем непонятно. В этом и трудность. Всё с нашим поездом с одной стороны есть, а с другой — нет. Ведь даже на железных дорогах его не могут найти.

— Ну, — сказал я. — Это бывает. Много было случаев, когда терялись целые поезда, а не только наш «Фомич».

— Сейчас такая развитая система автоматики! Математические машины вычисляют маршруты поездов. А вы говорите, что поезд может потеряться.

— Ну, если наш поезд не игрушка, то скоро должна быть станция, — заявил Степан Матвеевич.

— Урман! Кто сходит в Урмане! Стоянка восемь минут.

— Ну вот и кончились наши приключения, — сказал кто-то с явным облегчением.

— Прибываем! — выкрикнула тётя Маша.

Но только никакой станции за окном не было. Лишь непроглядная темень да звёзды. Даже луны не было.

— Спасибо вам, Валерий Михайлович, — от всего сердца сказал Степан Матвеевич. — И простите меня...

— Не за что, не за что. Я и сам рад.

— Что теперь делать будем? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Степан Матвеевич. — Вся надежда теперь на то, что они сами нас найдут.

И действительно, что делать теперь, не знал никто. Но никто и не расходился. Более того, все расселись по полкам и снова в нашем купе стало тесно.

77

Я развернул лист, на котором было окончание рассказа писателя Фёдора. И вот что я прочитал:

«... Крестобойников шёл пешком. Туфли его изрядно поднакачались и теперь не могли идти по-человечески. Их бросало то в одну, то в другую сторону. Рубашка выбилась из-под пояса и приветливо махала каждому встречному. Пиджак с разбухшими от трёпки лацканами иногда подметал тротуар, но делал это очень небрежно, и тротуар всё равно оставался пыльным.

Виктория Ивановна даже глазам не поверила, когда её муж заявился домой. Таким она его ещё не видывала.

— Валерий! Что случилось? — испуганно спросила она.

— Учить их, подлецов, надо. А то ведь житья никакого не стало.

— Да кого же это «их»?

— А все эти тряпки. Видишь, до чёртиков напились.

— Валерий, это ты до чёртиков напился! А у меня билеты в театр!

Валерий Михайлович сбросил туфли. Они, конечно, даже стоять на подошве не могли.

— Выброшу их в мусоропровод, — заявил Крестобойников. — Вот видок у них будет, когда проснутся на свалке. А с похмелья, поди, и подмётки ещё болеть будут. Ну и умора!

Снял он с себя и рубашку и повесил на спинку стула. Но та не смогла удержаться и сползла на пол.

И — странное дело — по мере того, как Валерий Михайлович раздевался, он становился всё трезвее. И наконец стал трезвым, как стёклышко. Виктория Ивановна, конечно, заметила это, и теперь от удивления рта не могла открыть.

Валерий Михайлович решительным шагом вошёл в спальню и открыл платяной шкаф. Ох, как они там зашумели, все эти костюмы, платья и рубашки! И угрозы, и слёзы, и даже шантаж.

— Молчать! — рявкнул Крестобойников. — Чтобы ни одного звука я от вас не слышал!

Платяной шкаф не сразу понял, что с хозяином произошли какие-то перемены. Но грозный вид и волевые нотки в голосе всё-таки подействовали. Крестобойников спокойно выбрал костюм, рубашку и туфли. В спальню вошла Виктория Ивановна.

— Наденешь вот это платье, — сказал ей Валерий Михайлович.

— Валерий, — жалобно сказала жена, — но ведь я уже в нём ходила в театр.

— Ерунда... Это оно на тебе ходило в театр. А теперь ты в нём пойдёшь. И вообще зачем мы так часто ходим в театр? Это ведь не мы ходим! Плевать нам на искусство! Нам бы только новые платья и костюмы сносить на себе туда! Чтобы все их видели!

— Валерий, но ведь это же вещи! У них тоже есть желания.

— С сегодняшнего дня их желания будут подчиняться нашим, — отрезал Валерий Михайлович.

— Хорошо, — покорно, но испуганно согласилась Виктория Ивановна.

Из театра они возвращались уже поздно. Дома Крестобойников сел на кухне почитать газету. А когда вышел оттуда, увидел вчерашнюю же картину. Только теперь вещи расположились ещё нахальнее, словно волевая вспышка хозяина придала им новые силы.

Крестобойников прислонился к стене и вдруг понял, что это случилось уже давно. Уже давно вещи делают с ними, что захотят. Теперь он вспомнил, что они с женой всегда подчинялись вещам, каждый день раскладывая их вот так в комнате. А сами входили в платяной шкаф и стояли там, прижавшись друг к другу, ожидая утра, когда вещи позволят им одеться. Ох, как давно это началось...

Он открыл дверцу платяного шкафа. На него смотрели немигающие глаза жены. Она жила в платяном шкафу. И он — тоже. Валерий Михайлович попытался разбудить жену. Это удалось ему не сразу.

А когда она всё же проснулась, то приложила палец к губам и прошептала:

— Тише. Не мешай им. Обидятся.

— К чёрту! — закричал Валерий Михайлович.

Он поднял жену на руки и уложил в постель, хотя она сначала и сопротивлялась этому. А в глазах её был страх. Она так боялась, что вещи не простят ей этого поступка. Крестобойников делал всё спокойно, а жена смотрела на него широко открытыми от испуга глазами. Он затолкал назад в платяной шкаф все эти нахальные, озлобленные вещи, обращаясь с ними без прежнего подобострастия. Он словно и не замечал их. Так просто, что-то попало под руку. Потом он закрыл дверцы шкафа, отёр пот со лба, и только теперь признался, что ему было страшно.

— Спи, Вика, — сказал он. — Мы ещё посмотрим, кто кого.

А утром, когда он проснулся, жена уже сварила кофе. За завтраком они заговорили о спектакле.

— Они опять были в тех же костюмах, — начала было Виктория Ивановна.

— И пусть, — спокойно сказал Крестобойников.

— Как это: и пусть? — удивилась жена. — Ведь искусство в таких костюмах... И какой хороший был бы спектакль!

— Спектакль был дрянной, — сказал Валерий Михайлович. — Артисты двигались по сцене, как варёные. Исполнитель главной роли дважды забывал текст. В массовках, особенно в сцене общего профсоюзного собрания, статистов было так мало, что становится совершенно непонятным, каким образом завод мог выполнить государственный план, имея такую катастрофически маленькую профсоюзную организацию. Да их хоть в тоги наряди, спектакль лучше не станет.

Виктория Ивановна посмотрела на мужа удивлённо. Так он ещё никогда не говорил.

Перед уходом на работу Крестобойников подошёл к жене, обнял её и почувствовал, кажется, впервые за много лет, что это не его пиджак обнимает её платье, а он сам свою маленькую Вику.

По дороге на работу левый туфель попытался было канючить что-то, но Валерий Михайлович так цыкнул на него, что тот замолчал и, кажется, навсегда. Во всяком случае, до более подходящего момента...»

На этом рассказ писателя Фёдора обрывался. И я не знал, будет ли продолжение. Кое-что в сюжете у Фёдора не вязалось. Особенно начало этого последнего отрывка. Получалось так, словно Валерий Михайлович шёл домой после встречи с самим Фёдором в вагоне-ресторане нашего фирменного поезда. Да Бог знает этих писателей! Может, так и нужно. Может, это модернизм или, наоборот, реализм. По крайней мере, оконча-

ние и этот бунт против вещей... Да, да, да. Вот не в этом ли уж дело? Не потому ли Валерий Михайлович с трудом смог пройти сквозь крышу магазина, что он уже, согласно рассказу писателя Фёдора, стал немного другим? Если это так, то талант Фёдора просто уникален. Но с другой стороны... ведь Валерий Михайлович сам утверждал, что начало рассказа написано именно про него, что всё так и было в действительности.

Я понимающе кивнул Фёдору. Ясно теперь, почему Валерий Михайлович с трудом проник через крышу макета. В его душе уже давно, наверное, шла какая-то перестройка. И если действительно прав писатель Фёдор, то сейчас товарищ Крестобойников значительно отличался от того Крестобойникова, который сел в поезд в Старотайгинске. А борьба, наверное, в нём шла жестокая. Ведь и с Семёном он сразу же нашёл общий язык. И уходил Валерий Михайлович сквозь крышу магазина вовсе не с целью помочь фирменному поезду. А впрочем, кто теперь это мог знать?

78

Мысли на некоторое время перестали генерировать в нашем купе. Тут ещё имел значение тот факт, что нам кто-то уже помогал оттуда, извне. И не просто сборище случайных людей, а целая научная организация, возможностей у которой было намного больше, чем у нас. Правда, через окна магазина мы читали пока на транспарантах лишь искренние приветствия и пожелания держаться во что бы то ни стало.

Ну мы и держались...

Только мысли-то действительно перестали рождаться в головах пассажиров. Но я был уверен, что скоро мы снова начнём искать выход из нелепой ситуации. Пытался же ведь Юрий наладить связь с внешним миром при помощи линии электропередачи...

Рассказ Фёдора читал уже сам Валерий Михайлович. Читал и в некоторых местах повествования согласно кивал.

А куда же делся Иван, вдруг вспомнил я. Семён, конечно, оскорбил его самым чувствительным образом. И не снёс бы такого Иван, если бы тут в самом деле не была замешана Тося. Тяжело было сейчас Ивану. Но я был уверен, что согнуть его невозможно. И, однако же, исчез Иван, не появлялся больше в нашем купе.

— Пойду поищу Ивана, — сказал я.

— Да, да, — на мгновение встрепенулся Степан Матвеевич. — Желательно, чтобы он всё-таки был с нами.

И я пошёл через вагоны в конец поезда. В основном я задерживался в тамбурах, потому что был уверен, что Иван не осядет в каком-нибудь купе. Не очень он и разговорчив был для новых компаний, да и просто, наверное, хотел побыть один.

Я проходил тамбур за тамбуром, вагон за вагоном, но Ивана нигде не было. Это мне как-то не понравилось. Какой чёрт уносил его всё дальше и дальше? Мог ведь постоять и покурить где-нибудь в одном из соседних вагонов. Пока что я успокаивал себя и говорил, что начну всерьёз беспокоиться, когда не обнаружу его в поезде вообще. Ну уж тогда и начну тщательно осматривать купе, даже в мягкие буду стучаться и спрашивать. А пока что я проносился через вагоны быстро, отмечая только одно: Ивана здесь нет. Я сейчас был настроен только на одного Ивана.

А поезд всё стучал на стыках рельс, не сбавляя даже на секунду своей курьерской скорости. И откуда только в нём бралось столько прыти? И о чём сейчас думал машинист электровоза? Неужели в его голове не возникали мысли о странностях, творящихся вокруг?

Остался один, последний тамбур. Я даже подумал сначала, что он наверняка будет закрыт, всё-таки ведь последний... Но тамбур оказался открытым, правда, не освещённым. И лишь слабый свет красного фонаря позволял рассмотреть, что здесь происходит. Красный фонарь держал в руках товарищ Обыкновеннов. Он был в каком-то дождевике, хотя осадков не предполагалось, наверное, в течение тысячи лет, с капюшоном, натянутым на велюровую шляпу.

Рядом стоял Иван. Оба молчали. Лишь товарищ пришелец иногда поднимал руку с фонарём, словно пытался что-то рассмотреть в темноте, остающейся за хвостом поезда. А сам тамбур был открытым, как в товарных вагонах. И жары здесь не чувствовалось, так как ветер, создаваемый самим фирменным поездом, завихрялся и кружился именно в тамбуре, вернее, смотровой площадке последнего вагона.

Я с минуту постоял молча. Они на меня и внимания не обратили. Тогда я тронул Ивана за плечо, а товарищу Обыкновеннову сказал:

— Извините.

Иван оглянулся, а пришелец продолжал пристально всматриваться во тьму, словно там действительно можно было что-то рассмотреть.

— А, Артём, — виновато сказал Иван. — Здесь вот я... Покурил... Да ещё поговорили немного...

— Это хорошо, — сказал я. — Это даже прекрасно.

— Ну, а что там у вас нового?

— Валерий Михайлович вернулся, — начал я.

— Ишь ты! — удивился Иван. — Валерий Михайлович...

— Да. — Я вкратце рассказал ему, что произошло в нашем купе. Он слушал внимательно, только иногда быстро оглядывался на убегающее и едва различимое в свете фонаря полотно железной дороги. — Так что гипотеза о том, что нашим поездом играет мальчик Володя, отпадает. Тут что-то другое...

— Да. Тут что-то другое, — согласился Иван.

— Ты разве догадывался об этом? — удивился я.

— Не то чтобы догадывался. В игрушку эту я верил, только казалось, что здесь и ещё что-то. Словом, что здесь не один фактор, не одна причина, а две или даже больше.

О Тосе он ничего не спросил, хотя я ведь доложил ему, что Семён ушёл сквозь крышу макета, а жена его осталась, не захотела уйти. И о том, что «мозговой центр» зашёл в тупик, я тоже Ивану сказал.

— Вот, пожалуйста, будьте любезны, — негромко проговорил товарищ Обыкновеннов.

Я ничего не понял, не увидел, и поэтому спросил у Ивана:

— О чём это он?

— Видишь ли, Артём, за поездом кто-то гонится.

— Гонится? Как это гонится?

— Да вот так! Ощущение такое. Товарищ Обыкновеннов первым и почувствовал это.

Я попытался всмотреться в черноту ночи, но ничего не увидел. Да и что тут можно было увидеть? Тут хоть глаз выколи!

— Смотрите... Во-он... — Пришелец протянул руку с красным фонарём. По полотну дороги, кажется, метнулась какая-то тень.

— Трудно сказать, что это, — заметил я.

— Похоже на собаку, — сказал Иван. — Да только разве собака угонится за нашим поездом? Тут только гепард может состязаться. Но гепардов в нашей стране нет.

— Ещё неизвестно, где мы сейчас мчимся, — сказал я.

— А! — не согласился Иван. — Пустое. Где надо, там и мчимся.

— Хорошо, если бы так... Пойдём в вагон, — предложил я.

— Пойдём, пожалуй, — согласился Иван. — Товарищ Обыкновеннов, — обратился он к пришельцу, — вам прислать кого-нибудь, чтобы не так скучно было?

— Будьте любезны, — ответил пришелец.

Вот и опять пришелец в нашем поезде. И теперь уже в качестве не безбилетного пассажира, а... работника поезда, что ли?

— Так мы пришлём кого-нибудь, — пообещал Иван, и мы вошли в вагон.

79

Теперь, когда Иван был благополучно найден, когда я сам немного поуспокоился, можно было глядеть по сторонам более внимательно.

А поезд, что бы там ни случилось, засыпал. Утомился за день поезд, намаялся от жары и духотищи и теперь пытался отдохнуть. В купированных вагонах стояла тишина. Разве что какой-нибудь отец семейства, едущего отдыхать на Чёрное море, стоял возле раскрытого окна и курил. Курил и думал, наверное: вот попал в переплёт! Чёрт дёрнул ехать поездом! Да ведь летом на самолёт билетов не достать. А может, совсем о другом думал. О кружечке прохладного пива или о своей уже давно начавшейся бессоннице.

В каждом вагоне — теперь я это заметил — дежурили по два студента строительного отряда. Их подтянутость, какая-то организованность, зелёные брюки и куртки со смешными надписями и рисунками внушали уверенность в безопасности. Даже я это почувствовал. Они все были переполнены важностью и ответственностью поставленной перед ними задачи. И я был благодарен им за помощь.

В общих вагонах, где всё на виду, всё открыто, всё нараспашку, картина была, конечно же, другая. Здесь никто не курил, но зато многие и не спали, тихонечко переговариваясь друг с другом или провожая нас с Иваном вопросительными и чего-то ждущими взглядами. Студенты здесь стояли в коридорчиках, внимательно оглядывая проход вагона, готовые прийти на помощь пассажирам, если те в этом будут нуждаться. А вентиляция в некоторых вагонах, оказывается, работала. Здесь было прохладнее и спокойнее. Дети уже все были уложены спать, и возле туалетов не скапливались длинные очереди, как это было утром.

Мне попадались и знакомые студенты. Они кивали нам, словно говорили, что всё в порядке, повода для беспокойства нет. А встреченный в девятом вагоне Валерка даже сделал отчёт о проделанной работе, хотя я и не был лицом, ответственным за проверку их деятельности.

Студентам, как я заметил, кое-где помогали нести дежурство и люди, не имеющие отношения к высшей школе. Впрочем, они ведь тоже могли быть студентами. Да и не в этом дело. Просто молодые парни всего поезда прониклись каким-то горячим чувством ответственности и теперь были готовы помогать всем и во всём, только бы что-то делать. Жаль, что до сих пор никто не знал, что же надо сейчас делать. Ждать? Мы и ждали. И старались сохранять спокойствие и порядок.

В нашем вагоне картина была та же. Даже пассажиры, которым нужно было сходить в Усть-Манске или в других населённых пунктах, которые мы теоретически уже проехали, расположились отдохнуть, благо их места никто не занимал. После Балюбинска поезд шёл без остановок.

В купе сидели Степан Матвеевич, Валерий Михайлович, писатель Фёдор и два студента. Эти последние — наверняка для оперативной связи со всем остальным отрядом, для передачи важных сообщений и приказов. По лицам сидящих можно было предположить, что в моё отсутствие ничего значительного не произошло.

80

— Проветрились? — устало спросил Степан Матвеевич у Ивана.

— Проветрился, — отозвался Иван. — Прошу прощения за свою вспыльчивость. Я понимаю, что мне не нужно было уходить. Но... проклятый характер.

— Ничего, ничего, — успокоил его Степан Матвеевич. — Если бы срочно потребовалась ваша помощь, мы бы послали нарочного.

— Даже так? — удивился Иван.

— Ничего нового? — спросил я на всякий случай.

Степан Матвеевич посмотрел на меня невидящим взглядом. Он уже снова о чём-то мучительно размышлял. А ответил мне один из студентов.

— Закрылся магазин.

— Конечно, — согласился я, — там уже тоже дело к ночи. — Это я учёл разницу времени между часовыми поясами.

— Не в этом дело, — сказал писатель Фёдор. — Его закрыли в совершенно другом смысле.

— В каком же?

— Это теперь макет в полном, самом настоящем смысле этого слова. Макет без всяких фокусов и тайн. Взгляните на окна.

Я нагнулся и присмотрелся. Что-то изменилось в этом макете. Но что? Я сразу и не понял. Лишь через несколько секунд... А.... Его окна были слепыми. Уже ничего нельзя было рассмотреть через эти маленькие стёклышки. Удивительный макет магазина превратился в самую обыкновенную игрушку. Конечно, не в самую обыкновенную, потому что всё-таки был произведением прикладного искусства, не просто в игрушку. Так, так... Значит, и этот канал, хоть и односторонней, но связи был отрезан.

— Давно это произошло? — спросил я.

— Недавно, — ответил Фёдор. — Они ещё там пытались приклеивать к окнам транспаранты, а стёкла уже начали мутнеть. Они, наверно, и до сих пор не знают, что мы уже ничего не видим.

— Значит, сейчас связи никакой?

— Никакой. Теперь мы совершенно отрезаны от остального мира. Даже Семён Кирсанов, если и захочет, то не сможет вернуться в наш вагон.

— А у радиста?

— Телеграммы посылаются по радио, но ответа до сих пор никакого не получено.

— Ну, а сами-то хоть возвращаются назад? Экранировка исчезла или нет?

— Я не знаю, — словно извиняясь, сказал Фёдор.

— Тогда бутылки надо бросать, — посоветовал я.

— Мы бросаем, — неожиданно ответил один из студентов. — Не бутылки, конечно, а своего рода буйки с информацией о нашем поезде и точном времени, когда буёк был сброшен. Через каждые пятнадцать минут бросаем.

— Отлично. — Всё-таки здесь головы работали. Просто идеи никакой конструктивной не было, а то бы тут закипели мозги в черепных коробках. Искали, конечно, и нужную идею. Только слишком уж необычной была ситуация.

— Предлагаю отдохнуть, — сказал вдруг Степан Матвеевич. — Всё, что можно предусмотреть, мы сделали. Ребята дежурят по всему поезду. Организованы смены. Утром будет завтрак. Для детей и пожилых людей — горячий. Если что, нас разбудят. Отдохнуть надо, потому что силы понадобятся завтра. Не вечно же мы будем так ехать! Я лично посижу здесь. Стариковская бессонница начинается. А вы давайте на отдых.

— Там в последнем тамбуре сидит товарищ Обыкновеннов, — сказал я. — Кого-то надо послать к нему. Что он там один сидит?

— Интересно, — сказал писатель Фёдор. — Вчера не имел возможности встретиться по причине возлияния с новыми друзьями. Разрешите воспользоваться сейчас, так сказать, лично попросить пардону у товарища пришельца и побеседовать.

— Если хотите, — ответил Степан Матвеевич.

— Иду, лечу! — вскричал Фёдор и действительно чуть ли не полетел по коридору.

— Я сосну, — сказал Валерий Михайлович. Вил у него был в самом деле уставший.

— А я здесь буду, — сказал Иван и залез на свою полку. В последнем купе ещё не спали, хотя Тося и Зинаида Павловна

лежали на полках, укрытые простынями. Тося на верхней боковой, Зинаида Павловна — на нижней. Инга сидела на своей, словно и не собиралась спать. А Сашенька преспокойно спал, и ни до чего в мире ему не было дела. Студенты полностью отдали купе женщинам и ребёнку. Ну что ж. Наверное, так лучше. А скорее всего, это Зинаида Павловна распорядилась. Значит, кто-то из студентов будет «проживать» в нашем купе? И тоже верно. Ну и правильный же человек эта Зинаида Павловна.

81

Когда я появился в последнем купе, Инга приподнялась с полки и взяла меня за ладонь. Я легонько сжал её пальцы.

— Давай немного поговорим, — предложила она.

— Давай, — согласился я. — А Сашенька?

— Иди, милочка, иди, — напутствовала её Зинаида Павловна. — Мы посмотрим за мальчиком. — И тотчас же около ребёнка оказалась Светка, продемонстрировав при спрыгивании с полки свои длинные голенастые ноги.

Мы вышли в тамбур.

— Артём, я боюсь, — сказала Инга.

— Ты, Инга, не бойся, — ответил я и прижал её к себе, но не крепко, а лишь чуть-чуть, но ей, наверное, так и хотелось.

— Я знаю, что не надо бояться, а боюсь всё равно.

— Помогут нам, да и сами мы что-нибудь придумаем.

— Помогут, я знаю. Только я не об этом.

— Тогда о чём же, Инга?

— Я о Сашеньке...

— Ну, тут Зинаида Павловна всё сделает. Счастливый она человек. Всё-то у неё получается, всё-то она знает. И что за доброй души человек!

— Да. Она очень добрая и много знает... А ведь у неё, Артём, муж и двое детей умерли недавно...

— Да ты что, Инга! — вскричал я. — Неужели правда?

— Правда, — сказала Инга тихо. — Она нам рассказывала. Ей на счастье других людей смотреть приятно. Вот она и хлопочет.

— Да что же с семьёй-то произошло? Катастрофа какая?

— Нет, понимаешь, заболели и умерли.

— Трое в одной семье! Да возможно ли такое в наши дни? Да куда только медицина смотрела?

— Сначала старший сын от аппендицита. Потом муж. Сердечный приступ у него был. А потом дочь от воспаления лёгких. Просто ужас какой-то.

— Не могу поверить.

— Она сама до сих пор не может поверить. А уж полгода, как совершенно одна осталась. Она сейчас к матери в Старотайгинск ездила... Больно-то ей как. И как только такое может в жизни происходить? Невозможно так. Нет, невозможно.

— Да. Страшно. Вот так Зинаида Павловна. А кажется такой радостной, счастливой.

— Она просто держится. Нельзя, говорит, раскисать. Это на других людей действует. И всё равно я не смогла бы так. Это какую волю надо иметь, чтобы так жить?

— Не знаю... У тебя страхи начались после её рассказов?

— Да нет. Тогда она ещё ничего не рассказывала. Это просто... Так... Я ведь понимаю, что Сашенька появился как-то странно. Ну и что? Ведь он появился. Ведь он мой и твой. И пусть странно. В этом поезде всё странно... А вдруг всё это кончится, поезд станет нормальным, и всё исчезнет, и ты, и Сашенька. Боюсь я этого.

— Ну, я, положим, никуда не исчезну. Я всегда с тобой буду. Разве что сама прикажешь...

— Артём...

— Прости, Инга. Это я так... Никуда я от тебя не смогу уйти, да и не захочу. Мне без тебя какая теперь жизнь? Да разве у меня и жизнь была до нашей этой встречи?

— Ну уж это ты, Артём, зря. Была жизнь, была. И у меня была, только не такая, как сейчас. Это правда. А я тебе верю. Не тому верю, что ты меня не обманешь. А просто... Верю тебе и всё... И хочется верить. А вот за Сашеньку беспокоюсь... Вдруг с ним что?

— Нет, Инга, маленькая моя, с ним ничего плохого не может произойти. Не позволю я. Не посмеет никто, да и никакие обстоятельства. В обстоятельствах тоже есть закономерность.

— Это ты хорошо сказал. В случайностях бывает закономерность.

Мы постояли немного молча, обнявшись. И я дышал запахом её волос.

— У меня тоже есть беспокойство, Инга, — сказал я. — Только другого свойства.

— Какое? — спросила она, подняв голову и смотря мне в глаза.

— Понимаешь... Мама-то твоя что скажет, когда увидит нас троих?

— Обрадуется...

— Так уж и обрадуется! Уезжала одна, а приехала втроём. Валерка вон какой шум поднял.

— Валерка — другое дело. Его простить надо. Ему всё прощать надо. Потому что он... он... понимаешь... он уже давно... Да и знала я, знала. Может, мне надо было вообще его к себе близко не подпускать и не разговаривать даже?

— Ну почему же уж и не разговаривать? Он вон как всё в поезде организовал. И с дежурством, и с раздачей пищи...

— Это он может. Он и родился организатором. Хороший он парень. Мучается ведь, наверное, сейчас?

— Наверное...

Мы снова замолчали. Потом я спросил:

— Значит, ты уверена, что мама твоя ничего не скажет, не прогонит нас с Сашенькой?

— Да что ты! Да зачем же она тебя прогонять будет? Ведь это всё нужно мне, а не ей. Она ничего не скажет.

— А отец твой?

— А отец сразу начнёт приглашать на рыбалку. У него без рыбалки ни одно воскресенье не обходится.

— Ты мне хоть скажи, как их зовут?

— Маму — Валентина Александровна, а папу — Владимир Александрович... А у тебя?

— А у меня, Инга, никого нет.

— Совсем, совсем никого? — удивилась она.

— Совсем никого, Инга. Из детского дома я.

— Вон как... Да как же ты один?

— Друзья у меня есть. Работа. А теперь вот ты и Сашенька. Я вот что ещё хочу сказать. Жить мы будем у меня. Хорошо?

— Хорошо. А почему?

— Я один. Никому мешать не будем, да и нам никто. Правда, у меня лишь одна комната, но больше ничего не могу предложить. Согласна?

— Согласна... У нас дома тоже тесно. У меня ведь ещё брат есть. В восьмом классе учится. Лоботряс порядочный... Но мы в его годы, наверное, все были лоботрясами? Правда ведь?

— Да уж, конечно, не такими целеустремлёнными, как сейчас. Подростковый возраст.

— Конечно. Он на военного лётчика хочет пойти учиться. Выше меня ростом уже... А я такая худая...

— Ничего ты не худая. Ты просто стройная...

— Да?.. У нас и мама такая. А Борька в папу. У папы метр девяносто рост.

— Это хорошо, — сказал я.

— Что хорошо?

— Что рост у твоего папы метр девяносто.

— Хорошо, — сказала она утвердительно.

Мы ещё стояли и говорили. Я ей рассказал про свою квартирку. О работе говорил мало, уж слишком специальная у ме-

ня была область науки. А Инга рассказывала о своей семье. И мне уже хотелось познакомиться с ней. И с Владимиром Александровичем, и с Валентиной Александровной, и с лоботрясом Борькой.

82

Был уже третий час ночи, когда мы вернулись в вагон. Здесь уже почти все спали, кроме Светки и двух дежурных студентов из строительного отряда. Светка тотчас же полезла на свою полку, нисколько не смущаясь моего присутствия и даже не попросив отвернуться. Да Бог с ней... Инга поправила что-то у Сашеньки и легла рядом с ним. Я подвернул ей поудобнее простыню, которой она закрылась, погладил по плечу и пошёл в своё купе.

Все спали, даже Степан Матвеевич. Правда, он это проделывал сидя. Я не стал его будить, залез на свою верхнюю боковую и сразу же уснул.

Сначала в уставшем мозгу всё вспыхивали картины прошедшего дня, в самых нелепых сочетаниях и комбинациях, потом сон стал спокойнее... Я был в каком-то южном городе, не знаю каком, потому что на юге вообще ни разу не был. Домики, белые с красными черепичными крышами, лепились на горе, а внизу была бухта, довольно грязная, с кораблями, подводными лодками, с гудками электровозов, потому что железнодорожная станция была у самой бухты. Кто-то объяснял мне, что вот эта Южная бухта, а та — Северная. Там вон дальше Инкерман. И тогда я сообразил, что это Севастополь, в котором я никогда не был. А всё объясняла мне Инга. Она даже вела меня за руку. За вторую руку держался мальчишка лет четырёх, который оказался моим сыном Сашенькой и который задавал матери вопросов больше, чем я.

Мы долго гуляли по Приморскому бульвару, а потом снова вернулись к бухте Южной, затем полезли куда-то в гору. Куда, я не знал, но это очень хорошо знала Инга, потому что она вела нас уверенно и быстро.

Оказывается, мы снимали летний домик у каких-то частников. И домик снаружи весь зарос виноградом, да и вся ограда, как плоская крыша, была сверху увита лозами на подпорах и проволоке.

Потом был какой-то провал... И тут меня начли тормошить и дёргать...

83

— Артём, проснись!

Я ещё не проснулся окончательно, но уже начал кое-что соображать.

— Проснись, Артём!

Я боднул спросонья головой стенку вагона и проснулся. Иван тряс меня за плечо. И тряс, видимо, долго и здорово, потому что когда я оглянулся, то увидел, что все смотрят на меня.

— Что произошло? — испуганно спросил я.

— Иди, — весело сказал Иван. — Иди полюбуйся!

— Да что там?

— Он ещё спрашивает! Ну ты шутник, Артём! Иди, иди скорее. Там уже скоро весь строительный отряд соберётся.

— Что? Где? — Я спрыгнул с полки.

— Иди к Инге, — подтолкнул меня Иван. — У тебя дочь родилась...

Я шлёпнулся, растянулся, выстелился, не знаю, как ещё сказать, на полу вагона. Но что-то было в голосе Ивана такое, что заставило меня сразу же поверить в случившееся. Я поднялся и буркнул:

— Ну и шутки...

— Иди, иди, — ещё раз подтолкнул меня Иван.

А в последнем купе что-то действительно было тесновато. Я подошёл, протолкнулся. Передо мной расступились. И расступились как-то весело, с юмором.

— Что тут произошло?! — почти крикнул я. Рядом с Ингой, как и в тот момент, когда я оставил её здесь, лежал ребёнок. Ещё один стоял рядом с нижней полкой. Это был мальчик лет четырёх. Откуда тут мальчик? — подумал я.

— Ой, как интересно! — вскрикивала Тося. Она снова была вчерашней хохотушкой и восторженной душой. — Артём! Артём! Ой, как это здорово!

— Ну, поздравляю вас, Мальцев, — сказала Зинаида Павловна. — От души поздравляю!

Кто-то похлопывал меня по плечу, кто-то по спине. Все были настроены весело и добродушно.

— Девочка у вас родилась, Мальцев, — сказала Зинаида Павловна.

— Да как это? Да где это? Какая девочка?

— Девочка, — сказал Инга. — А имя теперь ты придумывай...

— Да при чём тут девочка? Ведь Сашенька...

— Я — Сашенька... — внятно сказал пацан, стоявший возле Инги.

— Ты — Сашенька? — машинально переспросил я. — А я кто?

— А ты — папка, — серьёзно сказал он. — Ты спишь, а мы — нет.

— Инга?

— Вот, Артём, дочь у нас с тобой появилась сегодня. А Сашенька вырос.

— Так, так... Понятно. То есть ни черта, наоборот, непонятно. Но всё же понятно, что у нас родилась ещё дочь, а Сашенька подрос года на четыре. Только вот непонятно, как это всё произошло.

— Опять остолбенел! — сказала за моей спиной Светка. — Как и в первый раз. Всё в диковинку ему! Поздравь хоть жену-то.

— Поздравляю, Инга, — сказал я.

— Ты не сердишься на меня? — спросила Инга.

— Да за что же?

— Вчера вот сын, а сегодня — дочь. Может, ты и не хотел...

— Хотел я, Инга, хотел. Пусть будет и сын, и дочь. Это даже лучше. Обязательно нужно, чтобы были и сын, и дочь. Я читал. Писали об этом много.

— Ну, зарапортовался, — всё ещё зло шутила за моей спиной Светка. Только, по-моему, ей было просто завидно.

— Мальцев, — сказала Зинаида Павловна. — У вас рождаются и растут крепкие дети. Вот и девочка очень крепенькая.

— Папка, хочу на ручки, — потребовал четырёхлетний уже Сашенька.

— На ручки? — удивился я.

— Возьмите, Артём, Сашу на ручки, — попросила Тося.

— Ага. — Я взял своего сына на руки. Оказывается, держать детей на руках я всё ещё не умел.

— Ну вот и хорошо, — сказала Зинаида Павловна.

Как она умела радоваться счастью других людей! И я был ей сейчас очень и очень благодарен.

— Ты не сердишься...

— Да за что же, Инга? — повторил я.

Меня поздравляли и другие пассажиры и, кажется, удивления при этом никто особенно не испытывал. Привыкают люди, что ли, ко всяким чудесам? Потому что рождение дочери у нас с Ингой и слишком уж бурный рост Сашеньки всё же должны были вызвать у людей удивление. Ну да. А во мне самом? Я ведь сам воспринимал всё как должное. Потом, потом разберёмся.

— Вот и брючки, и рубашки для мальчика пригодились, — сказала Зинаида Павловна. — Предусмотрительный вы, оказывается, папаша, Мальцев. Это хорошо.

— Да, да, — пробормотал я. Сын теребил меня за подбородок и щёки.

— Колется, — смеясь сказал он. — Колючий папка!

Ну вот, дождался я! Ура!!! Уже «папкой» меня называют! А сын-то, сын у меня! Я чуть было не подбросил его под потолок, но вовремя опомнился. Слишком уж тут было много всяких углов и выступающих предметов.

— Севастополь, — сказал я Инге.

— Да... — растерянно ответила она. — И у тебя Севастополь?

— Ага... Только я никогда там не был.

— А я была. С мамой и папой.

Этого коротенького разговора никто, конечно, не понял. И хорошо, что не понял. Это было не для других, а только для нас.

Зинаида Павловна снова обо всём распорядилась: когда нести кормить девочку, чем занять Сашеньку. В помощницы Инге была назначена немного сумрачная сегодня Светка. От всех других забот её теперь освободили. Студенты уже разносили сухой завтрак из ресторана. И вообще вагон, казалось, начинал жить своей обычной жизнью. В туалеты выстраивались необходимые очереди. Кто-то уже начинал жевать и требовать горячего чаю.

А за окнами вагона по-прежнему расстилалась какая-то безбрежная степь без единого деревца, с чахлой травой и пятнами солончаков.

Купе Инги понемногу освобождалось.

— И как вы, молодые люди, назовёте свою дочь? — спросила Зинаида Павловна.

— Только не называйте Светланой, — посоветовала Светка. — Всю жизнь будет мучиться, как я. Всё Светка да Светка. Да и Светлана — не лучше. Детям, может, и идёт, а уж взрослому человеку нисколечко.

— Придумывайте, придумывайте, — заторопила Тося. Она сегодня выглядела значительно лучше, чем вчера вечером. Словно весёлость вернулась к ней и способность верить в чудо, которое обязательно должно произойти в следующую минуту, хотя минуту назад уже было одно.

— Пусть Артём выбирает имя, — сказала Инга.

— Хорошо, — согласился я. — Как, Сашенька, назовём твою сестрёнку?

— Не знаю, — засмущался сын и уткнулся в моё плечо.

— Давайте назовём Валентиной, — предложил я. — Хорошее имя ведь? Мне очень хочется назвать дочку Валентиной. А что? Валентина Артемьевна! Неплохо, по-моему, звучит?

— Прекрасно звучит, — сказала Зинаида Павловна. — Вы очень хорошее имя придумали, Мальцев.

— Да?

— Да, да. А ты, милочка, всё-таки вставай. — Это уже относилось к Инге. — Забот теперь у тебя прибавилось. Ну, ничего, завтра уже будем в Марграде.

Да-а... Хорошо бы уже завтра быть в Марграде. Неунывающий человек Зинаида Павловна.

— Значит, решено? — спросил я. — Называем дочку Валентиной.

— Я согласна, — сказала Инга. — Пусть у нас будут Александр и Валентина.

— Сашенька, — поправил сын, стараясь переползти мне на спину.

— Сашенька, Сашенька, — успокоил я его.

— Вы, конечно, немного балуете своих детей, — сказала Зинаида Павловна. — Ну да уж сделаем скидку на поезд и жару.

С утра-то было ещё не очень жарко. Но небо снова было чистое, без единого облачка, и лучи солнца часам к десяти наверняка раскалят вагоны, как огнедышащие печи.

84

Подошёл Степан Матвеевич, похлопал меня по плечу, сказал:

— Как только освободитесь, Артём, зайдите в наше купе. Хорошо?

— Хорошо, — сказал я, опуская сына на пол.

— Да он уже свободен, — сказала Инга и начала выбираться из-под простыни, стараясь при этом не потревожить девочку. — Ты иди, Артём. Иди. Уж тут-то мы и без тебя справимся.

— Ну, если что, я рядом, — сказал я. — Начнём новое трудовое утро. Какие ещё идеи родились в головах пассажиров?

— Одна, по крайней мере, родилась, — ответил Степан Матвеевич.

— Какая же?

— А вот. — И Степан Матвеевич показал рукой на мою дочь. — Ишь, спит, — добавил он.

— М-да, — пробормотал я. Эта идея действительно родилась сегодня ночью или под утро. Но это человек, ребёнок, живое существо. А вот как относительно настоящих идей, научных, оригинальных, которые помогут нашему поезду вернуться в нормальный мир?

— Я пойду, — сказал я Инге.

В нашем купе сидел Валерий Михайлович, несколько хмурый, словно невыспавшийся и чем-то растревоженный; Иван, который ещё и не видел мою дочь, потому что дал, наверное, себе клятву не заходить в купе, где сейчас находилась Тося; Юрий, этот был жизнерадостен и бодр; писатель Фёдор, выглядевший как с похмелья; Валерка, расстроенный чудовищным поведением студентки стройотряда и сегодня очень сожалевший, что вчера отряд как следует не проработал Ингу на собрании — и вот теперь результат; переставший заикаться Михаил.

А в самом углу, за столиком, не сняв тёплой велюровой шляпы и не расстегнув пальто, сидел товарищ Обыкновеннов, пришелец с планеты Ыбрыгым. Товарищ пришелец словно бы дремал. Вполне объяснимо. Ведь он, наверное, так и просидел всю ночь на площадке последнего вагона со своим красным фонарём, всматриваясь в темноту. Да и зачем он здесь? Впрочем, душа пришельца — потёмки!

— Коротко о том, что сделано за ночь, — сказал Степан Матвеевич. — В три тридцать мы произвели остановку поезда, и в степь ушла группа из семи человек с продовольствием и запасами воды. В основном группа укомплектована из ехавших в отпуска геологов и туристов-профессионалов. Задача экспедиции — достичь любого населённого пункта и связаться с Большой Землёй. — Он так и сказал: с «Большой Землёй». — К сожалению, мы не можем поддерживать с ними связь. Фирменный поезд продолжает свой путь. Вот только куда?

Никто не подал свой голос и не спросил: а не лучше ли в таком случае вообще остановить поезд и ждать, когда его найдут? Значит, этот вопрос уже рассматривался и по нему принято соответствующее решение. И я не стал ничего спрашивать.

— С большим трудом удалось решить проблему телеграфной связи по проводам линии электропередачи. Тут товарищ Юрий постарался.

— Радиолюбители помогли, — сказал Юрий, но видно было, что он всё-таки доволен, что хоть что-то смог сделать для попавшего в беду поезда.

— Мы, — продолжал Степан Матвеевич, — регулярно передаём сообщения на Большую Землю. Правда, ответа ещё не получено. В чём тут дело, непонятно. Возможно, что там просто не догадываются, что мы нашли такой необычный канал связи. Будем надеяться, что там сообразят, что там попытаются ввести в действие все возможные виды связи.

Импровизированная комиссия — или комитет, не знаю, как нашу организацию и назвать — кое-что сделала, вернее,

сделала всё, что могла, но этого было мало. И все понимали, что этого мало.

— Чрезвычайных происшествий за прошедшие часы не произошло, — снова продолжил Степан Матвеевич. — То есть я хочу сказать — не произошло ничего страшного, непоправимого, хотя необычного много.

— Да что же тут... — начал было я в своё оправдание, но замолчал. Тут всё было необычно и непонятно, только я сам не хотел признавать это необычным.

— В поезде появились какие-то странные существа, которых раньше не было. Продолжаются случаи возникновения самых разнообразных предметов. Организованно исчезла из поезда группа пассажиров, которым нужно было сходить на станции Молчаново. Причём это произошло во время движения поезда, хотя толком никто ничего и не заметил. Пассажиры исчезли со всеми своими вещами... Но в общем в поезде соблюдается дисциплина, паники нет, а если где она и собирается возникнуть, студенты стройотряда устраняют её в самом зародыше. И вообще, от имени пассажиров я хочу принести глубокую благодарность студентам, без которых нам пришлось бы очень плохо. Они подготовили несколько лекций о международном положении, концерт. Лекции начнутся сразу же после завтрака... Ну вот, собственно, и всё, товарищи. Может, я что упустил. Будем надеяться...

85

Все немного помолчали. Потом Иван спросил, обращаясь к товарищу Обыкновеннову:

— Что по этому поводу могут сказать представители других цивилизаций? Ведь вы, как докладывали вчера, обогнали Землю на несколько сот каких-то там циклов. Про циклы я не особенно понял.

— Будьте любезны, — глухо сказал товарищ Обыкновеннов и слегка приподнял свою велюровую шляпу. — Будьте любезны... Дело в том, что цивилизация Земли развивается по каким-то непонятным всей нашей галактике законам. Я уже говорил, что наша экспедиция потерпела здесь неудачу. А ведь двести сорок самых лучших представителей планеты Ыбрыгым... Почтим их память вставанием...

Мы все поднялись и замерли в скорбном молчании. Я представил себе эту вереницу печальных гуманоидов, которые безуспешно пытались ускорить развитие земной цивилиза-

ции, и они, плача и стеная, прошли перед моим внутренним взором.

— Сядем, товарищи, — сказал пришелец. — Как говорится, медицина тут бессильна. Стыдно признаться, но я вряд ли могу что-либо вам объяснить. Я роюсь в памяти, но прецедента не нахожу. Пропадали корабли, но это в безбрежных просторах космоса. Исчезали даже целые эскадры кораблей! Покупались и продавались целые планеты и солнечные системы, но везде это было строго детерминировано, хотя закономерность часто выяснялась уже после свершившегося факта... Нет, нет, все знания пришельцев здесь бесполезны. Я очень страдаю, поверьте мне, но помочь ничем не могу. Лишь два момента, два маленьких момента... Что-то произошло с причинно-следственными связями, хотя я и не представляю, что. И ещё более частное... Вот вы, Степан Матвеевич, говорили про существ. Они ведь красивенькие?

— Красивенькие, — удивлённо ответил Степан Матвеевич. — Но они совершенно безвредны. Дети играют с ними.

— Да, да. Вы совершенно правы. Дети, а особенно взрослые очень любят с ними играть. Последствия этих игр хорошо известны. Они ведь и в самом деле очень красивенькие?

— Очень красивенькие, — согласился Степан Матвеевич с некоторой тревогой в голосе.

— Просто невозможно себе представить более красивеньких?

— Действительно. Трудно представить. Да в чём дело?

— Я их вчера видел. Они спешили за нашим поездом. А проникли в него, вероятно, во время ухода экспедиции, когда поезд останавливался.

— Да уж не опасность ли здесь какая нам грозит?

— Теоретически — да, — сказал товарищ Обыкновеннов. — Но это чисто теоретически. Красивенькие — очень интересные ребята. Нет, нет, нет, тут речь не о том, что они могут укусить, ударить или ещё что-нибудь в этом роде... Тут совсем другое. Они... как бы это вам сказать? Аналогию земную тут надо... — Товарищ Обыкновеннов даже снял шляпу и вытер лоб неизвестно откуда взявшимся в его руке платком. В купе вдруг почему-то стало светлее. — Нет. Аналогий на вашей планете, вероятно, не было. Это большое счастье для планеты. А ведь некоторые миры не избежали печальной участи быть... как бы вам сказать?

— Да в чём дело? — окончательно встревожился Степан Матвеевич. — Если есть какая опасность, мы их немедленно удалим с поезда!

— В том-то и дело, что вы не сможете удалить их с поезда. Даже просто не захотите. Тут очень сложное... Вот что. Луч-

ше я вам расскажу, что произошло с одной цивилизованной планетой. Видите ли, я не сразу стал командиром лайнера, носители истины которого должны были ускорять развитие цивилизаций, в данном случае, как вы уже знаете, земной. Я был капитаном обычного торгового корабля, небольшого, без всякого экипажа. Знаете, в молодости и такая работа кажется интересной. Я перевозил грузы из одной части галактики в другую. Много видел, много узнавал, и с меня этого было достаточно. Ах, молодость, молодость, — грустно вздохнул пришелец. — Ушла молодость, укатилась, сгинула в туманностях и спиральных галактиках.

Дел у нас сейчас, по-видимому, было много, но только вот неизвестно, каких. А пришельцы зря слов на ветер не бросают. И послушать товарища Обыкновеннова, наверное, было очень полезно. По мере того, как пришелец углублялся в свой рассказ, купе всё больше наполнялось пассажирами-соседями. Выглядывали даже из коридора. А тем, кому не было слышно, повествование передавалось шёпотом.

86

Рассказ товарища пришельца продолжался около часа. Суть его сводилась к тому, что на одной из планет нашей галактики, а именно — Хелсе, проводился эксперимент по созданию Великого Синтезированного Разума Вселенной. Планету населяли самые разнообразные разумные существа: головомозги, руконоги, спинозады, брюхошеи, свинобобы и красивенькие. Это создавало известные трудности в общении, да и в выполнении программы ускоренного саморазвития цивилизации в целом. Вот и нужно было из всех имеющихся в наличии существ создать одно Универсальное Разумное Существо.

Красивенькие на Хелсе выполняли функции младшего обслуживающего персонала. Они были мастера на все руки, не чурались грязной работы и ко всему подходили с выдумкой. Прочие же разумные существа в основном занимались бесконечными дрязгами, сплетнями и ссорами, что и привело к их полному взаимному перевариванию уже на самой первой стадии экспериментов по созданию Великого Синтезированного Разума Вселенной.

Масштабы катастрофы были поистине ужасны!

Сам рассказ пришельца я опускаю по причине экономии бумаги. Привожу лишь его окончание.

Товарищ Обыкновеннов собрал все свои душевные силы и закончил так.

«Всё вокруг странным образом изменилось. Не слышно было постукивания пяток руконогов и громкого чавканья головомозгов, не сидели на стульчаках скромные и незаметные спинозады, не раздавалось победного урчания брюхошеев, не слышалось удивлённого похрюкивания свинобобов, раздираемых внутренними диалектическими противоречиями. Лишь огромные полчища красивеньких с бешеной скоростью бегали в разных направлениях по дорогам, площадям и улицам города и коридорам института Великого Синтеза.

— Будьте любезны! Что происходит? — спросил я у группы красивеньких, ремонтировавших разбитую дверь одной из лабораторий.

— Всё кончено! — весело ответили они. — Эх, и поработаем мы!

Это были очень жизнерадостные и трудолюбивые существа.

— Что кончено? — не понял я, хотя кусочек трагедии разыгрался на моих глазах.

— Они пожрали друг друга без остатка. Теперь здесь чистота и полный порядок. А ну, навались, ребята!

В моей голове стоял какой-то туман. Обрывки мыслей неслись нелепыми скачками и никак не могли собраться в какую-нибудь одну законченную. Я шёл машинально, потому что не идти было ещё хуже.

— Эй, гуманоид! — завопили красивенькие. — Стой! Тебя, наверное, уже ждут в Совете!

— В Совете? — удивился я. — Будьте любезны! Какой здесь теперь может быть Совет?

— Совет уважаемых красивеньких!

— Вот как! — Я пока обрёл только одну способность — удивляться. — И зачем же?

— Подписать документ. Иначе могут не поверить в то, что здесь произошло.

— Кто может не поверить?

— Другие цивилизации, обитаемые миры, ну, наконец, просто мыслящие существа.

Я покорно сел в экипаж. Сопротивление было бессмысленным. Тем более, что у меня возник некоторый интерес к красивеньким. Ведь они-то не исчезли в результате Великого Синтеза!

Опустились мы в центре огромного белоснежного города. Толпы красивеньких душераздирающими радостными воплями встретили моё появление. Мне даже не дали ступить на землю и внесли в здание Совета.

Престарелые красивенькие в красных бархатных мантиях с сосредоточенными лицами сидели в центре зала за круглым столом. Одно место было пусто. Туда и посадили меня. Я всё ещё ничего не понимал, кроме одного — что опасность, во всяком случае, мне не грозит.

Седой красивенький поднялся со своего места, это ему удалось с трудом, настолько он был стар, и произнёс:

— Гуманоид, мы просим тебя подписать один очень важный для нас документ. В нём говорится о том, что красивенькие неповинны в том, что хелсийцы пожрали друг друга без остатка и отходов. Мы, красивенькие, не убивали их. Они уничтожили себя сами. И теперь эта планета принадлежит нам. Можешь ли ты подтвердить нашу невиновность? Все необходимые для этого материалы засняты на микроплёнку. Кинопроектор перед тобой.

— Могу, — твёрдо сказал я, — будьте любезны!

— Не торопись с ответом, гуманоид. Мы хотим быть с тобой предельно честными. Ты улетишь отсюда в любом случае. Ответь, гуманоид, есть ли красивенькие на твоей планете?

— Есть. Они живут в клетках.

— Тогда слушай. Нас вывезли с нашей родины на многие планеты, хотя мы об этом никого не просили. Всех забавляла наша красота. И на каждой планете мы ждали своего часа. Хелса — двадцатая по счёту планета, на которой он пробил. Если и у вас есть брюхошеи, спинозады, руконоги, головомозги, свинобобы или другие подобные им существа, то час пробьёт и у вас.

— Если даже и так, — сказал я. — Ведь я-то теперь знаю всё. Я могу рассказать. И мы примем меры.

— Если у вас есть брюхошеи или спинозады, это не поможет, — зловещим голосом тихо проговорил красивенький. — Я сказал всё. Гуманоид, теперь ты можешь познакомиться с материалами.

— Мне незачем знакомиться с материалами. Я всё видел сам. — И я подписал документ. Я отчётливо понимал, что делаю.

Красивенькие вежливо поблагодарили.

Несколько недель я был чрезвычайно рассеян, неразговорчив, старался в свободное от работы время остаться в одиночестве и всё время сосредоточенно думал. Надо полагать, что увиденное мною не прошло для организма бесследно. Нервная система была несколько расшатана. Я мог ни с того ни с сего шарахнуться прочь от человека только потому, что мне вдруг представлялось, что передо мной брюхошей или спинозад, руконог или головомозг. А несколько раз мне даже казалось, что по дороге, переваливаясь с боку на бок и

повизгивая, идут свинобобы, раздираемые неразрешимыми внутренними противоречиями.

Через месяц я посетил зоопарк и долго стоял перед клеткой с красивеньким. Красивенький монтировал вычислительную машину для какого-то детского сада и время от времени, чтобы не заснуть, издавал радостный вопль. Ребятишки, кружившие возле клетки, при этом разбегались с притворным испугом, а потом собирались вновь.

Я несколько раз повторил шёпотом:

— У нас... это... не... пройдёт...

Через год после посещения зоопарка я окончательно пришёл в себя. Могучее здоровье всё же взяло верх.

И вот тогда-то я и принял экспедицию с носителями истины.

Будьте любезны...»

87

Товарищ Обыкновеннов закончил своё повествование. Воспоминания эти всё ещё были очень живы в нём. Конечно — гибель целой планеты! И хотя цивилизация хелсийцев не вызвала во мне никакого восторга или просто сочувствия, всё же их было очень жаль.

— Вы думаете, — спросил Степан Матвеевич, — что нечто аналогичное может произойти и у нас?

— Этого я не могу сказать. Будьте любезны, — ответил пришелец. — Я просто рассказал, а вы уж сами принимайте меры. Да и пора мне. Хорошо провёл время с ребятишками из Петухово, но и работать надо. Лежит, лежит диссертация без всякого движения. Вся надежда на Марград.

— Гражданин, — вдруг сказала тётя Маша, молчавшая до этого чуть ли не всё утро. — Предъявите билет.

— Да будет вам, — попытался остановить её Степан Матвеевич. — Сейчас не до билетов. И кроме того...

— Нет уж и нет, граждане, как это без билета? В нашем фирменном поезде без билета ехать невозможно. Да и случая-то такого ещё не было. И не будет!

— Тётя Маша! — вступился за пришельца Иван. — Ведь это представитель другой цивилизации. Ведь он нам сейчас такое рассказал!

— И слышать ничего не слышала, — сказала тётя Маша, хотя в продолжение всего рассказа старалась не пропустить ни одного слова. — Безбилетник — и всё. Заяц, по-русски!

Тут уж проводницу начали уговаривать все находящиеся в купе, но та упёрлась, хотя требование её сейчас было совершенно бессмысленным.

— Будьте любезны, — сказал товарищ Обыкновеннов, приподнялся со своего места и слегка рассерженно и даже раздражённо ушёл в стену вагона.

В любое другое время, в любом другом месте, кроме нашего поезда, это вызвало бы панику или, по крайней мере, предельное удивление. Как так! Человек, пусть и пришелец, ушёл через стену? Ведь невозможно такое! Гипноз массовый в лучшем случае... Или уж повальное помешательство. Но сейчас никто этому действию не удивился. Неудобно только было перед милым пришельцем за слова проводницы. Ей это тут же и высказали. Но тётя Маша, видя, что порядок и законность во вверенном ей вагоне восстановлены, успокоилась и даже сказала, что «этот, в шляпе, очень даже представительный мужчина», но только без билета ездить ему всё равно не положено, пусть он даже и «крупный» начальник.

Тётя Маша ушла начинать свои дневные дела.

Некоторое нервное беспокойство поселилось в нашем купе.

— Что-то мы делаем не то, — после довольно продолжительного молчания сказал Степан Матвеевич. — Что-то вокруг происходит, а мы ничего не можем понять. Давайте ещё раз подумаем, что нам предпринять.

Предложение было дельное, но в чисто абстрактном смысле, потому что всё равно никто не смог бы, наверное, сейчас придумать ничего умного. Но с предложением все единогласно согласились.

— Когда всё это началось? — сам себя спросил Иван. — С чего всё это началось?

— Началось с самого начала, — сказал Юрий. — Я думаю, вот с чего всё началось.

— С чего же? — спросили его.

— А вот как только поезд тронулся, помните, за окнами какой-то шум поднялся, выкрики, а потом бабуся на полном ходу впрыгнула в вагон, да ещё с двумя такими чемоданами и рюкзаком. Не могла бабуся заскочить с такой тяжестью. Не могла. Тут не только бабуся, тут вообще никто не смог бы запрыгнуть, даже сам Алексеев. Ведь в каждом чемодане было килограммов по восемьдесят. Мы с Артёмом тащили эти чемоданы. Да и Иван...

— Бабуся, конечно, должна быть сверхтяжелоатлетом, чтобы прыгнуть с ними на ходу поезда, — сказал Иван. — И однако же прыгнула... Но этого не могло быть.

— Так вы считаете, что чертовщина с нашим поездом началась именно в момент его отхода? — спросил Степан Мат-

веевич. — Со мной вот, например, чуть позже. Я ведь рассказывал про свою способность жить в других реальностях. Так вот это прекратилось, как только я сел в поезд. Ну или чуть позже, потому что я не сразу пришёл в себя после последнего путешествия.

— Это когда вы на меня налетели возле вагона? — спросил я.

— Пожалуй... Да, тогда-то и произошло моё последнее путешествие. Пока я подходил к вагону. Потому и пришлось спрашивать год, число и месяц. Но ведь прекратилось всё, прекратилось же! А я ведь только за тем и ехал в Марград, чтобы просить помощи у учёных, потому что жизнь моя стала невыносимой.

— А теперь? — спросил Иван.

— Да что теперь? Теперь-то жизнь прекрасна... после всего, что со мной происходило.

— Значит, прекрасна? — переспросил Иван.

— Вполне, — ответил Степан Матвеевич. — Не считая нашего поезда. Но я, когда говорю — прекрасна, имею в виду только себя, только своё самочувствие. Прошу прощения, если это кого задевает.

— Да при чём тут «задевает»... — поморщился Иван. — Просто вам это состояние нравится, и вы его, конечно, хотели бы сохранить навсегда.

— Очень хотел бы, — подтвердил Степан Матвеевич.

— Что-то тут есть, — сказал Иван.

— Что же? — быстро переспросил Степан Матвеевич.

— Ускользает из сознания. Вертится какая-то мысль, а ухватить её не могу.

— У меня тоже вертится, — вступил в разговор писатель Фёдор, — только что-то фантастическое.

— Профессиональный образ мышления, — подсказал Валерий Михайлович.

— Да нет, — возразил Фёдор. — Дело в том, что я ведь никогда не пишу научно-фантастические рассказы, а лишь фантастические просто. С наукой у меня ничего общего нет.

— Вот эти ваши рассказы, — начал я. — Они уж как-то странно совпадают с тем, что есть на самом деле. Например, случай с Валерием Михайловичем. Простите, пожалуйста. — Это уже относилось к самому Крестобойникову. И снова Фёдору: — Ведь вы вроде бы описываете то, что было на самом деле...

— Не стоит извиняться, — перебил Валерий Михайлович. — Один рассказ Фёдора попал, что называется, в точку. Я ведь и чувствовал, знал почти наверное, но не верил, не захотел просто этому поверить. А мысль, что надо что-то изме-

нить в своей жизни, была. Спасибо Фёдору. А инцидент наш уж, пожалуйста, забудьте.

— Нечаянно, — сказал Фёдор. — В целях самоо...

— Ладно, ладно, — остановил его Крестобойников. — Что тут вспоминать...

— Чисто, так сказать, фантазируя из головы. Свободный полёт мысли.

— Свободный полёт фантазии — и вдруг такое совпадение? — спросил я.

— Ну что ж, прошу пардону...

— Да не в пардоне дело, а в том, почему именно так получается!

— Работа подсознания, — сказал Фёдор. — Тут пока ещё ничего невозможно объяснить.

89

Валерка уже некоторое время беспокойно ёрзал на скамье, не насмеливаясь вступить в разговор. Но подогревало его изнутри, видно, здорово. И всё-таки он не утерпел, воспользовался коротенькой паузой.

— Я считаю, — сказал он, — что некоторые явления не смогли бы произойти в нашем вагоне, если бы комсомольская организация вовремя обратила внимание и приняла соответствующие меры.

Тут уж я знал, о чём он сейчас будет говорить. Но и запретить ему я не мог.

— Это хорошо, конечно, когда рождаются дети...

— Брось ты об этом, — попытался остановить его Михаил. — Хватит уже.

— Нет, не хватит! — вспылил Валерка. — И вовсе не хватит, а только начинается! Если бы мы провели вчера с Ингой разъяснительную работу, указали ей на недопустимость подобных поступков, то уж сегодня-то второй ребёнок наверняка не появился бы.

— Да что тебе до этого? — тихо возмутился Иван.

Я молчал. Тут я не мог защищать сам себя.

— А то, что если бы нам пришлось ехать до Марграда не трое, а семеро суток, то у них появилось бы и семь детей. А как Инга сможет вынести такую моральную и физическую нагрузку? Ей ещё и учиться надо. А теперь и детей воспитывать. На мамину шею сядете? Да?

— Нет у меня мамы, Валерий...

— Значит, на тёщину? Скажете, нет? А учиться и работать? Вы скажете, что это не моё дело? А дело-то это наше общее, комсомольское.

— Уж не регулировать ли рождаемость собирается ваш строительный отряд? — спросил Юрий.

— Нет. Не собираемся, — отрезал Валерка. — Но только в данном конкретном случае мы имеем право вмешаться. Потому что речь идёт не о постороннем для нас человеке, а о студентке нашего отряда, за которую мы все несём ответственность.

— Не надо, Валерий, — попросил я. — Она уже и сама за себя может нести ответственность. Не маленькая.

— Да ведь нам ещё даже неизвестно, что вы за человек! Может, вы аферист или ещё кто?

— Инженер я обычный.

— И инженеры бывают аферистами. Наделать такого... Да ведь теперь какой шум пойдёт в институте!

— Не будет, Валерий, никакого шума. Вот приедем в Марград, пойдём в загс, и всю вашу группу пригласим на свадьбу.

— А детей усыновлять будете?

— Что их усыновлять... Наши это дети.

— Ваши... — буркнул Валерка. — Мальчику уже четыре года, а у него ещё и свидетельства о рождении нет.

— Так ведь никто его здесь и не сможет выписать. Вот в чём дело, Валерий.

— А! Что с вами говорить... На заочный перейду. Всё равно уже давно собирался.

— Перестань ты, Валерка, — озлился Михаил. — И при чём тут заочный?

— А при том, что надоело мне всё.

— Зря ты так говоришь. Хуже, что ли, Инга от этого стала?

— Не знаю...

— Тогда и не разглагольствуй. Это её личное дело. И нечего нам вмешиваться. Вот если бы она плохо работала или училась...

— Ещё бы этого не хватало!

Уж тут бы Валерка не допустил! Тут всё было ясно.

Валерка высказался, и теперь сидел набычившись.

— Лекцию пойду читать, — вдруг сказал он и вышел из купе. — О международном положении!

— Отойдёт, — сказал Михаил. — Он вспыльчив, но вообще-то хороший парень.

— Конечно, хороший, — согласился Степан Матвеевич. — А с Артёмом, я думаю, мы всё равно ничего не поймём. Так и обсуждать эти события ни к чему. Это их двоих дело...

90

По коридору мимо моих ног ловко, никого не задев, пробежал красивенький, симпатичный и даже какой-то весёлый на вид. Он тихонечко произнёс что-то вроде приветствия.

Всё, всё ерунда. И магазин, и всякие бутылки, и сама пропажа поезда. Даже пришельцы ведь в принципе могут быть. Но вот этого! Вот этого-то уж не могло быть точно! Ни наука, ни человеческий разум не в состоянии выдумать такое. Да и человеческая фантазия — тоже.

Значит, пока мы тут сидели обсуждали, что да как, судили-рядили, головы ломали, что же нам теперь делать, произошло нечто более страшное, чем всё предыдущее.

Да и рассказ товарища Обыкновеннова сейчас немало помог нашей растерянности. Ведь никто и не знал о них ничего, об этих красивеньких, никто, кроме нашего купе, да ещё разве что двух-трёх соседних, если только там старательно прислушивались к рассказу товарища пришельца.

Я выскочил в проход. Ага! Вот в купе знакомый мальчик словно и не переставал говорить: «Хочу то-то... Хочу того-то...». Но только теперь его отец, помолодевший и словно сбросивший с себя непосильный груз воспитания сына, просто сидел на своей полке, а на желания сорванца отвечал премилый красивенький.

— Хочу лодку, — сказал мальчик.

— Сейчас сделаем, — радостно ответил красивенький, достал откуда-то материалы, плотничий инструмент, удобно и так, чтобы никому не мешать, устроился возле столика. Раз, два, что-то там поделал, попилил, построгал, отполировал, и в руках у мальчика оказалась лодочка, симпатичная, красивая, стройная какая-то. И минуты не прошло, как он её смастерил.

Мальчишка от радости зажал игрушку ручонками и чуть испуганно поглядывал по сторонам — не отберут ли. Ведь всю дорогу он только и слышал от отца: «Мама купит у дяди... Мама купит у дяди...». Но только что-то ничего такого и не покупала мама у дяди. А тут самая что ни на есть настоящая игрушечная лодочка.

В следующем купе две девочки-акселератки играли с другим красивеньким в загадки. И так интересно было им, что даже отец, который вчера пытался читать им вслух книгу, приоткрыл рот и тоже потихонечку уже начал принимать участие в игре. Загадки, по-видимому, были интересными и свежими, потому что в купе на самом деле было интересно. Чувствовалось это.

Так-так...

Ещё дальше красивенький деловито раскладывал на столе пасьянс, и четыре женщины, один мужчина и ребёнок с интересом смотрели на это чудо совпадений. Выходил какой-то очень сложный. Это было видно по восторженным лицам. Жаль вот только, что я в этом деле ничего не понимал.

А вот и купе Инги. Там, в предыдущих, всё было так, странно, но не очень касалось меня. А тут! А тут мой Сашенька преспокойно играл в кубики с очередным красивеньким. И даже Инга, кажется, была этим очень довольна. Что-то уж там очень интересное получалось из этих кубиков, раз на сложенную из них фигуру смотрели даже Зинаида Павловна и Тося.

Так-так... Говорите, рассуждайте, думайте, прикидывайте, стройте предположения, а в это время премилые красивенькие уже завоевали весь поезд. И всем хорошо с ними, всем интересно, всем приятно.

91

— Сашенька, — позвал я.

— Мы, папочка, играем, — сообщил мне сын. — А ты нам не мешай.

— Давай я тебя на руки возьму, — предложил я. Мне просто хотелось его куда-нибудь сейчас спрятать. Потому что ничего хорошего от этих премилых существ я не ждал.

— Я не хочу на руки, — сказал Сашенька, даже не отрываясь от игры.

— Нельзя приучать детей к рукам, — сказал мне красивенький. И даже то, что он обратился ко мне на чистейшем русском, никого не удивило.

— Я нисколечко не хочу к тебе на руки, — снова сказал мне мой Сашенька.

— Инга! — крикнул я. — Да что же это?

— А что, Артём? Видишь, они играют. Ну и пусть играют. Только бы скорее время шло.

— Да ты хоть видишь, с кем он играет?

— Вижу, Артём, вижу. Ну что ты кричишь?

— Саша, прекрати игру! — потребовал я.

— Мальцев, — удивилась Зинаида Павловна. — Да что вы сейчас можете предложить ему взамен?

— Ничего. Но и этой игры я не хочу.

— Ну и напрасно. Кто-то организовал игры для детей. Все успокоились, ведут себя послушно, не пристают к родителям. Что ещё можно пожелать сейчас в поезде?

— Так вы этого желаете?

— Да не во мне дело, Мальцев, а в детях. Если им хорошо, то и пусть будет хорошо.

— Никогда бы не подумала, — сказала Инга, — что мы с тобой будем ссориться, да ещё из-за таких пустяков.

— Да ведь и всё твоё «никогда бы не подумала» длится лишь вторые сутки.

— Ты хочешь поссориться, Артём?

— Нет, Инга. Не хочу. И вообще, а сейчас — в особенности.

— Тогда оставь ребёнка в покое.

Какая-то не такая вдруг она стала. Да и Зинаида Павловна... А Тося вообще не обращала на меня внимания. Ну да это-то ладно. А вот Светка и Клава смотрели на меня столь неодобрительно, словно хотели выкинуть из купе, да и сделали бы это, не сомневаюсь, если бы только у них хватило сил.

— Да вы что! — сказал я. — Не понимаете, что происходит?

— Ах, Артём, — сказала Инга, — оставь, пожалуйста, свои придирки.

— В фирменном поезде всё так интересно, — сказала Тося.

— Очень хорошо поставлено детское обслуживание, — заявила Зинаида Павловна.

— Я вот возьму сейчас этого милого красивенького и выкину в окно!

— Только попробуйте! — даже не взглянув на меня, сказал симпатичный красивенький.

— Окна закрыты, — вставила Светка.

— Открою! В дверь, если уж на то пошло!

— Па-а-а-па! — вдруг заревел Саша. — Не надо. Не выбрасывай. Не мешай нам играть.

— Отстань от ребёнка! — потребовала Инга.

Уж не прелести ли семейной жизни начинались у нас? Да что с ними со всеми произошло?

Я всё же попытался схватить красивенького, но он уцепился за что попало и даже за плечо моего сына, так что уж теперь-то я его выбросить никак не мог, да и сын с радостью подставил ему плечо и даже сам удерживал его тоненькими ручонками.

— Люди, опомнитесь! — взмолился я.

— Да что с тобой? — удивилась Инга. — Ты словно нарочно ищешь ссоры со мной.

— Нет, Инга, нет. Вы просто ничего сейчас не понимаете. Это же ведь красивенькие! Вы не слышали, что о них рассказывал товарищ Обыкновеннов. Ведь они вытеснят нас! Они уже не одну планету таким образом захватили. Чуть ли не с полного согласия самих обитателей этих планет.

— Мальцев, вы начитались научно-фантастической ерунды и теперь бредите, — сказала Зинаида Павловна. — Сходите умойте лицо холодной водой.

Я ещё ничего не понимал, кроме одного, что если вот так и продолжать это никчёмный, пустой разговор, то я действительно рассорюсь, и не только с Зинаидой Павловной и Тосей, этими двумя студентками, но и с Ингой, и даже с сыном. Что-то пробежало между всеми и мной. Ну да! Это всё проклятые красивенькие! Они, они, тут больше ничего другого и не было. Да только как всё это объяснить женщинам, если они и слушать не хотят? И не будут!

— Инга, Зинаида Павловна, Тося, я вас прошу, следите за детьми. Я сейчас.

— Хм, — сказала Инга. — Да кто же за ними и следит? Ведь тебе всё некогда. У вас там сплошные заседания.

— Заседания, — согласился я, — только мы ещё не совсем прозаседались.

— Так продолжайте, — холодно сказала Инга.

Нет, не могла она быть такой. Ни со мной, ни с кем другим. И хоть мало я её знал, это так, но только знал всю, ничего в ней для меня не было тайного. Не могла она быть такой.

Холод прошёл по душе, и стало страшно.

92

Я бросился бегом в своё купе, надеясь найти там помощь и разъяснения. В купе сидел писатель Фёдор, а какой-то красивенький перепечатывал ему на машинке рукопись рассказа.

— Фёдор, — позвал я.

— Вот, — осклабился тот. — На чистовую пошло. У меня ведь и машинки-то никогда не было. А переписанные от руки рукописи в издательствах не принимаются. Не знал я этого, Артемий. Не знал. Уж давно бы опубликовали. Вот премилый красивенький и объяснил. И Валерий Михайлович обещает напечатать в коллективном сборнике.

— Это для начала, — сказал Крестобойников. — Потом мы и индивидуальный, авторский то есть, сборник выпустим. Фёдор достоин того, чтобы для его рассказов рубили лес на бумагу.

— И вы тоже! — в изумлении и испуге воскликнул я.

— А что? Очень даже просто вот так в поезде встретить будущего знаменитого писателя, — сказал Валерий Михайлович, принимая от красивенького очередной лист рассказа

и мельком просматривая его. — Техника печатания у вас на высоте. — Это уже относилось к красивенькому.

— Стараемся, — обрадованно протянул тот.

Действительно, очень весёлые и нужные ребята были эти красивенькие. И не обойтись без них сейчас никому.

— Валерий Михайлович, — позвал я.

— А! Что?

— Валерий Михайлович, скажите, пожалуйста, вы где работаете?

— Что значит — где? В издательстве! Старшим редактором.

— А лаборатория сегнетоэлектриков?

— Пройденный этап, Артемиус, пройденный этап.

— А что за издательство?

— Ну уж, Артюша, это слишком. Вы словно мне не доверяете.

— Прошу пардону, — сказал Фёдор, — но только в каком нужно, в таком товарищ Крестобойников и работает.

— Название издательства! — потребовал я и сам удивился своему грубому и начальственному тону. Но он, видимо, возымел действие на погружённого в чтение Валерия Михайловича.

— Да то самое издательство...

— Какое? Конкретно!

Валерий Михайлович замялся. Не получалось что-то у него. Что-то не складывалось в целую фигуру.

Фёдор подозрительно посмотрел на своего предполагаемого редактора.

Красивенький стремительно забарабанил на пишущей машинке и даже напел какой-то весёленький мотивчик, знакомый, но давно забытый.

— Небольшое замыкание, — испуганно сказал Валерий Михайлович. — Не могу вспомнить название своего родного издательства. Ну это, которое на улице...

— Какой улице?

— Да ещё в городе...

— Каком городе?

Красивенький совсем развеселился и даже похлопал меня по колену.

— Бросьте вы, Артемий, заниматься глупыми вопросами. Вам что, делать больше нечего? Хотите, мы вам сейчас организуем...

— Нет, спасибо. Я ничего от вас не хочу. Даже более того. Я и вас-то самих не хочу!

— Это оскорбительно, — сказал красивенький, но в голосе его продолжала звучать только одна весёлость. Уж очень интересными и жизнерадостными ребятами оказались эти странные существа.

— Артюха, ты хамишь, — сказал Фёдор. — Попроси у товарища красивенького прощения.

Я оставил замечание Фёдора без последствий. А Валерий Михайлович о чём-то мучительно думал, вспоминал что-то.

— Ну так что? — спросил я его. — Вспомнили, в каком вы издательстве работаете?

— Что за чёрт! Не могу вспомнить. Последствия вчерашнего посещения ресторана?

— Нет. Тут дело совсем в другом.

— В чём же?

— Дело в том, что вы никогда не работали ни в каком издательстве. Это вам сейчас показалось. Вы кандидат физико-математических наук и заведуете лабораторией сегнето-электриков.

— Действительно, — медленно выдавил из себя Валерий Михайлович. — Вы знаете это наверняка?

— Я знаю это точно.

Красивенький затянул что-то уж совсем залихватское, и эта песня его, кажется, «Очи чёрные», даже меня немного сбивала с толку.

— Заткнитесь, — сказал я красивенькому и даже потащил с полки подушку, чтобы самому осуществить это действие. Но подушка была велика для этого. Красивенький вдруг испуганно замолк.

— Не имеете права, — наконец изрёк он. — Продано.

— Незаконно, — отпарировал я. — Где бумаги?

— Оформляются.

— Ну вот и подождём конца этой процедуры. А пока вы тут совершенно не к месту. Катитесь-ка к чёрту вместе с вашей машинкой!

— Прошу пардону, Артюша! — заявил Фёдор. — Литературное творчество...

— Ладно, ладно, Фёдор. Я верю и вам, и в ваши литературные силы. Вы будете известным писателем, но только без этих самых красивеньких.

А странное существо уже потихонечку сползало с полки.

— Вспомнил! — воскликнул Валерий Михайлович. — Кандидат наук я. И никогда никаким редактором не был. Это один знакомый у меня, так вот тот действительно редактор. Только он по научно-популярной литературе, а не по фантастике... Так что, Фёдор, тут какая-то накладка получилась. И какой из меня редактор? Затмение, что ли, нашло на меня?

— Затмение, — успокоил я его. — Только постарайтесь, чтобы на вас не нашло ещё что-нибудь.

— Не понимаю, Артемахус...

— Да я и сам не особенно понимаю. Только вот этих самых любезных существ надо попросить из поезда. И чем быстрее мы это сделаем, тем будет лучше.

— Бог ты мой! — застонал Фёдор. — Ведь это же из моего рассказа... И я ещё попросил их же перепечатать этот рассказ?!

— Фёдор, успокойся. Мне кажется, что они сами предложили тебе помощь.

— Да к чёрту все мои рассказы!

— Нет, не к чёрту... Не к чёрту твои рассказы.

— Всё! Бросаю! На веки вечные! — Фёдор вдруг словно в изнеможении опустился на полку. — Хватит... — сказал он уже тихо.

Существо засеменило по проходу вагона, держа на весу пишущую машинку, в каретке которой всё ещё торчали листки Фёдорова рассказа.

Валерий Михайлович потрогал свой лоб и с удивлением посмотрел на мокрую ладонь.

— Где Степан Матвеевич и Иван? — спросил я.

— Хватит... — простонал Фёдор.

— Ушли с этим... из какого-то там купе... колобком, — сказал Крестобойников и достал смятый носовой платок. — Можно сказать даже — убежали. Спешили очень.

— Ладно, — сказал я. — Понятно. — Хотя, впрочем, ничего понятного пока и не было.

93

Из нашего купе любезное существо всё же поспешило убраться. Но в других они и не подумали этого сделать. Да их никто и не просил, никто и не выгонял. Мальчишка, который всё время что-нибудь хотел, теперь сосредоточенно мастерил какую-то игрушку со своим знакомым красивеньким, который только успевал доставать откуда-то строительные материалы. Отец, немного удивлённый поведением своего сына, пытался было влезть в компанию с советами и расспросами, но получил от мальчика увесистый — откуда только силы у сорванца взялись? — удар киловаттным паяльником, и теперь тихонечко трогал ссадину на лбу смоченным в крови платком. Он ещё не взревел, но было ясно, что через минуту он скажет своей жене, что это всё её воспитание; та ответит ему чем-нибудь не менее остроумным, и пойдут раздоры в уставшей за двое суток семье. И только мальчишка будет бдительно охранять своего красивенького, потому что ему никогда не было так интересно и уж, конечно, никогда

не будет более, если вновь приобретённого друга попросят удалиться. Понимал это, судя по всему, и красивенький.

Похожая картина наблюдалась и в соседних купе. Вежливые и милые существа очень быстро заинтересовывали пассажиров, но, странное дело, это всегда приводило к ужасным ссорам, чуть ли не дракам. Даже в служебном купе суетился красивенький, помогая тёте Маше заваривать чай. Все они были для меня на одно лицо и казались просто копиями какого-то сладкого и красивого кошмара.

— Что-нибудь прояснилось в ваших головах? — спросил я Фёдора и Валерия Михайловича довольно раздражённо.

— Я именно вот об этом не писал, — сказал Фёдор. — Хотя в одном рассказе у меня действительно есть красивенькие.

— Пытаюсь осознать, но что-то плохо получается, — признался Крестобойников.

— Я сейчас имею в виду только этих существ. Выгнать их надо из поезда! Выгнать!

— Надо, — согласился Фёдор, но даже не приподнялся с полки.

— Валерий Михайлович, вы можете что-нибудь объяснить людям? Ведь через час-другой мы все тут перессоримся, передерёмся, и поезд на совершенно законном основании перейдёт к красивеньким, как уже неоднократно случалось с целыми человеческими обществами.

— Хорошо, — сказал Валерий Михайлович. — Я начну их вышвыривать в окна. А Фёдор будет мне помогать.

— Вряд ли это поможет, — усомнился я. — Тут нужно убеждение. Сможете убедить пассажиров, что красивенькие только обманывают, завлекают нас?

— Трудно, но согласен попробовать.

— Так пробуйте, а я пойду за Степаном Матвеевичем и Иваном. В каком они хоть купе?

Но этого ни тот, ни другой не знал.

— Ладно... Найду и так... Важно доказать, что мы можем обойтись и без этих существ. Людям доказать, каждому пассажиру нашего фирменного поезда. Сами мы, сами, понимаете, сами можем всё сделать!

— Вставайте, Фёдор, — почти приказал Валерий Михайлович. — Начнём, пожалуй.

Фёдор приподнялся и начал засучивать рукава. Ну да уж это как он сможет. Пусть-ка поработает фантазия писателя-фантаста Фёдора.

Я быстрым шагом, почти трусцой направился в конец вагона. Нас ещё было очень мало. Ох как мало... Однако что же там делают Степан Матвеевич и Иван? Да ведь и Юрия нет, и студентов. Куда они все подевались?

94

Всю компанию я нашёл в купе, где ехала та мамаша, что так часто бегала с горшком в оба туалета, её муж, решительный, явно подстрекаемый женой, и их милое чадушко. Здесь же находились Степан Матвеевич, Иван и ещё «наши», но... здесь же сидел и красивенький в красной мантии, весь седой и, надо полагать, очень старый. Перед ними были разложены какие-то бумаги, а Степан Матвеевич держал в руке гусиное перо. Перед ним стояла бронзовая чернильница и песочница с мелким песком.

— Что вы тут делаете? — крикнул я. Не знаю, почему, но мне казалось, что надо спешить. — Вы хоть знаете, что творится в поезде?

— Всё, как и должно было быть, — спокойно ответил Степан Матвеевич.

— Ну уж нет! Что это? — Я схватил со стола лист. Конечно, моё поведение в обычных условиях я и сам бы расценил как хулиганство и хамство, но только сейчас условия, кажется, были совершенно не те... Вот что я держал в руке! Это был договор на передачу фирменного поезда «Фомич» в собственность красивеньких. Покупающая сторона, в свою очередь, обязывалась довести наш поезд до Марграда.

— Единственная возможность, — мрачно сказал Иван. — Больше мы ничего не можем сделать.

— Нет, можем, — возразил я. — И очень даже можем!

— Да что же мы сейчас можем? — спросил Степан Матвеевич.

— А вот что, — сказал я и разорвал договор на две части, — и ещё вот что, — и я разорвал половинки ещё на две части и ещё.

— Да что вы делаете? — изумился Степан Матвеевич. — Ведь это же единственное наше спасение!

— Спасение?! Вы посмотрите, что делается в вагонах. Ведь там уже почти все друг с другом перессорились. Возможно, наш поезд и придёт к конечной станции согласно этому договору, только нас в нём уже не будет. Это точно.

— Эх, Артём, — недовольно сказал Степан Матвеевич.

— Он детей ворует! — взвизгнул шарообразный Мотя. — Детей!

Я не обратил на него внимания. Не до него сейчас было.

— Может, действительно, обойдёмся сами? — словно сам себя спросил Иван.

— Обойдёмся, — передразнил его Степан Матвеевич. — Вот уж до чего дообходились сами! Ничего не поймёшь уже! А мы всё сами хотим сделать...

— И только сами, — настаивал я. — Тем более, что этого договора всё равно уже нет.

— Есть, — спокойно возразил красивенький в мантии, — есть ещё неограниченное количество копий.

— Копии не в счёт, — сказал я наобум.

— В счёт, в счёт, — заверил меня красивенький. — У нас всё в счёт.

— Подписывайте! — потребовал Мотя. — Или я сам подпишу!

— Товарищи! — скрипучим голосом сказал седой красивенький в мантии. — Мы нужны друг другу. Симбиоз, так сказать. Явление в масштабах всей Метагалактики. Уж поверьте моему опыту. Но дело сейчас в том, что мы вам нужнее. Пожалуйста, вот договор. — На столе уже снова лежал лист бумаги. Красивенький осторожно взял перо из рук Степана Матвеевича, обмакнул его в литую чернильницу и вежливо протянул назад.

— Не смейте этого делать! — крикнул я. — Не смейте!

В купе уже набился народ из соседних отделений, да, наверное, и из других вагонов. Уже давно слышался какой-то шум, какое-то недовольство. И вдруг всё прорвалось.

— Подписывайте! — взывал чей-то отчаянный голос. — Подписывайте, и дело с концом!

— Да что же, нам в этом поезде вечно ехать, что ли?

— Жара невыносимая!

— Дети ведь с нами едут! Дети! Детей пожалейте!

— Вот детей и пожалейте! — крикнул я. — Подумайте и о детях! Что мы оставим своим детям? Этот договор? Ведь они вырастут, наши дети! Они не простят нам таких действий!

— Если только вырастут, — тихо сказал Иван. Он, кажется, лихорадочно думал, искал выход из этого нелепого и страшного положения.

— Почему вы говорите за всех? — ткнул меня в бок шарикообразный Мотя. — Кто вас уполномочил говорить за всех? Вас судить надо за одно только воровство детей!

Детей я не воровал. А вот выступать от имени всех мне действительно никто не поручал. Но ведь чувствовал я, чувствовал, что прав.

— Какова ваша позитивная программа? Осуждать могут все, а вот предложить что-нибудь взамен...

Тоже верно. Я знал, что этих существ надо выгнать из поезда, но только что делать потом, я не знал.

И разве мало знать, чего нельзя делать? Разве мало дойти хотя бы до этого?

— Люди! Человеки! Опомнитесь!

Но уже через меня лезли желающие совершить акт подписания договора, который очень быстро, это я чувствовал наверняка, уничтожит нас всех.

— Степан Матвеевич! Иван! Юрий! — Я пытался сдержать напирающих на меня сзади. — Это будет предательством!

— Стойте! — заорал Иван, очень здорово помогая мне. — Стойте!

— Чего стоять?! Сколько мы ещё будем стоять?! Когда двигаться начнём?!

95

Кто-то запел «Врагу не сдаётся наш гордый „Варяг“». Движение какое-то произошло в вагоне, хотя я ещё и не видел, что там такое. Выкрики какие-то, вопли, возгласы. Меж моих ног проскользнул красивенький и что-то быстро шепнул тому, в красной мантии. Старый что-то проскрипел в ответ. И по их виду я вдруг понял, что что-то в поезде происходит не так, как им хотелось бы. Что-то сорвалось или, по крайней мере, начало срываться. А среди выкриков я уже различал боевой клич Валерки из строительного отряда и ещё голоса, молодые, дружные, решительные.

— Ещё маленько, — прохрипел я, сдерживая натиск желающих подписать договор. — Выдержим?

— Выдержим, — кряхтя, согласился Иван.

Да и давление пассажирских масс начало несколько ослабевать. Мои рёбра и спинной хребет это чувствовали.

— Два вагона... — кричал Валерка, но дальше я не расслышал.

— Этим самым, — спокойно сказал красивенький в красной мантии, — вы подвергаете пассажиров великой опасности. Берите, берите на себя такую ответственность. — И он начал демонстративно, но не спеша, свёртывать так и не подписанный договор, словно своими действиями стращал нас. — Понятная, понятная вещь. Трудно решиться. Но мы подождём, подождём. Случаев у нас ещё представится много. Да вы и сами ещё попросите.

Валерка был уже где-то рядом. Да и пассажиры начали вдруг расходиться. Никто уже не толкал меня в спину, не лез через плечо. Скис и Мотя, а жена его выхватила из-под полки горшок и с гордым видом бросилась в туалет. Я был уверен, что Мотя трус. Сам бы он не осмелился подписать документ. Но вот если бы это сделал кто-нибудь другой...

— Студенческий строительный отряд рапортует, — Валерка уже оказался в купе, — что фирменный поезд «Фомич» очищается от красивеньких. Потерь с нашей стороны нет. Часть пассажиров помогает нам, хотя пришлось провести серьёзную разъяснительную работу. — Лицо предводителя студентов горело. — В хвост поезда! — приказал он, и ватага студентов покатилась дальше. Валерка остался с нами.

Седой красивенький и красивенький-посланник нехотя сползли с полки и засеменили к выходу.

— Вы их выбрасываете? — спросил я. — В окна?

— В одном только случае, — ответил Валерка, опускаясь на полку. — Сейчас закончим прочёсывание. А вообще-то они отступали сами. Нам писатель Фёдор объяснил тактику. Надо, говорит, убедить людей, что мы можем обойтись без всяких этих красивеньких, что мы и сами всё можем сделать. И для детей, и для взрослых, и для стариков. Некоторые граждане были очень недовольны. Но у нас в институте были специальные занятия по методам агитации. — И он слегка, машинально подул на свой довольно увесистый кулак.

— Не это было основным доводом? — спросил Иван.

— Да что ты, — засмеялся Валерка, нервно и возбуждённо. — Нет. У нас совершенно другие методы убеждения.

— Затмение нашло, — сказал Степан Матвеевич, ероша свои волосы. — Ведь всё очень доказательно было. Единственный выход. И ведь так хотелось, чтобы это действительно оказалось единственным выходом.

— Ты откуда всё узнал? — спросил меня Иван.

— Что узнал?

— Да что с этими красивенькими нельзя связываться...

— Ниоткуда... Просто я посмотрел, что делается в вагоне. Ведь люди уже звереть начали от их помощи. На меня даже... — Я не договорил. Не хотелось такое говорить про Ингу. Не сама она так со мной разговаривала. Не сама. Это любезные существа говорили её голосом.

Несколько минут все упивались радостью победы. Что-то говорили, возбуждённо спорили. Вернулись и студенты, прочёсывавшие поезд. Красивеньких, кажется, больше в нём не осталось. Они исчезли сами, никто ведь их не выбрасывал, кроме одного, про которого говорил Валерка. Студенты обсуждали моменты борьбы, хохотали, смеялись, выкрикивали: «Вот мы им дали!» — «Да уж будут помнить!» — «Со студентами МПИ хотели поспорить!». И ещё, всё в том же духе.

А Степан Матвеевич уже снова о чём-то думал.

— А не возвратятся? — усомнился Юрий. — Ведь очень даже просто могут возвратиться.

— Не возвратятся, если мы их сами в душе не позовём, — сказал Иван. — Они это очень тонко чувствуют, гады.

— Куда им! — заявил Валерка. Но только он, мне кажется, ещё не до конца понимал, какой опасности подвергался наш поезд.

— Победа! — заорал кто-то из студентов.

Победа-то, действительно, победа. Но, во-первых, есть в поезде и недовольные. Вот, например, сидит отец семейства и спрашивает, в чём теперь заключается наша позитивная программа. Да и ещё немало таких наберётся. Во-вторых, такой программы у нас и в самом деле нет. Победа, а что теперь делать дальше — неизвестно. Ведь так и катится наш поезд без передыху по каким-то солончакам. И не похож этот пейзаж за окнами ни на Восточную, ни на Западную Сибирь. А в-третьих, правильно ли мы всё-таки поступили? Справимся ли мы сами?

И вот возбуждение после победы прошло. Прошло опьянение и восторг.

— Двинулись к себе, — предложил Иван. — Может, только теперь всё и начинается?

— Что «всё»? — спросил кто-то из студентов.

— Да откуда я знаю, что нам предстоит ещё изведать? Вот ведь чертовщина какая! Надо что-то делать, а что — неизвестно.

— Пошли, — поддержал его Степан Матвеевич.

— Пошли так пошли. — И мы гуськом потянулись через купе. Мы уже были известны как какой-то «мозговой центр» попавшего в передрягу поезда. И нас встречали по-разному. Одни словно поздравляли с заслуженной победой. Другие задавали вопросы, на которые у нас не было ответов. Третьи провожали молча, но в их взглядах не было ни сочувствия, ни одобрения наших действий.

Что бы там ни было, а наш поезд продолжал нестись в страшное неизвестное. И хорошо или плохо, но, кажется, мы только помогали ему в этом. Вот какая мысль вдруг возникла у меня.

96

В первом купе нашего вагона старая компания писателя Фёдора продолжала распивать чудесную бутылку пришельца. И не было этим людям никакого дела до всего, что происходило вокруг. Они были довольны и тем, что имели, и счастливы, что бутылка бездонная. Но только я сейчас не хотел

такого счастья. И даже не в бутылке дело. Совсем в другом сейчас было дело. Просто они не видели или не хотели видеть ничего, что происходило вокруг них. Ни до чего постороннего им не было дела.

Тётя Маша и вторая проводница, имени которой я не знал до сих пор, всё-таки начали разносить чай, готовившийся с самого утра, а ведь уже наступило обеденное время. И жара, чёртова жара снова навалилась с неба. А в открытые окна вагона вместо прохлады врывался всё тот же жар с примесью песка и пыли.

Честь студентов и добровольцы из пассажиров начали разносить из вагона-ресторана сухие пайки для взрослых, жиденький суп и малюсенькие не то бифштексы, не то котлеты по-украински для детей и стариков. Надо полагать, что запасы пищи в вагоне-ресторане иссякали. Да и продукты у самих пассажиров — тоже. Ведь много было таких, как я, Степан Матвеевич, Иван или студенты, которые не брали с собой вообще ничего, надеясь на буфеты, рестораны и базарчики не небольших станциях.

Звенели чайные ложки в стаканах уже и в нашем купе. «Мозговой центр» принялся помешивать сахар, но я сначала прошёл в купе Инги. Хотя с ними ничего страшного и не произошло, но на душе у меня всё равно было как-то неспокойно, нехорошо.

Я вошёл и сел на краешек скамьи. Девушек-студенток не было на месте, ну да у них работы сейчас, конечно, было предостаточно. Зинаиды Павловны — тоже. Она наверняка оказывала какую-нибудь помощь нуждающимся в том пассажирам. И со мной рядом оказались только Инга да Тося, ся чем-то испуганная, рассерженная, и не поймёшь какая. Ну, словом, не такая, когда на неё можно было заглядеться. Ивану, конечно, а не мне. Но всё же... Сашенька, сидевший в самом углу на полке рядом с Ингой, тоже был какой-то накуксившийся, словно у него отобрали любимую игрушку. Да это, впрочем, так и было. Ведь никаких кубиков, таких необычных и интересных, сейчас в купе не было. Маленькая Валентина лежала у Инги на коленях и таращила глазёнки, словно собиралась заплакать. А Инга была совсем, совсем чужая.

— Вот и такая я могу быть, — сказала она. — Видел?

— Видел, Инга. Только это вовсе не ты, это всё препротивные существа. Выбрось всё из головы, выбрось! Ты ещё не знаешь, что они успели сделать со всем поездом?

— Что?

— Да ведь пассажиры почти все перессорились друг с другом. Чуть драки уже не начались. Ведь им, красивеньким, что нужно было? Им нужно было, чтобы мы друг другу глотки

перегрызли. Сами, без всякого постороннего подстрекательства, по собственному желанию. Пришелец рассказывал, что они на некоторых планетах делают. Чистые, стерильные планетки получаются.

— Не знаю... Я ведь на тебя и в самом деле рассердилась. С ребёнком ты не найдёшь времени заняться. А тут такая помощь...

— Это только кажется, что помощь... А с Сашенькой я займусь. Мы с ним такие игры придумаем! Правда ведь, Саша?

Сын недоверчиво посмотрел на меня. А ведь и в самом деле. Если ему четыре года и он мой сын, то, значит, играл же ведь я с ним в эти прошедшие для него годы. Может, хоть он помнит, как я с ним играл, потому что для меня-то эти четыре года пролетели за одну короткую ночь.

— В какую игру мы с тобой, Саша, больше всего любим играть?

— В сыщики-разбойники, — недоверчиво произнёс мой сын.

— Правильно. Я тоже люблю играть в сыщики-разбойники.

— Сейчас?

— Да где же мы сейчас с тобой будем играть? Для этого ведь нужен большой двор с секретами или лес.

— А двор у нас не большой. Маленький. Давай играть в лесу.

Двор у нас в Марграде действительно был маленький. В таком особенно и не разыграешься. Однако он всё это знал... Знал!

— Вот как только приедем домой, так сразу начнём играть в сыщики-разбойники.

— И Васька будет играть?

— Какой Васька?

— А который всё плачет... Его тронешь, а он сразу плакать...

— А... Это из двенадцатой квартиры?

— Ну рядом с нами который живёт.

Рядом с нами действительно жил плаксивый Васька. Только откуда Сашенька мог это знать? Или совсем наоборот — не мог его не знать?

— А откуда ты его знаешь? — спросил я.

— Я его не трогаю, — сообщил сын. — Я его никогда не трогаю.

— А ещё что ты знаешь? — спросил я, хотя спрашивать сейчас, может быть, и не стоило.

Сын посмотрел на меня непонимающе. Уж очень общий вопрос я задал. Надо бы поконкретнее.

— Он мне всё про нашу... про твою квартиру рассказал, — сказала Инга. — Не знаю только, сочинил или на самом деле так...

— И что же он рассказал?

— Где диван стоит, где стол, где угол с игрушками...

— Ну-ка, ну-ка, — поощрил я сына. — Где у нас стоит диван? — И ещё несколько таких же вопросов.

Сын отвечал. И в общем-то правильно. Про угол с игрушками я, конечно, не мог знать. Но угол такой существовал теперь непременно, а если ещё и нет, то уж наверняка будет существовать и именно такой, о каком мне сейчас рассказывал сын.

Мы поболтали ещё о том, о сём. Инга немного потеплела. И даже Тося начала принимать участие в разговоре, хотя уже ни разу не сказала: «Ах, как это интересно!». И о Семёне ни разу не спросила. Да что о Семёне! Она и ни о чём не спрашивала, словно сейчас ей всё было совершенно безразлично. Она выглядела слишком уж подавленной.

Маленькая Валентинушка всё-таки расплакалась. Инга захлопотала, что-то там начала делать, для меня совершенно непонятное, и даже Тося приняла деятельное участие в этой неразберихе.

— Сосать она хочет, — сказала Инга. — Я пойду с ней к нашей кормилице. А ты, Артём, уж побудь с Сашей.

— Конечно, конечно. Не беспокойся.

— Я могу с Сашенькой остаться, — предложила Тося.

— Не беспокойся, Тося. Спасибо. Я, наверное, и сам справлюсь.

Но не успела Инга выйти из купе, как появился Степан Матвеевич, и я понял, что мне необходимо идти на очередной совет «мозгового центра».

— Ладно уж, иди, — разрешила Инга.

— А двери кто тебе откроет? — спросил я.

Всё разрешилось таким образом. Тося с Ингой пошли в соседний вагон, а Сашеньку я взял с собой на «совещание». Ему могло быть там даже и интереснее.

97

В купе вернулись и Валерий Михайлович с Фёдором. Причем у Фёдора был какой-то совершенно невозможный вид, словно он страдал с похмелья. Но ведь он уже бросил это прилипчивое занятие. И сейчас был трезв, хотя видок у него всё же был не лучший из возможных.

Злосчастный магазин снова упаковали в чемодан и поставили под нижнюю полку на пол. Они тут, оказывается, немного поспорили о возможности такого действия. Вдруг вернётся Семён! Но нет. Сейчас он не мог сделать этого даже в принципе. Макет Марградского универмага являл сейчас собою только обычный макет. Непонятные способности его исчезли, унеся с собой единственный имевшийся у нас канал связи.

А связь через аппаратуру, собранную Юрием, никак не налаживалась, хотя сообщения посылались регулярно. Дублировались они и по радио с электровоза. Но только ответа до сих пор никакого не поступало. Словно канули мы не то в вечность, не то в бесконечность пространства и времени.

И начальник поезда уже сидел тут, да и вообще места было не очень много, но мне тотчас же уступили удобное, и я даже не стал возражать. Всё-таки я был с ребёнком, а с ребёнком, я слышал, полагаются какие-то льготы даже на транспорте.

Председателем собрания снова был Степан Матвеевич. Он начал так:

— Мы уже много раз прикидывали, что же произошло с нашим поездом, но ни до чего хорошего не дообсуждались. Попробуем ещё раз. А может, и не раз, но только нам нужно как можно скорее понять, что же с нами произошло. Предлагаю сухое питание взрослым сегодня не выдавать. Не всем. конечно. Кое-кто будет возражать. Но те, кто согласится, получит от нас большое спасибо. На вас я надеюсь.

Никто не возразил, только Валерий Михайлович спросил:

— Что, так серьёзно?

— Запасов продовольствия в поезде мало, а сколько нам ещё придется колесить — неизвестно. Но без пищи некоторое время можно прожить, а вот без воды... А воды в поезде ещё меньше. Никто не обратил на это внимания раньше, пока вот товарищ начальник поезда не напомнил. А в поезде дети, старики, в одном вагоне даже едет тяжело больной человек после операции. Да мало ли что ещё. Прошу высказывать всё, что придёт в голову. Правда, все наши предыдущие попытки приводили только к тому, что наше положение становилось всё более и более тяжёлым...

Степан Матвеевич замолчал, но никто после него не заговорил. Все ждали, что начнёт кто-нибудь другой.

Я снял с сына рубашку. Не знаю, так ли положено делать в подобных случаях, но только ему было очень жарко, а ничего лучшего я не мог придумать.

— Начнём с другой реальности, пожалуй, — предложил Иван.

— Пожалуйста, — согласился Степан Матвеевич.

— У нас ещё с самого начала было предположение, — продолжил Иван, — что поезд попал в другую реальность. Мы со Степаном Матвеевичем это очень долго обсуждали. Прецедента в мировой практике, конечно, нет. Но и вообще такого прецедента, как наш поезд, никогда не было. Так что дело не в прецеденте. Попадать в другие реальности раньше мог только один человек, по крайней мере, из известных нам сейчас. Этот человек — Степан Матвеевич. Было даже предположение, что Степан Матвеевич каким-то образом увлёк и весь наш поезд в другую реальность. Но... Но тут есть много «против». Настолько много, что версия эта, по-видимому, отпадает. И всё же. Именно сейчас, когда Степан Матвеевич едет в нашем вагоне, страшная способность его исчезла. Да, исчезла. За эти два неполных дня на земном шаре произведено не менее десятка запусков в прошлое. И ни одно из них товарища Граммовесова не задело. Так что тут скорее наоборот. Исчезло это явление. Исчезло. Мы очень тщательно изучили все программы запусков, а они у Степана Матвеевича, как у заинтересованного лица, есть, и пришли к неопровержимому выводу, что другие реальности тут ни при чём. И ещё. Если кто-то и попадает в другую реальность, то для него события долгое время текут именно так, как и в нашей реальности. Этим и оправдываются для науки сами путешествия в прошлое. Иначе они были бы совершенно бесполезны. Даже попади наш поезд в другую реальность, ничего подобного нашему положению произойти не могло. Ни одно явление, произошедшее здесь, всё равно не объясняет другой реальности. И вот теперь первое, чего с нашим поездом не может быть: наш фирменный поезд не попал в другую реальность.

Ну, кроме самого Ивана и Степана Матвеевича мало кто понимал в этих самых путешествиях в прошлое и в сопутствующих им эффектах. Правда, вопросы задавали, и наивные, и глубокомысленные, но только ответы ещё более доказывали, что случившееся с нашим поездом никакой другой реальностью не объяснишь. В нашей, родной, самой что ни на есть настоящей реальности выкидывал штучки фирменный поезд «Фомич». Задал вопрос и я. Это всё недавнее «вдруг», которое словно стукнуло меня в голову, сообщило, что оно есть, но забыло сказать, в чём оно заключается. А спросил я вот о чём:

— Степан Матвеевич, утеря этой самой способности переноситься в другую реальность с каждым запуском в прошлое вам нравится? Ну то есть вы довольны, что избавились от неё?

— Иван уже спрашивал об этом... Вы, Артём, не знаете, как это страшно...

— Значит?

— Да. Я бы всё отдал, чтобы избавиться от такой способности. Я за тем и еду в Марград. А что вы имели в виду?

— Да просто... Сам не знаю. Спросил и всё.

— Ну, вы просто не спросите. Мысль у вас, наверное, какая-то возникла. Если это так, то, пожалуйста, не скрывайте, какой бы нелепой она ни казалась на первый взгляд.

— Ей-богу, спросил просто так, без всякой задней мысли.

Кажется, Степан Матвеевич мне не поверил.

Но я действительно спросил просто так. Только просто так ничего не бывает. Наверное, в подсознании у меня что-то крутилось, но в самом сознании ещё не оформилось никакой мысли, из-за которой я мог бы задать такой вопрос, показавшийся Граммовесову странным.

— Так что идею другой реальности придётся отбросить и искать что-нибудь другое, — заключил Иван.

98

— Что же было следующим? — спросил Фёдор.

— Бабуся, — напомнил Иван.

— Бабуся с её магазином. Но тут скорее её сын Афиноген, — сказал Степан Матвеевич. — А разговаривал с ней ночью Артём. Пусть он и расскажет об этом разговоре.

— Хорошо, — ответил я. — Но только по последовательности событий сначала был всё же товарищ пришелец.

— Да, да. А кто может толково выступить по этому поводу?

— Тут скорее всего подошёл бы Семён, — сказал я. — Но Семёна нет. А он, похоже, и раньше интересовался пришельцами. По крайней мере, у него даже и литература была о внеземных цивилизациях.

— С Семёном ничего не выйдет, — сказал Валерий Михайлович. — Нет Семёна.

— Может, Тося, — неуверенно предложил я.

— А она согласится? — спросил Степан Матвеевич.

— Она, правда, сейчас немного как бы не в себе, расстроена очень. Но её понять можно. Пойду позову.

Я прошёл в купе Инги, но оно ещё было пусто.

— Где мама? — спросил сын, державшийся за мою руку.

— Мама пошла покормить маленькую Валюшеньку, — пояснил я. — Она скоро придёт.

— И тётя Тося тоже?

— А тётя Тося им двери открывает, чтобы маму и маленькую Валентину не прижало.

— Я тоже хочу с ними.

— Но ведь это совершенно женское дело. А мы с тобой мужчины. У нас тоже интересные дела есть. Булем вот с дядями разговаривать.

Но разговаривать с дядями моему сыну, кажется, не очень нравилось. Мы уже было собрались ни с чем возвратиться в купе «мозгового центра», как отворилась дверь, ведущая из тамбура в коридорчик, и появилась Инга с Валентиной на руках, а за ней и Тося.

— Ну, как всё прошло? — поинтересовался я.

— Нормально, Артём. Только вот девочку надо бы выкупать. А где?

— Полдня осталось, — сказал я. — А там ночь. И мы уже дома.

— Дома? — подозрительно спросила она. — Вы уже всё решили?

— Нет, Инга. Ничего мы пока не решили. Навечно только отбросили одну версию случившегося. Да только сколько их ещё осталось? А я пришёл за Тосей. Тося, там тебя просят рассказать о пришельце.

— Господи... О каком пришельце?

— Ну вообще... Расскажешь, давно ли вы интересуетесь пришельцами. Не встречалось ли вам и раньше что-нибудь необыкновенное? Да и о товарище Обыкновеннове. Может, мы чего не заметили, а ты заметила.

— Мне не хочется туда идти, Артём, — сказала Тося. — Мне очень не хочется.

— Я понимаю...

— Ты понимаешь?! — вдруг разозлилась она. — Да что ты понимаешь?

— Ну, что тебе не хочется идти туда. Конечно, тут нельзя насильно. Да только вдруг ты что сможешь посоветовать...

— Вас там вон сколько собралось! А что я? Что у меня интересного-то было? Наверное, это пришелец. И всё. Я и замуж-то за... — Она не договорила, замолчала.

— Ну ладно. Ты прости, Тося, что мы к тебе со своими заботами. Это всё оттого, что никто ничего не понимает.

— А я понимаю? Вы хоть что-то понимаете, вообще, когда всё нормально! А я и там ничего не понимаю. Мастерская да огород, телевизор ещё... — Тося, кажется, была готова заплакать.

— Ничего, Тося, — попытался успокоить я её. — Ведь всякое бывает в жизни. Вот и пословица есть...

— Бывает... — сказала она. Нет, сейчас она не заплачет. Что-то злое появилось в её лице. Злое и страдальческое, оби-

женное. — Со всеми бывает, только не со мной. У меня и не было ничего...

— Оставь Сашеньку здесь, — сказала Инга. — Когда надо будет побыть с ним, я скажу.

— Да я и сам могу...

— Ладно, ладно. Иди. Уж хоть бы поскорее всё это кончилось.

— Хочу на верхнюю полку, — сказал сын.

— Упадёшь ещё.

— Нет... Хочу.

— Подсадить его? — спросил я у Инги.

— Нет, нет. На какую ещё полку? Сиди вот здесь.

Мальчишка чуть было не начал хныкать.

— Ты вот что, Саша, — сказал я. — Ты лучше сестру охраняй. Она ещё видишь какая маленькая. Она может упасть с полки. Вот ты и смотри, чтобы она не скатилась. Это задание тебе такое. Хорошо?

— А она... она ещё не умеет ходить... — растерянно сказал сын.

— Конечно, не умеет, вот за ней и надо смотреть.

— Да уж усмотрю как-нибудь, — усмехнулась Инга.

— Нет, я буду смотреть, — запротестовал сын. — Мне папа сказал. Да?

— Да, да. Только смотри осторожнее.

— А как это?

— Ну, ты смотри... Играй вот с книжками, а сам иногда посматривай, что с ней.

— Ладно... — всё ещё сомневался мальчишка. Но всё же он был уже заинтересован. Да и книжки оказались с картинками. Одна называлась «Дон Кихот». Это из библиотеки строительного отряда.

— Хорошо, — сказал я, собираясь снова идти на своё заседание. — Пойду.

— И я, — совершенно неожиданно заявила Тося. — Я тоже хочу. Мне никогда не было так интересно, как в этом поезде... сначала. Я знала, знала, что пришельцы существуют. Мне Семён всё объяснил.

99

Я кивнул Инге, и мы с Тосей пошли в наше купе. Там о чём-то, конечно же, говорили, но выжидательно замолчали, как только мы вошли. Иван выглядел спокойным, немного хмурым, но всё же спокойным. И бежать, кажется, при виде Тоси

не собирался. Тосю посадили. И она уселась с совершенно независимым видом, настроенная чуть враждебно.

— Скажите, пожалуйста, Таисия... э... простите, — начал Степан Матвеевич.

— Да просто — Тося и всё, — прервала его женщина.

— Э-э... Тося, мы вот хотели узнать, если это только не обидит вас...

— Не обидит, не беспокойтесь. Меня теперь уже ничто не обидит.

— Однако вы уже несколько обижены... Я, то есть мы все не хотели...

— Задавайте ваши вопросы без всяких вступлений. На что смогу — отвечу. А нет, так уж не взыщите.

— Именно, именно, — обрадовался Степан Матвеевич. — Мы про пришельца хотели спросить. Ведь всё-таки странно, что в нашем поезде оказался пришелец, товарищ Обыкновеннов. Вещь почти невероятная. Совершенно невероятная. Невозможная. Никогда бы и не поверил, что такое возможно, если бы не видел сам. Впрочем, я и сейчас не верю. Но это не имеет значения. Вот вы, простите, с Семёном...

— Да перестаньте вы, Степан Матвеевич, извиняться. Спрашивайте, что нужно! — сказала Тося раздражённо.

— Давайте, Степан Матвеевич, и в самом деле ближе к делу, — попросил я.

— Именно, именно, — ещё более обрадовался Граммовесов. — Вам никогда ранее не встречались пришельцы?

Вопрос прозвучал бы дико, но только не сейчас. Здесь было много и ещё более дикого, непонятного, действительно невозможного.

— Нет, не встречались.

— А что, Семён... давно интересуется внеземными цивилизациями?

— Говорит, что давно. Он целую библиотеку собрал. И книги, и журнальные статьи, и из газет. Он два раза показывал мне летающие тарелки, только потом оказывалось, что это не летающие тарелки, а оптический обман. А Семён не верил, что это оптический обман. Он даже однажды зимой пробу снега брал с того места, где, как ему показалось, садилась такая тарелка.

— И что же?

— На анализ куда-то носил, но ничего интересного не оказалось.

Тося отвечала толково, коротко, понимая существо вопроса. И уже вовсе не казалась она мне человеком, который ничего в жизни не видел интересного. Что-то в ней было. Страсти, что ли, какие-то в ней кипели, глубоко, глубоко в душе и рвались наружу? Или ещё что?

— Вот вы ведь, Тося, — сказал я, — и не удивились совершенно, что пришелец объявился в нашем купе? Обрадовались только.

— А что тут было удивляться. Я обрадовалась и, впрочем, даже удивилась, только, наверное, не так, как вы. Вы удивились и не поверили, что такое может быть. А я удивилась только тому, что мне так здорово повезло, что именно я увидела пришельца. Я и знала, что когда-нибудь увижу его. Даже наверняка знала, что это произойдёт в самом ближайшем будущем, может быть, и в этом поезде, потому что настроение у меня было такое... Не могу объяснить, но только было.

— А Семён? — спросил Степан Матвеевич.

— Что — Семён? Ну что вам Семён?!

— Извините...

— Семён не хуже вас, если хотите знать. Это вы! Вы его...

— Ради Бога! — взмолился Степан Матвеевич. — Да я разве об этом. Я о товарище Обыкновеннове.

— Тут ведь знаешь как всё перепуталось? — сказал я Тосе, пытаясь сбить вспышку её нервозного вызова.

— Знаю, знаю! Семён, если хотите знать, тоже верил, что скоро встретит пришельца. Он даже что-то там вычислял...

— Интересно, — сказал Степан Матвеевич.

— Никогда бы не пришло в голову такое, — обескураженно сказал писатель Фёдор.

— Что не пришло? — не понял Граммовесов.

— Да что пришельца встречу, — пояснил Фёдор. — Вроде бы и сам фантастические рассказы пишу.

— Да, да, — сказал Степан Матвеевич. — Мы и до ваших рассказов дойдём.

— Ого! — удивился Фёдор. — Прошу пардону!

— Только сначала закончим с пришельцем. Глупо, но ведь мы его не успели даже расспросить. Он, конечно, много рассказывал сам, даже помог нам очень, и всё же... Вот сейчас бы с ним поговорить.

— Это всё тётя Маша, — подсказал Юрий.

— Какая такая тётя Маша? — просунула к нам в купе голову проводница. — Какая тётя Маша?

— Ничего, ничего, — солидно произнёс Валерий Михайлович. — Уважаемая тётя Маша, у нас технический совет.

— Знаю я ваши советы! В первом купе вон всё совещаются! А без билетов ни один пассажир не имеет права кататься!

— Не имеет, не имеет, — успокоили её.

— Выметать буду, — сообщила тётя Маша.

Этого сейчас нам не хватало. Удивительна способность некоторых людей драить, например, поручни тонущего корабля.

— Не надо здесь выметать, — попросили её. — Да у нас и так чисто.

— А у нас в фирменном поезде должна быть чистота и порядок! — заявила тётя Маша, старательно не глядя в сторону начальника поезда.

— Да ладно тебе, Ивановна, — остановил её начальник. — Тут люди наукой занимаются. А наука, слышишь, всё может!

— А вот подмести пол ваша наука не может! — отразила тётя Маша.

— Женское дело, — пояснил начальник поезда. — В другом, другом купе давай. А здесь люди собрались.

— Вижу, что собрались, — недовольно сказала проводница. — Ишь, расселись! — Но выселение нам уже не грозило. Тётя Маша пошла дальше.

100

— А кто-нибудь ещё ожидал визита пришельцев? — неожиданно спросил Иван. Очень толковый и правильный вопрос задал он. И голос у него был соответственный, твёрдый. Такой не дрогнет, если потребуется. Он даже на Тосю взглянул, но так, словно впервые и видел её.

— Я уже говорил, что и в голову не приходило, — сказал Фёдор.

— Я специалист только по сегнетоэлектрикам, — заявил Валерий Михайлович. — И пришельцами, извините, никогда не интересовался. Пробел, но времени, понимаете, и так полнейший дефицит.

— Да кто это такие — пришельцы? — спросил начальник поезда.

— Это которые без билетов ездят! — донёсся откуда-то из конца вагона голос проводницы.

— На других планетах живут, — попытался доходчиво объяснить Степан Матвеевич. — На Марсе, например, или на Луне.

— Ишь, до чего, бедные, дошли! — удивился начальник поезда. Пожалуй что, он до сегодняшнего разговора никогда не думал о пришельцах. Тут всё было ясно.

— Я не верил, — сказал я. — Вероятность ничтожно мала.

— Ни в Бога, ни в чёрта не верим! — сказал Валерка. — Если пришельцы, то пусть по-человечески пошлют с орбиты запрос, как в нормальных научно-фантастических романах, а не так, с бухты-барахты.

Конечно, товарищ Обыкновеннов нарушил субординацию возможных контактов между двумя развитыми цивилизациями, но я не винил его в этом.

— Ни в одной реальности такого не было, — сказал Степан Матвеевич.

Словом, оказалось, что никто в пришельцев не верил, кроме Тоси. Не высказался лишь Иван. Но его рационализм был мне уже немножко известен. Я нисколько не сомневался, что он сейчас и выскажется в таком духе. Но Иван неожиданно сказал:

— Возможно. Я считаю, что это возможно.

Может, Тося и чувствовала себя среди нас, неверующих, дурой, когда все так категорически доказывали, что пришельцев в нашей Солнечной системе не может быть, но высказывание Ивана её немного приободрило. Она даже взглянула на него благодарно. Да и вообще у неё не было причин не глядеть на него по-человечески, спокойно, во всяком случае. Но она взглянула именно благодарно.

— Спасибо, — сказала Тося.

— Да я так, — отозвался Иван, — просто... Почему нет?

— И что же мы выведем из нашего разговора о пришельце? — спросил писатель Фёдор.

— А действительно... Что? — спросил и Юрий.

— Во-первых, — сказал Степан Матвеевич, — придётся признать, что таковой действительно дважды посетил наш вагон...

А что во-вторых, он почему-то не договорил.

— Да что во-вторых-то? — не утерпел Юрий.

— Во-вторых, во-вторых...

— А во-вторых, по-моему, — сказал Иван, — во-вторых, этот товарищ Обыкновеннов не имеет отношения к тому, что произошло с нашим поездом. Более того, он даже объяснить не может, что с нами произошло.

— Он тут говорил что-то о разрыве причинно-следственных связей, — начал я. — И что-то в этом есть...

— Да что? — не унимался Юрий.

— Какой-то недетерминированный мир... Явления происходят без всякой причины. И даже связи между ними нет. При чём, например, наше исчезновение в сети железных дорог страны и сосна на крыше вагона? Да и многое другое...

— Почему прервалась связь? — подсказал Юрий. Этот пункт, видимо, тревожил его больше всего.

Странного и необъяснимого было много. Уже и перечислять в очередной раз начали. Вспомнили и бутылку, и самодвижущийся перрон Балюбинска, и многое другое.

— Подождите, — остановил этот поток Степан Матвеевич. — Давайте-ка по порядку. Покончим сначала с одним.

Я про товарища Обыкновеннова. Пришли ли мы к выводу, что он действительно не имеет отношения к тому, что с нами произошло? Или нет?

— Пожалуй, пришли, — неуверенно сказал писатель Фёдор.

— Пришли, пришли, что тут ещё обсуждать. — Поехали дальше.

— Скорее всего, не так, — сказал Иван. — Этот товарищ оказался втянутым в круг наших странностей, хотя в какой-то степени он и сам является этой самой странностью.

— Ты только что говорил другое, — сказал я.

— Нет, нет, то же самое. Я вот что хочу сказать. Товарищ Обыкновеннов дважды оказывался здесь именно по причине разрыва причинно-следственных связей. То есть он сам — не причина наших злоключений. И если уж докапываться до действительной причины, то его из предполагаемого списка можно вычеркнуть.

— А бутылку? — спросил писатель. — Бутылку тоже спишете?

— Я бы и бутылку списал, — отозвался Иван. — Ни к чему нам теперь эта бутылка. И лучше, если бы она была обыкновенной.

— Тогда вот ещё что, — вмешался я. — Может, здесь не одна причина, а несколько, или даже столько, сколько необъяснимых явлений?

— Возможно, — согласился Степан Матвеевич. — Только это всё равно не объясняет ничего.

— Да. Верно, — согласился я.

— Покончено, покончено с товарищем пришельцем! — заявил Валерий Михайлович. — Переходим к другому вопросу повестки дня.

— Все согласны? — на всякий случай спросил Граммовесов.

Согласны были все.

101

— Тогда я хотел бы предложить вашему вниманию писателя Фёдора, — сказал Степан Матвеевич.

— О! — засмущался тот. — Прошу пардону, но польщён! Весьма польщён!

— Так я пойду? — спросила у меня Тося.

— Иди, — сказал я. — Иди, Тося. Но если что придумаешь, сообщи, пожалуйста.

— Да что я могу придумать? — тихо сказала она.

— Нет, Тося, нет. Совсем не то.

— А что — то?

— В общем, ты на себя наговариваешь. Но это пройдёт.

— Ничего я не наговариваю, — ответила она, встала и пошла в купе Инги, которое теперь, впрочем, уже стало и её купе.

Иван не сдержался и проводил её очень красноречивым взглядом, восхищённым и чуть грустным. Потом заметил, что я это понял, и зыркнул на меня со злостью. Ведь я заметил его слабость, так решил он. А ему не хотелось, чтобы кто-то думал о нём так.

— Только чем я привлёк внимание общества? — спросил писатель Фёдор. — Уж не безнравственным ли поступком после посещения ресторации? Ещё раз прошу пардону у всех обеспокоенных моим поведением, а особенно у уважаемого Валерия Михайловича.

— Да что вы, Фёдор! — искренне воскликнул Валерий Михайлович. — Я теперь себя человеком чувствую. Я ведь теперь понял, что такое вещи.

— На всякий случай, на всякий случай, — радостно бормотал Фёдор.

— Вот это самое я и хочу выяснить. Что это за способность у вас такая, Фёдор?

— Таинственно, таинственно, — согласился Фёдор, но ничего не объяснил.

— Понимаю! — вскричал Валерий Михайлович. Он сейчас был очень расположен к Фёдору, несмотря на их вчерашний инцидент. — Фёдор пишет, а всё, о чём он написал, происходит на самом деле! Это вы хотели сказать, Степан Матвеевич?

— Именно, именно...

— А ведь рассказы-то у Фёдора фантастические, — подсказал я.

— Фантастические, фантастические, — согласился Фёдор, — только, прошу пардону, не имеют никакого отношения к научной фантастике. Просто фантастические! Имею пристрастие описывать невозможные с научной точки зрения события.

— А у вас нет какой-нибудь повести, романа, сюжета, просто рассказа о поезде?

— Степан Матвеевич! — крикнул я. — Уж неужели вы имеете в виду...

— Договорились же обсуждать всё, что только может прийти в голову.

— Это так, но...

— Повестей и романов не пишу, — сообщил Фёдор. — Работаю, так сказать, в самом трудном жанре.

— И всё-таки, Фёдор. Нет ли у вас пусть рассказа, в котором вы описываете поезд, который попал в переделку, потерялся, например, или ещё что с ним произошло?

— Абсолютно понял! — воскликнул Фёдор. — Большая честь, большая честь! Но нет, не осилю, не осилю! Времени, да и бумаги не хватит.

— Вы поняли, о чём я спрашивал? — обратился Степан Матвеевич ко всем присутствующим. — То, что пишет писатель Фёдор, сбывается на самом деле. Вот я его и спросил, не писал ли он что-нибудь о поезде.

— Слаб, слаб... — печально сказал Фёдор и даже опустил голову.

— Значит, ничего такого?

— Ничего, совершенно ничего... Я уж думал. Артемий знает, я ему говорил.

— Что вы ему говорили?

— Я уже хотел написать повесть о том, как поезд вышел из передряги вроде нашей, даже именно нашей, но не одолею, не смогу, времени не хватит, а главное — бумаги.

— Времени у нас может быть предостаточно, — мрачно заявил Граммовесов. — Так окончательно. Вы к нашему непонятному и необъяснимому не причастны?

— Ни сном ни духом! — заявил Фёдор.

Мне показалось, что писательское самолюбие, что ли, у Фёдора оказалось чуть задетым.

— А если потребуется?

— Приложу все силы! Нужны только бумага и стержни! Позвольте начать?

— Да ведь это глупо, — сказал Иван. — Я не про творчество Фёдора говорю, а про то, что его рассказы непременно сбываются на самом деле, вернее, даже каким-то образом влияют на нашу действительность.

— Литература, литература, — глубокомысленно прошептал Валерий Михайлович. — Инженеры, мать их вашу, человеческих душ...

— Я знаю, что литература влияет на процессы, происходящие в обществе, но ведь не таким же способом, не волевым усилием, а опосредованно, через незаметное изменение психики человека, что ли... Не знаю уж как там на самом деле, не специалист, но только не так, как вы говорите.

— В обычных обстоятельствах всё так и происходит, — сказал Степан Матвеевич, — но только обстоятельства у нас сейчас не совсем обычные, лучше даже сказать: совсем необычные. И прецеденты уже были. Да и при случае попробовать можно. Это не повредит, если даже и не поможет.

— Обдумаю, — заверил писатель Фёдор, — приложу все усилия.

— Если будет желание и время, то можно и попробовать, — согласился я, — только вопрос сейчас не в этом. Можем ли мы точно сказать, что и Фёдор, вернее, его творчество не причастно к происшедшему у нас?

— Непричастен ни сном ни духом! — снова воскликнул Фёдор.

— Я думаю, можно сказать твёрдо: нет, — выразил своё мнение Степан Матвеевич.

После некоторых колебаний его поддержали все.

В чём-то другом было дело...

102

Толчки и качания вагона за двое суток стали настолько привычными, что затухание этих колебаний тотчас же было отмечено всеми.

— Останавливаемся! — раздалось из разных купе. — Остановка!

Поезд действительно останавливался.

— Сколько минут стоянка? — спросил кто-то.

— Тамбур открывать не буду! — заявила на весь вагон тётя Маша. — По расписанию никакой остановки нет!

Хорошо и легко жилось тёте Маше. В расписание поездов она верила свято. Нет остановки и всё, потому что и не положено.

— Что бы это могло значить? — спросил Степан Матвеевич.

— Я посмотрю, — предложил Иван и полез в окно, высунувшись в него по пояс. На полном ходу это было бы очень опасно, но сейчас поезд замедлил свой ход до скорости пешехода.

— Ничего не видно. Путь прямой, как линейка, — сказал Иван, возвращаясь в купе. — Пусто кругом, ни домов, ни других строений, даже кустиков нет, не говоря уже о деревьях.

— Пожалуй, выйти надо, — сказал Юрий. — Если что, успею на ходу.

— Прервёмся? — спросил Степан Матвеевич.

— Конечно, конечно...

Нормально-ненормальное течение жизни в нашем поезде, кажется, кончилось.

Все кроме Валерия Михайловича засобирались выходить. Да и пассажиры других купе уже загромождали выход. После

стольких часов беспрерывного ходу поезд наконец останавливался. Уже одно это было интересным само по себе.

Пассажиры громко разговаривали, все были несколько возбуждены и почему-то радостны, хотя причин для этого я никак не мог усмотреть.

— Что там? — крикнула мне Инга.

— Не знаю, — ответил я. — Сейчас выясним.

Начальник поезда пробивался к выходу. А в самом тамбуре кто-то лез поперёк течения и что-то громко кричал, но только слов понять было невозможно. Лишь пачка бумаг в высоко поднятом кулаке говорила, что человек лезет не сам по себе, а выполняет важный служебный долг.

Пробивался он настойчиво, и вскоре уже можно было различить, что это радист поезда. Он был взъерошен, но радостен и возбуждён.

— Вот! — крикнул он, потрясая пачкой бумаг. — Вот! Получил!

— Ответные телефонограммы, — догадался Степан Матвеевич.

— Телефонограммы! — Радист наконец добрался до нашего купе и шлёпнул на столик всю пачку. — Разбирайтесь... Тут такое, что и не поймёшь...

Степан Матвеевич начал читать листки, по одному передавая их нам. Здесь были заверения, что нас спасут, найдут и вызволят. Благодарность, что догадались создать дополнительный канал связи. Предложения не падать духом и держаться. Даже рацион аварийного питания. Одна телефонограмма заинтересовала и Степана Матвеевича, и всех остальных. Это было нечто вроде отчёта о том, что проделано в связи с чемоданом. Оказывается, учёные немедленно связались и с бабусей, и с её внучком Колей в Академгородке Старотайгинска, и с самим Афиногеном в Фомске. Выясняли, проверяли, проводили эксперименты. Вроде что-то там было непонятное с этой самой нуль-упаковкой. Показывал Афиноген и объяснял, но понять его сразу было невозможно. Да к тому же кто-то начал доказывать, что такое явление невозможно в принципе. Афиноген вспылил, потому что это, быть может, была его последняя возможность доказать правоту своей жизни, и разобрал, разломал всё по косточкам, сказав: «Ничего не было, ничего и не будет больше никогда». И тут комиссия окончательно разобралась, что и в самом деле ничего такого таинственного и загадочного нет, а есть просто игрушка, макет. Такое кто хочешь может сделать. И в общем итоге: никакого проникновения через макет Марградского универмага не было и быть не могло. И вообще вся эта ерунда с нуль-упаковкой оказалась ложной паникой. Сам Афиноген вынужден был это признать.

Вот так так... Значит, не было ничего. Ни походов Семёна и Валерия Михайловича, ни всего этого шума в нашем вагоне, ни последнего исчезновения Семёна Кирсанова.

— Да что же это они там?! — сказал я вслух. — Ведь было, было! Не массовая же это галлюцинация? И Семёна нет!

— Странно, однако, — сказал Степан Матвеевич. — Значит, не было ничего такого?

— И главное, — заметил Иван, — сам Афиноген это признал! Я ведь тоже слышал разговор Артёма с бабусей. Не шутила она, да и не могла она так шутить, потому что тут для шутки нужны были специальные знания. А правду она рассказывала, потому что сама видела, и объяснения передавала так, как ей, по-видимому, говорил сам Афиноген. Не-ет... Ишь как обернулось. Не было и всё!

В остальных телефонограммах оказались разнообразные советы, вопросы, пожелания и прочее. Связь, кажется, стала надёжной, и её исчезновения теперь не нужно было бояться.

А поезд-то всё стоял. Стоял себе и стоял, как будто у него здесь, посреди этой голой степи, была большая остановка.

— Теперь ответ, — попросил радист. Работы у него намечалось много, и работа всё интересная, важная, нужная, без которой этому поезду и не обойтись. Радист чувствовал всю ответственность своего положения и не мог, естественно, не гордиться. Да и гордость-то, впрочем, у него была настоящая, мужественная. Настало и для него время свершения подвига!

— Ответ сейчас составим, — сказал Степан Матвеевич. — И всё-таки странно...

103

Я взглянул в коридор и увидел, что народу в нём как не бывало, ушёл народ, вышел то есть из вагона. В жару, в сухую выжженную степь вышел народ. Или уж до того все засиделись, что хоть и в таком месте, а всё же походить, размять ноги.

Иван снова высунулся из окна вагона и замер. Случилось что-то там, за стенами вагона нашего родного поезда. Иван даже присвистнул.

— Что там? — не утерпел я.

Иван вернулся в вагон, неуверенно сказал:

— Станция... — И снова высунулся в окно.

— Станция? — Да ведь никакой станции не было, ведь только что он выглядывал.

Не было, да стало, сделалось, возникло... Тут можно было и не выглядывать из вагона. В окно под моей полкой всё это было прекрасно видно. Станция, крашенные коричневой краской служебные помещения, сквер с фонтаном, буфет, возле которого уже выстроилась очередь, торговки с горячей картошкой и луком, с яйцами и какой-то ягодой, с бутылками молока.

Иван снова вернулся в вагон. Лицо его, да и вся фигура выражали растерянность. Впрочем, несколько растерянны были и все.

— Узнайте название станции, — определил самую важную в настоящее время задачу Степан Матвеевич.

Это он правильно сделал. Название станции! И мы будем знать, где оказались.

А в вагон уже возвращались пассажиры с кульками, пакетами и бутылками, довольные и радостные. Конечно, вот станция или там разъезд какой-то, пищу продают, прогуляться можно. И вообще это уже здорово похоже на настоящую жизнь пассажира в поезде. Теперь доедем, обязательно доедем!

— Мы сейчас узнаем, — сказал Валерка, и они с Михаилом ринулись к выходу. Да и Фёдор с Валерием Михайловичем тоже вдруг засобирались. Не скрою, хотелось спрыгнуть на перрон и мне.

Степан Матвеевич понял снедающее нас нетерпение и сказал:

— Можете идти. Больше информации будет. Постарайтесь узнать как можно больше. Да... Координаты станции, и работает ли здесь телефон-автомат. Тоже может пригодиться.

Это всё мы могли сделать с удовольствием. Я сначала бросился в купе к Инге, где обе женщины и мой сын уже смотрели в окно, удивлённо и радостно.

— Предлагаю выйти, — сказал я. — Все уже вышли. Да и купить, наверное, что-нибудь надо.

— Да куда же я с Валюшенькой? — возразила Инга. — Я тут останусь, а вы с Сашенькой прогуляйтесь.

— Купить что-нибудь?

— Ну уж посмотри сам.

— Есть посмотреть самому! — ответил я. — Давай-ка, Саша, руку. Пойдём посмотрим, что за станция попалась нам.

Мы прошли с ним по опустевшему уже вагону. Тося осталась с Ингой. Не знаю, почему она не пошла с нами, не хотелось оставлять женщину с ребёнком одну в вагоне, что ли? Ну да горячей картошки я уж не забыл бы купить и ей, этой очень милой женщине.

Сходить по ступенькам Сашенька, конечно, не захотел. Его сейчас устраивал только прыжок с самой верхней ступеньки

вагона. Ну... и совершили мы этот самый спуск, ничего страшного не произошло. Приземлились вполне благополучно, не считая маленькой, маленькой ссадины на коленке у мальчишки, на которую и внимания-то обращать не стоило.

Главное здание вокзала, впрочем, маленькое, одноэтажное и невзрачное, стояло недалеко от нашего вагона. И когда мы подошли к нему, я прочёл: «Разъезд 738 километра». Да... Это говорило, конечно, не очень много. Но уж жители-то этого самого разъезда должны были знать, до какого пункта эти 738 километров. Ладно, Иван и студенты всё выяснят. А пока что я с удовольствием шагал по твёрдой земле. Потом мы купили два кулька горячей картошки с луком, пару бутылок молока, мороженое, правда, всё растаявшее и больше похожее на кефир, но всё же сладкое и слегка холодное. Нагруженные продовольственными припасами, мы вернулись в вагон, сложили кульки и бутылки и стали ждать отправления.

104

— Ну, вот видишь, — сказал я Инге, — станция. Хоть и разъезд, а всё равно нормальная станция. Теперь уж доедем.

— Хоть бы скорей! — пожелала Инга. — Девочке очень трудно переносить такую жару.

— А что Зинаида Павловна говорит по этому поводу? — спросил я. Здесь у нас с Ингой вся надежда была на Зинаиду Павловну.

— Да она как ушла в другой вагон, так и не возвращалась ещё. Я уж и беспокоюсь за неё...

— Ну, Зинаида Павловна не пропадёт. Не такой она человек, чтобы пропасть.

— Конечно... Но что-то уж очень долго её нет.

— А ты, Тося, что не выйдешь прогуляться? — спросил я.

— Я не хочу, Артём. Я сейчас ничего не хочу.

— Не надо уж так переживать, — попытался я приободрить её, — всё образуется. Всё будет в лучшем виде, вот сама увидишь.

— И в лучшем виде не хочу. И куда еду теперь, сама не знаю.

— Поедем в Марград, — сказал я, — а там уж разберёмся. Не оставаться же тебе на какой-нибудь промежуточной станции, чтобы потом со всякими пересадками возвращаться в Усть-Манск?

— Да я и в Усть-Манск не хочу. К кому я там приеду? Кто меня ждёт в Усть-Манске?

— Семён... — начал я, даже не зная, что скажу дальше, но Тося перебила меня.

— И Семёна мне не надо... В Фомск вернусь... Или в другой город уеду... Я, Инга и Артём, может, всю свою жизнь начну с самого начала.

— Тут подумать надо, — возразил я.

— И нечего думать! — сказала Инга. — Самое время начать всё с самого начала.

— Да зачем же уж что ни на есть с самого начала? — удивился я. — Не было, что ли, позади ничего? Не может такого быть.

— Не было, — твёрдо сказала Тося.

Ну, советовать что-нибудь женщинам я всегда остерегался, а особенно в таких случаях, как с Тосей. Мало ли что сейчас крутилось у неё в голове? И единственное, что я ей мог искренне посоветовать, — это решать всё спокойно.

Я так и сказал:

— Тося, тут надо всё спокойно решать... Тут не сделать бы ещё большей ошибки.

Тося посмотрела на меня насмешливо.

— Что-то не видела я, чтобы вы всё решали спокойно и с оглядкой, как бы чего не вышло.

— Так ведь у нас, Тося...

— Ну да. У вас другое дело. Знаю. Я тоже хочу, чтобы у меня было другое дело.

Ну вот, она уже чего-то захотела, значит, кризис проходил. И всё равно я ничего не смог бы понять в женщинах. Да и Бог с ними!

— Оставим это... — попросила Тося. — Что-то долго стоит здесь наш поезд.

Поезд, действительно, что-то уж слишком задерживался. Впрочем, ведь теперь он наверняка выбился из всякого расписания, и неизвестно ещё, сколько может тут простоять.

— Пойду спрошу у тёти Маши, — сказал я.

— Иди узнай, — сказала и Инга.

— И я! — заявил Саша.

— Ну пойдём. Давай руку. Сейчас мы всё узнаем.

Тётя Маша стояла в тамбуре. Впервые я увидел её несколько растерянной. Неужели её так расстроило спутанное расписание?

— А ничего я теперь, граждане, не знаю! — сказала она даже с некоторым вызовом. — Всё расписание перепутали!

Выходить ещё раз с сыном я опасался. Как бы поезд не тронулся без всякого предупреждения. Ведь почти все пассажиры сейчас находились на перроне. А ну как все бросятся по вагонам! Что тогда будет-то?

105

К вагону подошёл писатель Фёдор. Вид у него был такой, словно он фланировал по бульвару в попытках убить время. Постояв немного напротив тамбура, он взглянул чуть вверх, то есть на нас, увидел и замахал рукой:

— Выходи, Артемий!

— А если тронется? — спросил я.

— Куда он тронется? Ведь ни паровоза, ни электровоза нет.

— Как нет?!

— А вот так. Нет тягловой силы и всё. И неизвестно куда девалась. Торговки говорят, что поезд-то наш без всякого паровоза и пришёл. Подошёл, остановился и теперь будет стоять неизвестно сколько.

— Что за ерунда? — вырвалось у меня.

— Папа, пойдём погуляем, — заторопил меня сын.

Вообще-то он был прав. Раз паровоза нет, то состав никуда не тронется.

— Сейчас пойдём, — сказал я, и мы снова совершили прыжок с полутораметровой высоты на утоптанный шлак.

— Что же будет? — спросил я Фёдора, но чисто машинально, потому что и писатель знал не больше моего.

— Начальник поезда и Степан Матвеевич пошли звонить на соседнюю станцию.

— А где мы находимся?

— О! — воскликнул Фёдор. — Прошу пардону! У чёрта на куличках!

— Нет, уж ты скажи, если знаешь, — попросил я.

— Где-то в казахских степях...

— Ничего себе! — воскликнул я.

— Папа! Это далеко? — спросил Саша.

— Далеко, далеко...

— А мы ещё дальше будем?

— Ох, не знаю, Саша. Лучше бы оказаться поближе.

— А я хочу, чтобы было далеко, — заявил сын.

— Нет уж, Саша, далеко мы поедем в другой раз.

— А почему не сейчас?

— Сейчас нам надо скорее в Марград.

— Не хочу в Марград, — надувшись, буркнул сын. Но это он сказал просто так. Если бы я завил, что нам надо далеко, он бы наверняка ответил, что не хочет быть далеко. Ну, воспитанием сына в оставшиеся часы я особенно заниматься был не намерен. Может, и не повредят ему эти оставшиеся часы. Вот уж когда приедем...

— Так-так, — сказал я. — Значит, без паровоза?

— Именно, именно, — подтвердил писатель. — А пива нет.

Ну ещё бы ему здесь пиво было! Это не столичный вокзал, на которых, кстати, пиво тоже не всегда бывает.

Если остановка надолго, то не позвать ли всё-таки Ингу погулять? В вагон заходить я не стал, а просто подошёл к окну купе, которое было открыто с самого утра.

— Инга, — позвал я.

Сначала показалась голова Тоси, а потом Зинаиды Павловны.

— Ингу попросите, — сказал я.

Зинаида Павловна ничего не ответила и исчезла.

— Что тебе? — спросила Инга.

— Понимаешь, поезд будет стоять, наверное, долго. Паровоза нет. Может, погуляешь с девочкой?

Инга на мгновение задумалась, потом сказала:

— Нет... Тут... А ты можешь взять Валюшеньку? Там есть где-нибудь тень?

— Есть, есть. Я возьму. Сейчас.

— Только смотри, чтобы Сашенька куда не убежал. Сможешь?

— Смогу, конечно.

— У нас никуда не убежит! — заявил Фёдор, но энтузиазма этим заявлением у моей жены не вызвал. Не пользовался он, наверное, у неё популярностью. Да и его вчерашние возлияния ещё не изгладились из её памяти.

— Ничего, ничего, — сказал я. — Всё будет нормально. Фёдор, подержи Сашу, — передал я сына из рук в руки. — Я мигом. — Сын не возражал и даже, как мне показалось, с интересом и желанием позволил писателю взять себя за руку.

А в вагоне всё-таки было гораздо жарче и душнее, чем на улице.

— Погуляй, папаша, с дочкой, — сказала мне Зинаида Павловна и передала белоснежный свёрток. — Мальцев! Господи! Ну как вы её держите?

— Сейчас, сейчас...

— Да ведь это просто. Возьмите её естественно. Самым простым образом.

— Вот, — сказал я, демонстрируя своё отцовское искусство.

— Ну, теперь похоже... Идите, идите.

Я хоть и был почти целиком занят держанием на руках дочери, всё же заметил, что Зинаида Павловна чем-то очень встревожена. И даже не встревожена, а поражена, испугана. На неё это было мало похоже. Но по тому, как меня выпроваживали из купе, можно было понять, что я им всё-таки

мешаю. Ладно... Какое-то у них своё дело. И пусть. Нам там делать совершенно нечего. И я торжественно, впрочем, на почти совершенно негнущихся ногах проследовал к выходу из вагона.

Получалось у меня! Ей-богу, получалось! Пот хоть и выступил у меня на лбу, но это скорее от духотищи и жары.

С величайшими предосторожностями спустился я по ступенькам вагона. Фёдор с Сашей уже ждали меня. Пассажиры накупили, что кому было нужно, да и не очень-то много можно было здесь накупить, и теперь прогуливались мимо вагонов осиротевшего без электровоза поезда. Мы направились к маленькому фонтанчику. Там и деревья были повыше, и тень погуще. Сын мой крепко держался за широкую ладонь Фёдора, а дочь преспокойно спала на моих чуть вздрагивающих руках.

106

На небе ни облачка. Слабый ветерок иногда шевелит волосы, возникая робко и нерешительно, исчезая же сразу, внезапно.

Задание у меня сейчас было самое что ни на есть важное, и поэтому я сосредоточенно молчал. Меня хватало лишь на то, чтобы иногда поглядывать на сына: не сбежал ли куда. Нет, не собирался он сбегать. Фёдор преспокойно уселся на край фонтанчика, что, может быть, и не разрешалось, но его пока никто не гнал, и начал рассказывать Саше сказку. Я прислушался. Нет, не свои фантазии выкладывал он мальчишке, а самую обыкновенную сказку об Иванушке-дурачке и Змее Горыныче. Это можно, подумал я. Только бы Фёдору не пришли в голову его невероятные и сложные фантазии. Но Фёдор, кажется, и сам понимал это. Нет, теперь только по приказу Степана Матвеевича бросится он писать роман о фирменном поезде «Фомич», если уж ничего другого не останется для нашего спасения.

А дела-то, пожалуй, пошли на улучшение. Разъезд вот. После такого большого перегона на него от счастья нельзя было насмотреться.

Время шло, и пассажиры, по-моему, начали закупки продуктов по второму разу. Торговки, обрадованные неожиданной удачей, наверное, бегали за пополнением своих корзин. Во всяком случае, я заметил несколько женщин преклонного возраста, тащивших тяжёлые корзины. Ах, это они к вагону-ресторану! Ну что ж... Тоже правильно. Ведь запасы самого

ресторана подходили к концу. А теперь будут угощать нас картофелем по-деревенски. Да и сам вагон-ресторан вроде бы изменился. И я не сразу сообразил, что на нём нет сосны, под которой мы с Иваном отдыхали. Вернее, она была срезана почти под корень. Над крышей слегка вырисовывался пенёк. Ну ладно, сейчас не до сосны...

Фёдор уже перешёл к другой сказке, о Кощее Бессмертном. Контакт у него с моим сыном был полный, но я не ревновал. Сейчас пусть всё что угодно, лишь бы дети были спокойны, не нервничали, не плакали, не болели.

Из дверей вокзальчика вышла группа людей в составе Степана Матвеевича, Ивана, Юрия, Валерия Михайловича, Валерки и Михаила. Ну и, конечно, администрации: начальника поезда и кого-то из местных в форменной фуражке, но без железнодорожного кителя, а в обыкновенной штатской одежде.

— Ну что там? — начали задавать им вопросы.

Группа остановилась. Всё это происходило в двух шагах от нас, так что и вопросы, и ответы были слышны хорошо.

— Да что узнали-то?

— Сейчас, товарищи, — сказал Степан Матвеевич. — Сейчас всё узнаете.

— Хорошо бы общее собрание, — посоветовал Валерка.

Конечно, на собрании он бы чувствовал себя в своей тарелке.

— Можно и собрание, — согласился Степан Матвеевич. — Но, впрочем, обойдёмся и без собрания. Ваши студенты потом доложат всем прямо в вагонах.

— Слушаюсь! — вытянулся Валерка.

— Давайте рассказывайте!

— Да что всё-таки с поездом?

— Товарищи, — начал Степан Матвеевич. Вокруг уже собралась довольно значительная толпа пассажиров. — Товарищи! Фирменный поезд «Фомич» заблудился, так сказать, в железнодорожной сети страны!

— Во работают!

— И на железной дороге уже порядка нет!

— Летайте самолётами!

— Куда заблудился-то?

— Поезд оказался в Казахстане. Дорога эта ведёт на Ветринск. Семьсот тридцать восемь километров до Ветринска.

— На черта нам Ветринск?!

— Товарищи, я же объясняю... Дорога эта ведёт на Ветринск, только фирменные поезда здесь обычно не останавливаются. До ближайшей станции двадцать километров. Связаться с Марградом не удалось. Но будем пробиваться. С соседней

станции сообщили, что паровоз нам выслать не могут. И вообще... считают, что это какие-то шутники с ними разговаривают. А со следующей станции через небольшой крюк есть ветка на Марград. Так что, в общем, положение наше несколько, даже очень сильно, улучшилось. Но не окончательно. Надо или гонцов посылать на соседнюю станцию, или...

— Да что «или...»?

— Они там с ума посходили!

— Нет и нет порядка на железных дорогах!

— Тут, говорят, небольшой уклон до самой станции, всего двадцать километров... Попробовать надо... — Степан Матвеевич выжидательно замолчал.

— Да что пробовать-то?

— Поезд толкать! — вырвался вперёд Валерка. — Студенческий отряд в количестве сорока человек согласен толкать поезд! — И когда только он успел узнать об этом согласии. Скорее, он и не сомневался, что если отряд что-то должен сделать, то он это и сделает обязательно. И никто из студентов ни возражать, ни роптать не будет.

— С ума посходили! За свои деньги и ещё поезд толкать! Да видано ли где такое?!

— Можно, конечно, и сидеть ждать, — сказал Степан Матвеевич. — Только ведь жара, дети и прочее...

— А поезд толкать в такую жару — это можно?

— Товарищи! Ведь никто вас и не заставляет. Тут дело добровольное... Ветка-то ведь, на которой мы стоим, раз в сутки, не более, посещается составами. Да и те проходят на полном ходу. Так что, кто не хочет...

— И не подумаем!

Ну, это кричало слишком явное, хоть и громкое, меньшинство.

— Начнём, пожалуй, — предложил Степан Матвеевич.

— Начнём! — раздался студенческий клич, да и неорганизованных молодых людей здесь было предостаточно.

— Спокойнее только, — попросил Степан Матвеевич, — не уроните.

Паники, слава Богу, не возникло. Женщин и детей пропускали вперёд. Некоторые мужчины, правда, решили переодеться в более подходящую для физической работы одежду. А пижамы и спортивные костюмы, в которые было наряжено большинство, вполне подходили к предстоящему увлекательному занятию.

Я вошёл в тамбур с дочерью на руках. Фёдор подсадил Сашеньку, который одно мгновение тоже собирался было толкать поезд, предполагая наверняка, что другой такой возможности в его жизни не возникнет, но только я решитель-

но воспротивился этому. Возраст есть возраст, да и о технике безопасности при подобных работах мой сын пока не имел ни малейшего представления.

107

В вагоне было довольно пусто, а Зинаиды Павловны в купе Инги снова не оказалось. Сама Инга и Тося словно были чем-то расстроены. Я вкратце рассказал, что намерены предпринять пассажиры фирменного поезда, но это не вызвало у женщин никакого интереса.

Я направился к выходу из вагона, но Инга вдруг остановила меня.

— Подожди, Артём!

Я вернулся. Она что-то хотела сообщить, но не решалась или просто боялась.

— Давай, Инга, — поддержала её Тося.

— Понимаешь, Артём... помнишь, я тебе рассказывала, что у Зинаиды Павловны умерли муж и двое детей...

— Помню, — выдавил я из себя, уже почему-то предчувствуя, что скажет мне Инга дальше.

— Она всё по вагонам хлопочет. Уколы кому-то делала, ну и прочее. Всё-таки врач... А потом встретила... ну... понимаешь? Она встретила вдруг... совершенно непостижимо и невозможно...

— Понимаю... — похолодел я. Страшно мне стало за Зинаиду Павловну.

— Она их встретила в девятом вагоне... и мужа, и детей... едут куда-то.

— Да что же это?! — вскрикнула Тося. — Что это за поезд?

— А дальше... — прошептал я.

— Она увидела их... она же очень сильная женщина... поговорила даже с ними... пришла сюда... рассказала нам. Но ведь этого не может быть! Артём, этого не может быть!

— Не может, — согласился я, мгновенно припомнив, сколько невозможного уже произошло в нашем поезде.

— И Зинаида Павловна говорит, что не может такого быть... Понимаешь, она же врач. Она знает, что такого не может быть. Знает, что это или галлюцинация, или сумасшествие...

— Нет, нет, только не это.

— Правильно,— вздохнула Инга. — И Зинаида Павловна говорит, что это ни то, ни другое. Но только тогда их... троих... не может быть... Вот она и пошла сделать так, чтобы их не было.

— Страшно это, — сказала Тося. — Не могу я больше. Я лучше выйду и пойду пешком.

— Да куда же ты пойдёшь, Тося? Успокойся... Ведь уже и станция через двадцать километров.

— Не спасёт нас эта станция!

— Тося, так нельзя! Что это ты совсем распустилась! Соберись!

— Ты не знаешь ещё всего, — перебила меня Инга.

— А что ещё...

— Она ведь поседела... Зинаида Павловна. А ей ведь всего тридцать два года... О Господи!

— Поседела... — прошептал я.

А ведь я уже начал думать, что наши приключения подходят к концу. Да и многие так думают. Вот и Степан Матвеевич, и вся компания, да, наверное, весь поезд...

— Зачем же она пошла снова? — спросил я.

— Она сделает так, чтобы их не было.

— Да как же это можно сделать?

— Не знаю... Но только она будет идти и думать, что их нет, что все они умерли, как это и случилось на самом деле.

— А разве она не хочет, чтобы это было на самом деле?

— Хочет она, Артём, хочет... Но только, говорит, нельзя так.

— Почему?

— Ах, не знаю я ничего. Не знаю. Вот вы всё предположения строите, выходы ищете, а найти ведь ничего не можете. Почему же я? Я тоже ничего не знаю.

— Да-да. Но только мы узнаем! Уж мы узнаем!.. Надо пойти за ней.

— Она просила не ходить...

— Всё равно. Мало ли что она просила. Она, может, сейчас не в себе. Она ведь там чёрт знает что может наделать.

— Я не верю, что ей можно помочь, — сказала Инга. — Тут ничего нельзя сделать.

Милая Зинаида Павловна... Она ведь столько для нас сделала! Да и не только для нас с Ингой, а и для всего поезда, ну то есть для некоторых, конечно. Да только... Я всё равно пойду, хоть издали, да только всё равно буду рядом. Эх, Зинаида Павловна, достал и вас этот поезд...

— Нет, Инга, я пойду поищу её. Не знаю что, а надо что-то делать...

— Я тоже так думаю, — ответила Инга. — Но только боюсь — а вдруг ты лишь помешаешь?

— Я не буду навязчивым, Инга.

— Не знаю... Делай как хочешь.

— Тося, а тебя я умоляю остаться здесь и ничего такого не предпринимать... Ну... Инге вот помоги. — Я сказал это на-

рочно, чтобы она думала, что её помощь необходима. И если только она займётся чем-нибудь, то, может, и мысли её тягостные пройдут. — Я очень прошу тебя, Тося...

— Хорошо, Артём, я останусь, — ответила Тося. Она села на полку, вся какая-то потерянная, безвольная, чрезмерно уставшая. Я её понимал, хотя совершенно абстрактно: что она передумала за эти часы, как исчез Семён? Но только уж когда мы во всём разберёмся, то виновные получат по заслугам за страдания и Тоси, и Зинаиды Павловны, и других...

— Артём! — донеслось в открытое окно всё ещё стоявшего поезда. — Выходи! Сейчас начнём!

108

Я просто выглянул в окно. Кричал Юрий. Всё мужское население поезда, да и кое-кто из женщин, распределились вдоль вагонов... Всё было организованно и спокойно. И хотя конечный результат был никому не известен, люди были полны решимости попробовать. И уж пробовать они, конечно, намерены до полнейшего изнеможения.

— Давай! — замахали мне руками. — Начинаем!

— Я позже, — начал я объяснять своё поведение, — понимаете... Степан Матвеевич! — Но Степан Матвеевич был на достаточно большом расстоянии и меня не услышал.

— Зачем он тебе? — спросил Юрий.

— Да ладно, — махнул я рукой. — Слушай, Юрий. Я выйду позже... Тут нужно Зинаиде Павловне помочь...

— А что с ней? — испугался Юрий.

— Да и сам ещё ничего толком не знаю. Ушла она в какой-то другой вагон. Но вот только повод для беспокойства действительно есть.

— А тебе помощь не нужна? — спросил Иван, стоявший рядом.

— Пока нет, — ответил я.

— Ну ладно, — согласился Юрий, — если нужно, значит, иди.

—.. овились! — раздалось вдоль вагонов.

Я знаю, были случаи, когда люди толкали один вагон. Это даже и по телевидению показывали. Но чтобы целый поезд? Ведь тут всё дело в массе. Не знаю, можно ли раскачать такую махину?

И я пошёл в другой конец вагона.

Окна с северной стороны почти везде были открыты. И в их амбразуры врывались возгласы и крики поднатуживших-

ся в волевом усилии людей, пассажиров. Сейчас я был уверен, что поезд толкают и малочисленные работники разъезда, и более многочисленные торговки. Но поезд пока ни разу не шелохнулся. Ладно... Их там много. А мне нужно было найти Зинаиду Павловну.

Я прошёл несколько вагонов. Трудность была в том, что купе в некоторых мягких были закрыты, а стучать во все подряд мне казалось неудобным.

Совершенно ясно, что настроение у людей заметно улучшилось. А дети воспринимали это беспримерное толкание поезда как интересную игру, хотя непосредственного участия в ней им не разрешали принимать. Но уж понаблюдать из окон, покричать и хотя бы мысленно принять участие в эксперименте запретить им никто не мог, да и не собирался.

Зинаиду Павловну я нашёл в общем вагоне, в пустом купе. Здесь, наверно, ехали одни мужчины и теперь все они были на перроне.

Зинаида Павловна посмотрела на меня спокойно. И я сначала не нашёл повода остановиться и заговорить с ней, а прошёл до конца вагона, и лишь потом вернулся и остановился перед детским врачом в полнейшей растерянности и нерешительности, уже совершенно точно не зная, что делать дальше.

— Вы кого-то ищете, Мальцев? — спросила Зинаида Павловна.

— Нет... то есть да... Вас, Зинаида Павловна.

— Ну вот вы и нашли меня... Что-нибудь с девочкой?

— Нет, нет, Зинаида Павловна. — Я немного осмелел и даже сел на полку напротив женщины. — Я просто искал вас...

— Зачем же?

Я не знал, что сказать.

— Вам, наверное, Инга что-нибудь рассказала? — спросила Зинаида Павловна.

— Да, да... Инга рассказала, — сказал я. — Вы уж простите, что она так сделала... Да только в нашем поезде, кажется, ничего нельзя скрывать друг от друга.

— Понимаю, Мальцев, понимаю... Я рассказывала Инге и Тосе. Я бы и вам рассказала, но вас не было в вагоне. — Зинаида Павловна замолчала.

— Я вас слушаю, Зинаида Павловна.

— Да что тут слушать? — вздохнула Зинаида Павловна. — Семью я свою видела, Мальцев. — Что-то уж слишком спокойно она говорила. — Позвали меня в девятый вагон к мальчику одному... Потом иду назад, а они все трое сидят вот в этом самом купе. И всё так правдоподобно, Мальцев, всё так по-настоящему. Я сначала даже и не удивилась, потому что о

них и думала... Обрадовалась очень. Ну... так, как будто я их месяц не видела, а они в это время где-нибудь на Чёрном море отдыхали, письма мне писали каждый день, и всё-то я о них знала, но очень хотела, чтобы они всё же скорее вернулись назад. Вот они и вернулись... И такие загоревшие, поправившиеся... Я сначала и вправду только очень обрадовалась. Обнимаю их и радуюсь. Спрашиваю, как они там без меня, а сама про них всё, всё знаю. Они рассказывают наперебой. А я слушаю и всё радуюсь, только радуюсь и больше ничего... Минут десять прошло... вспомнила я, что их ведь уже давно нет... Как рвануло меня что-то, Мальцев, изнутри. Страх какой-то и боль. А отпустить их не могу. И уже знаю, что невозможно то, что я вижу, а согласиться с этим не могу. Ничего не понимаю... Потом подумала, что это сумасшествие, но уж очень сладкое и страшное. А сама понимаю, что это невозможно. Ну для чего всё это, Мальцев? Ведь это страшно... Как перенести это? У меня уже и сил никаких не осталось... Не знаю как, но встала и говорю: «Я сейчас вернусь, одну минуточку только, и вернусь»... Они и отпустили меня. Я к себе в вагон, к Инге, к Тосе... Плачу, реву, ничего не вижу вокруг. К Инге упала на колени, а сказать ничего не могу. Они что-то говорят мне, не слышу, не понимаю, чувствую только, что со мной случилось что-то страшное, жуткое. С горем пополам рассказала... Поплакали все трое. Мне вроде бы и легче стало... Невозможно их появление... Наверное, всё потому, что я последнее время только о них и думала, и даже о том, что они на юге отдыхают, тоже думала. Но только раз всё это из моих мыслей, то и заставить их исчезнуть я должна сама. Шла назад и уже знала, что заставлю их исчезнуть. Иначе мне этого не вынести... А они всё так и сидят. Рассказывать начали, Мальцев, о том, как они отдыхали... А я на них смотрю и глаз не могу оторвать... Чувствую, что ещё немного, и я соглашусь со всем, что происходит... Знаю, что надо глаза закрыть, а не могу, сил нет... Потом упала на столик и твержу себе: нет, нет, нет! А они меня успокаивают. Что с тобой, мама? Неужели ты не рада нам? А я всё: нет, нет, нет! Не может быть такого! Не может! Не может... не может... И голоса их вдруг вроде тише стали. Они меня по голове гладили... все... А потом только одна дочь... И всё тише, незаметнее. А потом не стало никого. Боюсь подняться, глаза открыть. Вот, думаю, открою... нет... не может!.. не может... не вынести человеку такое... Потом открыла... никого нет... О Боже... никого, никого...

Мне было страшно смотреть на Зинаиду Павловну. Хоть бы заплакала она сейчас. Ну хоть бы что-нибудь человеческое, женское, привычное... Но женщина смотрела на меня сухими глазами. И словно что-то горело, полыхало у неё в душе.

— Пойдёмте, Зинаида Павловна, — попросил я её. — Пойдёмте в наш вагон.

Зинаида Павловна встала, я хотел поддержать её за локоть, но она твёрдо отстранила мою руку

— Это лишнее, Мальцев, лишнее...

И пошла, стройная, молодая и фигурой, и лицом, и совершенно седая. А я поплёлся, не пошёл, а именно поплёлся за ней, еле переставляя ноги и хватаясь за полки и двери.

И снова у меня в голове сверкнула какая-то мысль, та самая, что однажды уже навещала меня, но не успела зацепиться и сгинула в подсознании. Я не успел её осмыслить, но только теперь я знал точно, что такая мысль существует и что её нужно вернуть во что бы то ни стало. Потому что именно в ней было наше спасение...

109

Поезд тронулся. Раскачали всё-таки, подумал я. Ай да пассажиры фирменного поезда! Но поезд дрогнул и остановился. Да и толчок был такой, словно к поезду прицепили паровоз. Мы с Зинаидой Павловной уже входили в наш вагон, как вдруг в тамбур начали заскакивать пассажиры, которые только что были на перроне и собирались толкать поезд до самой следующей станции. Что ещё случилось?

— Едем! — крикнул Юрий, влетая в тамбур. — Ур-ра!

А вот и студенты повалили, но только более организованно, чем все остальные пассажиры. Нехотя влез Иван, всё ещё угрюмый и мрачный. Все пассажиры нашего вагона уже прошли через тамбур, только Степана Матвеевича всё ещё почему-то не было.

— Что там? — спросил я. — Где Степан Матвеевич?

— Едем! — радостно повторил Юрий. — Понимаешь, поезд — тьфу ты! — паровоз нам подали. Подцепили уже к поезду. Толчок почувствовал?

— Почувствовал. А где Степан Матвеевич?

— А Степан Матвеевич сейчас позвонит на эту соседнюю станцию, поблагодарит и вообще выяснит, куда нас там собираются направить.

Я не утерпел и выглянул из вагона. Торговки, чуть не плача, как родных, провожали нас. Какой-то железнодорожник стоял со свёрнутым флажком. Да... Я никогда и не видел эти флажки развёрнутыми... Степан Матвеевич вышел из маленького зданьица вокзала. Он о чём-то разговаривал с местным начальником... И в это время поезд тронулся, медленно,

как бы нехотя. Степан Матвеевич что-то крикнул и помчался к нашему вагону, хотя до другого ему было гораздо ближе. На бегу он ещё несколько раз оглядывался и что-то кричал, но разобрать было невозможно из-за начинавшего частить стука колёс. Степан Матвеевич бежал уже рядом с тамбуром. Я спустился по ступеням площадки и протянул ему руку, другой крепко держась за поручень. Степан Матвеевич прыгнул. И мы с Юрием втащили его в тамбур. Степан Матвеевич даже не запыхался, хотя был, кажется, чем-то взволнован.

— Поехали, — по-прежнему радостно заявил ему Юрий.

— Поехали, — буркнул Степан Матвеевич недовольно.

— Да в чём дело? — спросил я.

Но тут в тамбур ворвалась тётя Маша. Ведь как же! Она при отходе поезда от станции не закрыла ступеньки и не стояла в раскрытых дверях со свёрнутым жёлтым флажком!

— Граждане! — возвестила она. — Непорядок! Прошу очистить! Штрафовать надо!

Но мы уже и без угроз, сами собирались очистить тамбур. Юрий только задержался на мгновение, пригнул ногой железную плиту и закрыл ею ступеньки вагона. Тётя Маша стояла на своём законном рабочем месте с жёлтой палочкой, хотя разъезд давно остался позади, и теперь с обеих сторон снова расстилалась степь.

— В чём дело, Степан Матвеевич?

— Паровоз с соседней станции нам никто не посылал, — ответил Степан Матвеевич. — И вообще! Они там до сих пор думают, что с ними по телефону кто-то шутит! Ну откуда на этом разъезде может взяться пассажирский поезд, да ещё фирменный, да ещё из Фомска?! Они и города-то такого, наверное, никогда не слышали.

— И что из этого следует? — спросил я.

— Всего не знаю. — Степан Матвеевич уже садился на своё место в нашем купе. — Всего не знаю. Но только эта чертовщина ещё не кончилась, это уж точно. И второе: куда нас примут на станции? А если там состав? Если и запасных путей не окажется? Ведь нас там не ждут!

«Мозговой центр» собрался в нашем купе уже полностью. Слова Степана Матвеевича немного отрезвили некоторых, кто, вроде Юрия, чрезмерно обрадовался постукиванию колёс поезда.

По коридорчику бочком трусил начальник поезда.

— Выручайте! — потребовал он. — Пусть наука выручает!

— Садитесь, — предложил я, показывая на свободное место.

— Нет уж! — разволновался начальник поезда. — Раз наука всё может, пусть она теперь и думает!

— Что вы предлагаете? — спокойно спросил Степан Матвеевич.

— Через тендер надо. Через тендер!

— А! — догадался писатель Фёдор. — Гонца от общественности послать на паровоз! Толково, толково!

— Вот пусть наука и проникает! — потребовал начальник поезда.

— На паровоз надо действительно кого-то послать, — согласился Степан Матвеевич, и даже не успел посмотреть на Валерку, как тот уже заявил:

— Мы сделаем!

— Опасно на ходу, — предупредил Степан Матвеевич.

— Ну, к опасностям нам не привыкать, — заверил Валерка. — А столкнуться с каким-нибудь составом ещё опаснее!

— Вот и давайте! — сказал начальник поезда.

— А что передать машинисту-то? — спросил Валерка.

— А это уж ваше дело, — рассердился начальник поезда.

— Скажите машинисту, чтобы состав вёл, но осторожно, потому что путь может оказаться занятым, — разъяснил Степан Матвеевич. — А километра за два до станции нужно совсем сбросить скорость и подходить к ней медленно, очень медленно. А если путь занят, то и вовсе остановиться. На самой станции разберёмся.

— Понятно! — сказал Валерка, и вместе с Михаилом они сорвались и помчались по коридору выполнять боевое задание.

Начальник поезда снял форменную фуражку, вытер оказавшуюся под ней лысину мокрым платком и сказал:

— Брошу! К чертям собачьим брошу! Вот только доведу поезд — и на другую работу... Я маневровым паровозом лучше буду командовать!

Ему никто не возразил. Но никто и не одобрил его мысли. До благополучного возвращения было ещё, кажется, далеко.

Начальник поезда замолк. Молчали и все остальные. Только перестук колёс, да бескрайняя степь за окном.

110

Затянувшееся молчание нарушил Степан Матвеевич. Он среди нас был, без сомнения, лидером. Все признавали это с удовольствием.

— Что у нас там по порядку? Магазин?

— Магазин! — воскликнул писатель Фёдор, чему-то обрадовавшись.

— Что мы можем сказать про магазин?

— Об этом пусть Валерий Михайлович расскажет.

— Почему я?

— Вы ведь проникали в него! И вообще вы что-то про него знаете, о чём мы никогда и не догадаемся даже.

— Да теперь уж ничего. Игрушка обыкновенная и всё.

— Теперь да, а раньше?

— А раньше это действительно было чем-то... Я саму игрушку-то ведь не видел, потому о магазине ничего не знал, но когда узрел, подумал: вот оно! Наконец-то Бог внял мольбам человека!

— Вы что, — удивился Иван, — ждали появления этого чуда?

— Ждать не ждал, а думал иногда, почему бы и не быть сему предмету. Потому как очень нужная конструкция в век дефицита некоторых вещей. Вы думаете, так просто купить приличные туфли? Где? На толкучке можно. За два номинала. Ну и, наверное, в каком-нибудь Марградском универмаге. Но только через очередь. Да ведь если очень хочется, почему не постоять в очереди? Знакомства разные, мысли, сведения, о которых в газетах не пишут... Очень и очень такое должно было быть.

— Вам и сейчас хочется, чтобы это было? — спросил я. Но вот зачем я спросил, ответить бы не смог. Всё та же мысль из подсознания пробивалась на свет Божий, но слишком медленно.

— Сейчас — не очень. Не хочу даже совсем... Потому как рассказ Фёдора перевернул душу. Да и галстук не давит. — Валерий Михайлович сделал движение шеей, словно ему было тесно в галстуке, но только никакого галстука сейчас на нём не было.

— А потом оказалось, что никакого эффекта нуль-упаковки нет вообще, — заметил Юрий.

— Да. Исчез почему-то, — согласился я. — И не только у нас в поезде, но и вообще. Словно и не было его. Ни в Фомске у Афиногена, ни в Академгородке у его сына. Странно. Было и не стало. И более того: было и в то же время не было. Невозможно такое!

— Ну, эксперты-то из Академии могли и не видеть никакого эффекта, если он к тому времени исчез. А раз не видели и не воспроизводится эффект, то его и не было. Воспроизводимость и повторяемость — основное в причинно-следственном мире.

— В причинно-следственном мире! — зачем-то крикнул я.

— Что с вами, Артемий?

— Сам не знаю. Иногда мне кажется, что я вот-вот отгадаю, что же с нами происходит. Но мысль всё время ускользает. Не

составляется она. Вот, например, причинно-следственный мир. Другого ведь мы и не знаем. Мы живём в жёстко детерминированном мире. Но только наш-то поезд выскочил из этой детерминации!

— Вы хотите сказать, что в нашем поезде исчезли причинно-следственные связи?

— Об этом говорил ещё товарищ пришелец. Исчезли-то они исчезли! Изменились, может быть. Но это всё равно, что исчезли. Странности в поезде ничем не объяснимы. Но тут что-то ещё... Какая-то одна причина тому, что всё это произошло.

— Или несколько, много, — сказал Степан Матвеевич.

— Как это — несколько, и тем более — много? Одна, по-моему, причина.

— Одновременно. Я так думаю, — сказал Степан Матвеевич. — Тут какая-то, возможно, единственная причина, но она даёт возможность возникнуть множеству причин. Ведь ничем одним мы не можем объяснить происходящее в нашем поезде. И внешне никак не связаны друг с другом эти явления. Но в них есть что-то одно. Надо искать причину не в этих явлениях, а на следующем уровне, более высоком, более общем, что ли.

— Да что же это может быть? — спросил сам у себя писатель Фёдор.

— Думай, наука, думай! — обрадовался начальник поезда.

— Ты вот... — обратился ко мне Иван. Что-то уж очень долго не открывал он рта. Но за секунду до этого его недосказанного вопроса я вдруг решил, что нужно рассказать собравшимся историю Зинаиды Павловны. Да так захотел, что перебил Ивана. Тот даже, как показалось мне, облегчённо вздохнул, словно вопрос собирался задавать через силу, словно ему нравственно тяжело было задавать этот вопрос.

К Зинаиде Павловне все в вагоне относились хорошо. Прекрасный и энергичный, много знающий человек была эта женщина. Да и врачей-то, наверное, в нашем поезде больше не было... Одним словом, к Зинаиде Павловне все относились с уважением. Я вкратце рассказал, как Зинаида Павловна в один год лишилась мужа и детей.

— Боже мой! — воскликнул Валерий Михайлович.

Этого никто не знал, да и не поверили мне сначала, уж слишком жизнерадостной казалась эта женщина. Потом я рассказал, как Зинаида Павловна увидела всю свою семью в нашем поезде. Как она обрадовалась сначала, как поняла, что это невозможно. Как она нашла в себе силы (сколько же в этой женщине было сил!) сказать себе, что этого не может быть. Я рассказал и о том, что Зинаида Павловна поседела.

Я говорил коротко, и всё равно впечатление от моего рассказа осталось тягостное.

— Господи! А я-то вначале... — Валерий Михайлович не докончил.

— Это же самая прекрасная женщина в мире! — воскликнул писатель Фёдор. — Колени свои перед ней преклоняю!

111

— Значит, она нашла в себе силы, Артём, сказать себе, что этого не было? — спросил Иван. Губы его почему-то дёргались.

— Да, Иван. Эта женщина нашла в себе силы.

— Но ведь она же хотела, чтобы её семья была! Ведь она думала об этом?!

— Да, Иван. Она всё время думала об этом.

— А ты?

— Да что я?

— Ты тоже хотел?

— Да что с тобой, Иван? Что я хотел?

С Иваном творилось что-то странное.

— Ты ведь тоже хотел, чтобы у вас с Ингой были дети?

— Да, Иван. Хотел...

— Вот они у тебя и есть. — Он смотрел на меня, словно убивал, и мучился тем, что ему ничего не остаётся, как убить меня.

— Да. Есть.

— А у Зинаиды Павловны нет.

— Нет. Но ведь они у неё умерли...

— Ты хотел! Прости, Артём! — Он чуть ли не колени упал передо мной. — Артём, прости! Всё дело в том, что ты хотел! И она хотела, Зинаида Павловна! И Степан Матвеевич! И Фёдор! И я! Все, понимаете, все чего-нибудь хотели... В очереди в Старотайгинском буфете стоять не хотелось. Побыстрее бы надо. Пожалуйста. Замедление времени произошло. Но только после нашего ухода, я уверен, всё там вернулось назад. Скорее в Марград — самодвижущийся перрон Балюбинска. И так у всех. У всех! Только с побочными явлениями. Кто-то хотел и пришельца, и бутылку с коньяком. И сосну на крыше вагона. Не знаю уж кто, может, начальник поезда, чтобы всегда в купе стояли свежие веточки. Да и многое другое. Нужное и ненужное. Совершенно не согласованное с желаниями других пассажиров. И груда этих желаний навертелась друг на друга так, что разобраться теперь невозможно...

— Иван... — ужаснулся я.

— Что — Иван? Иван тоже имеет желания. Но Иван сдерживает их!

— Это мысль, — сказал Степан Матвеевич. — Только это очень ужасная мысль.

— Вы ведь тоже, Степан Матвеевич, хотели избавиться от своей неприятной способности жить в других реальностях?

— Хотел, Иван.

— Вот вы и избавились. Только попутно поезд оказался совсем не там, где ему положено быть.

— Понимаю, — прошептал Степан Матвеевич.

— И только Зинаида Павловна смогла сдержать свои желания. Поэтому и паровоз появился.

— Да паровоз-то тут при чём? — не понял я.

— Чем меньше мы всего желаем, тем более реально начинает жить наш поезд. Отказался Афиноген от своей мечты, и мы сразу же вернулись хоть на какой-то там разъезд. Отказалась Зинаида Павловна — вот вам необходимый, чтобы добраться до станции, паровоз... Прости меня... Это страшно... Но это правда...

112

Это была та самая мысль, которую я никак не мог вытащить из подсознания. Теперь я знал точно. Она всё время вертелась в моей голове, но что-то не позволяло ей оформиться окончательно. Что? Наверное, весь этот ужас, который она несла с собой. Хорошо ли, плохо ли, но в человеке всегда живут мечты и желания. И большинство их никогда не осуществляется. Страдание и неудовлетворённость жизнью приносит это, но и заставляет двигаться вперёд, всеми силами вперёд, не позволяя даже на мгновение задержаться на уже завоёванном, потому что в этом случае человек сразу же оказывается отброшенным назад. Но нельзя скатываться вниз. И человек ежедневно прокручивает в мыслях множество вариантов будущего, своего и других, неосознанно привлекая для его осуществления фантастические и просто невозможные допущения и пути. Мечты и желания живущих рядом и совсем далеко, прижимают, отбрасывают, шлифуют, гранят желания человека. Есть, конечно, нечто общее, что присуще всем. Желание построить прекрасное общество, желание жить лучше материально, желание при этом не ущемлять других, жить в мире и дружбе. Именно это и получается в итоге, правда, всё равно с неприятными, иногда непредвиденными отклонени-

ями. В итоге вырастает нечто общее, в значительной степени удовлетворяющее всех, но не в абсолютной.

И вот случилось нечто невозможное. Всё, о чём мечтаешь, получается на самом деле. Но только твоя прекрасная мечта обязательно задевает ещё кого-нибудь. Вот встретил я Ингу, а Валерка теперь остался несчастлив. Ну, пройдёт это у него, пройдёт. Дай-то Бог! И поскорее. И ведь я вовсе не желал ему зла. Более того, я даже не предполагал о его существовании. А ведь принёс всё-таки зло. Или сам Иван... Вот он говорит, что сдержал свои желания. Да только так ли это? Не по его ли невольному желанию так внезапно преобразился Семён? Или Семён всегда был таким? Ну, предположим, был. Пусть не совсем такой, но немного похожий. Так ведь всё это жило глубоко в его душе. И любовь Ивана, может, помогла выплеснуть всю дрянь души Семёна наружу, напоказ. Как сдерживает свои желания Иван? Внешне. Только внешне! Невозможно сдержать свои желания в душе, если они уже зародились. А что мне-то он хотел сказать? Ведь чувствую — что. Знаю. Но только он не может так сказать. Да и никто не скажет! Знаю, знаю... Это ведь о Сашеньке и маленькой Валентине... Это ведь они появились странным способом, только потому, что мы с Ингой так хотели. Так что же? Пожелать теперь, чтобы их никогда не было? Чтобы они исчезли? Ведь это на благо всего поезда! Скажет он или нет? Или скажет кто-то другой? Но, наверное, скажут... А Инга ещё ничего не знает. Ей сейчас нужно только одно: доехать со своими детьми до Марграда, до дома, в котором она никогда ещё не была. Так неужели же... А вдруг всё — ошибка?! Вдруг всё это только одна чудовищная ошибка?!

Кажется, мысль Ивана потрясла не только меня, но и всех остальных. И потрясла тяжело, страшно, жутко. Не знаю, о чём они все сейчас думали. Ведь мечтал и хотел чего-то каждый! И если они только не разбирались сейчас в своих мыслях, то о чём же все тогда думали?

И ведь вот на чём я тут же поймал себя. Не думать. Ни в коем случае не думать. Пропустить действительность через сознание, как через сито, чтобы ничего в нём не зацепилось, не осталось, чтобы стало легко, потому что в голове ничего нет. Под наркоз бы сейчас или в сон без сновидений, чтобы ничего не решать, чтобы ничего не понимать, не чувствовать. Или уж задержать мгновение. Вот стрела приближается к груди, к той её стороне, где сердце. Ни отвернуться, ни отодвинуться. Тело зажато именно так, что стрела через мгновение вонзится в грудь. Так уж лучше растянуть этот миг ужаса и непоправимости до бесконечности! Или кончить всё разом? Ведь всего только какое-то краткое мгновение, а потом пустота, даже не пустота, а просто ничто.

Конечно, лучше бы и стрелы этой не было. Но только она была. Не понимаю, почему мне в голову пришла именно мысль о стреле? Почему стрела?

Я всё же был растерян...

— Надо всё проверить, — спокойно сказал Степан Матвеевич.

Вот ведь как у него спокойно получилось! Проэкспериментируем с человечками, так сказать. Вывернем их, что называется, наизнанку. Тряхнём души, проветрим желания. Да только с кого начнём? Может, с мальчика Саши, которому всего лишь четыре года? Или уж лучше с грудной, ещё ничего не понимающей девочки?

113

— Начнём с меня, — всё так же спокойно сказал Степан Матвеевич.

— Я не знаю, — застонал Иван, — нужно ли было мне это говорить? Вдруг я не прав, или есть другой способ вернуться к нормальной жизни? Простите, я не знаю...

Валерий Михайлович дёрнул шеей, словно на ней затягивали петлю и осталось совсем немного. Писатель Фёдор что-то нервно соображал. Начальник поезда толком ничего не понял. Да если и понял кое-что, то только должен был радоваться своим желаниям, вернее, желанию: довести поезд до станции назначения! Вот ведь что ему было нужно. Самый святой человек во всём фирменном поезде! Да и наука не должна подвести. Ведь она была для него непознаваемым Богом. И если он не молился этому Богу, то только потому, что этот Бог не принимал жертвоприношений.

Степан Матвеевич раскрыл свой портфель, достал бумаги, графики, которые он столь часто просматривал в самом начале путешествия, когда вдруг освободился от странной способности жить в других реальностях и ещё только безмерно радовался этому.

На что он шёл? Вернуть ад, от которого у него не было спасения даже после смерти? У него вообще не было смерти! Ведь когда он рассказывал нам с Иваном, я подумал, что страшнее его судьбы не может быть ничего. Да я и сейчас ещё так думал.

Степан Матвеевич хладнокровно проводил эксперимент.

— Остановитесь! — не выдержал я. Не знаю, что мной руководило. Я не мог допустить того, что он хотел с собой

сделать, пусть даже и для всеобщего блага. Или я подсознательно чувствовал, что вслед за ним или через одного дойдёт очередь и до меня? А я не смогу. Не знаю... Но только я совершенно искренне хотел его остановить.

— Что вы, Артём? — спросил Степан Матвеевич.

— Вы хоть знаете, на что соглашаетесь?

— Конечно. Я думаю, что только я один это знаю. Никто другой даже не способен представить и малой части этого.

— И всё равно идёте?

— Успокойтесь, Артём. Я экспериментировал миллион лет. Почему не продолжить это интересное занятие?

— Остановите его! — крикнул я собравшимся в купе.

Мучительнее всех, наверное, всё же было Ивану. Он всё понял и рассказал всем, а помочь ведь ничем не мог...

— Прошу пардону! — твёрдо сказал Фёдор и даже взял Степана Матвеевича за рукав. — Прошу пардону!

— Степан Матвеевич! — воскликнул Юрий.

— Ну что вы, Фёдор... Ведь всё дело в том, что мою мечту, мои желания никто не может перехватить. Вот я вам скажу «да», а в душе — «нет». И будет именно «нет»!

— Надо всё-таки подумать, — неестественным голосом предложил Иван.

— Конечно. Думайте, — согласился Степан Матвеевич и ласково отвёл руку писателя Фёдора. — Вот по графику в шестнадцать часов будет произведён запуск в прошлое в городе... Впрочем, город здесь не важен. Главное, что запуск произведут наверняка. Осталось две — или около того — минуты. Прошу внимательно наблюдать за мной.

Степан Матвеевич откинулся к стенке и посмотрел на нас всех по очереди, словно прощался. А ведь он действительно прощался! На сколько лет там будет произведён запуск? Вот на столько он с нами и прощался!

И всё-таки он был спокоен...

Я знал, что сейчас произойдёт. Знал. Я ещё надеялся, что ничего этого не будет. Ну должна же быть в мире какая-то высшая справедливость! О, сколько, наверное, миллиардов людей полагались на эту высшую справедливость! И всё-таки шли на костёр. И сгорали в костре...

А поезд всё не замедлял свой ход, хотя двадцать километров мы уже давно оставили позади.

И вот выражение лица Степана Матвеевича мгновенно изменилось. Перед нами сидел тот самый идиот, который в первый вечер задавал свой стереотипный вопрос. Но тогда я не знал Степана Матвеевича. Вид идиота можно перенести даже спокойно, если ты его раньше не знал. Но если идиотом на глазах становится твой друг, близкий тебе человек?! Если по-

мочь ему ничем нельзя! И ещё сверх того: если он и идиотом-то стал для того, чтобы спасти тебя!

— Год, число, месяц? — прохрипел Степан Матвеевич.

Я ничего не мог ему ответить...

Степан Матвеевич посмотрел на нас бессмысленным взглядом, и только животный ужас был сейчас в нём.

— Год, число, месяц? — с трудом повторил он.

— Второе августа тысяча девятьсот семьдесят пятого года, — вздрагивая губами, ответил Иван. Вот он и увидел свою мысль воплощённой.

— Реальность?

— Настоящая, самая настоящая... — сказал Иван.

— Самая что ни на есть распроклятая! — сказал я.

Степан Матвеевич обвёл нас мутным взглядом и погрузился в тягостную задумчивость. Сейчас он только ещё начнёт приходить в себя. Да сколько же это продлится? А ведь будут и другие запуски. Ведь никто не согласовывает их со Степаном Матвеевичем.

— И всё равно ничего другого я сделать не мог, — жёстко сказал Иван.

Он был прав, прав теоретически и практически, морально и нравственно, он убеждал себя в этом, но не было радости в его голосе, да и не хотел он этой правоты.

Мимо окон прогрохотал товарный состав. Это мы его обогнали. Испуганное лицо машиниста мелькнуло за окном. Кажется, мы куда-то приехали...

114

— Чья теперь очередь? — спросил писатель Фёдор.

Кто тут мог установить очередь? Тут добровольно, тут кто как захочет.

— Я готов ехать в этом поезде хоть к чёрту на кулички, хоть всю жизнь, — сказал Иван.

Ага... Это он говорил для меня. Это для меня, Инги и наших детей он согласен ехать к чёрту на кулички. Да только согласятся ли другие?

— Тогда я, — снова сказал писатель Фёдор.

— Да что у вас-то? — нервно спросил Юрий.

Начальник поезда смотрел на всё происходящее дикими глазами. Мне показалось, что впервые могущество науки померкло в его глазах.

— А обязательное воплощение моих рассказов в жизнь! — с вызовом сказал Фёдор. — Нет уж, прошу пардону!

Фёдор словно даже рассердился, что его не причислили к лику мучеников.

Тут в вагон влетел Валерка. Лицо его было бледно и испуганно.

— Чуть не врезались! — выкрикнул он.

— Что там ещё? — не понял я.

— В товарняк чуть не врезались! А как отвернули, не могу понять. Ведь только один путь был, а на пути товарняк стоит. А наш прёт под семьдесят и не может ход замедлить. Уж и секунды не оставалось, ну, думаю, крышка! Тем более в самом паровозе. Уж паровоз-то наверняка бы всмятку. А почему не столкнулись, не знаю. Ведь не было там стрелки, не было! Не разъехаться нам было никак!

Уж всмятку — это наверняка... если бы не Степан Матвеевич... Степан Матвеевич отказался от самой главной своей мечты: стать нормальным человеком, прожить одну-единственную жизнь, но по-человечески.

Валерка увидел лицо Граммовесова и ничего не понял.

— Что с ним? — спросил он удивлённо.

— Видишь ли, Валера, — сказал я, — тут всё-таки разобрались, что к чему... И вот Степан Матвеевич...

— С ума, что ли, сошёл?

— Нет... Он просто только что прожил десять лет в другой реальности... Ты ведь помнишь, он рассказывал?.. Иван тут предположил, что...

— Значит, нашли! — обрадовался Валерка, но тут же смутился, взглянув на Степана Матвеевича. Какая-то связь намечалась в его голове между двумя событиями. — Неужели...

— Ладно, — сказал Иван. — Расскажу вкратце. Раз я начал, мне и продолжать... Одним словом, мы мечтаем, желаем чего-то, а в нашем поезде всё это осуществляется, овеществляется, что ли. И единственное, что от нас сейчас требуется, это отказаться от всяких желаний вообще... По крайней мере, пока мы не прибудем в Марград. Как это сделать во всём поезде, я не знаю. Желания людей проконтролировать невозможно.

— Наш отряд, — предложил Валерка.

— Да, ваш отряд... Наиболее организованная единица в поезде...

— Что нужно сделать?

— А нужно провести с каждым беседу о том, чтобы люди не смели мечтать хотя бы ещё половину суток, — сказал писатель Фёдор.

Валерка что-то уже понимал, но ещё не до конца.

— Наш отряд справлялся и не с такими работами!

Он ещё не знал, что предстояло сделать его отряду. Такого, может, ещё и история человечества не знала. Пробовали, ко-

нечно, периодически убить мечту в человеке, но не во имя же спасения самого человечества! Или именно таким мотивом и прикрывались? Но сейчас-то другое! Сейчас ведь действительно во имя пассажиров поезда! И всё равно страшно...

Да... А поезд-то стоял на какой-то станции. И подавляющее большинство пассажиров ещё ничего не знало и просто радовалось, что вот уже был разъезд, а теперь даже самая настоящая станция, хоть и маленькая, хоть и не та, какая кому-то нужна. Но тут уж теперь разберутся. Стрелки переведут, какие нужно, задержат один поезд или проведут его по ускоренному графику, но уж фирменному-то поезду «Фомич» дадут теперь зелёную улицу. Потому что железная дорога должна дорожить своей репутацией.

— Григорий Прохорович! — раздалось из тамбура. — Григорий Прохорович! — Голос тёти Маши приближался. Это она обращалась к начальнику поезда. — Начальник вокзала к вам! — У неё даже веник был в руках, хотя она его старательно прятала, чтобы не попадался на глаза начальнику вокзала, который шёл за ней. Человек был чем-то взбешён.

— Кто бригадир поезда? — спросил он грозно.

— Я бригадир, — немного струсил Григорий Прохорович.

— Вы откуда такие взялись?!

— Из Фомска, — доложил начальник поезда.

— Из какого Фомска?! Знать не знаю никакого Фомска!

— В Марград, — продолжал разъяснять Григорий Прохорович.

— В Марград?! Нет у нас ветки на Марград! И никакого такого Фомска тоже нету! Ведь страшно подумать, что могло произойти. Ниоткуда и вдруг взялись! А там ведь у нас товарный поезд! Ума не приложу, как вы увернулись? Ведь там и стрелки никакой нету!

— Год, число, месяц? — хрипло спросил Степан Матвеевич.

— Всё то же, — ответил я.

Судя по глазам, Степан Матвеевич ничего не понял, но своего вопроса не повторил.

Начальник вокзала посмотрел на Граммовесова с диким удивлением и, кажется, утвердился в мысли, что и сам поезд, и его пассажиры, все, все сошли с ума.

— Пошли разбираться, — приказал он Григорию Прохоровичу.

— Наука... — возразил было бригадир поезда, но начальник станции был для него, по-видимому, большой шишкой, так что пришлось подчиниться.

— А ведь руководителя-то у нас теперь нет, — сказал Юрий.

— Что? — переспросил начальник станции.

— Нет, нет, это я не вам...

— М-м... — проворчал начальник станции и, не оглядываясь, пошёл по коридору.

— Надо и нам кому-то, — предложил Юрий.

Да, теперь без Степана Матвеевича мы как-то вдруг осиротели, растерялись, хотя уже и известно было, что делать.

— Пошли, — сказал Иван. — Может, нам есть какая-нибудь корреспонденция.

Похоже, что Иван собирался взвалить непомерную тяжесть возвращения нашего поезда к нормальной жизни на свои плечи.

— А нам что делать? — растерянно спросил Валерка. — О чём беседы-то проводить?

— Подожди, — сказал я. — Вот они что-нибудь выяснят, тогда решим...

— Пойду соберу ребят, — сказал Валерка. — Да уже и ужин пора разносить.

Действительно... День клонился к вечеру... А жара всё не спадала. Вентилятор по-прежнему не работал. Вот ведь странность, подумал я вдруг, разве никому не приходило в голову, что надо иметь в вагоне исправный вентилятор? Да об этом, наверное, каждый по сто раз на дню думал. А вентилятор не работает. Почему? Почему он не работает?

115

В купе осталось четверо: я, погружённый в транс Степан Матвеевич, решившийся на что-то писатель и чуть испуганный Валерий Михайлович.

Лицо Фёдора вдруг вдохновенно засветилось.

— Да какой из меня писатель-фантаст! Что я знаю? Чушь это, чушь всё! Рассказы мои сбываются в действительности? Чёрта с два! Это слишком просто... рассказами изменять действительность... Не было, не было писателя Фёдора. И теперь уже никогда не будет! Аминь! Господи, помяни душу несостоявшегося писателя Фёдора! Пардону прошу! Пардону!

И в его лице что-то изменилось... И в фигуре, и в манере сидеть. Он вдруг фамильярно хлопнул Валерия Михайловича по плечу и предложил:

— А не сходить ли нам, милейший Валерий Михайлович, в ресторацию? Закусить там сейчас нечем, дураку понятно. Но выпивка есть. Есть, есть выпивка, потому как сегодня никто капли в рот не брал. А мы вот возьмём!

Валерий Михайлович вдруг захрипел, схватился рукой за горло. Он задыхался и рвал руками рубашку.

— Обыкновенное дело, — сказал Фёдор. — Учить их надо, учить! А впрочем, прошу пардону... Не имею, так сказать, морального права.

А Валерий Михайлович уже закатывал глаза и медленно клонился на пол. Я оттолкнул Фёдора, приподнял отяжелевшее тело Крестобойникова, рванул ворот его рубашки вместе с пуговицами. Воротничок разорвался. Валерий Михайлович шумно вздохнул и дал мне пощёчину. Я не понял, что произошло, как вторая затрещина обрушилась на мою скулу. Ладно!..

— Рукава, — прохрипел Валерий Михайлович.

Хорошо. Это рукава его рубашки хлещут меня по морде, а не сам товарищ Крестобойников. Прекрасно. Я прислонил его к стенке, так, чтобы он не мог упасть.

— Прошу пардону, — юлил писатель Фёдор. Но было ясно, что происходящее в купе его уже мало интересует, а вот реставрация — даже очень.

— Идите! — крикнул я ему. — Или нет. Стойте!

Валерий Михайлович вдруг застонал и поджал под полкой ноги.

— Давят, — простонал он.

— Ничем не имею права помочь, — твёрдо сказал Фёдор.

— Имеете! — крикнул я. — Снимите с него туфли!

— Это в один секунд!.. Милейший Валерий Михайлович, в носочках можно, в носочках... Не заметят, потому как метрдотеля не положено. — Фёдор всё-таки стянул с Валерия Михайловича туфли. Тому заметно полегчало. Не знаю только, надолго ли.

Картинка была в нашем купе! Один в трансе, второй еле жив от бунта своих вещей. Третий думает только о реставрации. А я сам? О чём я-то думаю? В том-то и дело, что ни о чём не думаю. Не хочу думать...

— Так я пошёл? — спросил Фёдор.

— Нет! Никуда вы не пойдёте.

— Понятно. Произвол. Нарушение прав человека. Документы, пожалуйста!

— Сядьте, Фёдор, сядьте! Возьмите себя в руки. Хорошо... Ваши рассказы больше не воплощаются в жизнь. Переживите это, пусть ваши рассказы не воплощаются в жизнь в буквальном смысле. Пусть.

— Решено и подписано, — возвестил Фёдор.

— Да и не надо этого. Вы просто пишите. Просто. Для себя, для друзей...

— Друг! Артюха! — внезапно обрадовался Фёдор и полез было ко мне целоваться.

— Да что вы корчите из себя! — не выдержал я. — Несостоявшийся писатель! Их много, несостоявшихся! И не только писателей! Пишите, если интересно. Не для издательств и редакций, а просто. Можете посылать, пробиваться, но пишите всё-таки не для них, а для себя. И выбросите мысль о их воплощении в жизнь... У вас же хорошие рассказы, Фёдор... Я уверен, что они найдут дорогу к читателю. Только не воображайте, что вы Иисус Христос, страдающий за правду. Не бейте себя в грудь и не распинайтесь на кресте. Ведь вы это специально на себя напускаете... И ресторацию, и слёзы по поводу несостоявшегося писателя.

— Слёз не было, Артемий, — сказал Фёдор.

— Я в переносном смысле...

— Понимаю. Приятно слышать о себе правду.

— Вы всё ещё поигрываете?

— Ни Боже мой, Артемий!

— Тогда вот что... Наши приключения ещё не кончились. Будьте сами собой. Без всяких выкрутасов. А читатель, искренне любящий ваши рассказы, у вас есть. По крайней мере, один. Я.

— И я, — простонал Валерий Михайлович.

Фёдор вскочил и всенепременно пожелал поклониться нам до полу. Этого я уже не мог вынести. В своей игре он доходил до чёрт знает чего! Я легонько дал ему в солнечное сплетение. Просто чтобы он очнулся. Но Фёдор повалился на скамью и безмолвно вытянулся на ней, сложив руки на груди.

— Поднимайтесь! — приказал я.

Фёдор и ухом не повёл.

— Фёдор, прошу вас...

Фёдор вдруг сел.

— Вы! Вы, отец семейства, простите меня, блудного сына, алкаша, как говорят в нашем народе. Это я у вас должен просить пардону! И я прошу, прошу. Чистосердечнейше раскаиваюсь! Примите во внимание...

Он не досказал, что ещё тут нужно было принять во внимание, потому что Валерий Михайлович, слегка приободрившийся, вспомнив, наверное, добрые дела Фёдора, вдруг наклонился вперёд и погладил писателя по впалой щеке, потом по разлохмаченным волосам. Рука его чуть вздрагивала, но это была рука искреннего и преданного друга.

Они приникли друг к другу и застыли в объятиях.

Ладно, хорошо, что хоть это.

116

Мне нужно было сходить к Инге, Но я почему-то страшился сделать этот шаг. Ведь Инга уже наверняка знала, что от неё требуется. А чем я мог её утешить? И эти три застывшие фигуры в купе...

Иван и Юрий шли по коридору. Начальника поезда с ними не было. Теперь у меня снова появилась отсрочка, чтобы не идти к Инге в купе.

— Это ещё что такое? — спросил Иван, оглядывая скульптурную группу раскаяния и всепрощения.

Я только махнул рукой.

— Ладно, — сказал Иван и сел на краешек полки. — Хочешь узнать, что мы имеем?

— Валяй, — согласился я. Всё равно ничего хорошего я не ждал от этого сообщения.

Юрий немного попереминался с ноги на ногу и тоже сел.

— Это совсем не та станция, — сказал Иван.

— Что значит — не та?

— С разъезда мы шли на станцию Ветринскую, а пришли в Трескилово. С того разъезда сюда никак не попасть. И к Марграду не ближе.

— Значит, связи никакой, раз нас здесь не ждали?

— Сначала никакой. Они ведь не догадываются посылать депеши на все станции и разъезды страны. Они, конечно, шлют теперь всё на Ветринскую.

— Понятно, — сказал я.

— Мы уже и отшвартовываться начали, а тут и связь вдруг появилась. Оказывается, они действительно на все станции шлют корреспонденцию. Ну, по крайней мере, в радиусе тысячи километров.

— Значит, связались? — спросил я и посмотрел на Фёдора.

Иван понял мой взгляд.

— Он?

— Он... Отказался от воплощения своих рассказов в жизнь.

— Да-а... Ну так вот. Нас потихонечку поведут всё-таки к Марграду. Где-то неподалёку комиссия будет перехватывать поезд. Возможно, даже на вертолётах станут догонять. Они вот ещё раньше спрашивали фамилии пассажиров, а теперь ещё и места работы. Чем занимаются пассажиры на своей основной работе. Да и хобби — тоже, если что-нибудь интересное.

— А это-то зачем?

— Предположения какие-то у них, наверное, есть.

— Да ведь теперь всё ясно. Дело только в технике исполнения!

— Не надо, Артём. До конца ещё ничего не ясно. Ведь неизвестно, почему всё это произошло.

— Ну и что?

— Сам не знаю... Я им передал, до чего мы тут додумались. Это им большое облегчение в работе. И о наших специальностях сейчас передают. То, что удалось выяснить. Ты вот, например, где работаешь?

— В НИИ Вероятностей и Прогностики.

— Кем?

— Руководителем группы. А что?

— Ничего... Передадут и всё... О Степане Матвеевиче я им тоже сообщил, о Фёдоре и о других. На нас сейчас вся телеграфная сеть этого района работает.

— Вот вертолёты придут, и мы потихонечку тронемся вперёд, — сказал Юрий.

— А если высадиться здесь? — спросил я.

— Не советуют. Судьбу не обманешь. Ту группу, что ушла ночью, до сих пор ищут. А где их искать? В какой степи они идут сейчас? Шуму мы наделали много.

— Да здесь-то ведь не степь. Здесь вполне определённая станция. Высадиться здесь, а поезд...

— ...уничтожить?

— Угнать... не знаю, что ещё сделать...

— Нет, пойдём тихо. Пищей и водой нас теперь обеспечат. Да и наука, как говорит начальник поезда, должна показать своё всемогущество.

— Ну, а мы...

— А мы? — Иван отвёл глаза. — А мы будем потихонечку разоружаться.

— Значит, всё равно?

— Не знаю, Артём. Ты поверь, мы всё сделаем, чтобы этого не случилось.

Я ему не поверил. Не тому, конечно, что люди не всё сделают и наука тоже, а тому, что можно будет избежать этого действия. Почему мы с Ингой должны быть исключением?

Поезд слегка дёрнулся.

— Ну вот, — сказал Юрий. — Наверное, уже и вертолёты подошли. Сопровождать нас будут.

— Здесь уже снова электровозы ходят. Связь будет поддерживаться постоянно.

Я выглянул в окно. Над нами действительно висело несколько вертолётов. Наука, наверное, ещё не добралась до этих мест, потому что десант из академиков не сбрасывался.

Поезд снова дёрнулся и начал медленно набирать ход.

117

Теперь нужно было сходить к Инге...

С одного взгляда мне стало ясно, что здесь всё знают. Инга держала на руках дочь, сын перелистывал какую-то иллюстрированную книжку. Светка, Зинаида Павловна и Инга разговаривали, но сразу же замолчали, как только увидели меня. Седина Зинаиды Павловны производила страшное впечатление. Но в общем она снова была опытным детским врачом, женщиной энергичной и готовой помогать людям. Только разве что чуть более озабоченна, чем прежде, да ещё весёлость её исчезла.

Светка смотрела на меня вызывающе, словно я был в чём-то виноват и не хотел признавать своих ошибок. А Инга даже не взглянула на меня. Я сел на край полки и тронул её за руку. Лишь тогда она подняла на меня глаза, полные тоски и страха.

Я было принял весёлый и непринуждённый вид, но Инга меня остановила:

— Не надо, Артём...

— Всё равно выкрутимся! — заверил я всех, но успеха, кажется, не возымел.

— Вы только на словах всё можете! — сердито сказала Светка.

Ох и злюка же она была!

— Видно будет... — Хотя, честно говоря, впереди я ничего не видел, по крайней мере, хорошего.

— Мальцев, — обратилась ко мне Зинаида Павловна. — Вы теперь основательнее займитесь воспитанием сына.

Ясно. Она имела в виду, чтобы я всё время находился рядом со своими детьми, чтобы они всё время были у меня на глазах.

— Ну, что там ваш комитет? — спросила Инга устало.

— Комитет наполовину вышел из строя, — ответил я.

— А что так?

— Степан Матвеевич начал проводить эксперимент...

— Неужели это действительно так?

— Не знаю, в полной ли уж мере это так. Во всяком случае, мы начинаем куда-то приезжать, станции встречаются. И вообще, нас сейчас сопровождают вертолёты, чтобы мы куда снова не потерялись. А скоро и комиссия из академиков прибудет в наш поезд. Пищей и водой мы теперь обеспечены нормально.

— Это всё потому, что Степан Матвеевич...

— Не надо, Инга. Ты не волнуйся. Не может быть такой жестокости в мире... Да и не одни мы. Помогут люди, если понадобится.

— Да-а, помогут, — резко сказала Светка. — Тут уже приходили с требованием...

— С каким требованием? — ужаснулся я.

— Да чтобы Сашеньку и Валюшеньку... ну, словом, понимаешь?

— Неужели нашлись и такие?

— Нашлись вот... Ребята наши, конечно, вытолкали посетителей в три шеи. А я бы и вовсе им шеи поломала.

— И много их было?

— Двое.

— Откуда они могли узнать?

— В поезде всё известно. Тут никаких секретов нет. Да ведь и ребята наши начали проводить беседы, чтобы люди на несколько часов попридержали свои желания. Как тут узнать, о чём можно мечтать, а о чём нельзя! — воскликнула она вдруг. — Не может такого быть и всё! Нечестно это!

В дверях появилась Тося. Ах, Тося... Я и позабыл о ней. Не вспомнил даже, когда её не оказалось в купе. Вид у неё был вполне нормальный, спокойный. Но всё же не замечалось в ней теперь той весёлости и ожидания чуда, как в первый вечер, да ещё и вчера... Сломалась Тося или затаила в себе свои чувства? Протест, что ли, в ней какой назревал?

— Можно идти, — сообщила она, вроде бы и не заметив меня.

— Пошли, милочка, — приподнялась Зинаида Павловна.

— Мы кормить маленькую, — сообщила Инга.

— Все, что ли? — удивился я.

— Да, — ответила она.

— Мы теперь вчетвером ходить будем! — заявила Светка. — Да и ребята наши в тамбурах дежурят.

— Это хорошо, что дежурят...

— А ты оставайся здесь с Сашенькой... И никуда не выходите. Я прошу тебя, Артём.

— Конечно, конечно... Всё будет в лучшем виде. Мы сейчас игру какую-нибудь затеем, — сказал я, хотя в детских играх ничего не понимал, да и в голову, как назло, ничего не приходило.

Девочку унесли в другой вагон под надёжной охраной внушительного женского эскорта.

— Давай играть, — потребовал сын.

Конечно, раз уж я вызвался сам, надо было начинать игру.

— А во что мы будем играть? — спросил я, всё же больше надеясь на детскую фантазию, чем на свою.

— В сыщики-разбойники!

— Ох, да разве здесь куда разбежишься? — Не хотелось мне сейчас такой игры. Никаких там прятушек и прочего. Что-

нибудь тихое, сидячее. — В загадки давай играть, — предложил я.

— В загадки? А в какие загадки?

— Ну... в разные. Ты будешь загадывать, а я отгадывать. Хорошо?

— Давай. А ты умеешь отгадывать?

— Я буду стараться.

— Семеро застёжек... Семеро одёжек и все без застёжек!

Я наморщил лоб. Я думал так, что любому бы стало ясно, что в моей голове мысли ходят ходуном. И уж если я не могу отгадать эту загадку, то её и никто не отгадает.

— Человек!

— Не-е-ет! — засмеялся сын. — У человека с застёжками!

— А если пуговицы оторвались?

— Мама пришьёт! Не-е-ет! Ты отгадай!

Я сделал ещё несколько предположений, но всё не то у меня получалось. Минуты через три я вынужден был сдаться.

— Лук! — выкрикнул сын. — Лук! Кто его раздевает, тот слёзы проливает!

— Лук? — удивился я. — Лук! А ведь и вправду лук! Да как же это я не сумел отгадать такую простую загадку?

— А не простую! Не простую!

— Ну даже и не простую... Всё равно.

Сын засмеялся и захлопал в ладоши.

— Давай ещё!

— Давай.

— Теперь ты загадывай.

— Хорошо. — Но в голову, хоть убей, не приходило ни одной загадки, кроме той, которую загадал мне сын.

— Давай! Давай! — торопил Сашенька.

— М-м... Ну тогда вот эту. Два кольца...

Договорить я не успел, потому что в тамбуре раздался какой-то шум, в вагон влетел Валерка, бросился вперёд по коридору, мельком взглянул на меня, всё-таки узнал, остановился, крикнул:

— Исчезли!

Ну, это, наверное, была его любимая манера излагать мысли.

— Кто исчезли?

— Вертолёты!

— Как исчезли?

— Внезапно исчезли. Были и вдруг исчезли!

Валерка сообщил всё и тотчас же помчался в купе к Ивану, которого он теперь считал за старшего. Раз исчезли вертолёты, то это могло означать только одно: наш поезд снова дёр-

нулся на какую-то другую линию железной дороги. Теперь нас снова будут искать.

— Подожди, Сашенька, — даже не взглянув на сына, сказал я и выглянул в окно. Я ничего не увидел. Да и солнце, клонившееся к горизонту, на мгновение ослепило меня. И тут я почувствовал что-то неладное. Пустоту какую-то. Не на небе, конечно. Небо было огромное и чуть белесое от жары... Тут, рядом с собой. Я тотчас же осмотрелся. Сашеньки, Сашеньки не было рядом со мной!

— Саша! — крикнул я.

В купе-то уж точно никого не было. Но я всё равно заглянул под полки, потом на верхние и багажные, куда уж он совершенно не смог бы влезть, и выскочил в коридор.

— Саша! Мальчика не видели? Мальчик Саша здесь не пробегал?

Отец двух дочерей-акселераток посмотрел на меня испуганно и не нашёлся, что ответить. Ясно, он сейчас был почти невменяем, так как боялся за своих двух чад. А вот девочки были совершенно спокойны, и эти уж наверняка всё знали.

— Нет. Здесь никто не проходил.

— И не пробегал.

Я рванулся вперёд ещё немного.

Мальчик, всё время выражавший желания вслух, посмотрел на меня с интересом.

— Сашу! Мальчика! Не пробегал?

Нет, и здесь его не видели. Мне навстречу шёл Иван.

— Что у тебя произошло?

— Саша исчез!

— Да ты что?! Как это?

— Не знаю. Не видел.

— В эту сторону он не проходил.

Я бросился к тамбуру в противоположную сторону. В маленьком коридорчике его не было. Не было его и в самом туалете. Да и в тамбуре — тоже. Здесь стояли два студента и курили.

— Мальчик не пробегал?

Они сначала не поняли.

— Мальчик здесь не появлялся? Маленький! Четырёх лет...

— Никого здесь не было, — наконец сказал один из них.

— Мы детей в тамбуры не пускаем, — сказал другой.

Ну вот! Помимо моей воли! Ведь человек! Четыре года уже прожил на свете!

И всё-таки я, кажется, не понимал всего ужаса происходящего. А Иван уже сообразил, что делать.

В любой другой ситуации я бы непременно начал бегать по вагонам, спрашивать, искать. Да и не мог в любой другой

ситуации просто так исчезнуть человек, если он и был только мальчиком. Но тут дело было в чём-то другом. Я отлично понимал, что он исчез просто. Исчез и всё. Он ведь и появился не совсем так, как обычно появляются люди. Тут всё дело было в том, что кто-то очень захотел, чтобы этого мальчика не было. Кто-то очень хотел привести всё к исходному виду и вернуть поезд в железно детерминированную реальность, где нет никаких фокусов, чудес и всего прочего. Кто-то очень хотел сделать поезд нормальным. Да только разве и я не хотел этого? Но почему вдруг, почему не испробовав всего? Почему так нахально? Разве можно было для того, чтобы вернуться к обычной жизни, уничтожить человека? Я не понимал этого. Конечно, я отец. Мне вроде бы и положено до конца драться за своего сына. Но ведь и другие! Что будет со мной? Во-первых, я, пусть это даже и неправильно, найду виновника происшествия и попытаюсь сделать так, чтобы и он исчез, только уж самым обычным и испытанным путём. А Инга? Ведь она придёт сейчас и узнает... Да разве можно объяснить ей это исчезновение? Разве поймёт она? Разве поверит? Да и как она жить-то теперь будет?

— Ну, Иван! — сказал я. И, наверное, слишком много злости было в моём голосе, потому что он даже отшатнулся.

— Артём, неужели ты думаешь...

— Я найду! Найду! — И я начал дубасить стену кулаком, и пробил бы её насквозь или, в крайнем случае, разбил в кровь кулаки, но тут в тамбур вошла Светка.

И нельзя было оттянуть миг встречи. А за ней показалась и Инга с дочерью на руках. Нервы у неё определённо были натянуты до предела, потому что, увидев меня здесь, она даже ничего не спросила, а лишь внезапно побледнела. Только бы не упала, подумал я, и попытался взять у неё из рук девочку.

— Ну что? — тихо сказала она.

— Инга! Я найду! Я всё равно найду его!

Она это чувствовала, ждала, надеялась, что это никогда не произойдёт, и всё же ждала, боялась и ждала, не хотела и ждала! Она крепко прижала к себе девочку, так, как обычно не держат детей, но только отобрать у неё дочь я сейчас не мог. В тамбуре уже оказались и Тося с Зинаидой Павловной. И по нашим лицам они поняли всё.

— Дай-ка её мне, — потребовала Зинаида Павловна.

Наверное, это было первое, что необходимо было сделать.

Инга подчинилась ей беспрекословно и, держась за стенку обеими руками, словно в темноте, на ощупь прошла в вагон.

— Как же ты, Артемий? — тихо сказала Зинаида Павловна. — Ведь, наверное, отвернулся хоть на мгновение?

— Отвернулся...

— Он отвернулся! — закричала Светка. — Он, видите ли, отвернулся! Да ты отец или нет?!

— Остановись, милочка, — попросила Зинаида Павловна. — Придержи дверь.

Все, кроме студентов, вошли в купе. Инга лежала на нижней полке и молчала. Она и нас-то не заметила, как мне показалось сначала.

— Что же вы стоите?! — снова крикнула Светка. — Идите! Что-нибудь предпринимайте! Как столбы стали!

— Тише, — попросила Зинаида Павловна.

— Да их убить за это мало!

Меня, конечно, можно было. Я бы и сопротивляться не стал. Хоть мучения бы мои кончились! Фу! Нет, надо действительно что-то делать.

Инга, наверное, на самом деле всё слышала и видела, потому что тихо и скованно, слабо и как-то тоскливо, жестом попросила положить дочь рядом с ней к стенке.

Зинаида Павловна молча выполнила её просьбу.

— Уж у нас бы не исчез! — заявила Светка.

А я её сейчас просто ненавидел. Ведь всё правильно говорит, но только именно поэтому ей сейчас лучше было бы помолчать.

— Замолчи, Светлана, — с нажимом потребовала Тося.

— И замолчу!

Вот с Ингой произошло примерно то, что несколько часов назад с Зинаидой Павловной. Хоть бы выдержала она, хоть бы продержалась.

— Пошли, — сказал Иван.

— Подожди... Света, эта делегация была из какого вагона?

— Не знаю! Ищите! Ещё мужчинами называются...

— Пойдёшь с нами, — потребовал я.

— Да-а?!

— Я пойду, — сказала Тося. — Я их хорошо запомнила.

— Организуем охрану, — сказал неизвестно откуда появившийся Валерка.

— Не надо охраны, — сказал Иван.

— А вдруг придётся...

Да что придётся-то? Бить, что ли, этих двух? Пытать? Требовать, чтобы они возжелали иметь в составе пассажиров поезда мальчика четырёх лет, именно из-за которого поезд никак не может добраться до своего пункта назначения?

Я хоть и был взбешён, но только теперь отчётливо понял, что сделать ничего нельзя, разве что убить одного-двух человек. Но убить человека я не мог.

— Пошли, — повторил Иван.

Он пропустил вперёд Тосю, которой после вчерашней истории с Семёном не сказал ни единого слова. Но следом за ней пошёл сам. Потом я. Замыкал шествие Валерка. Он нюхом чувствовал, что без него здесь не обойдётся.

119

Вот ведь мы идём делать то, чего по логике делать не следует. Куда ещё заведёт наш поезд эта экспедиция? Да только как следовать логике? И вообще! Куда иногда заводит нас голая логика? Но куда приводит и отсутствие логики? Ведь нельзя поступать исключительно так или исключительно эдак! А как?

Раньше-то я был уверен, что поступать надо только правильно. Всё было ясно и просто. Правильно — и точка! Тут и рассуждать было нечего. Потом возник вопрос: а как это — правильно? Сначала был и ответ. Честно. По-человечески. Правдиво. И снова — правильно! И я поступал так, искренне удивляясь потом, когда эффект моих действий был совершенно противоположен тому, что я предполагал. Окончательного ответа тут, наверное, нельзя дать. И получается большое поле непредсказуемых поступков. Правда, есть люди, для которых подобных вопросов не существует. Но я-то к ним не принадлежал.

Вагон качало. И иногда Иван и Тося сталкивались плечами, но ни тот, ни другой не отдёргивались, словно и не замечали этого. Да, наверное, и в самом деле не замечали.

Предприятие наше было бессмысленным с самого начала. Нашли мы этих товарищей, поговорили. Но невозможно было доказать их виновность. И даже если бы они сто раз вслух повторили, что хотят вернуть мальчика его родителям, от этого пользы не было бы никакой. Ведь то, что происходило в их душах, всё равно оставалось неизвестным. Да и не возражали они против возвращения мальчика. Они даже ужаснулись происшедшему. И другие пассажиры поохали и посожалели. А помочь не мог никто.

Я молчал. Я сейчас не мог говорить и играл лишь роль живого укора. Говорили Иван и Тося. А Валерка уже что-то решил и теперь с нетерпением ждал возможности объявить нам свою идею.

Здесь уже делать было нечего. Но и возвращаться в свой вагон тоже было незачем...

— Мы проведём беседы со всеми пассажирами, — предложил Валерка. — Может, причина и не здесь. Но мы постараемся убедить всех.

Это интересно! Они только что проводили беседы с пассажирами, чтобы те не вздумали мечтать о чём-нибудь таком... А теперь поворот на сто восемьдесят градусов, да ещё со стопроцентной уверенностью, что это заведёт наш поезд чёрт знает куда.

— Нет, — сказал я.

— Вы — тряпка! — обозвал меня командир студенческого отряда. — За своё счастье надо бороться!

Надо... Только почему же он-то не боролся за своё? Ведь он любил Ингу уже три года, а я — лишь третий день. Эх, Валерка, Валерка... Или чувства свои ты хочешь скрыть за маской решительной деятельности?

А исчезновение моего сына незамедлительно возымело эффект. Поезд входил в какой-то город. Не знаю уж, что это был за город. Но только город был большой. Стандартные пятиэтажные здания тянулись по обеим сторонам железнодорожного полотна. Потом пошли какие-то депо, ремонтные мастерские. Поезд замедлял свой ход.

Идти к Инге я не мог. Мы все четверо двинулись было к нашему вагону, но я остановился в первом же тамбуре. Я чувствовал, что и Иван, и Тося стоят за моей спиной. Валерка что-то буркнул и убежал. Я ему завидовал: он ещё мог сейчас действовать. Поезд шёл уже совсем медленно. И снова станционные киоски и буфеты поползли за окном. Толпы народу с чемоданами и рюкзаками. Носильщики и продавцы мороженого. Зелень деревьев, пыль асфальта. Но только меня сейчас это мало интересовало.

Проводница вагона вежливо попросила нас отойти, чтобы позволить ей открыть дверь тамбура. Да и сзади уже волновались пассажиры. Ведь всё, кажется, для них начинало идти нормально.

Я отодвинулся, но не совсем, потому что что-то медленно проползало сейчас за окном. Это «что-то» было сейчас настолько поразительно и невозможно, что я мгновенно вцепился в него взглядом, хотя и не мог сразу сообразить, что это. А вернее, кто это...

Проводница начала говорить уже не столь вежливо. Да и мешал я ей! Мешал! Но только то, что я увидел за окном, было настолько радостно и невозможно, что я уже ничего не слышал. Я сам, торопясь, открыл дверь вагона и бросился на перрон. Я удержался на ногах, не упал, да и поезд уже почти совсем замедлил свой ход.

В десяти шагах от меня стоял Семён и держал за руку моего сына...

Семёна-то я сейчас почти и не видел, ну то есть видел, но как-то не так, как, например, своего сына. Я чуть было не

сбил с ног двух граждан, но уже ни на что не обращал внимания.

— Сашка! — крикнул я и схватил сына на руки. — Сашка!

— А загадку? — тотчас же спросил он.

— Будет, будет загадка! Миллион загадок! Жив! Здоров!

— Жив он, жив, — сказал Семён.

— Спасибо, Семён!

— Ладно... — махнул рукой Семён.

И тут он увидел свою жену. А жена приближалась к нему с Иваном. Они, правда, шли не в обнимку, они даже за руки не держались. Но шли-то они всё-таки рядом. Далеко от своего вагона. Вот ведь никого больше из нашего вагона здесь не было, а Тося шла рядом с Иваном.

— Понятно, — сказал Семён.

— Семён! Спасибо тебе! Да как же это?

Семён только отмахнулся и пошёл к своему вагону. И вот что удивительно: Тося не пошла за ним. Тося и Иван остановились возле меня. Тося взъерошила волосы мальчишке. И спокойна она была сейчас, словно и не встретила своего мужа, словно они вообще не были даже знакомы.

— Ингу надо поскорее обрадовать, — сказала Тося.

— Да, да, — ответил я.

Сына я крепко держал на руках. Я бы его и ещё крепче сжал, но боялся, что ему будет больно.

Так и шли мы вдоль вагонов: Иван с левой стороны, а Тося — с правой. Я и бежать-то боялся, чтобы не растрясти своё вновь обретённое счастье.

Около окна нашего вагона я приподнял сына. Зинаида Павловна и Светка его увидели и начали что-то радостно говорить, обращаясь к невидимой мне собеседнице, к Инге, конечно. Но сама Инга в окно не выглянула.

Я вошёл в вагон с победным, ну, может, только чуточку глуповатым от счастья видом. Вагон уже знал о происшествии. Даже тётя Маша сказала:

— Явился, безбилетный гражданин!

Но это она просто шутила.

Семён сидел в нашем купе и смотрел в окно. Но сначала я должен был пройти к Инге.

— Вот, — сказал я. — Вот он, беглец...

Я ожидал радости, уж, конечно, слёз, но не такого спокойного отношения, чуть ли не безразличия. Инга даже не встала. Она долго смотрела на меня, пока я не отвёл свой взгляд, потому что мне стало как-то не по себе. Потом сделала жест рукой, как бы приглашая сына сесть рядом с собой.

— Мама немножко болеет, — сообщила Зинаида Павловна моему сыну. Не знаю, что он понял, но сел тихо, даже с потуплен-

ным взором. Инга погладила его по голове и плечу. Но все движения у неё были какие-то безвольные, словно ненастоящие.

— Да что с ней... — прошептал я Зинаиде Павловне.

— Это пройдёт, Мальцев. Это последствия стресса. Я уже дала ей, что нужно. Вернее, что есть. Пусть она полежит спокойно.

— Уж хоть бы заплакала.

— Это хорошо, если бы заплакала. Но только она не заплачет, характер у неё такой.

Иван где-то отстал от нас, а Тося не захотела оставаться в своём позавчерашнем купе.

— Ну, а теперь идите, — попросила Зинаида Павловна. — Нужно будет, позовём...

— Уж мы-то детей не потеряем! — заявила всё-таки Светка. Вот ехидная девица!

Я молча повёл головой и, пятясь, вышел из купе. Состояние здоровья Инги беспокоило меня, но помочь я тут, наверное, действительно ничем не мог.

Я вернулся в своё купе и сел напротив Степана Матвеевича. Валерий Михайлович о чём-то разговаривал с Семёном, но тихо, так что я ничего не мог разобрать. Фёдора в купе не оказалось. Не было здесь и Ивана.

120

Степан Матвеевич смотрел осмысленнее, но потревожить его я не решался.

Семён вдруг пересел ко мне поближе и спросил:

— Как ты думаешь, Артём, Тося вернётся?

— Куда вернётся?

— Куда, куда? Ко мне! Не купе же я имею в виду...

— Не знаю, Семён... У неё спросить надо.

— Валерий Михайлович вот утверждает, что у неё с Иваном тут в моё отсутствие ничего такого не было. Подтверждаешь?

— Не было, Семён, не было. Ни в твоё отсутствие, ни до этого.

— Ну уж... — не поверил Семён. — Ты вот что, ты позови её сюда.

— Да почему бы тебе самому этого не сделать?

— Видишь ли... Я тебе тоже могу сказать: почему бы тебе самому сына не найти?

— Да, да. Спасибо тебе, Семён! Прости, не знаю, как тебя и благодарить!

— Не надо мне вашей благодарности... Мне Тосю надо... И катитесь вы все потом.

— Да зачем же ты так?

— А за тем, что вам приобретать можно, а мне нельзя!

— Не понимаю...

— Вот и позови Тосю.

— Хорошо. А если она не пойдёт?

— Пойдёт! А если нет, то что-нибудь другое придумаем.

Я встал. Степан Матвеевич посмотрел на меня безмолвно, но осмысленно.

— Нормальная реальность, Степан Матвеевич, — сказал я ему. — Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — еле слышно прошептал он.

Но всё-таки, слава Богу, Степан Матвеевич приходил в себя.

— Поторопись, Артём! — потребовал Семён.

Я, конечно, был ему слишком благодарен, чтобы обижаться или протестовать.

Я пошёл в последнее купе и сказал:

— Тося, Семён просит тебя зайти к нему в купе.

— Семён? — удивилась Тося. — Какой Семён?

— Да хватит вам... Семён Кирсанов, муж твой!

— Никакой он мне не муж, Артём...

— Ох, неразбериха! Так что ему передать?

— Ну, раз просит, так приду. Вот только брови подведу и губы подкрашу. — А ведь она ни разу здесь не красилась, не знаю уж, как там дома.

Я повернулся и пошёл назад. С противоположной стороны к нашему купе приближалась группа людей: Иван, Фёдор, Юрий, ещё два каких-то гражданина и заведующий лабораторией, в которой я работал. Это уже было совсем странным. Он-то как сюда попал?

И сошлись мы именно в нашем купе.

— Вот, — сказал Иван. — В помощь нам товарищи.

— Академики, прошу пардону! — возвестил Фёдор.

— Да нет, вовсе не академики и даже не доктора наук. Хотя академики и жаждут попасть в ваш поезд, но только вы всё время ускользаете.

— Здравствуй, Артём, — сказал заведующий лабораторией.

— Здравствуйте, Геннадий Фёдорович! А вы-то какими судьбами?

— Так ведь все институты, которые имеют хоть отдалённое отношение к этой заварухе, поставлены на ноги. Повезло, повезло! Почему не самолётом?

— Долго объяснять...

— Прошу располагаться, — предложил Иван. — Тесновато, конечно, да не в этом сейчас дело.

В первую очередь в купе разместили членов комиссии. Мне, Ивану и Фёдору пришлось стоять. Но мы были не в обиде. Такое научное подкрепление нас очень обрадовало. Даже Степан Матвеевич начал проявлять признаки интереса к происходящему. И только Семён сидел недовольный. Всё это его словно не касалось. Или он и без посторонней помощи мог выйти из создавшегося положения?

Степан Матвеевич посмотрел на меня.

— Всё хорошо, — ободрил я его.

— График... — попросил он.

Но тут быстрее меня догадался Иван. Он начал судорожно перелистывать графики, лежащие на столике.

— Запуск через час и десять минут, — сказал он. — В Персеполе.

— Успею, — прошептал Степан Матвеевич и снова закрыл глаза, словно собираясь с силами для какой-то решающей битвы.

— Итак, — сказал один из членов только что прибывшей комиссии. — Недетерминированные...

Тут кто-то тронул меня за плечо, я машинально вжался в перегородку, чтобы пропустить человека. Но это оказалась Тося. Ох и великолепный же вид был у неё сейчас!

— В чём дело? — спросила она.

Члены комиссии, да и некоторые другие, конечно, ничего не поняли. Все удивлённо уставились на Тосю.

— Вот что, Таисия, — сказал Семён, но почему-то не докончил.

— Продолжай смелее, — поторопила его Тося.

— А однако, ты здесь многому научилась, — удивился Семён. — И вообще! Здесь всё-таки купе, а не зал заседаний! Человеку, может, с женой необходимо срочно поговорить!

— Да ты что, Семён? — удивился я. Ведь он просто-напросто выгонял нас из этого купе.

— А ничего! Двигайтесь-ка, уважаемые учёные люди, куда-нибудь подальше! Расселись!

Члены комиссии смутились. Совершенно неожиданным для них оказалось что-то сугубо личное во взаимоотношениях пассажиров поезда, который попал в такую беду.

— Очнись, — попросил я Семёна.

— Уже очнулся. Мне, может, поцеловать свою жену хочется. Так что, на глазах у всех это проделывать?

Семён пошёл вразнос и уже понимал, что этим самым только вредит себе, но остановиться не мог.

— Так нам перейти куда-нибудь? — догадался Геннадий Фёдорович.

— Не надо вам никуда переходить, — сказала Тося.

— Это ещё что такое! — взвился Семён.

— Ты что-то хотел мне сказать, — ответила Тося. — Так вот, поговорим в тамбуре, чтобы никому не мешать.

— А я и здесь никому не мешаю!

— Что же касается поцелуев, то тут ты ввёл людей в заблуждение... Не будет больше этого!

— Ого!

Тося повернулась и пошла в тамбур. Семён бессмысленно поморгал глазами, что-то сообразил, снялся с места и торопливо, чуть ли не бегом, направился за своей женой.

— Не обращайте внимания, — сказал я.

— Неудобно как-то, — сказал один из членов комиссии.

— Ничего, — попробовал убедить я его.

— Прошу пардону, — сказал писатель Фёдор. — Небольшой скандал в семействе...

121

— Так что там в мире? — спросил я.

— Мир делает всё, между прочим, чтобы вызволить вас из этой переделки, — сказал Геннадий Фёдорович.

— Собственно, ваше предположение, что в поезде нарушены причинно-следственные связи, не совсем соответствует действительности, — начал один из членов комиссии. — А вот второе предположение — о чудесном исполнении всех желаний...

— Вычислительный центр Академии наук просчитал возможные варианты будущего вашего поезда, — сказал другой член комиссии. — Конечно, данных всё-таки очень и очень недостаточно. Но единственная реальная возможность привести всё в норму — это действительно отказаться от необдуманных планов, мечтаний, желаний. На сегодня только вы сами можете помочь себе. Пищевые продукты, воду, молоко — всё это, конечно, мы вам сможем забросить. На каждой более-менее крупной станции организован пост по встрече фирменного поезда «Фомич». Да и на мелких все оповещены. Так что от голода и жажды вы не умрёте. Но ведь не может же ваш поезд бесконечно мотаться по железным дорогам страны? Кроме того, в поезде дети, старики, да и все остальные не намерены проводить свой отпуск на колёсах взбесившегося поезда...

Он говорил ещё долго, но смысл его речи был ясен с первых слов. Уж они проведут работу среди пассажиров. Интересно, как только они осмелятся убрать наших с Ингой детей? А что всё упрётся именно в это, я не сомневался. Уж и студенческий отряд поработал с пассажирами, объяснил всем, что можно делать, а что нельзя. Только бы не получилось, как в анекдоте про обезьяну. Только бы не начали пассажиры мечтать и думать о чём-нибудь совершенно невероятном именно потому, что их предупредили не делать этого.

Разговор перешёл на чисто теоретические детали проекта. Тут уже предложили усыплять наиболее рефлектирующих пассажиров, и ещё что-то. Геннадий Фёдорович пересел ко мне поближе и спросил:

— А как у тебя с командировкой?

— Нормально, — ответил я. — Всё согласовано. Замечаний особых нет. Адрес свой марградский фомичам оставил.

Геннадий Фёдорович пожевал губами, что-то собираясь, но словно не осмеливаясь спросить.

— А макет? — всё-таки спросил он.

— Какой макет? — не понял я.

— Макет пространственно-временного прогнозирования...

— Геннадий Фёдорович, я не брал с собой никакого макета! — удивился я.

— Ты-то не брал, да только он с тобой всё равно ездил...

— Не понимаю, — ужаснулся я. — Объясните!

На своём месте зашевелился Степан Матвеевич. Он словно что-то хотел сказать.

— Дать вам пить? — спросил я у него.

— Спасибо, Артём... Там... от нескольких недель до нескольких лет...

Я, наверное, окончательно отупел, потому что перестал понимать и Степана Матвеевича, и Геннадия Фёдоровича.

— Да что там? И где это: там?

— В другой, побочной реальности... Там фирменный поезд бродил по дорогам страны от нескольких недель до нескольких лет. В разных по-разному. Их было три...

Степан Матвеевич говорил с трудом, но я его уже понял. Вот на что, значит, обрекался наш поезд!

— ...а макет твой в разных реальностях был всегда другой...

— Да что за макет? Никакого макета у меня нет и не было! Вот мой портфель... Бритва, полотенце. Рубашки, две, извиняюсь, грязные. Книга. Сувенир из Фомска. Запасная шариковая ручка. Вот смотрите, смотрите! При чём тут макет? Знать не знаю никакого макета! — Говорил я громко и возбуждённо.

И этим привлёк внимание всех, кто находился в купе. Они даже перестали разрабатывать планы искоренения желаний у людей, и с недоумением наблюдали, как я ору на весь вагон.

— Да и никто этого не знает, — сказал Геннадий Фёдорович. — Ведь предполагалось, что эксперимент будет абсолютно чистым. Делали макет совершенно разные люди, так что даже из них никто не знает, как он выглядит. Пользоваться им по своему прямому назначению можно. Он должен всё время работать, кроме тех моментов, когда им пользуются по назначению.

— Невозможно, — сказал я. — Не верю! Ведь тогда что получается? Ведь тогда получается, что это всё из-за меня! Значит, это я запустил необратимый процесс чудес в нашем поезде?

— Никто и не предполагал, что макет может такое сделать. У него цели и возможности гораздо уже. Чисто научные. Результаты должны были обрабатываться на математической машине. И только по очень сложным критериям можно было бы извлечь какую-нибудь информацию. Да и то с малой степенью достоверности.

Геннадий Фёдорович популярно объяснил идею работы макета. Уж я-то знал, для чего предполагалось сделать такой макет. Только вот даже не мог предположить, что его подсунут мне. Вот так чистый эксперимент получился! Значит, я сейчас со своими двумя детьми не только камень преткновения на пути спасения фирменного поезда! А ещё и причина всей этой чертовщины! Я и только я во всём виноват!

— Макет должен быть пятиразового пользования. Он ведь работает всё время, кроме, как я уже говорил, времени своего прямого предназначения. Например, электробритва... Побрился ты ею пять раз — пять раз макет выключается. А на пятый раз он должен выключиться вообще. Или шариковая ручка...

— А у тебя, Артём, ведь бритва не работает? — тихо спросил Степан Матвеевич.

— Не работает, — ответил я с ужасом. — Сломалась перед самым отходом поезда. — Я невольно потрогал свою двухдневную щетину на щеках и подбородке.

— Дай-ка сюда твою бритву! — довольно грубо потребовал Иван и, не дожидаясь, когда я передам ему футляр, сам схватил его и положил в карман своих брюк.

— Тут ведь вот что можно сделать, — сказал Геннадий Фёдорович. — Тут, например, если наладить её...

— ...и бриться всем по очереди до самого Марграда, — закончил фразу Иван. — Бритва пока полежит у меня в кармане!

— Почему это? — не понял Геннадий Фёдорович.

— Вы ещё не знаете всего, что произошло в нашем поезде.

— Да разве это аргумент?

— Я покажу вам аргумент. Хотите?

— Что нужно от меня этому товарищу? — спросил Геннадий Фёдорович, с недоумением глядя на меня.

Я знал, что за аргумент припасён у Ивана, и поэтому устало попросил:

— Не надо, Иван.

— Да, может, ваш макет и не в бритве вовсе смонтирован? — спросил Иван.

Но он это говорил только для того, чтобы отвлечь внимание.

— Пойдёмте, — потребовал Иван, обращаясь к Геннадию Фёдоровичу и двум другим членам комиссии.

Те трое приподнялись, с недоумением и недоверием, но всё же пошли за Иваном. На экскурсию повёл их Иван! Осматривать двух детей, появившихся не совсем обычным образом. У меня не было мыслей в голове. Конечно, я ни за что не отдал бы своих детей. Но я не смог бы препятствовать их исчезновению, если бы этого потребовали все. Потому что — теперь уж я знал это точно — я был и причиной, и поводом чудес в фирменном поезде «Фомич».

122

Комиссия вернулась через пять секунд. Она всё ещё ничего не понимала, но ей сейчас всё объяснят. Сейчас всем всё станет ясно. А тогда уж и не трудно будет наметить программу счастливого возвращения поезда в Марград.

Они ещё что-то говорили, но я уже не слушал. Жизнь, в том понимании, как я считал всегда, для меня кончилась. И начаться она уже не могла никогда!

Я потихонечку пошёл по коридору, остановился в Ингином купе, постоял немного, чему-то улыбаясь. Сейчас я наверняка походил на идиота. Инга всё так же лежала на нижней полке, обняв рукой девочку, странно спокойную и тихую. Она, кажется, и не плакала сегодня ни разу. Сын сидел на краешке полки и молчал. Он не играл, не ёрзал, что было бы естественно для его возраста. Он сидел по-стариковски, даже немного ссутулившись... Зинаида Павловна, Светка и Клава, снова подурневшая, ставшая ещё более некрасивой, чем была прежде, что-то говорили мне и друг другу, но я их не слышал. Другая

доминанта подавляла сейчас в моём головном мозге все прочие очаги возбуждения. Я сел в ноги к Инге. Она была в полном сознании. И в глазах её светилась мысль. Правда, не было в ней ни искорок, ни огня. Глаза потухли. Но они всё же жили. В них не было ни испуга, ни страха, ни ужаса, только одна беспредельная и вечная тоска.

Я погладил её по руке, прикоснулся к белому свёртку, в котором находилась жизнь, совсем недавно, только несколько часов назад возникшая жизнь, потрепал сына по волосам, но он даже не повернулся ко мне. Потом я встал и пошёл в тамбур. Машинально полез в карман за сигаретами, но вспомнил, что сигарет у меня давно нет. А курить хотелось страшно как!

Я и забыл, что в тамбуре продолжают свой тягостный или примирительный разговор Тося и Семён. Но я был уверен, что не помешаю им. Меня теперь вроде бы как и не существовало уже.

Семён глянул на меня растерянно и зло, а Тося растерянно и жалея, словно уже знала что-то.

Я уткнулся в стекло противоположной двери и не увидел за ним ничего... Поезд шёл в ночи, непроглядной и страшной.

Не знаю, сколько я простоял так...

Меня словно кто-то окликнул. Я вздрогнул, пришёл в себя и огляделся. Хлопнула дверь за выскользнувшей из тамбура Тосей. За ней рванулся Семён, а за ними — я. Я просто подражал их действиям. Что-то произошло здесь, в этом тамбуре, но я не знал, что...

Я вошёл в вагон. Тося уже была где-то возле нашего купе. Фигура Семёна загораживала её, так что я сначала ничего и не понял. В купе Инги я даже и не заглянул. А происходило вот что. Я подошёл ближе и увидел, что Тося приникла к груди Ивана, вжалась в него. Сейчас её нельзя было и оторвать. А Иван растерянно и молча гладил её одной рукой по волосам, а другой словно отстранял от себя всех остальных. Семён стоял взбешённый, будто опозоренный, и потрясал кулаками. Но тронуть ни Тосю, ни тем более Ивана он не решался.

Вот так объяснение в любви! В любое другое время я бы искренне порадовался счастью Ивана и Тоси. Я и сейчас радовался. Радовался! И Иван, и Тося были мне очень симпатичны. Но только ведь справедливый Иван не допустит, чтобы из-за него фирменный поезд болтался чёрт знает где. Иван сейчас просто посадит Тосю и спокойно объяснит, что сейчас этого делать нельзя. А потом он, может быть, бросится под поезд, потому что ему не вынести этой пытки. Но сначала он всё-таки сделает по справедливости, для других.

Все молчали. Бесился и кричал лишь один Семён. А Иван всё не выпускал Тосю. Да что с ним? Ведь не нарочно же он это! Ведь знает же он, к чему приводят в нашем поезде такие непреодолимые желания! Ведь он совершает преступление перед пассажирами фирменного поезда, похожее на то, какое совершил я.

— Иван, — сказал я тихо.

— Так надо, — слегка кивнул он мне. — Так надо...

Так надо? Да зачем же так надо? Ведь теперь не только я, но и он будет причиной, ну пусть не причиной, но уж наверняка поводом для блужданий поезда! Неужели он этого не понимает? Или... или... или это он нарочно? Чтобы разделить со мной вину, чтобы облегчить мою совесть! Ива-ан... Да разве можно брать на себя такое? Ведь у меня это получилось, когда я ничего не знал. А ты ведь уже знаешь всё! Неужели ты идёшь на это сознательно?..

Тося вдруг резко оттолкнулась от могучей груди Ивана и повернулась лицом к нам. Обращалась она к Семёну, но слова её предназначались всем:

— Да! Да! Я люблю его! Люблю!

— Я тоже люблю тебя, Тося... — сказал Иван и положил на стол бритву. Мою сломанную бритву.

Теперь её мог взять любой. Любой мог наладить её, включить и начать бриться. Аж до самого Марграда...

— Да?! Да?! — закричал Семён. — Ты так?! Ты так?!

Он бросился что-то доставать на верхние полки. Вниз полетели свёртки, коробки, ещё что-то. Семён, словно не помня себя, в каком-то исступлении всё бросал и бросал их на пол и столик. Много, однако, у него было ещё припасено там. Потом он соскочил на пол и начал с криком: «Вот! Вот!» выбрасывать всё в открытое окно. Всё, всё, приобретённое им в Марградском универмаге, вылетело в ночь. Затем он дёрнул полку, хотя на ней и сидели люди. Валерий Михайлович и один из членов комиссии испуганно вскочили, и тогда Семён без всякой посторонней помощи, аж рубаха затрещала на нём, выхватил из-под полки чемодан с макетом магазина и грохнул его за окно. Никто не успел ему помешать, да никто, кажется. и не хотел делать этого.

Семён закончил свою работу.

— Вот! — зло сказал он, повёртываясь к Тосе. — Вот! Ты этого хотела! Получай! Этого ты хотела! Всё там, всё!

— Я не этого хотела, Семён...

— Не этого? Знаю я, чего ты хотела...

Семён немного поостыл, устал.

— А! Идите вы все... — И он мрачно уселся в угол свободной полки. Похоже, что Семён понимал, что произошло. По-

нимал даже, что теперь он ничего не вернёт назад. И страдал. Наверное, Семён очень любил свою Тосю.

— Теперь уж нет, — тихо сказала Тося и ушла в купе Инги.

123

Все молчали. Кто растерянно, кто многозначительно. Не знаю, сколько бы продлилось это молчание, но тут в вагон ворвался неутомимый Валерка. Вид его был красноречив. Валерка наверняка совершил очередной геройский поступок, очередное правильное дело.

— Задание выполнено, — отрапортовал он. Его даже не смутило присутствие в купе незнакомых людей. — Всё сделано, — сказал он уже менее восторженно.

Но теперь некому было спрашивать Валерку. И я, и Иван не имели права. Степан Матвеевич снова готовился к отходу в другую реальность. Валерий Михайлович стоял с испуганным видом, да и вещи снова беспокоили его, давили или врезались в тело. Семёну теперь вообще на всё в жизни было наплевать. Комиссия впервые видела Валерку и не знала, что за задание он выполнил. Да и не было, собственно говоря, у него никакого задания. Валерка делал то, что считал нужным. И только писатель Фёдор что-то хотел сказать или спросить.

— Да что же вы? — смешался Валерка. Такого приёма он от нас не ожидал.

— Прошу пардону! — сказал Фёдор. — Вы, Валерий, что изволили выполнить?

— Задание...

— Какое задание?

— Ну, это... чтобы пассажиры не выдумывали ничего такого сверхъестественного. Не мечтали чтобы до Марграда... Мы и посты везде расставили. Методику работы придумали. Заговариваем, так сказать. зубы... А что? Что-нибудь изменилось? Не нужно было этого делать?

— Да нет, — сказал Фёдор. — Молодцы вы. Всё правильно сделали. Отучить людей мечтать не так уж и просто... И как поезд, идёт уже по расписанию?

— Не совсем, но догоняем... По крайней мере, мы идём по Западно-Сибирской дороге, как и должно быть.

— Это хорошо, — сказал Фёдор. — Значит, приедем...

— Дело в том, Валерий, — сказал я, — что мы всё равно никогда не приедем в Марград, потому что у нас с Ингой двое детей, появившихся странным образом. И из-за этого поезд будет вечно метаться по железным дорогам, пока не развалится.

— Ну и что, что двое детей? — Валерка смутился. — Ну и что, что двое? Двое и должно быть в семье. Даже две целых и три десятых. Я читал.

— Да ты всё понимаешь, Валерий?

— Понимаю. Раз Инга любит тебя, почему бы у вас не быть детям?

— Так ведь и ты её любишь! — нанёс я запрещённый удар.

— Я?.. Да... А что?.. Ну и я тоже... Так что же из этого?.. Я не понимаю, простите...

— Это ты прости меня, Валера. Я что-то не то сказал. Но всё равно... Никуда мы не приедем...

— Сволочи! — буркнул из своего угла Семён.

— Валерий, — сказал Иван. — Я вот только что перед твоим приходом сказал всем, что люблю Тосю...

— Ну и что?

— Да всё то же...

— Ну и любите себе на здоровье!

— А другим?

— Что другим?

— Себе на здоровье, а другим?

— Да какое дело другим! — вспылил Валерка. — Что тут могут сделать другие?! Я понимаю, понимаю. Я всё отлично понимаю. И вы тут напрасно думаете... Мы сейчас обсудим и сделаем...

— Тут ничего нельзя сделать, Валерий, — сказал я. — Вернее, только одно...

— Я понимаю, понимаю. — Он вдруг начал пятиться, потом повернулся и убежал в другой вагон.

Конечно, Валерка не мог сидеть без дела. Вся жизнь его была в хороших и полезных делах.

— Вот эта самая бритва, — сказал Иван и залез на свою полку в соседнем купе и отвернулся к стенке.

Всё, он больше не желал принимать участия в этой лотерее.

Степан Матвеевич вдруг поднял мутные глаза и выдавил из себя хриплое:

— Год, число, месяц?

— Второе августа тысяча девятьсот семьдесят пятого года, — сказал я и постарался усадить его поудобнее. — Реальность самая что ни на есть настоящая.

Вот он-то пожертвовал своим счастьем и теперь снова был в своей многомиллионной и страшной жизни.

Валерий Михайлович хватал посиневшим ртом воздух. Ремень, что ли, перетянул его дальше невозможного? Он тоже согласился вернуться в свою многотрудную жизнь.

— Академики, в ресторацию! — бросил клич писатель Фёдор, навсегда распрощавшийся с мечтой быть когда-нибудь напечатанным.

— Так ведь уже поздно! — возразил Геннадий Фёдорович.

— Возьмём приступом! Уже более суток у человека во рту ни капли не было! Надо, надо придерживаться прежнего распорядка.

И уже из его купе выходили отоспавшиеся за день алкаши, чтобы продолжить приятное и единственно возможное для них в этом поезде занятие. И уже Фёдор бросил несговорчивых «академиков» и шёл к своим верным друзьям.

Где-то пыталась не вспоминать свою семью Зинаида Павловна, и наверняка снова помогала кому-то обрести душевное спокойствие и поддерживала чьё-то здоровье совсем незначительными имеющимися в её распоряжении средствами.

Вообще-то я сдался... Ну не то чтобы сдался, а просто отдал себя на совесть пассажиров. Уж справедливый Валерка наверняка через бойцов своего отряда объяснит всем, что теперь им нужно делать. Может, и делегация какая придёт. Я не скажу и слова против, даже не подумаю возражать. Я просто буду сидеть рядом с Ингой и всё... Будет так, как будет.

А комиссия пусть решает, что к чему. Пусть связывается с Академией наук, пусть сбрасывают десанты и продукты, пусть вычисляют на математической машине дальнейшую судьбу нашего поезда и его пассажиров. Пусть они что хотят, то и делают. «Мозговой центр» нашего поезда распался. И уже пришли другие люди на наше место. Я бы сейчас не удивился, если бы всё дело спасения поезда возглавил Валерка. Ему бы подошло руководить и спасать человечество. А попутно бы он рассказал ему, в чём оно право и где совершало ошибки. Пусть... Всё пусть... Всё... всё... всё...

Я повернулся и пошёл в последнее купе, где ещё двое суток назад с такой радостью и желанием пели весёлые песни, где выделялся красотой и силой голос Инги, где все были счастливы, а если и не все, то всё-таки не так, как сейчас...

124

Я вошёл в купе и сел возле Инги. Дочка наша всё спала рядом с ней. Саша лежал на противоположной полке и тоже спал. Да ведь уже была глубокая ночь! На верхней полке лежала Светка, а над моей головой — Клава. Зинаиды Павловны, конечно, в купе не было. А, придерживая моего сына при

толчках поезда, лицом ко мне сидел товарищ Обыкновеннов, он же — пришелец с планеты Ыбрыгым.

Лицо его было печально. Он, как и всегда прежде, сидел в наглухо застёгнутом пальто и надвинутой на глаза велюровой шляпе. А глаза его словно говорили: «Будьте любезны...».

Вот передо мной сидит пришелец с другой планеты. Ну и пусть себе сидит. Сидит, значит, ему так надо. Мне-то что...

Вагон засыпал, похрапывал уже кое-кто, приглушал свет, посвистывал носом...

Тётя Маша остановилась перед нами и уставила кулаки в бока.

— Ваш билет, гражданин? — негромко, но требовательно потребовала она.

Вот ведь... Билет надо тёте Маше, и всё. Хоть лопни всё вокруг, но только по билету, приобретённому в кассе законным путём.

— Будьте любезны, — так же тихо ответил товарищ Обыкновеннов, полез куда-то во внутренний карман, долго искал там билет, потом словно вспомнил что-то, просиял весь, снова плотно застегнул пальто, снял велюровую шляпу, разлив при этом по купе мягкий золотистый свет. Вокруг его головы сиял небольшой нимб. Тётя Маша терпеливо ждала. Уж теперь-то этот безбилетный пассажир от неё никуда не уйдёт. Чувствовала это тётя Маша.

Но товарищ пришелец вовсе не нимб собирался демонстрировать нам, а искал билет, который был заложен за подкладку шляпы.

— Будьте любезны, — повторил он и протянул проводнице железнодорожный билет. И, судя по лицу тёти Маши, совершенно нормальный. Проводница долго исследовала кусочек картона, смотрела сквозь него на нимб пришельца. Ясно. Во всём происшедшем сейчас её более всего удивило наличие настоящего билета у потенциального зайца.

— Хм, — сказала она и, крепко зажав билет в кулаке, пошла укладывать его в специальную кассу.

Товарищ Обыкновеннов водрузил шляпу на положенное ей место, и сияние в купе погасло.

Я не смотрел на Ингу, хотя и знал, что она не спит. Ладно... Я скажу ей что-нибудь потом... если только найду в себе силы. Я должен был найти в себе силы!

— С диссертацией у меня совсем ерунда получается, — осторожно начал товарищ пришелец. — В Марград вот еду на повторное рецензирование...

— А что так? — спросил я без всякого интереса.

— Психологию людей не учитываю я в своём труде. Даже не то чтобы не учитываю, а просто до сих пор не понимаю.

— Да что же тут понимать? — удивился я.

— Ну, не скажите, — возразил товарищ Обыкновеннов. — Я ведь много повидал... Логика! Логика поставлена во главу угла психики гуманоидов. Пусть двоичная, троичная или статистическая, но всё-таки логика. И так было везде. И тогда, когда я был лишь капитаном грузового звездолёта, и позже... пока наша экспедиция не нашла Землю... Нет, нет. Я вовсе не проклинаю тот момент, когда мы наткнулись на ещё одну цивилизацию гуманоидов... Нет, конечно. Я рад. Хотя мы и потеряли всех носителей истины... Хотя мы и не продвинули ни на шаг вашу цивилизацию... Но мы старались. Уверяю вас. Мы сделали всё, что смогли. И не наша вина, что так получилось. А лишь только ошибка. Разве мог кто предположить, что ваша цивилизация основана на отсутствии всякой логики. Мы бросали в битву одного человека за другим. Одни просто гибли, другие возвращались надломленными и уже непригодными для дальнейшей работы, третьи отказывались сами. А в итоге? Что в итоге? Ваша цивилизация топталась на месте непозволительно долго, потом без всяких видимых причин устремлялась вперёд по не предусмотренному нами пути. Затем снова остановка, возвращение назад, блуждание в потёмках... Рывок! И снова затишье. И нет во всём этом никакой логики...

— Наш мир строго детерминирован. Вы сами об этом говорили.

— И это называется строгим детерминизмом? — Товарищ пришелец укоризненно покачал головой. — Нет, Артемий... Нет... Конечно, уж не совсем без этого. Я расскажу тебе завтра ещё одну историю, которая произошла со мной. Надеюсь, она тебя успокоит...

— Рассказывайте сейчас, — предложил я. Мне, по правде говоря, было всё равно, расскажет он что-нибудь или нет. И потом, почему именно завтра?

— Сейчас рано. Она пригодится тебе завтра утром, когда мы будем подъезжать к Марграду.

Я так и не понял, почему он хотел рассказать мне какую-то историю именно завтра утром.

Товарищ Обыкновеннов ещё долго распространялся по поводу различных цивилизаций и быстроты их развития. Приводил примеры, которые, однако, мало что говорили мне. В вагоне было по-прежнему жарко и душно, и товарищ пришелец несколько раз снимал с головы велюровую шляпу и вытирал лысину платком, распространяя при этом по купе волнующее и зыбкое сияние. Пришла Зинаида Павловна, скромно уселась на боковое сидение за столик. У меня было такое ощущение, что никто не спал — ни Инга, ни Клава со

Светкой, хотя со стороны могло показаться, что все они крепко спят.

Товарищ Обыкновеннов убаюкал меня своими рассказами о внеземных цивилизациях. Не знаю, может, он и хотел этого, может, он именно и хотел, чтобы я уснул. Но ведь я почти не спал уже две ночи, да и эта, третья, уже приближалась к своей середине.

125

За свои слова и поступки отвечать можно, но как отвечать за свои мысли? Их ведь не заставишь течь в определённом направлении волевым усилием. Вот и я. Я невольно представил себе, как мы с Ингой, Сашей и маленькой Валентиной выходим из такси, взбираемся на свой пятый этаж... Я открываю дверь. В квартире, конечно, далеко не идеальный порядок. Но что-то уже не так, как было прежде... Ну да... Вот и в два этажа кроватки, потому что в один их тут совершенно негде ставить. Стол, заваленный книгами. Диван... Не было у меня раньше такого. Даже шифоньер откуда-то взялся, и, что самое удивительное, втиснулся между письменным столом и стенкой с книгами. На кухне стоит холодильник. Никогда раньше он не понадобился бы мне... Что-то много, много изменений. Я сваливаю рюкзак и портфели на пол. Сашка начинает носиться на очень ограниченном микропространстве. И как это только он умудряется? Маленькую Валентину пока кладём на диван. Её нужно распеленать и выкупать. Я, оказывается, уже начинаю кое-что соображать в воспитании детей. Инга открывает окно, выходит на балкон, потом говорит: «Ну, теперь мы все примемся за уборку! Кто первый?» — Я кричу: «Я!» — Сашка кричит: «Я!» — «Молодцы мужчины у меня!» — говорит Инга и распределяет работу. Все довольны, только я замечаю, что почти вся работа почему-то досталась ей самой. Ну, с Сашки ещё спрос небольшой. Хотя ведь уже восемь лет парню. Восемь! За хлебом в магазин его уже можно посылать. Мы так и делаем. К хлебу он наверняка купит ещё конфет и халвы. Это у нас не возбраняется. Валюшенька — а ей ведь уже четыре года! — начинает перебирать своих кукол, переставляя их в каком-то совершенно непонятном для взрослых порядке... Да, мы только что приехали... И я вдруг вспоминаю первую нашу поездку в фирменном поезде «Фомич». И Инга вспоминает... Но только она не любит вспоминать те три дня... Пятнадцать квадратных метров убрать не так-то уж и трудно. Тут приходит сосед, приносит с собой бутылку «Алеати-

ко». Потом мы с ним курим на балконе, обсуждаем проблемы воспитания детей и межгалактической связи. Вечером с семьёй идём гулять в ближайший сквер. Возвращаемся. И, когда ребятишки засыпают, Инга говорит мне: «Помнишь, как мы ехали с тобой в «Фомиче»? — «Помню». — «Какая страшная была последняя ночь!» — «Да». — «И всё равно спасибо этому поезду. Ведь там мы встретились...» — «Спасибо этому поезду».

Как хорошо, что я тогда поехал на поезде, а не полетел на самолёте! Инга засыпает у меня на руке... Она всегда так засыпает, а потом я осторожно высвобождаю руку, чтобы не разбудить её. Инга так и остаётся лежать на боку под тоненькой простынёй, а я встаю и иду на кухню покурить. Я оставляю дверь открытой и потихонечку смотрю на свою жену. Она отчётливо видна в голубом свете полной луны. Я курю и думаю, как хорошо тогда всё получилось...

126

— Ну, поздравляю! — говорит сосед, вдруг появившийся рядом. Откуда он взялся?

— Михаил, — говорю я, ещё ничего не понимая.

— Михаил! — кричат все вокруг. — Михаил!

— Что? Что произошло?

— Проснись, Артём! Проснись!

О Боже... Это всего-навсего был только сон... Это же... это же купе... Ну да, фирменный поезд «Фомич»... Мы ещё только едем. И сразу же во мне просыпаются все мои страхи:

— Что произошло?

Рядом с Ингой плачет ребёнок. А ведь вчерашний день девочка прожила спокойно, ни разу не заплакав. Ну, теперь, наверное, возьмёт своё...

— Поздравляю, Артём, — жмёт мне руку Иван. — Всё будет нормально.

— Да что?

— Он ещё спрашивает! — раздражённо замечает Светка, болтая длинными худыми ногами с верхней полки. — Ну и отцы нынче пошли!

Да что она понимает в отцах!

— Прошу пардону! — проталкивается писатель Фёдор и протягивает цветок ромашки, только не мне, а Инге. — Нет, нет, Артемий. Жене! Инге, так сказать! Царице бала! И мои поздравления!

Он уже, кажется, хлебнул с утра.

— Папа! — прыгает мне кто-то на спину.

Ну кто, кроме Сашки, тут может быть? Сашка! Всё-таки Сашка! Я переворачиваю его, и на пол опускается здоровенный парнишка.

— Ещё раз! — требует он.

— Саша, — укоризненно говорит Зинаида Павловна, — ты уже большой! Во второй класс скоро пойдёшь!

— Во второй...

О Господи! Он и действительно вырос! Сашка мой!

— И меня, и меня, — тоненький девчоночий голосок. — Па-а-а-па! — Кто-то карабкается по моему плечу. А! А? Это... это...

Все смеются. Это же моя дочь, Валюшенька! Я хватаю её, прижимаю к груди. Подбросить её вверх я не решаюсь, потому что вагон изрядно покачивает, а вокруг торчат углы полок. Валюшенька! Тогда... тогда... Ведь плакал же кто-то рядом с Ингой... И почему я боюсь посмотреть в сторону моей жены?

Смеющееся и радостное лицо Тоси. Юрий. Даже сумрачное лицо Семёна мелькнуло из-за спин. Нет только Степана Матвеевича и Валерия Михайловича...

А я всё не осмеливаюсь оглянуться. Но тут громкий и призывный крик новой жизни зовёт меня. Я оглядываюсь. Инга лежит с лукавым и чуть испуганным лицом. Она словно хочет сказать: «Вот какой я тебе подарок приготовила...». И счастлива, и испугана: а вдруг я останусь недоволен этим подарком.

— Сын! — кричу я.

— Сын, — тихо отвечает она. — Мишенька.

— Мишенька! Конечно, Мишенька!

— Мишенька крепкий ребёнок, — заявляет Зинаида Павловна. — У вас вообще крепкие дети! Это очень хорошо.

Я наклоняюсь к Инге, чтобы поцеловать её, но за спиной столько людей...

— Потом, — шепчет она, — потом.

И я только глажу её по щеке.

— Во дают! — говорит кто-то в соседнем купе.

— Ну, а теперь, — говорит Зинаида Павловна, — прошу всех разойтись. Маленькому человеку тоже нужен воздух... А ты, милочка, вставай. Вставай! Нечего тебе лежать...

Зинаида Павловна всегда знает, что нужно делать.

— Кормить пойдём молодого человека, кормить.

— А здорово ты в том магазине накупил одежды, — говорит Светка, — на все возрасты. И для мальчиков, и для девочек...

И в голосе Светки уже нет чувства вражды, а только удивление. Она уже, наверное, считает, что из меня может полу-

читься приличный отец. Хотя что она в этом понимает? Да и я сам...

Пассажиры постепенно разошлись, кроме женщин, которые обосновались в этом купе.

Мишку начали собирать к путешествию в соседний вагон «к одной очень доброй тёте». Дочка не слазила у меня с рук. Сашка устроился на полке с ногами и листал откуда-то взявшихся «Трёх мушкетёров».

И тут вдруг меня ударило в голову! Ведь... ведь это что же снова означает? Ведь я опять стал причиной бесконечных блужданий нашего поезда! И все вокруг так радовались? Да что они, не понимают, что ли? Или я признан всеми неисправимым идиотом, с которым уже ничего нельзя сделать?

Испуг, даже страх, наверное, отчётливо проступили на моём лице.

— Что с тобой? — спросила Инга.

— Инга... Я рад, поверь... Но другие? Ведь теперь наш поезд...

— Нет, — сказала Инга, — нет.

— Всё в порядке, Мальцев, — успокоила меня Зинаида Павловна.

— Не понимаю. Ничего не понимаю. Разве мы вчера ошиблись?

— Нет, не ошиблись... Всё правильно.

— Но тогда...

— Видите ли, Мальцев, — продолжила Зинаида Павловна, и лицо её на мгновение дрогнуло. — Видишь ли, Артём... Пассажиры поезда все как один решили оставить вам ваших детей, чего бы это им ни стоило. Конечно, не сразу это произошло... Скажите спасибо Валерию. Это он организовал своих студентов для соответствующей беседы с пассажирами. Что бы ни случилось! Что бы ни случилось, но дети наши не должны страдать из-за глупости своих отцов и всех других взрослых. Что бы ни делали взрослые, они должны всегда помнить, что мы живём для детей. — По щекам Зинаиды Павловны скатились две маленькие слезинки, но она словно не заметила их. — Ведь мы строим мир, иногда абсурдный, нелепый, но в нём будут жить наши дети. И надо, чтобы этот мир был лучше нашего. И пусть этот мир будет лучше нашего. Пусть мы не найдём себе места в нём. Пусть, Артём, пусть!.. Для кого же ещё жить, как не для наших детей...

127

Зинаида Павловна отвернулась, поправила что-то на столике.

— Давай, милочка! — обратилась она к Инге, и глаза её снова были сухими. И снова она была готова помогать всем, кто нуждался в её помощи. И снова таких будет очень много. И сейчас, и через день, и через год, и всю жизнь Зинаида Павловна будет помогать людям. И не только потому, что она нашла в этом смысл своей трагической жизни. Нет... Не только...

Да вот только кто поможет ей?

Инга с Мишенькой и Зинаида Павловна собрались и направились в соседний вагон. Девочке надоело сидеть у меня на руках, и она потребовала, чтобы я опустил её на пол.

— Иди в свой «мозговой центр», — сказала Светка, словно я тут был совершенно лишним и ненужным человеком. — А мы будем с детьми. Уж у нас-то с ними ничего плохого не произойдёт!

— Иди, Артём, — кивнула мне Тося.

Она всё ещё цвела после вчерашнего объяснения с Семёном и Иваном, но только я не знал, что у них было и будет дальше. Отказался ли Иван от своей любви, чтобы возвратить наш поезд в точное железнодорожное расписание? Или справедливый Валерка провёл с пассажирами работу и по вопросу любви, а не только деторождения? Не знаю... И спрашивать у Тоси мне было неловко, да и у Ивана — тоже.

А дети привыкли к этим женщинам и отпустили меня совершенно спокойно. Я пошёл в своё купе.

Вот испуганный папаша с двумя девочками-акселераткаами. И чего у него всё время такой испуганный вид? А девочки чем-то заняты. Да они бы уж сами, без помощи папы, смогли бы путешествовать. И ничего бы с ними плохого не случилось, потому что везде бы нашлись люди вроде Зинаиды Павловны или Валерки-справедливого.

Тут играют в шахматы, и что-то не похоже, что будет ничья. Дальше расписывают пульку в преферанс...

А вот и мальчик, который всё время чего-то хотел. И он уже знает, что мечтать можно о чём угодно, всё равно его мечты никогда не осуществятся. И только папа будет устало обещать: «Мама купит у дяди». Но только дяди не продают того, что очень хочется малышу.

А вот и Степан Матвеевич с осмысленным взглядом, уставший, осунувшийся, в уже изрядно помятом сером костюме.

— Поздравляю, Артём, — сказал он.

— Спасибо, Степан Матвеевич! Как вы?

— Пока ничего... Через полчаса снова...

— Да что же делать-то?

— Ничего, Артём... Что-нибудь придумаем...

— Академики, прошу пардону, возьмут Степана Матвеевича под своё научное крыло, — сообщил мне Фёдор. От него попахивало коньяком.

Мимо прошла жена шарообразного Моти. И снова с горшком в руке. А в первом купе раздавались печальные песнопения собутыльников писателя.

— Прямо с вокзала увезут, — добавил Фёдор.

— Да-да, — сказал первый член комиссии, которая ехала в Марград вместе с нами. Конечно, теперь это быстрее всего, а попутно они и научный материал насобирают.

— Ничего, Артём. Я верю. Верю, что смогу ещё прожить одну, но свою жизнь, уж какая бы она там ни оказалась.

— Я хочу, чтобы у вас всё было хорошо, Степан Матвеевич.

Граммовесов печально кивнул в ответ.

— А я и не знал, Артём... — начал было мой начальник, Геннадий Фёдорович.

— Так ведь я и сам не знал, — ответил я.

— Хорошая у тебя семья. На расширение будешь подавать?

— Какое расширение?

— Какое, какое... На расширение квартиры!

— Посмотрим...

— Да что тут смотреть, — вступил в разговор Валерий Михайлович. Говорил он с трудом. И вообще сидел полураздетый. Я уверен, что на нём осталась только та одежда, которую смог проучить писатель Фёдор.

— Я ещё не думал об этом...

— Нет, Артемий! Тут надо рвать. Это как в магазине. Не стал в очередь за бельгийским костюмом — будешь носить местной фабрики. И дороже, и хуже. Я вот, например, всегда...

Писатель Фёдор ласково обнял Валерия Михайловича и погладил его по щеке.

— Будет, Валерий Михайлович, будет, — тихо и успокаивающе сказал он.

— А?.. Ах, да... Забываю всё. Но стараюсь, стараюсь.

— Стараетесь, стараетесь, — подтвердил Фёдор. — На вокзал придётся в майке выходить.

— В майке, — печально согласился Валерий Михайлович.

Тут уж, видно, ничего нельзя было поделать.

— Приучим, — пообещал Фёдор. — Постепенно, но приучим.

— Приучим! — возликовал Валерий Михайлович.

В углу сидел Семён, неприступный и злой. Тут одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что у него с Тосей дело погибло навсегда. Да только откуда я мог знать души людей?

Я подошёл к нему и протянул руку:

— Спасибо, Семён! Спасибо за сына!

Семён посмотрел на меня с неприязнью, помедлил, но всё же свою руку протянул, правда, нехотя, словно только бы отвязаться.

— Ладно, — отмахнулся он. — Не велика заслуга.

— Нет, нет, Семён. Всю жизнь буду помнить!

— Всю жизнь... Доброго долго не помнят.

— Это ты зря, Семён.

— Зря?! А я ведь вот что мог сделать! Я ведь мог твоего сына снова увести... ну, то есть... сам понимаешь... а потом не признать. Да и как его, скажи, признать, когда он вырос на четыре года?

— Да зачем же?

— А затем... Тогда бы Тося прибежала ко мне и на коленях молила, чтобы я её простил и снова взял к себе. Она бы ради твоих детей это сделала. Я знаю. И слова бы никогда худого не сказала, виду не подала. Она такая... И ещё раньше бы кончилась эта чертовщина!

Я невольно отшатнулся от Семёна.

— Прошу пардону! — встрял в разговор Фёдор.

— Да идите вы к чёрту со своим пардоном! — взревел Семён. — Пардону! Пардону! Кому он нужен, ваш пардон? Святые! Великомученики! Один за всех, все за одного! А ваше человеческое-то уже начало трещинку давать! Не заметили?

— Истинно, истинно, — подтвердил Валерий Михайлович. Но Фёдор снова обнял его и погладил по небритой щеке.

Семён повернулся к окну и замолчал.

— Не надо, Семён, — попросил я. — Я искренне благодарен тебе. И если уж ты и это мог сделать, да не стал...

— Да! Не стал, не стал! — Семён снова повернул ко мне своё злое лицо. — А знаешь, почему не стал? Знаешь?

— Знаю...

— Откуда ты это можешь знать?

— Знаю, Семён.

— Не смог! Просто не смог! Счастье ваше зацепило. И разбить бы его, а не получается. Потому что своего нет, а хоть какое-то на свете должно быть. Хоть в кино, хоть у соседей. Только у соседей обычно не бывает. А с тобой мы скоро навсегда разойдёмся. И я буду думать: вот человек, у которого счастье. И я ему помог. Хоть и своё разлетелось ко всем чертям, а другому помог. Я ведь злюсь на тебя. Я тебя ненавижу за твоё такое счастье! Но пусть существует!.. И Тося... Тосю я

не знаю, Таисию Дмитриевну то есть, Голованову... И пусть раньше, чем позже. Детей хоть, слава Богу, нет... Никто спрашивать не будет: «А кто мой милый папочка?». И вообще... Можешь ты уйти и не мозолить мне глаза своим дурацким видом? У тебя же на лице написано: «Довожу до сведения всех, что я абсолютно счастлив!». А это не всем нравится. Мне, по крайней мере.

— Хорошо, Семён.

— Вот и катись к своему святому семейству... Ха-ха-ха! А ведь семейство и в самом деле святое! Необычное, необычное семейство!

— Ладно, Семён, ты уж как хочешь. Я вовсе не этого хотел.

— Вот и все вы так: ты уж как хочешь. Я, мол, хотел совсем другого, но так получилось...

— У него пройдёт, пройдёт, — снова влез Фёдор в разговор. — Я знаю. Я писал однажды про такого. Это у него от боли душевной. Не хочет он показать, что душа его мучается...

— Молчи, писака! — взревел Семён. — Молчи. Немного осталось. Не трави меня. Я ведь не Валерий Михайлович, я могу так дать под одно место, что вперёд поезда в Марград прикатишься!

— Прошу пардону! — воскликнул Фёдор протестующе, но Валерия Михайловича из своих объятий не выпустил.

— Не надо, Фёдор, — попросил я его.

— Не надо, — подтвердил Семён. — Ничего сейчас не надо!

128

— Граждане! Сдавайте постельное бельё! Прибываем в Марград! Стоянка... Конечная станция... Областной центр, что ли?.. Учат, учат. А... по радио объявят.

Тётя Маша шла с веником.

— Бутылки и вещи не оставлять!

Постели у меня не было. Я свернул свой матрас, на котором этой ночью спал кто-то из членов комиссии, закинул его на верхнюю полку, багажную. На столике валялась бритва. Её никто не починил. Никто, наверное, и не брался за это дело. Ну да ладно. В институте разберёмся.

— Артём, — позвал меня Геннадий Фёдорович. — Тут, может, и не в этой штуке дело.

— А в чём же?

— Ведь эксперимент-то предполагался совершенно чистым.

— Слышал уже...

— Ведь никто не знает, кому подложили этот макет. Тебе или ещё кому...

— Как? — воскликнул я.

— Одному из десяти командированных он предназначался. Но точно никто не знает, пока не соберёмся все в институте и машина не выдаст результат.

— Вот спасибо, Геннадий Фёдорович!

— За что это?

— За то, что вчера этого не сказали!

— Так ведь тут... С другими-то командированными ничего странного не произошло, а у вас тут в поезде такое... Вот я и подумал, что эта игрушка у тебя.

— И хорошо, что подумали.

— И ещё такое соображение. Не могла та игрушка наделать столько шума. Я вот всю ночь думал... Нет. Никак не могу понять, как это у неё могло получиться. Про мощность уж и не говорю.

— Просто её у меня не было, — сказал я.

— А откуда у тебя такая уверенность?

— Сам не знаю... Чувствую просто... Но в институте действительно разберёмся.

— Па-апрашу освободить проход. — Тётя Маша надвигалась на нас с совком и веником. — Постели сдавайте!.. А то ещё полотенца воруют, — доложила она.

Со всех сторон послышались заверения, что полотенца на этот раз никто не сопрёт.

— Геннадий Фёдорович, я выйду в тамбур, — сказал я.

— Конечно, конечно, — заторопился мой шеф.

— Вот только не найдётся ли у вас сигареты? Два дня не курил.

Геннадий Фёдорович протянул мне начатую пачку «Родопи».

— Я две возьму? — спросил я.

— Да бери, сколько надо. Два дня не курил... Ишь ты!

Я взял две сигареты и пошёл в тамбур, тот, который у служебного купе.

По дороге мне попался Юрий. Сунул руку лодочкой:

— Поздравляю, Артём!

— Спасибо, Юрий! За всё спасибо!

— Ещё чего? — удивился Юрий.

— Детский дом развели, — прошипела мне жена шарикообразного Моти.

Но сам Мотя смотрел на меня безмолвно и чуть испуганно.

А мне хотелось пройти по всему поезду и всем сказать: «Спасибо! Большое вам спасибо!». Но пассажирам сейчас было не до меня. Пассажиры сдавали постели, собирали чемоданы, пере-

одевались в одежду, достойную областного центра. Да и не научен был я выражать свои чувства перед такой массой людей.

Впервые за эти дни в окна веяло прохладой, хотя погода и была по-прежнему солнечной и ясной.

Вторую сигарету я взял для Ивана. Я знал, что у него нечего курить. В тамбуре Ивана не оказалось. Я пошёл дальше. И вдруг, когда я оказался в вагоне, в одном из купе которого располагался радиоузел поезда, мне пришла в голову мысль. Мысль простая и очень нужная именно сейчас.

Я постучал в купе. Открыл мне всё тот же радист, или как его там... Я так и не знал названия его должности. Да и не в этом было дело.

— Можно войти? — спросил я.

— Можно, — с некоторым сомнением согласился он. Всё-таки купе было служебным. Но, с другой стороны, ведь он знал меня.

— У вас что там? — кивнул я головой на аппаратуру.

«Наш паровоз, вперёд лети!» — приглушённо неслось из динамика.

— Сейчас буду передавать, что поезд приближается к конечной станции — Марграду... А в чём дело?

— Понимаете... Мне нужно сказать одну фразу по местному радио. Можно?

— Вообще-то не полагается, — засомневался он.

— Я только хотел поблагодарить всех пассажиров...

— А! — догадался он. — Одну фразу можно. Только чтобы без всяких штучек-дрючек. У нас строго.

— Понимаю... Только одну фразу.

Он что-то переключил, сунул мне микрофон в лицо, потом снова взял его в свои руки и сказал немного даже торжественно:

— Товарищи пассажиры, внимание! Внимание!

Затем он снова передал мне микрофон и жестом показал: «Говори».

Я заволновался, ведь фраза у меня так и не была готова.

— Товарищи, — сказал я, задыхаясь. — Люди! Человеки! Спасибо вам за всё!

Всё... Больше я ничего не мог сказать. Я передал микрофон, подождал, пока он его выключит, сказал: «Спасибо!» и вышел в коридор.

Не совсем то я сказал. Да и как выразить свои чувства сотням людей, которые даже не знают тебя в лицо?

Ну да ладно. Пусть уж они поймут каждый по-своему...

Ивана я снова нашёл на площадке последнего вагона. Вместе с ним стоял товарищ Обыкновеннов. До моего прихода они о чём-то беседовали.

— Вы не курите? — спросил я товарища пришельца.

— Будьте любезны! — отрицательно покачал головой товарищ Обыкновеннов.

— На, — протянул я сигарету Ивану. — Кури.

— О! Курить страшно хочется.

Мы закурили. И как это только я мог не курить целых два дня?

Ивана я ни о чём не спрашивал. Да и бесполезное это было дело. Если захочет, то расскажет сам. А вот товарища пришельца мне хотелось кое о чём спросить.

— Вы мне обещали рассказать какую-то историю.

— Да... Обещал.

— Ещё есть время. Расскажите.

— Нет. Теперь это не имеет смысла.

— Но ведь именно утром вы и хотели рассказать мне её!

— Я был уверен, что утро будет другое.

— Чем же оно могло быть другим?

— Понимаешь, Артём, — сказал Иван. — Товарищ Обыкновеннов был уверен, что для спасения поезда нужно было обязательно пожертвовать твоими с Ингой детьми. Это был единственно возможный вариант. Все знали это. Но ведь решили-то по-другому. Это и непонятно товарищу Обыкновеннову.

— Не понимаю, — подтвердил товарищ пришелец. — Ваш мир совершенно недетерминирован. У вас какой-то разрыв между причиной и следствием. Пассажиры сделали совершенно противоположное тому, что было необходимо для спасения, а поезд тем не менее благополучно прибывает в Марград.

— Пришельцу, наверное, это действительно трудно понять, — согласился я.

— Господи, да какой я теперь пришелец! — воскликнул товарищ Обыкновеннов. — Ведь я уже с незапамятных времён живу здесь. И всё равно ничего не понимаю! И как это у вас из совершенно нелогичных посылок получаются совершенно правильные действия?

— Видите ли, — сказал я, — мы и сами ещё многого не понимаем. Но это не причина для того, чтобы бездействовать. Когда-нибудь мы поймём всё. Во всяком случае, гораздо больше, чем сейчас... А вы вот мне скажите... Вы действительно пришелец с планеты Ыбрыгым?

— Я обижусь, — сказал товарищ Обыкновеннов. — Я обижусь на вас, Артемий!

— Ну хорошо, не буду... Пора двигаться в свой вагон, а то через пять минут нам уже будет не пройти, — сказал я.

— Пошли, пожалуй, — согласился Иван.

— Да-да, я же там оставил портфель со своей диссертацией, — заволновался товарищ Обыкновеннов. — Вся жизнь теперь в ней. Хоть бы провалилась она! Диссертация, конечно...

И мы пошли по вагонам.

129

— Фирменный поезд «Фомич» прибыл к конечной станции — в город Марград! — торжественно объявили по местному вещанию

Мягко качнувшись, поезд остановился.

Рюкзак Инги взяли студенты. Она держала на руках маленького Михаила. Я нёс дочь Валентину. Сашка тащил не очень тяжёлый даже для него портфель. Мы, конечно, оказались в самом конце торопившихся выбраться из вагонов пассажиров, но это теперь не имело особенного значения.

И я, и Инга, конечно, волновались. Бог с ним, с поездом! Теперь мне предстояла встреча с тёщей, тестем и лоботрясом — братом Инги. И коленки мои, признаюсь, слегка вздрагивали.

На перроне вокзала народу было очень много. Даже музыка слышалась. Но я надеялся, что это не для встречи нашего поезда. В окна заглядывали, что-то спрашивали. Уже и пассажиры узнавали встречавших и что-то отвечали и махали руками. Мы медленно продвигались вперёд.

Первыми, кого мы встретили, когда вышли из вагона, были бабуся и её великан-внучек Коля.

— Здравствуй, голубчик, — запричитала она. — Доехали, милые вы мои... Да никак ты, голубчик, с семьёй ехал?

— Приехал с семьёй! — ответил я. — Вот жена, Ингой звать, два сына, Саша и Миша, и дочь Валя.

— А старухе голову морочил, что холостой. Ай-яй-яй! — погрозила она мне. — Нехорошо старуху обманывать.

— Да я и не обманывал вас. А вы зачем в Марград?

— Как зачем? — удивилась бабуся. — Мы с Феней сюда прилетели...

— Отца привезли в Академию наук, — пояснил внук Коля. — Заинтересовались им. Отсыпается в гостинице. А мы вот решили вас встретить. Знакомые всё-таки люди.

— Это хорошо, что вы здесь оказались, — сказал я.

— Мы, голубчик, в гостинице «Крутые берега» остановились. Ты уж, пожалуйста, навести старуху. Я ведь всё больше одна сидеть буду. Вот только деревянную архитектуру посмотрю. Интересно больно, говорят.

— Интересно, — согласился я. — Обязательно навещу. В ближайшие дни. Твёрдо обещаю.

— Вот и хорошо. И про нуль-упаковку, может, что выяснится. Афиноген-то вдруг ещё и человеком станет. Очень уж хочется матери, чтобы её дети людьми были.

— Я уверен, что станет. Помощь человеческая ему была нужна.

— Ох как нужна, голубчик, людям помощь человеческая.... Ну, да ладно. Я вижу, вас встречают.

— Где? — всё-таки испугался я.

— Мама! — крикнула Инга и бросилась к полноватой женщине, рядом с которой шагали высокий пожилой мужчина и хипповатого вида парень.

— Мама! Папа! Борька!

— Ина! — удивилась её мать. — Приехала!.. А это... О Господи!

— Мама, я тебе сейчас всё расскажу. Мама, вот мой муж. Его зовут Артёмом. Это Миша, — она кивнула на сына, которого держала на руках. — А это Саша. Он уже первый класс закончил. И Валя. Ей четыре года.

— Да что-то я ничего не пойму, — удивилась моя тёща.

— Мама, ну что тут непонятного. Вот мой муж и вот мои дети. Трое их у нас.

— Как это трое? Почему именно трое? Да ты вдовца, что ли, взяла?

— Подожди, мать, — остановил её муж. — Тарахтите как сороки. Ничего не поймёшь. Давай-ка, Ина, коротко и внятно.

— Ну, понимаете, мы в вагоне познакомились с Артёмом. А потом у нас появились дети... Трое. Саша, Валя и Миша.

— Подбросили! — ужаснулась мать Инги.

— Подбросили, подбросили! — крикнул шарикообразный Мотя. Жена его торжественно несла в руках детский горшок.

— Да нет! Никого нам не подбросили. Появились они у нас. Сначала Саша. Он новорождённый был, а кормили его в другом вагоне. А на второе утро ему уже четыре года стало. И появилась Валентина. А на третье утро...

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросила мать Инги у её отца.

— Не очень, но со временем надеюсь что-нибудь понять.

— А ты, Инга, здорово загорела, — заявил её брат.

Я был уверен, что они сегодня всё равно ничего не поймут. Может, и через год не поймут. Но смирятся. Внуки, как-никак... Поэтому я поставил дочь на асфальт и сказал:

— Артём.

— Артём, — покачала головой тёща. — Посмотрите на него. Он Артём!

— У меня квартира есть, — заявил я. Не знаю, для чего я это брякнул. Чтобы солидности, что ли, себе придать?

— Бабушка! — топнул ногой Саша. — Ты так и будешь стоять и не поцелуешь меня?!

— Да что же это? — растерялась женщина.

— И меня, — попросила Валентина.

Знали они, знали своих бабушку и дедушку.

— Милые вы мои! — вдруг расплакалась мать Инги и принялась целовать внука и внучку. Потом выпрямилась и заявила: — Всё равно ничего не понимаю.

Ну, тут они ещё маленько поразбирались, а я увидел Степана Матвеевича и не выдержал, подошёл к нему.

Степана Матвеевича держали под руки два молодых человека, по виду совсем не академики, но всё же из Академии наук.

Где-то совершили запуск в прошлое, потому что взгляд Граммовесова был ужасен. Я подошёл и обнял его. Мне плакать хотелось при виде этого жуткого зрелища.

— Можно хоть что-нибудь сделать? — спросил я у молодых людей, поддерживающих Степана Матвеевича.

— Ничего нельзя сказать заранее.

— Главное — объяснить феномен, — сказал второй. — Вы родственник?

— Нет. Но я очень заинтересован в судьбе Степана Матвеевича.

Кто-то тронул меня за плечо. Я оглянулся. Это был Семён. И лицо его было сейчас не злое, не грубое, а просто какое-то тоскливое.

— Вот что, Артём, — сказал он. — Возьми на память. — И он протянул мне телеграфный бланк.

— Что это?

— Прочитаешь... Я ведь и не знал, что ему уже четыре года... Только по фамилии и догадался. Юрий это послал. На все станции... Прощай...

— Подожди, Семён.

Но он только махнул рукой и пошёл прочь.

Я мельком взглянул на телеграфный бланк. Это была телефонограмма. Юрий с фирменного поезда «Фомич» сообщал на все станции, что исчез мальчик Александр Мальцев, четырёх лет.

Значит, это Юрий дал телефонограмму, а Семён нашёл моего сына на той станции. Но Семёна уже не было видно. Лицо Юрия мелькнуло в толпе, рука взлетела поверх голов. И всё. Ушёл и Юрий.

Тося всё ещё стояла возле вагона. Уж её-то я не мог отпустить просто так. Да и некуда ей было идти здесь, в Марграде.

— Тося, — сказал я. — Ты сейчас поедешь к нам. И мы всё очень здорово придумаем.

— Нет, Артём. Я приду к вам, но не сейчас.

— Да куда же ты в незнакомом городе?

— Я знаю, Артём... Я знаю...

— Тося...

— Нет... Сейчас нет. Но скоро вы увидите меня у себя. Обещаю. У меня есть Ингин адрес.

— Прощай, Артём...

Это Иван обнял меня.

— Почему же «прощай»? Только до свиданья.

— И я не хочу тебя терять. Вот не хочу и всё. Даже не могу. Сил таких у меня не найдётся.

— Так и не надо. Я тебя жду у себя. Я бы и сразу тебя пригласил, если ты согласен.

— Ну, сейчас у тебя достаточно хлопот и без меня. Но зайду. Даже если исчезнешь куда, всё равно найду. Артём, ты мне вроде брата стал. Хоть и сентиментально, но правда... До свиданья! До свиданья, Артём!

— До свиданья, Иван! Я тебя очень жду!

И Иван тоже ушёл...

130

И вообще толпа заметно поредела. Студенты хоть и не стройными, но всё же рядами рванули под гитару строительную песенку собственного сочинения. Хорошая была песня. Валерка метался среди своих стройотрядовцев, наводя порядок.

— Валерий! — крикнул я. — Михаил! Клава! Светка!

Светка погрозила мне кулаком. Клава улыбалась. Михаил хотел что-то сказать и не мог. Видно было, как надулись на его шее жилы. Он снова заикался...

— Счастливо всем оставаться! — крикнул я.

Валерка нехотя подошёл.

— Что же ты? — сказал я. — Так и уйдёшь...

— Так ведь мы ещё наверняка встретимся. Инга в нашей группе учится. Ты учти, Артём, что бросить институт мы ей не позволим. Вся наша комсомольская организация этого не позволит.

— Да с чего ты взял?

— С чего, с чего! Семья у неё теперь какая! И что за песни без неё...

— Да споёт она ещё с вами, споёт.

— Я сейчас имею в виду.

— Ну, сейчас вряд ли.

— В том-то и дело.

— Артём! — это кричала Светка. — За Инку головой отвечаешь! — И снова погрозила мне кулаком.

На это я был согласен.

Стройотряд уходил, оглашая вокзал и окрестности боевой песней. И Инга что-то кричала им вслед.

Ну, разобрались мои родственники хоть маленько?

Вот и Зинаида Павловна... Красивая, прекрасная седая женщина.

— Зинаида Павловна, — попросил я, — уж вы-то обязательно зайдите к нам.

— Непременно, Мальцев, непременно.

— Не забудьте только.

— Да как же я забуду, если я сейчас прямо к вам. Надо ведь как-то разместить семью. Вы хоть продумали это?

— Нет, — сознался я. — Ничего такого я ещё и не продумал.

— Ну вот и займёмся.

Всё моё семейство и родственники начали потихонечку отходить от вагона.

Но тут стояла ещё одна родная пара. Валерий Михайлович в плетёной майке-сетке, брюках без ремня и разношенных тапочках, и писатель Фёдор.

— Прошу пардону, — сказал Фёдор, — но родственничков у тебя будь здоров!

— Это ничего, Фёдор, — успокоил я его. — Как-нибудь привыкнем друг к другу.

— Ты, Артюша, Артемон, Артемиус, Артемидор, себя им в руки не давай! — посоветовал Валерий Михайлович. — Тут себя сразу нужно поставить соответственно.

— Хорошо. Обязательно так и сделаю.

— А костюмы покупай себе, Артюша, Артюхий, Артимед, бельгийские или финские, а лучше — японские, только учти, что у них размер меньше. Купишь пятидесятый, а он на сорок шестой.

— Ладно, ладно, — успокоил его Фёдор. — Артюша и сам во всём разберётся. Артём... ты, если можно... возьми вот. — Фёдор вытащил из кармана пачку листов, исписанных его неровным почерком. — Почитаешь когда-нибудь...

— Да что ты, Фёдор! Твои рассказы надо печатать! Они очень даже нужны людям.

— А... — отмахнулся Фёдор. — Пустое это, Артемий. Да и не рассказы это, а черновик повести. «Фирменный поезд «Фомич» называется. Мы вот сейчас с Валерием Михайловичем в ресторацию направимся. Так ведь?

— Непременно, — подтвердил Крестобойников.

— Ну уж нет! — возразил я. — В ресторацию вам сейчас нельзя. Вы не в ресторацию, а в вытрезвитель сейчас только попадёте.

— Не имеют права! — возразил Валерий Михайлович.

— Я очень прошу вас... Очень...

— Эх, Артемий... Ну уж раз просишь... Куда же мы тогда, Валерий Михайлович?

— Прямо! — скомандовал Крестобойников.

Мы обменялись прощальными рукопожатиями. Вот ушли и эти. И снова я что-то не сделал для них. Да и для всех других. Пусть помогут тебе, Фёдор, добрые люди!

— Ну, Артём, я думаю, на работу ты в понедельник всё-таки явишься. — Это был мой шеф, Геннадий Фёдорович.

Ушёл и мой шеф с двумя «академиками».

И никого уже больше не осталось возле вагона.

И тут мне стало так больно, невыносимо больно, словно я потерял — глупо, по своей вине, бездарно — всех своих товарищей. Головой захотелось удариться об угол. Причём угол каменный. Заплакать. Ну... вырвать как-нибудь тоску из сердца по этим людям.

Я опустился на колени, поклонился и сказал:

— Спасибо тебе, фирменный поезд «Фомич»...

На меня, конечно, смотрели не успевшие ещё разойтись пассажиры из других вагонов, но мне не было стыдно. Мне нисколечко не было стыдно.

— Ишь! С утра надрался! — Это тётя Маша стояла в дверях тамбура. И та, вторая проводница, имени которой я так и не узнал.

Я встал, поклонился и женщинам, сказал:

— До свиданья!

— Ну, бутылки вы, граждане, завсегда забываете с собой взять, а рюмки?

А... Это она говорила о бутылке и рюмках пришельца.

— Возьмите их себе на память, тётя Маша, — сказал я. — Это рюмки пришельца с другой планеты.

— И возьму! — заявила тётя Маша недовольно. — Мне всё равно, пришелец или нет. А без билета не будет ездить!

Вот я и распрощался со всеми... Инга и все мои уже ждали меня у входа в вокзал. Я бросился бегом, и тут снова увидел Тосю.

Она стояла одна. Ей словно некуда было идти.

— Тося! Прошу тебя, пошли с нами!

— Нет, Артём. Я знаю, куда идти.

Что-то дрогнуло в её голосе.

Я оглянулся... Слева, метрах в сорока, прислонившись к киоску, стоял Иван... Справа, спиной ко мне, — Семён.

— Хорошо, Тося, — сказал я.

Я побежал, не оглядываясь. Я не хотел видеть, в какую сторону пойдёт Тося. Да я и сам ничего не смог бы решить, хотя Иван и был теперь моим братом.

И всё равно что-то болело в душе. Но я надеялся, что встречу их всех вновь.

Встречу!

— Прощайте, Артемий! — раздался откуда-то голос товарища Обыкновеннова, но самого пришельца я уже не увидел.

— До свиданья! — крикнул я. — Привет ыбрыгымцам!

— При случае обязательно передам, Иванушка... Будьте лю...

Иванушка! Почему Иванушка?! При чём тут Иванушка? Артём я, Артём. Но выяснять было уже не у кого.

И потом, что такое «будьте лю...»? Будьте любезны? Нет, эта фраза не подходила даже по тону, которым была произнесена. Будьте лю... Будьте любезны... Будьте людьми! Будьте людьми! Вот что сказал мне на прощание товарищ Обыкновеннов.

И я бегом бросился к своим...

Жилплощадь для фантаста

1

Шёл мокрый лохматый снег, падал на асфальт и не успевал таять, превращаясь в жидкую чавкающую массу, которая с бульканьем и кряхтеньем выжималась из-под подошв. Иногда неожиданно налетал порыв ветра и залеплял лицо влажной холодной маской, тут же стекавшей по щекам и подбородку. Приходилось вытирать лицо мокрой уже перчаткой. И всё серо. И снег, и деревья, и пешеходы, и дома... Что за скверная погода! Хуже не придумаешь. Я разгонял промокшими ботинками жижу по сторонам и шёл в каком-то тягостном и опустошённом состоянии. Шёл, потому что нужно было сделать всё, что возможно. Хотя уже стало совершенно ясно, что все мои усилия и потуги тщетны. Да и, собственно, какие усилия, какие потуги? Никакого усилия я и не мог сделать, разве что упасть на колени, взмолиться, просить со слезами на глазах и бить себя в тощую грудь. Нет. Такого я ещё не мог допустить. Просить я ничего не стану. Спросить... Это другое дело. Спросить и всё. А вдруг — вот проклятые надежды! — а вдруг там просто забыли про меня или произошёл какой другой сбой?

Потому и шёл. Даже просто спросить и то было трудно. Убеждай себя, сколько хочешь, что спросить нужно, а всё равно это уже прошение, всё равно на тебя будут смотреть как на просителя. Много их тут ходит!

Стыдно... Боже, стыдно-то как!

Ну да ладно.

Я свернул на Тополиный бульвар и пошёл по аллее меж мокрых, исхлёстанных снегом и ветром голых деревьев.

Хорошо, что не встречалось знакомых. А то ведь: куда? зачем? в рабочее время! А ты ему: да вот, понимаешь, квартирёшку себе четырёхкомнатную выбиваю. А тот тебе: о! тут зубами драться надо! вот когда ордер получишь, да и то... А ты ему: да, да... А самому и стыдно, и неудобно, и тогда уж, хочешь не хочешь, решительно: ну, пока! я спешу. А он тебе: давай, успевай, рви! А потом он же знакомым: Федю видел, квартиру рвёт! четырёх... о! четырёхкомнатную!

А ведь не будет её. Да и чёрт с ней! Тут ведь дело в чём? В ней, квартире этой, вот где можно будет поработать! Утром,

ночью, днём. Когда вдохновение набежит. А ведь хочется, хочется писать. Больше уж и ничего... Жил себе и жил, писал, был помоложе, нервы покрепче, да и брал в основном чистым вдохновением. Четыре часа выпадения из мира — и рассказ готов. Потом, правда, попытки, мучения, чистые листы, недели, месяцы. И никому ведь не объяснишь, что происходит в эти недели и месяцы. Да и себе-то не объяснишь. Это потом прорвётся и сразу выльется в рассказ. Чудо? Мучение... Ведь когда пишешь, не мучаешься. Мучаешься, когда не можешь писать, когда чистый лист перед тобой становится пыточной, испанским сапогом, дыбой.

Чердак бы, сарай, баню по-чёрному.

Слева, легко пролетая, трезвонили трамваи, справа тяжело тормозили троллейбусы. Ещё не подмерзало, но идти уже становилось скользко. Завтра, через три дня, через неделю. Там уже настоящая зима будет.

Пришла в голову мысль о недавно купленных новых ботинках местной фабрики. Сейчас-то кажется, что лучше бы я их натянул. Но нет. В неразношенных не дойти. Чёртовы ноги! Всякий раз мучения! А всё-таки интересно, как это было?..

...Втаскивают, бросают на грязный пол.

Он поджал ноги, тихо завыл. Палач легко приподнял его одной рукой, встряхнул, швырнул на изгаженную солому, засмеялся, засопел носом, показал что-то чудовищное, страшнее чего уже не было на свете. Сапог. Сапог! Клещи, раскалённое железо. Всё, всё можно вынести, ускользнуть в потерю сознания. Но это...

Фу! Что это я всё о мучениях? Ведь научился же утишать боль особой постановкой шага, дыханием и даже просто выключением её из сознания. Тут только сосредоточиться на чём-нибудь другом. А жизнь... Что жизнь? Жизнь прекрасна и удивительна.

На Главном проспекте пошло немного под гору, но всего с квартал, а там снова всё ровно.

Зачем иду? Ах, да... для самооправдания. Чтобы сказать себе: я сделал всё. А и сделал-то только: сначала обрадовался, разинул рот, а потом... Да ещё бутылок пять водки выпил. Развил, развил отечественную ликёро-водочную промышленность. Не зря жизнь прожил. Ну и живи. Кто тебе мешает? Угол разве что не на месте. Так туда стенку из тумбочек во весь проём. Распилить их повдоль. Книги в один ряд. Удобно. Всё рационально, всё занимает мало места. Просто, и тишина... Тишина... А тёща пусть хоть до одури смотрит свой телевизор. И храпит пускай захрапится. А ещё...

Вот чёрт!.. Снова понесло. Это как болезнь. Навязчивая идея. Как только увидел предлагаемую квартиру, так и на-

чалось. Лечись, Федя, лечись... Сейчас всё кончится. Скоро уже.

В такую погоду пешеходы не интересуются друг другом.

Массивные, но без скрипа, упруго открывающиеся двери Учреждения. Уважительная тишина и деловитость в движениях людей. Я снял шапку, топнул ногами, смахнул с себя капли воды. Пальто уже проволгло, а брюки торчали колом, никакой стрелки на них и в помине не было. Ботинки слегка всхлипывали, но не очень громко, прислушиваться даже надо, чтобы обратить на эти звуки внимание.

Почему-то я сразу почувствовал себя здесь лишним. Люди работают, делают что-то полезное. А я? В неприёмный день, никем не званый... Отрывать людей... Надо, конечно. Неизвестность гнетёт. Хотя какая уж тут неизвестность! Просто официальный отказ и всё. Вежливый, короткий.

Это ничего, это я выдержу. Валентину только будет жалко. Она ведь так радовалась... Очень, очень неудобно мне перед ней. Как будто пообещал ей что-то нужное, необходимое, и не дал, обманул.

А лестница широкая, и ступеньки уже поистёрлись подошвами посетителей и работников самого Учреждения.

Приёмная на втором этаже. Народу здесь действительно никого, не то что в тот раз. Две секретарши. Одна что-то перебирала на столе, вторая разговаривала по телефону. Я знал, что нужно обращаться ко второй, и ждал. Зазвенел ещё один телефон, тут их была целая батарея.

Язык окаменел, не ворочался во рту.

Молоденькая, лет двадцати, секретарша закончила говорить и бросила трубку, но тут затарахтел третий телефон. Я стоял, переминаясь с ноги на ногу. Всё-таки обратил на себя внимание... Девушка вопросительно кивнула в мою сторону и тут же подняла трубку, сказала в неё что-то тихо, потом прикрыла её ладонью.

— Вам что?

Я уже приготовил своё коротенькое и точное обращение к секретарю.

— Спросите, пожалуйста, у Главного распорядителя абсолютными фондами: не сможет ли он на одну минуту принять писателя Приклонова?

— У нас сегодня неприёмный день.

— Я это знаю. И всё же прошу вас передать мою просьбу.

Девушка вопросительно посмотрела на вторую секретаршу.

— Если нельзя, я тотчас же уйду.

— Ну, хорошо. Только я сейчас не могу зайти к Геннадию Михайловичу. Подождите.

— Хорошо. Спасибо.

Я огляделся. Чистый ряд пустых жёстких кресел. Полированный паркетный пол, на котором я уже наследил. Это всё из-за ботинок. Там на подошве такие прорези, в которые набивается снег и грязь. Неудобно, но вроде бы стаявший снег не очень и заметен. Да и до меня уже кто-то следил тут. Я отошёл к стене и сел в кресло. Пальто снимать не стал. Никто ещё не приглашал меня на приём. А если снять пальто, то это могут расценить как твёрдое и наглое намерение во что бы то ни стало добиться приёма у самого Главного распорядителя абсолютными фондами.

От пальто пахло мокрой тряпкой. Брюки окончательно потеряли свою форму. Ботинки, там, где под кожзаменителем торчали болезненные наросты на суставах пальцев, оттопырились и на вид были просто дёшево неприличны, грубы и некрасивы. Никогда я не обращал внимания на красоту обуви и одежды, а тут насколько было возможно подобрал ноги под сиденье деревянного кресла. Сидел, глаза в пол, иногда на противоположную стену.

В кабинете Главного распорядителя было тихо, но я уже знал, что туда вела двойная, с тамбуром, обитая кожей дверь. Звуки через такую не проникают.

Кто-то вошёл из коридора, но я отметил только красивые ботинки на толстой подошве. Ботинки были импортные, добротные, плотные, кожаные, приятные для ног. Ходить в таких ботинках было, наверное, сплошным наслаждением. Ботинки прошли уверенно, с достоинством, хотя и не похозяйски. Ясно. Это руководитель отдела Учреждения. Ботинки были сухи и не оставляли на паркетном полу следов.

Когда кто-нибудь входил в кабинет, за дверью неразборчиво, но довольно громко слышался разговор. Я сидел не шевелясь. Очень хотелось курить, но выйти в коридор я боялся. Во-первых, кто знает, можно ли там курить, во-вторых, секретарша может подумать, что мне самому надоело ждать и я отказываюсь от аудиенции.

Две женщины переговаривались между собой, звонил телефон или сразу два, но в каждом случае секретарша точно знала, какую трубку брать первой. За окном троллейбусы высекали электрические брызги.

Что же я сижу? Ах, да... Сижу только с единственной целью: услышать официальный отказ. А ведь могли предупредить... предупредить... Телефона нет... Далеко... далеко... Только один автобус на этот Чердак и ходит. Всегда набит битком. Если Олька будет ходить в ту же школу, то как же ей лучше ездить? На площади пересадку делать? Там всегда толпы народу. Само-то, когда с пересадками ездил, ох и намучился! Оттого и место

работы сменил. Ага. Работа. Теперь, значит, снова через весь город. Но ведь это не на всю жизнь. На три, четыре года, пусть на пять. Ведь должен же я когда-то бросить всё, кроме своих рассказов. Писать так писать. Стилем своим не обольщаюсь. Тут ведь время нужно. Спокойно, не торопясь... по пять, по десять раз всё переписывать. Возьмусь и за стиль. Не только одними сюжетами будут интересны рассказы. Вот будет отдельная комната. Пятнадцать метров. Диван сюда. Там стенка для книг... И белить здесь каждый год не надо. Обои! Хорошо. Курить прямо в комнате. Тоже удобно. Трубку надо купить... Фу! Курить ведь тогда не буду, решил уже. Брошу. И начал-то только из-за этой эпопеи... А секретер у окна, как и раньше. Там стол для Валентины. У-у! Сколько места-то ещё... Два стула... или три. Когда-нибудь и кресла. Хорошо будет читать в кресле, а рядом маленький столик, на котором перфокарты и ручка, чтобы сразу выписки делать. А ведь ещё можно читать и в постели, лёжа... И Валентина иногда на ночь почитает. Теперь вместе. Незаметно усну, она свет выключит. А если она уснёт раньше, то я сразу иду на кухню. Вот где читать-то! Боже, что за кухня! Квартира! На всё плевать. Ведь теперь не придётся сидеть под храп тёщи. Никакого храпа, никакого! Это же ведь просто невероятно. Неужели можно спать, не слыша чужого храпа, всеобъемлющего, вечного?.. Далеко вот только. Но всё образуется, утрясётся... И троллейбус когда-нибудь на Чердак пустят. Но тишина. Главное — тишина! Тишина... тишина... И звук...

...шагов.

Туфли, тёмно-красные с чёрным, на толстой, которой не страшна никакая грязь, подошве, но лёгкой на ходу, бесшумной.

Заныли суставы. Вот сейчас. Вот сейчас будет трудно сделать шаг. Минут пятнадцать-двадцать будет больно, как будто кто-то выворачивает пальцы из суставов. А потом...

... — Встаньте! — крикнул Фёдор. Гул от его голоса раскатился по... (тут ещё не было найдено слово). Те трое низко приникли к полу. Четвёртый перестал играть обрывком цепи.

— Кто? — спросил Фёдор.

— Федька, — прохрипел боярин. — Михайлов сын... Собака Приклонов.

— Это который на Казань ходил? — уточнил Фёдор.

Вот именно! Не просто «он», а Федька! Собака Приклонов.

И что это он вырядился в такую погоду-погодищу? Ах да... Учреждение. Ведь эти туфли и не ходят по грязи, не для того они сработаны. Разве что туда-сюда двадцать метров по чистому асфальту, потому что в центре города асфальт метут и стараются не пускать сюда самосвалы с ошлёпками грязи.

Одни из кабинета, другие в кабинет. Эти тоже импортные... А почему? Почему я думаю, что они импортные? Так ведь надёжные и крепкие, красивые. Такие разве в магазине купишь? Прошу прощения! Поэтому и думаю, что они импортные. А на самом деле, может быть, и наши, со знаком качества.

И снова шум из кабинета. А секретарша, кажется, и не заходила туда, чтобы передать мою просьбу. Но просить вторично или посоветовать провернуть это дело побыстрее я не мог. А время шло. Да чёрт с ним, со временем! Оно идёт у всех. Вот разве что у меня сейчас проходит бесполезно. А оторвать Главного распорядителя от работы — значит, отнять у него минуту, а может, и полторы, если разговор затянется. Тогда у него время пропадёт зря.

И всего-то нужно: вам в квартире пока отказано по такой-то и такой-то причине. Всего хорошего! Ах да... Ведь отказано. А в голову лезут дурные мысли. Шифоньер сюда поставлю, телевизор туда, это в угол, то к косяку. И знаю, знаю, что чушь, что о другом думать надо, о работе, которая уже какой месяц не может сдвинуться с места, а всё равно... Как наказание, как сумасшествие, как вечный плен: это сюда, то туда... не поцарапать бы пол... Щели замазать... пластилином не буду, усыхает он со временем... хорошо бы шпаклёвкой, а в углах и косяки — пластырной лентой... а обои... цветики-цветочки... пять лет белить не надо... да здесь только потолок... с душой надо относиться к квартире, лелеять её, ухаживать за ней... плитку в ванной комнате... не купить плитку... или повезёт... Гвозди... Вот гвозди — проблема. Вернее, их вбивание. Продают, правда, «подарок», или «сюрприз» для новосёла... Дюбели!

Тьфу!

Дюбель?

Дюбель и есть!

Тряхнул покрепче головой, нечаянно посмотрел на секретаршу, ту, к которой обращался с просьбой. Видел её однажды в этом же кабинете. Ничего о ней не знал, потому придумать её не составляло труда...

— Здравствуйте, Машенька! — сказал он.

— Ах, — ответила секретарь Машенька и запахнула домашний халатик из розовых махровых полотенец. А вот причёска на голове у неё была в совершеннейшем порядке, модная и красивая, очень идущая к её востроносенькому, чуть припухлому личику. — Фёдор Михайлович ещё не приходил. — Машенька на всякий случай заглянула в кабинет своего начальника, двери которого оказались не опечатанными и даже не на замке, и ахнула. Главный распорядитель сидел за своим столом и, видимо, изучал деловые бумаги.

— Моё имя Фёдор, — представился поджарый...

Что дальше будет, я ещё не знал.

Секретарша что-то положила в папку, наверное, с тиснением «На подпись» и тоже взглянула на меня. Наши взгляды встретились. Я понимал, как ей не хочется идти в кабинет. Она уже предполагала, с каким вопросом пришёл я, чувствовала: Геннадий Михайлович тоже знает это и будет недоволен, что промокший да ещё наверняка злой проситель рвётся в его кабинет. Секретарша медлила, едва уловимыми машинальными движениями поправляя своё строгое деловое платье. Я отвёл глаза и снова уставился в пол.

Импортные или отечественные туфли изредка проходили передо мной.

Ну, хорошо. Почему не сказать просто: извините товарищ, снова неувязочка вышла. Придётся подождать. Ведь я и не просил, и не заикался даже о новой квартире. Ну, пятый десяток, а всё равно писатель-то я ещё молодой, хотя и подающий надежды. И ничего сверхпрекрасного у меня не написано. «Фирменный поезд», да ещё рассказишки. И страна не говорит о моих творениях. Город даже не говорит. Ну, получаю иногда письма от читателей, так ведь всё больше от самих пассажиров фирменного поезда, от Артемия, Валерия Михайловича... Да и кто из писателей не получает их. Особенно с просьбой выслать книжку с автографом. Так что просим извинить, но не заслужили вы ещё, товарищ Фёдор. А всё равно противно. Не просил — предложили — отказали. Отказали, это уж точно. Но почему никто не скажет? Нет так нет. Уйду, просить не стану. А вот припёрся же сюда, хотя меня никто и не приглашал.

Ботинки мои всё ещё не просохли, да и от пальто попрежнему пахло сыростью.

Я чуть пошевелился. Секретарша смотрела на меня с тоской и неприязнью. Почему это она из-за какого-то там писателя должна пережить несколько неприятных секунд или даже целую минуту? Сидит и сидит. Уж пора бы и понять. Тоже мне, несчастный-разнесчастный! Секретарша схватила папку и вошла в кабинет.

Я облегчённо вздохнул. Ну, сейчас будет определённость. Не надо мне ничего кроме определённости.

Секретарша вышла из кабинета и сказала:

— Я ещё не доложила о вашей просьбе. Геннадий Михайлович занят.

— ...Хорошо, — ответил Фёдор.

А дальше было то, ради чего он пришёл сюда. Вокруг попрежнему была тьма, но он теперь отлично знал путь и поэтому шёл быстро, словно торопясь, уверенно. Вид Фёдора привёл человека с факелом в трепет. Фёдор молча прикурил

от факела уже давно торчавшую изо рта сигарету. Пустил дым. Человек застонал и чуть не уронил факел.

— Митроха Лапоть, — вспомнил Фёдор.

— Смилуйся!..

— Хорошо, — ответил я.

А секретарша всё непонимающе смотрела на меня.

И я теперь не знал, что мне делать — ждать ли ещё, или уже нужно уходить. Но, во-первых, меня ещё не выгоняли из приёмной, во-вторых, я так ничего определённого и не узнал.

Секретарша перестала обращать на меня внимание. Я остался сидеть, только чуть переступил своими мокрыми ботинками. Слава Богу! Не захлюпало. И наслеженное мною уже высохло. Ничего почти и не видно. Нет, вовсе и не испортил я этот паркет.

А там-то ведь тоже паркет. Ну, не совсем, конечно, а так... похоже. Псевдопаркет. Наклеенные заранее досточки на плиту и так, и эдак. А уж из этих плит и настилают пол. Натирать только чем-то надо. Тоже целое дело. Но всё же не красить. С этой покраской полов всегда беда да и только. Чтобы получилось хорошо, нужно на два раза. А это значит — неделю жить у родственников. Хорошего мало. А если покрасишь ацетоновой, то на следующий год начинай всё сначала. А тут натёр и кончено. Столы поставлю Валентине и Ольке, а себе секретер, потому что бумаги в обычный стол не вмещаются. И твори. Твори! Выдумывай! Фантазируй! И не спеша. Ну совершенно без всякой тебе спешки. Теперь надо работать понастоящему. Главное-то ведь в чём? А тишина! Тишина... Никакой храп тебе не мешает ни работать, ни спать. А писать есть о чём. Вот об этом самом путешественнике во времени. И имя ему дать, непременно — Фёдор. Потому что ещё неизвестно, что с ним произойдёт в этом путешествии. Сам написал, самому и расплачиваться. Нечего других впутывать в это дело. А в секретере...

Секретарша глянула в окно, что-то нетерпеливо переложила на столе.

— Геннадий Михайлович вызвал машину...

Это сообщение, кажется, предназначалось мне. Но я не понял. Недоуменно посмотрел на женщину. Машину? Что же это означает?

Сердясь на мою непонятливость, секретарша добавила:

— Геннадий Михайлович сейчас поедет...

— Но мне только одну минуту. — Я почему-то заторопился, смешался, растерялся.

— Хорошо. Сейчас спрошу.

Туфли уже минут тридцать не прогуливались передо мной, но я только сейчас осознал это.

Секретарша стала вдруг задумчивой, вся — внимание, озабоченность, и с этим видом вошла в кабинет. Вышла она минуты через три.

— Геннадий Михайлович не сможет вас принять.

И всё.

Я поднялся, осторожно, медленно, потому что сейчас нужно было сделать удачный переход к ходьбе, сказал спокойно, вежливо, секретарша ведь тут ни при чём:

— Извините. До свиданья.

— До свиданья, — ответила она. Вторая тоже кивнула.

И тут я понял, отчётливо, ясно, достоверно, что Главный распорядитель абсолютными фондами все эти часы, что я сидел здесь, знал, знал, что в приёмной у него торчит писатель, проситель, неудачник. Не мог он не знать. Ну да ладно... Проживём.

2

Я вышел в коридор, пустой и гулкий. Постоял, застегнул верхнюю пуговицу пальто, вытащил из кармана перчатки, зачем-то затолкал их в шапку.

А ведь можно и в коридоре отнять эту минуту у Геннадия Михайловича. До машины-то ведь ему всё равно идти пешком.

Прошла минута, две, три, пять. Я всё стоял. Главный распорядитель вышел из кабинета в приёмную. Голос его был слышен и в коридоре. Геннадий Михайлович что-то говорил своим секретарям. Я уже приготовил фразу, короткую и точную, чтобы не отнимать у него времени на осмысливание вопроса.

Главный распорядитель вышел в коридор. И коридор для него был совершенно пуст.

— Здравствуйте, Геннадий Михайлович, — сказал я.

Геннадий Михайлович услышал звук человеческого голоса, оглянулся, вернее, просто посмотрел вбок, туда, где я стоял. На лице его отразилось мгновенное недоумение. Что это? Голос? А кто говорит, не видно. Не было никого в коридоре. Ни одного человека!

— Здравствуйте, Геннадий Михайлович, — повторил я. — Моя фамилия Приклонов.

И тут наконец меня заметили, но не остановились, а всё так же неторопливо и с достоинством, перекатываясь с пятки на носок прекраснейшего и добротнейшего ботинка, проследовали вперёд, оставляя за собой всем понятное:

— ст...

Нормально.

Главный распорядитель абсолютными фондами шёл уверенно и спокойно. Теперь, вне стен рабочего кабинета, обеспокоить его было не так-то просто. Да и шагов до автомобиля, который дожидался его у дверей вестибюля, оставалось совсем немного, какая-нибудь сотня или того меньше. Я поспешил за распорядителем.

— Геннадий Михайлович! Скажите, пожалуйста, почему мне снова отказали в квартире?

Объяснять сейчас, что я не просил эту квартиру, что её мне предложили, что я был страшно рад и уверен, что теперь уж всё нормально, сейчас не представлялось возможным. Нужно было задавать вопросы точные и краткие. Однозначные.

Геннадий Михайлович не оглянулся, не остановился, даже не замедлил шага, да и с какой стати стал бы он это делать. Он только сказал раздражённо и громко:

— Не зна-аю!

Причём звук «а» он немного растянул, отчего получилось такое впечатление, словно он отталкивался от меня рукой.

То, что квартиры не будет, я понял ещё утром, когда произошла заминка со сдачей моей прежней квартиры уполномоченному с завода, где я работал. И ответ удивил меня не этим, не отказом, хотя форма его и показалась мне странной.

— Но ведь именно вы и должны это знать, — сказал я. А действительно, к кому я ещё мог обратиться за разъяснениями? Ведь во всех других инстанциях только неопределённо пожимали плечами. Дом заселялся, я был в списках, но старую квартиру никто не брал на себя смелость принять. А без документов о её сдаче я не мог получить ордер на новую. Это-то ясно. Вдруг я пожелаю захватить обе квартиры! Но причины заминки?

— Я не могу дарить тебе четырёхкомнатную квартиру, да ещё заводу двухкомнатную!

Главный распорядитель раздражался всё больше. Эти прилипалы, просители... Интеллигенция! Тихой сапой лезут с «пожалуйста» и «прошу прощения».

Да при чём тут «дарить»? Ну при чём тут какое-то дарение? Не подарки мне нужны, не подачки, не куски, которые я и не собирался у кого-то рвать. Ну, если не положено, если не заслужил, если ещё рано, если нет возможности, так и не надо срывать меня с места. Ведь человек привыкает. Вот и я привык уже и к тяжести, которую носил в своём сердце, и к тесноте, в которой приходилось жить, и к тому, что нет места для работы. Ну зачем же он так? Зачем дарить? Мне —четырёхкомнатную, а заводу — двухкомнатную, ну, то есть ту, в которой я сейчас жил. Да что же это? Что?

Геннадий Михайлович был мне понятен. Я мог, мог придумать его! Никакого труда это для меня не составляло. Вот только не хотелось...

А ведь была и другая встреча. Жара давила неимоверная. Я, как всегда, проводил свой отпуск в городе. Одуревши от жары и писанины, я спал. Помятый, спросонья, небритый, я ничего не понимал. Валентина растолкала меня, сказала: «К тебе пришли». А какой-то незнакомый человек торопит: «Скорее. Геннадий Михайлович ждёт. Книжку свою подписали? Книжку обязательно. Как она у вас называется?». Книжек не было. Вернее, были, но мало. Не хватало книжек. «Какому Геннадию?» — не понимал я. — «Главному распорядителю абсолютными фондами. Через пять минут должны быть у Геннадия Михайловича. Да можете вы побыстрее?» — «Квартиру обещают», — шепнула Валентина. — «Какую квартиру?» — «Может, и дадут, раз обещают», — сказала Пелагея Матвеевна. Я всё равно ничего не понимал... Даже не умывшись, влез в чёрную «Волгу». В приёмной Главного распорядителя толпилась очередь. Сопровождающий подталкивал меня в спину. Вокруг зашумели: «Без очереди! Постоял бы, не старый!» — «По вызову», — объяснила секретарша, но её не слушали. Хотелось сбежать, но уже открывалась двойная дверь с тамбуром... «Писатель Приклонов», — доложила секретарша и исчезла. «Здравствуйте!» — сказал я. Геннадий Михайлович сидел и не видел. В его кабинете раздался посторонний звук, словно вошёл кто-то. Вид у меня, я знал это, был подзаборный. Меня всё же обнаружили. «Где заявление?» — «Какое заявление? — не понял я. — Книжка вот... Никакого заявления у меня нет». — «Пиши». Я положил на стол заляпанную вспотевшими руками книжку. Геннадий Михайлович отогнул корочку, хмыкнул. «Ах, да, — ужаснулся я. — Ручку. Ручку дома забыл. Подпись». Я отнимал время, я торопился, я даже не написал «Уважаемому», просто: «Геннадию Михайловичу с наилучшими пожеланиями!». Книжка захлопнулась. «Пиши заявление». — «Да о чём же?» — «Квартиру тебе даю... четырёхкомнатную». — «Спасибо. Не ожидал». — «Ожидал, ожидал». — «А нельзя сначала её посмотреть?» — «Чего тебе её смотреть?» — «Посмотреть...» — «Пиши заявление». Геннадий Михайлович пустил по столу чистый лист бумаги. «Всё же... сначала посмотреть». Геннадий Михайлович утратил интерес ко мне. Это было ясно. «Как хочешь. Но чтобы заявление завтра было у меня на столе». — «Вот спасибо! Съездим и сразу же заявление». Геннадий Михайлович нажал на столе какую-то кнопку. «Спасибо. До свиданья», — сказал я и шмыгнул в уже открывающуюся дверь. В приёмной не-

довольно зашумели посетители. Я отнял у них время. Про квартиру мне верилось и не верилось. Всё было слишком быстро и неожиданно. А потом всё сорвалось...

— Ты что, не мог пойти к директору завода и сказать, чтобы он отдал твою квартиру городу?

Мы уже спускались по мраморной лестнице. Главный распорядитель хотя и был раздражён, но нёс своё тело всё так же с достоинством.

Может быть, ему всё-таки чуть-чуть стыдно, думал я. Ну не за то, конечно, что не дал мне квартиру, а потому что сорвал человека с места, вольно или невольно, но всё же заставил его ходить, спрашивать, унижаться ведь, потому что никто не желает отвечать на мои вопросы. Вот он наверняка и говорит так грубо потому, что смущён, потому что ему хоть немножечко, а всё-таки неудобно.

— Так ведь это совсем не моя работа, — вспомнил я о своей попытке прорваться к директору завода.

— А ты думаешь, что я за тебя буду ходить и носить эти справки? Ты что думаешь, у меня другой работы нет?

Вот теперь Главный распорядитель не скрывал своей злости и даже какой-то ненависти. Он на миг остановился на лестничной площадке, чтобы смерить меня с ног до головы бешеным взглядом. Ну нет, совесть его сейчас не мучила, да и случалось ли это когда прежде? Никакого неудобства, тем более — стыда, он сейчас не испытывал. Он был у себя, в своей вотчине. Он сейчас являл собою разгневанного барина, который может подарить, но может и посмеяться, может кинуть кость, но может тут же и отобрать её.

— Я думаю, — сказал я, — что для этого у вас есть специальный штат работников. И потом... я пытался пробиться к директору завода, но он даже не захотел со мной встретиться. Ведь я для него простой настройщик.

Теперь уже и я говорил со злостью. Ну нет, я не холоп, тут у Геннадия Михайловича выйдет промашка.

Мы уже шли по холлу нижнего этажа, а через стеклянные двери можно было рассмотреть «Волгу» и шофёра в ней, который только и ждал, чтобы распахнуть дверцу.

Моё заявление о попытке прорваться к директору завода Геннадий Михайлович оставил без внимания. Делёж квартир —городу или заводу — от меня не зависел. Да и что я представлял собой, хилый писатель? Очень много развелось их, и все умные, все знают, на что имеют право, на что — нет.

Главного распорядителя вдруг прорвало окончательно.

— Ты знаешь, сколько я уже подарил вам всем квартир?! — Он кричал.

Нет, я не знал этого. Да и кому — всем?

— Нет! Ты знаешь, сколько я уже подарил вам квартир?! Вы только от меня их и получаете! Я дарю, а вам всё мало! Скольким художникам и писателям я подарил квартиры, ты знаешь?! Нет?! А вы всё ходите! Дай квартиру! Дай квартиру! Дай квартиру! Вы ничего больше не можете, кроме как просить: дай! дай! дай!

Геннадий Михайлович сам отворил двери Учреждения и вышел на тротуар.

Я держал шапку в руках. Но это не от робости, просто руки задеревенели.

Главный распорядитель продолжал кричать:

— Вам всё дай! Дай! Дай! Дай!

Прохожие оглядывались, но, правда, не останавливались.

А что ему можно было сказать в ответ? Что он подлец? Да он уже столько раз это слышал. Что он не интеллигентный человек? Эка беда! Плевал он на всё интеллигентство. Ведь он заведовал распределением абсолютных фондов.

И потом... Ведь я всё-таки подарил ему свою книжку. И это моё действие всё время висело на мне, как камень на шее.

«До свиданья» мы друг другу не сказали. Я сейчас вообще ничего не смог бы сказать. Главный распорядитель сел в автомобиль, и «Волга» тронулась с места.

Значит, дарить! Барин — холопу! Благодетель — просителю! Прохожий — нищему! Но всё же точнее всего: барин — холопу. И откуда только такие берутся? Ну уж нет! Холопа из меня не сделать!

А ведь на душе-то отлегло. Отлегло, ей-богу! И даже хамство чиновника задело лишь гордость. А вся, так сказать, информационная сторона этого хамства принесла почему-то облегчение. Принесла! Всё известно, всё ясно, не надо ломать голову, мучиться незнанием, томиться ожиданием. Ничего теперь не надо. Ничего. Да чёрт с ней, с квартирой! И ещё тысячу раз чёрт с ней! Стыдно вот только перед Валентиной. Но ведь Валентина молодец. Она всё поймёт. Хоть и тяжело ей, а всё равно поймёт. Реакция тёщи меня сейчас не интересовала. Олька вот вся издёрганная. Но ей-то легче. Она ещё не понимает. Видит, но не понимает. Ага! Светлое что-то появилось в душе. Это от того, что всё наконец объяснилось, хоть и таким образом, но всё же объяснилось. Это сейчас даже радовало. Ну, огорченье семье, обида, стыд, что ящики уже упаковали. Но это всё пройдёт, пройдёт. Вся шелуха пройдёт, всё дерьмо отвалится. Всё, всё, всё нормально. Сейчас только первое напряжение с души сбросить. Но тут есть испытанное средство.

Уже в шапке, но ещё без перчаток завернул я за угол гастронома. Нет, сюда не за водкой. Нужно было, пожалуй, зайти в писательскую организацию и, если ответственный

секретарь ещё не уехал, доложить о происшедшем. Не жаловаться, нет, боже упаси! Жаловаться я никому не буду. Но и просить тоже. И вообще, пошли-ка все благодетели куда подальше! Работать надо. Ведь написал же на кухне по ночам полсотни рассказов. Да. И ещё напишу. Только чтобы никаких дёрганий, чтобы ничто не отвлекало. Ну, от отвлечений, конечно, никуда не денешься. Да и от тёщиного храпа тоже. Но всё же не хамство...

Перестал, что ли, падать снег? Ага. Не совсем, правда, но сыпал реже, да и не такой мокрый. И подмерзало к тому же. Дело к ночи. Зима скоро, зима. И хорошо, что зима. И вообще всё хорошо... Вот ноги только. Испанский сапог. Пытка. Но это уже совершеннейшая ерунда. Привычное дело.

Вдоль трамвайной линии, мимо городского сада дошёл я до писательской организации. В окнах темнота. Ясно. Все ушли. Ну ладно. И то сказать, времени-то ведь уже седьмой час.

В том-то и дело, что седьмой час! Скоро водку перестанут продавать. А выпить сегодня нужно было обязательно. И в последний раз. С радости я выпил уже много. А с горя — да и не горе это вовсе, а облегчение — ну, словом, из-за квартиры этой можно, в последний раз. За упокой её души. Два-три дня ещё, конечно, пройдут в разговорах, но уж потом только одна работа. Что я значу без своей работы, без своих рассказов и повестей? Да и самому в первую очередь это нужно, самому. Ну вот и начнём. А бояре пусть дарят холопам. Благо, такие ещё не перевелись и долго, наверное, не переведутся. Да и никогда не переведутся.

В гору я поднялся малолюдными переулками и вышел на Тополиный бульвар. Здесь, возле кинотеатра «Октябрь», агентства Аэрофлота и продовольственного магазина бурлила толпа. На остановке в переполненные троллейбусы и автобусы лезли одуревшие от долгого ожидания пассажиры. Кто-то выскочил чуть ли не на середину проезжей части дороги, пытаясь остановить такси, но, кроме резкого скрипа тормозов да отборной брани шофёра, не получил из этого предприятия ничего. И поделом. Дорога уже начала леденеть, улица узкая, движение напряжённое.

Стемнело. Зажглись фонари.

В полураскрытые двери продовольственного магазина стремились пробиться два встречных потока людей. Это им как-то удавалось, и уже привычно не вызывало ни у кого удивления. Я тоже протиснулся. Отдел, где продавали водку и табачные изделия, для удобства покупателей располагался прямо у двери. Я пристроился в конец очереди.

Всё-таки удивительно, как изменилось у меня настроение. От гнетущей неизвестности и растерянности к какому-то

освобождению. Обиды не было. Да и на кого обижаться? Осталась злость, но она уже проходила. Она и накатилась-то не от того, что мне снова не дали квартиру, а оттого лишь, что меня обхамили. Хамство это забыть было нельзя, но и основывать на его действии свою дальнейшую жизнь тоже не стоило. От всей этой истории оставалось только одно — Валентине будет стыдно, что она уже упаковала посуду, связала узлы, поторопилась, обрадовалась прежде, чем ей вручили подарок. А подарок-то и не дали вовсе. Так только, показали, а потом: это не для вас. И без извинений.

Из кармана пальто я достал тройку, смятый рубль и мелочь. Конечно, достаточно было и четвертинки водки, чтобы уснуть нормально, но продавали, как всегда, только поллитровки. Да бог с ней... Можно и ноль-пять. В таком состоянии, в каком я находился сейчас, опьянеть было невозможно. Да и не хотелось мне пьянеть, а только расслабиться. Сейчас бы только расслабиться и уснуть.

Бутылка оттопыривала левый карман пальто, но никаких неудобств или сомнений на этот счёт я не испытывал. Несёт человек в кармане водку и несёт. Значит, ему так нужно. Да и домой несёт, а не под забором тянуть из горлышка. До дома было рукой подать. Я спешил, чтобы скорее всё рассказать, и уже хотелось, чтобы моё сообщение осталось где-нибудь в прошлом, ну хотя бы в пятиминутном. Но невозможность путешествий во времени не замедляла мой шаг, чуть ли не бег. Если нельзя, чтобы это уже осталось в прошлом, то пусть оно скорее произойдёт в будущем, потому что сразу же за этим наступит и облегчение.

Вот и дом, вот и подъезд, а вот уже пятый этаж и ободранная дверь, виденная тысячи раз. Ключ в замочную скважину, поворот. Дверь открывалась без скрипа.

Я вошёл в коридорчик, хлопнул дверью, начал расстёгивать пуговицы пальто. Из кухни выглянула Валентина. Тёща сидела на диване и смотрела научно-популярную передачу по телевидению. Из второй комнаты, маленькой, вышла Олька. Все уставились на меня, но ничего не говорили, не спрашивали.

— Не вышло, — поспешил сообщить я.

— Вот чёрт! — сказала Валентина и исчезла на кухне, там у неё что-то кипело.

— Да-а, — сказала дочь. И в голосе её слышалась растерянность.

— Не дали? — спросила Пелагея Матвеевна.

— Не дали, — выдохнул я.

Ну вот. Главное теперь уже позади. Теперь можно коротко, потом подробнее, затем уже вспоминая и самые мельчайшие подробности, рассказать всё. Рассказывать, конечно, придёт-

ся не раз. И родственникам, и знакомым, но к тому времени уже появится стереотип рассказа, хотя повторять его не будет никакого желания. А потом уже и вообще: не дали и всё.

Валентина немного погремела на кухне посудой, убавила там, наверное, газ у плиты и снова вышла.

— Значит, не дали? — спросила она и поправила очки мокрыми пальцами.

— Не дали. В следующий раз, наверное.

— Да уж сколько раз, и всё — следующий, — пробурчала Пелагея Матвеевна,

Я снял пальто, шапку, шарф, развязал шнурки своих мокрых ботинок, швырнул их с ноги в угол. Ноги застонали, отходя, распухая. Вытащил из кармана бутылку, потряс ею над головой.

— Последняя... с радости. Теперь будем пить только с горя.

— Ну и ладно, — сказала Олька.

— Проживём, — согласилась Валентина.

— Уж тут и жить-то осталось... — Это подала свой голос Пелагея Матвеевна.

Я прошёл в комнату, но на узлы и картонные коробки старался не смотреть.

3

«...Эксперимент кончился, и Фёдор, даже не сняв с рук присоски-электроды, вышел в коридор покурить.

Курилка располагалась возле запасного выхода, и там всегда дуло, чуть ли не свистело. В общем, было неуютно, да ещё и грязно. Фёдор прошёл к главной лестнице, постоял мгновение и спустился на один марш вниз. Здесь, на площадке, было тепло и полусумрачно. Лестница вела в подвальные помещения, где размещались различные технические службы, и ещё дальше вниз, но Фёдор никогда туда не спускался. Повода просто не было.

Группа, в которой работал Приклонов, занималась исследованием точек акупунктуры. Работы велись уже какой год, а механизм загадочных «китайских» точек оставался непонятным. Научные работники пропускали через точки электрический ток, пытались воздействовать на них магнитным полем. Груды таблиц и графиков росли, но и только...

Кожа рук после пробоя электрическим током саднила, горела. И то, что через час это ощущение пройдёт, не приносило облегчения, потому что через час эксперимент будет продолжен.

Фёдор стоял и курил в неположенном месте, как, впрочем, делал часто. Комендантша не раз ловила его здесь и стращала штрафом, но он лишь отмалчивался, тушил о каблук сигарету и уносил окурок в кулаке. И, может быть, то, что он не бросал в сердцах окурок на пол, и удерживало суровую женщину от справедливого наказания. С того места, где он стоял, открывался вид на коридор подвала, расширяющийся возле лестницы, замусоренный, пыльный, слабо освещённый. Откуда-то доносился грохот, визг пилы, удары молота о наковальню, раздался крик, но не о помощи, а вопль жуткого страха. Нет... Показалось. Просто здесь очень шумно.

Научный работник докурил сигарету, но продолжал стоять в раздумье. Что-то влекло его вниз, но что-то и удерживало. Нужно было пойти в лабораторию и вычертить пару графиков, но подвал всё настойчивее звал его вниз.

На марш выше, с лестницы в коридор, из коридора на лестницу сновали научные работники, иногда тащили ящики с приборами, а то и просто пакет со съестным из буфета.

— Федя, — вдруг услышал Приклонов. — Не ходи туда. Прошу тебя.

Фёдор удивлённо оглянулся на голос. На ступеньках лестницы стояла Валентина.

— Куда — туда? — нервно спросил Приклонов.

— Туда. Вниз. Прошу тебя.

— Да что я там не видел?

— Соглашаешься, а всё равно ходишь.

— Никогда я туда не ходил.

— Если бы не ходил...

Фёдор вынул из пачки ещё одну сигарету. Советов жены он не понимал, но расспрашивать дальше не хотелось. Это даже запрещалось. Всё сдвинулось с места и понеслось к какой-то непонятной, но уже намеченной цели. Кажется, Валентина поняла это, потому что больше ничего не сказала и убежала вверх по лестнице.

Да что же там, подумал Фёдор. Если бы Валентина его не предупредила, он мог бы и не сделать шага вниз. Такие колебания были у него и раньше, но он всегда сдерживал себя. Почему же тогда Валентина утверждала, что он не раз бывал там? Всё это было странно, и всё это нужно было проверить. Он сделал шаг вниз, другой, третий. В подвальном коридоре никого не было, только где-то в дальнем его конце маячила фигурка человека, но так неясно, что даже невозможно было понять, мужчина это или женщина.

С незажжённой сигаретой во рту, просто-напросто забыв о ней, Фёдор медленно прошёл по коридору из конца в конец, обнаружил, что в одном месте коридор раздваивается, и по-

шёл по не исследованному ещё рукаву. При каждом его шаге из-под ног поднималась пыль. Последняя стоваттная лампочка осталась позади, а он все шёл и уже начинал думать, что коридора такой длины здесь не может быть. Но вот впереди вспыхнул свет, приблизился, разросся в фонарь. Мимо проскочил человек, держа в опущенной руке что-то продолговатое, багор, что ли? Фонарём он загораживал своё лицо, так что Фёдор не узнал его. Да это было и не важно. Мало ли кого он не знал в институте? Главное, что научные сотрудники здесь что-то делают, чем-то занимаются. Да-а... Площадей всегда не хватает. Им только разреши, так они вокруг института деревянных сарайчиков понаделают, забьют всё аппаратурой, и никакая «техника безопасности» даже свой нос туда не сунет. Идти стало уже совсем трудно. Темно. Того и гляди, что наскочишь лбом на какую-нибудь трубу отопления или колено вентиляционной системы. Фёдор вытянул вперёд обе руки, одну чуть повыше, чтобы защитить голову. Продвигался он медленно. Иногда и вовсе останавливался, чтобы ощупать бетонные стены с той и другой стороны коридора. Что-то подсказало ему об опасности. И тогда, вытянув вперёд ногу, он не нащупал пола. Но это была не ловушка, не дефект строительства. Коридор ступенями уходил вниз.

Фёдор понимал, что идти дальше не следует, но остановиться уже не мог. Скользя левой рукой по стене, он начал осторожно спускаться. Лестница шла левым винтом. Запахло сыростью, и всё та же тьма. В кармане лежал коробок спичек, но Фёдор не решался чиркнуть хотя бы одной. Спускался он долго и монотонно, пока вдруг не осознал, что пальцы не ощущают привычный бетон. Под ладонью были шершавые камни. Фёдор знал, что камню здесь взяться неоткуда, строители не применяли в своих работах трудоёмкий камень. И всё же здесь была каменная кладка! Огромные, хорошо обработанные, тщательно пригнанные друг к другу глыбы камня.

И тут вдруг пришло непонятное знание. Знание, что впереди ещё шесть высоких ступенек, сводчатый потолок с мокрыми скользкими потёками, заплесневелые стены, ещё одна лестница, большое помещение, окованная железом дверь, а за ней...

А за ней было то, ради чего он пришёл сюда.

Вокруг по-прежнему расстилалась тьма, но он теперь отлично знал путь и поэтому шёл быстро, словно торопясь, уверенно. На ступенях очередной лестницы стоял человек с факелом. Он вдруг затрясся и чуть не грохнулся Фёдору в ноги. Слышно было даже, как стучали его зубы. Откуда-то донёсся вопль. Но человек с факелом испугался не этого страшного звука. В трепет его привёл вид Фёдора. И Фёдор молча прикурил от факела уже давно торчавшую изо рта сигарету. Пустил

дым. Человек в кафтане, мягких сапогах, какой-то странной шапке и с алебардой в левой руке — теперь Фёдор рассмотрел и это — застонал и чуть не выронил факел.

— Митроха Лапоть, — вспомнил Фёдор.

— Смилуйся! — захрипел стражник.

— Да ты-то тут при чём? — зло удивился Фёдор.

— Верой, правдой...

Фёдор стряхнул пепел на сырой пол, ничего не ответил и начал спускаться дальше. Низкая сводчатая темница в свете колеблющихся факелов. За крепким дубовым столом, вцепившись в него оцепеневшими пальцами, то ли приподнимаясь, то ли, наоборот, опускаясь, застыл опричный боярин Захарья Очин-Плещеев, один из бесчисленного рода князей Очин-Плещеевых. На столе горела свеча, лежали бумаги, гусиные перья, стояла чернильница, литая, тяжёлая даже на вид. Рядом со столом валялись в ногах трое. Четвёртый, голый по пояс, разогретый тяжёлой работой, стоял и поигрывал обрывком цепи.

— Встаньте! — крикнул Фёдор. Гул от его голоса раскатился по темнице. Те трое ещё ниже приникли к полу. Палач перестал играть цепью. — Встаньте, — уже спокойно сказал Фёдор. — Прошу вас.

На полу началось движение, послышались всхлипывания. Боярин, низко наклонив голову, начал с трудом подниматься.

— Да ты-то сиди, — загрохотал усиленный стенами голос Фёдора. — А эти пусть встанут. Чего они метут кафтанами пол? Тут за сто лет не выметешь.

Палач загыкал, но под холодным взглядом Фёдоровых глаз смешался, заклокотал горлом, подавился. Фёдор взял одного из лежащих на полу за крепкий воротник, приподнял, тряхнул, но тот упорно валился на колени. Два других несмело поднялись, но старательно отворачивались, шмыгали носами. Фёдор одной рукой рванул валившегося и швырнул его в угол, как мешок. Палач засопел. И Фёдор понял, что того поразила сила, с которой он отбросил пристава. Такой в худом теле пришедшего палач не ожидал. Физическую силу он мерил по себе, и теперь мгновенно и навсегда стал верным рабом непонятного.

— Кто? — спросил Фёдор.

— Федька, — прохрипел боярин Очин-Плещеев. — Михайлов сын... Собака Приклонов.

— Который на Казань ходил? — уточнил Фёдор.

— Он... собака... Порчу напущает.

— Давно?

Захарья Очин-Плещеев понял по-своему:

— С утра бьёмся. Боюсь, отпустит.

— У меня не сбежит! — ощерился палач.

— Душа, душа сбежит! —крикнул боярин, и тут же испугался своих слов. — Живого надо...

— Чем пытал? — спросил Фёдор.

— Хы!.. Дыбой... Ручишки-то как верви теперь вьются. Хоть туды, хоть сюды...

— Скотина! — закричал Фёдор.

— Гы!

— Сам на дыбу пойдёшь! — крикнул и Захарья Очин-Плещеев.

— Старался... умаешься тут, — испугался палач.

— Ладно. Открывай. Посмотрим, что можно сделать. — Фёдор щелчком пустил потухшую сигарету в угол, где всё ещё лежал пристав.

— Сбегёт... — прошептал один из двух писарей.

— У меня не сбегёт, — пообещал Фёдор и повернул говорившего лицом к свече, слегка пригнул. Нет, лицо незнакомо, перекошено, искажено гримасой. Второй сам, не дожидаясь, зажмурился на свечку. — Не знаю, — сказал Фёдор. — А тот кто? — Он кивнул в угол.

— Не прогневи! — взмолился боярин. — Бес попутал!

— Ну-ну!

— Тоже Федька Приклонов. Собака! Два их, два... Пытать прикажешь?

— Помогать будет, — определил Фёдор. — А вообще-то их три! Три Федьки Приклоновых.

— Мать Пресвятая Богородица! — завопил Захарья, опричный боярин. — Спаси и помилуй!

Фёдор нагнулся к боярину, поднёс к своему лицу свечу.

— Похож, князь?

— Нечистая сила! — заорал Очин-Плещеев. — Сегодня на Приклонова, вчерась на Гниду Заремённого!

— Работа такая, — пояснил Фёдор. — Будешь похож. Ну что, охлынул? Жила в тебе слабая, князь.

— Господи, спаси... Господи, спа... Господи...

— Ладно. Пора. Кто будет записывать?

— Худородный писаришко... — вылез из-за спины один из двух, видно, побойчее.

— Вот и пиши!

— Приказуй... свят, свят, свят!

Второй тоже взял перо, но оно у него в руках ходило ходуном.

— Чтоб вас... — озлился Фёдор. — Открывай!

— Преблагой царь! — неожиданно завопил третий из угла и поднялся. — Ты хорошо делаешь, что наказуешь изменников по делам их!

— Преблагой, преблагой! — согласился Фёдор и приказал: — Иди за мной. Вины вычитывать будешь. Да открывай же!

Палач засуетился возле двери, загремел запорами.

— Взглянуть бы, — осмелился опричный боярин Захарья Очин-Плещеев.

— Дойдёт очередь, увидишь, — пообещал Фёдор.

— Видит Бог!— взмолился боярин. — Прегнуснейшие, богомерзкие и кровожадные падут! Как по Малютиной сказке в Подгорецкой посылке Малюта отделал полторы тыщи ручным усечением, а из пищали отделано пятнадцать!

— Открыл?! — в крайнем нетерпении крикнул Фёдор, не обращая внимания на слова боярина.

— Во, — сказал палач. — Вылёживается. Дыху у него мало.

В тусклом свете нескольких факелов Фёдор увидел лежавшего на полу человека в окровавленных лохмотьях. Поза его была нелепой, неестественной. Он был в беспамятстве. Втащив в пыточную слабо сопротивлявшегося пристава, Фёдор притворил за собой дверь, наклонился над тем, кто ещё недавно был человеком, пробормотал:

— Федя... Что они с тобой сделали? Не успел, не успел... — Быстро определив на ощупь точки акупунктуры, которые отвечали за общее состояние организма, он пальпацией (надавливанием пальцами) попытался привести Приклонова в чувство. Это долго не удавалось. Тогда он начал ощупывать вывернутые в суставах руки, ловко вправил все вывихи, поглаживанием срастил несколько переломов. Выяснять, что произошло с внутренними органами, не хватало времени, да и дело это было сложное. Приклонов наконец пришёл в себя. Он слабо застонал, промычал что-то, узко, щелочкой открыл глаза.

— Очнись, Михайлов сын, — попросил Фёдор. —Уходить отсюда надо.

— Всё, — простонал Приклонов. — Отходил своё...

Фёдор снова занялся точками акупунктуры, по-особому надавливая на них, поглаживая, массируя. Пристав, сгорбившись на полу чуть поудобнее, одним глазом наблюдал происходящее. Чудо! Чудо! Господи, спаси и помилуй!

Приклонов уже мог стоять, но вид его всё ещё был ужасен.

— Иди, Михайлов сын... иди... Там тебя будут ждать.

— Ты кто? — спросил хрипло Приклонов.

— Я — ты.

Приклонов внимательно посмотрел в лицо Фёдору. Запомнить своего спасителя. И отшатнулся.

— Наваждение!

— Я — Фёдор Михайлович Приклонов.

— А я?.. Бес меня путает!

— И ты — Фёдор Михайлович Приклонов. Иди. Пора.

Он приоткрыл дверь пыточной. Та ржаво заскрипела. Палач спал стоя, только цепь валялась на полу. Писари тонко посвистывали носами.

— Вверх по лестнице, — сказал Фёдор, — по коридору, затем по каменной винтовой лестнице, снова по коридору... Держись рукой стены. Как только камень перейдёт в бетон, ты у своих. Понял?

— Бетон? — переспросил Приклонов.

— Бетон, бетон. Поймёшь, всё поймёшь. Прощай, Фёдор, сын Михайлов. Может, и встретимся ещё...

— Храни тебя Господь... — сказал Приклонов и, пошатываясь, начал взбираться по каменным ступеням. Он ещё ничего не понимал, кроме одного: пыточная осталась позади.

Фёдор хлопнул дверью. В сводчатой комнате проснулись, испуганно, тягостно.

— Молчит что-то богомерзкий... — начал было Захарья Очин-Плещеев, и тут в пыточной раздался крик. Мороз прошёл по коже у палача.

— Лютует шибко. Послабже бы надо.

В пыточной пристав Приклонов вычитывал вины. Фёдор, приподнятый на дыбе, закричал:

— Будьте прокляты, кровопийцы, вместе с вашим царём!

Пристав Федька, шибко удивлённый тем, что этот оказался на дыбе, но не привыкший особенно размышлять, да ещё вдруг почувствовавший, что всемогущий — чёрт ли, дьявол ли! — находится в его руках, сразу сообразил, что ему делать.

— Опричь кого замышлял злодейство?!

— Не оправдано историей! Глупо! Дико! Будьте людьми! — Фёдор кричал так, что его слышали в сводчатой комнате. Писцы заскрипели перьями.

— Ну, завёл... — зевнул Захарья Очин-Плещеев. — Каждый день одно и то же... Эка невидаль!

Пристав Федька озверел. То кнут, то раскалённое железо появлялись в его руках. Фёдор иногда проваливался в яму беспамятства, но лишь на мгновение. Страшная мысль пришла ему в голову...

Он многое, многое знал. Ведь у него в своём времени была отличная историческая библиотека. Читал Фёдор и Скрынникова, и Соловьёва, и Ключевского, и переписку Грозного с Курбским, и многое другое, даже «Ономастикон» Веселовского. Из «Ономастикона» и узнал, что обязательно встретит здесь Приклонова и того, другого — пристава. Знал,

что к концу царствования Ивана Грозного разорится Центр и Северо-запад Руси. Знал, что население Руси сократится втрое. Обезлюдеют сельские местности. В Московском уезде будут засевать только одну шестую пашни. В Новгородской земле — одну тринадцатую. Сёла и деревни превратятся в кладбища. Всё знал, и хотел сказать: «Остановитесь!».

Знал и надеялся, что простым словом можно что-то изменить.

И вот та страшная мысль: не поймут... не поймут! Рано. Поздно. Нужно. Не нужно. Зря.

Ан нет... Ведь Фёдор, сын Михайлов, всё-таки ушёл из пыточной. Значит, не зря. Не зря! А всё остальное?

Прошлое нельзя изменить. И вовсе не потому, что оно прошлое. Вовсе не потому.

Пристав тащил какой-то чурбан. Тащил и аж сам вздрагивал от сладостного ужаса.

Испанский сапог, подумал Фёдор. Это не страшно. Это привычно. Уж тут-то Федька просчитался. Пристав Федька крутанул винт.

— Будьте людьми!

Знакомая, привычная боль вошла в суставы ноги.

— А вот ежели так! — радостно возопил Федька. — Покрепше...

— Будьте лю...

И никакой боли. Ничего. Ничего вообще.

— Отошёл, кажись, — появляясь в дверях, растерянно сказал пристав Фёдор Михайлович Приклонов.

— Собака! — чему-то испугался опричный боярин Захарья Очин-Плещеев.

А Фёдор, иногда выныривая из беспамятства, вставал и шёл дальше. Ощупывал стену. И уже что-то незнакомое было под его пальцами. А, это же бетон, как сказывал тот, подумал он и снова нырнул в бездонную темень.

Окончательно очнулся Фёдор возле лестницы, ведущей из подвала на первый этаж. Несколько человек из лаборатории стояло вокруг. Слышалось:

— Что с ним?

— Кто его так отделал?

— И ведь уже не в первый раз!

— Федя! — приподняла его голову Валентина. — Да что же это?!

— Жив! Смотрит!

— Всё сказал, — прошептал Фёдор.

— Что? Что он говорит?

— Только ведь и сказать-то, по правде говоря, было нечего, — добавил он. — Не поняли.

— «Скорую»!

— Не надо «скорую»... — Фёдор попытался встать. Ему помогли. — Всё нормально, ребята...

Валентина вытирала кровь с его лица и плакала.

— Успокойся, — попросил Фёдор. — Ничего особенного не произошло. В подвал просто ходил.

— И куда он там ходит?

— Да нет там ничего! Нет! Ерунда какая-то.

— Ты идти-то можешь, Федя?

— Могу. Пустите. Умоюсь только.

— Смотри. Через десять минут философский семинар. А тебе доклад делать.

— Не беспокойтесь. Доложу.

— Федя, — сквозь слёзы прошептала Валентина. — Бросил бы ты всё это... а!

— Ладно... Видно будет... Так вы идите...

Валентина осталась его ждать.

Фёдор вошёл в умывальную комнату, начал осторожно смывать с себя кровь. Мешал блестящий браслет из какого-то неизвестного ему металла с куском цепи. Браслет был на правой руке. Ладно, подумал Фёдор, дома спилю. А пока руку в карман. Нормально всё. Нормально. Вот только как там его спаситель?»

4

Дня через четыре после нашего несостоявшегося вселения в новую квартиру пришёл Афиноген.

— Здорово, миряне, — прогудел он, заняв собой почти весь коридорчик.

Афиногена я не придумал.

Когда мы ехали в фирменном поезде «Фомич», Артемий Мальцев ночью разговаривал с бабусей. Бабуся рассказывала о своём сыне Афиногене. Я не слышал их разговора. Чуть позже я взялся за повесть о наших приключениях и написал выдуманную биографию Афиногена. Артемий читал черновик. Оказалось, что рассказ бабуси я повторил слово в слово. Из опубликованного варианта повести биографию Афиногена выбросили* по чисто техническим соображениям: она замедляла развитие сюжета, а сам Афиноген в повести так и не появился.

* Так оно и было. В этом томе полный текст повести «Фирменный поезд „Фомич“» публикуется впервые. Но значит ли это, что биографию Афиногена следует теперь выбрасывать из повести «Жилплощадь для фантаста»? Наверное, всё же не стоит... (*Прим. редактора*).

Вот что тогда выбросили:

«Бабуся прикусила губу и посмотрела на Артемия сухими, горячими, жгуче молодыми глазами.

— Всё хорошо, голубчик, но вот один шалопай у меня уродился, младшенький. Сорок пять лет уже подлецу стукнуло. А всё гудит, гуди-ит. Старшие-то и воевали, и ранены были. Работали. Все люди с умом и обстоятельные. А уму помогают своими руками. А этот, Афиноген, в войну-то ещё мальчишкой был. Уж сообразительный и на всякие выдумки горазд! В колхозе-то каких только хитростей не понапридумывал. Трактора у него сами пахали, а комбайны жали. Сидит, бывало, на пригорочке, а трактор с плугом ходит по полю, сам заворачивает, нигде огрехов не делает. И пахота хорошая».

Я понимал, что такого в войну не могло быть, но верил. Хотелось верить...

— Непривычно всё это было, — продолжала бабуся. — Председатель придёт и давай костерить его на чём свет стоит. А малец улыбается. Председателю это и подавно в обиду. Выгоню, говорит, к чертям собачьим! Лоботрясы мне не нужны! Оно с виду-то, может, и похоже было на это. Но ведь трактора-то пахали. Жутко смотреть было, как они без человека ходили. Раз, другой, третий обругал его председатель, а потом и в привычку вошло. Вроде присказки. Афиногенишь, мол. Это о тех, кто плохо работал. Ну, а мой уж школу кончил. Приходит раз домой и говорит: «Хватит, мама. Пусть председатель сохой пашет. Не может он поверить, а я мучиться не хочу. Да и не лежит у меня душа к деревне. В город поеду. В Москву! Учиться буду!». Я так и ахнула. В город! Да ещё в Москву! Ждут его там не дождутся! Тут у нас ведь уже и житьё полегчало. Старшие шестеро с фронта пришли. У кого ещё и перед войной дети были. А другие сразу переженились. Работай да радуйся, хотя радости-то, правда, было мало. И то счастье великое: живы все. Но Феня заладил своё, ни родителей, ни братовьёв не слушает. Что делать? Меньшего вроде всегда балуют. И сам не замечаешь, а получается. Советовали, увещевали, он всё своё. Ну, купили ему хромовые сапоги и отпустили. Месяца три молчал, потом письмо пришло, учится, мол, в Москве, в университете. Я и слова-то такого выговорить не могла. Агроном спросит, на каком он факультете, а я и сказать ничего не могу. И что это такое — факультет? Учился Фена, приезжал на каникулы, рассказывал. Отец, братья соберутся, он им что-то рисует, чертит. Лбы нахмурят, смотрят, молчат. Физика — наука-то, которую он изучал. Молчат, не верят, а потом ещё и смеяться начнут. Я их стыжу, а они своё: «Ну, Феня, сочинять ты мастак!». Обидится, уйдёт, а потом что-нибудь в колхозе или дома сотворится. То дома перепутаются: глядишь — а соседи уже другие. Сельпо однажды поднял на воздух метров на пять,

продавщица Манька по верёвке спускалась. А мужики, что за водкой пришли, грозились побить Феню. Ну, это они, конечно, так. Столько братовьёв, кто его тронет... А лезть по верёвке за своими бутылками поопасались. Потом уж, когда бабы пришли кое-чего купить, так он снова магазин в земле укрепил. Будто так и было. А всё не верили ему. Фокусы, мол. В цирке в городе и не то показывают! Фокусы... Рассказывал, что ему и в университете не верят. Не может быть там чего-то и всё тут! И не помню уж, чего... По науке какое-то слово. А так к нему братовья хорошо относились, любили младшенького. Потом как-то приехал, смотрю: выпивши. Отец, да мать, братья вы мои, да племяши хорошие! И два дня беспробудно. И где только зелье доставал? В доме ни капли. В сельпо не ходил. Приносил, что ли, кто? Так и не узнала. Потом снова все хорошо. А осенью пишет, что учёбу свою бросил. Ну, а раз бросил, то, значит, в армию забрали. Через три года вернулся, неразговорчивый, хмурый. Жену привёз. Мальцу-то уже, Коленьке, пятый годок пошёл. А ведь ничего Феня нам раньше и не говорил про женитьбу свою. И про науку больше ни слова. Горько уж нам стало, что Феня в физику свою не выбился, ну да ладно, лишь бы человеком был. В деревне не остался. Уехал в Фомск. Работать устроился в мебельный магазин грузчиком. Известно, какая там работа. Погрузил, выгрузил, затаскивать какой-нибудь шкаф поартачился, потому что выше первого этажа бесплатно не положено, ну, а за пятёрку — пожалуйста. Сколько их за день-то, этих рейсов! Деньги шальные. От таких толку не бывает. К пяти часам уже и водочки примут. А после пяти у грузчиков вообще частная лавочка открывается. Магазин доставку оформляет только до пяти, а люди-то до пяти в основном сами работают. Вечером самый и наплыв. Крутятся, а всё равно едва успевают. Ну и уставали они страшно как. Была я у него в гостях, видела всё. Работа, что ни говори, тяжёлая. Товарищи-то знали, что он когда-то на физику учился да бросил. Так и прозвали — «физик». А что, мол, твоя физика для грузчиков может сделать, кроме подъёмного крана? Так нам с ним несподручно. Злился он. Видно, о физике только и думал. Сноха говорила, что пишет он иногда что-то по ночам, но никому не показывает. Да и кому показывать? А потом сделал он друзьям-грузчикам подарочек. Какая-то нуль-упаковка называется».

В Марграде нам с Афиногеном встретиться не довелось. Не до этого было. Да и не знал я, что бабуся и её внучек Коля привезли Афиногена в Марградское отделение Академии наук на предмет изучения его изобретения, нуль-упаковки. Сам-то я тогда прибыл в Марград в служебную командировку по рекламации на многоканальный тензометрический усилитель. И только в Фомске...

Милый ты мой голубчик! Я сейчас знаю, что он хотел от жизни. Он хотел много ей дать, но хотел много в взять. Но то, что он предлагал, никого не заинтересовало, этого даже никто не понял, его просто высмеяли.

И вот он уже двадцать с лишним лет грузчик. И это с его-то гордостью. Ничего плохого не хочу сказать про грузчицкую работу. Тяжёлая, но ничуть не хуже других. Дело в том, что она ничего не даёт его душе. В душе-то он всё равно физик, хотя я и не понимаю, что он там такое сделал. А эти каждодневные пятёрки покупателей, которым он услугу оказал, они ведь на выпивку идут. Не углядела я за ним. Он уже два раза лечился, не помогает. А семья у него хорошая. Трое детей. Коленька вот университет кончил, в Старотайгинском Академгородке работает. Этим-то он в отца пошёл. И умом, и ростом, и фигурой. Только бы на кривую дорожку не ступил, как отец. Вот приедет он в Фомск, и тогда отец совсем другим делается. Тут у них разговоры разные начинаются. Сидят, чертят, пишут, спорят. Но верх-то всегда берёт Афиноген. Кольке-то ещё до отца далеко. И не пьёт Феня в это время. Но чувствую, что душа у него всё равно болит: пролетела жизнь и ничего в ней интересного не получилось».

Однажды через мебельный магазин я узнал адрес Афиногена и познакомился со странным грузчиком. И тут оказалось, что оба мы интересны друг другу. Изобретение Афиногена не подтвердилось, и я иногда думал: а вдруг от очередного запоя его спасла именно моя дружба? По вечерам мы иногда ходили друг к другу в гости. Сидели обычно на кухне, если это было у меня, и в комнатке с отгороженной кухней — у Афиногена. В сарае Афиноген оборудовал себе нечто вроде художественной студии. Он рисовал, лепил, чеканил. Эти занятия тоже помогали ему держаться.

И вообще я вскоре понял, что Афиноген в первую очередь художник. Грузчик ли, физик, но всегда художник.

В сарай он, правда, меня ни разу не приглашал и картины свои не показывал.

5

Ну так вот...

— Здорово, миряне! — прогудел Афиноген, заняв собой почти весь коридорчик.

— Здравствуй, Афиноген Каранатович, — ответил я, пожимая огромную ладонь. — Раздевайся, проходи.

— Разденусь, коли пришёл.

Афиноген был широк в кости, высок, слегка сутул. Таскать шкафы и диваны такому было нипочём. Лестницы вот только в стандартных домах узковаты.

Он снял шапку, полушубок, валенки, подшитые в два слоя, пригладил седые, торчащие в разные стороны волосы.

— Вот и зима, Фёдор Михайлович.

— Да уж зима, — согласился я. — Ты проходи.

Афиноген шагнул в комнату. На диване сидела Пелагея Матвеевна и смотрела по телевизору хоккей.

— Как здоровье, Пелагея Матвеевна? — пробасил Афиноген.

— Здравствуй, Феня... Какое уж теперь здоровье? Давление вот поднялось. «Скорую помощь» бесперечь вызывают. Уколы ставют. А так какое здоровье...

— Здравствуй, Афиноген, — выглянула из кухни Валентина. — Что поделывает жена?

— Да дома дела найдутся.

— Ох, и не говори. Всё дела да дела.

— Здравствуйте, — выглянула из второй комнаты Ольга и тут же скрылась, покрепче притворив дверь. Гость даже и не успел ответить.

— Подруги там у неё, — объяснил я. — В пальто сидят. На минутку пришли.

— На минутку, а уж третий час сидят, — сказала Пелагея Матвеевна.

— Пусть сидят, — махнул я рукой. — Чем по подъездам-то околачиваться...

— Так, значит, снова с квартирой ничего не выгорело? — спросил Афиноген и с опаской опустился на стул, тяжело под ним заскрипевший.

— Пока не выгорело, — ответил я.

— Обещают, обещают, а не дают, — огорчённо сказала Пелагея Матвеевна. — Зачем тогда в писатели поступал?

— Да дадут, дадут.

— Догонют и ещё раз дадут! — сказала старуха и, поджав губы, уставилась в телевизор, звук которого был приглушён. Там в это время забили в чьи-то ворота шайбу. — Федя, ведь это Испазита?

— Да нет, — с некоторой досадой ответил я. — Эспозито у канадцев играет. А это наши: «Спартак» и «Динамо».

— А-а... — согласилась тёща. — То-то я смотрю, что на Испазиту смахивает.

Пелагею Матвеевну я не придумал. Жизнь её прошла тяжело, как и у многих тысяч других женщин, оставшихся во время войны в тылу без мужей. С четырьмя детьми на руках, младшенькая из которых, Валентина, даже и не помнила своего

отца. Голодная деревня, голодный город. Мне почему-то казалось, что Пелагея Матвеевна даже не понимала всей трагедии, выпавшей на её долю. У неё была одна сверхзадача, подсознательная, — выжить, чтобы вырастить детей. Малограмотная, непредприимчивая, простоватая, она могла исполнять только подсобные работы. Вершиной её карьеры была должность вахтёра в небольшом гараже. Но это уже ближе к пенсии. Однажды, сразу после войны, она пыталась заняться спекуляцией, если только можно так выразиться. Одолжила у кого-то денег и поехала в Старотайгинск за чугунками, надеясь продать их в Фомске подороже. На обратном пути все чугунки у неё реквизировали, да ещё преподнесли штраф за попытку спекулировать. Так прогорело это рискованное мероприятие. А в нетопленой комнате её ждали четверо детей. Старшие подрастали и начинали работать, работать и учиться, учиться и работать.

Выжили.

Валентина поступила в университет уже сразу после школы. Времена стали полегче. Но тут всевозможные болезни начали одолевать старуху. Аукнулись и лесозаготовки, и осенний сплав, холод и голод.

— А я уж думал, таскать твоё барахлишко придётся, — сказал Афиноген. — Ребят крепких подобрал.

— Да кому таскать — найдётся, — отмахнулся я и от резкого движения сморщился. Жутко саднило кисть руки.

— Ты что? — спросил Афиноген.

— Да... пустяки... рука немного болит.

— Ну-ка покажи. Да что это с ней?

— Браслет надавил.

— Что за браслет? — удивился Афиноген, разглядывая запястье. — Ничего себе браслетик! Тебя в кандалы, что ли, заковывали?

— Да кто это меня в кандалы? Вроде не за что... Силу свою в настройке проверяли. Наклеиваешь на пружину с браслетом тензодатчик, и растягиваешь её. А по прибору, измерительному усилителю, опре...

— Вот он, браслетик, — сказала Валентина, показываясь из кухни. В руках у неё было то самое кольцо из неизвестного мне материала. — Едва распилил. Так и ходил бы!

— Ну-ка, ну-ка, — попросил Афиноген. — И впрямь кандалы! Откуда?

— Да слушай ты их больше! — рассердился я. — Валентина, просил же...

— Кандалы и есть! — сказала Валентина. — Ты бы хоть Ольку пожалел!

— Да никакие это не кандалы! Ну... Писать начал.. Один там у меня в прошлое пропутешествовал, а его в пыточную.

— Ты знаешь, Афиноген, пишет, пишет по ночам, а утром то избит, то в кандалах, то связанный, то ещё что-нибудь. Не знаю, кому «скорую» вызывать.

— Да ерунда всё! — Не любил я эти разговоры. — Это не со мной, а с тем, про кого пишу. Это его в кандалы заковывали... А впрочем, даже и его не заковывали. На дыбе он висел.

Откуда у меня взялся этот странный браслет, я сам до сих пор понять не мог. Не было такого в моих рассказах.

— Ерунда, а едва распилил железку-то, — подала голос Пелагея Матвеевна. Она хоть и смотрела хоккей, а разговор тоже не пропускала, благо информация тут поступала по разным каналам.

— О чём рассказ-то, Фёдор Михайлович? — спросил Афиноген.

— Да разве это расскажешь... Не закончен он к тому же.

— А всё-таки...

— Ну, про боль человеческую... про пытку жизнью...

— Ой Валя! — позвала. старушка. — Дай мне лекарство. Опять в глазах круги. Поют, поют, а толку никакого!

— ...про ответственность...

Валентина сходила на кухню за лекарством.

— А ты то принесла?

— Да то, то, мама.

— Понимаешь, Афиноген Каранатович, в двух словах пересказать свой же рассказ — это всё равно что перед толпой раздеться. Стыдно, а главное, кажется, никому не нужно.

— Папа, — выглянула дочь. — Ты по физике можешь задачку решить?

— Сейчас, Оля. Сейчас решу.

— Так дай почитать! —почему-то обрадовался Афиноген.

— Да я же от руки пишу. Ты разве поймёшь мои каракули?

— А ты не беспокойся, Фёдор Михайлович, пойму, если захочу.

— У него не фантастика, а чёрт знает что! — сказала Валентина.

— Не одна ты такого мнения придерживаешься, — согласился я. — Сейчас принесу. Хочешь, так поразгадывай.

Я вошёл в маленькую комнату. Три дочерины подруги на мгновение стушевались, но тут же вновь зашушукались, чему-то засмеялись.

Вид комнаты являл собой купе спального вагона. Справа от двери письменный стол дочери, дальше кровать жены. По цельной стене — кровать дочери, шифоньер, моя кровать. Слева от двери —секретер, надстроенный до потолка частью со стёклами распиленного когда-то серванта. Между кроватями дочери и жены — глухая часть того же серванта — пе-

нал для хранения белья. Два стула, возле стола и секретера, заключали обстановку. Больше здесь уже ничего нельзя было разместить при всём желании. Подруги, да и сама Ольга, сидели на кроватях.

— Вы почему не разденетесь-то? — спросил я, и понял, что это прозвучало как сигнал к отходу. — Да ладно. Сидите. Где задачка?

Ольга ткнула пальцем в раскрытый учебник.

— Вы тут, конечно, уже поломали над ней головы?

— Поломали, — ответила дочь.

— Не может быть, чтобы она не имела решения!

— Ответ, по крайней мере, есть. А вот решение...

— Решим... Совместно будем решать или мне сначала одному?

— Совместно!

— Одному!

Мнения подруг разделились.

— Одну минуточку! Вы пока прочтите условия задачи. — Я повернулся к секретеру и вытащил из него тетрадь, толстую, в клеточку, 96-листовую. — Займу сейчас Афиногена Каранатовича и к вам. — Я вышел в большую комнату.

Комната была проходной, с огромным проёмом в стене между коридорчиком и кухонькой, с очень неудобной планировкой. Три кровати здесь было не разместить. Комнату занимала тёща. Здесь стояли: пианино, телевизор, письменный стол Валентины и стенка в торце комнаты с книгами, проигрывателем и магнитофоном.

Когда-то, лет двенадцать назад, чуть ли не сразу после вселения в эту квартиру, мы поместили Пелагею Матвеевну в маленькую комнату с Ольгой. Но тёща неимоверно, ужасающе храпела. Лишь одну ночь втихомолку проплакала в страхе внучка, и старуху вернули в проходную комнату. Конечно, больному человеку было здесь несладко. Через комнату постоянно приходилось ходить, почти тут же гремели кухонной посудой. Правда, немного скрашивал жизнь старухи вечно включённый телевизор.

Дочь подросла, и спать с нею в одной комнате казалось мне мучительно стыдным. Но другую квартиру раз за разом не давали. Что-то сюрреалистическое было в этих предложениях, комиссиях, посещениях лиц, которые намеревались сюда вселиться. Они нисколечко не стеснялись хозяев, вслух «расставляли» свою мебель по углам и вдоль стен. Это было противно слушать, но я их понимал. Я и сам расставлял мебель в каждой вновь предлагаемой квартире, правда, лишь в своём воображении. Странными казались мне и причины отказов, когда я, словно в заколдованном круге, ни от кого

не мог добиться ответа. Каждый раз мы с женой решали не поддаваться больше на провокации, жить себе и жить здесь, но проходило время, злой волшебник снова предлагал нам квартиру, и когда мы решали, что уж на этот-то раз всё будет в порядке, начинали упаковывать вещи, непонятное насыщало атмосферу вокруг нас, и я тыкался как слепой котёнок в приёмные и кабинеты, выслушивая ничего не значащие обещания, успокаивания и ещё что-то, названия чему я не мог придумать, и всё закручивалось в какой-то постыдной карусели, откуда меня в конце концов выбрасывало центробежной силой.

И тогда я покупал бутылку водки, начинал считать себя человеком, освобождался от всего нелепого, что успевал нацепить во время квартирной эпопеи. По ночам меня мучил тёщин храп. Каждый вечер, ложась в постель, я уже ждал этого храпа, боялся, ненавидел и потому лишь настраивал себя на него. Уже много лет я не спал нормально. Но когда впереди не было никакого просвета, я чувствовал себя всё же увереннее, тогда я не расслаблялся.

— На вот, — сказал я Афиногену, —в конце там...

— Вам какую-нибудь закусочку соорудить? — спросила Валентина.

— Нет, благодарствую, — серьёзно ответил Афиноген, — сейчас я очень занят необходимейшим делом, так что выпивки не принимаю.

— Ох уж и занят! Что же это за дело, если не секрет?

— Да никакого секрета и нет. Жилплощадь вот для фантаста пробиваю.

— Пробьёте вы! — развеселилась Валентина. — Сидите уж...

— Я серьёзно, Валентина Александровна.

— У вас только с бутылкой дело серьёзно.

— Нет, нет. Никаких бутылок. Правда, Фёдор Михайлович?

— Правда, Афиноген Каранатович, — согласился я.

Работать, работать надо было!

В это время задремавшая было старуха дико всхрапнула и проснулась. На экране телевизора продолжали бегать хоккеисты.

— Федя, это ведь Испазита? — как ни в чём не бывало спросила она.

— Да нет же! — рассмеялся я. — Эспозито играет в другой команде.

— А чё смеёшься... Я же вижу, что Испазита.

— Ну пусть Эспозито.

— Валя, ведь это Испазита?

Почему-то из всех хоккеистов Пелагея Матвеевна помнила лишь одного Эспозито.

— Ах, мама, мне не до хоккея.

— Конечно, Испазита, — убедила себя старуха. — Смеются ещё...

— Читай, — сказал я Афиногену и снова отворил дверь в маленькую комнату.

Что-то у девушек вид был совершенно неподходящий для решения задач по физике.

— Ну, как дела с задачей? — спросил я.

— Никак.

— Давайте смотреть. Где она? Так-с... Так-с... А что такое фокальная плоскость? А... Ясно... А это линейчатый спектр?.. Странно... Тогда решётка должна быть.

— Так она и есть! — сказала Ольга.

— А! Ну, так тогда всё ясно.

Через минуту задача была решена. Причём я лишь задавал наводящие вопросы, большей частью для самого же себя.

— А! — воскликнула Ольга. — Задачка-то ерундовая! И с ответом сходится.

Подруги меня явно стеснялись, и я поспешил уйти. В большой комнате уже сидела соседка. На лбу Пелагеи Матвеевны лежало мокрое полотенце.

— Пошли в кабинет, — сказал я Афиногену.

— Идите, идите, — напутствовала нас Валентина.

— Ой, я, наверное, помешала? — заволновалась соседка.

— Нет, нет, — возразила Валентина. — Им там удобнее.

6

Кабинетом я вполне серьёзно называл кухоньку, крохотную, два метра на два. Но здесь всё-таки можно было уединиться.

— Так что у тебя, Фёдор Михайлович, с квартирой?

— Ерунда, — отмахнулся я.

— А всё-таки?

— Да, понимаешь, мы ведь живём в заводском доме. И в случае, если я съеду отсюда, завод немедленно вселит в квартиру своего очередного.

— Логично, — кивнул Афиноген.

— А Учреждение тоже желает поселить сюда кого-нибудь из своей очереди. Раз мне Учреждение даёт, то уж старую квартиру ему за это подавай непременно.

— Так ведь у Учреждения вроде никаких прав на неё нет.

— Нет, — согласился я.

— В чём же тогда дело?

— Геннадий Михайлович не может дарить мне четырёхкомнатную, да ещё заводу двухкомнатную.

— Да что же он дарит заводу? Его же собственное? И при чём тут — дарить?

— При всём при том. Непосильно для Учреждения так разбрасываться квартирами.

— Тут мой стариковский ум ничего понять не может. Тебе обещали квартиру?

— Обещали. Резолюция горисполкома даже есть.

— Так в чём же дело?

— Там написано об улучшении жилищных условий писателя Приклонова.

— Ну?

— А если мне дадут новую квартиру, а старую заберёт завод, то получится, что я получил новую квартиру вместо того, чтобы улучшить.

— А это что, не одно и то же?

— Как видишь, не одно.

— Ничего не понимаю. Тебе обещали квартиру?

— Обещали. Уже три раза давали... но не до конца. Тут всё дело в том, что мне не квартиру положено, а улучшение жилусловий...

— Совсем ты меня, Фёдор Михайлович, запутал. Ты мне одно скажи: дадут тебе квартиру?

— Нет.

— А что тебе сделают?

— Улучшат жилищные условия.

— А каким образом можно улучшить жилищные условия?

Я обомлел. Смотрел на Афиногена, но не видел его. Где-то над затылком возникла точка. Не дышать, задержать её на мгновение. Сказать: «Так...». Так, так, всё так. Всё мгновенно связалось, расставилось по местам, превратилось в рассказ. Это у меня часто бывает. Возникает точка, в которой уже заключён рассказ. Только бы не спугнуть его. Всё ещё смутно, подсознательно, но рассказ-то готов. Готов! А как и почему, объяснить не могу. Да и не хочу. Готов рассказ про квартиру, про то, каким образом можно улучшить жилищные условия. Про везучего человека Артемия Мальцева, его жену, детей. Про друзей их. Я уже знал рассказ до последней точки, и... ещё не знал его. Но это обычно, нормально. Сейчас нужна была только ручка да бумага. Всё получится. Я никогда не спешил писать. Приятно носить в голове рассказ, существующий пока лишь в виде точки. Это как секрет, как тайна. Торопиться нельзя, и в то же время уже хочется написать этот рассказ. Так, так, всё так. Наверное, я глупо улыбался,

— Тьфу, — сказал Афиноген. — На тебя смотреть, так счастливее человека нет.

— Сейчас нет.

Носились же в голове всякие сюжеты. Многое было начато. У меня всегда в работе полтора десятка рассказов. А вот этот вспыхнул, и всё вмиг изменилось. И что мне теснота! Что мне тёщин храп! У меня ведь есть нечто! Я, может, и запел бы сейчас, да вот только не умел.

— Сколько раз ты уже «вселялся» в новую квартиру?

— Трижды, Афиноген Каранатович. Трижды.

— Тогда тоже причины были?

— Были, были причины. В первый раз оказалось, что нецелесообразно селить всех писателей Фомска в один дом...

— А сколько вас всех?

— Пятнадцать.

— И в тот дом всех поселили?

— Никого не поселили.

— При чём тогда «всех»?

— Вот этого, Афиноген Каранатович, не знаю.

Давай, давай, Афиноген. Спрашивай. Что ещё нужно? Какое-то слово. Крутится оно возле, а не поймаешь. Какое-то одно слово для рассказа нужно.

— А во второй раз?

— А во второй раз выяснилось, что в городе пять тысяч семей живёт в подвалах.

— Как это — выяснилось? Что, до твоего случая никто этого не знал?

— Знали, наверное.

— Ты представляешь, сколько нужно домов, восьмидесятиквартирных, чтобы всех выселить из подвалов? Шестьдесят с лишним!

— Да там тогда ошибка с ордером произошла.

Ошибка! Ошибка с ордером! Вот ведь что нужно-то было: ошибку, ошибочку милую, маленькую такую, настолько очевидную, что она никому не бросится в глаза. Да я ведь уже столько месяцев про ту ошибку со своим ордером знал, а ошибка для рассказа в голову не приходила! Почему же это так? Не знаю. И никогда не узнаю. Но уж теперь-то всё в порядке. Радуйся, Артемий Мальцев! Афиноген своим вопросом создал в моей голове рассказ. Фантастический рассказ о твоей квартире!

— Понимаешь, Афиноген... ха-ха! — Меня просто распирало от смеха. Не удержишься никак.

— Развесёлая, я вижу, у тебя жизнь, Фёдор Михайлович.

— Не жалуюсь... Ха-ха-ха... Фу! Ты прости меня, Афиноген Каранатович. — Я ещё раза два хохотнул и всё же успокоился. — Там в ордере стояло: пятьдесят семь квадратных ме-

тров. А на самом деле в квартире было сорок семь квадратных метров. Кто-то описку сделал. Вот если бы в ордере площадь была записана правильно, мы бы квартиру получили. Ну, а когда разобрались, уже поздно было. Да и не я, конечно, разобрался, а те, которые въехали.

— Бред собачий! Ордера, подарки, метры! Ещё ждать будешь?

— Нет, Афиноген Каранатович, не буду я ждать. Мы с Валентиной решили, что нам новая квартира не нужна.

— Ну, молодец!

— Да... Зашёл я на следующий день в писательскую организацию... Ответственный секретарь спрашивает: ну как, мол, дела с квартирой? — Нормально, отвечаю. — Ну вот, а ты волновался, нервничал, не верил! — Не дали, говорю, квартиру. — Как не дали?! Это почему ещё не дали?! — Я объясняю. А он: пиши объяснительную записку! Квартиру он не получил! Нам их что, каждый квартал дают?! Я и написал. Всё, как в пьесе, по лицам. А в конце сообщил, что подарки мне не нужны.

— Не нужны?.. Что же теперь делать будете?

— Ничего, жили ведь раньше, проживём и ещё.

— Тьфу! Баранья голова...

— Так ведь здесь ничего не поделаешь. Заколдованный круг. Вот если бы у меня вовсе квартиры не было...

— Да-а... — сказал Афиноген.

— А ты-то сам, Афиноген Каранатович, вспомни, как развёртывались дела с нуль-упаковкой. Ведь была она, была! Сам, своими собственными глазами видел! И другие видели. Ведь двое людей очень даже просто проникли в макет Марградского универмага. А потом получили телеграмму от учёных: с одной стороны, вроде бы действительно существует эта нуль-упаковка, а с другой — нет её и не может быть никогда. Как это понять? Так ведь дело и заглохло.

— Там совсем другое дело, —нахмурился Афиноген. — Там ведь для проникновения нужен был вполне определённый человек. Может, в комиссии такого не оказалось?

— А поезд? А пасека? Тут ведь специальные люди были не нужны! И всё равно — было, не было.

— Для проникновения в нуль-упакованный мир всегда нужны люди определённого психологического склада. Это дело сложное.

— Конечно. Нуль-упаковка — сложное, а квартира — простое.

— Должны же ведь понимать, что у всех, кто работает, есть своё рабочее место. А у писателя оно дома! Дома! Ему кроме жилплощади, бумаги да ручки больше ничего не надо.

— Как не надо?

— Ну, это другое. Вдохновение, работоспособность и прочее. Но писать-то, писать где?! На кухне пишешь? По ночам?

— На кухне, — согласился я. — Тут ничего поделать нельзя. Конечно, тёщин храп загонит меня в психолечебницу, но уж там и отосплюсь... Это что-то ужасное — храп. Камера пыток. Интересно, была или нет в средние века пытка храпом? Мне почему-то кажется, что была. Никому не выдержать.

— Уж не потому ли ты и про камеру пыток написал?

— Может быть. Не знаю. Написал и всё. Это снимает напряжение. Напишешь, как мучили человека, и вроде самому легче станет. Не один ты такой. Только если я и пишу что ужасное, то только про себя, про Федю Приклонова то есть. Да был, был такой Фёдор Михайлович Приклонов. Казань брал. В опричнину попадал. А что дальше — неизвестно. Отделали или отпустили. В «Ономастиконе» Веселовского сначала прочитал. Есть там упоминание о Приклонове. А потом уж и временем этим стал специально интересоваться. Но всё рука не поднималась. Не хватало чего-то. А вчера вот заснуть никак не мог, встал да и написал.

— И продолжение будет?

— Теперь, раз начал, будет. Я его сквозь время хочу протащить. И в настоящее, и в будущее.

— А почему их там у тебя три?

— Сам ещё не знаю. Но почему-то получилось три.

— А с Главным распорядителем абсолютными фондами всё так и оставишь?

— Что значит — оставишь? Я ничего не брал, так и оставлять нечего.

— У вас, писателей, всё на заметке. Где-нибудь да и вставишь.

— Возможно. Ручаться не могу.

Да что тут ручаться?! О той истории, которая произошла со мной, я писать не хотел. Противно было. А вот о другой... Я ведь мог, мог выдумать Геннадия Михайловича! Так вот о том, другом Главном распорядителе я действительно хотел написать. У меня уже и сюжет был в голове. Собственно, он начал складываться ещё там, в приёмной, когда меня привезли на «Волге». Этот рассказ я не чувствовал в виде точки. Он складывался по частям, по следам событий, по отпечаткам событий в моём сознании. Рассказик должен был получиться весёлым и безобидным. Я знал, что писать про Главного распорядителя абсолютными фондами реалистический рассказ не стоило. В моих глазах Главный распорядитель был нетипичен.

— Я тебя вот ещё о чём хочу спросить, — сказал Афиноген. — В твоём рассказе в нашем времени оказался другой Приклонов?

— Пожалуй, что так, — согласился я.

— Почему — пожалуй? Ты же ведь писал рассказ, тебе и знать! Так тот или не тот?

— Скорее всего, не тот.

— Нашего-то Приклонова в кандалы не заковывали?

— Нет. На дыбу поднимали, а в кандалы — нет.

— А почему же ты, Фёдор Михайлович, в кандалах оказался?

— Ну вот. И ты туда же... Производственная травма. Да и не травма даже, а так, пустяк, даже в санчасть не обращался.

— А железка?

— Что железка?

— Откуда цепь с кольцом взялась, Фёдор Михайлович?

— Придумал.

— Та-ак... А почему Валентина Александровна вдруг в каком-то НИИ оказалась? Она ведь, кажется, в Политехническом работает? Преподавателем...

— А в рассказе она в НИИ работает. Это ведь всё-таки рассказ, а не хроника жизни нашей семьи.

В большой комнате началось какое-то движение. Загремел таз. Торопливо пробежали в коридор Ольгины подруги.

— Федя, — открыла дверь кухни Валентина, — «скорую» опять вызывать надо. Маме плохо.

— Сейчас, — ответил я. И Афиногену: — В автомат бежать надо.

— Пошли. Позвоним. Да и домой мне пора. А ты, Фёдор Михайлович, как-нибудь заскочи ко мне на днях. Дело есть.

— Ведь сколько раз говорила, — сказала Валентина, — попроси в писательской организации, чтобы тебе телефон поставили.

— Телефон! Ещё чего захотела. Хм... Телефон. Не так-то просто.

— А бегать по автоматам легче?

Пелагея Матвеевна сидела на диване, закрыв лицо мокрым полотенцем, по которому в таз ручьями бежала кровь. Кровь шла из носа. Вот уже с месяц, как только началась очередная эпопея с квартирой, иногда по нескольку раз в день случалось это.

— Да не надо «скорую», — донеслось из-под кровоточащего полотенца. — Каку холеру её вызывать.

— Я всё же вызову, — сказал я.

Соседка уже ушла. Дочь и жена суетились возле Пелагеи Матвеевны. Подруги, распрощавшись, выскочили на лестничную площадку.

Я вызвал «скорую», вернулся в квартиру, сообщил, что машина вот-вот придёт, и снова вышел, чтобы встретить врача.

Афиноген ждал меня внизу. По его лицу было видно, что он что-то хочет сказать мне. Но тут подошла «скорая».

Врачи сделали, что могли, и уехали. Ничего непоправимого в тот вечер не произошло. Потекла, потекла у старухи кровь из носу, да и перестала.

7

Чёрт дёрнул меня начать писать. Но потом я об этом перестал жалеть. Писать было интересно. Когда я говорю: придумал, то на самом деле я ничего не придумал. На самом деле всё так и было, есть или будет. Ну а если и не будет, то не беда, я придумаю что-нибудь ещё.

Первый рассказ я начал писать по картинкам. Журнал «Техника — молодёжи» предложил конкурс по рисункам, иллюстрациям, на которых было изображено всё, что могло встретиться в фантастических романах: пришельцы, звездолёты, дельфины, египетские пирамиды, непонятные статуи (каменные — решил я про себя) и люди. Впрочем, они вполне могли быть пришельцами. Я тогда ещё не знал, что всё, что я напишу, всё было, есть или будет, но почему-то сделал всё «наоборот». Каменные статуи стали у меня разумными существами, люди — кибернетическими машинами, и дальше всё в таком же духе. Рассказ я писал девять месяцев, по одной строке в день. Мне жалко было зачёркивать уже написанное, и я ничего не зачёркивал. Рассказ я назвал «Почти как люди?». Вру, вернее, ошибаюсь. Рассказ назывался: «Не только нам подобные...». Оказалось, что такие рассказы уже писали и до меня. Я впервые был потрясён волшебной силой фантастики.

Теперь-то я уж точно знаю, что придумать, чего бы не было, нет или не будет, невозможно. Но тогда я этого не знал, и написал ещё пятьдесят рассказов. Начиная с десятого я тратил на рассказ уже от одного дня до трёх. И это не потому, что я стал быстрее водить пером по бумаге. Я просто немного наловчился. Рассказы мои никто не печатал. Рассказы мои никто из редакторов и рецензентов даже не читал, потому что они не были фантастическими. Но я-то писал фантастические, даже научно-фантастические!

Писать мне нравилось, но тематику я решил изменить. Со звёзд я свалился на Землю. У меня в это время впервые возникла ещё смутная догадка, что ничего нельзя придумать. Но окончательно я ещё этого не почувствовал. Я стал писать о том, что хорошо знал, о самом простом, обыденном, о том, словом, что каждый видел тысячи раз. Мои рассказы стали

называть фантастическими. Я не возражал, потому что меня не спрашивали. А если бы и спросили, я всё равно бы не возразил, хотя уже почти знал, что ничего придумать нельзя.

Рецензенты стали почитывать мои рассказы, но редакторы ещё не решались их печатать.

А потом я взял да и написал о том, что произошло в фирменном поезде, который шёл из Фомска в Марград.

Так я стал кое-где официально называться писателем. А до этого был просто настройщиком тензометрической аппаратуры. Ещё раньше я учился в политехническом, а до этого — в школе. Школа была хорошая. Потом из неё сделали интернат для умственно отсталых детей. Но это ничего, потому что из нашей школы успели выйти доктора и члены-корреспонденты Академии наук. А что будет дальше, я не знаю, потому что не хочу придумывать... Ещё раньше была война. Отец воевал. Мать весила сорок килограммов. Старший брат возглавлял в школе комсомольскую организацию. Младшая сестра ходила в детсад. Бабушка пыталась что-то варить. Все мы жили в одной комнате с печкой посредине. Так было теплее. Впрочем, другой у нас и не было.

Я родился в 1936 году. А что было ещё раньше — не помню, хотя и знаю из книг. Я ничего не придумываю. Я знаю, что было сто и сто миллионов лет назад. Ну, конечно, в самых общих чертах. Но для повседневных забот и этого за глаза. Я даже знаю, что Солнечная система образовалась из газопылевого облака или чего-нибудь другого, но это к делу не относится. Когда потребуется, я всё буду знать точно, потому что ничего не придумываю.

На работе я кое-что изобретал, но не машину времени.

Машину времени изобрёл не я, и даже не Уэллс. Но об этом в другой раз.

Впрочем, иногда можно обходиться и без всякой машины.

Я сидел и писал на кухне. Здесь было удобно. Можно вскипятить чаю или заметить, что с Пелагеей Матвеевной опять плохо. С просьбой вызвать «скорую» она обращалась редко. Это означало, что ей уже очень плохо, совсем невмоготу.

Но сейчас она храпела, и я мог писать спокойно. Я и писал. Мне нравилось это занятие.

8

«...В центре города, ничем не прикрытого с юго-запада, ветер свирепствовал. Влетев с широкого вольного простора на Центральную площадь, он бешено метался в поисках выхода,

а затем стремительно нёс волны колючего снега по улицам и прилегающим переулкам мимо института радиоэлектроники, Дома учёных, трибуны, «верхнего» гастронома и Учреждения. Прохожие, старательно отворачивая лица, закрывая их варежками и перчатками, сгорбившись, бежали на работу. Не опоздать да не поморозиться бы. Оглядываться по сторонам тут было некогда, так что никто и не удивился, даже и не заметил, скорее всего, как со стороны Центральной площади по направлению к Учреждению двигался человек. Двигался себе и двигался. Эка невидаль! Человек был в сером слегка помятом костюме в мелкую клеточку, голубой нейлоновой рубашке, без галстука и в разношенных летних туфлях-плетёнках. Телосложение человек имел если и не тщедушное, то уж во всяком случае очень поджарое, а выражение лица — добродушное и вроде бы даже лукавое.

Человек посмотрел на часы, свои, наручные, но шагу не прибавил, не спешил, видимо, или цель была близка. Человек прошёл мимо «верхнего» гастронома, огромные окна которого замёрзли снизу доверху, улыбнулся чему-то, чем дистанционно, телепатически ввёл заведующую мясо-рыбным отделом в секундную панику, и, не останавливаясь, прошёл дальше. Заведующая отделом отдала небывалое распоряжение выбросить на прилавок... Впрочем, это к делу совершенно не относится...

Человек дошёл до массивных, деревянных, с толстым стеклом дверей Учреждения и остановился, видимо, достигнув цели своей прогулки. Стёкла дверей совершенно замёрзли, ну не единой щелочки, но человек преспокойно рассмотрел через эту пустяковую, даже просто несуществующую для него преграду милиционера в холле у лестницы и человека в штатском у столика с телефоном. Поджарый мог преспокойно пройти через такую немудрящую, без особых ухищрений, дверь, но решил не пугать милиционера и позвонил, нажав кнопку. Пиджак его при этом задрался, а за шиворот влетело порядочно снега, но худощавый даже не поморщился.

Из молочного магазина наискосок, сквозь специально оттаянный ртом глазок в толстом слое льда на стекле, за человеком наблюдали. Вернее, наблюдали не за ним, а за тяжёлой дверью Учреждения, надеясь не пропустить момент, когда она откроется. Обычно можно было ждать и у самих дверей, но в сегодняшний мороз и продирающий до костей ветер... Брр!

Человек сквозь замёрзшее стекло видел, как милиционер снимает крючок, а из магазина наискосок сквозь оттаянный глазок видели, что человек этот собирается войти внутрь, следовательно, и им пора покидать предварительные пози-

ции. Милиционер из гордости не стал спрашивать, кто это там рвётся, потому что время уже приближалось к девяти, и вот-вот должны были нахлынуть и сами работники Учреждения, да, наверное, один из них, первый, уже и стоял на улице. Дверь отворилась, милиционер понял, что ошибся. Такие здесь не работают, но рвать ручку на себя было уже поздно, да и неловко как-то: человек вот раздетый стоит, замёрзнет ещё, а потом неприятности, то да сё... А из молочного магазина уже скользнула цепочка людей, державшихся за руки, хотя никто им этого и не советовал. Сами догадались.

— Вы к кому? — на всякий случай строго спросил милиционер. — Ещё рано...

— К Фёдору Михайловичу, — ответил тощий.

— Конечно... Мороз... Входите... Только здесь ещё никого нет.

— Как это никого нет? — удивился человек в сером, чуть помятом, костюме.

— Вот именно! — поддержали его подоспевшие с другой стороны улицы. — Как это никого нет?

Милиционер был молод и не боялся нападения, даже вооружённого, поэтому он отступил в сторону и начал пропускать желающих, раза два проговорив при этом:

— Ещё полторы минуты...

— Полторы минуты, а тут никого? — задал кто-то нехороший вопрос.

Милиционер и сам сегодня был несколько удивлён. Обычно в это время кто-нибудь из работников Учреждения да приходил. Уж не праздничный ли день сегодня? Милиционер напряг свою память: нет, совершенно точно, день был обычный, будничный, приёмный. Милиционер постоял у двери ещё немного, но здесь ему больше нечего было делать, и пошёл на свой пост, на котором, впрочем, делать ему тоже было нечего. Вдруг сверху, с лестницы, скатился, да ещё чуть было не сбил его с ног, начальник транспортного отдела Учреждения, что-то крикнул неразборчивое и получил сверху ответ. Да как же это, растерянно подумал милиционер, ведь не входил никто. А тут ещё секретарь начальника отдела капитального строительства тяжело вывалился из своей приёмной. Там, чуть дальше, тоже захлопали дверями. И на втором, да и на третьем этаже... Отовсюду доносились звуки, означавшие, что рабочий день в Учреждении начался. Всё пришло в движение. Милиционер расстегнул было кобуру, но даже не взялся за рукоятку пистолета и снова застегнул её. Никто вроде не буянил, не кричал, не рвался и даже не просил о помощи.

Человек в сером костюме поднялся на второй этаж и повернул направо, к приёмной Главного распорядителя абсо-

лютными фондами. Он шёл уверенно, словно знал дорогу, намного обогнав цепочку людей, выпорхнувших из молочного магазина на противоположной стороне проспекта, да это и не удивительно, ведь он и в холл вошёл первым, да и побойчее был, пошустрее, попробойнее.

Худощавый заглянул в открытую дверь приёмной и ласково сказал:

— Здравствуйте, Машенька!

— Ах, — ответила секретарь Машенька и запахнула домашний халатик из розовых махровых полотенец. А вот причёска у неё на голове была в совершеннейшем порядке, модная и красивая, очень идущая к её востроносенькому, чуть припухлому личику. — Ах! — повторила Машенька. — Даже халат не успела переодеть. Вечно в спешке.

— Это ничего, — успокоил её посетитель. — Так даже лучше. По-семейному, по-домашнему.

— Вы так думаете? — недоверчиво спросила девушка.

— Я знаю это точно, — ответил человек. — Фёдор Михайлович занят?

— Фёдор Михайлович ещё не приезжал, — сказала секретарь, и на её лице уже не было домашнего выражения, а появилось служебное, хоть и приветливое, а всё же чуть с холодком, но уж точно — деловое.

Секретарь на всякий случай заглянула в кабинет своего начальника, двери которого оказались не опечатанными и не на замке, и ахнула в третий раз. Главный распорядитель сидел за своим рабочим столом и, видимо, старательно изучал какие-то деловые бумаги. Машенька попробовала захлопнуть дверь, которая вдобавок была с небольшим тамбуром, двойная, но у неё ничего не получилось. А тут ещё во всю противоположную стену приёмной, закрывая собой картину «Научные работники на заготовке сенажа» одного местного, но известного и в столице художника, появилось зеркало, ровнёхонькое, без единой волны, новёхонькое, и в нём отразился Фёдор Михайлович за своим рабочим столом, видимый теперь всем, кто уже вошёл в приёмную.

«Что же теперь будет?» — в ужасе подумала секретарь Машенька, толкая взбесившуюся дверь, и на всякий случай, для самооправдания, сказала громко, надрывно, со слезой, чуть ли не истерикой в голосе:

— Фёдора Михайловича нет. Он сегодня не принимает!

Но все вошедшие в приёмную видели, что Фёдор Михайлович есть, но вот будет ли он принимать — это ещё являлось вопросом.

— Мария Георгиевна! — вдруг позвал Главный распорядитель. — Начинайте приём. Только проследите, пожалуй-

ста, чтобы сегодня было не более тысячи четырёхсот сорока одного посетителя. Больше не успею, хоть разорвись.

— Ах! — в четвёртый раз сказала Машенька, она же Мария Георгиевна, и побежала к столу за списком, поискала его среди каких-то листочков, потом опомнилась и взяла в руки переплетённую типографским способом тетрадь, на которой золотым тиснением значилось «Список посетителей на приём к Главному распорядителю абсолютными фондами на двадцать шестое ноября». Сам список состоял из листов пятидесяти с лишним.

— Фёдор, — вызвала секретарь уже твёрдым голосом, окончательно справившись с волнением.

— Это я, — отозвался худой.

— Тут только имя, — чуть озадаченно сказала Мария Георгиевна. Розовый халатик очень шёл к ней.

— Вполне достаточно, — сказал Фёдор Приклонов.

— Я тоже так думаю, — согласилась Мария Георгиевна. — Прошу вас в кабинет Фёдора Михайловича. — Она, оказывается, слегка картавила, но от этого казалась ещё милее.

— Чем могу быть полезен? — спросил Главный распорядитель и, приподнявшись, протянул вошедшему сухую, но крепкую и мужественную ладонь. — Фёдор Михайлович Приклонов, — представился он.

— Фёдор, — сказал сухощавый, ну в точь похожий на Распорядителя, и пожал ему руку.

Рукопожатие первого посетителя понравилось Фёдору Михайловичу. В него как бы влилась непоколебимая уверенность, что сегодня он всенепременно сможет принять тысячу четыреста сорок одного посетителя.

— Так чем могу? — ещё раз спросил Главный распорядитель.

— Прошу прощения. Просьба совершенно пустяковая. Не согласитесь ли вы надеть пиджак и галстук?

Это Фёдор проверял настройку.

— Ах да! — воскликнул Фёдор Михайлович. — Завертелся совершенно. Верите ли, даже галстук нет времени завязать. Всё дела, вопросы, решения, совещания... Простите, а мы с вами раньше не встречались? Уж очень мне знакомо ваше лицо. Так и кажется, что видел вас неоднократно.

— Мы с вами раньше не встречались, — с нажимом ответил посетитель.

— Жаль, очень жаль.

А Фёдор тем временем вытащил откуда-то коричневый галстук, уже завязанный широким узлом, немного перегнулся через стол, но не сдвинул при этом с места ни одной важной бумаги, отвернул воротничок рубашки Фёдора Михайло-

вича, нацепил галстук, затянул, но не туго, да и не слабо, а в самый раз, и снова расправил воротничок.

— Теперь хорошо, — сказал он.

— Чудесно, — согласился Фёдор Михайлович.

А Фёдор уже снимал с себя пиджак. Потом махнул им, как мулетой перед мордой быка, проверяя реакцию, и вежливо, нисколько не принижая человеческого достоинства, опустил его на не слишком широкие плечи Фёдора Михайловича. Пиджак словно тут и сидел, даже цвет его изменился и стал тёмно-коричневым в мелкую полоску, в унисон с брюками.

— Премного, премного благодарен! — сказал Фёдор Михайлович. — Будут ли ещё какие просьбы?

— Я совершенно удовлетворён вашим решением, — сказал Фёдор, теперь уже без пиджака. — Спасибо! До свиданья!

— Наша святая обязанность... — бросил ему вслед Главный распорядитель. — Да! Одну минуточку!

Фёдор остановился в дверях.

— Будьте добры! Сколько будет тысяча четыреста сорок один... ну, скажем, с учётом выходных и праздников, — на двести пятьдесят?

— Триста шестьдесят тысяч двести пятьдесят человек, — мгновенно ответил Фёдор.

— Значит, за год успею охватить всех, — удовлетворённо сказал Фёдор Михайлович. — Всего хорошего! Мария Георгиевна, прошу следующего.

Система была настроена согласно пунктам технического задания, и работала нормально.

В кабинет вошла гражданка.

Фёдор пересёк приёмную, наполненную оживлёнными и жизнерадостными людьми, точно знающими, что сегодня они обязательно добьются того, за чем безуспешно ходили от одного месяца до нескольких лет.

А в коридоре на Фёдоре снова оказался тот же чудесный серый пиджак фабрики «Таёжница». Тот же, да, наверное, не совсем, потому что и с Фёдора Михайловича эта часть одежды не исчезла.

Фёдор стоял в коридоре, но слышал и видел всё, что происходило на трёх этажах, во всех кабинетах и приёмных.

— Слушаю вас, — сказал Фёдор Михайлович гражданке.

Гражданка объяснила ситуацию с жилплощадью, в которой она оказалась. Но, странное дело, говорила спокойно, не плакала, словно просто пришла к соседке поболтать о том, о сём.

— Один момент, — сказал Фёдор Михайлович, и сразу же нашёл нужную папку с делами. — Алевтина Сидоровна Сидоренко? Вам выделена квартира в восьмидесятиквартирном

доме, второй подъезд, второй этаж, сорок четыре квадратных метра. Вам ордер сейчас или подождёте до обеда?

— Хм... Ордер! Да что я с ордером делать стану? В доме-то этом ещё и потолков нету. И когда ещё будут...

— Не может быть! — заволновался Фёдор Михайлович. — Его должны были сдать три дня назад! Сейчас проверим. — Фёдор Михайлович схватил трубку телефона, соединяющего его с заведующим отделом жилищного строительства. — Никифоров?

Фёдор щекотнул Никифорова за пятку, тот хихикнул, ойкнул и оказался в кабинете Главного распорядителя.

— Что там с домом на Восьмилинейной?

Никифоров пожевал губами.

— Так... Значит, правда? Не сдали? А акт о приёмке подписали!

Никифоров тяжело вздохнул.

— Ясно. Лично о вас, Никифоров, поговорим позже. А сейчас немедленно изыщите возможности и примите меры по устранению недоделок... Я думаю, должность Главного снегоочистителя города вам больше подходит.

Фёдор Михайлович никогда не называл своих подчинённых на «ты».

Никифоров радостно засмеялся, хлопнул себя ладонью по лбу, сказал:

— Сегодня всё сделаем. А новому повышению очень рад!

И за две минуты, прямо по телефону, на всех стройках города организовал бригады, работающие по подрядному методу строительства, да так умело всё у него получилось, что когда создавалась последняя, первая уже действительно, безо всякого обмана и очковтирательства, заканчивала дом на Восьмилинейной.

Гражданка Сидоренко хотела было подождать до обеда, но Фёдор Михайлович чуть ли не насильно вручил ей ордер на новую квартиру, сказав:

— Тут случай совершенно ясный. Живите на здоровье!

Гражданка взяла ордер, но ей при этом было как-то неудобно. А за дверями приёмной её уже ждал курьер транспортного отдела с подписанной всеми, кому положено, заявкой на грузовой автомобиль для перевозки имущества Алевтины Сидоровны Сидоренко со старой квартиры на новую.

Дело с гражданкой Сидоренко заняло у Главного распорядителя семь минут, и это его озадачило, потому что такими темпами всю тысячачетырёхсотсорокаодновую очередь принять было невозможно. Ещё с минуту Фёдор Михайлович Приклонов искал выход из создавшегося положения, потом вскочил, подбежав к огромным настенным часам — без боя,

чтобы не отвлекали, — перевёл стрелку на семь минут и пятьдесят секунд назад. Кто это ему подсказал, выяснить невозможно. Но не лишено основания предположение, что он дошёл до всего сам.

Не останавливаясь на достигнутом уплотнении рабочего времени, Главный распорядитель пошёл значительно дальше. Выяснив у Марии Георгиевны, сколько человек явилось на приём по квартирному вопросу, а таких оказалось ровно пятьсот четырнадцать с поло... нет, нет, без половины, не считая ста семидесяти пяти претендующих на расширение, Фёдор Михайлович тут же раздал всем ордера, пожав каждому оквартиренному руку, и подсчитал в уме, что на сегодняшний день осталось ещё две тысячи пятьсот незаселённых квартир. Правда, шестьдесят процентов должны были быть распределены по заводам и другим организациям, десять — для военнослужащих, но тридцать процентов, то есть семьсот пятьдесят квартир, всё-таки в наличии имелось, а это был неплохой задел для работы на завтра, даже если подрядные бригады устроят себе передышку. Нельзя же было всё время работать такими стремительными темпами. Никифоров, телепатически уловив безмолвный вопрос Фёдора Михайловича, немедленно заверил, что бригады, работающие по подрядному методу, не подведут. И это было чистой правдой даже в условиях зверского холода и сошедшего с ума ветра.

Столь быстро расправившись со значительной частью дел, Главный распорядитель абсолютными фондами довольно потёр руки и начал принимать следующих посетителей.

И каких тут только не было вопросов! И с детскими садами и яслями, и с прорванной канализацией и трубами отопления. Один гражданин пришёл даже с жалобой на родильный дом имени Николая Александровича Семашко, и Фёдор Михайлович тут же удовлетворил его просьбу, хотя сам даже не успел вникнуть в суть дела. Да и не обязательно это было — вникать. Главное, чтобы человек ушёл удовлетворённым, окрылённым успехом, радостным.

Фёдор Михайлович не спешил, но делал всё быстро, расторопно. Мария Георгиевна едва успевала помечать птичками фамилии людей, входящих и тут же выходящих из кабинета. Три внезапно возникшие на своих местах машинистки ласково касались пальцами клавиш пишущих машинок и не отказывались печатать с неразборчивого текста. Руководители отделов, успевшие умыться и причесаться, звонили по телефону, принимали решения и граждан с просьбами, в коридорах не было никакой беготни, нужные лица возникали в кресле напротив, даже не выходя из своего кабинета, и тотчас

же корректно исчезали, когда надобность в них проходила, с тем, чтобы появиться за своим рабочим столом.

В зале заседаний крутили «Сибирь на экране» для тех, кто мог потерять здесь хотя бы десять минут своего драгоценного времени. Из ресторана доставляли беляши с мясом и пиво «Омагниченное». Всё это раздавалось бесплатно, только бы, не дай Бог, кто-нибудь не остался недовольным. Лекторы общества «Знание» проводили индивидуальные беседы о вреде алкоголя и даже отвечали на вопрос, почему в городе продают лишь одну водку. В Старотайгинск, где гастролировал Венский балет на льду, дали телеграмму-молнию с просьбой немедленно выехать в Фомск для выступления в холле Учреждения. А под полом уже устанавливали холодильные машины и вот-вот должна была начаться заливка искусственного льда.

Гигантская машина Учреждения работала с грохотом, всё-таки слишком много здесь было колёс, колёсиков и винтиков. Фёдор метался по этажам с маслёнкой, стараясь не допустить назревавшей где-нибудь остановки. Тут подлить масла, там протереть ветошью, здесь пощекотать под мышкой, повязать коричневый галстук с широким узлом, да ещё и не удавить при этом, там накинуть на плечи пиджак в мелкий рубчик или полоску, здесь подвинтить, там отпустить, ослабить пружины, проверить надёжность рычагов управления, приободрить какой-нибудь винтик, отполировать его головку, полукруглую, круглую или вовсе впотай, расцепить зубья, садануть под зад маховику, чтобы крутился как следует, проверить, достаточно ли поступает в систему энергии, нет ли где утечки налево, да и направо тоже.

Словом, крутился Фёдор как угорелый. Уж и пуговицу на воротничке оторвало, и лацкан пиджака где-то зацепило, и колени брюк лоснились от масла. Вроде всё нормально, но не мешает проверить ещё раз. Так. Так. Всё так. Теперь ажур. Можно и перекурить, вздохнуть свободнее, отдышаться.

Ну и работёнка!

Фёдор бросился на улицу — немного поостыть. Тридцать градусов мороза, может, чуть больше. Хорошо! Прохладно. Ветерок обдувает.

Над входом в Учреждение уже повесили новую вывеску: «Вечный двигатель для удовлетворения всё возрастающих нужд населения». В приёмное отверстие машины втекала очередь понурых, замёрзших граждан, а из выходного отверстия выплёскивалась радостная волна отогретых материальным теплом и отеческой заботой людей, бодро волокущих на своих плечах кто трёхкомнатную квартиру, кто детские ясли, кто штамп на прописку, а один так даже тащил теплотрассу,

отремонтированную, можно сказать, созданную заново из отличных труб нужного диаметра и теплоизолирующего материала, с кирпичной кладкой и бетонными перекрытиями, с траншеей и самим переулком, Подгорным, кажется. Тут и не разглядишь толком, так быстро гражданин всё уволок. Кто-то тащил в студенческую столовую «Дружба» коровью тушу, которая заунывно тянула: «Последний нонешний денёчек гуляю с вами я, друзья». А впрочем, слов из-за воя ветра почти нельзя было разобрать, хотя мелодия была та самая.

Заработала машина, удовлетворённо сказал сам себе Фёдор, и подставил разгорячённое лицо встречному ветру.

А чуть поодаль в каком-то мальчишеском пальтишке, шапке с надорванным ухом и ещё не разношенных ботинках местной фабрики стоял писатель Фёдор Михайлович Приклонов. Стоял и не решался подойти к другому Фёдору Михайловичу Приклонову, чтобы спросить, как там третий Фёдор Михайлович Приклонов.

А потом повернулся и, неуклюже переступая ногами, иногда морщась, пошёл на завод...»

9

Была середина месяца, и аврал на заводе для настройщиков ещё не начался. Я пришёл домой, как всегда в таких случаях, часов около пяти вечера. Вся семья была в сборе и потихонечку собиралась ужинать. Пелагея Матвеевна смотрела передачу «На переднем крае науки». Она немного «оклемалась», хотя медсестра из третьей горбольницы продолжала ходить ставить ей уколы. Ольга разучивала на пианино первую часть «Патетической» сонаты Бетховена. Валентина раздвигала на кухне стол. Я снял ботинки и сразу проковылял на кухню.

— Ты почему раздетый ходишь в такой мороз? — спросила Валентина.

— Как это раздетый? Ничего я не раздетый!

— Мама же говорила, что ты утром ушёл в одном пиджаке. Что ещё за мода? — подозрительно посмотрела она на меня.

— Да тут и идти-то всего три минуты, — начал сдаваться я.

— И однако раньше ты раздетый не ходил. Хоть и три, а всё равно мороз. Да ещё ветер!

— Ладно, не буду больше, — сдался я.

— Ага! Значит, всё-таки ходил?

— Ну... Ходил.

— О Господи! А что это с пиджаком у тебя?

— Где? — испугался я. — Что это у меня с пиджаком?

— Да тебя в мясорубку, что ли, толкали? Пуговицы у рубашки нет... А с брюками... Да ты что сегодня делал?

— Станок ремонтировал... фрезерный.

— Фрезерный! С каких это пор настройщики стали фрезерные станки ремонтировать?

— Так ведь работы-то у нас пока нет. А без дела сидеть тоже не положено.

— Фёдор, скажи честно. Ты опять чудачил?

— Чего я чудачил?

— Скажешь, нет?

— Работал я.

— Работал... А ты знаешь, что сегодня в городе творилось?

— Ничего в нём не творилось.

— Глянь-ка в окно.

Я выглянул в форточку, потому что окно совершенно замёрзло. Дом наискосок, который ещё вчера, ещё сегодня утром глядел пустыми проёмами окон, без крыши, засыпанный чуть ли не до второго этажа строительным мусором, заселялся. В четыре его подъезда одновременно рвались восемьдесят ответственных квартиросъёмщиков с диванами, холодильниками и прочим скарбом. Дом стоял как игрушечка. Строительный мусор исчез. Ещё ранее наполовину растасканный предприимчивыми людьми забор — тоже.

— Ну что, видел? — спросила Валентина.

— Видел. Повезло людям. Пусть вселяются.

— Конечно, пусть. Да только дом не могли так быстро достроить и сдать комиссии.

— Сейчас подрядный метод на стройках внедряется,

— Да хоть сверхподрядный! Не могло этого произойти.

— Не могло, да произошло. Я-то тут при чём?

— Ты, Фёдор, не выкручивайся. Куда ты с утра пошёл раздетым?

— Куда я хожу по утрам?

— В том-то и дело, что тебя до обеда на работе не было.

— Да там ещё и настраивать нечего. Через неделю всерьёз начнём.

— Значит, не был?

— Где не был?

— На работе!

— А... на работе. С утра я на работе действительно не был.

— Ох, когда ты только человеком станешь? Где же ты был? Да ещё раздетый?

— Ну... в Учреждение ходил... в пальто, впрочем, и шапке...

— И что? Дал тебе Геннадий Михайлович квартиру?

— Да я и не просил.

— Что же тебя туда понесло?

Я не любил говорить про свои литературные дела. Пока пишешь, никому это не интересно. Да и сыровато получается. Когда ещё до кондиции дойдёт. Слава богу, Валентина никогда моими писаниями не интересовалась.

— Я же говорил, что пишу повесть про одного... во времени он путешествует. В прошлом, настоящем и будущем.... Вот ночью написал про настоящее. Черновик, конечно, ещё... Да и вообще ерунда! Не нравится мне эта глава. Как-то всё не так у меня получилось... Писал, писал — и вдруг вижу, что он уже в Учреждении... Ну вот и пошёл посмотреть, правда это или нет.

— Убедился?

— Кажется, правда. Я его лишь издали видел. Чувствую, что занят. А в само Учреждение я входить не стал. Так... постоял на улице немного. Перерыв у него был. Охладиться выскакивал. Я и домой пошёл... На... на работу то есть.

— Значит, это всё его шутки? И с домами, и с ремонтом теплотрассы, и с плавательным бассейном?

— Ну уж подробности мне неизвестны. Тем более про плавательный бассейн. Тут, кажется, никакая фантастика не поможет.

— Ох, Фёдор... — Валентина всё же заметно поуспокоилась. — Напишешь ты что-нибудь на свою шею. Сегодня на кафедре только и разговоров было, что всем квартиры дают. Даже преподавателям и ассистентам политехнического. С ума сойти можно, сколько квартир дали! Три или четыре... А ты, выходит, не просил?

— Нет. Чего ещё просить?

— Ладно... Ужинать будем... А те, что сегодня вселяются, они взаправду квартиры получили? Ну, не произойдёт так, что это им только приснилось или пошутил кто над ними?

— Нет, уж мой Фёдор, сын Михайлов, так зло шутить не станет. Он всё сто раз обдумывает прежде, чем сделает.

— А Геннадия-то Михайловича, говорят, с должности Главного распорядителя снимают...

— Так уж и снимают! Да кто его снимет? Может, на повышение переводят?

— А может, и на повышение. Только, говорят, у нас теперь новый Главный распорядитель будет.

— Это не нам решать.

— Знаю, что не нам. Я ведь о том, что слышала... Режь-ка хлеб.

Нарезав хлеб, я расставил три тарелки, солонку, перечницу, разложил вилки, ложки. Обедать в нашей кухоньке вчетвером

не представлялось возможным даже в принципе. А Пелагее Матвеевне, восьми пудов весом, сюда и войти-то было трудно. Она ела или в комнате, или после нас. И мне из-за этого всегда было ужасно стыдно, словно я нарочно унижал старуху.

— Иди зови Ольку, — сказал Валентина.

Я шагнул в комнату, остановился у косяка и сначала взглянул, что там делается на экране телевизора. Какой-то учёный рисовал на доске формулы. Тёща меня не видела. Вернее, не слышала, так как Олька в это время раз за разом повторяла какое-то трудное место.

— Ты, Оля, так бурчишь или чего-нибудь играешь? — спросила Пелагея Матвеевна.

Это был стандартный вопрос. И задавала его старуха не со зла или желания причинить внучке неприятность. Не понимала она и, наверное, совершенно искренне хотела понять, просто так бурчит на пианино внучка или играет что-нибудь правильное.

Олька хлопнула крышкой пианино и резко встала.

— Да играй, мне-то что, — сказала Пелагея Матвеевна.

Но играть уже было нельзя. Этот вечный эффект «публичности», невозможность уединиться, побыть одному, заняться интересным, любимым делом, зная, что никто не смотрит тебе в спину...

— Оля, пошли есть, — сказал я.

— Сейчас, — через силу ответила дочь, но сначала пошла в ванную умываться. Я знал, что Ольга будет долго плескать в лицо холодной водой, прежде чем выйдет оттуда.

Здесь нужно было вечно сдерживаться. На себя я давно махнул рукой, тёщу во внимание не принимал, считал, что Валентина живёт в одной квартире всё-таки со своей матерью, и ей от этого легче, а Ольгу старался всячески ограждать от тягостных эффектов тесноты. Не заходил в комнату, если к дочери являлись подруги; вслух в присутствии Пелагеи Матвеевны просил Ольгу поиграть на пианино, этим как бы беря ответственность на себя; провёл динамик от магнитофона в маленькую комнату, чтобы его можно было включать, не мешая бабушке. Какие же всё это были мелочи, потуги, самообман. Я чувствовал, чувствовал, как что-то рвалось в душе, подгонял время, надеясь на перемены к лучшему, не верил в них и писал. Писательство стало для меня единственной отдушиной в нормальной на первый взгляд жизни.

— Мама, ты сейчас будешь есть или потом? — спросила Валентина.

— Да потом, ладно уж, — ответила Пелагея Матвеевна.

Я включил у телевизора звук. Хоть и ничего не понимала в этих передачах Пелагея Матвеевна, но звуки человеческого

голоса убаюкивали её, успокаивали. Она всегда любила разговоры. А музыка, эстрадная или симфоническая, раздражала её.

Эти ужины втроём, когда дверь кухни прикрыта, я любил. Получался какой-то семейный круг, где можно рассказать о своих радостях и неудачах, зная, что всё примут близко к сердцу, но никто не будет особенно охать и внешне расстраиваться. Здесь всё переходило в какую-то шутку, минуя этап тягостных переживаний. И беды уже не казались такими страшными, а удачи — сверхудачами. Одно выражение: «Ну ты даёшь, папаня!» или: «Да брось ты об этом думать, Фёдор» снимало, хотя и не до конца, нервное напряжение.

— Отец-то опять своими рассказами кашу заварил, — сказала Валентина.

— Влюбил кого-нибудь друг в друга? — спросила дочь.

— Да нет, стареет он. Про любовь пишет всё меньше и меньше.

— Ничего я не старею. Просто, кроме любви, в жизни есть ещё очень многое.

— А что ты опять натворил, папаня?

— Да ничего особенного, во-первых. А во-вторых, если что и было, то это Фёдор, сын Михайлов.

— А! — воскликнула Ольга. — Ты говорил, что у нас был какой-то предок. У Юрия Долгорукого или Петра Первого...

— Во времена Ивана Грозного.

— Всё равно. Дом, что ли, заселил?

— Вот напечатают если, тогда и почитаете. Только это, наверное, будет не скоро. Если вообще будет...

— Что-то тебя и в журналах давно не публиковали, — сказала Валентина.

— Опубликуют ещё. Бумаги, сама знаешь, мало... А что нового в школе?

В школе, в отличие от всего другого мира, интересные новости были всегда. После новостей пошли анекдоты, планы на завтра. Но тут в квартиру кто-то позвонил. Ольга открыла дверь. К жене пришли подруги, но без мужей. А я подумал, что нужно сходить в гости к Афиногену.

10

Афиноген жил в деревянном бараке, где занимал с семьёй две комнаты, в одной из которых была отгорожена кухонька. Комнаты были большие, каждая метров в двадцать квадратных.

Двое детей поздоровались со мной и юркнули во вторую комнату. Афиноген что-то мастерил на кухонном столе, но сразу же всё бросил, встал, протянул широкую ладонь.

— Проходи, Фёдор Михайлович, гостем будешь!

— Я отвлёк тебя от дела?

— Какое у меня может быть дело? Так... К выходу на пенсию готовлюсь.

— Выгонишь тебя на пенсию! Да и рановато ещё.

— Всё равно придётся. Вот и начал. Шучу, конечно. К другому готовлюсь. Письмо прислали, что какая-то комиссия из Марградского отделения Академии наук собирается ко мне в гости.

— Это по поводу нуль-упаковки?

— Не совсем... Да только что толку, если они все заранее не верят. Готовлюсь вот. Да только одному мне не справиться. Помощь нужна. Человек надёжный нужен. Тебя, Фёдор Михайлович, хочу просить.

— Да что меня просить. Я согласен. Справлюсь ли только с помощью-то? Да и что нужно делать?

— А сделать нужно вот что... Веру им свою показать... убеждённость. Ты вот в макет моего универмага-то продолжаешь верить?

— При чём тут вера? Тут знание.

— Значит, всё-таки до сих пор убеждён, что было такое явление — нуль-упаковка?

— Я уже не одной комиссии это докладывал. Но могу и ещё.

— Вот и хорошо! — обрадовался Афиноген. Даже руки потёр от удовольствия. —Это я тут по хозяйству. А мастерская у меня, знаешь, в сарае. Великое дело — сарай! И всё-то в нём можно сделать. А в этих пятиэтажках и из квартиры-то не высунешься. Да не возражай, не возражай. Я не против твоих благоустроенных. Я только говорю, что сарай — необходимость. Малюю вот там. Стучу. Пилю. И никому не мешаю. Так что, Фёдор Михайлович... А у тебя всё без изменений?

— Нормально у меня всё.

— Нормально и будет. А я вот некоторые свои холсты сюда перенёс, сарай ведь не будешь всё время отапливать.

— Давно хотел посмотреть. — Я, ещё когда вошёл, сразу же заметил три холста, висящие по стенам. Два из них были завешены, один простынёй, второй цветастой тряпкой. Афиноген словно устраивал выставку своих картин. — Позволишь взглянуть?

— Отчего не взглянуть. Смотри. Готовься.

— К чему это ещё мне готовиться?

— А к встрече комиссии.

Я не понял, что он имел в виду, пожал плечами и подошёл к глухой стене, чуть ли не во всю длину и ширину завешенной разноцветной занавесью.

— Это напоследок, — сказал Афиноген. — Сначала вот...

Он подвёл меня к небольшой картине, висящей между окнами. На холсте было изображено лицо женщины... или нет. И не поймёшь сразу. Какая-то галактическая туманность.

— Модернизм? — на всякий случай спросил я.

— Модернизм, экспрессионизм, абстракционизм... Глупость это. Картина и всё. Не видишь, значит, не надо.

Я не обиделся, потому что мало что понимал в живописи.

— Да тут и не сразу поймёшь!

— А ты не понимай. Ты чувствуй! Здесь чувствовать надо! Поймёшь, не поймёшь, — забурчал Афиноген. Видно было, что он немного расстроился.

Я чуть отошёл, остановился... Лицо... галактика... и два глаза. Один зелёный, второй карий. Снова подошёл ближе. Что-то получилось. И теперь, уже уверенно отойдя на два-три шага, я медленно пошёл на картину, не отводя от неё глаз. У меня аж дух захватило на мгновение. Прекрасная женщина-галактика, вот что это было! Мать, материя, природа, первоисточник! И дух, струящийся через глаза, живые, разноцветные, дикие, непонятные.

— Ну, Афиноген...

— Почувствовал, — тихо выдохнул Афиноген.

— Да что же это?! Ведь даже страшно, жутко. У тебя тут самая великая тайна природы! Женщина-галактика...

— Можно и так назвать. А вообще-то — «Свет Вселенной». Да дело не в названии. Понравилось, значит?

— Вот это да! Нет, Афиноген Каранатович, это тебе не рассказики клепать. Это настоящее...

— Брось прикидываться, Фёдор Михайлович. Наслышан о твоих рассказах... Сегодня вот приходили. Сносить, говорят, барак будут. То никакого звуку, а то сразу — сносить. Да и по городу разные слухи ходят.

— А ты слухам не верь. Показывай ещё.

— Смотри, коли интересно. Но экзамен ты уже прошёл. А эти две я тебе покажу просто так. Афиноген сбросил простыню со следующего полотна. Я снова ничего не понял. Вернее, понял. Но тут же ничего и не понял. Картина была размером метр на два и располагалась вертикально.

Чуть боком к зрителю сидел человек. Вернее, он ни на чём не сидел. Просто поза его тела соответствовала позе сидящего человека. Перед ним располагалась плоскость с нарисованными на ней квадратиками, треугольниками и другими фигурами, некоторые из которых были разорваны, но не более

чем в одном месте. У меня создалось странное ощущение, что эти фигурки живые, что они двигаются, мыслят. Даже какая-то растерянность чувствовалась в них, страх перед чем-то происшедшим. Человек держал одну из фигурок. И ясно было, что он взял её из одного разорванного четырёхугольника и намеревался перенести в другой.

Вся картина была выполнена в чуть абстрактной манере.

Отходить назад и возвращаться здесь было бесполезно. Это не помогло бы почувствовать картину. Я оторопел в смятении. На картину хотелось смотреть. Смотреть и молчать. И так продолжалось минуты три.

— Хватит, — сказал Афиноген и попытался было закрыть картину.

— Подожди, — попросил я. — Тут вот что у тебя... Это двумерный мир... Двумерные существа... Они способны воспринимать только длину и ширину. Но они у тебя явно разумны. Они чем-то обеспокоены. Я очень хорошо чувствую растерянность этих фигурок. Трёхмерное существо — человек — выдернул из какого-то «помещения» одно из существ и сейчас перенесёт его в другое. Ну да! Ведь для них исчезновение подобного им существа необъяснимо, невозможно! Так же, как его появление вот здесь.—Я показал пальцем на разорванный в одном месте квадрат, куда, по моему мнению, человек должен был опустить «двумерца». — Тут нужно только одно условие: двумерный мир должен иметь свойство отражать световые лучи, падающие на него извне. И тогда мы, жители трёхмерного мира, сможем увидеть его. Мы увидим всё, находящееся внутри любого двумерного закрытого вместилища. А если мы сможем из нашего трёхмерного мира брать двумерные предметы, то схватим предмет, находящийся внутри закрытого двумерного вместилища. Для этого нам не нужно переходить через его границы. Достаточно поднять предмет над двумерным миром в третье измерение, а затем опустить в другое «помещение». С точки зрения «двумерцев» произошло бы необъяснимое чудо.

— А ты, Фёдор Михайлович, кажется, действительно поможешь мне. Чую я.

— Если смогу, так помогу... Только ты подожди — успокоюсь я. — А в голове возникла мысль: а если из четырёхмерного мира выхватить трёхмерный предмет? Но и только. Дальше я ещё ничего не понимал.

Афиноген зашёл за перегородку и выпил из кадки воды. В соседней комнате чему-то смеялись дети.

— Хлебни, — посоветовал хозяин. — С мороза. Только что привёз. У нас из скважины.

Я хлебнул. У меня заломило зубы от ледяной воды, и я почему-то успокоился.

— Теперь показывай дальше.

Третье полотно занимало почти всю стену. Афиноген рывком сдёрнул с него цветную тряпку.

Я увидел стеклянный куб, нарисованный стеклянный куб. И больше ничего. Но это только вначале. Я оглянулся на Афиногена, тот смотрел на меня хитро и чуть выжидательно. Ладно, поразмышляем. Стеклянный куб... Я постоял некоторое время в задумчивости, покрутил слегка головой. Что-то получалось. Отошёл шага на два, затем чуть в сторону. Куб исчез. Вернее, не исчез, а теперь я смотрел через одну его грань, перпендикулярно ей самой. На глазах куб из трёхмерного превратился в двумерную фигуру, в проекцию куба на плоскость. Превращение было мгновенным и впечатляющим. Ай да Афиноген! Вот какие чудеса он может делать на простом холсте! Но оказалось, что это ещё не всё. Ободрённый успехом, я сделал несколько шагов в другую сторону. С кубом снова произошло превращение. В трёхмерном кубе возник ещё куб, меньшего размера. И какие-то линии или плоскости соединяли первое и второе тело. Я выбрал точку, с которой, как мне казалось, удобнее смотреть, и замер на несколько минут. Сначала ничего не произошло. Потом с пространством что-то случилось. Холст, сам холст стал вдруг трёхмерным. Я уже не рассуждал, не удивлялся. Я стремился вперёд. Мне хотелось, нестерпимо хотелось узнать, что там, что там за этим трёхмерным холстом. И вот то, что я вначале принял за куб в кубе, начало оживать, обретать смысл, неожиданный и таинственный, но возможный, возможный! Там было что-то, что неудержимо влекло меня. Я протянул руку, кажется, даже успел заметить, что она как-то странно трансформировалась. Но тут Афиноген вернул меня к действительности.

Я ещё непонимающе и потрясённо хлопал ресницами, когда в квартиру вошла жена Афиногена, Зоя Карповна. Она подозрительно посмотрела на мужиков, но, кажется, ничего не обнаружила.

— Соображаете? — спросила она.

— Соображаем, — пробасил Афиноген, — да только совсем не то соображаем.

Из второй комнаты прибежали дети, полезли в хозяйственную сумку. Мать, наверное, ходила в магазин.

— Чай пить будем, — сказала хозяйка.

— Нет, спасибо, — отказался я. — Домой пора.

— Отчего же...

— Мы ещё в сарай сходим, — сказал Афиноген.

— Да, да, — обрадовался я. — Нам ещё в сарай надо.

— Он там рисует, — пояснила жена Афиногена. И по тому, как она это сказала, стало ясно, что занятие это она очень и

очень одобряет. Может, и не понимает, а одобряет. Ведь как изменился Афиноген после того случая с фирменным поездом... Слава богу! Ведь совсем пропадал человек. И я, кажется, не вызывал у неё особых подозрений. Ну выпьем когда, так в меру. А не пить после таких Фениных запоев, это значит держаться волевым усилием. А Феня не держался, он просто не хотел. А ведь это совсем не одно и то же. Мы пошли в сарай.

Я почему-то представлял себе сарай захламлённым и пыльным, но увидел перед собой настоящую мастерскую, пусть и без естественного дневного света, да ведь всё равно была зима. Здесь стоял верстак для столярных работ, стол, заваленный листами латуни, различный инструмент, несколько стульев и табуретов. Дощатый пол был чисто подметён. В углу стояла остывшая печь, сооружённая из железной бочки. В сарае было холодно, но всё же не так, как на улице.

— Садись, — предложил Афиноген. Но я сначала походил, дотрагиваясь руками до разных предметов. У Афиногена было своё место. Своё! Он мог здесь уединиться, работать, творить!

— Хорошо тут у тебя, Афиноген Каранатович, — сказал я.

— Не жалуюсь. Ты садись. — И, не дожидаясь, пока я усядусь, продолжил. — Сделал всё, как хотел. Ну, насколько было возможно. А ты представляешь себе свою квартиру, свой кабинет?

— Какой кабинет! — вскричал я.

— Да ты постой, постой... В мечтах, во сне....

— А... Там-то представляю. Тихо. Стол. Книги. Окно. И главное, я никому не мешаю. Никому.

— Страдаешь?

— Бывает.

— Что уж там — бывает. Страдаешь вовсю!

— Из моей души, Афиноген Каранатович, страдание исчезает, если я нахожу слово высказать его.

— Подробнее не расскажешь о своём кабинете, о жилплощади для фантаста?

— Я всё сказал.

Афиноген отодвинул мольберт. За ним оказалась ещё одна дверь, не гармонирующая со всем остальным. Словно Афиноген вырвал её из какой-то стандартной многоэтажки и поместил сюда.

— Попробуй открыть, — попросил Афиноген.

Я подошёл и взялся за ручку.

— Хватит, — остановил меня Афиноген. — Завтра приезжает комиссия. Ты уж помоги мне, Фёдор Михайлович.

— Да чем же?!

— Приходи сюда вечерком и всё.

11

«...Эксперименты не шли. Как говорили в группе, кто-то путал научных сотрудников, сбивал их, направлял в тупик. На некоторое время можно было выключить аппаратуру, заняться пока обработкой таблиц, построением графиков, осмыслить полученный материал.

Все вышли покурить. Но дверь на улицу возле курилки была открыта. Работники какой-то лаборатории таскали упакованное в огромные ящики оборудование. Волны холодного воздуха неслись по коридору. Покурить можно было и возле своей комнаты. Мгновение все ещё молчали, потом кто-то сказал: «Послушай...», и начался обычный в таких случаях научный трёп.

Фёдор медленно, бочком отошёл в сторону, постоял возле лестницы. Вниз идти было уже незачем. Неуверенно сделал он несколько шагов вверх. На площадке между первым и вторым этажом распахнулись двери актового зала. Там сейчас было ветрено и холодно. Фёдор это знал точно. Его несло вверх всё быстрее. Между вторым и третьим на маленькой дверце, которая вела в кинобудку, висел пудовый амбарный замок. Антикварный. Фёдор уже бежал. Он помнил, что там, выше, есть ещё одна дверь. Аппендикс библиотеки и актового зала был высотой всего в два этажа. Между четвёртым и пятым стена была сложена из стеклянных кирпичей. А на высоте пояса приклеилась маленькая глухая дверца, которая никуда не вела. Это знали в институте все, ну, во всяком случае, многие, и никому не приходило в голову открывать её. Здесь можно было лишь вывалиться с огромной высоты. Дверь не запиралась. На ней не было никаких замков, ни висячих, ни врезных.

Фёдор перевёл дух. Его непреодолимо тянуло открыть дверь, словно звали его и нельзя было отказать. Вверх и вниз по лестнице сновали люди. А при них лезть в дверцу было почему-то неудобно. Но и ждать бесполезно: тут ходят целый день. Он принял непринуждённую позу, но так, чтобы в любое мгновение рвануть ручку.

— Папаня! — донеслось снизу. Это, задыхаясь от спешки, кричала Ольга. — Ну зачем ты туда? Ведь снова...

Фёдор не дослушал, легко распахнул дверцу и, зажмурившись от яркого света, шагнул. Последнее, что он услышал, было тихое:

— Папаня...

Под ногами был твёрдый пол. Стены огромного зала дугами уходили вверх. Свет струился отовсюду. Всё было просто и красиво, даже изящно, но ничто не останавливало взгляд,

лишь где-то вдалеке, диссонансом, чернела точка, притягивающая к себе, как магнит. Фёдор пошёл вперёд, уже зная, где он очутился. Это и страшило его, и манило, звало. Противиться зову было нелепо, да и не хотелось.

Фёдор шёл, и точка, увеличиваясь в размерах, превращалась в стол и сидящего за ним человека. Человек ждал Фёдора, аккуратно сложив руки на пустой столешнице.

— Здравствуйте, — сказал Фёдор.

— Здравствуйте, — ответил человек. — Меня зовут Фёдор-сто восемьдесят Михайлович-девяносто шесть Приклонов-семнадцать. Садитесь, пожалуйста.

Фёдор продолжал стоять.

— Что же вы? — удивился Приклонов-17. — Ах да... Ну да уж потерпите. Или, быть может, имеете сильное желание сесть на моё место?

Фёдор промолчал.

— На вас, уважаемый, поступила жалоба от писателя Фёдора-десять в девятой Михайловича-два на десять во второй, в квадрате, попросту, Приклонова-сто. Фантаста, между прочим... Что вы имеете сказать в свою защиту? Ах да... презумпция невиновности... Простите, простите... Начнём, пожалуй, со следующего. Автор «Фирменного поезда» — это ведь вы и есть?

— Я, — согласился Фёдор и почувствовал, что голос его дрогнул.

— Любопытная вещица, ничего не скажешь. И долго вы её писали, если, конечно, это не профессиональный секрет?

— Четыре часа. Пока в поезде спал Артемий Мальцев. Писать нужно было именно когда он спит.

— И что же, вы всегда так быстро пишете повести?

— Нет. Но тогда очень нужно было. А Артемия...

— Ах, — отмахнулся Приклонов-17, — знаю, знаю про Артемия, Артемахуса, Артемида, Артюшу и прочая и прочая. Но очень хотелось бы знать, как вы сами считаете: можно ли было написать такую большую, между прочим, повесть за такой короткий, откровенно говоря, срок? Да ещё в условиях эмоционального стресса.

— Все что-то делали, старались... Я — тоже. А повесть я потом дорабатывал. Даже урезать пришлось. Редактор категорически потребовал.

— Хорошо, хорошо, хорошо! — всплеснул руками Приклонов-17. — Верю, верю, верю. Но доказательства... Где доказательства? Ах, простите, совсем забыл. Снова эта проклятая презумпция! Вы, естественно, можете не защищаться, пока мы не предъявим вам доказательства вашей вины.

— Предъявляйте, — сказал Фёдор.

— Вы ведь знакомы с фантастом Фёдором?

— Нет, не знаком.

— Ну как же! С фантастом Фёдором Михайловичем Приклоновым!

— Я — Фёдор Михайлович Приклонов.

— Ну вот видите! А говорите, что незнакомы. Нехорошо с самого начала.

— Я не могу быть знаком с самим собой. В этом случае понятие «знаком» теряет свой смысл.

— Теряет? Хм... Согласен. Это вы хорошо сказали: теряет свой смысл. Надо запомнить. И всё же... Я имею в виду Фёдора-десять в девятой Михайловича-два на десять во второй, в квадрате то есть, Приклонова-сто. Только не путайте его со мной.

— Нет, не знаю, — заявил Фёдор. — Насколько я понимаю, он, да и вы, из двадцать третьего века?

— Совершенно верно. А уж если говорить точнее, то из самой середины, серёдки, сердцевины двадцать третьего... Всё равно — нет?

— Не имел чести.

— Смотрите, вам виднее. Но ведь придётся очную ставку...

— Любопытно познакомиться.

— Ах, даже любопытно! И что же, ни тени трепета, страха перед содеянным?.. Фу, прошу прощения... Всё забываю. Начнём, пожалуй.

— Валяйте, — согласился Фёдор.

— Прошу возникнуть истца! — торжественно сказал сидящий за столом.

Чуть толкнув Фёдора плечом, так что тому даже пришлось попридержать возникшего, рядом сделался, образовался, появился фантаст Фёдор-109.

— Прошу, так сказать, прощения, — чуть нервно сказал он. — Спят, что ли, там? Не могут «возникнуть» меня нормально. Всё с выкрутасами, шаляй-валяй, за что только время получают?!

Фёдор, сидящий за столом, терпеливо ждал, когда возникший поостынет.

— Вы успокоились? — спросил он через некоторое время. — Учтите, что банк может опротестовать этот вклад, и тогда ваше время тю-тю, в трубу вылетит.

— Моё время священно! — заявил Фёдор-109.

— Да, да, конечно, — согласился сидящий за столом. — Никто не спорит.

— Вор! — вдруг грубо сказал Фёдор-109. — Вором был, вором и остался!

— Будьте взаимно вежливы, — попросил Фёдор-180.

— Конечно, — внезапно согласился Фёдор-109. — Прошу, так сказать, прощения. Но Фёдор — вор!

— Объясните же наконец! — потребовал Фёдор.

— Один момент! Один момент! Вот заявление фантаста Фёдора, — сидящий за столом показал двум другим пустую ладонь, — в котором истец обвиняет Фёдора Михайловича Приклонова в плагиате.

— Что? — удивился Фёдор.

— Да, да. В плагиате. В ваше время уже было известно выражение «плагиат»?

— Было. Что же это я у него украл?

— А повесть-то! — заявил Фёдор-109 и, чуть отодвинувшись, уставил руки в бока. — А «Фирменный-то поезд «Фомич»!

— Но позвольте! — заволновался Фёдор.

— Не позволим! Всею массою времени не позволим! — внезапно взвизгнул обворованный.

— Позвольте... Как я мог украсть повесть, если жил на триста лет раньше вас? Кроме того, я ведь писал о том, что произошло со мной и моими друзьями. Так что ваше предположение полностью ошибочно.

— Хм, — сказал сидевший за столом, — он что, правда, жил на триста лет раньше?

— Ну конечно, — заулыбался Фёдор.

— Экая безделица! — заорал Фёдор-109. — Что же тут особенного. Пропутешествовал во времени и баста!

— Да мы ещё не можем путешествовать в будущее, — заверил Фёдор. — Мы ещё и в прошлое-то только на пятнадцать лет...

— Вы не можете?! Ха-ха! А кто, по-вашему, может?

— Да пока ещё никто.

— Никто! — взревел Фёдор-109. — Никто, говорите! А товарищ Обыкновеннов?! Пришелец с планеты Ыбрыгым!

— Что товарищ Обыкновеннов? — струхнул почему-то Фёдор.

— Ведь товарищ Обыкновеннов очень даже запросто может путешествовать во времени туда, прошу прощения, и сюда.

— Не знаю, — пролепетал поражённый Фёдор.

— А я знаю. Знаю, что вы перед тем, как написать свою, если только можно так выразиться, повесть, вели приватную беседу с товарищем пришельцем!

— Да какой он пришелец? Обыкновенный человек.

— Не скажите! О чём вы в таком случае беседовали, если не секрет? — ехидно спросил Фёдор-109.

— Да так... О том, о сём... О жизни... Очень умный человек товарищ Обыкновеннов.

— Ещё какой умный! Ведь это он вам и передал мою рукопись, — зловеще заключил обворованный фантаст.

— Ничего он мне не передавал! Слышите! Я сам написал эту повесть!

— О-хо-хо! — сказал сидящий за столом. — Вас послушать... И чем только люди занимаются. А ещё говорят, что время — время.

— Не понял, — сказал обиженный фантаст. — Не понял вас, Фёдор-сто восемьдесят Михайлович-девяносто шесть.

— Да что же тут непонятного? Сядьте на моё место, всё и поймёте.

— С удовольствием, — ещё не веря, сказал Фёдор-109.

— А фантастика? — растерянно спросил Фёдор.

— Какая ещё фантастика? — оскорбился Фёдор-109. — Тьфу! Вот вам ваша фантастика! — Он как-то осторожно обходил стол, пританцовывая, похлопывая его ладонями.

— Зад немного размять, — сказал сидящий за столом, с трудом встал, и действительно начал разминать свой костлявый зад, тоже похлопывая его ладонями.

Фантаст тотчас же занял его место, и великая озабоченность выступила на его лице.

— Я вас слушаю, — осторожно сказал он.

— Вменить в обязанность! — вдруг взорвался разминавший зад. — Чтобы не ерепенился! Не сомневался. А брал без размышлений!

— Вменим, — пообещал Фёдор-109. — Возьмёт! Как миленький возьмёт, да и ещё раз возьмёт! А пока маленький презент, так сказать, от будущего. — Фантаст открыл дверцу стола, выдвинул ящик, вынул из него что-то блестящее и позванивающее. — Самозащёлкивающиеся... — пояснил он. — Не каждому, не каждому такое счастье выпадает. Ловите!

Фёдор машинально подставил ладони, и на его правом запястье щёлкнул замок изящного, прочного кольца. С кольца свешивалась пятисантиметровая цепочка. Второго кольца не было. Заметив недоумение Фёдора, сидящий за столом пояснил:

— Всё нормально. Всё правильно. Это кольцо Мёбиуса, только не в пространстве, а во времени. Как только вы возьмёте... заметьте: как только вы возьмёте, оно защёлкнется и на второй руке. И тогда уже ваша взяла! Прекрасная вещица. С гарантией на один миллион лет.

Браслет не жал, и даже был не виден на руке, если опустить её вниз.

«Дома распилю», — подумал Фёдор и спросил:

— Больше у вас тут нечего посмотреть?

— Мы не для того вас вызывали! — заорал тот, что теперь сидел за столом. — Не на смотрины! Ах да! Прошу прощения.

Вы в официальном учреждении, между прочим. Прошу помнить. Так что он там отказался взять?

— Один момент. Может, уважаемый Фёдор Михайлович недопонял-недопонял! Но о нуль-упаковке-то, надеюсь, имеете какое-то представление? Так ведь?

— Так, — согласился Фёдор. — Имею.

— И Афиногена знаете?

— Знаю Афиногена Каранатовича.

— И чем он сейчас занимается, знаете?

— Что показывал, то знаю.

— Знает он, всё знает! — закричал сидящий за столом. — В бараний рог!

— А дверь-то, дверь-то он вам показывал? — осторожно спросил тот, который стоял.

— Показывал, — ответил Фёдор.

— И жилплощадь фантасту нужна?

— Ох, нужна жилплощадь, — чистосердечно признался Фёдор.

— Тогда всё в порядке! — заключил сидящий за столом. — Всё, всё вам прощается. Более того, вот тут передо мной сидел Фёдор-сто восемьдесят Михайлович-девяносто шесть Приклонов-семнадцать... Так я вам по секрету скажу, что это не он сидел, — шёпотом добавил Фёдор-109.

— Нет, нет, не он, — быстро согласился Фёдор-180.

— Это вы, извиняюсь, сидели... Вы...

— Я? — удивился Фёдор. — Никогда я там не сидел. Да и желания сидеть нет.

— Да будет, будет желание. Всё будет. В нашем мире всё возможно. Слава, почёт, уважение, банкеты, издания вне плана.

— А что же вы?

— Господи боже мой! Да мы — это вы и есть. Всё, всё преотлично. У истца больше нет претензий? — спросил он сам у себя и сам же ответил: — Надеюсь, что нет.

— Какие могут быть претензии к Фёдору Михайловичу Приклонову? Мы же его любим!

— Любим? — переспросил сидящий за столом. — Ах да... Любим. Ну, конечно, любим! Как же нам самого себя не любить! Любить надо. Обязательно надо.

— Всё. Идите и берите. И комиссию убедите, что нуль-упаковка существует.

— Какую ещё комиссию? — не понял Фёдор.

— Да ту, что сегодня должна посетить Афиногена Каранатовича. Нам всё, всё известно, хе-хе...

— Да в чём же я её должен убедить?

— Ну вот. Снова да ладом! Ведь вам жилплощадь нужна?

— Нужна.

— А Главный распорядитель абсолютными фондами пока не даёт.

— Возможности, значит, пока нет.

— Ну, конечно, пока. Не даёт, не даёт, да вдруг даст, — забегал вокруг Фёдора Приклонов-17. — Только когда это ещё будет? С бригадным подрядом вот никак не могут наладить дело. То да сё. А тут сразу. И, уверяю, Афиноген Каранатович не поскупился. Квартирка у него получилась что надо. Любодорого! Тишь да гладь, да божья благодать! Сиди пописывай. Тёща-то ведь здорово храпит? Ну вот... Конечно, почему бы ей и не похрапеть в своё удовольствие? Да только вам, насколько я знаю, это мешает. Мешает, мешает, не отпирайтесь! А здесь у вас всё будет. И номера... не какие-нибудь там десять в девятой... об этом и подумать-то неприятно... а единицу присвоим. Фёдор-один Михайлович-один Приклонов-один. А то — десять в девятой!

— Между прочим, — заметил сидящий за столом, — это вы сейчас Фёдор-десять в девятой.

— Как это я? Я Фёдор-сто восемьдесят.

— Был, да сплыл!

— Позвольте!

— Нет, не позволю!

— Да я вас силой!

— А я ручками, ручками уцеплюсь!

— Оторву, оторву паршивые руки неудавшегося фантаста!

— Так ведь фантаст-то теперь вы?

— На!

— Хра!

Бац! Грох!

Оба Фёдора Михайловича Приклоновых, и тот, что сто восемьдесят, и тот, что десять в девятой, клубком покатились по блестящему скользкому полу. И разобрать, кто есть кто, теперь уже было невозможно.

Что-то недосказанное было в этом разговоре. Чего-то от Фёдора хотели недостойного, подлого. Подчиняясь какому-то внутреннему порыву, он подошёл к креслу и сел в него. И сразу же всё стало ясно.

— Эй вы! — грубо окликнул дерущихся Фёдор. — Поработали и хватит, пора отдохнуть!

Подействовало. Фёдоры с порядковыми номерами расцепились, встали, наскоро привели себя в порядок, обратились в слух.

— Вот что, — сказал Фёдор. — Вы тут, насколько я понял, ерундой занимались. Кто из вас пойдёт к Афиногену Каранатовичу? Что? Даже желающих нет? Странно. Кто же убедит

комиссию? Великое изобретение Афиногена не должно пропасть во времени! Что вы без него? Так... Нуль без палочки. Ты, Фёдор-десять в девятой?

— Это не я, это он — Фёдор-десять в девятой!

— Нет, не я, а ты! Я — сто восемьдесят!

— Прекратите, — вдруг устало попросил Фёдор. — Не хотите, не надо. Мне иногда приходит в голову, что ваш нуль-упакованный мир нужно уничтожить. Он нуль, хотя и упакованный. Нет в нём ни добра, ни фантазии. Бред собачий! Страшно, но надо. На этом и порешим. Никто не пойдёт к Афиногену. Никто! А другого случая не представится, потому что Афиноген уже не перенесёт этого. Он и держался-то только надеждой, что ему поверят, помогут этой верой, человеком сделают. Жаль Афиногена Каранатовича. Но никто из нас троих этого уже не увидит. Конец! Простимся, что ли, Фёдоры Михайловичи Приклоновы?

— Нет! — заорал один.

— Нет! —заорал другой.

— Я! — согласился первый.

— Мы! — согласился второй.

— Не позволю! Никуда вы не пойдёте!

— К чёртовой матери! — завопил один и бросился бежать.

— К чертям собачьим! — загундосил второй, догоняя первого.

— Глупцы! Ведь тот, кто поможет Афиногену... — Фёдор вдруг смутился... — Ведь тот и станет основателем этого «будущего». Стойте!

Фёдор выскочил из-за стола. Догнать, догнать, во что бы то ни стало догнать. Задержать! Зубами! Ногтями!

Но всё-таки слаб был Фёдор, хотя и бросил давно это прилипчивое занятие — питьё. Да и суставы пальцев ног взмолились от боли. Мешал бежать и браслет с цепочкой. Нет, не догнать ему было шустрых двойников. Но среди тех, уже на бегу, снова разгорелась борьба. Кто-то из Фёдоров подставил ножку другому. Тот упал, успев схватить первого за штанину. И покатились они по чудному полу. Тут снова один вырвался и пробежал в лидерах метров сто. И снова свалка. Хоть и секунду длилась она, но Фёдор успел приблизиться.

Давайте, давайте, ещё, ещё поборитесь, мысленно упрашивал их Фёдор.

Догнал он своих двойников у самых стеклянных кирпичей. Фёдор-109 уже рвал ручку двери. Оттаскивая то одного, то другого, Фёдор окончательно измотался. И в какой-то момент пропустил бросок наиболее шустрого из двойников. Дверь распахнулась.

«Что я наделал?» — успел подумать Фёдор, и тут блестящий дворец будущего со сверкающим полом, уходящими ввысь арками и неизвестно откуда льющимся светом, рухнул. С карниза, срываясь, падал Фёдор-109.

Фёдор очнулся на крыше актового зала. Все кости болели, глаз распух, губы разбиты в кровь. Завывал ветер, и Фёдор почувствовал, что он замерзает, но не было сил даже пошевельнуться. Откуда-то сверху раздались крики, потом перед уцелевшим глазом проплыла верёвочная лестница, чьи-то сильные руки приподняли его и передали в другие.

Фёдор с досадой подумал, что этот проклятый фантаст из двадцатого века всё-таки спёр у него фантастическую повесть, и захрустел зубами. Стало теплее и чуть темнее. Он уже лежал на носилках.

— Ты лежи, папаня, лежи, — сказала Ольга. — У нас занятия санитарной дружины. Никто не хочет изображать из себя раненого. А нам баллы срежут.

— Ладно, — прошептал фантаст, и подумал, как хорошо, что в институте есть санитарная дружина.

Его куда-то понесли, но не особенно осторожно, потому что в носилках лежал совершенно здоровый человек с поломанным ребром, распухшим глазом и разбитой губой».

12

— Папаня! — ахнула Ольга. — Кто это тебя разукрасил?

— Да пустяки, — отмахнулся я.

— О горе моё, — вздохнула Валентина. — На тебя бодяги не напасёшься. И чем вы только на заводе занимаетесь?

— Тензометрические усилители настраиваем. Конец месяца. Кто-то из заказчиков приехал и давай требовать: оттарируйте им усилитель на консольной балке, и всё тут. А у нас же новая методика настройки. Балки давным-давно метровым слоем пыли покрылись. Ну... приволокли, датчики проверили, какие оборвались — заменили, нагружать стали. А одна балка возьми да и сломайся. Меня вот и шарахнуло.

— Сочиняешь, папаня, — немедленно уличила меня во лжи дочь. — Мы же учебно-производственную практику проходили на вашем заводе и прекрасно знаем, что это за балочки. Они маленькие и уж сломаться никак не могут. Их и загружают-то килограммов в десять.

— Опять?—испуганно спросила Валентина.

— Да, — нехотя ответил я. — И не желаю я этого, а иногда получается. Ещё когда из поезда в Марграде вышли, решил,

что завязываю. Всё. Кончено. Но ведь оно от меня не зависит...

— Нет, Федя, от тебя многое зависит.

— Квартеру, ли чо ли, дают? — нараспев спросила Пелагея Матвеевна.

— Да никто ничего не даёт! — Я даже рассердился.

— М-м... А я думала, квартеру дают, — сказала тёща, не отводя взгляда от телевизора, где всмятку рубились хоккеисты.

— Примочку сделать? — спросила Валентина.

— Да само пройдёт, не беспокойся.

— Пройти-то пройдёт, а будешь ходить людей пугать своим синяком.

— Да ты ему забинтуй, — посоветовала дочь.

— Ага, — согласился я. — Забинтовать можно.

— Это, Федя, ведь Испазита? — спросила Пелагея Матвеевна.

— Он, он самый, — подтвердил я.

— Ну... я же вижу, что личность-то на Испазиту смахивает...

— Вы ешьте без меня.

— В ночь, что ли, настраивать будете? — недовольно спросила Валентина.

— Да нет. Афиноген просил к нему зайти. Комиссия из Марграда приезжает. Просил помочь. Хочется мужику доказать, что нуль-упаковка и в самом деле возможна.

— Занимались бы вы лучше делом, — посоветовала жена.

— Нет, нет, папка, вы уж лучше что-нибудь необыкновенное выдумывайте!

— Ох, Оля, да разве можно выдумать необыкновенное...

— А вы старайтесь!

— Нет, это уж вы теперь старайтесь. Ваше время приходит.

Валентина чем-то смазала синяк и забинтовала мне голову наподобие тюрбана, но так, что шапку всё же можно было натянуть. Я оделся и открыл дверь квартиры.

— Ты когда придёшь-то?! — крикнула мне вслед Валентина.

— Вот уж не знаю. Как всё кончится, сразу и приду.

— Банкет, наверное, для комиссии будет?

— Какой банкет? Афиноген Каранатович — частное лицо.

— Ну давайте! — напутствовала жена.

Я вышел на улицу и поднял воротник пальто. Мела позёмка, и вообще было неуютно. Я попытался понять, почему этой ночью написал какую-то непонятную главу о будущем. Во-первых, рассказ вылился внезапно, без всякой подготов-

ки, без всяких размышлений и даже озарений. Я писал и не думал, что же будет в следующем абзаце. Само писалось. Во-вторых, ведь совсем не таким представлял я себе будущее. И была, была в тайнике души мысль написать роман о потомках. Была! Но всё не хватало времени. Да и мысль-то, по правде говоря, ещё не созрела, не рвалась на бумагу. А что собой представляли вот эти Фёдоры, «сто восьмидесятый» и «десять в девятой»? Я ведь чувствовал, что это моё продолжение, только при каких-то особых обстоятельствах. И что-то тут было связано с квартирой и нуль-упаковкой Афиногена. Ответ крутился где-то рядом, уже стучался, да что говорить, я уже всё знал, но знал как-то не так, как положено, интуитивно, словно сам остановил знание на пороге.

13

В окнах Афиногеновой квартиры горел свет, но я решил сначала толкнуться в сарай, и не ошибся. Из мастерской Афиногена тянуло теплом и чуть — дымком. Радостные голоса приветствовали меня. Я ничего не успел сообразить, как тут же оказался в объятиях Артемия Мальцева.

— Фёдор! — кричал он. — Кого я вижу?!

— Господи... Артемий...

— Сколько лет, сколько зим!

— Полтора года... зима... осень... — забормотал я растерянно. — Ты-то как сюда, Артемий?

Мне и в самом деле казалось, что со времени нашей последней встречи прошло много лет и много зим. И в то же время всё происшедшее в фирменном поезде произошло чуть ли не вчера. Но парадоксы времени меня уже не удивляли, а только лишь очень интересовали.

— Ну, наши дороги теперь, кажется, переплелись навечно. — Мальцев выпустил меня из рук и сделал шаг назад, чтобы получше рассмотреть. — Что это у тебя с глазом? Ячмень сел?

— Ячмень проклятый, — обрадовался я. — Никогда не было, а тут сел.

— Его студить нельзя. Надеюсь, ничего страшного?

— Ерунда одна. Всё пройдёт. — Я огляделся и поздоровался со всеми другими присутствующими.

Здесь оказался Геннадий Фёдорович, шеф Артемия, которого я помнил ещё по фирменному поезду. Один из «академиков». Тот самый, который никак не среагировал на мой клич: «Академики, в ресторацию!». Не нашёл я тогда поддержки в

его душе. Два незнакомых человека. Ну и, конечно, Афиноген Каранатович, вырядившийся, как на свадьбу, но немного сумрачный и тихо взволнованный.

— Ну, все, кажется, собрались? — спросил Геннадий Фёдорович.

— Все, — ответил Афиноген.

— Начнём?

— Сейчас... Одну минуточку, — попросил Афиноген и начал что-то искать. Я понял, что он отдаёт эту «минуточку» мне, чтобы я хоть немного поговорил с Артемием.

— Читал, Фёдор, читал твой роман, — сказал Мальцев.

— Повесть, Артемий, повесть.

— В рукописи-то был роман. Ведь это я был первым читателем «Фирменного поезда».

— Хорошо, что я его тогда тебе отдал. Ход получился. А сам бы я ничего не смог пробить.

— Ну, когда нами заинтересовалась наука, твой роман понадобился и как подробнейший протокол событий, что ли, в нашем поезде. Так что, как только ты его написал, так тут же, можно сказать, стал писателем.

— Не стал я ещё писателем, Артемий... Ладно. Сам-то как живёшь? Как Инга? Дети?

— Инга молодец. На повышенную, правда, уже не вытягивает, но всё равно молодец. А дети растут. Сашка в третий класс ходит. Валентина в детский сад. А Мишеньку ещё в ясли носим... О! Тут у нас такая история с квартирой была! Ошибка произошла. Но об этом коротко не рассказать. После поговорим. Крутимся, по правде говоря, как белки в колесе. Едва вырвался в Фомск.

Упоминание о квартире и ошибке с этой квартирой меня заинтересовало. Я уже точно знал, о чём напишу рассказ, название даже придумал: «Квартира площадью тридцать восемь кубических метров».

— Ты, Артемий, извини, — сказал я, — но всё же как здесь-то оказался? В комиссии?

— Я уже говорил, что наши дороги переплелись навечно. С Иваном я буду полгода работать. Я ведь в Марграде ломаю голову над проблемой параллельных пространственно-временных миров. Это очень близко связано с темой Ивана и очень отдалённо, но всё же имеет отношение к нуль-упаковке. Да и встретиться хотелось. И с Афиногеном Каранатовичем, и с Иваном, и со Степаном Матвеевичем. Ты-то с ними связь поддерживаешь?

— Редко, Артемий. Редко. Слышал, что Иван надеется както облегчить страдания Степана Матвеевича. Тот ведь так всё и путешествует во времени...

— Знаю. Этим мы с Иваном и займёмся. А ты-то, Фёдор, как в эту комиссию попал?

— Да нет. Я не в комиссии. Я просто. Афиноген Каранатович попросил прийти.

— В поезде ведь только Семён и Валерий Михайлович могли проникать сквозь нуль-упаковку. Неужели и у тебя получилось?

— Нет. Я не пробовал. Но зачем-то Афиногену Каранатовичу понадобился. Верю я, Артемий, в Афиногена Каранатовича. И в его открытие верю. В картины. Ты вот не видел... Я вообще в него верю.

— Ну, поговорили и хватит? — спросил Геннадий Фёдорович.

— Не к спеху, — подал басом Афиноген.

— Нет, нет, давайте, — заторопился я.

— Итак, —тоном конферансье возвестил Мальцев. — Нуль-упаковка!

— Скорее, нуль-прорисовка, —поправил его Афиноген.

— Как! — воскликнул Геннадий Фёдорович. —Уже нуль-прорисовка. А как же с нуль-упаковкой?

— В общем-то, это две разновидности одного и того же явления, — объяснил Афиноген. — И то, и другое в экспериментах не повторяется. В этом вся и беда.

— Вот именно, — сказал один из членов комиссии. — В науке основное для каждого феномена — повторяемость.

— Да, да, — подхватил другой. — Вот и полтора года назад бились, бились с этой нуль-упаковкой, а ничего не нашли, хотя читали потом отчёт о событиях в фирменном поезде «Фомич». Да ведь и в самом поезде эффект сначала был, а потом исчез!

— Ко времени моего прибытия, — подтвердил «академик», — феномен уже не наблюдался.

— Это не физический феномен, — сказал я. — Это психофизический феномен.

— Вроде телепатии, что ли? — не поверил первый член комиссии.

— Про телепатию ничего не могу сказать, — сообщил я.

— Лженаука! — подтвердил Геннадий Фёдорович. — Давайте ближе к делу.

Афиноген, как и вчера, отодвинул в сторону мольберт с холстом, не тронутым кистью. Все подошли поближе, стараясь, правда, не загораживать при этом свет. В стене сарая находилась дверь. Дверь как дверь. Коричневая, с косяками и стандартной ручкой. И даже номер был прибит: 137. Ничем не примечательная дверь, кроме одного: в дощатой стене этого сарая она была неуместна. Все молча смотрели на дверь, не прикасаясь к ней руками.

— Войти в неё надо, — сказал наконец Афиноген.

— Если надо — войдём, — пообещал Геннадий Фёдорович и взялся за ручку двери.

Но только никакой ручки двери здесь не было! Рука его схватила пустоту.

— Что такое? — удивился Геннадий Фёдорович. — Голографическое изображение?

— Нарисовано, нарисовано это, — отчего-то волнуясь, сказал я. — Вы ещё не видели картин Афиногена Каранатовича.

— Ну и что, что не видели? — сказал один из членов комиссии. — Картину от настоящей двери я ещё могу отличить. — Он тоже попытался открыть дверь.

И все другие по очереди провели опыт. Когда у всех не получилось, Афиноген взял дверь за косяки, легко оторвал её от стены и развернул боком. Это действительно оказалось картиной, нарисованной в натуральную величину на холсте.

— Искусство, — сказал Мальцев.

— Да, несомненно. Но мы ведь здесь не ради искусства. У нас совсем другие задачи, — напомнил Геннадий Фёдорович.

Афиноген снова поставил картину таким образом, что она стала обычной дверью, и сказал:

— А вот Фёдор Михайлович войдёт.

— Федя! — испугался Артём. — Ведь она сработана... э-э... нарисована...

— Я сейчас объясню,— начал Афиноген. —За этой дверью расположена жилплощадь для писателя-фантаста Фёдора Михайловича Приклонова. Комната для его тёщи, дочери, спальня-кабинет...

— Зал для приёмов, — иронически вставил «академик».

— Нет, зала нет. Кухня и прочее. Я хочу, чтобы Фёдор Михайлович наконец получил возможность работать нормально. Может, ему и подарят настоящую квартиру, да только когда это будет, а ему уже сорок два года. Быстро время бежит.

— И вы хотите убедить меня, что это не бред? — спросил «академик».

— Это не бред, — ответил я за Афиногена. Я ничего не знал про нуль-прорисовку до этого момента, но я верил Афиногену. — Это не бред. Это фантазия. Я и сам не понимаю, в чём здесь дело, но это есть, есть!

— Есть, Фёдор Михайлович, — подтвердил Афиноген.

А я вспомнил весь тот ад, который представляла моя теперешняя квартира, тихий, без ссор и ругани, тесный, тоскливый, невыносимый. Себя, живущего уже на пределе; жену, махнувшую на всё рукой и не верящую ни в какие изменения к лучшему; дочь, которой молодость и свои особые заботы

позволяли ещё радоваться жизни и не замечать тесноту; тёщу, семидесятилетнюю старуху, больную, уставшую, которая даже не представляла, что можно жить в отдельной, тихой, не проходной комнате. Вспомнил я и все эпопеи получения квартир, последний разговор с Главным распорядителем абсолютными фондами... И мне так захотелось уйти в другой мир, благожелательный, уютный, красивый, просторный... так захотелось, что я, сам того не замечая, протянул вперёд руку, ощутил твёрдость железной ручки, потянул её на себя. Дверь заскрипела, но не очень, чуть-чуть, самую малость, и я перешагнул порог.

Большая квадратная прихожая. Направо — кухня. Я открыл уже настоящую дверь. Кухня была раза в два больше, чем в моей квартире. Здесь стояла электрическая плита, в углу от пола до самого потолка — встроенный шкаф для посуды. Я покачал головой и вышел в прихожую. Прямо вела стеклянная дверь в большую комнату площадью метров двадцать, с большим окном и лоджией. Налево из прихожей и чуть назад — комната метров шестнадцать, рядом ещё одна — метров десять квадратных. Дальше из прихожей шёл коридорчик с тремя встроенными шкафами и антресолью. Санузел и рядом маленькая комнатка метров в шесть квадратных. Это и был мой кабинет. Здесь уже стоял полуразвалившийся секретер с рукописями и книгами, надстроенный до самого потолка. Тяжёлый стул. И больше ничего. Я сел на стул и ласково начал трогать свои папки, не развязывая их. Я и так очень хорошо знал, что в них было.

Я чувствовал, что какая-то бессмысленная улыбка появилась на моём лице. Так я просидел минут двадцать. Потом я встал и направился к выходу. Квартирка была та. Та самая.

— Есть! — услышал я, выходя из нарисованной двери.

— Ну? — нетерпеливо спросил Мальцев.

Афиноген смотрел куда-то вбок.

— Спасибо, Афиноген Каранатович, — тихо поблагодарил я. — Спасибо.

— Да что там... Пиши на здоровье.

— Рассказывайте! — навалились на меня со всех сторон.

— Да что рассказывать? Квартира там, четырёхкомнатная, с улучшенной планировкой, серии «восемьдесят пять».

— План, планчик, пожалуйста.

— Что видно из окон?

— Время года? Время года — тоже зима?

— А водопровод? Вода есть? Как с электричеством? Откуда там могут взяться вода и электричество?

— Геннадий Фёдорович, помните, у меня был случай с квартирой? — спросил Мальцев.

— Что за случай? — поинтересовался «академик».

— Товарищи! Там всё было ясно, — сказал Геннадий Фёдорович. — Ошибочка в официальном документе, в ордере то есть. Квартира площадью тридцать семь кубических метров. А в объёме, как известно, бесконечное число плоскостей. Вот Артемий н получил квартиру с бесконечным числом комнат и кухонь. Хорошо хоть балкон не входил в указанную площадь. Через него семью Мальцевых и спасли. Ошибку в ордере, естественно, исправили... Но мы-то сейчас исследуем феномен нуль-упаковки!

— Нуль-прорисовки, — поправил его Афиноген.

Так... Рассказ мой про квартиру скончался, не успев родиться... Но это не беда... Напишу другой.

— Товарищи! Вернёмся к нуль-прорисовке. Фёдор Михайлович...

Я долго чертил план квартиры, рассказывал, что там видно из окон, из чего сделан пол, вспоминал цвет обоев и ещё многое другое.

Комиссия работала. Кое-что я не запомнил. На что-то не обратил внимания. И меня попросили повторить вхождение в нарисованную дверь.

Я исполнил просьбу, но без всякого желания, предварительно собрав все заявки, чтобы не входить в третий раз. Я даже взял с собой фотоаппарат и сделал несколько снимков, которые могли пригодиться комиссии.

— Ну что ж, — заключил работу комиссии Геннадий Фёдорович, — феномен нуль-прорисовки, кажется, действительно имеет место. Хотя работы здесь ещё очень и очень много.

— Поздравляю тебя с новой квартирой, Федя, — сказал Мальцев. — От души рад!

Я не ответил.

Комиссия собрала много материалов, и теперь нужно было хоть немного привести их в систему. Афиноген пригласил всех к себе домой пить чай. Но многоопытные члены комиссии хорошо представляли себе последствия таких чаепитий и отказались. В барак к Афиногену пошли только я и Мальцев. Мальцев был радостно возбуждён встречей. Хозяин достал к чаю законную бутылку водки. Сидели, вспоминали и сам фирменный поезд, и его пассажиров. Даже пытались строить предположения, почему в нём всё так произошло... Ведь тайна фирменного поезда до сих пор не была разгадана. Напротив, объяснений становилось всё больше и больше. Афиноген был настроен как-то чинно-благородно, пил мало, так что в конце концов жена его даже забеспокоилась.

По моей просьбе квартирного вопроса в этот вечер не касались.

Но вот настало время расходиться. Афиноген и я проводили Артемия до остановки и усадили в автобус. Уехал Мальцев.

— Ну? — сказал Афиноген.

— Что — ну?

— Я ведь тебе дарю ту дверь, Фёдор Михайлович.

— Спасибо, Афиноген Каранатович. Спасибо за доброту.

— Да что там! Нарисовать недолго. В тебе всё дело. Тебе спасибо, что помог старику.

Афиноген вынес из сарая полотно, натянутое на деревянную раму.

— Помочь? Или сам донесёшь?

— Да в ней и весу-то никакого. Конечно, донесу сам.

— Ну, живи себе на здоровье, Фёдор Михайлович. Твори. Пиши. Читать будем.

— А сам-то ты? Почему себе не нарисовал дверцу? Тоже ведь не хоромы.

— Да зачем нам со старухой? Колька вон подрос. Доктор наук. В Старотайгинске окопался. Средний школу кончает. В морфлот собрался. А младшенькая с нами проживёт. Сарай же у меня — сам знаешь какой!

— Картину я возьму, Афиноген Каранатович. А вот жить там не стану.

— Это почему же?

— Хоть я и фантаст, а от реального мира не отрываюсь. И в вымышленном, созданном своим воображением мире жить не хочу.

— Тогда хоть писать уединяйся.

— А вдруг воображение больное? Афиноген Каранатович, мне ведь и так хорошо. Жена у меня, дочь, ты вот, Артемий... Друзей у меня много. А ты не расстраивайся. Я тебе, Афиноген Каранатович, очень благодарен. Ты для меня больше, чем эту квартиру, сделал.

— Эх, Федя... — Афиноген сгрёб меня в охапку. — Упрямец ты. А нравишься. Ну, упрямец! Таким и оставайся.

14

Я приволок картину домой.

Пелагея Матвеевна смотрела телевизор и иногда оглушительно всхрапывала, вздрагивала и тут же задавала вопрос:

— Это ведь который женился, Оля?

— Да нет, бабушка! Тот уже в городе живёт. А этот только что сюда приехал.

— Ну... Я же вижу, что тот.

Ольга дёргала плечами.

Валентина сидела в ногах у матери и тоже смотрела отсутствующим взглядом в экран.

— И куда ты этот шедевр ставить будешь? — спросила она.

— А к стене за свою кровать.

— Ты, папаня, сначала посмотри, что возле твоей кровати делается...

— Что там может делаться?

— Секретер твой исчез... А в нём ведь твои рукописи.

— Да вы что?! — мгновенно озверел я и бросился в маленькую комнату. Секретера в ней действительно не было. — Фу! — Так же внезапно успокоился я. — Фу! Это же всё Афиноген Каранатович. Это он для комиссии. Сейчас внесём.

— А что комиссия-то? — спросила Валентина.

— А комиссия признала, что что-то такое Афиноген Каранатович всё же открыл, изобрёл.

— Фенька изобрёл?! — не поверила Пелагея Матвеевна. — Смотри-ка ты...

Я оттащил кровать в сторону и поставил её торчком.

— Фокусы буду показывать, — сказал я, прислонил картину к стене, взялся за ручку и... начал работу. Книги, папки, тетради, стул. С секретером пришлось, конечно, покорячиться. При каждом резком движении, при чуть заметном усилии пронзительная боль впивалась в рёбра. Но через полчаса мой угол принял полагающийся ему вид. Кроватью я прижал картину к стене, чтобы не падала.

— Это твои или Афиногеновы фантазии? — поинтересовалась жена.

— Афиногена Каранатовича.

— Тебе до такого в жизни не додуматься.

— Правда, Валентина, правда. Не додуматься.

— Только пусть он в своей квартире фокусы показывает. Пол теперь мыть надо.

— Вымоем...

Я вспотел после перетаскивания своего барахла, снял повязку со лба.

— Господи! — сказала Валентина. — Ну на кого ты похож! Весь избит, волосы торчком. Бродяга подзаборный... — И добавила уже на кухне: — Вот горе-то моё... О-хо-хо...

— Нормально, папаня, — сказала дочь. — Вид у тебя почти что геройский.

Пелагея Матвеевна спала сидя.

А я ночью снова долго не мог уснуть. Храпела тёща. В голову лезли всякие мысли. Хотелось, ох как хотелось отодвинуть

кровать и войти в тихую нарисованную квартиру. Но что-то удерживало меня. Будущее, что ли?

Я встал и начал писать рассказ, но уже не про квартиру и не про путешественника во времени. Этот этап в моей жизни кончился. Я и так потерял много времени. Подумать только, за четыре месяца не написать ни одной путёвой строчки!

Всё, всё, всё! Теперь всё. Работать надо. Через открытую форточку слышался скрип отдираемых досок. Это предприимчивые жильцы растаскивали забор, который отделял наш дом от стройки. От стройки! Как же... Неужели всё зря? Но... но ведь сломанное ребро болело, а вспухший глаз ничего не видел...

Ладно! Будем работать.

1977 г.

Газетный киоск

1.

В двадцати шагах от себя ничего нельзя было разобрать, такой стоял туман. Только электрические лампочки да подслеповатые фары автомобилей тускло высвечивали размытыми жёлтыми пятнами. Полста градусов ниже нуля! Редкий скрип шагов да пронзительные гудки машин, и холод, холод... И в Усть-Манске, и в его пригородах, и на тысячи километров вокруг.

Я бежал из гостиницы в клуб электромеханического завода, где в двенадцать часов открывалась конференция. Меня никто не обгонял, потому что я бежал быстро, потому что я был в лёгких ботинках и осеннем пальто, потому что пар от моего дыхания мгновенно замерзал на моём лице, а нос совершенно онемел и хотелось сунуть его под мышку. И ещё мне хотелось, чтобы мороз стал не таким злым, чтобы я смог посмотреть на свой Усть-Манск, побродить по его новым кварталам, зайти к кому-нибудь из старых друзей в гости, а потом, как когда-то давным-давно, пойти в городской парк, покататься там с горок, потерять шапку и найти её набитую снегом, и смеяться, и хохотать, и играть в снежки, и дурачиться. Мне хотелось всего... Потому что я уже девять лет не был в Усть-Манске, а до этого прожил в нём двадцать лет.

У меня в запасе было ещё полтора часа. Я хотел прибежать первым и согреться. А потом стоять и смотреть, как замёрзшие в ледышку люди вместе с клубами пара вваливаются в фойе, стучат ногами и растирают друг другу щёки.

— Никогда в этом киоске не купишь свежую газету, — раздражённо сказал кто-то закутанный с ног до головы и чуть не сбил меня с ног. — Извините.

Я отскочил в сторону и увидел перед собой газетный киоск из стекла и пластмассы в кружевах искрящегося инея. Он весь светился изнутри и был похож на сказку. Вот только как там сидит старушка, продающая газеты? Предположим, что внутри на десять градусов теплее. Всё равно минус сорок. Бр-р! Как только она там сидит? Может быть, замёрзла уже?

Я решил купить газету, чтобы не терять зря времени на некоторых докладах. На мой судорожный стук окошечко киоска тотчас же открылось.

— Бабуся! — крикнул я. — Пять сегодняшних газет. Одну местную.

— Я не бабуся. Я Катя-Катюша, — ответил мне девичий голосок.

— Катя-Катюша? Отлично, Катя-Катюша! Так как насчёт газет, Катя-Катюша? — Слово «Катюша» губы выговаривали с трудом, но я нарочно несколько раз повторил его.

— У меня не бывает сегодняшних газет.

— Это я уже слышал. Но только зачем мне вчерашние? Я их уже читал.

— И вчерашних не бывает.

— Для чего же вы тут сидите?

— Я продаю только завтрашние газеты, — ответила девушка, и в окошечке показалось её лицо в тёплой вязаной шапочке. — Господи! Да вы же щёки поморозили! Оттирать нужно! Вам далеко?

— До клуба электромеханического...

— Не успеете. — И, чуть помедлив: — Заходите ко мне. Здесь тепло.

— А можно?

— Заходите. Чего уж...

Я дёрнул дверцу киоска, но, наверное, слабо, потому что она не открылась, и запрыгал, хлопая себя по щекам, локтям и коленям. А пальцы ног-то уже ничего не чувствовали.

— Сильнее! — крикнула девушка.

Я дёрнул изо всех сил, протиснулся вместе с клубами мгновенно образовавшегося пара внутрь киоска — там и на одного-то человека места было мало — и остановился в нерешительности, изогнувшись, как вопросительный знак.

— Садитесь, — девушка указала на кипу газет.

Я сел, и сразу же подвинул ноги к двум электрическим батареям.

Внутри киоска было светло, тепло и сухо. И ещё — очень чисто и уютно.

— Щёки почернеют, девушки любить не будут, — сказала она и засмеялась. — Оттирайте.

Я стянул зубами перчатки и попытался распрямить пальцы. Ничего у меня не вышло.

— Плохо ваше дело, — сказала девушка, сняла варежки и тёплыми ладонями осторожно прикоснулась к моим щекам. Я не возражал. Она спросила: — Вы приезжий, или из тех пижонов, которые специально не носят зимнюю одежду, а потом годами лежат в больницах?

— Я приезжий, Катя-Катюша. Я бегу из гостиницы на конференцию... По распространению радиоволн.

— А-а... Я уже читала в газете. — Она ещё несколько раз провела своими тёплыми ладонями по моим щекам. — Теперь отойдут.

— Спасибо, Катя. Давайте знакомиться. — Я протянул ей свою ещё не совсем отогревшуюся пятерню. — Дмитрий Егоров.

Она тоже протянула свою руку и при этом почему-то весело рассмеялась. Не выдержал и я.

— Так это, значит, вас раскритиковали на конференции?

До меня не сразу дошёл смысл сказанных ею слов.

— А я ещё думала, какую газету оставить. Но только везде одно и то же. Так, значит, вы и есть Дмитрий Егоров, беспочвенный фантазёр?

— Катя, я не беспочвенный фантазёр. Я, напротив, почвенный. Вы представляете, как проникают радиоволны в почву?

Она отрицательно покачала головой.

— Ну тогда скажу короче. Я ищу полезные ископаемые и воду с помощью проникающих в почву радиоволн. Без буровых вышек и проб грунта. Но только никаких фантазий здесь нет. Интересно? — спросил я.

— Интересно, — ответила она. — Расскажите. Всё равно ведь конференция начнётся в двенадцать.

Я рассказал ей, как нынешним летом наша экспедиция работала в Васюганских болотах на севере Томской области, как нас ела мошка и комары, как барахлила аппаратура и ребята становились злыми и замкнутыми, а Гошка, наш руководитель, начинал орать песни. Ему предлагали заткнуться, катиться подальше, показывали кулаки, а он всё пел, выплёвывая из горла везде проникающий гнус, и называл нас «манной кашей». Но «манной кашей» нас не проймёшь. А вот песнопений его никто вынести не мог. Кто-нибудь, всхлипывая, начинал хохотать, а потом не выдерживали и остальные. И все хохотали, хватаясь за животы.

— Спеть ещё? — говорил Гошка, и добавлял: — То-то же, «манная каша».

Комары всё так же ели нас, а аппаратура не работала, но в нас появлялась злость на самих себя, на свою беспомощность. И мы уже не хотели быть «манной кашей» и не вылезали из тайги, хотя нас отзывали три раза. Только наша аппаратура так и не заработала как следует. Это, в общем-то, мало кого удивило. Есть электро-, магнито-, радиационная и гравиразведка. Но мы-то хотели совсем другого. Мы хотели видеть сквозь землю, как через прозрачное стекло. Экспедиция провалилась.

— И всё равно интересно, — закончил я. — И нужно...

Мне показалось, что в её глазах промелькнула мгновенная зависть. Ведь, в конечном итоге, я что-то делал, к чему-

то стремился, падал и вставал, и шёл дальше. А она, наверное, какой год сидит в этом маленьком киоске, продаёт газеты и открытки, отсчитывает сдачу, видя только протянутые в окошечко человеческие руки, и даже не пытается что-нибудь изменить в своей судьбе. Я расправил плечи и предложил:

— Катя-Катюша, поедем с нами в экспедицию?

— Поварихой? — вполне серьёзно спросила она.

— Почему именно поварихой? — смутился я.

— А кем же ещё?

— Ну, например...

— Хорошо, я согласна, — сказала она.

— Правда?

— Правда. Всё равно вы меня не возьмёте. Вы шутите. А притом, продавать газеты тоже интересно.

— Куда уж интереснее, — с сарказмом, как мне самому казалось, сказал я. — Так и просидите здесь всю жизнь.

Она не обиделась, сверкнула на меня своими большими глазами, в которых уже не было зависти, а были только смех и ирония.

— М-да, — сказал я.

Я уже окончательно согрелся, но уходить не хотелось. За всё это время никто ни разу не стукнул в окошечко. Наверное, в такой мороз никому не хотелось покупать газеты.

Я украдкой посмотрел на Катю. Она была небольшого роста, с чёрными, выбивающимися из-под шапочки волосами. И глаза у неё были чёрные, а щёки немного припухлые, как будто она их слегка раздувала. На ногах у неё были кожаные сапожки на высоких каблучках, а в углу, за столом, я заметил валенки. Лёгонькое зимнее пальто с небольшим воротником было расстёгнуто до половины, и из под него выбивался голубой пушистый шарф.

— И теперь вы снова ринулись в бой? — смеясь, спросила Катя. — Хотите доказать, что вы были правы?

— Хочу, — ответил я.

— Ничего у вас не выйдет. И снова вас назовут беспочвенным фантазёром.

— Ах, Катя-Катюша, — сказал я огорчённо. — Вы-то зачем это говорите? Ведь вы этого не можете знать наверняка. Ещё неизвестно, кто...

Я не договорил, потому что она вдруг сунула мне в руки газету и сказала:

— Читайте.

Я мельком пробежал по первой странице. Ничего особенного. Всё как и должно было быть. Лесные богатыри, доярки, почины, соревнования.

— На третьей странице, — подсказала Катя.

Я развернул газету и прочитал: «В Усть-Манске проходит всесоюзная конференция по распространению радиоволн».

Катя тихонечко хихикнула в рукав. Наверное, на моём лице слишком явно было написано удивление. «24 декабря в 12 часов дня в Доме культуры электромеханического завода открылась всесоюзная...»

— Какое сегодня число? — хрипло спросил я, с ужасом думая, где я мог потерять целый день.

— Двадцать четвёртое, — ответила Катя совершенно серьёзно.

— Тогда почему об открытии говорят в прошедшем времени? Ведь она откроется только через час!

— Так ведь это завтрашняя газета.

Я перевернул лист. Газета «Красное знамя», 25 декабря.

— Ничего не понимаю... Какое же сегодня число?

— Двадцать четвёртое. Какое же ещё!

— Ну вот что, Катя. Вы меня простите. У меня что-то с головой. Переохладился, наверное.

— Вы не переохладились, и голова у вас в порядке. Это завтрашняя газета! Я всегда продаю завтрашние. Только их плохо берут. Все требуют сегодняшних. А сегодняшних ко мне не завозят.

— Этого не может быть!

Но ведь статья-то была написана про нашу конференцию. И мой доклад был назван прожектёрским.

— Странно, — сказал я. — Теперь я знаю, что со мной будет в ближайшие часы. А если я захочу всё сделать не так, как здесь написано? Возьму и не пойду на конференцию?

— Ничего не выйдет, — сказала Катя. — У вас нет причин для этого. Ведь это не только ваш доклад?

— Да, действительно. — Я на мгновение представил себе взбешённую физиономию Гошки и вздрогнул. — Похоже, что ничего не изменишь. Разве что в мелких деталях, которые всё равно в газете отсутствуют. Ловко это у вас получается, Катя. Продавать завтрашние газеты — это не то что сегодняшние. Это интересно.

— Значит, не возьмёте в экспедицию? — спросила она насмешливо.

— Вот что, Катя, — сказал я, не отвечая на её вопрос. — Когда вы закрываете киоск?

— В восемь.

— Я зайду за вами в половине восьмого. Хорошо?

— Хорошо. Только что мы будем делать? На улицу вас надолго выпускать нельзя. Замёрзнете.

— Что-нибудь придумаем. Я побежал, Катя-Катюша. Я хочу сделать всё, чтобы меня назвали беспочвенным фантазёром. Я хочу этого!

— Счастливо, — кивнула она. — А я хочу вас ждать.

Я как вкопанный остановился в дверях, не зная, что и сказать. Опять она смеётся надо мной!

— Бегите, бегите. Тепло всё вышло. Я буду ждать!

2.

Я выбежал в пятидесятиградусный мороз и, окутанный столбом пара, помчался вверх по проспекту — мимо университетского общежития, мимо фигуры Кирова, стоящего с поднятой рукой, мимо корпусов политехнического.

В просторном, но аляповатом фойе Дворца культуры с канделябрами, люстрами и кожаными диванами было уже полно народу. Я сдал своё чисто символическое пальто в гардероб, взбежал на второй этаж и оттуда, с балкона, уставился вниз, надеясь отыскать в толпе знакомое лицо.

Мне повезло, и через десять минут я уже разговаривал со своим бывшим однокурсником. И начались вопросы: где? когда? женат? дети? сколько? диссертация? Семёна Фёдорова? Как же, помню. Морозина? У нас тут нынче всё время морозина.

Из знакомых я больше никого не встретил, а мой однокурсник вскоре оставил меня. Он был одним из организаторов конференции, и я понимал его. Хлопотливое всё-таки хозяйство эти конференции.

Ровно в двенадцать зазвенел звонок председателя. С вступительным словом выступил знаменитый академик. Потом объявили распорядок работы секций и подсекций, комитетов и комиссий. Конференция начала свою работу.

Я не взял в Катином киоске газету. Почему — сам не знаю. Наверное, растерялся, заторопился. И теперь приходилось слушать длинные обзорные доклады.

В перерыве все бросились в буфет пить пиво и жевать бутерброды.

А потом началась работа секций, и в нашей секции, к моему удивлению, оказалось человек сорок. А я-то думал, что все радиофизики ринулись в исследование ионосферы, плазмы и прочего, что ближе к космонавтике.

Половина докладов была из тех, которые нужны будущим кандидатам, чтобы набрать шесть печатных работ. Ведь любой доклад, даже самый захудалый, засчитывается как печат-

ная работа. И сами докладчики пытались отбарабанить их побыстрее, облегчённо вздохнуть и скромно сесть на место. Вопросов и выступлений по таким докладам обычно не бывает.

Потом начались доклады посерьёзнее. Некоторые были просто блеск. А уже в шестом часу выступил и я. Я говорил сдержанно и уверенно, и меня слушали не перебивая. Мне даже показалось, что не будет завтрашней статьи о «беспочвенном фантазёре». Вопросы задавались самые простенькие, и я уже надеялся выйти отсюда живым, но это была только лёгкая разведка. И через полчаса от моего доклада не осталось камня на камне. Причём особенно старались «зубры» из Усть-Манского политехнического института. Как назло, в комнату вошёл корреспондент и несколько раз сверкнул фотовспышкой.

А я почему-то не был особенно расстроен. Конечно, от Гошки мне достанется. И денег на летнюю экспедицию дадут в три раза меньше, чем необходимо. Но я сделал всё, что мог. Я старался изменить корреспонденцию в завтрашней газете. Старался изо всех сил. Ничего не вышло. И теперь я знал, что в газете всё будет так, как я уже читал. Значит, девушка из стеклянного киоска действительно продаёт завтрашние газеты!

3.

Я зашёл за ней без двадцати восемь. Раньше не мог освободиться. Двадцати минут до закрытия киоска мне хватило, чтобы немного согреться.

— Ну и как? — спросила Катя, а глаза у неё лукаво смеялись.

— Всё правильно, — ответил я. — Доклад прожектёрский. Странно только это всё. Откуда же тебе привозят завтрашние газеты?

— Из типографии, — сказала она.

— И все в Усть-Манске так спокойно относятся к тому, что ты продаёшь завтрашние газеты?

Мне показалось, что она погрустнела.

— Да ведь мало кто знает, что это завтрашняя газета. Для всех она сегодняшняя.

— Постой, постой. Значит, для тебя эта газета завтрашняя, а для всех других — обыкновенная сегодняшняя?

— И для тебя она завтрашняя, — сказала Катя.

— И для меня. Хорошо. А для других?

— А для других она сегодняшняя.

— А часто встречаются люди, для которых она завтрашняя?

— Не очень.

— Ну а всё же?

— Ты первый, — она улыбнулась и сморщила носик. — Я сразу подумала, что ты увидишь её.

Пора было закрывать киоск. Катя переобулась в валенки, потушила свет и закрыла киоск. Нам повезло, и через минуту мы остановили такси. Гулять по улице в такой мороз было невозможно, особенно для меня. Я пригласил её к своему институтскому товарищу, и она согласилась.

Мой товарищ жил в двухкомнатной квартире. Его жена только что пришла с работы, и сразу же начала жарить картошку. Трое ребятишек, от шести до девяти лет, затеяли с нами беседу о Томе Сойере...

Часов в одиннадцать мы ушли. Я проводил Катю до общежития и даже зашёл в коридор. Мы проговорили ещё с час, но я уже не приглашал её с собой в экспедицию. И я сам бы с радостью согласился продавать завтрашние газеты.

Мне всегда всё хотелось узнать до конца, и я спросил Катю:

— Ну а какой же всё-таки смысл в этих завтрашних газетах, если этого никто не знает?

— Я-то знаю, — ответила она.

— Но ты всё равно ничего не можешь сделать!

— Как знать, — ответила она мне загадочно. — Завтрашние газеты приходят разные. Не во всём, конечно. В мелочах. Погода чуть теплее или чуть холоднее. Чья-нибудь болезнь или выздоровление, чья-нибудь радость или грусть. Газеты приходят немного разные, а я выбираю какую-нибудь одну. И уж это-то и есть настоящая газета.

Она резко наклонила мою голову, поцеловала в губы и убежала, крикнув:

— Завтра в девять!

А я остался стоять, растерянный и счастливый.

4.

Утром я встал часов в семь. Сосед по комнате ещё спал, и его виртуозный храп разносился, наверное, по всей вселенной. Он не давал спать мне всю ночь, но и сейчас, в бодрствующем состоянии, выслушивать его рулады у меня не было сил. Я оделся и пошёл в буфет съесть горячую сардельку. Потом вернулся в комнату, взял портфель, пальто и вышел в фойе. Находиться в комнате я по-прежнему не мог. В фойе я про-

сидел, наверное, с час. Я должен был зайти к Кате в киоск в девять часов, а было ещё только восемь.

В полдевятого я не выдержал и очертя голову ринулся в морозное утро. На улице было ничуть не теплее вчерашнего, и, наученный горьким опытом, я теперь передвигался по улицам только бегом.

Газетный киоск, как и вчера, блестел, словно усыпанный алмазами. Я постучал в окошечко и вместо приветствия крикнул:

— Катя-Катюша, я замерзаю!

Она мне ничего не ответила, скомканная газета зашуршала внутри киоска, я дёрнул ручку двери и ввалился внутрь киоска.

Катя сидела, повернувшись ко мне и прижимая к груди кипу пахнущих типографской краской газет.

— Я вовремя? Я не опоздал?

— Не знаю, может быть, — сказала она еле слышно.

Это меня несколько удивило и озадачило. Она была чем-то расстроена и словно не хотела со мной разговаривать. Я спросил:

— Что-нибудь случилось?

— Случилось, — сказала она. — Мне нужно уйти.

Я ничего не понимал.

— Прости меня, Дмитрий. В десять часов загорелся... загорится детдом на улице Вершинина. Я должна предупредить.

Я мельком взглянул на часы. Времени было ещё больше часа. А до улицы Вершинина, где расположен детдом, я знал, было минут десять ходу.

— Здесь есть где-нибудь телефон поблизости? Надо просто позвонить им.

— Телефон есть в Институте радиоэлектроники. Но по телефону могут не поверить. Надо идти.

— Мы успеем ещё, — сказал я. — Давно ты это прочла?

— Только что, когда ты стукнул в окошечко.

— Бежим, — сказал я.

— Не ходи со мной. Я должна одна.

— Ерунда. Подробности известны?

— Известны, — ответила она, но как-то через силу, словно не хотела отвечать, словно говорила неправду.

— Дети все целы?

— Все... один чуть не сгорел.

Я выскочил из киоска, за мной вышла Катя, закрыла киоск на замок и сунула ключ мне в карман. Я был немного взвинчен и не так остро чувствовал мороз, как пять минут назад.

Она схватила меня за руку, и мы побежали. Первые метров сто мы молчали, потом она повернула голову и испытующе

посмотрела на меня. Я попытался улыбнуться, но губы всё-таки успели уже замёрзнуть.

— Я бы поехала с тобой поварихой, — сказала она.

— Так поедем! Решайся! — Слова мои были бодрые, но вслух получилось что-то отнюдь не героическое.

— Хорошо бы, — ответила она.

— Поедем, — я остановил её на мгновение. — Незачем дожидаться лета. Поедем через три дня, когда кончится конференция?

Она смешно сморщила свой носик, кивнула и снова потащила меня вперёд. Мы побежали по проспекту Кирова. Возле кинотеатра «Октябрь» мы срезали угол и очутились на улице Вершинина, прямо напротив детского дома. Здание было новое, двухэтажное, кирпичное, в окнах горел свет, и ничто не предвещало близкого пожара. Мне даже вдруг показалось, что Катя подшутила надо мной, что она зачем-то проверяла меня. Но она так решительно дёрнула калитку небольшого, не выше метра, заборчика, что у меня пропали всякие сомнения. Калитка тотчас же со скрипом отворилась, но возле парадного нам не повезло. Или звонок не работал, или его никто не слышал. И только когда мы догадались обежать дом, то сообразили, что парадное наверняка завалено всяким хламом и входить нужно с чёрного входа.

Дверь была открыта, а свет — конечно, в целях экономии — выключен. Натыкаясь друг на друга и на ступени, мы добрались до коридора. В нём было светло. Напротив можно было угадать парадную дверь, еле проглядывавшуюся, и то лишь сверху, сквозь груды самых разнообразных предметов. Слева располагалась кухня. Оттуда тянуло приятными запахами. Рядом была комната, что-то вроде столовой, и там уже сидели ребятишки, вихрастые и бритые, с косичками и коротенькими причёсками. Две воспитательницы с подносами ходили вокруг столов. Направо была спальная комната. Что находилось на втором этаже, я, конечно, не знал.

Катя сразу же направилась к двери, где сидели дети, и сказала женщинам, поманив их рукой:

— Можно вас на минутку?

Воспитательницы взглянули на нас недоуменно, и одна из них, поставив поднос на тумбочку, подошла к нам.

— Здравствуйте, — сказала Катя, и пригласила её выйти в коридор.

— Здравствуйте, — ответила женщина и переступила порог.

— Не спрашивайте, откуда я это узнала, — начала Катя. — Я не могу этого объяснить толково... Около десяти часов в этом здании возникнет пожар.

— Ой, — схватилась за грудь женщина.

— Надо одеть детей и договориться с соседними домами, чтобы их приняли.

— Ой, — повторила женщина и позвала вторую: — Мария Павловна!

Дети с интересом поглядывали на эту сцену и уже начинали шуметь и шалить.

— Мария Павловна, пожар у нас, — запричитала женщина.

— Что случилось? — строго спросила Мария Павловна. — Вы кто такие?

— Я продаю газеты, он — инженер. В десять часов у вас будет пожар. Детей надо выводить.

— В такой мороз выводить? — снова строго сказала Мария Павловна.

— Так ведь пожар, — прошептала первая воспитательница.

— Действовать надо, — решился вступить в разговор и я. — У вас тут телефон есть?

— Есть, — ответила Мария Павловна и показала рукой. Телефон оказался за моей спиной.

— Он позвонит в пожарную, а вы одевайте детей. — Катя говорила спокойно и негромко. Она старалась говорить убедительно, чтобы ей поверили.

Первая воспитательница, испуганно ойкая, убежала на второй этаж. Из кухни вышла повариха и присоединилась к нам. С улицы пришёл дворник, закутанный шарфом почти до самого лба, и стукнул о пол деревянной лопатой, которой сегодня на улице делать было совершенно нечего.

Я набрал номер и, когда на другом конце провода ответили, сказал:

— Нужно пожарную машину к детдому на улице Вершинина.

— Давно горит? — деловито осведомились у меня, а невидимому собеседнику крикнули: — Седьмую заводи! Что горит-то? — Это уже относилось ко мне.

— Пока ничего, но в десять часов загорится.

— Снова шутники, — недовольно сказал голос, и трубку повесили.

Я набрал номер второй раз, но разговор мой кончился так же безуспешно. Мне не верили.

Со второго этажа спустились три женщины. Одна из них была заведующей детским домом.

— Противопожарная безопасность у нас в порядке, — сказала она нам. — Вы с проверкой?

Кате снова пришлось объяснять, но заведующая всё же потащила нас к стене и заставила прочесть «Порядок эвакуации

детей в случае пожара». «Порядок» был просто чудесным, и было очень жаль, что он не осуществим в данном здании ни при каких обстоятельствах.

— У вас хоть есть огнетушители? — спросил я, поглядывая на часы. Было уже около десяти.

— Есть, — сказала заведующая. — Были то есть. Они вот тут висели. — Она указала на три более тёмных, чем остальная стена, пятна. — Один сорвался и чуть было не убил Танечку Солнцеву. Пришлось в сарай вынести.

Время шло. Нужно было что-то предпринимать.

— Почему огнетушителей нет на месте?! — рявкнул я.

Заведующая сразу струсила. Кто их знает, может, действительно комиссия с проверкой.

— Аникеич! — крикнула она. — Тащи живо огнетушители!

Дворник рванулся на улицу, тотчас же возвратился, потому что у него не оказалось ключей. Женщины начали нервно разбираться, у кого могут быть ключи. Аникеич нашёл их у себя и снова рванулся на улицу.

— Одевайте детей! — приказала Катя.

Её и послушали, и нет. Детей подняли из-за стола и повели по коридору. Но всё это делалось как-то неуверенно, словно все ждали, что ложную тревогу вот-вот отменят.

Детей было человек пятьдесят. И, как я понял позже, на втором этаже было ещё сто двадцать. Я начал растаскивать свалку у парадного входа. Санки кидал прямо в спальню, бочонки с остатками прокисшей капусты закатывал на кухню. Кто-то пытался мне помогать, но я крикнул, чтобы быстрее одевали детей и сразу же выводили на улицу.

Катя снова позвонила в пожарную команду, и ей, кажется, поверили. Я разгрёб половину свалки, и теперь мне нужно было добраться до двери, чтобы всё остальное выкинуть прямо на улицу. Пошли какие-то грабли, лопаты, старые половики и вёдра с пробитыми днищами.

Повариха загасила плиту водой. Начали выключать электрокамины, но они были подключены в самых неподходящих местах, так что до розеток кое-где нельзя было сразу и дотянуться. Одна из воспитательниц побежала в кинотеатр договариваться, чтобы там приняли детей в фойе. Заведующая всё ещё не верила нам. Что она с нами сделала бы, окажись эти, хотя и неорганизованные, приготовления напрасными!

Отворилась дверь чёрного входа, и в коридор ввалился дворник с двумя огнетушителями в руках. Он несколько раз чихнул, пытаясь что-то сказать. Наконец это у него получилось.

— Горим! — крикнул он, прибавив несколько крепких слов, и ударил огнетушителем об пол. Только толку от этих мёрзлых огнетушителей было мало. А пар, ворвавшийся вместе с дворником в коридор, не рассеивался. Это был не пар. Это был дым. У меня ело в глазах. Дворник бросился помогать мне. И когда парадная была очищена, деревянная перегородка уже горела.

Через двадцать минут приехала пожарная машина. Дети к этому времени были переведены в кинотеатр. Пожарное начальство осталось разбираться в причинах пожара. Воспитательницы ещё не совсем пришли в себя от пережитого. А я летел в машине «Скорой помощи», держа в руке холодную и мокрую Катину ладонь. Катя пыталась удержать падающую деревянную перегородку между двумя комнатами, чтобы успели увести последних детей. Их увели по запасному выходу, металлической лестнице со второго этажа во двор. Их всех увели, а она не успела отскочить, и горящая деревянная перегородка прижала её к полу. За минуту до этого она сунула мне в руки полуодетую девочку и крикнула, чтобы я подошёл с улицы к окну, возможно, через него придётся подавать детей.

На мне даже мелких ожогов не было. А на её лицо мне не разрешили взглянуть, оно было закрыто чем-то белым.

5.

Я сидел в холле клиники, растерянный и разбитый. Они сказали, что сделают всё, что в их силах. Я представлял, в каких случаях говорят такое.

Мне раза три предлагали уйти, потому что я ничем не мог помочь и только раздражал врачей своими вопросами. Когда меня выгоняли в четвёртый раз, а я всё приводил доводы, чтобы остаться, один из молодых врачей вдруг сказал:

— Пусть попытается, если хочет помочь. Завтра об этом объявят в газетах, сегодня вечером передадут по радио, но может быть уже поздно. Вы где живёте?

Я покачал головой:

— Я приезжий.

— Жаль. Значит, у вас здесь нет знакомых?

— Есть, но очень мало.

— Нужно делать пересадку кожи. Нужны добровольцы. Человек пятьдесят. Может быть, больше.

— Я сделаю! — закричал я и выбежал на улицу.

Конференция уже начала свою работу.

У меня хватило соображения не поднимать паники и разыскать своего институтского товарища. Он выслушал меня молча и сказал:

— Подумать только. Вчера она была такая весёлая. — И добавил: — Хорошо, что сказал мне. Всё будет сделано. Вашу же секцию и пошлём первой.

Я вошёл вместе с ним в помещение, где работали радиофизики-почвенники, и сел на первый попавшийся стул. Мой товарищ о чём-то пошептался с председателем секции, и тот, не дождавшись, когда выступающий закончит свой доклад, объявил всем:

— Товарищи! В городе произошёл несчастный случай. Требуется кожа для пересадки. Я думаю, мы сделаем перерыв и все вместе пойдём в клинику. Это недалеко, всего два квартала... Девушка может умереть.

В клинику отдельными группами и через определённые интервалы времени пришла вся конференция.

Около часу дня меня всё-таки впустили в палату, где находилась Катя. Белая подушка, белая простыня поверх тела и моток бинтов вместо лица. Только чёрные кружочки глаз с обожжёнными ресницами, да чуть обозначенные губы. Я присел на табурет рядом с кроватью. Катя смотрела на меня неподвижно, не мигая. А я не знал, что сказать ей сейчас. Все слова застряли у меня в горле. Я бы только погладил её по щеке и волосам, но этого нельзя было делать. Я просто кивнул ей и попытался бодро улыбнуться. Не знаю, что она прочла в моей улыбке, но губы её слегка шевельнулись, и по их движению я понял, что она сказала:

— Щёки почернеют, любить не будешь...

— Буду, буду, — сказал я. — Катя, я увезу тебя из Усть-Манска. А летом мы поедем с тобой в Васюганские болота кормить комаров.

Меня вывели из палаты. Кате снова стало хуже.

— Вы здесь ничем не можете помочь, — сказали мне. — Идите в гостиницу. Зайдите к Кате на работу, сообщите, что случилось. Ну, в общем, делайте что-нибудь, действуйте. Завтра утром можете приходить.

Я вышел на проспект и пошёл по нему вниз.

6.

Я был в состоянии какого-то душевного оцепенения, в голове не было ни одной мысли. Даже мороз не действовал на меня. Так я дошёл до Катиного газетного киоска и вспомнил,

что ключ от него лежит у меня в кармане. Я открыл замок, вошёл внутрь и включил свет. Газета лежала четвёртой страницей кверху. Я сразу нашёл небольшую заметку в отделе происшествий. В ней говорилось, что вчера в десять часов утра из-за плохой электропроводки возник пожар в детдоме по улице Вершинина. При спасении детей погибла Катя Смирнова.

Катя Смирнова. Я даже не знал, что её фамилия Смирнова. Просто Катя-Катюша.

В газете была написана неправда! Ведь она не погибла при спасении детей. Она жива!

Я случайно взглянул на скомканный лист газеты, лежавший рядом, и вспомнил, что, когда утром я заглянул к Кате в киоск, она смяла газету, взглянула на ту, что сейчас лежала передо мной, и только после этого сказала, что будет пожар. Она знала, что с ней произойдёт, и всё же пошла.

Я развернул смятую газету. Она тоже была завтрашняя. Только в ней говорилось, что погиб Дмитрий Егоров.

В висках глухо стучало. Теперь я понял всем своим существом, что она имела в виду, когда говорила, что по утрам выбирает газету. У неё всегда бывает несколько разных экземпляров. И вот сегодня она выбрала свою смерть только потому, что ещё был я. Это я должен был держать падающую горящую стенку, а она отправила меня на улицу с поручением, которое мог выполнить любой другой. Я должен был лежать, придавленный горящими досками.

Я взял из пачки ещё одну газету... Погиб Дмитрий Егоров... Третью... То же самое. Я настойчиво искал нужную мне газету. Должен быть третий вариант. Должен! Кате просто не хватило времени, чтобы найти его. Она так спешила. Она так обрадовалась, что нашла второй, что я останусь жить...

Сегодня я выберу завтрашнюю газету.

И я нашёл этот экземпляр. Он был правильный. Ведь сотни людей сделали всё, чтобы она жила, сотни людей старались, сами не зная того, изменить содержание заметки.

И я решил, что выберу и буду продавать именно эту газету, чтобы все знали, что Катя жива, что она только получила страшные ожоги, но она будет жить, обязательно будет жить. Я буду внушать это всем людям, которые заглянут в киоск.

Но было слишком холодно, и никому не хотелось задерживаться у киоска. Тогда я вышел на тротуар с пачкой газет и начал раздавать их прохожим.

— Прочтите, пожалуйста, про Катю Смирнову! Она будет жить! Прочтите! Катя будет жить! Захотите этого!

Сначала я думал, что на меня будут смотреть как на сумасшедшего. Но ничего подобного не произошло. Прохожие

брали газеты, останавливались, расспрашивали меня, сочувствовали, выражали надежду, что она, конечно, будет жить.

— Вы должны очень желать этого, — говорил я. — Это она, Катя, доставляет вам маленькие и большие радости. Вы не замечаете этого, потому что не знаете, что, не будь её, не было бы и ваших радостей. Это она хочет, чтобы была хорошая погода, и вы едете в лес. И вам приятно и весело. Это она предотвращает катастрофы на улицах. Это она сделала так, что девяносто девчат нашли своих парней. А без неё они могли бы и не встретиться. Правда, она не может выполнить план даже маленького завода или фабрики. Ну не беда. Это могут сделать другие. Читайте газету. Пусть Катя живёт!

— Это же королева Усть-Манска! — сказал кто-то.

Мне поверили, и теперь я знал: Катя будет жить, потому что все хотят этого.

Я зашёл на главпочтамт и отдал ключ от газетного киоска. Потом я забежал на конференцию, и «зубры» из Усть-Манского политехнического сказали, что я буду временно работать в их лабораториях, что в моём фантазёрстве что-то есть, что они уже дали телеграмму в мой институт о продлении моей командировки. Они понимали, что мне сейчас нельзя было уехать из этого города.

Я буду находиться здесь, в Усть-Манске, пока не докажу им, что можно видеть сквозь землю, пока Катя не выздоровеет, пока не начнётся подготовка к экспедиции, пока мы вместе с ней не улетим на Север, в болота, в гнус, дожди и в песни.

Я бежал в клинику. В двадцати шагах от себя ничего нельзя было рассмотреть, такой стоял туман. Полста градусов ниже нуля. Редкий скрип шагов да пронзительные гудки машин и холод, холод... И в Усть-Манске, и в его пригородах, и на тысячи километров вокруг...

Я бежал к Кате, потому что она меня ждала.

Вдохновение

В одном из залов краеведческого музея открылась выставка картин художников-любителей. Событие не такое уж и ординарное для Марграда! К 12 часам дня широкая лестница, ведущая на второй этаж, была запружена людьми.

Внизу, около раздевалки, стоял Юрий Иванович Катков, крепкий мужчина лет сорока пяти. Было заметно, что он немного нервничает, но старается казаться спокойным. Ему было отчего волноваться. Он выставил в зале свою картину, после того, как двадцать пять лет не брал в руки кисть.

Приглашённый из Новосибирска известный художник Самарин перерезал красную ленточку, и люди хлынули в зал, светлый и просторный.

Народу внизу стало меньше, и Юрий Иванович не спеша начал подниматься по лестнице. Войдя в зал, он остановился возле первой же картины и начал внимательно её рассматривать. Два монтажника стояли на перекладинах опоры высоковольтной линии. Их богатырские фигуры, весёлые лица, потоки света, льющиеся на них спереди, создавали атмосферу радости. Им было легко работать. Это чувствовалось в их позах и в выражениях лиц. Лишь бы вовремя подвозили изоляторы и бухты провода. Спасательные пояса не подведут, движения точны, сила в молодых телах, красота вокруг. Эти люди были победителями.

Каткова мало интересовала техника живописи. О какой уж технике говорить или рассуждать, когда столько лет прошло среди станков, машин и гор металла, когда руки огрубели и держат свободнее тяжёлый гаечный ключ, чем лёгкую кисть. Вот и здесь. Отточенная техника мастера не тронула его. Он отметил только общее настроение, которое вызвала у него картина. Это было ощущение победы, но победы лёгкой. Эти парни наверняка не знали, что такое настоящий бой. Им всё давалось легко.

И всё же картина ему понравилась. Но задерживаться возле неё долго не было желания. Достаточно было взглянуть, почувствовать счастье этих парней, а потом сразу идти дальше. Тогда ещё ощущение радости труда, которое хотел передать художник, оставалось.

Катков прошёл мимо унылого, серого пейзажа.

Посетители выставки говорили о цвете и красках, о размерах картин и тщательно проработанной перспективе пейзажей, о подражании Дейнеке, о самобытном развитии Сарьяна, о том, сколько времени тратит художник на свою картину, и

о том, сколько он получит денег, если картину продадут. Одни подолгу останавливались возле каждого полотна, другие чуть ли не бегом осматривали сначала всё и лишь потом задерживались возле наиболее интересного для них.

Девчонки носились стайками, пожилые женщины искали диванчики, чтобы немного отдохнуть. Несколько молодых парней остановились возле портрета знатной доярки и вдруг заговорили об экзаменационной сессии.

Окна были открыты, и в зал врывался шум центральной городской магистрали, слышалась смешная песенка, исполняемая нестройными, тонюсенькими голосами ребятишек из детского сада, шелест тополей.

Комиссия приняла картину без особых возражений, но сейчас Юрий Иванович на мгновение испугался. А что, если её нет здесь? Он ушёл с работы, чтобы осмотреть выставку одному. Потом можно будет прийти всей семьёй.

И вдруг он почувствовал, что следующее полотно — его, хотя самой картины ещё не было видно, так как перед ней собралось много людей.

— Ещё одно направление! — с гневом в голосе сказал красивый высокий мужчина, выдираясь из толпы. — Вы представляете — пустое полотно. А название «Вдохновение».

— Нет, нет, — сказал другой. — Оно не совсем пустое. Там какие-то тени, но нельзя понять, что это такое.

— Куда смотрят устроители выставки?! Так и до сюрреализма можно дойти, и до поп-искусства!

Катков посторонился, пропуская разгневанного мужчину и его спутника, и на мгновение увидел свою картину. Да нет же! Она не пустая! Что имели в виду эти двое?

И вообще возле его картины говорили непонятное, совсем не относящееся к его полотну. Так, во всяком случае, ему показалось. Может, речь идёт о соседних полотнах? Но рядом висели два индустриальных пейзажа.

Катков постоял немного и отошёл к окну.

Он давно хотел написать эту картину. Наверное, тогда же, двадцать восемь лет назад. Но была война. Мать возвращалась домой поздно вечером с провалившимися от усталости глазами. Отец, вернувшийся с фронта без руки, всё ходил по родным и знакомым и пил. Раньше он был резчиком по слоновой кости. А теперь, с одной-то рукой!.. По ночам мать шила рукавицы, стирала бельё и плакала. Только семилетний брат и пятилетняя сестра не знали забот и допоздна носились по улицам. А солнце летом в Якутске почти не заходит.

Война была далеко, за тысячи километров. Но её чувствовали не только по сводкам Совинформбюро. Калеки на улицах. Дети, худые, как прутья. И здесь, за шесть тысяч киломе-

тров от фронта, был госпиталь. Посылки на фронт с тёплыми варежками и бельём... А он, ученик девятого класса, организует бригады по заготовке дров, жердей, погрузке угля...

Он услышал за спиной вежливое покашливание и оглянулся. Перед ним стоял марградский художник Петровский и незнакомый Каткову пожилой человек.

— Самарин, Анатолий Алексеевич, — протянул он руку.

— Катков, Юрий Иванович, — так же официально ответил Катков.

— А скажите-ка, Юрий Иванович, где мы раньше с вами встречались?

— По-моему, нигде, — ответил Катков. — Да. Я уверен. Мы с вами нигде не встречались.

— А вы случайно не работали в студии Броховского в Усть-Манске? Примерно в пятидесятом?

— Нет, нет, я никогда не был профессионалом.

— Странно, откуда же вы знаете, что я там работал и что это именно там со мной произошло?

— Да нет же! Я впервые слышу, что вы там работали. А что там произошло с вами, тем более не знаю.

— Странно, — задумчиво сказал Самарин и смешно задвигал козлиной бородкой.

Художник Петровский всё время стоял молча, но по его лицу было видно, что он хочет что-то сказать. Юрий Иванович кивнул ему, и тот, откашлявшись, спросил:

— Вы ведь знаете, что ваша техника не блестяща?

— Но ведь я только любитель.

— Ну да не в этом дело. Я хотел спросить — где вы откопали сюжет своего полотна?

— Мне его не пришлось откапывать. Он у меня уже двадцать восемь лет. Всё никак не мог собраться. Думал, что уж никогда не напишу.

— Вы сказали: двадцать восемь? Но ведь это было всего пятнадцать лет назад.

Юрий Иванович рассмеялся:

— Да нет же. Это было в сорок третьем, в Кангалассах.

— Невероятно. Я точно знаю, что это было в Ташкенте, в пятьдесят пятом.

— Вы, наверное, говорите о чём-то другом.

— Я говорю о полотне, которое называется «Вдохновение». — Он расстегнул рукав рубашки и закатал его до локтя. — Вот чем мне пришлось заплатить за это вдохновение. — Его рука от локтя до запястья была обезображена шрамом. — Но я не жалею, — улыбнулся Петровский. — За это можно было отдать и жизнь.

— За что за это? — спросил Катков.

— За вдохновение, — ответил Петровский.

— И всё равно я не могу поверить, что вы никогда не были в студии Броховского, — сказал, прощаясь, Самарин. — Простое совпадение здесь невозможно.

Катков ещё с полчаса побродил по залу, подолгу задерживаясь возле некоторых картин. Многое ему нравилось. И только несколько бодряческих, скорее похожих на рекламы, картин вызвали у него недоуменную улыбку. Всё в них было напоказ, неестественно легко и неправдоподобно.

Его всё-таки тянуло к своей картине. И он снова подошёл к ней.

На картине был изображён обрывистый берег с широкими деревянными мостками, по которым несколько ребят цепочкой катили тачки с углем. Возле берега стояла широкая деревянная баржа. В её необъятное нутро они сбрасывали уголь из тачек и возвращались назад на берег.

...Да. Всё было действительно так. Небольшой посёлок Кангалассы в двадцати километрах от Якутска вниз по Лене; горы угля на берегу, чёрные от угольной пыли тела, горячее якутское солнце и проливные дожди, четырнадцать ребят и усталость, усталость, усталость...

Они приехали сюда с гитарой и мандолиной, чтобы по вечерам сидеть у костра и петь. Вначале у них ещё было свободное время, но всё тело так уставало за день, что руки отказывались держать гриф. Поскорее смыть с себя грязь и уголь, поесть, блаженно растянуться в палатке во весь рост, немного поговорить, пошутить над нерасторопным Алёхой Бирюковым, и заснуть. А утром голос Потапыча: «Хлопцы! Уголёк ждёт!». Никто не знал, когда он умудрялся спать. Это был семижильный старик, всюду и всё успевавший делать. Он наращивал деревянные съезды с кучи угля, варил картошку, разжигал костёр, нагружал тачки ведёрной лопатой. И всё время приговаривал: «Уголёк-то ждёт, хлопцы».

А с хлопцами что-то происходило. Раньше они были уверены, что могут всё. Перевыполняли же план на лесозаготовках! Они и на фронт бы пошли, не берут только. И работать могут как черти. Дайте только эту работу!.. А вышло, что не такие уж они железные. И летний зной оказался невыносимым. И баржи — какими-то бездонными. Болели все мускулы, всё тело, не успевавшее втягиваться в монотонный, но бешеный ритм работы. Они грузили по четырнадцать часов в сутки, но Потапычу всё было мало.

Ведь скоро кончится короткое якутское лето, начнутся дожди, холод, пойдёт по Лене шуга. И до следующего лета будут лежать бурты угля, занесённые снегом. А в июле и ночью светло, как днём. Работать можно круглые сутки.

Всё понимали девятиклассники. И никому не приходило в голову возмущаться дряблым картофелем и перловой баландой. Четырнадцать часов с тачкой! Надо так надо. Только исчезли шутки, потух огонёк в глазах, всё делалось через силу, машинально, как во сне.

Потапыч это видел. Каждый раз, когда приезжали новые группы грузчиков, происходило то же самое. Месяц тяжёлых работ доводил их до такого состояния, что они уезжали, едва завидев смену и даже не попрощавшись с ним. Потапыч не обижался. Он хорошо знал человеческую натуру. Знал, что неприятности забудутся, люди «отойдут», и уже по-другому будут смотреть на проведённый в Кангалассах месяц. Но Потапычу от этого было не легче.

Прошло всего две недели, но страшно было представить, что впереди ещё две. Потапыч старался растормошить их хоть чем-нибудь. Он достал где-то ведро селёдки и несколько пар новых брезентовых рукавиц, читал им при свете керосинового фонаря газету, когда они уже проваливались в лихорадочный сон. Только напрасно это было. Всё валилось у ребят из рук.

В конце второй недели произошло событие. Алёха Бирюков не удержал тачку. С берега к барже был порядочный уклон, и тачку неудержимо понесло вниз. Растерявшись, он не выпускал её из рук и бежал рысцой. А тачка катилась всё быстрее и быстрее, и Алёха уже нёсся сломя голову, делая нелепые прыжки и согнувшись в три погибели. Тачка при такой гонке сто раз должна была завалиться набок или перевернуться, но она благополучно влетела на баржу, не снижая скорости, пересекла её по помосту из досок и с шумным всплеском свалилась с противоположного борта. Вместе с ней ушёл под воду и Алёха, так и не разжавший пальцев.

Всё это произошло настолько быстро, что остальные ничего не успели сделать, только кто-то крикнул: «Потапыч! Алёха!». Растерянность прошла, и двое ребят прыгнули в ледяную воду. С откоса, ломая кусты, спрыгнул Потапыч, быстро отвязал лодку и оттолкнул её от берега. Очутившись в воде, Бирюков выпустил тачку из рук, всплыл на поверхность и тут же начал пускать пузыри. Он плохо плавал. Двое других ещё не успели доплыть до него, как Потапыч рывком втянул Алёху в лодку. Затем он помог и тем другим влезть в неё, и через минуту лодка была уже у берега. Всё это он проделал молча. И мимо ребят на берегу прошёл молча, не сказав ни слова. Искупавшиеся побежали сушиться к костру. А потом возле них собрались и все остальные.

Это происшествие как бы оправдывало то, что они бросили работу. Ребята сидели у костра, нехотя отгоняя ветками

мошкару, лишь иногда перебрасываясь случайными фразами, не находя в себе сил даже для того, чтобы радоваться Алёхиному спасению. Устали. Провались оно всё ко всем чертям! И уголь, и баржа, и Потапыч... Только бы вот так сидеть... Только бы сидеть...

Потом кто-то вспомнил о Потапыче. Странное дело, Потапыч исчез. Юрка Катков с трудом поднялся и, пошатываясь, пошёл к палаткам. В одной из них он нашёл Потапыча. Через минуту он вернулся к костру и удивлённо сказал:

— А Потапыч-то плачет...

Сначала никто не шевельнулся, не поверил.

— Он, правда, плачет...

Они медленно побрели к палатке и откинули полог. Потапыч, стоя на коленях, уткнулся лицом в берёзовый чурбан. Плечи его вздрагивали. А парни стояли молча, не зная, что делать. Он, наверное, почувствовал их присутствие и поднял голову. Некрасивое лицо его стало чёрным. Он плакал, но слёз на его лице не было. И от этого он казался ещё страшнее и невозможнее.

— Саньку убили, — хрипло сказал он.

Они догадались, что это известие ещё утром привёз ему сморщенный якут Тургульдинов, который на разбитой телеге доставлял им хлеб из посёлка.

— Саньку, — повторил Потапыч.

Они так никогда и не узнали, кто этот Санька был Потапычу. Сын, брат, друг, а может быть, дочь?

— Картошку я начистил, — вдруг сказал он. — Ешьте... Спите... Сегодня... — Помолчал, потом чуть слышно сказал ещё раз: — Саньку, гады, убили...

Он снова уронил свою кудлатую голову на чурбан. Они задёрнули полог палатки и молча пошли по тропинке к костру. Идущий первым чуть замедлил шаг, поравнявшись с ним, но не остановился и прошёл дальше, к бурту угля. Второй носком разбитого сапога подтолкнул в костёр обгоревшую ветку. Третий только оглянулся на идущих следом. Четвёртый неуверенно шмыгнул носом. Пятый сказал: «Мошка проклятая!» — и зло сплюнул себе под ноги. Шестой... Седьмой... Двенадцатый крикнул: «Тачка есть у шестого бурта!». Это относилось к Алёхе Бирюкову. Ведь его тачка утонула в Лене... Последний оглянулся на палатку. Там, едва не возвышаясь над ней, ухватившись рукой за растяжку, стоял огромный Потапыч...

— Ах, Юрий Иванович! — услышал Катков лукавый голос соседки по этажу. — Вечно-то вы что-то скрываете!

— А-а-а! Галина Львовна! И вы здесь?

— Пришла вот посмотреть на вашу картину. Раньше ведь вы всё отказывались показать. Ну и талант у вас!

— Что вы! Шутите, конечно...

— А я и не предполагала, что вы такой проницательный. Всё-то вы знаете. Кто же вам это рассказал?

— Никто. Я сам видел.

— Ой! — сказала Галина Львовна, женщина лет тридцати, с хорошенькой фигурой и красивым, приятным лицом. — Как же это? И зачем вы меня нарисовали в таком виде? — И она смущённо, едва заметным движением показала на середину картины, где Иван Лесков из последних сил, оскалив свои крупные зубы и обливаясь потом, толкал в гору тачку.

Он был высокий и худой. И у него уже не было сил. Но всё же было ясно, что он выдержит, на четвереньках вкатит проклятую тачку в гору, трясущимися руками наполнит её углем и покатит снова, и упадёт, и снова встанет, и снова упадёт, и крепкое слово с хрипом вырвется из его горла. Но он всё равно докатит тачку до пузатой баржи и вернётся назад, потому что в его глазах вдохновение. Вдохновение смертельной усталости. Ему даже не придёт в голову, как это выглядит со стороны. Дождь, скользкие доски, грязное тело в ссадинах, шершавые рукоятки тачки.

Алёха Бирюков на вид покрепче. Но в семнадцать лет сил ещё так мало. Но и им уже овладело странное вдохновение. Вдохновение, рождённое из злости на самого себя — за своё нелепое падение, за свою слабость, за дрожь в поджилках. Его не утащить с этих скользких досок ни за что на свете. Он не упадёт и будет толкать тачку, пока не исчезнут бурты мокрого угля.

И сам Катков, представивший, как сидит, тупо уставившись в колени, его отец, который уже никогда в жизни не возьмёт в руки творящий резец. Отец, который выпустил из автомата лишь одну длинную очередь, когда их свежая, только что прибывшая из тыла рота поднялась из окопов, и тут же упал, сначала подброшенный вверх вместе с комьями земли и останками своего лучшего друга, и очнулся за сто километров от линии фронта, ещё не зная, что у него нет руки, и снова представляя себе фигурку женщины, вырезанную из слоновой кости, которую он хотел создать ещё до войны, но всё не решался. Боль за него, за поседевшую мать, боль в мускулах, в висках, в душе. И вдохновение, рождённое из этой боли. Не мимолётное, не лёгкое, но осознанное и твёрдое.

Якут Никифор с вдохновением отчаяния в узких чёрных глазах. Второгодник Сапкин с вздувшимися венами на шее и на руках, ещё не знающий, что он больше никогда не увидит своего отца и братьев. Комсорг класса Бакин, получивший похоронную на отца 1 мая, в день своего рождения.

Дождь, противный, мелкий, не летний. Вздувшаяся река. Кургузая баржа. Стекающий вниз скользким глинистым потоком берег. Четырнадцать девятиклассников и один старик. И где-то, чуть заметно, в глазах каждого — еле уловимая радость. Радость, потому что в душе они почти уверены, что выдержат.

Они грузили баржи ещё две недели. И ещё целый месяц. И ещё полмесяца. Им не понадобилось смены. И денег в то время за эти работы не платили. А в последний день, когда по Лене уже шла шуга, Бакин играл на гитаре негнущимися пальцами, и все пели и плясали у костра, и пар шёл из разгорячённых глоток. Потом Потапыч взял у комсорга гитару и запел: «Там, вдали, за рекой...». А они, ошеломлённые, слушали и молчали... Такой у Потапыча был голос...

...Юрий Иванович огляделся. Соседка уже отошла, наверное, обиженная тем, что не дождалась ответа.

Он всё писал так, как было. Он ничего не приукрасил и нигде не сгустил краски. И название картине он придумал правильное. Это было настоящее вдохновение, родившееся из отчаяния и боли, бессилия и усталости, надежды и борьбы. Он уже давно не знал, где эти парни и что с ними. Но в этой картине они всегда были вместе.

Катков заглушил в себе воспоминания, снова возвращаясь к действительности. Все смотрели на его картину как-то странно. И здесь, в зале, и дома, когда он писал её, и в приёмной комиссии, когда он после долгих размышлений принёс её сюда. Говорили мало, а если и говорили, то что-то непонятное, вроде бы и не относящееся к его полотну. Жена как-то сказала: «Почему ты пишешь про меня? Пиши про Кангалассы. Ты же давно хотел». Что он мог ответить на это? Ведь он и так писал про Кангалассы. Значит, жена просто не видела этого. Даже младшая дочь, и та всё время находила в левом углу картины смешного зайчика и смеялась тому, какой он занятный. И сейчас. Смотрят, молчат, удивляются...

Неужели он не смог выразить в своей картине трудное вдохновение, которое тогда охватило их, неужели оно так и осталось в его душе и никого не трогает?

Юрий Иванович посмотрел на часы. Пора было идти на завод. Он медленно прошёл по залу, спустился по широкой мраморной лестнице и вышел на проспект, в зной, в шум, в людскую сутолоку, во встречные взгляды и шелест шагов по асфальту.

Однажды он рассказывал школьникам про Кангалассы. Его внимательно слушали, не перебивая. Глаза десятиклассников загорелись. А потом кто-то сказал: «Время тогда было

другое». Да, время тогда было другое. Это верно. Но всё же, может, время внутри нас? Может, это мы делаем время таким, а не иным?

А Самарин с Петровским спорили, вернувшись к картине Каткова.

— Да, да, да! — говорил Самарин. — Это студия Броховского. Я не вылезал из неё месяцами и никак не мог написать то, что хотел. Я грунтовал написанное за месяц и начинал всё сначала. И в душу уже закрадывался страх, и тоска, и жалость, и злость на себя. Было время, когда я хотел всё это бросить, но пересилил себя. И тогда родилось это незабываемое вдохновение. Катков предельно искренне изобразил тот самый переломный момент. С него всё и началось. Не мог он написать своё полотно, не видя меня в то время. Талант этот Катков.

— Согласен с вами, — ответил Петровский. — И про вдохновение тоже правильно. Но только это написано про меня. Здесь изображён момент, когда отчаяние и страх неизбежного поражения заставили меня собрать всю волю, все силы в кулак, и победить. Это было тоже вдохновение.

— Значит, вы видите на полотне не то, что я? — удивился Самарин.

— Я вижу самый важный момент в своей жизни, — ответил Петровский.

— То же самое вижу и я. Только из своей жизни.

— Это же невозможно! Как ему удалось создать картину, в которой каждый из нас видит своё?

— Мы, наверное, этого никогда не узнаем.

— Счастливый, должно быть, человек этот Катков, — вздохнул Петровский.

А Юрий Иванович шёл по мягкому, в дырочках от каблучков, асфальту. В сорок пять лет уже не особенно расстраиваются от того, что не совершил в жизни ничего значительного, лишь тихая грусть поселяется в сердце.

Катков шёл на работу, к станкам и чертежам, к привычному шуму завода, к его людям и заботам. И снова, как и двадцать восемь лет назад, отступали усталость последних сумасшедших месяцев, сомнения и неуверенность. И снова в его душе появлялось странное вдохновение, и он уже был уверен, что сегодня или завтра найдёт причину, по которой взрываются подземные «кроты», — огромные машины, сконструированные им и ещё десятком инженеров.

Юрий Иванович расстегнул воротничок рубашки и пошёл быстрым шагом мимо расступавшихся в стороны прохожих...

А картина? Ну что ж, он напишет ещё одну. И снова назовёт её «Вдохновение».

Он не знал, что люди увидели в тот день себя на удивительном полотне. Оно заставило их вспомнить, близко ощутить то, что было самым главным в их жизни.

Катков этого не знал. Он шёл быстрым шагом, и его ждала новая работа, новое вдохновение.

Молчание

Мне нужно было увидеть их обоих. Но где? Я этого ещё не знал. Я ходил по городу и ждал, что вот они сейчас появятся передо мной на шумной и огромной площади или на аллее космолётчиков. Но они не появлялись. И тогда я садился на свободную скамью в тени деревьев, доставал сигарету и снова ждал. Иногда мне вроде бы удавалось на мгновение увидеть их. Площадь замолкала, торжественно, чутко, радостно, как при долгожданной встрече, и чуть грустно, как при расставании.

Они стояли на возвышении, видные всем издалека. Два космолётчика, парень и девушка. В сверкающих лёгких и изящных доспехах-скафандрах. Они были молоды, сильны и счастливы. Они уходили в далёкий космос на двух красавцах кораблях. Он должен был вести «Мысль», она — «Нежность». И вот они стояли передо мной и перед тысячами людей, намного возвышаясь над всеми, положив руки на плечи друг другу и широкими взмахами приветствуя всех, кто собрался вокруг. Они были героями. Это чувствовали и они сами, и все другие. Это чувствовал и я, и страшно завидовал им. Они ещё не взошли на борт своих кораблей, но слава уже несла их на своих стремительных крыльях.

Забрала их шлемов были подняты, и даже отсюда, где сидел я, можно было различить их счастливые улыбки. Такими они и запомнились всем. Наверное, это была вершина их счастья. Всеобщая любовь и всеобщее уважение.

Видение исчезло. И люди снова шли по своим делам, и шумела площадь, и нещадно палило июльское солнце, а я вынужден был признавать, что что-то ещё не додумал, не дочувствовал, и начинал искать ошибку, но не находил. Так проходили дни, а у меня всё ещё ничего не получалось, и ничьи советы мне не помогали, потому что я, наверное, закуклился в своих мыслях, и всё внешнее отскакивало от меня, как от стенки горох.

— Ты хоть изучил их биографии? — спрашивал меня Островой, июльский руководитель нашей мастерской. Это руководство выжимало из него все соки, он высох то ли от забот, то ли от жары.

— Изучаю, — отвечал я. — Хотя их биографии знают все.

— Да, каждая минута их жизни была расписана заранее. И всё же...

— Я буду узнавать ещё.

— Узнавай. Но лучше почувствуй хоть одно их мгновение.

— Я уже пытался. Сегодня, например.

— Ну и что?

— Они стояли на площади и приветственно махали всем руками.

— Приветственно, — пробормотал Островой. — Ты так решил? А что за чувства переполняли их?

— Счастье, — ответил я. — Радость, восторг.

Островой грустно покачал своей лысой головой на тонкой шее. И ничего не сказал мне больше. Наверное, говорить со мной было бесполезно. Я не обиделся. Менее всего были нужны мне всякие советы, наставления и подталкивания.

Я снова шёл бродить по паркам, площадям и скверам, и всё думал: почему мне удалось удержать ту картину на площади лишь мгновение? Ведь всё было красиво, празднично, радостно. Нет, ошибка ещё путалась где-то во мне. И просто волевым усилием мне было не поднять её из подсознания.

Я вышел на проспект, по которому они ехали на космодром, когда вокруг стояли тысячные толпы и миллионы роз падали на асфальт перед ними, и все вокруг кричали что-то приветственное, ласковое, радостное, героическое. Все были празднично разнаряжены, и настроение у всех было праздничное.

Остановившись на углу, я попробовал всё это себе представить. И мне удалось. Удалось! Правда, всего лишь на одно мгновение, как и тогда, на площади.

Ну какой я, к чёрту, мыследел! Ведь у меня же ничего не получается! На ближайшей стоянке я вызвал авиетку и полетел на космодром. В нагрудном кармане у меня был каплевидный ультразвуковой пропуск, и поэтому передо мной открывались все двери. Я мог проникать в святая святых этого огромного космодрома. Но сначала я просто побродил по залу ожидания с его парками и милыми уютными барами, с его солнечным прямолинейным пространством и с его уже чуть не земным временем. Люди встречали и провожали друг друга. Стройные табунчики детей смешно шествовали к посадочным площадкам, уже с очевидностью предвкушая себе приключения в песках Марса. Командированные и художники, туристы и неопытные отпускники — все они двигались вокруг меня, точно зная, что им предстоит делать. Одежды модниц причудливо менялись на ходу, обдавая встречных сиянием переливающихся цветов радуги. Изящные роботы-носильщики, мороженщики, доверху наполненные сластями, мороженым и бутылочками с тонизирующими напитками, бесшумно носились по залу, подчиняясь мысленным желаниям людей. Направленные

узкие пучки звуковых колебаний сопровождали любителей музыки.

Я вышел на смотровую площадь, с которой люди уже казались смешными чёрточками. И здесь кое-где сидели провожающие. И тот, кто хотел, видел перед собой лицо или всю фигуру отъезжающего человека и мог с ним говорить, пока люки корабля не закроются наглухо. А сами корабли стройными стрелами пронзали золотисто-голубой воздух космодрома и, казалось, чуть покачивались в струях разогретого воздуха. И время от времени какая-нибудь из этих стрел срывалась с места и стремительно, с лёгким свистом, исчезала в зените, словно растворялась в солнечных лучах. И тогда кто-нибудь из провожающих медленно вставал и шёл к выходу.

Я обратил внимание на лица этих людей. За секунду до старта они были радостны и бодры, а теперь грустны и замкнуты. И тогда я понял, что эта грусть и замкнутость присутствовали на их лицах и во время разговора, только они тщательно, хотя и не нарочно, скрывались.

Меня это заинтересовало, как чуть отдёрнувшийся край завесы какой-то тайны. А впрочем, подумал я, что же тут особенного: люди провожают своих близких, и им грустно. Всё правильно.

Забравшись повыше, где было пусто, я снова представил себе момент их отлёта. Вот они стоят на подъёмниках своих кораблей. А тысячи людей на этой смотровой площади, и ещё десятки и сотни тысяч на ближайших холмах, и ещё миллионы у телевизоров приветственно машут им руками... Фу, чёрт! Далось мне это «приветственно». С этим «приветственно» я не мог удержать картину и на мгновение. Впрочем, эта картина мне и не была нужна. Но в ней всё-таки что-то было, что так неуловимо ускользало от меня, без чего я не смог бы сделать главного.

Люди тогда провожали двух близких... Я сосредоточился... Картина получилась, я удержал её. Но это были не сотни тысяч провожающих. Сначала я видел девушку, стройную, в переливающемся розовыми оттенками платье. Она была очень красива, и она плакала. Она сама не замечала этого. Но почему? Кого ей жалеть? Себя? Этих двух? Я думал снова и снова. И лицо девушки надвинулось на меня, остались лишь два больших, чёрных, широко открытых глаза. И в уголках каждого — слёзы. Я смотрел в эти глаза и начинал что-то чувствовать. Я, кажется, понимал её. Она смотрела на этих двоих, которые любили друг друга. И она любила. Сейчас она была той девушкой, которая улетала на «Нежности». И любовь, и нежность, и горе были в её глазах, в её взгляде, в её слезах. Это провожали её. Пусть на мгновение, но и надолго, навсег-

да. От этого мира, в котором прожиты первые двадцать лет, от этих людей, чувств, улыбок, ласковых взглядов, пустячных разговоров. А что будет там, впереди? Всё время был порыв, страсть, стремление вперёд, в поиск, в неизвестность, и вот теперь на мгновение всё прошлое остаётся здесь и через несколько минут с ужасающей скоростью останется позади.

Всё-таки я приблизился к чему-то.

Я чуть сдвинул картину. Передо мной был парень. Он держал за руку ту девушку, в огромных глазах которой были слёзы. Их руки застыли в каком-то неестественном напряжении, и я боялся, что он сломает хрупкие пальцы девушки... Только ни он, ни она этого не замечали. Я развернул лицо этого парня, так что он теперь смотрел на меня. Да... Конечно... Он провожал самого себя. И лицо у него было смелое, чуть жёсткое, внешне решительное. В нём не было колебаний, только чуть заметное «Прощайте!»... Я сдвинул картину ещё, всё так же крупным планом. Женщина... Она провожает своего ребёнка. И гордость в её лице, и неистребимое желание вернуть всё назад, не прощаться, прижать его к груди и никуда, никуда не отпускать больше, никогда.

Катина сдвигается, вправо, влево, вверх, вниз... Мальчишки с разинутыми от загадочного и таинственного ртами. Это они сейчас уйдут в зенит на «Мысли». Восторг и страх! Старик, женщина, девчонка, мужчина, девушка, и ещё, и ещё... Лица, фигуры, и души, души людей, раскрытые сейчас тем двоим, которые стоят на подъёмниках «Мысли» и «Нежности».

Ну что же, я, кажется, понял, пусть чуть-чуть, тех, кто провожал их. И мысленно создал теперь общую картину. Это удалось с трудом, но всё же удалось. Стыдно стало за «приветственные» взмахи руками. Ну да! Люди, конечно, махали им руками, но каждый по-своему — с радостью, с болью, с нежностью. Одни были со слезами на глазах, как та девушка с огромными чёрными глазами, другие что-то кричали, смеялись, улыбались, смотрели сурово и сдержанно, кто-то подпрыгивал, кто-то бил кулаком по спинам стоящих впереди, кто-то спокойно доедал мороженое или непослушными руками теребил воротничок рубашки.

И невозможно было удержать мыслью эту картину, силы моей и воли было слишком мало. Я бы разорвался на тысячи частей, если бы попробовал продолжать удерживать её своим сознанием. Да это теперь уже и не нужно было мне.

Я понял, что каждый в этой толпе был самим собой и ещё одним из них. Я расслабился, и картина ускользнула. Ну и хорошо! Они меня уже многому научили. Я приблизился к решению своей задачи и устал. Я сидел, откинув голову на спинку кресла, и ни о чём не думал... Стрелы кораблей устремлялись

в зенит, кто-то из людей улетал, оставляя частицу своей души на Земле в тех, кто оставался. И кто-то оставался, отдавая себя космосу, который он, быть может, и никогда не увидит.

Прошёл час. Ну что ж. Надо продолжать работу. Я вызвал картину их кораблей, потом приблизил её к себе и сделал так, что лица двух космолётчиков сблизились. Они улыбались. Потом она украдкой взглянула на него. На моей картине это получилось неудачно. Ведь тогда они стояли на расстоянии ста метров друг от друга. Её взгляд и был направлен туда, к «Мысли», и поэтому прошёл сквозь него. Секунду длилось это, и картина смазалась, растаяла.

Нет, я ещё не понял их. Я ужаснулся. А вдруг никогда и не пойму! Я встал и пошёл вниз, потом долго бродил по службам космодрома. Двери комнат и залов открывались передо мной, но двери душ тех двоих оставались закрытыми.

Много ли я о них знал? Посещение библиотек, встречи с людьми, которые их знали, просмотр кинолент. Всему этому я отдал много времени. Я знал почти каждый час их жизни. Они всегда были на виду. Во всяком случае, начиная со школы космолётчиков и кончая отлётом с Земли.

Я не помню момента, когда они улетели. Мне тогда было всего несколько месяцев. Но, может быть, именно поэтому я и взялся за эту скульптуру, потому что был уверен, что смогу всё увидеть своими глазами, без предубеждения. И всё-таки я сбился. Эти «приветственные» взмахи рук, эта гордость, радость, счастье и даже зависть. Всё это оказалось лишь верхним слоем, позолоченным, и поэтому не глубоким и не главным.

Они учились в одном классе. Потом они поступили в одну школу космолётчиков. И там, на третьем году обучения, им предложили полёт в Дальний Космос. Они были абсолютно психологически совместимы. Это поразило учёных и вселило в них уверенность, что полёт закончится благополучно.

Потом их начали готовить. Месяцы и годы, расписанные по минутам. Даже редкие часы отдыха были тщательно продуманы учёными. Каждый шаг их был записан в протоколах и актах. Конечно, это делалось незаметно, ненавязчиво, необидно. Вряд ли они сами это знали. Разве что чувствовали.

Я уже давно понял, что они любили друг друга. Но разве можно было из этого вывести, что они должны лететь с радостью? Ведь они должны были лететь на разных кораблях и никогда не покидать их, не встречаться вплоть до посадки на планете Сиреневой звезды. Правда, у них была постоянная видео- и звукосвязь...

Стоп!.. Вот что пришло мне в голову. Они никогда не были одни. Что-то в этом заключалось... Да. В записях распорядка их поступков и действий был один пробел. Всего на несколь-

ко часов, когда им удалось запутать, отвлечь опекунов. Это было... было... Да, я знаю, где это примерно было.

И снова я вызвал авиетку и полетел на заросший ивняком берег таёжной речушки. А там я долго стоял над водой, крепко держась за гибкий ствол.

Они не вернулись на Землю. В этом был какой-то абсурд. Это было невозможным, нечестным, дурацким. Я даже не мог придумать этому слов. Их корабли нашли в тысяче световых лет от Земли. Они не дошли до своей цели. «Нежность» была изуродована неведомой ужасной силой. И она была мертва. «Мысль» была изуродована меньше. А его на корабле не нашли. Он вышел спасать её и не вернулся.

Они были первыми, и им необходимо было поставить памятник, созданием которого я и занимался.

Я стоял над рекой и думал. Почему я всё время хотел запечатлеть вершину их славы, их почитания? Не потому ли я не могу удержать мыслью эти картины даже на мгновение? Значит, не это было главным в них. Не подвиг, не слава. Это вообще поверхностное выражение поступков и стремлений человека.

С площадями и аллеями космолётчиков я покончил навсегда. Там они не согласятся стоять.

Вот здесь, где-то рядом, они были вместе. Сказал ли он ей, что любит её? Или это сказала ему она? Было тихо, очень тихо, и чуть слышный плеск волн и шелест листьев на ивах только усиливали эту тишину, это молчание.

Я стоял и видел, как шли они по траве, с удивлением вслушиваясь в этот прекрасный и молчаливый мир. Это было впервые, далеко от всех людей. И он бережно обнял её за плечи, а она прижалась к его груди. Они молчали.

Я мог, как хотел, приближать эту картину к себе. Мог видеть их фигуры, лица и глаза. И если они даже не смотрели друг на друга, они всё равно взглядом тянулись друг к другу.

Молчание.

Они ничего не говорили. Это было молчание, которое красноречивее слов. Они всё, всё, всё сейчас говорили друг другу этим молчанием. В эти минуты для них ничего в мире не существовало, кроме них самих. И его руки, ласково, но неумело, ещё по-мальчишески, обнимающие её плечи... И её грудь, трепетно и нежно прижавшаяся к нему... И волнение лиц, движение бровей, взмахи ресниц.

Они впервые были одни, и знали, что это ненадолго, возможно, единственный, последний раз. Только там, на планете Сиреневой звезды, они снова смогут взять друг друга за руки. Память о шумной, на людях, жизни, мысли о предстоящем одиночестве прижимали их друг к другу всё теснее.

Картина удерживалась легко, без всякого напряжения. Значит, в ней не было лжи, значит, такими и были эти их минуты, пусть не в деталях, но в главном. Здесь начиналась моя работа. Я мог остановить эту неосязаемую ещё картину в любой миг, потом добавить детали, увеличить размеры. Я мог сделать скульптуру величиной с Эйфелеву башню, если её захотят поставить на огромной площади. А потом бы я сделал постамент и написал на его необычных формах: «Мысль» и «Нежность». И так бы они и остались на века, осязаемыми, в камне или металле, знакомые миллионам людей, чуточку непонятные, потому что ведь для всех они были героями, а я хотел сделать их людьми, обыкновенными, простыми, как все другие, как ты да я, как целующиеся на другом берегу мальчишка и девчонка.

Меня могли и не понять. Но это была правда. Эти минуты, это удивительное молчание составляли всё существо их жизни. Я сделаю модель, покажу её специалистам, пусть спорят, доказывают — у меня перед ними преимущество. Я понял их души, и никто, кроме меня, не сможет удержать картину своею мыслью, если только она не совпадёт с моей. Никому не удастся сделать их только героями, потому что главным в них была любовь. Любовь друг к другу, а через неё ко всем людям, ко всей Земле. И пусть они уходили одни, своею любовью они уносили с собой всю Землю.

Молчание...

Они спустились к реке. Он сел на корявое, выброшенное на берег волной бревно, а она опустилась с ним рядом, положила голову на его колени и протянула вверх руки к его лицу. А он нагнулся над ней.

Это был тот миг! Я понял. Я уже ничего больше не хотел изменять. Пусть всё будет так!

Без этого молчания им не вынести и месяца дороги. Без этого молчания они погибли бы. Без этого молчания они не выдержали бы взлёта. А если бы и взлетели, то уже сломленными и покорёнными.

Так, так, всё так! Сейчас в этом молчании, в этих поднятых кверху её руках, в его склонившемся над ней лице начинала рождаться их слава. Не нужно славы. Пусть будут людьми. Пусть любят друг друга.

Я остановил картину...

Я учился. Я создавал скульптуры и раньше. Теперь я мог превратить эту картину в нечто осязаемое, в скульптуру. Я так и сделал.

Я устал. Всё-таки у мыследелов ужасно тяжёлая работа. Я больше не глядел на них. Да. Я сделал свой шедевр. Я понимал это. Ни раньше, ни позже я не делал и уже не сделаю

такого. Словно тяжесть свалилась у меня с души. Стало легко, но не совсем, не так, как раньше, не полностью.

Тут дело было уже не в ошибке. Тут было что-то другое. Я бросил сигарету и подошёл к ним. Всё было так, как я хотел. Я ласково потрогал скульптуру. Счастье и мука были в её глазах. Счастье, горечь и растерянность — в его.

Нет, я правильно схватил миг. На них будут смотреть и плакать. Люди увидят гораздо более важное, чем геройство и подвиг. Они увидят боль, в которой ещё только рождается их будущее, их слава и смерть... И молчание. Это тоже правильно. Ведь, по сути, они говорили с собой только в эти минуты молчания.

Они молчали тогда, молчат и сейчас. Они будут молчать всегда. Тысячи поколений людей будут рождаться, проходить возле них и умирать, а они всё будут молчать, как тогда. Молчать...

Я сел на бревно. Я мог сейчас разрушить эту скульптуру, а дома в своей мастерской воспроизвести вновь. Так я делал всегда. А сейчас не мог почему-то. Я знал, что всё сделал правильно, но не мог показать её людям. Слишком живыми сейчас были они для меня. И потом — эти тысячи лет молчания. Их молчание тогда было прекрасным, потому что оно было неожиданным, потому что оно длилось недолго, потому что впереди всё-таки что-то было. А теперь? Тысячи лет молчания!

Нет! Её нужно было разрушить. Но я не мог.

Её нужно было показать людям. Но и этого я не мог сделать.

А третьего пути не было. Вернее, был, но он запрещался. После этого я уже не был бы мысследелом. Я не имел права это делать. Нужно было посоветоваться хотя бы с Островым. Но это всё равно означало отказ.

Я сидел возле них, которые улетели когда-то на «Мысли» и «Нежности» и не вернулись, и курил, пока не кончились сигареты. И солнце уже начало цепляться за верхушки деревьев. А я всё ещё ничего не мог решить. И вдруг солнце под каким-то странным углом осветило её, и в глазах девушки я увидел слёзы. С этими слезами скульптура была ещё прекраснее, ещё невозможнее. Я онемел, внутренне сжался, надеясь, что солнце сейчас уберёт свой световой эффект. А слеза вдруг покатилась вниз... Я потрогал лицо девушки рукой: слеза была настоящая, солнце здесь было ни при чём.

И тогда я встал, оглядел их ещё раз и сказал: «Ну что ж, живите...» — и пошёл к своей авиетке, но не сел в неё, а лишь вызвал по каналу связи Острового.

— Ну, что у тебя? — спросил он. — Что-нибудь получилось?

— Получилось, — сказал я. — Вот что... Я больше не скульптор, я больше не мысследел. Я разрешил им... жить.

— Ты с ума сошёл! Ты нарушил клятву! Что теперь будет?

— Со мной будет то же, что и с другими скульпторами-мысследелами, которые преступили закон.

Я закрыл колпак авиетки. Авиетка была мне больше не нужна. Я пошёл напрямик, куда глядели глаза, внушая себе, что оглядываться нельзя. Но не вытерпел и оглянулся. Они стояли у самой кромки воды, обнявшись. Отсюда я уже не мог слышать, говорят ли они, или молчат, да это мне и не нужно было знать.

Сумерки упали на лес, а я всё шёл, и идти мне было легко, и хотелось идти.

И молчание было вокруг меня.

Настройщик роялей

Его звали просто настройщиком роялей. Никто не знал, сколько ему лет, но все предполагали, что не менее ста; а ребятишки были уверены, что ему вся тысяча, такой он был сухой, сморщенный и старый.

Он появлялся в чьей-нибудь квартире часов в десять утра с небольшим чемоданчиком в руке и долго не мог отдышаться, даже если надо было подниматься всего на второй этаж. Его сразу же приглашали пройти в комнату, предлагали стул, заботливо спрашивали, не налить ли чаю, потому что настройщики на вес золота, ведь инструментов нынче стало много, чуть ли не в каждой квартире, а настройщиков нет.

И вот он сидит в чисто прибранной комнате, делая частые неглубокие вдохи, покорно дожидаясь, когда сердце перейдёт с галопа на неторопливый шаг, и молчит. Он не произносит ни слова. И седенькой старушке, которая до сих пор с опаской обходит пианино, приходится говорить. Она знает, что раз пришёл настройщик роялей, значит, надо говорить об инструменте. Она с радостью поговорила бы о чём-нибудь другом, например, о погоде, о том, что в прошлом году грибов «пропасть сколько было», или о том, что последнее время сильная ломота в ногах, но положение обязывает говорить только о пианино.

— Вот купили эту роялю. Говорят, дочка пусть учится играть. Ей и было-то три года, а уж деньги копить начали. Теперь-то, говорят, в кредит можно купить. Ну да ведь не знаешь, что завтра будет. Купили, и хорошо. Слава Богу! Танюша уже второй класс кончает. И играет. Придёт со школы и за неё, значит, за пианину эту. Понимает уже всё. И по нотам разбирается.

Старушка смолкла, ожидая, что заговорит настройщик роялей, но тот не произнёс ни слова. И когда молчание стало слишком затягиваться, снова заговорила:

— С матерью, с дочкой, значит, моей, они по вечерам сидят. Бренчат, бренчат. Хорошо получается. Особенно эти... этюды. И отец тоже сядет где-нибудь в уголке и слушает. Молчит и слушает. А потом расцелует обеих, а сам чуть не плачет. Их-то ведь ничему не учили... Время такое было.

Настройщик слушал и иногда молча кивал головой, чему-то улыбаясь.

— Вот я и говорю, — снова начала старушка. — Инструмент, он порядку требует, присмотру. Настроить там или ещё что. Я сейчас... — И она поспешно ушла в спальню, покопалась

там с минуту, вернулась назад и поставила на столик рядом с пианино маслёнку от швейной машины.

Настройщик по-прежнему молчал, загадочно улыбаясь. Старушка озабоченно огляделась вокруг. Может, ещё молоток нужен? Спросить, что ли?

— Так, значит, Танюша в час придёт? — вдруг звонким мальчишеским голосом спросил настройщик, так что старушка чуть не ойкнула от удивления. Ведь она ему об этом ничего не говорила...

— В час... в час...

— Ну так я в час и зайду! — весело и громко сказал настройщик.

— Как же, — забеспокоилась старушка. — А посмотреть хоть? Может, ремонт ему какой... Да и тише сейчас. Никто не мешает.

— А мне никто не мешает! Как же я без Танечки буду его настраивать?! Ничего не выйдет! Совершенно ничего!

— Ну, ну, — оторопело сказала старушка. — Молоток-то у нас есть, вы не беспокойтесь.

— А я пока пошёл дальше, — сказал настройщик, взял свой чемоданчик и вышел из квартиры.

На лестничной площадке он немного постоял и решительно позвонил в соседнюю дверь.

Его встретила полная высокая женщина в тяжёлом расшитом павлинами халате, в замшевых туфлях с загнутыми вверх носками и с огромной бронзовой брошью на груди.

— Вам кого? — деловито и громко осведомилась она.

— Я настройщик, — тихим усталым голосом отрекомендовался старик.

— А! Наконец-то. Проходите. Терпенья уже от соседей не стало. Ноги об коврик вытрите. Снимать-то ботинки всё равно не будете. Проходите вот сюда. Садитесь на этот стул. Пианино у нас чешское. Тыщу рублей вбухали. А оно и играть-то не играет.

Настройщик поставил чемоданчик на пол и осторожно опустился на стул, словно тот мог не выдержать его иссохшее тело.

Хозяйка квартиры подошла к пианино, открыла крышку и стукнула пятернёй по клавишам.

— Слышите? Оно и не играет совсем.

Настройщик повернулся к инструменту одним ухом, словно прислушиваясь.

Женщина ещё раз стукнула пальцами по клавишам и извлекла из инструмента какой-то сумасшедший аккорд.

Настройщик всё так же молча продолжал сидеть на своём стуле.

— Что же вы? — загремела хозяйка. — Пришли, так работайте. Или вам тоже стаканчик водки надо? Нет уж! Приходили тут батареи промывать, так сначала им водки надо. А после них ремонту на тридцатку пришлось делать. Водки не дам, и чаю сразу не дам. Сделайте, а потом чаи гоняйте... Что же вы сидите?

— Кто у вас на нём играет-то? — осторожно спросил настройщик.

— Я играю. А вообще-то для Коленьки купили. А вам-то что до этого?

— Нужно, — твёрдо ответил настройщик.

— Коленька, — позвала женщина. — Иди сюда. Уроки потом сделаешь.

Из комнаты вышел мальчишка лет десяти и, глядя куда-то в сторону, поздоровался.

— Не хочешь играть? — вдруг спросил его настройщик.

— Не хочу! Не хочу и не буду! — скороговоркой ответил мальчишка и испуганно посмотрел на мать.

Та погрозила ему кулаком и строго выговорила:

— Мал ещё: хочу, не хочу. Что скажу, то и будешь делать.

— Коля, сыграй мне что-нибудь, — попросил настройщик. — Просто так, как будто для себя. А я послушаю, что у вас с вашим инструментом.

Мальчишка насупился, но всё же сел за пианино и сыграл этюд Черни.

— Вы слышите, как тихо играет, — сурово сказала Колина мама. — На третьем этаже уже ничего не слышно. За что только деньги берут?

— А мне в школе сказали, что у меня слуха совершенно нет, — объявил Коля.

— Не твоё дело, есть или нет, — отрезала мама.

Настройщик подошёл к пианино, и Коля поспешно уступил ему место. Старик ласково пробежал по клавишам пальцами обеих рук и осторожно погладил полированную поверхность.

— Хороший инструмент. Почти совершенно не расстроен.

— Так ведь играет тихо, — забеспокоилась хозяйка. — Соседи играют — у нас всё слышно. Мы играем — им хоть бы хны. Ни разу не пришли, не сказали, что мы им мешаем. А мне чуть ли не каждый день приходится стучать в стенку. Телевизор не посмотришь... Сделайте, чтобы играло громко. Чтобы на всех этажах слышно было.

— Понимаю. Это пустяковое дело, — сказал настройщик.

— А сколько берёте? — подозрительно спросила Колина мама.

— Я беру десять рублей, — твёрдо ответил настройщик.

— За пустяковое-то дело?

— Кому пустяковое, кому — нет.

— Ох уж с этими халтурщиками спорить! Всё равно вырвут.

— Я настройщик роялей, — твёрдо сказал старик.

— Господи, да заплачу я. Сделайте только всё, чтобы как гром гремел.

— Сделаем. Так, значит, Коля, ты не хочешь играть на пианино?

— Нет, — ответил мальчишка, глядя в угол.

«А слуха у сорванца действительно нет. Да и у матери тоже», — отметил настройщик.

Он снял с пианино передние стенки, верхнюю и нижнюю, вытащил из чемоданчика инструменты, всякие молоточки, ключики, моточки струн, и с час провозился с инструментом, ни на кого не обращая внимания и прослушивая его, как врач больного. Потом он поставил стенки на место, закрыл чемоданчик и сказал:

— Готово. Можете проверить.

Хозяйка недоверчиво подошла и долбанула по клавишам пухлой пятернёй. Раздался ужасающий грохот, в окнах зазвенели стёкла, и с телевизора упала фарфоровая статуэтка купальщицы.

— Ну, теперь они у меня попляшут! — грозно сказала женщина. — Коленька устанет — сама садиться буду. А ну, сынуля, садись. Посмотрим, долго ли они выдержат.

Мальчишка, чуть не плача, сел за пианино, и квартира снова наполнилась неимоверным грохотом.

— Прекрасно, — сказала Колина мама и выдала настройщику десятку.

Тот не торопясь положил деньги в потрёпанный бумажник и взялся за чемоданчик. Лишь только он переступил порог квартиры, как гром сразу же смолк. Настройщик на всякий случай переступил порог в обратном направлении и удовлетворённо улыбнулся. В квартире грохотало пианино и дребезжали стёкла. Но только в квартире. Сразу же за её пределами стояла глубокая и приятная тишина.

Настройщик знал своё дело.

Он поднялся на третий этаж и позвонил в дверь, из которой доносились нестройные звуки пьяного квартета. Здесь всё ещё праздновали затянувшийся день рождения.

Дверь открыл глава семьи, нетвёрдо держащийся на ногах, но очень вежливый и нарочито подтянутый.

— Папаша, проходите. Мы вас ждали. Шум сейчас мы устраним. Не хотите ли стаканчик за здоровье моей любимой дочери? Впрочем, пардон-с. Бутылки пусты. Но это мы вмиг

организуем. Садитесь за стол. Это моя жена. Это не то брат жены, не то дядя. Чёрт их всех запомнит! Его драгоценнейшая супруга. А это моя Варька. Что за чёрт! Варька, ты где?

Не то дядя, не то брат жены оторвал голову от тарелки с салатом из ранних помидоров, осоловевшими глазами посмотрел вокруг и сказал:

— Я тебя знаю. Ты у меня на барахолке мотоцикл купил.

— Молчал бы! — прикрикнула на него жена. — Какой мотоцикл? У тебя и велосипеда-то никогда не было. — И она осторожно бумажной салфеткой сняла со лба мужа кольца тонко нарезанного репчатого лука.

— Варька! — зычно крикнул отец. — Иди сюда. И сыграй нам на пианино... Три этюда... Три этюда для верблюда... — пропел он и вдруг захохотал, а за ним и все остальные. — Она у меня талант! Её на конкурс хотят послать. Талант, а для отца и гостей не заставишь сыграть! Варька! Ну, Варюшенька, сыграй нам.

— У тебя дочь играет, — вдруг обрёл дар речи не то брат, не то дядя, — а у меня машину спёрли. — И он скривил губы, как бы собираясь заплакать.

— Ну что мелет человек, — начала успокаивать его жена. — Какой автомобиль? У тебя и велосипеда-то никогда не было.

— Варюшенька, — позвала мать, накладывая себе в тарелку тушёной капусты, — сыграй, доченька. И дедушка послушает.

В дверях показалась девочка. Вид у неё был сердитый и вызывающий.

— Чего вам надо! Орёте второй день, а я вам играй! Всё равно ничего не понимаете.

— А я говорю: играй! — приказал папа.

Настройщик вдруг понимающе подмигнул девочке, и та прыснула в плечо от смеха. Потом села за пианино и отбарабанила что-то совершенно непонятное и наверняка никому до этого не известное.

Папа, мама и гости зааплодировали, а дядя-брат сказал:

— Я всегда плачу, когда мотоцикл завожу.

— Молчал бы уж, — вспылила его жена.

— Варька у меня талант, вон как отчебучила! — похвастался папа.

— Доченька, сыграй для гостей ещё что-нибудь, — попросила мама.

— А водочки-то тю-тю, нету, — сказал вдруг настройщик, и все забыли про музыку.

— Это мы сейчас сообразим, — уверил папа, и через минуту папа и дядя-брат устремились в магазин.

— Нельзя их одних отпускать, — сказала мама, и обе женщины бросились за мужьями.

— А теперь мы посмотрим, что случилось с нашим пианино, — довольным голосом сказал настройщик. — И мешать нам никто не будет.

— Да, не будет! Сейчас вернутся и затянут: «Скакал казак через долину».

— Не вернутся. Они дверь не найдут.

— Правда, не найдут? Вот здорово! — сказала девочка. — Всегда бы так.

— Так и будет. Как только они тебя заставят играть, сразу же всем понадобится за чем-нибудь выйти, а дверей, чтобы вернуться назад, они не найдут, пока ты их не захочешь впустить.

— И я буду играть одна?

— Одна. Никто тебе не помешает.

— Спасибо, дедуля, спасибо! — Девочка бросилась на шею настройщику роялей, так что тот едва устоял на ногах. — Я бы их совсем не пустила и всё время играла.

— Как захочешь, так и будет, Варюшенька. А теперь давай вместе возьмёмся за него. А?

— Давайте.

Через час пианино было настроено, и старик, устало закрыв глаза и чему-то улыбаясь, слушал странную и смелую музыку. Варенька импровизировала.

Потом они сжалились и впустили гостей в квартиру. Настройщику было выдано десять рублей, и он осторожно положил десятку в потёртый бумажник. Девочка не отходила от старика и всё время повторяла:

— Я ещё хочу вас видеть.

А папе снова захотелось, чтобы дочь сыграла для гостей. Варенька сразу согласилась и заговорщицки подмигнула настройщику. Тот тоже хитро сожмурил глаз, так что лицо его стало похоже на сморщенное яблоко.

— Варенька, отчебучь! — приказал папа.

— Я тебя знаю, — сказал не то дядя, не то брат.

— С огромнейшим удовольствием, — по-взрослому сказала девочка и взяла аккорд.

— А пивка-то не взяли, — встрепенулся папа. — Пойдёмка, пока магазины не закрыли.

Мужчины чуть ли не бегом выскочили на лестничную площадку.

— Опять квартиру не найдут, — заволновалась мама. — Надо проследить. — И обе женщины вышли тоже.

— Вот здорово! — закричала в восторге девочка. — Приходите ко мне ещё, дедуля. Я так хочу вас ещё видеть!

— Приду, Варюшенька, приду, — сказал настройщик роялей, подмигнул и вышел за дверь. Здесь он несколько минут постоял, слушая, как девочка переносит в музыку свою маленькую, чистую и уже такую сложную душу. А во дворе препирались папа и мама, которые никак не могли найти свою квартиру.

Настройщик знал своё дело.

Было пять минут второго, и настройщик роялей снова спустился на второй этаж, где жила Таня. Она уже пришла из школы.

— Здравствуй, Танечка, — мальчишески звонким голосом сказал сморщенный старичок.

— Здравствуйте, — ответила девочка. — Вы настройщик роялей? И вы настроите моё пианино? У него «ля» в третьей октаве расстроено, и «ре» в контроктаве западает.

— А мы его вылечим. У тебя хорошее пианино.

— Да вы садитесь, — засуетилась бабушка. — Отобедайте. Ведь время уже.

— Обед подождёт, — ответил настройщик. — Сначала мы займёмся лечением. А ещё раньше ты, Танюша, сыграешь. Я сяду вот сюда, в уголок, и меня совсем нет. Никого нет. Играй.

Девочка нерешительно перебирала ноты, не зная, что выбрать. Выбрала седьмую сонату Бетховена. Эту сонату играют редко, но настройщик роялей знал всё. Он много раз слышал её. И в какой раз он подивился тому, как дети чувствуют музыку, как переживают её, страдают и радуются вместе с ней. Безошибочно, но каждый по-своему.

Девочка кончила играть и сказала:

— Я очень люблю играть, когда меня слушает папа. Он как-то очень странно слушает, словно помогает мне. И ещё я люблю играть с мамой в четыре руки.

«Да, — подумал настройщик роялей. — Здесь работы совсем мало. Настроить «ля» в третьей октаве да подтянуть «ре» в контроктаве».

И всё же он провозился целый час.

В это время пришёл на обед папа, на цыпочках прокрался к дивану, взял в руки книгу, но так и не перевернул ни одной страницы.

А настройщик, закончив работу, сложил инструменты в потрёпанный чемоданчик и сказал:

— А теперь, Танюша, проверь, так ли я настроил твоё пианино.

Девочка села, и по мере того как она играла, лицо папы меняло своё выражение. Сначала на нём было что-то недоверчивое, потом лицо выразило удивление, затем самый настоящий испуг, и наконец восторг и растерянность.

— Что вы сделали? — тихо спросил он у настройщика. — Она так никогда ещё не играла. Девочка вообще так не может играть. Ей ведь всего десять лет. Что вы сделали?

— Я настроил пианино вашей дочери, — скромно ответил старик.

— Но... но это что-то невозможное. Она чувствует музыку лучше, чем я. Ведь она ещё совсем ребёнок.

— Она действительно чувствует музыку лучше, чем вы, хотя вы тоже чувствуете её прекрасно. Об этом мне рассказала сама Танюша.

В это время пришла на обед Танина мама, и девочка бросилась ей на шею, рассказывая, как дедушка настроил ей пианино.

А папа сказал маме:

— Послушай её. Это что-то невероятное. Таня так сейчас играла! Так прекрасно и необычно, что даже страшно становится.

— Ты что-то путаешь, — сказала мама. — Если прекрасно, то не может быть страшно.

— Но она никогда не играла так раньше.

— Это дедушка так настроил моё пианино, — гордо сказала Таня и запрыгала по комнате, таким образом, по-видимому, выражая свой восторг.

— Да, — застенчиво сказал настройщик. — Я просто настроил пианино в унисон с восторженной душой вашей дочери.

Бабушка незаметно убрала маслёнку от швейной машины и пригласила всех к столу обедать, но настройщик выпил только стакан молока, он спешил в следующую квартиру.

Папа смущённо протянул ему десять рублей и сказал, что расплачиваться рублями за такую работу просто неудобно. Не может ли он ещё что-нибудь сделать для настройщика?

— Вы и Танечкина мама сделали для меня и так очень много, — ответил сморщенный старичок.

Настройщик осторожно положил деньги в потёртый бумажник и откланялся, улыбнувшись на прощанье Танюше.

Не успел он выйти за дверь, как девочка бросилась к своему пианино, раскрыла ноты и заиграла. Папа был уже немного подготовлен, а маме пришлось вцепиться в подлокотники кресла так, что у неё побелели ногти. Потом она посмотрела на папу, тот почувствовал её взгляд и повернулся к ней. Что они говорили друг другу этим взглядом, никто, естественно, так и не узнал.

Наверное, очень многое.

Настройщик знал своё дело.

Он постоял немного перед дверью и поднялся на четвёртый этаж, потом на пятый, затем спустился вниз и зашёл в соседний подъезд. И снова началось его путешествие по этажам.

Часам к семи он устал: годы брали своё; и зашёл в ближайший магазин. Там он купил конфет, а в соседнем магазине — игрушек. А когда он выходил из магазина, его уже ждала толпа ребятишек, и он пошёл с ними на сквер, и там раздал конфеты и игрушки. Он точно знал, кому что нужно дарить. Одним — конфеты, другим — игрушки. Потом он рассказал им смешную сказку и, когда ребятишки начали, перебивая друг друга, пересказывать и показывать её в лицах, незаметно ушёл от них.

Потом ему встретился ещё один магазин, зашёл он и в него. И снова встретил шумную компанию своих бесчисленных друзей-ребятишек, и снова угощал их конфетами, и дарил игрушки, и даже придумал новую игру, такую интересную, что все тотчас же увлеклись ею, а он незаметно ушёл от них.

И вот магазины уже начали закрывать, да и денег к тому времени у него уже не осталось. И теперь он уже не угощал ребятишек, а только что-то тихо рассказывал им, и незаметно уходил, когда чувствовал, что им интересно и без него.

Солнце уже спряталось за дома, а он все шёл, не спеша, слыша иногда музыку пианино и роялей, которые он настраивал. Многим людям настраивал он инструменты, мальчишкам и девчонкам, юношам и девушкам, и даже одной старушке, которая уже двадцать пять лет была на пенсии.

Взрослые звали его просто настройщиком роялей, а дети — дедушкой или дедулей, потому что никто не знал его настоящего имени. И лет ему было, может быть, сто, а может быть, и вся тысяча. Так, во всяком случае, думали ребятишки.

Город мой

С высоты птичьего полёта город был похож на прилавок огромного обувного магазина с расставленными на нём в строгой симметрии серыми стандартными коробками.

По вечерам, когда на него опускались пыльные сумерки, и улицы пустели, казалось, что люди укладывают себя в бетонные упаковки, а блестящие линии уличных фонарей напоминали бесконечный шпагат, во множестве мест туго завязанный на узлы мигающими перекрёстками. Утром призрачные светящиеся нити улиц постепенно размывались и исчезали, и крупнопанельные упаковки, словно облегчённо вздохнув, выпускали из-под своих крыш тысячи горожан, спешащих на работу, озабоченных домохозяек с авоськами и молочными бидонами, тучи вечно взъерошенных ребятишек и косяки стройных девчонок.

В эти нежаркие утренние часы, особенно если ночью шёл освежающий дождь, город словно приподнимался на цыпочках, протягивая к солнцу зелёные ветви своих молодых скверов, бульваров и садов. И тогда пропадало ощущение размеренной серости и нелепости существования города, и город улыбался. Иногда в этой улыбке сквозил восторг, словно он видел себя сильным, красивым и нравящимся людям.

Но скоро трубы фабрик, заводов и электростанции заволакивали голубое небо белесой дымкой и пылью, и город понуро наклонял голову к асфальту, опуская вниз запылённые худые руки, распадался на бесконечный ряд серых бетонных упаковок, стыдясь своей безликости и недоумевая, что заставляет людей плодить штампованные унылые кварталы.

Город знал, что он некрасив и бесформен. Но он был удобен. В квартирах газ и вода, в соседнем доме магазин, через два квартала кинотеатр, в двадцати минутах езды драматический театр и филармония, в пятнадцати километрах тайга, теперь уже просто лес с жестянками, битым стеклом, порезами на деревьях, киосками «Пиво-воды» и прокатными пунктами, но зато и с цветами, лохматыми лапами кедров и капризно изогнутыми ветвями берёз.

Город мучился сознанием собственного несовершенства и неполноценности, но в какой-то мере его успокаивало то, что он всё же нужен людям.

...Виталий Перепёлкин покидал Марград. Он поссорился с ним. Они не поняли друг друга. Виталий Перепёлкин обиделся на город.

— Да я отсюда ползком уползу, с закрытыми глазами, — в какой уже раз говорил он своей жене. — И не расстраивайся ты, Зоя. Усть-Манск ничем не хуже Марграда. Даже во сто раз лучше. Построю там «Падающую волну». А потом ещё и ещё. Представляешь, какая будет красота?!

— Уж я-то представляю, — сухо ответила Зоя.

— Да! Надо же посидеть молча перед дорогой, — вспомнил Виталий и устроился на краешке стула. — Ну что ж, пора. Через месяц получу квартиру в Усть-Манске и приеду за вами.

Из спальной комнаты вышел карапуз лет двух от роду и сказал:

— Папа в командиловку е-е-дет...

Виталий схватил сына в охапку, повертел его в воздухе, поставил на пол, поцеловал жену куда-то в ухо, бодро сказал:

— Ну я пошёл, — потоптался ещё в коридоре, подхватил чемодан, решительно открыл дверь и перешагнул порог.

Пролёт в десять ступенек, всего девяносто ступенек, обшарпанная входная дверь с именами, выведенными неровным детским почерком, куча ребятишек, прокладывающих автотрассу в груде песка, стук домино, «классики» на сером асфальте, завывание саксофона на втором этаже, старушки, серьёзно обсуждающие проблему внучат, верёвки с белыми простынями, аккуратно политые берёзки в палец толщиной.

Перепёлкин дошёл до угла здания и остановился. Не мешало бы купить сигарет, в вокзальном буфете всегда столько народу. Он обогнул дом, выкрашенный зелёной краской, которую наполовину смыло дождями, так что виднелся серый бетон, и повернул по тротуару со стороны улицы в противоположную от вокзала сторону. Здесь, в соседнем доме, был гастроном.

Обрадовавшись тому, что не встретил никого из знакомых и не пришлось объяснять, почему в руках чемодан, он вышел из магазина и не спеша двинулся к вокзалу. До отхода поезда было ещё почти час времени. Ему нужно было пройти три квартала по улице Шпалопропиточной и свернуть направо к Привокзальной площади.

Он шёл, стараясь не думать о городе.

Примелькавшаяся монотонная улица с одинаковыми домами, однообразие которых только усиливала их разноцветная окраска, не привлекла его внимания. Только пивной киоск на углу разнообразил архитектуру улицы. Поравнявшись с ним, он свернул направо, на проспект Рационализаторов, прошёл ещё метров пятьдесят и почувствовал что-то непонятное. Привокзальной площади не было. Вместо неё перед ним стоял дом с гастрономом, откуда он только что, семь минут назад, вышел. А впереди тянулась улица Шпалопро-

питочная с его домом, другими домами и пивным киоском через три квартала.

— Вот так задумался, — негромко сказал он вслух, взглянул на часы и успокоился. Времени было ещё достаточно. — Такой круг дать! Подумать только!

Он снова пошёл вперёд, но теперь, помня, что в раздумье такого маху дал, он с интересом рассматривал свою тысячу раз виденную улицу. С неё всё и началось, когда он проектировал её и вместо стандартного пятиэтажного дома № 93 вписал в улицу дом типа «Открытая ладонь». Ещё в строительном институте придумал он эту «Открытую ладонь», а тут не утерпел и вставил в проект. Проект вернули с шумом и выговором, хотя «Открытую ладонь» можно было сделать из стандартных блоков.

Сейчас, представив на месте дома № 93 свой дом, он признал, что «Открытая ладонь» выглядела бы нелепо среди этих пятиэтажек. И всё же он был не совсем не прав.

Тогда он ещё не знал, что это были его первые шаги в сегодняшнем пути на вокзал.

Около пивного киоска он закурил сигарету, повернул за угол, поднял голову и увидел гастроном. С городом творилось что-то неладное. Теперь-то уж Перепёлкин точно знал, что не сделал никакого круга. Он несколько секунд постоял, растерянно оглядываясь, и повернул назад.

За углом гастронома была улица Шпалопропиточная, а через три квартала виднелся... сам гастроном... Какой-то чёртов круг! Куда ни пойди, везде улица Шпалопропиточная. Перепёлкин решил, что назад идти нет смысла, и повернул около пивного ларька направо.

Перед ним был гастроном, а через три квартала виднелась кучка людей у пивного киоска.

До отхода поезда оставалось сорок минут. Возле магазина было довольно многолюдно, и Перепёлкин чуть было не налетел на инженера Сидорова из своей группы проектировщиков. Сидоров был лет на пять старше Виталия и спроектировал не одну улицу в Марграде. Они поздоровались: Перепёлкин — испуганно, а Сидоров — растерянно, потому что только что вышел из квартиры Виталия. Он не знал, что тот сегодня уезжает, и приходил уговаривать его вернуться в Управление главного архитектора.

— Так-таки уезжаешь? — вымолвил наконец Сидоров.

— Уезжаю! — с вызовом ответил Перепёлкин. — Надоела эта канитель. Не хочет — не надо...

— Кто не хочет?

— Кто, кто! Город! Не хочет быть красивым — пусть таким и остаётся.

— Город-то хочет. Только главному архитектору и в горисполкоме надо доказать.

— Так ведь пять лет уже доказываем! — сказал Перепёлкин и, спохватившись, что сказал не то слово, поправился: — Доказывали то есть.

— Нет, не доказывали! — вспылил Сидоров. — Доказываем! Доказываем, и докажем! И Марград станет красивым!

Перепёлкин ничего не ответил и переложил чемодан из одной руки в другую.

— Значит, уезжаешь? — снова спросил Сидоров. — А я ведь у тебя сейчас был. Не знал, что ты так скоро.

— Я вот сегодня подумал, — сказал Перепёлкин, — в жилом доме типа «Кленовый лист» у нас планировка двенадцатого этажа всё никак не получалась изящной. Надо бы на пять сантиметров поднять потолок и поставить «летающие» перегородки.

— Так ведь кто-то предлагал уже...

— Кто-то! Ты и предлагал. Всё так и надо сделать, и тогда «Кленовый лист» вырвется на простор.

— Тебе-то что до этого?

— Ах, да. Ты извини меня. Опаздываю я.

— Не вернёшься?

— Ни за что на свете. — Но в его голосе не было железной уверенности. — Пусть Марград таким и остаётся, если ему это нравится.

— Вернёшься — я тебя к себе на работу не возьму. Учти, — предупредил Сидоров своего бывшего начальника и ушёл не попрощавшись.

Перепёлкин снова переложил чемодан из одной руки в другую, но не успел сделать и десяти шагов, как из магазина слегка навеселе вышел двоюродный брат его — Сметанников.

— А, Виталька, чёрт! — заорал он. — Давай-ка по стаканчику!

— Понимаешь, Петя, — ответил Перепёлкин, — мне на вокзал надо. Времени уже осталось мало.

Оба стояли, не зная, что ещё сказать друг другу. Потом Перепёлкину вдруг пришла в голову мысль.

— Послушай-ка, Петя, может, ты проводишь меня до вокзала? А?

Сметанников на секунду задумался, достал из кармана мелочь, пересчитал её и твёрдо произнёс:

— Провожу.

Перепёлкин уже начал понимать, что одному ему за этот злополучный угол не повернуть. И он решил, как только они подойдут к нему, вцепиться в локоть своего двоюродного

брата, закрыть глаза и таким образом прорваться наконец к вокзалу. Сметанников начал что-то рассказывать Перепёлкину, но тот слушал его очень невнимательно, лишь иногда невпопад вставляя слова: «Да, да. Угу».

Сколько ночей они просидели всей группой, реконструируя на бумаге Марград и застраивая его новые кварталы. Прекрасный город получался у них. В Москве даже удивлялись. И в самом Марграде вроде бы одобряли. Но дальше этого не шло. Каждая квартира в доме типа «Открытая ладонь», «Планирующая плоскость», «Голубая свеча», «Кленовый лист», «Падающая волна» и других стоила на пять процентов дороже обычной, стандартной. А где их взять, эти пять процентов?

В Марграде строился новый дизельный завод, и нужны были тысячи квартир. Срочно, немедленно. Тут уж было не до «Кленового листа». Всегда так. Сначала хоть что-нибудь, а потом уже получше, но снося это самое «что-нибудь». Перепёлкин доказывал, что через десять лет всё равно придётся сносить эти серые уродины, и тогда уже государство пятью процентами не обойдётся. С ним соглашались, но говорили, что это ведь будет всё-таки через десять лет, а не сейчас. А квартиры нужны сейчас. А пять тысяч семей, живущих в старом Марграде в подвалах и полуподвалах? Им сейчас не до «Планирующей плоскости».

Пять лет Перепёлкин бился и доказывал, а теперь вот уезжал в Усть-Манск, потому что там решили строить новый жилой район из домов типа «Башня» и «Нож». Это, конечно, не «Кленовый лист», но всё же близко. И потом, может быть, со временем удастся выстроить и «Открытую ладонь».

Перепёлкин устал убеждать, и теперь уезжал из Марграда, как уходят в гневе и обиде от близкого человека, не понимающего тебя, чтобы через мгновение одуматься и с болью признать, что возвращение уже невозможно.

До пивного киоска оставалось шагов тридцать. Перепёлкин вцепился в своего двоюродного брата железной хваткой. Тот что-то напевал, попутно давая пояснения. И в это время Сметанников увидел свою жену. И Перепёлкин увидел её. И она увидела их обоих, причём значительно раньше, потому что стояла в позе полководца, широко расставив ноги и уперев двухкилограммовые кулаки в бёдра.

Сметанников только присвистнул, вырвался от Перепёлкина и опрометью бросился в обратную сторону. Его жена тоже взяла с места в карьер. Свирепый ветер чуть не опрокинул Виталия на асфальт. Осторожно, как в полусне, дошёл он до поворота. За углом снова был гастроном и улица Шпалопропиточная.

Перепёлкин стиснул зубы. До отхода поезда оставалось двадцать минут. Мимо него, как пуля и пушечное ядро, пронеслись Сметанников и его жена. С одного взгляда можно было понять, что Сметанников не продержится в лидерах и двадцати секунд.

Перепёлкин увидел свободное такси и выбежал на дорогу.

— На вокзал, опаздываю! — взмолился он.

— Садись, — открыл дверцу таксист.

Машина лихо развернулась. Перепёлкин отдышался. Теперь-то уж его не задержит перекрёсток. Такси всё-таки. Каким образом такси может ему помочь, он не понимал, но был уверен, что на сей раз всё кончится благополучно. Таксист включил правый поворот. Перепёлкин зажмурил глаза. Резко завизжали тормозные колодки, таксист выругался. Виталий со страхом открыл глаза. Такси стояло перед гастрономом.

— Не получилось, — прошептал Виталий.

— Что за чертовщина, — выругался шофёр. — Ведь трезвый я.

— Попытайтесь ещё раз, — попросил Перепёлкин.

Такси вывернуло на проезжую часть и снова понеслось к перекрёстку. Перед поворотом таксист сбавил скорость.

Снова визг тормозов. Такси стояло возле гастронома.

— Вы что-нибудь понимаете? — испуганно спросил шофёр.

— Понимаю, — ответил Перепёлкин. — Теперь я всё понимаю.

Он расплатился с таксистом и вылез из машины. Шофёр сидел с побледневшим лицом и тут же отказался везти кого-то в аэропорт.

Теперь Перепёлкин всё понял. Город не хотел отпускать его. Но с какой стати! Он столько лет пытался сделать город красивым, а получал только выговоры и нахлобучки. Перепёлкин снова пошёл вперёд. Он ещё успеет на поезд, надо только поторопиться.

Он шёл и думал, что город напрасно старается его задержать. Он устал, ему всё надоело, а в Усть-Манске он сможет осуществить хоть маленький кусочек своей мечты о прекрасном бело-голубом городе. Отпусти! Остался ведь ещё Сидоров и вся их группа. Пусть теперь они обивают пороги и доказывают. Отпусти! Ему всё равно нельзя возвращаться после того, как он с треском уволился из Управления главного архитектора. Теперь, если и останется, он ничего не сможет предпринять. Ну кем теперь его могут взять на работу? Техником? Инженером? А он и руководителем отдела ничего не смог добиться.

Отпусти!

Чуть не со слезами на глазах Перепёлкин завернул за угол. На Привокзальной площади толкался народ. По проспекту Рационализаторов трезвонили трамваи, старушки продавали пышные букеты цветов. Встречающие и провожающие тащили чемоданы, корзины с овощами и фруктами. Стоял шум и гвалт.

У Перепёлкина захлестнуло сердце. Путь свободен.

Он отдал проводнице билет, вынул из кармана сигарету и закурил.

— Товарищ, проходите, — сказала проводница. — Сейчас трогаться будем.

Он кивнул головой.

— Заходите, — сказал он. — Я, наверное, не поеду.

— Раньше надо было думать, — осуждающе сказала женщина. — Билет-то возьмёте, или как?

Но он уже махнул рукой и пошёл к выходу.

Он успокаивал себя тем, что уедет завтра, ведь надо ещё сказать Сидорову, что в «Кленовом листе» необходимо поставить «летающие» перегородки, иначе получается не совсем то...

Он уже забыл, что говорил об этом Сидорову, и теперь думал о том, что надо хоть на полпроцента снизить стоимость здания. А это значит, снова бессонные ночи, снова идея, которая будет неделями смутно ворочаться в гудящей голове, пока не ляжет на ватман чёткими линиями. Потом он подумал, что придётся ездить в министерство, доказывать свою правоту на конференциях, строить макеты, получать выговоры за расходование рабочего времени не по назначению. Придётся снова сколачивать группу, потому что старая уже начала разваливаться. Только Сидоров держится молодцом.

И ещё — что асфальт надо в городе сделать не серым, а коричневым, с разными оттенками, утопить дома в зелени, и не в обычной, хилой и редкой, а в густой и могучей. А для ребятишек оставить гектары тайги прямо возле домов — с буреломом, колючими кустами, крапивой, ягодами и цветами, которые можно рвать и приносить домой маме. Разрешить пешеходам спокойно ходить по улицам, не оглядываясь по сторонам на перекрёстках. Убрать дымящие трубы. И чтобы из каждого окна открывался вид на бескрайнее море зелени, чтобы город был напоён солнцем и чистым воздухом и можно было в любой час бродить по тихим, приветливым бульварам и проспектам.

Пусть будет проспект Света, переулок Ромашек, бульвар Роз. Он подошёл к своему дому. Уже стемнело. Громкие голоса мам звали ребятишек домой. По столу всё ещё стучали костяшками домино, хотя уже ничего нельзя было рассмотреть. Старушки прощались и всё никак не могли разойтись.

Обшарпанная дверь. Девяносто ступенек вверх.

Перепёлкин открыл дверь своим ключом и переступил порог. В коридор вышла жена и сказала:

— Я поджарила тебе колбасы. Огурцов нарезать?

Он не успел ничего ответить, потому что она обняла его за шею и тихо-тихо рассмеялась. Уж она-то знала, что он никуда из Марграда не уедет.

В домах гасли огни. Город засыпал, только блестящие линии, образованные уличными светильниками, как будто бесконечный шпагат, во множестве мест завязывали его тугими узелками перекрёстков.

Город погружался в ночь, вздрагивая в полусне, вздыхая, что-то шепча на ухо, тихо улыбаясь и ожидая рассвета.

А под утро по улицам Марграда прошёл тихий ласковый дождь...

Вселенная Виктора Колупаева

«Хорошо прожил тот, кто прожил незаметно...». Это выражение Декарта было девизом, кредо всей жизни Виктора Дмитриевича Колупаева. Для писателя-фантаста, замеченного миллионами читателей во всём мире, эта мысль может показаться абсурдной. Но она очень точно отражала стиль и отчасти смысл жизни Виктора Дмитриевича. Слава не вскружила ему голову, он пережил её скромно, незаметно. Интервью давал редко, на газетных полосах и телеэкранах появлялся крайне редко. Если мне не изменяет память, только однажды он появился на экране томского ТВ. И это выглядело так, словно молодая ведущая пытала человека, ничего не понимая в его творчестве, ни даже в жизни вообще. Больше на ТВ писатель не появлялся, категорически отказываясь от всех интервью и ток-шоу. Это не означает, что он не ценил внимание к себе и своему творчеству. Ценил, но только если видел, что перед ним по-настоящему заинтересованный читатель.

Всякий талант многогранен. И многие грани, как правило, остаются невостребованными. Виктор Дмитриевич пришёл в литературу из науки. Но его произведения очень мало или даже совсем не связаны с научно-техническими идеями. Если и присутствует в них что-то техно-футуристическое, то лишь как фон, антураж. Основная, характерная черта всех «доперестроечных» произведений Колупаева — пронзительная лиричность. Причём в первый период творчества (70—80-е годы) это лирика оптимиста, хотя и склонного к сомнениям и раздумьям. В последующих его вещах оптимизма всё меньше. Тут, конечно, не возраст сказывался, а социальный и нравственный надлом, которым сопровождалась новая эра, эра «виртуальных человеко-людей» (термины из последнего романа Колупаева «Безвременье»). В каком-то смысле это «безвременье» 90-х годов его и убило, как заметил его друг, писатель-фантаст Геннадий Прашкевич. Но не одно безвременье, которое принесло с собой не столько радость свобод, сколько горечь национальных конфликтов, неправедную приватизацию, внезапное и массовое обнищание народа. В переломные времена чаще всего науку заменяет лженаука, а искусство — самодовольный китч. А наукой Колупаев занимался до последних дней своей жизни. С каждым годом сфера его интересов ширилась; поиск ответа на вопрос, что такое пространство и время, вёл его сначала к древнегреческим философам, потом к средневековым теологам, труды которых редко попадают в поле зрения учёных (за время работы над своим научным трудом о пространстве и времени Виктор

Дмитриевич законспектировал свыше трёх тысяч научных книг, монографий, статей).

Отвечая в конце 2000 года на вопрос газеты «Томский вестник» — «Назовите самое значительное для человечества открытие прошлого», Виктор Дмитриевич сначала сказал: «Теория относительности Эйнштейна». На другой день позвонил и поправил себя: «Нет, главным открытием была теория «коллективного бессознательного», созданная Карлом Юнгом». То есть вопрос о происхождении времён и вселенных в конце концов привёл его к вопросу: «Кто мы? Откуда мы? Куда мы идём?».

Ещё одна сторона творчества Колупаева — музыкальность. Много лет назад я прочитал один из ранних его рассказов «Настройщик роялей», и музыка, возникшая тогда при чтении, уже не оставляла меня. Даже чисто формально в произведениях Виктора Дмитриевича множество музыкальных ассоциаций, включая названия, например, «Поющий лес». А повесть «Жизнь, как год» — что это, как не прямая перекличка с «Временами года» Чайковского и музыкой Вивальди? У каждого времени года — свой мотив. У каждого периода жизни — тоже. Надо заметить, что Виктор Дмитриевич очень любил и тонко чувствовал музыку. Собрал большую коллекцию грампластинок и магнитофонных кассет. Иногда и сам садился за пианино.

Четвёртая ипостась таланта (после науки, литературы и музыки) — изобразительное искусство. Виктор Дмитриевич часто рассказывал, какие живописные полотна возникают в его воображении, вплоть до мельчайших деталей. Считая, что рисовать не умеет, очень глубоко и тонко разбирался в живописи. И жалел, что ещё не придуман такой механизм, который мог бы воспроизводить то, что рисует воображение.

Возвращаясь к литературе, хочу сказать, что он невероятно точно понимал писательское ремесло. Мог безошибочно определить, что перед ним — литература или очередная виртуальность. В «застойные годы» открыл для себя «Котлован» и «Ювенальное море» Андрея Платонова. Особенно ценил стиль этого самобытного русского писателя. Важно ведь не только что́ написано, но и как это сделано. Малоизвестный тогда булгаковский роман «Мастер и Маргарита» был для него образцом совершенного художественного слова. Актом Словотворения.

* * *

Виктор Дмитриевич Колупаев родился 19 сентября 1936 года на прииске Незаметный (какие удивительные совпадения порой случаются; слово «незаметное» — часто встреча-

ется в произведениях писателя; есть даже персонаж, которого так и зовут — Незаметный — в повести «„Толстяк“ над миром»). Сейчас это город Алдан Республики Саха (тогда — Якутской АССР). Детство провёл в Якутске, затем семья переехала в Красноярск. Из детских воспоминаний: «Я остановился и посмотрел вверх, потом вообще задрал голову, сколько мог. И обомлел. Я не понимал, что произошло. Я вдруг увидел небо объёмным. Одни звёзды были ближе, другие дальше... Они были цветными: голубыми, жёлтыми, красноватыми, почти белыми... Небо было неописуемо красиво и в то же время жутковато своей необъятностью. Я и прежде тысячи раз видел звёзды, они и тогда были красивы. Но в эту ночь в них появился какой-то скрытый и непонятный для меня смысл... Жуткий восторг охватил меня. Восторг и страх перед бесконечностью Пространства и Времени» («Пространство и Время для фантаста»). Редкое признание для человека, который отличался невероятной сдержанностью чувств и скромностью.

В течение многих лет Виктор Дмитриевич работал над научным трудом, посвящённым Пространству и Времени. Когда стало очевидно, что этот труд вряд ли будет опубликован в обозримом будущем, он написал сжатую версию — уже упомянутую книжку. Открытие его труда ещё впереди. Даже я, человек достаточно далёкий от физики и космогонии, понимал, что научные поиски Колупаева имеют огромную ценность. «Сорок два года потребовалось мне, чтобы от первого восторга и благоговейного ужаса перед Пространством и Временем шагнуть к их объяснению, — писал он. — Если же я ошибся, то это самая трагичная, но и самая прекрасная ошибка в моей жизни».

Внешние же события текли, как у многих: школа, переезд в Томск, учёба на радиотехническом факультете Томского политехнического института. Затем работа в специальном конструкторском бюро, на заводе математических машин «Контур»; долгое время — инженер в лаборатории бионики Сибирского физико-технического института (СФТИ). В 1960 году женитьба на Валентине Александровне Калиткиной; вскоре родилась дочь Ольга. В 1982 году он, уже признанный писатель, уходит из СФТИ. Причины — и внешние, и внутренние. Внешние — работа перестала удовлетворять, зато отнимала много времени. Внутренние — Виктор Дмитриевич устал от нервотрёпки, от разногласий с начальством (что такое тогдашние НИИ, можно себе представить, вспомнив «Понедельник начинается в субботу» Стругацких).

«Я понял, — говорил Колупаев, — что такое скорость света, как её измерить, каким образом она связана с Простран-

ством и Временем. Я понял, что такое Пространство и Время. Тотчас же возникло множество следствий. Я уже знал, почему вращаются галактики, почему время течёт из прошлого в будущее, почему причина предшествует следствию, и многое другое. Всё это произошло мгновенно. Примерно то же самое происходило со мной всякий раз, когда в голову приходил сюжет рассказа. Он приходил внезапно. Я чувствовал его в свёрнутом виде. То есть в нём уже было всё от первой до последней буквы... но слов ещё не было. Этот свёрнутый в точку сюжет я носил в голове по многу месяцев или лет, пока не наступала пора слов. Так и здесь. Я знал всё. Но это „всё“ было свёрнуто в точку. Это очень странное состояние. Как будто носишь в себе какую-то радостную тайну...»

* * *

О литературном творчестве Виктор Дмитриевич не помышлял, хотя и «баловался для себя» в детстве и юности. А потом — писатель рассказывал это не раз — его дочка, которой тогда не было и года, произнесла чёткие и странные слова: «Капики, дзяпики, аптека». Виктор Дмитриевич сразу догадался: дзяпики — это родители и гости, аптека означает, что всех надо лечить, а Капики — место, где всё происходит. «И в ту минуту я уже точно знал, что буду писать фантастику и напишу роман «Дзяпики». Вечером сел и написал одну страницу, правда, не романа, а будущей повести, где главными героями стали дзяпики. После этого года четыре прожил спокойно, а потом начал писать фантастические рассказы. Кстати, повесть (а не роман) «Дзяпики» всё же была дописана. Но в советское время оказалась «непроходной» — слишком уж сатирически изображался в ней типичный НИИЧАВО.

Однажды журнал «Техника — молодёжи» объявил конкурс на научно-фантастический рассказ по нескольким рисункам. Колупаев решил попытать счастья — и писал рассказ... девять месяцев! После этого в течение трёх лет он написал более трёх десятков рассказов. «Я года три не посылал никуда свои рассказы, — признавался Виктор Дмитриевич. — Потом их накопилась целая пачка — штук 20. Ну, это было страниц 300... Я посылал их в журнал «Искатель». Потом где-то в это же время был в командировке в Ленинграде. Зашёл в ленинградскую писательскую организацию. Там никого не было, кроме секретарши. Второй экземпляр я там и оставил. Написал на пачке: «Прочтите хоть кто-нибудь», — и уехал.

Первой публикацией Колупаева стал рассказ «Билет в детство» в журнале «Вокруг света» в 1969 году. Позже критик Евгений Брандис рекомендовал рассказы и в другие журналы. В последующие годы книги Виктора Колупаева выходили в

США, Чехословакии и Германии, печатались в различных зарубежных сборниках. На одном из съездов КПСС в отчётном докладе Л. И. Брежнева в разделе, посвящённом культуре и литературе в частности, докладчик перечислил несколько фамилий «лучших советских писателей-фантастов». Среди лучших оказался и Виктор Дмитриевич Колупаев. (Впрочем, партаппарат знал, о чём говорил.) Известно высказывание одного из братьев Стругацких: «Колупаев интереснее, чем Брэдбери».

Но эпоха перемен наступила. И в этой эпохе творчество Колупаева оказалось ненужным. Книг его не стало: их не печатали по причине будто бы отсутствия читательского спроса. Многие из бывших коллег довольно быстро «перестроились» (как, например, Василий Головачёв), уловили веяние времени и принялись гнать «космические оперы». А для редких одиночек, веривших, что литература — это искусство, а не профессия, наступило глухое безвременье. В 1993 году в соавторстве со своим ровесником и старым другом Юрием Марушкиным Виктор Дмитриевич начал писать роман «Безвременье». Издателя на эту необычную, весёлую и в то же время щемяще-безнадёжную книгу не нашлось. В 2000 году книга всё же появилась — «за свой счёт». Тираж её составил 75 экземпляров: на большее «собственного счёта» не хватило. В том же году, на первом фестивале фантастики в Томске «Урания» (организованном стараниями одного из учеников Колупаева Юлия Буркина), Виктор Дмитриевич устроил что-то вроде презентации «Безвременья». И довольно мрачно пошутил:

— Если повезёт, вы и эту книгу не заметите.

* * *

Членом Союза писателей СССР Виктор Дмитриевич Колупаев стал в 1976 году.

В 1987 году он был награждён Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Последним его романом стал нарочито усложнённый, пародийно-философский роман «Сократ Сибирских Афин», написанный, мне кажется, именно так, чтобы ни один издатель, находящийся в здравом уме, не взялся его печатать. Напечатали. Но после смерти.

Виктор Дмитриевич Колупаев умер 4 июня 2001 года от сердечной недостаточности, не дожив трёх месяцев до своего 65-летия.

Два года спустя в серии «Классика отечественной фантастики» (Москва, АСТ; Ермак) вышло переиздание лучших произведений писателя — «Качели отшельника».

Его именем названа улица в посёлке Апрель Томского района Томской области.

Томичам повезло, что Виктор Дмитриевич Колупаев жил и работал здесь. Под его опекой выросла целая «школа молодых» (а теперь уже и немолодых) писателей-фантастов: Татьяна Мейко, Юлий Буркин, Дмитрий Федотов, Александр Рубан... Все мы (автор этих строк тоже прошёл «колупаевскую школу») не похожи друг на друга ни обстоятельствами жизни, ни тем более своим творчеством. И это прекрасно. Это значит, что у нас был настоящий Учитель.

Сергей Смирнов

Содержание

Фирменный поезд «Фомич». 5
Жилплощадь для фантаста 302
Газетный киоск 379
Вдохновение 395
Молчание 405
Настройщик роялей 414
Город мой 423

Сергей Смирнов
Вселенная Виктора Колупаева 431

«Томская классика»

Произведения, включённые в серию, соответствуют трём критериям: содержат местный материал; имеют художественную и общественную ценность; известны за границами области.

1. И. А. Кущевский. «Николай Негорев, или Благополучный россиянин». (Кущевский Иван Афанасьевич (1847—1876) — автор первого «томского» романа «Николай Негорев…», объективно описавший идейный разброд молодёжи 1860-х годов).

2. Н. И. Наумов. Рассказы. (Наумов Николай Иванович (1838—1901) — крупнейший сибирский писатель-народник).

3. Г. Д. Гребенщиков. Рассказы, повесть. (Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1883—1964) — крупнейший сибирский прозаик первой половины XX века; с 1920 г. эмигрант. Автор «крестьянской эпопеи» «Чураевы»).

4. В. Я. Шишков. Рассказы. «Тайга». «Ватага». (Шишков Вячеслав Яковлевич (1873—1945) — классик сибирской литературы. Автор романа «Угрюм-река», экранизированного в 1969 г.).

5. Г. М. Марков. «Строговы». (Марков Георгий Мокеевич (1911—1991) — автор романов, положивших начало традиции «романа поколений». Романы «Строговы» и «Сибирь» экранизированы в 1976 г., «Соль земли» — в 1978 г., повесть «Тростинка на ветру» — в 1980 г., роман «Грядущему веку» — в 1985 г.).

6. М. Л. Халфина. Рассказы. «Мачеха». (Халфина Мария Леонтьевна (1908—1988) — автор произведений о проблемах семьи (повесть «Мачеха» экранизирована в 1973 г., рассказ «Безотцовщина» — в 1976 г.).

7. В. В. Липатов. Рассказы и повести. (Липатов Виль Владимирович (1927—1979) — писатель социальной проблематики (экранизированы повести «Деревенский детектив» — в 1969 г., «Инженер Прончатов» — в 1972 г., «Анискин и Фантомас» — в 1974 г., роман «И это всё о нём» и повесть «И снова Анискин» — в 1978 г., повесть «Ещё до войны» — в 1984 г., роман «Игорь Саввович» — в 1987 г., повесть «Серая мышь» — в 1988 г.).

8. Вл. А. Колыхалов. «Дикие побеги». (Колыхалов Владимир Анисимович (1933—2009) — автор романа «Дикие побеги», показавший объективную картину жизни в послевоенной Сибири.

9. В. Д. Колупаев. Рассказы и повести. (Колупаев Виктор Дмитриевич (1936—2001) — выдающийся писатель-фантаст, «русский Брэдбери».

Литературно-художественное издание
Виктор Дмитриевич Колупаев
Избранное

Редактор книжной серии Г. К. Скарлыгин
Редактор-составитель тома *О. В. Колупаева*
Технический редактор *А. Р. Рубан*
Корректор *И. А. Сердюк*

Издание Томской писательской организации.
Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания».
Подписано в печать 29.04.2014 г. Печать офсетная.
Формат 140×240 мм. Шрифт Cambria.
Усл. печ. л 27,38. Уч.-изд. л. 22,31. Тираж 1 000 экз.